This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Lif-Gardets
Finska Skarpskytte-Bataillons
BIBLIOTHEK.
Finsk Afdelningen.
No 95

~~UNS 154~~

TAYLOR INSTITUTION
DOMINUS ILLUMINATIO MEA

~~Vet. Stav. Per. 2~~
~~Rm. 6 (Window 2)~~
Vet. DK4. S277.085

Digitized by Google

1842

7-8

Digitized by Google

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

—

1842.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

Съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 28 Іюля 1842 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*
Цензоръ *С. Куторга.*

Редакторъ Константинъ Масальскій.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Отдѣленіе I.

Русская Исторія.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ,

РАФАЭЛЯ БАРБЕРИНИ,

ВЪ 1565 ГОДУ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Иностранцевъ не впускаютъ въ свои церкви, развѣ когда перекрестятся въ ихъ вѣру; мнѣ, однако жъ, удалось два раза побывать въ ихъ церквахъ, одинъ разъ днемъ, другой разъ ночью; и увидѣлъ я тамъ, словомъ, всѣ тѣ же обряды и обычаи, какіе видѣлъ въ Греціи въ подобныхъ церквахъ, то есть, свѣчи, лампады, множество иконъ и распятій, но на которыхъ Спаситель пригвожденъ четырьмя гвоздями, то есть, каждая нога порознь. Обрядъ богослуженія совершенно греческій; вся обѣдня, впрочемъ, совершается на природномъ ихъ языкѣ, а при совершеніи даровъ, вмѣсто облатки, употребляютъ

Digitized by Google

хлѣбъ; постятся нѣсколько разъ въ годъ и то со строгимъ воздержаніемъ; во первыхъ, въ нашъ обыкновенный великій постъ, потомъ въ Филипповъ постъ, въ Петровскій, и многіе другіе, которые доходятъ до конца года. Обыкновенно крестятъ своихъ дѣтей, какъ и мы, въ церкви, и тоже съ кумовьями; но, по ихъ словамъ, мы не хорошо крещены, по двумъ причинамъ, въ чемъ и различаются они отъ насъ,—а именно: они не допускаютъ священнику права говорить при крещеніи: я тебя крещаю! но для этого употребляется у нихъ другая формула при семъ священномъ таинствѣ:« Крещается рабъ Божій такой-то, или раба Божья такая-то, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» —Сверхъ-того, они говорятъ, что Христосъ, когда крестился, стоялъ до половины въ водѣ; почему и не довольно окропить голову: нѣтъ, надо, какъ они дѣлаютъ, три раза всего младенца погрузить въ воду, потомъ обходятъ вокругъ купели, со свѣчами въ рукахъ, приговаривая нѣкоторыя слова, и со святымъ элеемъ кладутъ крестныя знаменія на многихъ мѣстахъ тѣла младенца, даже подъ пятами, причемъ, однако жъ, не употребляютъ соли.[5]

Народъ этотъ когда женится, беретъ себѣ только одну жену, и если она умретъ, могутъ вторично жениться; (здѣсь разумѣется о мірянахъ, по тому-что о бѣломъ духовенствѣ и монахахъ будетъ говорено ниже); и такъ возвращаюсь къ мірянамъ: когда случится, что мужъ и жена, оба согласны развестись и покинуть другъ друга, въ такомъ случаѣ соблюдается у нихъ слѣдующій обычай: оба идутъ къ текучей водѣ, мужъ становится по одну сторону, жена по другую, и взявъ съ собою

[5] Здѣсь Барберини говоритъ о Святомъ Крещеніи, имѣя въ виду обряды римскокатолическаго вѣроисповѣданія, гдѣ допускается одно поливательное крещеніе, и притомъ очевидно, что онъ не зналъ обрядовъ грековосточной Церкви, когда говоритъ такъ о православномъ крещеніи и муропомазаніи.

Digitized by Google

кусокъ тонкаго холста, тутъ тащатъ его къ себѣ, каждый за свой конецъ, и раздираютъ по поламъ, такъ что у каждаго въ рукахъ остается по куску; послѣ чего расходятся оба въ разныя стороны, куда кому вздумается, и остаются свободными [6]. Есть еще у большей части этого народа обычай, что когда замѣчаютъ жизнь свою въ опасности и уже не надѣются спастись отъ смерти, поступаютъ въ монахи и отпускаютъ отъ себя жену; если же потомъ и случится, что оживутъ и оправятся отъ своей болѣзни, все-таки должны уже, хотя не хотя, остаться на всю жизнь въ монашествѣ, а жены ихъ ищутъ своей доли; [7] услышавъ объ этомъ, я чуть было не расхохотался: мнѣ пришло на умъ, что если бы такой обычай завелся и у насъ, то знаю одного пріятеля, который нарочно прикинулся бы больнымъ, и рѣшился бы навсегда остаться монахомъ, лишъ бы только освободиться ему отъ своей жены! — Монаховъ у нихъ множество, и всѣ они одного ордена, по греческому обычаю; но уже монахи эти не могутъ жениться; равнымъ образомъ, есть у нихъ и монахини, которыя ходятъ почти въ такой же рясѣ, какъ и монахи; хотя многія изъ нихъ весьма богаты, но есть, однако жъ, и такія, что даже по необходимости, а не по обѣту, живутъ однимъ подаяніемъ. Священники (бѣлое духовенство) должны быть женаты; но если умретъ у нихъ

[6] Вѣроятно, кто-нибудь въ шутку передалъ этотъ разсказъ легковѣрному путешественнику. Въ Россіи разторженіе браковъ совершалось всегда на основаніи каноническихъ постановленій, и подобныхъ продѣлокъ никогда не видано и не слыхано. Впрочемъ, не видалъ ли онъ, можетъ статься, какой-нибудь игры подобной, которую и принялъ за брачный разводъ!

[7] Жены, оставшіяся послѣ мужей принявшихъ монашескій обѣтъ, никогда не выходили за-мужъ. Вѣроятно и здѣсь также переданъ былъ ему невѣроятный разсказъ, который Барберини принялъ за сущую правду.

Digitized by Google

жена, то уже не могутъ жениться вторично, ни отправлять священничества.*

Въ обычаѣ у этого народа имѣть всегда у себя, въ дому, иконы нѣкоторыхъ угодниковъ божьихъ; и потому,— когда кто-нибудь изъ друзей войдетъ со двора въ комнату, по дѣлу или такъ, повидаться съ хозяевами, остановится сперва на порогѣ той комнаты, гдѣ находятся образа, и прежде чѣмъ поздоровается съ кѣмъ, сниметъ шапку, три раза перекрестится отъ головы до пояса, и потомъ уже, поклонясь домовому хозяину, начинаетъ говорить и объяснять свое дѣло. Такимъ образомъ поступаютъ и при уходѣ изъ комнаты; идутъ ли также по улицѣ, лишь-только увидятъ гдѣ на пути икону, либо церковь, вблизи или вдали, тоже начинаютъ креститься до безконечности; а также ѣдутъ ли и дорогою, да заприметятъ вдругъ церковь, какъ ни была бы далеко, хоть даже одну только колокольню, тотчасъ слѣзаютъ съ повозки, и тоже до безконечности крестятся передъ нею.

Вообще чрезвычайно какъ ревнуютъ своихъ женъ и мало дозволяютъ имъ отлучаться со двора; да и не безъ причины такъ ревнивы они: мущины и женщины у нихъ чрезвычайно какъ хороши собою и здоровы. Одно только, что женщины обыкновенно употребляютъ румяны и бѣлила, къ тому же такъ непріятно, что стыдъ и срамъ!

При женитьбѣ или выходѣ за мужъ соблюдается слѣдующій обычай: въ самый день свадьбы, по утру, происходитъ въ домѣ обрядъ одѣванія невѣсты, въ присутствіи родныхъ и жениха; потомъ идетъ невѣста въ церковь, съ закрытымъ лицемъ; тамъ священникъ, по

* Въ 1503 году былъ дѣйствительно въ Москвѣ соборъ, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и Россійскомъ Митрополитѣ Зосимѣ, гдѣ было положено, чтобы вдовствующіе священники и діаконы не отправляли служенія.

Digitized by Google

совершенія обряда бракосочетанія, надѣваетъ жениху и невѣстѣ кольца, и потомъ, заставивъ ихъ цѣловаться, беретъ кубокъ съ виномъ, и новобрачные пьютъ вмѣстѣ со священникомъ; послѣ чего бросаетъ онъ вдругъ кубокъ на полъ, а молодые внимательно смотрятъ, къ кому изъ нихъ прежде подкатится этотъ кубокъ подъ ноги. * Я спрашивалъ, длячего бы это дѣлалось, но не умѣли мнѣ объяснить значенія такого обычая! — Потомъ, возвращаются домой; у молодой лицо уже открыто, на плеча накинутъ соболій или куній, или другой какой-нибудь мѣхъ, смотря по состоянію: по прибытіи домой, новобрачная чета проходитъ по разостланному вездѣ на полу бѣлому холсту, по которому и ведутъ ихъ сажать на постель. Тутъ подносятъ имъ варену курицу, и, каждый изъ нихъ оторвавъ отъ нея по кусочку, кушаетъ; потомъ идутъ съ родными за столъ; послѣ чего пляшутъ и играютъ на своихъ странныхъ инструментахъ, наконецъ молодые отправляются къ себѣ въ спальню для совершенія брачнаго таинства. Здѣсь замѣтьте одно превварварское обыкновеніе: отецъ или мать, или братъ невѣсты, или кто-нибудь изъ ближайшихъ ея родственниковъ, становятся у дверей спальни, и выжидаютъ, пока не выйдетъ оттуда молодой объявить имъ, какъ онъ нашелъ свою жену, невинною, или нѣтъ; и передаетъ онъ это слѣдующимъ образомъ:

* При совершеніи таинства вѣнчанія, новобрачнымъ подносилось красное вино, на основаніи постановленій Святыхъ Отецъ; издавна, по принятому обычаю, новобрачный, по выпитіи вина, долженъ былъ раздавить ногою стеклянный кубокъ. Это совершалось даже и на царскихъ свадьбахъ. (См. Свадебные обряды при царскихъ церемоніалахъ, въ сказаніяхъ И. П. Сахарова т. II, кн. 8). При бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича было отложено разбивать сосудъ. Здѣсь Барберини несправедливо разсказываетъ только то, что будто молодой дожидался, пока кубокъ подкатится ему подъ ноги, и будто новобрачные вмѣстѣ со священникомъ роспивали вино, чего никогда не бывало; да и вообще самое таинство брака у него разсказано сбивчиво.

Digitized by Google

выходитъ онъ изъ спальни съ полнымъ кубкомъ вина, а въ донышкѣ кубка просверлено отверзтіе, и молодой прикрывая его снизу пальцемъ, подноситъ въ такомъ видѣ кубокъ упомянутому ближайшему родственнику жены: если полагаетъ онъ, что нашелъ ее невинною, то залѣпливаетъ сперва то отверзтіе воскомъ, такъ чтобы вино не могло пролиться, и такимъ образомъ, отецъ и всѣ кто тутъ ни есть, смѣло пьютъ изъ этого кубка; въ противномъ случаѣ, молодой отнимаетъ вдругъ отъ отверзтія палецъ и до-тѣхъ-поръ проливаетъ оттуда вино на стоящаго предъ дверьми женинаго родственника, пока тотъ не дастъ ему сколько-нибудь денегъ, чтобъ только остался онъ доволенъ, и тогда они мирятся.

Что же касается до правосудія, то не слѣдуютъ они *Бальдовымъ* или *Бартолевымъ законамъ*, но, какъ угодно государю, такъ и рѣшается судъ; отчего часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу предается на съѣденіе медвѣдямъ, и отнимается все у него имущество, тогда какъ другой, хотя бы и въ чемъ большемъ провинился, о томъ даже и не говорится!.... а по-этому и страхъ какъ боится народъ своего государя, и гораздо болѣе ему повинуется, чѣмъ гдѣ-нибудь другіе народы своимъ повелителямъ. И этотъ страхъ такъ на нихъ дѣйствуетъ, что большею частью не смѣютъ они выказывать своего имущества; даже знаю я такихъ, у которыхъ и довольно есть денегъ, а одѣты всегда чрезвычайно дурно, и деньги свои, письма и другія вещи прячутъ въ домѣ у кого-нибудь изъ своихъ иноземныхъ друзей, не довѣряя въ томъ ни матери, ни брату! Часто государь имѣетъ обыкновеніе посылать своихъ дворянъ, которые тамъ называются *боярами* (Bojari), на жительство изъ одной земли въ другую, изъ другой въ третью, и такъ далѣе; особенно теперь, когда взялъ онъ подъ свою власть столько земель, какъ-то Литву, Полоцкъ и Смоленскъ, куда уже многихъ онъ выслалъ изъ богатѣйшихъ бояръ, подъ тѣмъ предло-

Digitized by Google

гомъ, чтобъ получше радѣли объ этихъ земляхъ, и хорошенько присматривали, не допуская, чтобъ могъ быть нанесенъ какой-нибудь вредъ тому краю.

Разсказывали мнѣ еще, что будто не разъ тамъ случалось: вдругъ потребуетъ государь, у кого-нибудь изъ своихъ вассаловъ, извѣстной суммы денегъ; а тотъ пусть только вздумаетъ извиняться, что нѣтъ у него столько, или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, — раздраженный отказомъ, государь повелѣваетъ тотчасъ, отнять у него домъ и все что тамъ найдется..... потомъ уже и неслышно ничего, что съ нимъ послѣдуетъ; даже о томъ и говорить никто не смѣй [10]. И такимъ-то образомъ самопроизвольно управляетъ онъ государствомъ.

Вездѣ, по всему своему государству, управлять какою-нибудь страною, посылаетъ онъ одного изъ упомянутыхъ бояръ съ титуломъ воеводы; и они, въ обыкновенныхъ дѣлахъ, какія тамъ встрѣтятся, поступаютъ самоуправно; но чуть дѣла поважнѣе, они должны уже доносить о томъ двору, то есть, въ Москву. Въ этой землѣ шестьдесятъ-восемь домовъ, называемыхъ у нихъ *избами* (stufe), въ которыхъ держится судъ и расправа по гражданской части всего края; по-этому каждый изъ этихъ домовъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи столько же приписныхъ городовъ и селеній, которыхъ жители прибѣгаютъ къ нимъ въ своихъ нуждахъ, и тягаются безъ посредничества довѣренныхъ или стряпчихъ (senzo procuratori o avvocati), но всякъ по себѣ пріучается доказывать свои права. Когда же кто долженъ другому по яснымъ сдѣлкамъ, а заимодавецъ требуетъ себѣ уплаты, въ такомъ случаѣ, тотчасъ предписывается должнику

[10] Это случалось только въ царствованіе Іоанна Грознаго; когда опальный подвергался наказанію за важное государственное преступленіе, — имѣніе его отписывалось на казну и въ послѣдствіи раздавалось достойнымъ; но отнюдь не такъ бывало, какъ разсказываетъ объ этомъ Барберини.

Digitized by Google

являться, каждое утро въ назначенный часъ, въ то судебное мѣсто, откуда получилъ предписаніе; а такихъ начальствъ тамъ множество; и тутъ они освобождаются на поруки, или же сажаются въ кандалы; и когда потомъ, чрезъ два часа, предстанутъ они, по знаку данному колоколомъ, выводятъ ихъ на улицу, снявъ съ нихъ кандалы, и сержанты не перестаютъ колотить ихъ палками по икрамъ, до-тѣхъ-поръ, пока не заплатятъ они своихъ долговъ; такимъ образомъ всякое утро можно ихъ видѣть сотнями предъ этими домами, какъ мущинъ такъ и женщинъ. Видѣлъ я даже одного князя, который, каждое утро, пріѣзжалъ верхомъ, являться на казнь, и зато, что однажды подкупилъ онъ сержанта, чтобъ билъ его потише, были потомъ биты оба, какъ онъ, такъ и тотъ сержантъ; да еще самъ онъ былъ битъ въ продолженіе многихъ дней, и я видѣлъ того и другаго. [11]

Если же иногда, что̀, впрочемъ, часто случается между Москвитянами, зайдетъ у нихъ споръ такого рода, что одинъ не признаетъ себя должнымъ, а другой утверждаетъ, что тотъ долженъ ему, и нѣтъ у него, между-тѣмъ, никого изъ свидѣтелей или письменнаго на то доказательства, то обыкновенно, не довѣряя имъ обоимъ, заставляютъ ихъ рѣшить этотъ споръ междоусобной схваткой (combattere corpo a corpo), на площади, которая для этого нарочно предназначена и избрана. Тутъ если одинъ изъ нихъ, или оба вмѣстѣ, по трусости или по старости, или же, почему-нибудь другому, не захотятъ драться, въ такомъ случаѣ могутъ они назначить кого-нибудь другаго, чтобъ подрался за нихъ; а

[11] Правежъ кончился при Петрѣ I. Татищевъ, современникъ этихъ событій, передалъ намъ подробныя извѣстія на счетъ дѣйствій правежа; онъ былъ введенъ въ число гражданскихъ постановленій. У насъ еще и доселѣ сохранилась пословица: семеро въ гости зовутъ, а все на правежъ!

Digitized by Google

такихъ охотниковъ всегда тамъ довольное множество, что за деньги рады согласиться и итти подраться за другихъ. Презабавно видѣть, какъ, идучи на этотъ подвигъ, бываютъ они вооружены; для этого берутъ они съ собою столько всякаго оружія, что, если бы пришлось имъ упасть отъ тяжести своего вооруженія, ужъ никакъ бы не могли подняться на ноги! Во-первыхъ, надѣваютъ они на себя большую кольчугу съ рукавами; поверхъ нея латы; на ногахъ тоже колчужныя чулки и исподнее платье; на головѣ шишакъ съ колчужною сѣткою вокругъ шеи, прикрѣпленною на ремняхъ подъ обѣими руками; на рукахъ такія же кольчужныя перчатки: — это для обороны! Для нападенія же оружіе у нихъ слѣдующее: въ лѣвой рукѣ мечъ о двухъ острыхъ концахъ, какъ два кинжала; одинъ снизу, другой сверху, а посрединѣ находится разсѣлина, въ которую продѣваютъ руку, такъ что мечъ самъ-собою держится на рукѣ. Притомъ имѣютъ родъ копья, раздвоеннаго вверху, и на поясѣ желѣзный топоръ, и въ такомъ-то вооруженіи сражаются они до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ нихъ не уступитъ поля сраженія. Разсказывали мнѣ, какъ однажды въ Москвѣ долженъ былъ, по такому спорному дѣлу, сразиться одинъ Литовецъ съ Москвитяниномъ. Литовецъ никакъ не хотѣлъ подобнымъ образомъ вооружаться, а взялъ себѣ одно оборонительное оружіе, да потомъ, украдкою, привязалъ себѣ къ поясу мѣшокъ съ пескомъ; и вотъ, когда оба сошлись, легчайшій сталъ забѣгать, да подскакивать со стороны на сторону, увиваясь такимъ образомъ около Москвитянина, который, по ужасной тяжести и запутанности своего вооруженія, былъ гораздо медленнѣе въ движеніяхъ и на силу могъ поворачиваться. По-этому-этому Литовецъ, улучивъ удобную минуту, напалъ вдругъ на него да и бросилъ ему въ скважины наличника горсть песку, такъ что совершенно ихъ залѣпилъ, а въ тоже самое время и давай топоромъ ломать его

Digitized by Google

оружіе, до того, что Москвитянинъ, не видя уже свѣта Божьяго, сталъ просить пощады,—и Литовецъ остался побѣдителемъ. Но съ-той-поры не дозволено уже иностранцамъ вступать въ такія сраженія съ Москвитянами[12].

Народъ этотъ, въ обращеніи, чрезвычайно какъ церемоненъ; встрѣтясь на улицѣ, хотя бы шли за дѣломъ, тотчасъ снимаютъ шапки, и въ нѣсколько пріемовъ кланяются другъ другу, строжайше соблюдая, чтобъ отдать поклонъ за поклонъ, да и снова поклониться, дѣлая знакъ головой и рукою, что это для нихъ бездѣлица. Здѣсь разумѣется о равныхъ между собою; потому-что, если кто стоитъ выше другаго, всячески старается не прежде того снять шапку, и прибѣгаетъ тутъ къ хитрости, смышленнѣй даже инаго Бискайца!

Имѣютъ еще обыкновеніе при встрѣчѣ, если долгое время не видались, цѣловаться.

Благодарятъ они такимъ образомъ: если одинъ обѣщаетъ что нибудь на словахъ, то другой, снявъ шапку, пренизко ему кланяется, опуская руку книзу; если требуется большей благодарности, въ такомъ случаѣ, достаетъ онъ рукою даже до земли; а еще для большаго подобострастія или, показывая какъ умѣетъ онъ цѣнить обѣщаемую милость, касается земли обѣими руками. Если же, притомъ, одинъ изъ нихъ сановникъ и оказываетъ какую-нибудь милость или покровительство, или тому подобное, другому, который меньше его званіемъ, тогда сей послѣдній становится на колѣни и, обѣими руками касаясь пола, бьетъ еще челомъ о земь. Такимъ же образомъ поступаютъ, когда идутъ и просить какой ми-

[12] Здѣсь Барберини разсказываетъ про судъ, извѣстный унасъ еще съ XI вѣка подъ названіемъ *битвы на полѣ* по судебнику Царя Іоанна Васильевича. (См. Статью о судебномъ поединкѣ въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества, часть I. стр. 29).

Digitized by Google

лости, чтобъ по ходатайству того была оказана; и по этому самому большая часть изъ нихъ имѣютъ мозоли на головѣ; у нихъ уже такъ принято, что чѣмъ сильнѣе бьютъ головою о земь, тѣмъ соблюдается болѣе церемоніи или чинности!

Важнѣйшія дѣла, касающіяся до иноземныхъ государей, какъ-то посольства или объявленія войны, идутъ прямо отъ царя, великаго канцлера и двухъ казначеевъ; а какъ часто такія дѣла поступаютъ тоже отъ посланниковъ изъ отдаленныхъ странъ и на языкѣ весьма различномъ отъ ихъ языка, который очень походитъ на славянскій, то имѣютъ они, по-этому случаю, многихъ у себя переводчиковъ для разныхъ языковъ, посредствомъ которыхъ и изготовляются подобныя дѣла.

Въ бытность мою тамъ, пріѣзжали послы изъ Черкесіи (Circassia) отъ одного государя, отца супруги великаго князя, а также, и послы отъ гросмейстера рыцарей, кажется, родосскаго или іерусалимскаго ордена, который пребываетъ во Франконіи, что̀ въ Германіи. Пріѣзжали они съ довольно значительнымъ числомъ дворянъ и прислуги, привезши съ собою разныхъ подарковъ, тысячи на четыре талеровъ, трактовать, слышалъ, о томъ, какъ бы имъ снова имѣть гросмейстера изъ ордена, что̀ господствовалъ было въ Ливоніи, и именно изъ благороднаго дома Фустемберга Вестфальскаго, который попалъ въ плѣнъ къ московскому царю при взятіи Ливоніи; но упомянутые послы не могли этого получить. Говоря здѣсь о послахъ, не могу промолчать, какъ вообще дурно поступаютъ съ ними въ этомъ краѣ; подлинное варварство! Вопервыхъ, должно знать, что, когда они прибудутъ въ эту землю, нѣсколько дней задерживаютъ ихъ областные правители (governatori), пока не дадутъ о томъ знать двору и не получатъ оттуда разрѣшенія. Потомъ, когда получится отвѣтъ, что можно ихъ представить, придаются имъ для конвоя разные бояре, которые везутъ ихъ туда, не дозволяя, впро-

Digitized by Google

чемъ, говорить имъ ни съ кѣмъ, дорогою. По прибытіи въ Москву, отводится имъ особый домъ, куда приставляется стража, дабы никто изъ нихъ, даже послѣдній ихъ служитель, не могъ оттуда выйти, и не дозволяется имъ ничего покупать для ихъ удобства, кромѣ необходимаго для жизни. Къ тому же не только имъ самимъ не дозволяется выходить за покупками, но даже запрещено, чтобы никто и изъ тамошнихъ жителей не смѣлъ къ нимъ приходить на домъ, что нибудь продавать, развѣ только оскорблять ихъ и дѣлать имъ всякія непріятности. И такимъ образомъ должны они, пока не получатъ аудіенціи, оставаться у себя въ заперти съ мѣсяцъ или около того, смотря какъ заблагоразсудится государю. Потомъ же, когда захочетъ онъ дать имъ аудіенцію, предварительно извѣщаютъ ихъ о томъ, за день до пріема; между-тѣмъ государь отдаетъ приказаніе, собраться, въ назначенный и положенный день, всѣмъ своимъ дворянамъ и боярамъ, въ длинныхъ своихъ одеждахъ, на подобіе венгерской, съ серебряными и золотыми пуговицами, изъ разныхъ шелковыхъ матерій и золотой парчи, подбитыхъ разными, у кого собольими, у кого куньими, горностаевыми, рысьими и другими мѣхами; въ своихъ высокихъ мѣховыхъ, изъ соболя или сѣрой лисицы, шапкахъ, украшенныхъ пуговицами, жемчугомъ и тому подобнымъ, и въ разноцвѣтныхъ сапогахъ, на манеръ турецкій, но подкованныхъ металлическими гвоздиками. И вотъ большая часть этихъ дворянъ и бояръ наполняютъ огромнѣйшую залу, гдѣ всѣ они сидятъ; а подлѣ этой залы находится, еще гораздо обширнѣе той, другая зала, гдѣ возсѣдаетъ самъ государь на весьма высокомъ, о трехъ или четырехъ ступеньнахъ, тронѣ, обитомъ золотою парчею. У самого же его на головѣ золотая корона, кругомъ осыпанная драгоцѣнными каменьями, и опушенная, также какъ у бояръ, но самымъ дорогимъ и самымъ черным собольимъ мѣхомъ; одежда

Digitized by Google

на немъ, тоже длинная до самыхъ пятъ, изъ золотой парчи и съ пуговицами, величиною въ небольшое яйцо, но изъ чистаго золота, и осыпанными жемчугомъ и каменьями; сапоги у него, тоже цвѣтные, съ острыми, кверху загнутыми носками до половины ноги, и подбитыми сверхъ того, небольшими серебряными гвоздиками; а въ рукѣ у него серебряная вызолоченная трость, на подобіе епископскаго жезла. И въ этой же самой тронной, только поодаль отъ него, сидятъ вездѣ, кругомъ, болѣе двухъ-сотъ человѣкъ знатнѣйшихъ бояръ одѣтыхъ какъ нельзя богаче. Когда все такимъ образомъ приготовится, нѣсколько назначенныхъ государемъ придворныхъ отправляются изъ дворца, въ богатыхъ одеждахъ, верхомъ на прекрасныхъ коняхъ, въ парадныхъ разноцвѣтныхъ збруяхъ; прибывъ въ посольскій домъ берутъ пословъ съ собою и везутъ ихъ, тоже верхомъ, но на самыхъ скверныхъ и убранныхъ въ самую дурную збрую лошаденкахъ, во дворецъ; тутъ шаговъ за тридцать или за сорокъ отъ дворца, заставляютъ ихъ, изъ чванства, слѣзать съ своихъ клячъ и итти пѣшкомъ. И такимъ образомъ вводятъ ихъ, по одиначкѣ, одного за другимъ, *предъ свѣтлыя очи государя*, къ которому приближаются они, дѣлая предъ нимъ поклоны; государь простираетъ имъ руку для цѣлованія, потомъ приказываетъ переводчикамъ спросить у нихъ отъ какого государя присланы. Они отвѣчаютъ, и удовлетворивъ на вопросъ, подносятъ привезенные съ собою подарки, которые принимая, онъ благодаритъ ихъ, и тогда обращается съ вопросомъ о здравіи ихъ государя; наконецъ приглашаетъ ихъ, того же утра, откушать съ нимъ, слѣдующими словами: «Я дѣлаю вамъ милость приглашеніемъ откушать нынѣ хлѣба-соли со мною!» И тогда вышеупомянутые придворные тотчасъ же уводятъ ихъ въ особую залу, въ томъ же дворцѣ. Всему, что здѣсь сказано, я былъ самъ очевидцемъ за полчаса до аудіенціи, дарованной упомянутымъ по-

Digitized by Google

сламъ. Не будучи самъ лично посломъ, имѣлъ я такую же точно аудіенцію, и такъ же былъ приглашенъ государемъ откушать съ нимъ; а какъ въ принятомъ обычаѣ есть тамъ, чтобы и всѣ пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, желающіе удостоиться аудіенціи, приносили подарки государю, то и я долженъ былъ поднести ему большой серебряный кубокъ съ крышкою, чеканной работы, съ позолотою: безъ такого подарка, быть-можетъ, и не выпустили бы меня изъ этого края.... Кромѣ того привезъ я еще государю рекомендательныя письма отъ англійской королевы, съ которою онъ находится въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Но обратимся къ прежнему. Тотчасъ по отправленіиословъ, государь собрался къ обѣднѣ, и, прошедши обѣ залы и другіе покои, сошелъ съ дворцоваго крыльца, а слѣдомъ за нимъ — болѣе осьми-сотъ человѣкъ свиты богато-одѣтой, какъ сказано выше, и отправился онъ пѣшкомъ, выступая тихо и важно, и опираясь на вышеупомянутую трость, въ ближайшую церковь; а шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ-роду лѣтъ по тридцати; но сильныхъ и рослыхъ, — это были сыновья знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди его, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на равномъ разстояніи отъ него; а одѣты были всѣ-четверо одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата, съ жемчугомъ и серебромъ, подбитыя и опушенныя, вокругъ, большимъ рысьимъ мѣхомъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани, съ большими, серебряными же пуговицами до самыхъ ногъ; подбита же была она горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые съ подковками; на плечѣ несли они красивый, большой топоръ изъ серебра и золота.

Между-тѣмъ свита за государемъ увеличивалась, потому-что многихъ, кого встрѣчалъ, особенно изъ военныхъ, тоже приглашалъ откушать съ нимъ, того утра, хлѣба-соли. И такимъ образомъ прибывъ на мѣсто, во-

Digitized by Google

шелъ онъ въ церковь со всѣмъ своимъ народомъ, и простоялъ тамъ, на ногахъ, цѣлый часъ за обѣднею; потомъ возвратился тѣмъ же порядкомъ во дворецъ и, удалясь на нѣкоторое время, вышелъ наконецъ переодѣтый, совершенно въ другомъ костюмѣ, также богатомъ, но безъ короны, а только въ шапкѣ на головѣ. Вошелъ въ большую залу, гдѣ кругомъ поставлены были столы, накрытые скатертями кое-какъ и въ безпорядкѣ, потому-что столы эти, одинъ былъ высокій, другой низкій, тотъ узкій, тотъ широкій, и самыя скатерти тоже по нимъ. Въ залѣ находилась натопленная печь, по требованію времени года: это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ; а почти по самой срединѣ залы стоялъ буфетъ, со множествомъ разной посуды, какъ то: большихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты чашъ и чашечекъ, большихъ тазовъ весьма страннаго вида, большихъ и тяжелыхъ кубковъ для питья, изъ которыхъ одни были плоскодонные и глубокіе, другіе на ножкахъ, а между ними множество и такихъ чашъ, какія у насъ въ употребленіи, работы нѣмецкой; замѣчательнѣе всего были тамъ два большіе серебряные боченка, съ позолоченными обручами; они стояли по срединѣ буфета. Вокругъ же самой залы стояли низенькія скамейки со столиками, на подобіе тѣхъ, какія вообще находятся по трактирамъ въ Италіи.

Окинувъ глазами всю эту залу, государь пошелъ и сѣлъ въ концѣ одного стола, на особомъ креслѣ; потомъ велѣлъ позвать пословъ, а подлѣ него стоялъ его переводчикъ, который называлъ ему поименно входившихъ. Тогда государь, называя каждаго по имени, указывалъ имъ мѣсто, гдѣ угодно ему было, чтобы садились; такимъ образомъ сажалъ онъ одного за другимъ, упомянутыхъ пословъ, вмѣстѣ съ ихъ служителями за одинъ столъ, который находился по правую руку отъ него; потомъ приказалъ позвать и меня, потому-что на этотъ разъ не было тамъ другихъ иностранцевъ, и назвавъ меня, такъ же какъ и прочихъ, по

Digitized by Google

имени, посадилъ меня за другой столъ, который еще оставался незанятымъ, вмѣстѣ съ моимъ переводчикомъ и двумя служителями, которые были со мною, потому-что таковъ тамъ обычай; потомъ, за тотъ же самый столъ, посадилъ онъ еще около двадцати нѣмецкихъ дворянъ, которые находятся нынѣ въ службѣ у него, бывъ нѣкогда его врагами; всѣ они знатнаго рода и хорошаго имени, взяты были въ плѣнъ во время ливонской войны, и съ-тѣхъ-поръ не могутъ уже выѣхать изъ Московіи; но имъ отпускается хорошее содержаніе, чтобъ могли имѣть у себя и слугъ и лошадей, и такимъ образомъ, живутъ они тамъ службою. Потомъ государь подалъ знакъ боярамъ садиться за столъ — и мигомъ были ими заняты, съ шумомъ и въ безпорядкѣ, всѣ остальныя мѣста за маленькими столиками да еще на другомъ концѣ того стола, за которымъ дотолѣ сидѣлъ самъ государь одинъ. А какъ въ это время года день тамъ не болѣе шести часовъ, и тутъ уже была у насъ совершенная ночь, то на столы поданы были сальныя свѣчи въ дурно вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Притомъ нигдѣ на столахъ не было ни одной солонки съ солью, но она тутъ же подовалась самому государю вмѣстѣ съ довольно хорошимъ, бѣлымъ хлѣбомъ, нарѣзаннымъ ломтями, который и удѣлялъ самъ государь, подавая его своимъ приближеннымъ для передачи всѣмъ прочимъ. Тутъ происходила немалая суматоха, потому-что по тамошнему обычаю, когда государь велитъ что-нибудь кому подавать, всѣ тотчасъ встаютъ, и эта церемонія,—безпрестанно вставать и снова усаживаться, — продолжалась минутъ, но-крайней-мѣрѣ, восемь, и во все это время никто не смѣлъ начинать ѣсть. Когда же кончилось это, всѣмъ намъ, иностранцамъ, поданъ былъ большой и широкій кубокъ съ виномъ отъ государя: по-этому снова надобно было вставать. Потомъ, вошло человѣкъ двадцать прислуги; они несли огромныя блюда съ разными жаркими, какъ то: гуся-

Digitized by Google

ми, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши къ государеву столу, всѣ они снова поворотили назадъ и скрылись со всѣми этими блюдами, не подавая никому; вскорѣ же потомъ они снова явились, и уже въ большемъ числѣ, и несли, какъ прежнія такъ и другія мясныя кушанья, но уже нарѣзанныя кусками на блюдахъ; когда такимъ образомъ принесли и обнесли кругомъ, по всѣмъ столамъ, тутъ только начали мы, наконецъ, ѣсть. Между тѣмъ прочіе слуги безпрестанно суетились, ставя на столахъ большіе и малые кубки съ медомъ и другими напитками; по временамъ снова подавалось какое-нибудь мелкое блюдо; но безъ соблюденія малѣйшаго порядка, которому блюду слѣдовать прежде, второму или третьему. Между-тѣмъ, постоянно передъ государемъ стоялъ его кравчій, съ золотою чашей въ рукѣ, то съ виномъ, то съ другимъ питьемъ, и держалъ онъ эту чашу довольно высоко, ожидая когда государю угодно будетъ напиться, и тогда,— что случалось весьма часто, — Государь подавалъ ему знакъ подносить; и всякій разъ какъ подавалось ему питье, чтобъ не оставаться въ долгу, пилъ онъ обыкновенно за здоровье кого-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, о чемъ тотчасъ же давалъ тому знать одинъ изъ приближенныхъ государевыхъ дворянъ, и тотъ немедленно вставалъ со скамьи, а въ-слѣдъ за нимъ и всѣ прочіе, и поклонившись опять мы садились; а эта церемонія такъ часто происходила, что отъ этихъ движеній у меня, вмѣсто того, чтобъ досыта наѣсться, часъ отъ часу все еще усиливался аппетитъ. Государь, всякій разъ, когда бралъ кубокъ изъ рукъ у кравчаго, прежде чѣмъ начиналъ пить, три раза крестился. Такимъ образомъ, болѣе трехъ битыхъ часовъ сидѣли мы за столомъ, гдѣ мало пили, зато какъ не льзя больше происходило шуму за питьемъ; и вотъ уже не мало было изъ этихъ бояръ, что до пьяна напились. Когда же пришли слуги для сниманія кушаньевъ и скатертей со

Digitized by Google

столовъ, тутъ опять, съ немалымъ шумомъ и суматохой, всѣ поднялись, вставая изъ-за стола. Государь все еще оставался на своемъ мѣстѣ, и подозвалъ къ себѣ пословъ, которымъ подавалъ, каждому своеручно, кубокъ вина; но они, будучи заранѣ предувѣдомлены о нравахъ и обычаѣ страны, принимали изъ рукъ его кубокъ, держали свои шапки въ рукѣ и, обернувшись спиной къ государю, отходили отъ него шаговъ за нѣсколько, гдѣ, вдругъ остановясь, снова оборачивались къ нему лицемъ и преуниженно кланялись ему по-турецки; потомъ выпивали все до дна, либо отвѣдывали только, какъ кому было угодно; потомъ отдавали кубокъ присутствующимъ, и не говоря ни слова, уходили. Когда эти послы были такимъ образомъ отпущены, государь подозвалъ и меня, и такъ же, какъ и тѣмъ посламъ, подалъ мнѣ своеручно кубокъ вина, и я, будучи тоже предувѣдомленъ, какъ должно въ такомъ случаѣ поступить, придержался того же самаго порядка, какъ; видѣлъ, дѣлали и послы. Но тотчасъ же, послѣ этого; какъ посламъ такъ и мнѣ, хмѣль сильно разобралъ голову; такъ-что, позабывъ все приличіе и скромность, бросились мы всѣ, скорѣе въ двери; съ такою поспѣшностію, не выбѣгали быть-можетъ, изъ храма Божьяго, даже книжники и Фарисеи, съ какою мы выбѣжали оттуда. Тутъ съ трудомъ должны мы были проходить чрезъ покои, по причинѣ толпы хмѣльныхъ, тѣснившихся въ безпорядкѣ и въ потьмахъ, пока наконецъ добрались до дворцоваго крыльца, отъ котораго въ шагахъ еще двадцати или болѣе, ожидали насъ съ лошадьми слуги, тамъ же обѣдавшіе съ нами; но когда мы спустились съ крыльца, чтобъ добраться до нашихъ лошадей и уже ѣхать домой, мы должны были брести по грязи, которая была по колѣно, а ночь претемная, нигдѣ ни огонька, такъ что довольно мы поизмучились, пока могли сѣсть на коней; а все это одно чванство со стороны Москвитянъ:

Digitized by Google

они не хотятъ, чтобъ кто-нибудь смѣлъ у дворца ѣхать верхомъ или слѣзать съ лошади.

Послы были отведены стражею въ свои покои, подъ арестъ, а я отправился къ себѣ. Я не хотѣлъ нарочно умолчать о томъ, что̀ съ нами происходило, чтобъ можно было судить, по этому, объ ихъ варварскомъ обхожденіи съ иностранцами.

Сверхъ того, нашелъ я въ этомъ краѣ людей чрезвычайно корыстолюбивыми и безсовѣстными. Корыстолюбіе же ихъ простирается до той степени, что если не подарить имъ чего-нибудь, нельзя ничего отъ нихъ получить, ни совершить никакой съ ними сдѣлки. Вельможи, какъ и частные люди, не постыдятся нагло потребовать, чуть что̀ увидятъ, перстни, или другія вещицы, даже деньги, словомъ все, что̀ бы то ни было. У самого канцлера принято за правило, что если кто придетъ къ нему и объявитъ, что желалъ бы поцѣловать государеву руку, за какое-нибудь дѣло, (потому-что прежде всегда надо обратиться къ канцлеру) первое его слово: «А принесъ ли что̀-нибудь, чтобъ удостоиться взглянуть на ясные очи государя?» Это значитъ, что должно его задарить; и эта алчность къ подаркамъ такъ заразила частныхъ людей, что за ними водится множество дурнаго, — хотя за это и достается имъ отъ государя, который не рѣдко велитъ за это сѣчь, растянувъ на землѣ, даже знатнѣйшихъ изъ своихъ бояръ. Такимъ образомъ нѣтъ почти ни одного тамъ изъ чиновниковъ, который хоть разъ на роду своемъ не былъ высѣченъ; но они не гоняются за честью, и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что̀ такое стыдъ. Впрочемъ, не смотря на такое зло, могу сказать, что по всему этому краю пребезопасно разъѣзжать съ товарами и деньгами, и что никогда не случается, чтобы нападали на кого на улицѣ или обижали явно; хоть это происходитъ, какъ кажется, бо̀льше отъ боязни

Digitized by Google

и страха, внушаемаго имъ государемъ. Еще скажу про нихъ, что они не охотники посѣщать чужіе край, какъ будто не могутъ разстаться съ своимъ гнѣздомъ; да хотя бы и захотѣлось кому нибудь изъ нихъ, государь не дозволяетъ имъ отлучаться за границу: и въ этомъ одномъ они поступаютъ, по мнѣ, преблагоразумно, что слушаются его, если не по доброй волѣ, по-крайней-мѣрѣ со страха. А то очевидно они очень наклонны ко злу. Даже всѣ вообще большіе плуты, чуть только могутъ какъ-нибудь скрытно сплутовать; и по-этому чрезвычайно какъ надо остерегаться, въ своихъ сдѣлкахъ съ ними. Кто ведетъ съ ними торговыя дѣла, долженъ быть всегда остороженъ и весьма бдителенъ, въ особенности же не довѣрять имъ слѣпо; потому-что на словахъ они довольно хороши, зато на дѣлѣ предурные, и какъ нельзя ловче умѣютъ, добродушной личиной и самыми вкрадчивыми словами, прикрывать свои лукавѣйшія намѣренія. Притомъ, они большіе мастера на обманъ и поддѣлку товаровъ и съ особеннымъ искусствомъ умѣютъ подкрашивать соболей, чтобъ продавать за самые лучшіе, или покажутъ вамъ одну вещь на продажу, а станете съ ними торговаться о цѣнѣ, они тутъ будто и уйдутъ и слышать не хотятъ объ уступкѣ за предложенную имъ цѣну; а между-тѣмъ и не замѣтите, какъ уже обмѣняютъ вещь и возвращаются къ вамъ, уступая ее.

Они искусно выдѣлываютъ разныя кожаныя вещи, напримѣръ: сѣдла, тулупы и тому подобное, въ сшиваніи и украшиваніи которыхъ не уступаютъ самимъ Туркамъ. Въ прошломъ году, ввели они у себя печатаніе, которое вывезли изъ Константинополя[13], и я самъ ви-

[13] Книгопечатаніе вовсе не было вывезено изъ Константинополя а началось оно у насъ въ слѣдствіе соборнаго постановленія 1552 года. Первая напечатанная книга была *Апостолъ*, вышедшая изъ Московской типографіи въ 1564 году. Первоначальное печатаніе сла-

Digitized by Google

дѣлъ съ какою ловкостью уже печатались книги въ Москвѣ. Буквы ихъ большею частью заимствованы изъ греческаго алфавита. Затѣяли они также ввести дѣланіе бумаги и даже дѣлаютъ, но все еще не могутъ ее употреблять, потому-что не довели этого искусства до совершенства. Такимъ образомъ мало-по-малу они замѣтно подвигаются впередъ; тѣмъ болѣе, что уже льютъ у себя и пушки и колокола, и сами дѣлаютъ пищали и другія разныя вещи на подобіе тѣхъ, какія захватили у плѣнныхъ, лѣтъ за тридцать назадъ.

Государь этой страны считаетъ себя величайшимъ государемъ въ мірѣ, именуя себя повелителемъ всея Руси, да притомъ царемъ казанскимъ и еще астраханскимъ, хотя въ письмахъ, привезенныхъ мною къ нему отъ королевы англійской, титулуютъ его только повелителемъ всея Руси и великимъ княземъ московскимъ. Въ гербѣ своемъ употребляетъ онъ чернаго двуглаваго орла, съ коронами, въ зеленомъ полѣ. Въ этомъ краѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни свинца, ни олова; но лѣтъ тому двѣнадцать, какъ Англичане, открывъ плаваніе позади Норвегіи, навезли Московитянамъ множество вещей, которыхъ имъ не доставало, и весьма для нихъ полезныхъ. Слышалъ я, однакожъ, стороною, будто бы этотъ государь имѣетъ право чеканить или участвовать въ чеканеніи золотой монеты[14]. Почему все золото, какое

вянскими буквами, началось въ Черногоріи въ 1491 году; для обученія московскихъ типографщиковъ Іоанна Федорова съ товарищами, вызванъ былъ изъ Данія Иванъ Богбиндеръ (Hans Bogbinder) отъ датскаго короля Христіана III. (См. Словарь духовныхъ писателей Митрополита Евгенія. изданіе второе, часть 1, стр. 260, подъ статьею Іоаннъ Федоровъ, и также Древніе русскіе памятники, изд. Сахарова, 1842 года.

[14] Чеканъ монеты начался въ Россіи еще современъ Великаго Князя Владиміра, и не только государи московскіе имѣли право чеканить монету, выпускали ее и удѣльные князья. (См: а). Лѣтопись

Digitized by Google

туда привозится купцами, поступаетъ тотчасъ къ нему, затѣмъ, что онъ у всякаго это скупаетъ и платитъ хорошо; потомъ кладетъ его въ сундукъ, и уже никто больше, того не видитъ. Серебряной монеты у него довольно, а потому, что изъ Австріи и Польши, когда нѣтъ войны, привозится чрезвычайное множество талеровъ, монетою, для покупки у нихъ товаровъ, состоящихъ изъ всякаго рода мѣховъ, воску, льну, пеньки, сала, кожъ и кожаныхъ издѣлій, и другихъ тамошнихъ произведеній. Эти же талеры, тотчасъ потомъ, чтобъ уже никогда не могли быть оттуда вывезены обратно за границу, расплавливаются и перечеканиваются на ихъ монету, которой идетъ больше пятидесяти штукъ на одинъ скудій; а походитъ она на турецкія аспры и называется: *деньга* (deniug). Чеканятъ ее только на двухъ площадяхъ а не въ другомъ гдѣ-нибудь мѣстѣ, именно же: въ Москвѣ, гдѣ изображается на этой монетѣ всадникъ, на конѣ съ мечемъ въ рукѣ; да въ Новѣгородѣ, съ изображеніемъ на ней Святаго Георгія. Ходитъ же эта монета, какъ испанскіе реалы. Такимъ образомъ все золото и серебро, которое чуть только завезено въ этотъ край, никогда уже болѣе не только не выходитъ оттуда, но, такъ сказать, все почти остается въ рукахъ у самого государя, и никуда не расходится, развѣ обстоятельства принудятъ его къ тому, какъ напримѣръ: безпрерывное веденіе большихъ войнъ, которыя, разумѣется, не могутъ обходиться безъ значительныхъ издержекъ. Впрочемъ, Московія, и въ этомъ отношеніи, чрезвычайно какъ отличается отъ всѣхъ прочихъ земель. Весь ея народъ, какъ уже я сказывалъ, употребляется въ государеву службу на время войны; даже, смотря по ихъ происхожденію и образу воспитанія, они считаются обязанными къ тому и полагаютъ еще за

русской нумизматики, изд. Сахарова, 1842; б). Описаніе русскихъ монетъ, Черткова, и 3) Описаніе монетъ барона Шодуара.

Digitized by Google

счастіе, когда государь употребляетъ ихъ на службу; почему стоитъ ему только повелѣть, и тотчасъ явятся тысячи охотниковъ исполнить его волю, которыхъ, когда идутъ на войну, онъ созываетъ во дворецъ, и тамъ раздается всѣмъ имъ казенная одежда: каждый изъ нихъ получаетъ по два кафтана изъ разноцвѣтнаго сукна, на мѣху и безъ мѣха, которые только и принадлежатъ имъ, пока у нихъ на плечахъ [18]. Сукна эти привозятся туда изъ-за границы для обмѣна на тамошніе товары, составляющіе туземный доходъ и привозимые въ эту землю со всѣхъ сторонъ, какъ подать.

Что же касается до съѣстныхъ припасовъ, край этотъ изобилуетъ всякимъ зерномъ, рожью и всякими мясами, мелкою дичью, которой тамъ множество, какъ-то: фазановъ и куропатокъ, и на все это чрезвычайная тамъ дешевизна. Въ разныхъ мѣстахъ этого края, гдѣ находится побольше сѣнокосовъ, государь заставляетъ содержать большіе конскіе заводы, потому что всѣ войны свои ведутъ конно, и большая часть войска держитъ своихъ лошадей; впрочемъ, если случайно у кого-нибудь нѣтъ своего коня, то государь пополняетъ этотъ недостатокъ; и такимъ образомъ ведетъ онъ и большую войну безъ большихъ издержекъ; къ этому же и то еще содѣйствуетъ, что войска у него не наемныя; если же и есть такія, такъ платится самая малость, да и такихъ весьма не много. Зато въ обычаѣ у нихъ, что когда возвращаются побѣдителями, полководцамъ жалуются отъ самого государя парчевые кафтаны или тому подобное, а всѣмъ прочимъ за то, что вели себя

[18] Барберини не зналъ конечно нашихъ положеній о боярахъ, дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, которые получали помѣстные окла̀ды, съ землями, и были за то обязаны выводить съ собою на войну людей, жившихъ на ихъ земляхъ, и содержать ихъ на собственномъ своемъ отчетѣ. Награда же шубами и кафтанами раздавалась послѣ сраженія за отличные подвиги.

Digitized by Google

исправно, объявляется его благоволеніе, и тѣмъ они остаются чрезвычайно какъ довольны, и снова готовы положить голову за него.

Когда выѣзжаетъ государь на прогулку по городу, то весьма часто видите его одѣтымъ просто, въ какомъ-нибудь цвѣтномъ кафтанѣ безъ золота; и беретъ онъ съ собою лишь нѣсколько слугъ пѣшихъ, безъ конной свиты; а какъ по всѣмъ улицамъ бываетъ тамъ множество народа, то иногда, находясь въ толпѣ, возитъ онъ съ собою у луки сѣдла небольшой барабанъ, въ родѣ того, какой имѣютъ у себя на лошади Мавры; и какъ ударитъ онъ по немъ рукояткой плети, какую обыкновенно имѣютъ всѣ ѣздоки, народъ тотчасъ же раздается въ разныя стороны; впрочемъ такой инструментъ случалось мнѣ видѣть и у сыновей его, да и у другихъ знатнѣйшихъ бояръ.

Въ самомъ городѣ Москвѣ, по такому многолюдству, какое тамъ, почти всѣ разъѣзжаютъ верхомъ, пока нѣтъ снѣга и льда; но когда наступитъ Октябрь мѣсяцъ, тутъ уже начинаются сильные холода, хотя и въ Сентябрѣ видывалъ я тамъ и снѣгъ и ледъ. Всѣ рѣки тогда, какъ ни были бъ велики, тотчасъ замерзаютъ и всѣ дороги и поля покрываются глубокимъ снѣгомъ и льдомъ, такъ-что въ это время, уже не иначе ѣздятъ, какъ въ саняхъ (scilede), дѣлающихся на полозьяхъ и со скамьями; и такимъ образомъ повсюду въ нихъ разъѣзжаешь, а тащитъ ихъ одна лошадь. Въ этихъ саняхъ разъѣзжаютъ зимою и самыя почты, дѣлая величайшіе концы съ неимовѣрною скоростію. Рѣки и дороги, покрытыя льдомъ, и всѣ поля, деревья, дома и все прочее, бѣлѣя подъ снѣгомъ, остается въ такомъ видѣ, обыкновенно до половины Апрѣля; такая же повсемѣстная бѣлизна бываетъ иногда весьма вредна для глазъ того, кто не привыкъ къ ней. Въ иные года, какъ и вездѣ это случается, холода бываютъ и сильнѣе и слабѣе; но въ этотъ годъ, который я провелъ тамъ, ска-

Digitized by Google

зываютъ, были самые большіе морозы, какихъ не запомнятъ за пятьдесятъ лѣтъ. Впрочемъ, я этому повѣрю, потому-что самъ былъ очевидцемъ одного почти невѣроятнаго случая, превосходящаго всякое человѣческое понятіе: а хотя и въ этихъ низменныхъ странахъ, какъ напримѣръ, во Фландріи и Германіи, и многихъ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстно вамъ самимъ, бывали отъ необыкновенныхъ холодовъ, такіе случаи, какихъ подобныхъ не запомнитъ никто, могу, однако жъ, тѣмъ болѣе тому повѣрить, что въ этой землѣ случаи такіе бываютъ во многихъ мѣстахъ не въ диковинку.

Почти всю эту зиму провелъ я въ дорогѣ и пріѣхалъ въ Нарву, по утру, въ самый день Рождества; а какъ надо-было подумать о прожитіи въ этихъ странахъ и взять по-этому съ собою въ дорогу, дней на шесть на восемь, всякой провизіи съѣстной и питейной, то и уклали мы позади нашихъ саней хлѣбъ и жаркія, и изъ питья: пиво и медъ, въ большихъ деревянныхъ бутыляхъ; но какъ необходимо въ этой землѣ имѣть еще съ собою и бутыли съ водою для питья и умыванія рукъ и лица, безъ чего не было бы возможности существовать, то и этимъ также я запасся, а моему примѣру послѣдовали и прочіе. Тутъ, когда мы отправились въ путь, дорогою нашелъ я множество труповъ замерзшихъ людей, а также воловъ и лошадей; другіе же были при послѣднемъ дыханіи, и такъ уже окоченѣли, что насилу ножами могли мы раскрыть имъ ротъ, послѣ чего стали имъ вливать туда упомянутую водку и оттирать ею все тѣло; и чтоже? Только такимъ образомъ успѣли мы, наконецъ, привести ихъ въ чувство, а быть-можетъ и воскресить на всю жизнь. А то, вѣдь, неоднократными опытами въ этихъ странахъ доказано, что начни мы отогрѣвать ихъ передъ огнемъ, они бы непремѣнно умерли. Видѣлъ я также, какъ у ѣдущихъ лошадей трескались, отъ мороза, кожа и мясо,

Digitized by Google

какъ будто бы рѣзали ихъ ножемъ; слышалъ даже, какъ деревья въ лѣсахъ хрустѣли и трескались, а равнымъ образомъ и бревна по домамъ, потому-что, хотя имѣютъ они въ избахъ у себя окна стеклянныя, либо дѣлаемыя изъ стекловидной прозрачной *слюды*, которая вся состоитъ изъ пластинокъ весьма легко отдѣляющихся одна отъ другой, тоньше самой бумаги, и которая находится только въ Московіи; совсѣмъ тѣмъ, однако жъ, въ избахъ, которыя весьма теплы, внѣшній холодъ такъ сильно дѣйствуетъ на этотъ теплый воздухъ, что сей послѣдній превращается, на тѣхъ стеклахъ, просто въ воду, потомъ леденѣетъ и, накопляясь такимъ образомъ, до того все болѣе и болѣе намерзаетъ, что за этимъ толстымъ льдомъ нельзя почти и свѣта Божьяго видѣть. Да и множество подобнаго могъ бы вамъ насказать, что, вѣроятно, почли бы у насъ за небылицы. Наконецъ, когда, дующій прямо отъ сѣвера, вѣтеръ начнетъ стрѣлять въ лицо, то кажется, будто сыплетъ горстью битаго стекла, отчего и рѣжетъ онъ лицо, сушитъ тѣло, и лишаетъ членовъ, такъ-что представить себѣ того невозможно!

Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ, будто море у Нарвы не замерзаетъ, но что, изъ впадающихъ въ него рѣкъ, наносятся огромныя льдины, которыя соединяются и отъ этого кажется, будто море оледенѣло. Впрочемъ, по мнѣ, это сущая ложь и неправда, потому-что самиѣки, въ это время, очень плотно и крѣпко скованы льдомъ, который бываетъ толщиною въ ростъ человѣка, да и притомъ, каждую ночь, болѣе еще крѣпчаетъ, такъ-что, когда встрѣтится надобность, насилу могутъ его расколоть желѣзными ломами, и по этимъ рѣкамъ разъѣзжаютъ въ саняхъ и верхомъ на лошадяхъ, совершенно какъ по землѣ. Слѣдственно, ледъ не можетъ наноситься изъ этихъ рѣкъ, и береговое море само по себѣ замерзаетъ и даже такъ крѣпко, что на нѣсколько миль разъѣзжаютъ и по немъ на лошадяхъ и въ саняхъ, какъ

Digitized by Google

я самъ совершилъ нѣсколько разъ такую поѣздку изъ Нарвы въ Ревель по чистому льду; а въ эту зиму многіе перебирались даже за море, то есть, изъ Ливоніи въ Швецію; но только не на лошадяхъ.

Теперь разскажу, какъ обѣщался, о диковинкахъ, которыя хотя до меня и не касаются, дошли однако жъ до моего свѣдѣнія по реляціямъ туземцевъ и очевидцевъ.

Но сперва скажу вамъ нѣсколько словъ о мореходствѣ Англичанъ, которые приплываютъ въ Московію [16]. Плаваніе ихъ туда открыто лѣтъ тому четырнадцать назадъ; въ первые годы приходило туда только отъ осьми до девяти англійскихъ судовъ съ людьми и товарами; но теперь совершаютъ они этотъ путь легко и безопасно, огибая Норвегію по близости береговъ, и опытъ научилъ ихъ улучать время, когда господствуютъ попутные имъ вѣтры, пока не наступятъ холода, которые тамъ еще несравненно сильнѣе, и покрываютъ то море льдомъ, прежде чѣмъ нарвскіе берега, потому-что та страна ближе къ сѣверу. Такимъ образомъ, прошедши Виллаплантъ (Villaplant), идутъ они въ землю подданную Руси, которая именуется *Холмогоріею* (Colmogora), гдѣ впадаетъ въ море рѣка Двина (Dividna), и тамъ они разгружаютъ свои корабли, и на другихъ уже меньшихъ судахъ идутъ по вѣтру, противъ теченія той рѣки, до большаго города именуемаго *Вологдой* (Vologda),

[16] Въ первый разъ прибыли Англичане въ Россію въ 1553 году; капитанъ Ченсерёръ первый вошелъ въ Двинскій Заливъ, гдѣ находился тогда Монастырь Святаго Николая, и гдѣ былъ основанъ городъ Архангельскъ. Первое прибытіе ихъ подробно описано въ путешествіи Адама Климента. Полное собраніе англійскихъ путешественниковъ въ Россію было издано въ Англіи Гаклюйтомъ въ особенномъ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Hakluyt's collection of the Early Voyages, travels and Discoveries of the English nation» Изданіе первое вышло въ Лондонѣ 1599, второе — 1809 года.

Digitized by Google

куда тысяча миль пути; и оттуда уже ѣдутъ въ Москву на саняхъ, за семь-сотъ миль. Чрезъ Вологду протекаетъ рѣка того же имени, то есть, Вологда, отъ которой и городъ получилъ свое названіе; но, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, впадаетъ эта рѣка въ другую, именуемую *Сухоной*, (Zucama) которая сначала течетъ къ сѣверу, потомъ поворачиваетъ къ востоку и югу; а наконецъ, снова направивъ свое теченіе къ востоку, сливается тамъ съ одной большой рѣкою, именуемой *Югъ* (Iug), и тогда обѣ теряютъ свои названія и получаютъ новое, именуясь, какъ выше сказалъ, *Двиною*, что по-русски значитъ *двойня* (dua); притомъ она обогащается еще водою разныхъ другихъ большихъ рѣкъ, которыя туда же впадаютъ. Вся эта страна, омываемая ею, называется Холмогоріею, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта впадаетъ въ море, ловится премножество чудовищной рыбы, какъ-то: китовъ и волковъ морскихъ (lupi marini), которыхъ зубы чрезвычайно велики, и изъ нихъ дѣлаются ножи; а также водится тамъ множество бѣлыхъ медвѣдей, которые лѣтомъ всегда стоятъ въ водѣ, по болотамъ и озерамъ, которыя вообще тамъ преобширнѣйшія. Еще тамъ водится небольшой звѣрекъ, величиною съ порядочнаго крота и того же вида, но только шерсть на немъ подлиннѣе и хвостъ, какъ у угря; а живетъ онъ и въ водѣ и на сушѣ, на деревьяхъ; издаетъ онъ отъ себя прекрасный запахъ, такъ что туземцы держатъ его шкурку между своими мѣхами, чтобъ пахли хорошо. Въ вологодской землѣ, водятся въ особенности чернобурыя лисицы, (volpi negre) которыя весьма дорого цѣнятся въ мѣхахъ, такъ-что платятъ по тридцати и сорока червонцевъ за одинъ такой мѣхъ; а въ такой цѣнности онѣ еще и потому, что соболи, преимущественно, употребляются на шапки, которыя тамъ носятъ. Всѣхъ этихъ животныхъ насмотрѣлся я вдоволь, и живыхъ и мертвыхъ. Много премного сутокъ надо плыть этой рѣкой, Двиною, чтобы

Digitized by Google

доплыть до того мѣста, гдѣ находятся знаменитыя *Рифейскія горы*, для открытія которыхъ, сказывалъ мнѣ одинъ Русскій, были посыланы отцемъ нынѣшняго повелителя Руси, отецъ этого Русскаго и многіе другіе; и сказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ взошли они на самое высокое мѣсто этихъ горъ, и какъ, запасшись въ этотъ путь всѣмъ необходимымъ, взбирались пѣшкомъ семнадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, какъ сказываютъ, утесисты и безплодны, и водятся на нихъ только бѣлые соколы, чрезвычайно отважные и сильные. Я видѣлъ ихъ въ Москвѣ у государя, который чрезвычайно ихъ уважаетъ за храбрость. За этими же горами находится царство Сибирскихъ Татаръ; народъ этотъ покоренъ Московіею и находится у нея въ подданничествѣ, — поклоняется истукану какой-то старухи, которую зовутъ: *Златою бабою* (Slata-Baba)[17]; нѣтъ у нихъ домовъ или постоянныхъ жилищъ, но всегда разъѣзжаютъ кругомъ въ саняхъ, по снѣгамъ и лѣсамъ, промышляя звѣриною ловлею. Но преимущественно вывозятся оттуда богатѣйшіе соболи, и когда наступитъ пора собственно для ловли этихъ звѣрковъ, что бываетъ весной, когда природа одѣваетъ ихъ самымъ пушистымъ мѣхомъ, звѣроловы, отправляясь на охоту, дѣлаютъ сначала обѣщанія своей богинѣ, что первый мѣхъ со звѣря, котораго убьютъ, привезутъ ей въ благодарность, лишь бы только поблагопріятствовала имъ на ловлѣ, и уже свято соблюдаютъ свой обѣтъ; такимъ образомъ столько тамъ всякихъ мѣховъ на нее навьючиваютъ, что даже эти мѣха, просто, загниваются. Отправясь же на ловлю, пробываютъ тамъ столько времени, сколько именно продолжится у нихъ мясная порція изъ животныхъ, которыхъ ежедневно налавливаютъ, и тѣмъ они живутъ. Я разговаривалъ и

[17] Поклоненіе *златой бабѣ* были у пермскаго и аблорскаго народа. (См. у Карамзина т. V. стр. 115).

Digitized by Google

даже ѣлъ съ двумя такими звѣроловами, которые были при дворѣ, по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта, вся состояла въ разномъ пушномъ товарѣ, въ большомъ количествѣ. Сами же они были одѣты въ камзолахъ и исподнемъ платьѣ, но сшитыхъ изъ оленьихъ шкуръ съ шерстью, и съ длинными глухими рукавами, впрочемъ съ прорѣхой внизу для свободнаго просова руки оттуда, когда нужно; на головѣ тоже мѣховыя шапки, и притомъ еще длинный мѣховой тулупъ поверхъ всего. Они были высокаго роста, но безъ краски въ лицѣ и безъ бороды, почему собственно походили болѣе на старухъ; впрочемъ это, сказываютъ, происходитъ вообще отъ постоянныхъ тамъ холодовъ. Въ этомъ царствѣ, протекаетъ всего одна рѣка, но которая, какъ сказываютъ, чрезвычайно широка, такъ-что съ трудомъ можно переѣхать чрезъ нее въ одинъ тамошній день; называется она — *Обь* (Obi), и сказываютъ, что вытекаетъ изъ одного большаго озера—Каттая (Cattajo), [18] въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и главный каттайскій городъ, именуемый *Конбуликн?* (Conbuliche); по сказанію же тѣхъ двухъ Татаръ, которые мнѣ про это разсказывали, есть, помнится, за этой рѣкой еще какой-то народъ, именуемый *Лукоморами* (Locumori), которые въ Ноябрѣ мѣсяцѣ такіе флегматики, что вытекаетъ у нихъ въ большомъ количествѣ, какая-то клейкая матерія чрезъ поры, въ особенности носомъ, такъ-что захватываетъ имъ дыханіе, и тогда погружаются они въ глубокій сонъ до Апрѣля мѣсяца! Находя это довольно страннымъ и чуднымъ, я смѣялся тому; но Татары мнѣ клялись, что это сущая правда, и я, однако жъ, не довольствуясь этимъ, распрашивалъ о такой диковинкѣ еще у разныхъ лицъ, которые всѣ

[18] Рѣка Обь вытекаетъ изъ Телейскаго Озера въ Бухаріи; но названіе Оби получаетъ она при соединеніи съ рѣкою Катуньею; не это ли самое и называетъ Барберини Озеромъ Каттаемъ?

Digitized by Google

мнѣ отвѣчали, что дѣйствительно ходитъ такая молва, и что всѣ, кто ни пріѣдетъ оттуда, подтверждаютъ это. Разсказывали они мнѣ также, хотя и вообще я слышалъ, что за этими Лукоморами находится еще большая рѣка, именуемая *Таханинъ?* (Tachanin), въ которой рѣкѣ находятся, будто бы, рыбы совершенно похожія на человѣка, то есть, имѣютъ всѣ тѣ же члены, только покрытые чешуею, какъ у прочихъ рыбъ. На берегахъ же этой рѣки есть огромные лѣса съ чудовищными народами, у которыхъ голова звѣриная съ глазами во лбу; тамъ находятся также и другія тому подобныя чудовища, о которыхъ, впрочемъ, не имѣютъ болѣе никакаго свѣдѣнія.

Есть еще народъ, близъ Персидскаго Моря (mar di Persia) по Волгѣ — это такъ называемые *Сибирскіе Татары* (Tartari Zibiri); и въ этой землѣ, какъ сказываютъ, протекаетъ рѣка *Тайхъ?* (Taich), а между нею и Волгою, произрастаетъ, будто бы, особаго рода сѣмя, похожее на сѣмена дыни, съ тою разницею только, что оно немного покругльше, и производитъ плодъ похожій на ягненка (simile a un agnello). Стебель у него выходитъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатые; роговъ нѣтъ; передняя часть, какъ у раковъ, которыхъ ѣдятъ, а задняя мясо; живутъ они, пока имѣютъ вокругъ себя пищу; а называютъ ихъ *баранцами* (Baranez), что значитъ: *ягнята*. И я видѣлъ шапки мѣховыя, которыя, какъ сказывали мнѣ утвердительно, были изъ шкурокъ этого животнаго [19].

Я не хотѣлъ ничего пропустить въ этомъ письмѣ, что только видѣлъ самъ во время нынѣшняго моего пу-

[19] Преданіе о баранцѣ иностранцы получили со временъ еще Герберштейна, и эта сказка продолжалась до XVIII вѣка; подробности объ этомъ баранцѣ помѣщены въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, См. т. IV, стр. 300. Также см. *Сынъ Отечества* нынѣшняго года, книжку первую, стр. 28, въ отдѣленіи Русской Исторіи.

Digitized by Google

тешествія, и что только могъ извлечь изъ свѣдѣній, собранныхъ мною о дальнѣйшихъ краяхъ; а собиралъ я такія свѣдѣнія со всею точностію, чтобъ какъ-нибудь доискаться истины, и такимъ образомъ передаю теперь все, видѣнное или слышанное мною. Извините, что пишу къ вамъ въ такомъ безпорядкѣ и несвязности: я самъ это вижу и знаю; довольно того, что, повинуясь вашему желанію, представляю вамъ вѣрный и подробный отчетъ; причемъ, со всею готовностію всегда вамъ служить, цѣлую вашу родительскую руку и прошу сохранить меня въ числѣ любимыхъ вашихъ сыновей, умоляя Всевышняго о сохраненіи вашего благоденствія.

Свѣдѣнія о рѣкахъ и городахъ Московіи.

Рѣка *Москва* получаетъ свое начало въ окрестностяхъ Твери, къ литовской сторонѣ, протекаетъ отъ своего истока до Москвы на девяносто верстъ пространства, и здѣсь, подъ Москвою, становится уже судоходною, и течетъ весьма излучистымъ русломъ до города Коломны; въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда впадаетъ она въ *Оку*, которая вливается въ *Волгу*, тамъ, гдѣ находится Нижній-Новгородъ съ каменною крѣпостью, въ пятистахъ верстахъ отъ Москвы [20].

Далѣе верстахъ во стѣ-сорока за Нижнимъ, находится другая рѣка, которая вливается здѣсь въ Волгу, а течетъ съ юга, и называется *Сура* (Szura), при устьѣ которой стоитъ каменная крѣпость, именуемая *Васильевъ-Новгородъ* (Basilonugorod) [21].

Неподалеку отъ этой рѣки находится тутъ еще другая, именуемая также *Москва*(?) которая течетъ съ юга

[20] Москва-рѣка вытекаетъ изъ Можайскаго Уѣзда, близъ деревни Асташки, изъ озера.

[21] Здѣсь должно разумѣть городъ Васильсурскъ, основанный при устьѣ рѣки Суры; онъ же построенъ въ 1523 году при Великомъ Князѣ Васильѣ Іоанновичѣ.

Digitized by Google

на востокъ и вливается въ Оку, повыше города *Муромы*. На этомъ пространствѣ земли есть большіе лѣса, обитаемые мордовскими племенами, имѣющими свой языкъ, и которые, частію идолопоклонники, частію же магометане. Народъ дикій и воинственный; сражается пѣшимъ и вооруженъ луками и стрѣлами.

Между Европой и Азіею находится одно пребольшое озеро, имѣющее въ окружности, какъ сказываютъ, полторы тысячи верстъ, и лежитъ близъ города, именуемаго *Тула*, а самое озеро называется: *Иванъ-озеро* (Iwanovosero) [22]. Изъ этого озера, верстахъ въ сорока отъ упомянутаго города Тулы, вытекаетъ рѣка *Донъ* или Танаисъ, (Tanai) а не изъ Рифейскихъ Горъ, какъ многіе доселѣ полагаютъ, и течетъ она посреди большихъ лѣсовъ. Но эта рѣка богаче своею громкою славой, чѣмъ водою, потому-что не вездѣ судоходна, мѣстами чрезвычайно узка, то такъ опять широка, что съ одного берега не видно другаго, и вливается она въ Меотическое Болото (palude meotide), близъ города именуемаго *Азовъ*, или правильнѣе *Азофъ* (Asofh), который ведетъ большую торговлю съ разными народами; отъ города же Донкова (Donco), гдѣ становится она судоходною, до самаго впаденія ея въ *Тану* (Tana), считается четыре-ста верстъ по сухому пути; водою же дѣлается этотъ путь въ двадцать дней, потому-что она довольно излучиста, и къ востоку вьется, верстахъ въ тридцати-пяти близъ Волги, но потомъ поворачиваетъ въ сторону и течетъ, какъ сказано выше.

Находится тамъ еще рѣка, въ Землѣ Сѣверской (paese di severa), именуемая Малымъ Танаисомъ — Донцомъ (piccolo Tanai), и вливающаяся въ Большой Танаисъ, то есть, Донъ. Страну эту называютъ царствомъ, и находится она въ осьми-стахъ верстахъ отъ Москвы.

[22] Иванъ-Озеро находится въ Тульской Губерніи, въ Веневскомъ Уѣздѣ, и вовсе не имѣетъ пространства полуторы тысячъ верстъ.

Digitized by Google

Поворачивая къ югу, верстахъ въ трехъ стахъ отъ Москвы, находятся болота и топи. Страна эта называется *Миценскъ* (Emscenek); отсюда вытекаетъ рѣка Ока, по которой пролегаютъ разные большіе города; туземцы, когда напретъ на нихъ сильный непріятель, тотчасъ спасаются въ упомянутыхъ своихъ болотахъ; между прочими городами, есть здѣсь городъ, именуемый Кошира (Cossira), гдѣ находится большая желѣзная рудокопня; а земля вся ровная, не гористая, подвластная русскому государю. Рѣка Ока вливается въ Волгу. Въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ, именуемомъ *Калуга*, русскій государь постоянно содержитъ гарнизонъ изъ Татаръ, на военной ногѣ, и всегда готовый выступить въ походъ.

Отсюда къ югу, повыше Крымскихъ Татаръ (Tartari di Crima), но въ сосѣдствѣ съ ними, находится по одну сторону *Черкессія*, по другую *Валлахія* и *Литва*, у которой взялъ русскій государь большой городъ *Смоленскъ*, лежащій на рѣкѣ *Бористенъ*, или же *Днѣпръ* (Dnieper), и бывшій нѣкогда епископствомъ и помѣстіемъ до покоренія его Русью.

Волга, — по-русски, а по-татарски *Эдель* (Edel), — беретъ свое начало въ большомъ литовскомъ лѣсу, весьма болотистомъ, откуда вытекаютъ и многія другія рѣки; а лѣсъ этотъ туземцы называютъ *Волконскимъ*, (Vuolkonski.) Волга же течетъ сначала на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ востоку, и вливается въ *Каспійское Море*. Сказываютъ, что въ нее впадаетъ отъ семидесяти до семидесяти двухъ посторонніхъ рѣкъ; а вливается она въ море многими рукавами, которыми и образуетъ тамъ острова.

Немного поодаль оттуда, гдѣ вытекаютъ упомянутыя рѣки, есть селеніе, именуемое *Днѣпрскъ* (Dniepersko); близъ этого мѣста получаетъ свое начало рѣка *Бористенъ* или *Днѣпръ*. — Нѣсколько подальше находится троицкая монашеская обитель. — Оттуда вытекаетъ еще другая рѣка, называющаяся *Малый Бористенъ*, Днѣ-

Digitized by Google

прецъ, (piccolo Boristene); но довольно быстро обѣ онѣ сливаются вмѣстѣ и становятся одною судоходною рѣкою, которая наконецъ впадаетъ, повыше *Каффы* (Caffa), въ образуемое ею же большое озеро.

Въ этомъ мѣстѣ *Каффы*, во времена Генуэзцевъ, была взята широкая, вышитая шелками и золотомъ, и украшенная жемчугомъ и разными каменьями епитрахиль, которую Русскіе называютъ *бармами* (Barmo). Эта епитрахиль взята была Владиміромъ Мономахомъ, государемъ Руси, который былъ женатъ на дочери императора Константина, по имени Аннѣ, и онъ еще принялъ Святое Крещеніе. Упомянутую епитрахиль понынѣ еще надѣваютъ на себя русскіе государи, когда коронуются.

Новгородъ (Nugard) городъ большой, съ красивою каменною крѣпостію; чрезъ него протекаетъ большая рѣка, именуемая *Волховъ* (Volcho); на ней большой каменный мостъ съ домами и лавками, такъ-что, просто, кажется улицею. Народъ, нѣкогда свободный, нынѣ же, самъ чрезъ себя, подпавшій подъ власть русскаго государя, велъ въ-старину довольно отдаленныя отъ дому войны, какъ-то: въ самой Греціи, гдѣ пробылъ семь лѣтъ подъ городомъ, именуемымъ *Корсунь*; а между-тѣмъ крестьяне подѣлались господами и поженились на женахъ своихъ господъ, которые наконецъ взяли упомянутый городъ и унесли оттуда съ собою богатыя бронзовыя ворота, и колоколъ, что и доселѣ можно видѣть въ одной изъ ихъ церквей.

Между Окою и Дономъ есть государево владѣніе, то есть, земля подвластная нынѣ Руси, гдѣ между прочимъ находится городъ и княженіе рязанское. Страна эта плодородна и обильна рогатымъ скотомъ, медомъ, воскомъ и хлѣбомъ, который, какъ сказываютъ, родитъ изъ одного зерна тридцать, а каждый стебель даетъ три колоса; сверхъ-того, водится тамъ множество перепеловъ,

Digitized by Google

которые, по тучности своей, насилу могутъ взлетать; словомъ — страна изобильная всѣмъ!

Близъ Новагорода, верстахъ въ шестидесяти, есть городъ, именуемый *Русса*. Тамъ находятся соляные ключи, изъ которыхъ вываривaютъ довольное количество поварепой соли.

Псковъ (Plesco) одинъ изъ лучшихъ городовъ Руси, кругомъ весь укрѣпленный, находится надъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка, протекающая срединою города, и именуемая *Псковъ* (Plesco); она впадаетъ въ озеро Пейпусъ (Pebus), неподалеку отъ Дерпта (Dorp), города, лежащаго на томъ озерѣ Пейпусѣ, во стѣ-пятидесяти верстахъ отъ Нарвы; а означенное озеро имѣетъ длины сто-пятьдесятъ, ширины пятьдесятъ верстъ, и принимаетъ въ себя до шестидесяти рѣкъ.

На Сѣверномъ Морѣ, близъ рѣки Двины, находится островъ въ сорока верстахъ отъ города, гдѣ стоитъ большой монастырь; тамъ вываривается довольное количество соли, и ловится премножество разной рыбы, крупной и мелкой, въ ужасномъ изобиліи.

Верстахъ въ семидесяти-пяти отъ Москвы есть двѣ крѣпости на двухъ озерахъ, изъ которыхъ одна называется: *Переяславль* (Pereaslawe) а другая *Ростовъ* (Rostow); въ этихъ мѣстахъ добывается довольно соли; а находятся эти крѣпости на сѣверѣ отъ Москвы.

Чрезъ городъ *Вологду* протекаетъ рѣка того же имени, то есть, *Вологда*, впадающая потомъ въ *Сухону* (Zuchana).

Въ Вологдѣ течетъ еще другая рѣка, именуемая Сухона, вытекающая отъ сѣвера и направляющая теченіе свое на юго-востокъ; потомъ поворачиваетъ она къ востоку и, вмѣстѣ съ сопровождающею ее рѣкою *Югомъ?* (Iug), обѣ теряютъ свои названія, а получаютъ одно общее: *Двины*, что должно по-русски значить: *двойня;*

Digitized by Google

но названіе это нѣсколько испорчено; и такимъ образомъ эта рѣка Двина, течетъ уже на сѣверъ, увеличиваясь отъ впаденія въ нее еще многихъ другихъ посторонніихъ рѣкъ, и вливается наконецъ въ *Ледовитое* Море, повыше Норвегіи, гдѣ уже называется она *Холмогорою* (Colmagora), потому-что, въ пяти или шести дняхъ пути внизъ по рѣкѣ, находится городъ этого имени. Оттуда-то съ открытіемъ навигаціи пріѣзжаютъ Англичане; а обилуетъ она, какъ нельзя больше, солью и крупною рыбою, китами и огромнѣйшими морскими волками (Lupi marini), изъ нхъ зубовъ, которые чрезвычайно велики, дѣлаются черенки для ножей, и множество ихъ расходится въ Турціи. Страна, которую рѣка эта протекаетъ, также называется отъ ея имени, *Двиною* (Dividna)? и тамъ находятся бѣлые медвѣди, ростомъ не меньше обыкновенныхъ, но еще гораздо больше, которые пребываютъ всегда то въ морѣ, то въ болотахъ, или подобныхъ тому водахъ; выходятъ же на сушу, только для пріисканія себѣ корма, какъ и прочіе; и я насмотрѣлся ихъ вдоволь.

Въ десяти-тысячахъ верстахъ отъ Москвы, къ сѣверу, находится на одномъ озерѣ островъ, гдѣ добываютъ изъ воды сѣру, но въ маломъ количествѣ, потому болѣе, что не умѣютъ ее добывать.

Во многихъ и многихъ суткахъ пути отъ рѣки Двины, у *Златой Бабы* (Slata Baba), находятся *Рифейскія Горы*, именуемыя *Поясомъ Міра*, и тѣ, которые тамъ бывали, сказываютъ, что взбирались на нихъ пѣшкомъ семнадцать дней; что состоятъ онѣ изъ отвѣсныхъ и нагихъ утесовъ, и что водятся на нихъ бѣлые соколы, именуемые *кречетами* (girifalchi), которые привозятся въ Москву.

Земля Самогитовъ? (paese di Samiti) небольшая; течетъ по ней рѣка изъ Литвы въ Ливонію, шириной въ нѣсколько верстъ, и впадаетъ она въ море, близъ Риги.

Digitized by Google

Земелька эта подвластна Полякамъ. Родится тамъ довольно карликовъ.

Курляндія — герцогство; приморская ея часть принадлежитъ епископству Острова Эзеля. Тамъ довольно находится колдуновъ, чернокнижниковъ и тому подобныхъ кудесниковъ, которые оборачиваются въ волковъ и пожираютъ людей.

ЗАПИСКА О ВЕЩАХЪ, КОТОРЫЯ НАДОБНО ПОСЛАТЬ ВЪ МОСКВУ.

Дорогихъ каменьевъ и сапфировъ просверленныхъ, круглыхъ и овальныхъ, въ видѣ груши, или граненыхъ, съ двумя жемчужинами, одною сверху, другою снизу, для серегъ.

Круглыхъ или граненыхъ шариковъ, величиною въ гусиное яйцо, изъ вызолоченнаго серебра, осыпанныхъ разными дорогими каменьями или дублетами, для лошадиной збруи; или же, вмѣсто означенныхъ шариковъ, львиныхъ головокъ, которые очень входятъ въ моду, оправныхъ и тому подобныхъ.

Красныхъ шанокъ, дѣлаемыхъ въ Генуѣ.

Нѣсколько дюжинъ кусковъ рубашечнаго холста, по тридцати или сорока талеровъ за кусокъ; но еще было бы хорошо, послать притомъ и готовыхъ сорочекъ, пары съ четыре, такъ-что, если окажутся малы и нельзя будетъ ихъ носить, можно сбыть ихъ за хорошую цѣну.

Сургуча, для раздачи въ подарокъ.

Буры, для паянія золота.

Фольги подъ рубинъ и сапфиръ, а также подъ алмазы и изумрудъ; но наиболѣе сапфировой и рубиновой; ящичка, напримѣръ, три или четыре.

Для продажи государю — два конскихъ ожерелья, да чтобъ были поуже у начала головы, шириною же немно-

Digitized by Google

го больше чѣмъ въ три пальца; какъ можно плотнѣе сплетенныхъ, на ремнѣ и съ пряжкою; а наконечники, чтобъ были осыпаны каменьями и съ финифтью, въ листьяхъ, и съ арматурою; одно — серебряное вызолоченное, другое — просто, серебряное.

Дюжины полторы золотыхъ и серебряныхъ позолоченныхъ пуговицъ, въ видѣ груши или еловой шишки, либо другой красивой формы, съ какими-нибудь каменьями и съ финифтью, небольшой цѣны; но какъ можно, чтобъ были покрупнѣе; равно и другихъ такихъ же, но безъ каменьевъ и съ чернью; а также въ арабскомъ вкусѣ, имѣющихъ видъ груши или дыни, или чего-нибудь подобнаго.

Еще пуговицъ коралловыхъ, круглыхъ или тоже въ видѣ груши, либо дыни, съ жемчужиною въ серединѣ; по полуторы дюжины на кафтанъ.

Еще особо жемчугу для пуговицъ; но чтобы жемчугъ, былъ до половины въ оправѣ, да хорошо было бы между жемчугомъ перемѣшать еще и небольшіе рубинчики, бирюзу, и тому подобное, по фантазіи.

Хорошихъ очковъ, въ серебряной оправѣ.

Длина кистей для лошадиной збруи должна быть въ величину цѣлаго этого листа.

Изъ винъ: хорошихъ, и высокаго сорта, но не сладкихъ.

Четыре моденскихъ круглыхъ щитка, въ разной хорошей оправѣ, и одинъ стальной.

Кожъ для ремней, съ набивнымъ испанскимъ золотомъ, въ разные узоры.

Пару самыхъ низенькихъ шпалерниковъ для шпалерныхъ печей.

Большихъ мѣдныхъ тазовъ.

Пару подсвѣчниковъ изъ желтой мѣди.

Сладкаго миндалю.

Испанскаго изюму.

Digitized by Google

Писчей бумаги.

Разныхъ сортовъ парчи.

Курительныхъ духовъ.

Разныхъ камней, съ рѣзьбою, для перстней, съ разными оттисками.

Камей, агатовъ, призмъ, рубиновъ, сердоликовъ и тому подобнаго.

Нѣсколько большихъ рубиновъ, разнаго вида и даже не чистыхъ, гранатовъ съ рѣзьбою; гіацинты не слишкомъ здѣсь цѣнятся.

Цвѣта кистей, чтобъ были красные, желтые, бирюзовые, и такъ далѣе.

Пару готоваленъ съ красивыми гребнями, и въ оправѣ.

Одно полное вооруженіе: мѣрою на высокій ростъ, съ открытою грудью, для вдѣванія нагрудника; шлемъ безъ забрала, высокой и остроконечный, безъ козырка спереди и сзади, но круглый.

Всякихъ душистыхъ, и хорошихъ сортовъ водъ въ довольномъ количествѣ, на всякій случай; и такихъ же самыхъ лучшихъ мылъ для умыванія рукъ.

Зеркала хрустальныя есть тамъ превосходныя, но не въ большомъ количествѣ.

Прислать, для господина Винченцо Орсини, небольшіе часы съ будильникомъ и часовымъ боемъ, а также разныхъ сѣмянъ: травъ, тыквъ, цвѣтной капусты и прочаго; турецкихъ бобовъ для разсады, каштановъ; пармазану, двѣ пары масокъ, лимоновъ и апельсиновъ, да немного португальскихъ вареньевъ. Вышеозначенные часы должны быть такого рода, чтобъ вѣшать ихъ на стѣну; сверхъ-того, тетрадь рисунковъ съ листьями, арабесками и тому подобнымъ.

Въ Царву привезти золотыхъ дѣлъ мастера.

Коверъ тканный золотомъ и шелками, для покрышки государевыхъ саней, длиною по-крайней-мѣрѣ въ четыре аршина.

Digitized by Google

Другихъ покрывалъ для саней, шириною аршина въ два, длиною въ три съ половиною, и попонъ для лошадей къ этимъ санямъ.

Индѣекъ и пѣтуховъ индѣйскихъ.

Мѣрка государевой теплицы: высота почти три съ половиною аршина, длина и ширина отъ одиннадцати до двѣнадцати аршинъ.

Каймъ для покрывалъ, темнозеленыхъ, темносинихъ, и малиновыхъ, или кармазиновыхъ.

Четыре или пять пудъ висмуту для типографщиковъ.

Четыре или пять тюковъ (по десяти стопъ) большой бумаги для печатанія.

Обращикъ шерстяныхъ матерій (мукаярды), дѣлаемыхъ во Франдріи; требуется, чтобъ были цвѣта алаго и свѣтло или темнозеленаго.

Не позабыть въ особенности, что не надо брать съ собою большаго количества одного какого-нибудь товара; но всего по немногу: обыкновенными полотнами можно позапастись нѣсколько побольше, чѣмъ нужно. Холстинки же и шелковыя, какъ и другія, матеріи должны быть всѣ самыхъ яркихъ и красивыхъ цвѣтовъ, исключая бѣлаго и чернаго.

Въ Венеціи и въ Миланѣ есть разнаго сорта хрустальныя четки, и съ золотомъ и безъ золота, а также и изъ разныхъ каменьевъ, и разнаго цвѣта и вида: всего этого нужно для Москвы.

Четыре желѣзныхъ сундука порядочной величины; и нѣсколько небольшаго, гладкаго шведскаго жемчугу, самаго лучшаго.

Бруггскаго атласу, вѣрныхъ оттисковъ съ изображеніями разныхъ государей; стрѣлъ для господина Антоніо; луковъ для солдатъ.

Нѣкоторое количество разноцвѣтнаго бархату; два или три куска одного чернаго, и еще нѣсколько другихъ,

Digitized by Google

хорошихъ цвѣтовъ и лучшей доброты для государя; остальное, попроще.

Разноцвѣтной камки, но самой легкой, для Нарвы.

Еще атласу; но небольшое количество; да чтобы всѣ эти матеріи были самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и нѣсколько изъ нихъ, — если можно,—кармазиннаго цвѣта; изъ этихъ же камчатныхъ и атласныхъ матерій требуется, лишь немного, желтыхъ; но всего болѣе бирюзоваго цвѣта.

Флорансу съ цвѣтнымъ отливомъ.

Хорошихъ и легкихъ неаполитанскихъ полотенъ.

Краснаго и другихъ цвѣтовъ атласу, съ золотомъ; но немного.

Въ Кельнѣ дѣлается золотой галунъ, шириною въ два и три пальца: но для оторочки рубашекъ около шеи и по краямъ а также кругомъ, надобно чтобъ было тамъ перемѣшано золото съ серебромъ и разноцвѣтными шелками.

Для оторочки по краямъ требуется широкихъ золотыхъ, сѣтчатыхъ плетешковъ, также съ перемѣсью золота съ серебромъ и шелками, если можно, разноцвѣтными.

Низенькихъ спинокъ для стульевъ, въ теплицы, изъ золотыхъ и серебряныхъ кожицъ, безъ фигуръ, но чтобъ было, какъ можно поболѣе листьевъ и цвѣтовъ.

Дѣлаемыхъ въ Миланѣ, фасонистыхъ галуновъ, для рейтузъ; но чтобъ были какъ можно болѣе перемѣшаны разными цвѣтами.

Дѣлаемой въ Миланѣ, такой же фасонистой матеріи.

Также галуна, дѣлаемаго во Флоренціи; разнаго фасона, волосянаго и бархатнаго; шириною пальца въ два, для обшивки рейтузъ.

Разнаго тряпья или разноцвѣтныхъ обращиковъ каждой матеріи, и если можно, поиспестрить ихъ немного золотомъ.

Digitized by Google

Разноцвѣтныхъ, серебряныхъ и золотыхъ, перевязей, дѣлаемыхъ въ Кельнѣ или Миланѣ, шириною въ палецъ.

Финифти, прозрачной и въ плотномъ видѣ, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно алой прозрачной, да только неслишкомъ много.

Золотаго и серебрянаго гаса, мишурнаго и настоящаго, разныхъ цвѣтовъ.

И наконецъ, ножей для образца.

Примѣчаніе о цѣнахъ нѣкоторые предметы въ Москвѣ.

Сухой и сырой кожаный товаръ (Cuoja) по 15 и 20 денегъ (denning).

Мѣха большаго звѣря, стоятъ въ Москвѣ, 40 большихъ денегъ, каждая штука.

За фунтъ ртути платится нынѣ по 13 и 15 алтыновъ.

Сколько было бы барыша привезти сюда талеровъ, въ казну! Здѣсь, однако жъ, больше цѣнится привозное золото.

Деньга (Denning) стоитъ 3 рубля.

Золото нейдетъ въ прокъ, если безъ чекана.

Провозъ товаровъ отсюда въ Нарву весьма дешевъ: 4 талера съ небольшимъ, съ повозки.

Черный шелкъ, сырецъ, стоитъ 45 алтыновъ съ чѣмъто.

Мѣдная ярь (краска) стоитъ теперь въ Москвѣ, 1 талеръ 16 грошей; но обыкновенно можно имѣть ее по $\frac{1}{2}$ талера.

Пудъ (что составляетъ 40 фунтовъ) чернильныхъ орѣшковъ стоитъ теперь 8 талеровъ, но обыкновенно можно доставать по 6 талеровъ. Чтобъ не портились, надо ихъ держать всегда на холоду.

Сублимата фунтъ стоитъ теперь $4\frac{1}{2}$ талера, но часто и дороже бываетъ; но не надобно привозить его въ большомъ количествѣ.

Digitized by Google

Ладонъ теперь по 20 талеровъ, но бываетъ и подешевле; только требуется, чтобъ былъ самый лучшій.

Золотой проволоки фунтъ стоитъ 18 талеровъ; разходъ на нее порядочный; требуется только, чтобъ была тонкая и самой лучшей доброты.

Ѣдущіе изъ Польши въ Москву, не платятъ никакой пошлины ни за ввозъ товаровъ, ни за вывозъ; ѣдущіе изъ Крыма, платятъ по 8 процентовъ за ввозъ, а за вывозъ ничего; изъ Нарвы же 4 процента.

Венгерки, венеціаны, полуанджеллы и тому подобное стоятъ нынѣ, по 75 денегъ, каждая штука; но они дороже обыкновеннаго; можно доставать ихъ въ другое время, по 60 денегъ.

50 денегъ составляютъ обыкновенный скудій.

Деньги въ лучшемъ ходу, чѣмъ самые талеры, какъ доказывается это на опытѣ.

Жемчугъ—въ цѣнѣ; лучшимъ считаетъя, что покрупнѣе да побѣлѣе. Самый лучшій стоитъ два рубля.

Всякія пряности требуются въ Москву, преимущественно перецъ, и ужасно много его употребляется; гвоздики не столько; корицы мало; сахару не такъ много; варенаго инбирю мало, даже самаго лучшаго; мускатнаго цвѣта, мускатныхъ орѣшковъ, аниса, не въ сахарѣ, пудъ стоитъ тамъ 60 алтыновъ. Фунтъ перцу $\frac{1}{4}$ рубля; но теперь онъ дорогъ; въ другое время можно доставить его и по 10–12 алтыновъ.

Фунтъ гвоздики 1 рубль.

—— корицы 1 —

—— мускатныхъ орѣховъ 10 алтыновъ.

—— мускатнаго цвѣта 40 алтыновъ, но онъ теперь дороже обыкновеннаго.

Фунтъ инбирю неваренаго 8 алтынъ, обыкновеннаго бываетъ по 5 алтынъ. Пудъ испанскаго изюму стоитъ $1\frac{1}{2}$ рубля.

Пудъ миндалю не осахареннаго 110 алтыновъ.

Пудъ сала, въ Москвѣ, стоитъ $9\frac{1}{2}$ алтыновъ.

Digitized by Google

Пудъ воску 40 алтыновъ.

Чистаго меду, безъ воску, платится въ Москвѣ, по $\frac{1}{2}$ рубля за пудъ, даже за 2 центнера.

Нитокъ бѣлевыхъ № 1, фунтъ стоитъ 4 московки (muscoco); № 2, два фунта стоятъ 3 московки.

Красный сафьянъ стоитъ небольшихъ денегъ.

Два барана (montoni) одинъ красный, другой черный, каждый по 10 московокъ.

Ленъ, пеньку и нитки доставать надо въ Новѣгородѣ и Нарвѣ, а не въ Москвѣ.

Два *булгера?* (Bulgheri) стоятъ 22 алтына.

Кусокъ стали 1 московка.

Книжечка золотой бити, въ 8 листковъ, стоитъ 2 алтына.

Кусокъ канвы, въ 9 аршинъ, стоитъ $6\frac{1}{2}$ московокъ.

Кусокъ салфеточнато холста, въ 8 аршинъ, 4 алтына и 4 мосоквки.

Четырнадцать щегольскихъ горностаевъ стоятъ 10 алтынъ и 2 московки.

Бурка изъ войлока стоитъ 12 алтынъ, а кусокъ войлока 8 алтынъ 2 московки.

Фунтъ алаго шелку стоитъ 55 алтынъ.

Фунтъ чернаго шелку 39 алтынъ.

Пудъ бѣлыхъ хорошихъ квасцовъ, стоитъ отъ 55 до 66 алтынъ. Красныхъ 40 алтынъ; но этого товара не требуется много.

Пудъ *бризилю?* (Brisil) 30 алтынъ, да этого и мало теперь въ городѣ.

Пудъ бобровой струи, 3 рубля.

Сыраго сафьяна $\frac{1}{2}$ талера.

За выдѣлку кожъ платится по 6 и по 7 алтыновъ со штуки.

За обыкновенную сырую кожу платится почти половина Δ?

Вѣсъ московскій называется гривенка (Grivenka); въ

Digitized by Google

гривенкѣ сорокъ-восемь золотниковъ; шесть золотниковъ составляютъ одну унцію; на этотъ вѣсъ взвѣшивается жемчугъ, золото, серебро, шелкъ, пряныя коренья и разныя мелочи.

Крупныя вещи вѣсятся на другой вѣсъ, называемый *фунтъ*. Въ каждомъ фунтѣ по двѣ гривенки (grevinche).

Мѣра московская для полотенъ, суконъ, матерій и тому подобнаго, называется *аршинъ*, и другой мѣры нѣтъ.

Въ Нарвѣ нѣтъ никакой таможни; но въ Москвѣ за ввозъ товаровъ взимается пошлина, по дорогѣ изъ Нарвы — по 4 процента, изъ Польши — также 4 процента; по дорогѣ же изъ Крыма — 8 процентовъ, но за вывозъ не платится ничего.

Милостивый государь, достопочтенный братъ Франческо.

Прошелъ уже годъ, какъ не писалъ къ вамъ, находясь, какъ вамъ извѣстно, за границею, въ отдаленной и варварской землѣ, откуда не могъ вамъ переслать ни вѣсточки о себѣ, проводя большую часть времени въ дорогѣ. Правда, замѣшкался я болѣе, чѣмъ полагалъ, по многимъ чрезвычайно затруднительнымъ случаямъ, какія встрѣтились со мной по причинѣ военныхъ и другихъ тамъ обстоятельствъ; не говорю уже о затрудненіяхъ, какія представляетъ самая страна. Этого году стояли здѣсь необыкновенно большіе холода, отъ которыхъ были такіе удивительные случаи, что превосходятъ всякое понятіе и воображеніе человѣческое!... Скажу только, что еще перваго Мая, хоть уже съ тысячу верстъ я ускакалъ, съ того времени какъ ѣздили на лошадяхъ и въ саняхъ по Ледовитому Морю, и перваго Декабря проѣхалъ въ Татаріи Волгу, величайшую рѣку, впадающую въ Каспійское Море, и потомъ еще Донъ, и множество тамошнихъ рѣкъ, — перваго

Digitized by Google

Мая, чуть было не умеръ отъ холода и недостатка, потому-что мало цѣнятся тамъ собственно денежныя удобства или услуги. Но теперь, какъ отдѣлался отъ этого, приношу безконечныя благодаренія милосердому Богу, что по-крайней-мѣрѣ дозволилъ мнѣ видѣть много такого примѣчательнаго, о чемъ—прочимъ нашимъ — и не снилось даже! Я отыскалъ множество прелюбопытнаго, чего не найти у писателей, и для собственнаго удовольствія записалъ все это, какъ видѣнное самимъ мною, такъ и слышанное отъ другихъ, о всемъ достопримѣчательномъ около Сибири и Китая, куда самъ я не могъ добраться; свѣдѣнія же эти собиралъ я отъ тѣхъ, которые тамъ были.

Такимъ образомъ, если я и въ убыткѣ, перенесши столько опасностей и надѣлавъ вамъ столько безпокойства, имѣю, по-крайней-мѣрѣ, то удовольствіе, которое считаю, впрочемъ, не бездѣлицей, что за всѣмъ тѣмъ, получивъ отъ московскаго государя свободный проѣздъ по его землямъ и охранительныя граматы, какъ, для себя такъ и для моихъ людей, я ожидаю много хорошаго впереди; потому-что собралъ такія, говорю, свѣдѣнія, которыя мало кому извѣстны; а сверхъ-того имѣю еще паспорты и охранительныя граматы и отъ датскаго и шведскаго королей, что̀, какъ по мнѣ, такъ и на самомъ дѣлѣ, весьма важно! А дабы не терять случая, еще одиннадцатаго сего мѣсяца отправилъ я отсюда корабль съ грузомъ на десять тысячь $\overline{V}$ товару, и наличнаго капитала; если, дастъ Богъ, это дойдетъ и возвратится счастливо, надѣюсь получить отъ того много выгоды; и тогда я буду продолжать такъ и впередъ, уповая, что такимъ образомъ Богъ вознаградитъ всѣ мои приключенія и уроны.

Я не хотѣлъ пропустить случая написать къ вамъ, хоть вообще такъ кратко, чтобы по-крайней-мѣрѣ видѣли, что̀ *я могу*; когда другіе леденѣютъ отъ

Digitized by Google

страха, — я пылаю доброю надеждой, и вы увидите результаты, что, — если не случится какого — нибудь несчастія, — корабль мой воротится, полагаю, даже прежде половины Сентября. А тогда и съ вами коечѣмъ подѣлюсь. Пока же Богъ мнѣ поможетъ счастливо окончить мои дѣла, прошу поцѣловать руку благочестивѣйшему Монтепульчіано, и поручить меня его молитвамъ во всякомъ случаѣ. Я знаю, что монсиньора Пьера Гвичіярдини нѣтъ, а то бы поручилъ себя и его молитвамъ тоже. Кланяйтесь, впрочемъ, всѣмъ кому только найдете приличнымъ передать мои поклоны, и, за симъ, поручая себя вашей памяти, молю Бога о сохраненіи дней вашихъ.

Если есть что-нибудь новенькаго, сообщите и мнѣ.

Антверпенъ. Двацать-перваго Іюня 1568.

Меньшій братъ вашъ —

Рафаэль Барберини.

Изъ-за границы.
Господину Франческо Барберини,
въ Римъ.

Съ итальянскаго

В. Любичъ-Романовичъ.

Digitized by Google

Отдѣленіе II.

Современная Исторія
и
Политика.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Въ предъидущей статьѣ нашей, излагая ходъ современныхъ событій во Франціи, мы остановились на горестномъ, несчастномъ для этого государства происшествіи—внезапной кончинѣ наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго. Здѣсь не лишнимъ считаемъ сообщить нѣкоторыя подробности, касающіяся до этого случая. Пароходъ «le Tonnerre», отправленный къ принцу Жоанвильскому съ извѣстіемъ о смерти старшаго его брата, пошелъ сначала въ Каліари, но какъ эскадры адмирала *Гюгона* тамъ уже не было, то пароходъ отправился въ Неаполь. На рейдѣ стоялъ одинъ только пароходъ, капитанъ котораго сообщилъ, что французская эскадра маневрируетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Неаполя. Пароходъ «le Tonnerre» немедленно вышелъ опять въ море и вскорѣ настигъ эскадру. Печальная депеша вру-

Digitized by Google

чена была адмиралу *Гюгону*, который и сообщилъ ее принцу Жоанвильскому. Трудно изобразить, говорятъ французскіе журналы, отчаяніе принца при полученіи этого горестнаго извѣстія. Онъ немедленно пересѣлъ съ фрегата «la belle Poule» на пароходъ «le Tonnerre», который и отправился тотчасъ обратно во Францію. Принцъ прибылъ въ Нёльи двадцать третьяго Іюля. Видъ его возбуждалъ живѣйшее сожалѣніе. На лицѣ принца изображались слѣды живѣйшей горести. Онъ не спалъ цѣлыхъ пять ночей, и почти безъ чувствъ бросился въ объятія своихъ несчастныхъ родителей.

Докторъ *Дюваль*, который первый оказалъ врачебное пособіе герцогу Орлеанскому, составилъ описаніе послѣднихъ минутъ наслѣднаго принца. Вотъ главныя мѣста изъ этого донесенія. «Поднявъ и приведя принца въ удобное положеніе, говоритъ докторъ *Дюваль*, мы тщательно осмотрѣли его тѣло. Нигдѣ не было явнаго признака переломовъ, вывиха или поврежденія костей. На лбу замѣтили мы ушибъ, простиравшійся отъ основанія волосъ до правой брови. Во рту и въ правомъ ухѣ была кровь. Послѣ этого перваго освидѣтельствованія, мы приступили къ кровопусканію, которое произвело мало перемѣны. Между-тѣмъ, однако, пульсъ нѣсколько возвысился, и больной сдѣлалъ нѣкоторое движеніе. Это заставило предполагать, что принцъ еще имѣетъ нѣкоторое сознаніе своего положенія; но вскрытіе тѣла обнаружило нѣсколько столь важныхъ поврежденій головныхъ нервовъ, что одного изъ нихъ было бы достаточно, чтобы уничтожить всякую способность къ самосознанію..... Мы прибѣгали къ холоднымъ обмываніямъ головы, къ сухимъ втираніямъ и къ возбудительнымъ нюхательнымъ средствамъ. Безчувствіе продолжалось; никакого признака чувствительности; постоянно автоматическія движенія. Около полудня прибылъ король въ сопровожденіи королевы и принцессъ Аделаиды и Клементины. Королева упала на колѣни возлѣ

Digitized by Google

тѣла своего злополучнаго сына. Никогда еще любовь и отчаяніе матери не проявлялись въ столь горестномъ видѣ. Среди общихъ рыданій король одинъ умѣлъ владѣть своею горестію. Между-тѣмъ положеніе больнаго становилось хуже и хуже; къ головѣ приставлены были шестьдесятъ піявицъ. Въ это время принцъ произнесъ нѣсколько несвязныхъ словъ на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ старался также сорвать піявицъ, какъ будто чувствовалъ боль, ими причиняемую. Въ половинѣ втораго часа, мы положили горчичную лепешку. Пульсъ, бывшій до кровопусканія слабымъ, прерывистимъ, сдѣлался почти нормальнымъ, но дыханіе становилось тяжелѣе, громче и прерывистѣе; принцъ былъ безпокоенъ и сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ движеній. Вскорѣ автоматическія движенія прекратились и уступили мѣсто другаго рода симптомамъ. Нижнія оконечности, которыя до-сихъ-поръ находились въ состояніи неподвижности и усыпленія, начали трепетать и потомъ въ нихъ сдѣлались судороги; скоро однако судорожныя движенія ослабѣли; наконецъ вовсе прекратились, оставивъ въ членахъ судорожную оцѣпенѣлость. Я замѣтилъ судорожное движеніе подбородка. Дыханіе было тяжело; пульсъ ослабѣлъ вновь и сдѣлался тонокъ, подобно нити..... Королева стояла еще на колѣняхъ, моля небо объ одной минутѣ самосознанія для своего сына, и прося Бога взять всю ея жизнь за эту милость. Доктора *Детушъ*, *Дешомъ*, *Тернъ* были введены; въ слѣдъ за ними явились доктора *Пакье*, отецъ и сынъ, и *Бланденъ*. Господинъ *Пакье*, сынъ, приступилъ къ наложенію большаго числа кровоносныхъ банокъ, какъ мокрыхъ такъ и сухихъ; втиранія эѳира и амміака подкрѣпляли это средство. Около двухъ часовъ введенъ былъ нѣльскій священникъ и совершилъ обрядъ елеспомазанія надъ принцемъ, котораго положеніе становилось все хуже и хуже. Конвульсивныя движенія вновь усилились; оконечности, особенно нижнія, были потрясаемы сильными судорога-

Digitized by Google

ми; ихъ мускулы подвержены были постоянному судорожному трепетанію. Дыханіе становилось тяжеле, пульсъ исчезъ вовсе, и, около трехъ часовъ, замѣтно было только біеніе каротидъ и то не явственно; глаза были полураскрыты и неподвижны; зрачки расширены. Правый глазъ былъ наполненъ кровью. Врачебныя пособія на нѣсколько минутъ пріостановились. Король и корелева сочли это за признакъ приближающейся кончины наслѣднаго принца; оба бросились на тѣло своего возлюбленнаго сына, и обнимали его съ громкими рыданіями. Прощаніе было истинно трогательно. Смерть явно была близка. Пульсъ каротидъ ослабѣлъ и по временамъ былъ вовсе незамѣтенъ. Лицо покрылось смертною блѣдностію, губы посинѣли. Дыханіе на минуту совсѣмъ пріостановилось. Нѣсколько разъ считали принца мертвымъ; но потомъ онъ испускалъ глубокій вздохъ, за которымъ слѣдовало опять отсутствіе всякаго признака жизни. Въ половинѣ пятаго благородный герцогъ Орлеанскій испустилъ послѣдній вздохъ.»

Тридцатаго Іюля тѣло несчастнаго герцога было перевезено съ большою церемоніею изъ Нёльи въ церковь Парижской Богоматери. Храмъ былъ великолѣпно убранъ, по рисункамъ архитектора *Висконти*. Четвертаго Августа совершенъ торжественный обрядъ погребенія и въ ночь тѣло отвезено въ Дрё, гдѣ и положено въ фамильномъ склепѣ герцоговъ Орлеанскихъ.

Мы уже говорили, что, по случаю кончины наслѣдника престола, срокъ собранія палатъ былъ ускоренъ. Двадцать-шестаго Іюля, въ часъ по полудни, король отправился въ Бурбонскій Дворецъ, обыкновенное помѣщеніе палаты денутатовъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ собираются обѣ палаты. Его величество сопровождали четыре его сына: герцогъ Немурскій, принцъ Жоанвильскій, герцогъ Омальскій и герцогъ Монпансье. Пушечнымъ залпомъ возвѣщено было о выѣздѣ его величества изъ Тюильри. Отрядъ кирасировъ и нѣсколько эскадроновъ

Digitized by Google

конной національной гвардіи открывали поѣздъ. Два маршала Франціи ѣхали по сторонамъ королевской кареты, которую сопровождала блистательная свита. Вся прислуга была въ глубокомъ траурѣ. Линейныя войска и національная гвардія стояли въ два ряда, по всей дорогѣ. Карусельская Площадь и набережныя были покрыты густыми толпами зрителей. По причинѣ большой отдаленности и множества офицеровъ, окружавшихъ карету, никто не могъ видѣть короля; но повсюду слышны были изъявленія живѣйшаго участія въ горести королевской фамиліи. Двери палатъ были открыты въ десять часовъ, и четверть часа спустя всѣ трибуны и скамьи были заняты, до послѣдняго мѣста. Въ первыхъ рядахъ, по обыкновенію, помѣстились дамы, которыя большею частію явились въ траурѣ. Зала была устроена какъ и всегда, съ тою только разницею, что знамена надъ тономъ были убраны чернымъ флеромъ. Въ одиннадцать часовъ явилось большое число депутатовъ. Въ залѣ господствовала глубокая тишина и каждый, по-видимому, ожидалъ съ печальнымъ нетерпѣніемъ появленія удрученнаго горестію отца и короля. Всѣ члены дипломатическаго корпуса присутствовали въ собраніи и многіе изъ нихъ были въ траурныхъ мундирахъ. Трибуна, въ которой обыкновенно помѣщается королева и принцессы, была занята другими дамами. Въ четверть втораго, вошли всѣ министры и стали по правую и по лѣвую сторону трона. Вскорѣ послѣ того было возвѣщено о прибытіи короля. При входѣ его величества въ залу всѣ присутствующіе встали съ своихъ мѣстъ и со всѣхъ сторонъ раздались продолжительные крики: «Да здравствуетъ король»! Его величество съ трудомъ и съ видимымъ волненіемъ всходилъ по ступенямъ трона. Достигнувъ эстрады, онъ поклонился собранію, которое снова привѣтствовало его громкимъ восклицаніемъ. Король и принцы заняли свои мѣста и, когда опять возстановилась тишина, король всталъ, на-

Digitized by Google

дѣлъ шляпу и дрожащимъ голосомъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа пэры, господа депутаты!

«Въ горести, которою поразила меня утрата любезнаго сына, долженствовавшаго занять мѣсто мое на тронѣ, бывшаго славою и утѣшеніемъ моей старости, я почувствовалъ необходимость собрать васъ вокругъ себя ранѣе обыкновеннаго.

«Намъ предстоитъ исполнить вмѣстѣ долгъ великій. Надобно, чтобы, когда Богу угодно будетъ отозвать меня къ себѣ, Франція и представительное правленіе ни на минуту не подвергались остановкѣ въ отправленіи королевской власти. Посему вы должны будете заняться разсмотрѣніемъ мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы Франція не подверглась этой страшной опасности, во время малолѣтства моего любезнаго внука. Ударъ, поразившій меня, не дѣлаетъ меня неблагодарнымъ къ Провидѣнію, которое сохраняетъ мнѣ еще дѣтей, столь достойныхъ моей нѣжности и довѣренности Франціи. Упрочимъ нынѣ спокойствіе и безмятежность нашего отечества. Въ послѣдствіи я созову васъ, чтобы продолжать ваши обычныя занятія государственными дѣлами».

Обстоятельства, сопровождавшія чтеніе этой рѣчи, можетъ-быть, безпримѣрны въ исторіи парламентскихъ собраній. Волненіе короля сначала было столь сильно, что у него не доставало голоса. Онъ попытался послѣ того начать чтеніе рѣчи во второй разъ, но также тщетно. Единогласное восклицаніе палаты: «Да здравствуетъ король!» по-видимому оживило его. Онъ получилъ возможность говорить, но голосъ его былъ невнятенъ, дрожалъ и прерывался. При словахъ *утѣшеніе моей старости* король не могъ противиться волновавшимъ его чувствамъ, положилъ бумагу и залился слезами. Все собраніе было тронуто до глубины души и у всѣхъ показались слезы. Въ Палатѣ опять раздались продолжительныя восклицанія. Король старался вновь

Digitized by Google

успокоиться и читалъ довольно твердо до словъ: *столь достойныхъ всей моей нѣжности*, при которыхъ у него опять не достало голоса. Въ концѣ засѣданія, король всталъ съ креселъ, поклонился собранію въ знакъ благодарности и вновь опустился въ кресла, закрывая лицо платкомъ. То было одно изъ самыхъ потрясающихъ зрѣлищъ. Всѣ принцы казались чрезвычайно печальными. Наружность герцога Немурскаго много измѣнилась и онъ былъ гораздо блѣднѣе обыкновеннаго. Здоровье короля, не смотря на глубокую скорбь его, по-видимому, мало пострадало. Когда онъ выходилъ изъ палаты, снова раздались восторженные клики: «Да здравствуетъ король!» Все засѣданіе продолжалось двадцать пять минутъ, и въ два часа король былъ уже опять въ Тюильри.

На другой день палата, подъ предсѣдательствомъ господина *Лаффитта*, временнаго президента, то есть, старшаго по лѣтамъ изъ наличныхъ членовъ, распредѣлена была по жребію на отдѣленія и приступила къ выбору президентовъ и секретарей отдѣленій. Эти первые выборы оказались совершенно въ пользу министерства: изъ девяти отдѣленій только въ двухъ президенты и секретари принадлежатъ къ оппозиціи. Потомъ назначена была большая депутація, чтобы присутствовать при похоронахъ принца Орлеанскаго и тотчасъ приступлено было къ повѣркѣ выборовъ. Въ засѣданіи двадцать-девятаго Іюля, при повѣркѣ выбора новаго легитимистскаго депутата, маркиза *Ларошжаклена*, господинъ *Бильо*, одинъ изъ самыхъ пылкихъ и самыхъ краснорѣчивыхъ членовъ лѣвой стороны, вздумалъ упрекать министерство, будто оно, стараясь устранить члена лѣвой стороны, бывшаго депутата *де-Сиври*, содѣйствовало выбору противника существующаго правительства, легитимистскаго депутата господина *Ларошжаклена*. Въ отвѣтъ на это министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что онъ никогда не давалъ своимъ подчиненнымъ подобныхъ пред-

Digitized by Google

писаній; а что напротивъ оппозиція и даже лѣвая сторона, которая такъ громко говоритъ о приверженности своей къ нынѣшней династіи, рекомендовала избирателямъ легитимистскихъ кандидатовъ вездѣ, гдѣ сама не надѣялась одержать побѣду. Господинъ *Ларошжакленъ* прибавилъ, что это всѣмъ извѣстно, что многіе легитимисты дѣйствительно обязаны своимъ выборомъ содѣйствію оппозиціи, что они платили ей тѣмъ же и что даже самъ господинъ *Бильо* избранъ въ депутаты при помощи легитимистовъ. Эти слова возбудили всеобщій хохотъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что маркизъ *Ларошжакленъ* утвержденъ депутатомъ. Такимъ образомъ первая выходка оппозиціи противъ министерства была очень неудачна.

Повѣрка выборовъ продолжалась до пятаго Августа и не представляла ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что протесты, сдѣланные противъ выборовъ господъ *Флоре*, *Алье* и *Повельса*, были уважены палатою; допущеніе этихъ депутатовъ отсрочено и потомъ назначена коммиссія для изслѣдованія злоупотребленій, происходившихъ при этихъ выборахъ. Назначеніе коммиссіи сдѣлано по предложенію господина *Одилона-Барро*, и оппозиція считаетъ это торжествомъ для себя; между тѣмъ изъ трехъ депутатовъ, которые подверглись этой участи, двое, господа *Флоре* и *Алье*, принадлежатъ къ лѣвой сторонѣ, а господинъ *Повельсъ* не принадлежитъ рѣшительно ни къ той ни къ другой сторонѣ, потому-что оппозиція не признаетъ его своимъ, а противникомъ его былъ кандидатъ министерства. Слѣдственно и этого рѣшенія палаты нельзя считать побѣдою оппозиціи. Въ засѣданіе пятаго Августа приступлено было наконецъ къ выбору президента палаты. При первомъ собираніи голосовъ, въ пользу господина *Созе*, прежняго президента и кандидата министерства, подано было 210 голосовъ, *Одилона-Барро*, кандидата оппозиціи, 133, *Дюфора* (кандидатъ такъ называемой средней

Digitized by Google

партіи) 39, легитимистовъ: *Гра-Превилля* 22, *Беррье* 3. Такъ какъ полное число голосовъ было 426 и слѣдственно необходимое большинство 214, то никто не получилъ достаточнаго числа и приступлено было къ вторичному собиранію голосовъ. При этомъ оппозиція, за исключеніемъ только нѣсколькихъ легитимистовъ, подала голоса свои въ пользу господина *Дюфора* и потому онъ получилъ 184, но господинъ *Созе* 227, почему онъ и провозглашенъ былъ президентомъ. Изъ этого видно, что не смотря на отпаденіе средней партіи, то есть, господъ *Дюфора, Пасси* и ихъ приверженцевъ, отъ партіи охранительной, постоянно поддерживающей нынѣшнее министерство, оно всё-таки имѣло 43 голосами болѣе чѣмъ соединенная оппозиція. Торжество министерства было столь же полно и при дальнѣйшихъ выборахъ. Въ вице-президенты избраны господа *Сальванди* (225 голосами), *Биньонъ* (208), *Жакмино* (205) и *Дебеллеймъ* (206), въ секретари: господа *де л'Эпе*, *Буасси д'Англа*, *Лакроссъ* и *Ласказъ*. Всѣ четыре президента и три секретаря принадлежатъ къ охранительной партіи. Въ палатѣ принято за правило, чтобы въ числѣ секретарей было двое изъ членовъ оппозиціи; между тѣмъ нынѣ избранъ только одинъ, господинъ *Лакроссъ*, да и тотъ принадлежитъ не къ лѣвой сторонѣ, а къ лѣвому центру, то есть, къ той партіи, которая наименѣе удаляется отъ охранительной.

Въ засѣданіи девятаго Августа, президентъ совѣта (маршалъ *Сультъ*) взошелъ на каѳедру и сказалъ:

«Я имѣю порученіе, предложить палатѣ *проектъ закона о регентствѣ*, который сдѣлался необходимымъ, въ слѣдствіе постигшаго насъ несчастія. Въ случаѣ несовершеннолѣтія короля, исполненіе королевской власти должно быть ввѣрено мужскимъ рукамъ, при чемъ, однако жъ, не слѣдуетъ пренебрегать и другими интересами. Охраненіе и воспитаніе юнаго короля ввѣряются его матери, въ томъ предположеніи, что она не

Digitized by Google

вступить во второй бракъ. Лицо регента должно быть неприкосновенно такъ какъ лицо короля, и онъ не обязанъ отвѣтствовать за дѣйствія своего правительства. Король повелѣлъ предложить вамъ слѣдующій проектъ закона:

Статья 1. Король, по достиженіи полныхъ осемьнадцати лѣтъ, считается совершеннолѣтнимъ.

Статья 2. Когда по смерти короля, наслѣдникъ его несовершеннолѣтній, то регентство поручается на все время несовершеннолѣтія тому изъ принцевъ, который, на основаніи постановленнаго въ хартіи 1830 года порядка престолонаслѣдія, всѣхъ ближе къ трону и которому совершился двадцать одинъ годъ отъ роду.

Статья 3. Регенту принадлежитъ полное и совершенное исполненіе королевской власти отъ имени несовершеннолѣтняго короля.

Статья 4. 12 статья хартіи и всѣ законодательныя постановленія, охраняющія лицо и права короля, примѣняются къ регенту.

Статья 5. Регентъ произноситъ предъ палатами присягу въ томъ, что онъ будетъ вѣренъ королю Французовъ, будетъ повиноваться хартіи и законамъ королевства и во всѣхъ дѣлахъ будетъ имѣть въ виду только выгоды, благоденствіе и славу французской націи. — Если палаты не собраны, то регентъ долженъ созвать ихъ въ теченіи трехъ мѣсяцовъ.

Статья 6. Надзоръ и опека надъ несовершеннолѣтнимъ королемъ принадлежатъ королевѣ или принцессѣ, его матери, если послѣдняя не вступила во второй бракъ, а въ томъ случаѣ когда ея не будетъ, королевѣ или принцессѣ, его бабкѣ съ отцовской стороны, если она равнымъ образомъ не вступила въ новый бракъ.

Въ тотъ же день назначена коммиссія для составленія адресса въ отвѣтъ на рѣчь короля, произнесенную при открытіи палатъ. Въ члены коммиссіи выбраны госпо-

Digitized by Google

да *Берюилль*, *Лавалетть*, *Амило*, *Дежанъ*, *Лефебръ*, *Дюмонъ*, *Дени*, *Ламартинъ* и *Бинъонъ*. Только двое первыхъ принадлежатъ къ оппозиціи. Докладчикомъ назначенъ *Ламартинъ*, и составленный имъ проектъ адресса прочтенъ въ палатѣ на другой же день. Въ адрессѣ сказано :

«Государь! Когда палата депутатовъ видѣла, какъ вы преодолѣли горесть свою, чтобы въ средѣ нашей искать утѣшенія, какъ отецъ, и исполнить долгъ, какъ король, она почувствовала, что вы подаете ей великій примѣръ. Эта потребность сердечнаго изліянія и эта душевная твердость, которые увлекли васъ въ тотъ день въ среду народа, приводятъ насъ нынѣ къ вамъ. Вы лишились сына, Франція одного царствованія (un regne). Провидѣніе заставляетъ васъ еще благословлять его за сыновей, которыхъ оно вамъ оставило. Прекрасныя качества принца, похищеннаго у трона, не требуютъ иной похвалы, кромѣ увѣренія, что мы вполнѣ чувствуемъ пустоту, оставленную его смертію между двумя царствованіями. Исторія отмѣчаетъ и надежды; она, независимо отъ судьбы, имѣетъ свою справедливость. Мѣсто герцога Орлеанскаго въ исторіи будетъ означено слезами цѣлаго народа. Такъ, цѣлая нація раздѣляетъ печаль отца, мысли короля, она преклоняется предъ матерью, которую утѣшать даже не пытается; она усвоиваетъ себѣ принцессу, у которой, во вдовствѣ ея, вмѣсто трона и отечества, остались только гробъ супруга и будущность дѣтей. Но объемля въ душѣ нашей горесть народа, плачущаго съ однимъ семействомъ, мы въ то же время представляемъ ту вѣчную націю, которая не преклоняетъ колѣна ни предъ какимъ бѣдствіемъ, и которая на всѣ человѣческія дѣла смотритъ со стороны ихъ прочности.

«Мы призовемъ на помощь нашу твердость, хладнокровіе, чтобы, въ качествѣ уполномоченныхъ, принять

Digitized by Google

нужныя мѣры къ упроченію непрерывнаго дѣйствія королевской власти въ малолѣтство наслѣдника престола. Народы имѣютъ душу и чувствуютъ свое горе, какъ и короли. Но какъ бы тяжки ни были эти испытанія, ихъ встрѣтятъ благоразуміе, патріотизмъ и твердость Франціи. Франція живетъ въ своихъ учрежденіяхъ. Великія чувствованія даютъ и силу великую. Франція желаетъ быть независимою, сильною и единодушною. При каждомъ кризисѣ, который ее волнуетъ или потрясаетъ, она становится болѣе великою и укрѣпляется сама въ себѣ. Прекрасно видѣть, какъ такая нація преклоняетъ колѣна подъ десницею Всемогущаго и потомъ, выразивъ свою горесть и закрывъ отверстую могилу, столь близкую къ трону, вновь принимается за свое дѣло, прерванное смертію, сохраняетъ свою вѣру въ будущность и пополняетъ свои учрежденія.»

Въ засѣданіи одиннадцатаго Августа, этотъ проектъ адресса принятъ безъ измѣненій и безъ всякихъ преній, большинствомъ 347 голосовъ противъ 14. Онъ поднесенъ королю въ тотъ же вечеръ. Къ депутаціи присоединилось болѣе двухъ сотъ депутатовъ. Король отвѣчалъ слѣдующее: «Господа депутаты! Съ глубокимъ чувствомъ принимаю вашъ адрессъ. Я нахожу въ немъ изъявленіе тѣхъ же чувствъ, которыя васъ одушевляли, когда я, преодолѣвая удручающую меня скорбь, явился посреди васъ для исполненія великаго долга. Мы вполнѣ совершимъ этотъ долгъ, милостивые государи, и съ помощію Божіею, Франція, находя опору въ своихъ постановленіяхъ и силу въ совершенномъ согласіи, господствующемъ между всѣми государственными властями, будетъ по-прежнему преодолѣвать опасности, противъ которыхъ я имѣлъ счастіе вмѣстѣ съ вами защищать ее въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ». Эти слова короля были приняты собравшимися депутатами съ живѣйшимъ восторгомъ. Король вошедъ по-

Digitized by Google

томъ въ толпу депутатовъ и сказалъ имъ: «Я глубоко тронутъ тѣмъ, что члены палаты собрались вокругъ меня въ такомъ множествѣ. Снова благодарю ихъ, какъ отецъ, какъ человѣкъ и какъ король, за изъявленныя ими чувства. Это доказательство участія послужило бы мнѣ утѣшеніемъ..... если бъ что-либо могло меня утѣшить въ потерѣ такого сына,» прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Громкое восклицаніе: «Да здравствуетъ король!» раздалось послѣ этихъ словъ, которыя произвели на всѣхъ присутствующихъ неописанное впечатлѣніе.

Въ члены коммиссіи для разсмотрѣнія проекта закона о регентствѣ назначены господа: *Дюфоръ*, *Лакроссъ*, *Тиль*, *Геберъ*, *Гильонъ*, *Сальванди*, *Себастіани*, *Дюпенъ старшій* и *Лорансъ*. Первый принадлежитъ къ средней партіи, второй къ лѣвому центру, всѣ остальные къ охранительной партіи. Въ докладчики выбранъ *Дюпенъ*.

Палата перовъ, въ засѣданіи своемъ двадцать-седьмаго Августа, избрала въ секретари герцога *Коаньи*, графа *Бодрана*, графа *Симсона* и господина *Франка-Карре*. Въ-слѣдъ за тѣмъ она назначила адрессную коммиссію. Докладчикъ ея, баронъ *де Барантъ*, прочиталъ на другой день слѣдующій адрессъ: «Ваше величество! Палата перовъ принимаетъ живѣйшее участіе въ скорби короля, въ отчаяніи матеріи и глубоко-уважаемой королевы, и вполнѣ раздѣляетъ горесть всей націи. Насъ поразило великое несчастіе. Принцъ, котораго попеченія ваши и примѣръ вашъ, государь, готовили для счастія Франціи, котораго воспитывали опытъ и трудныя обстоятельства, который обнаруживалъ такъ много любви къ отечеству, который мужествомъ своимъ на поляхъ битвы заслужилъ такую привязанность войска и который, наконецъ, являлъ столько прозорливости и искусства, когда принималъ участіе въ трудахъ на-

Digitized by Google

шихъ, принцъ сей столь внезапно похищенъ у насъ смертію, что мы едва вѣримъ постигшему насъ бѣдствію. Родительская скорбь, конечно, не допускаетъ утѣшенія, но мы тѣмъ не менѣе считаемъ обязанностію высказать то, что̀ можетъ поддержать спокойствіе духа и твердость короля, не покидавшія его никогда, даже при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ его жизни. Всеобщая горесть, которую столь живо раздѣляютъ всѣ классы и всѣ мнѣнія, составляетъ хотя и печальное, но важное доказательство привязанности Франціи къ королю. Теперь предстоитъ необходимость пополнить наши постановленія. Мы обманулись въ своихъ надеждахъ на будущее. Провидѣнію угодно было явить намъ свою строгость, но мы были бы неблагодарны, если бъ могли забыть какъ часто оно насъ охраняло. Провидѣніе надолго сохранитъ жизнь вашего величества для блага Франціи. Внукъ вашъ, котораго рожденіе исполнило такою радостію націю, будетъ расти въ глазахъ вашихъ; онъ въ состояніи будетъ внимать урокамъ вашей мудрости. Сыновья ваши, сыновья Франціи, столь вѣрные и усердные слуги государства, постоянно будутъ подавать ему примѣръ любви къ отечеству и исполненія долга. Родительница его, раздѣлявшая нашу любовь и довѣренность къ супругу, счастію котораго она могла содѣйствовать столь не долго, посвятитъ жизнь свою на образованіе короля нашихъ дѣтей для будущности Франціи; а цѣлая нація, окружающая его своею любовію и надеждою, покажетъ ему какъ славно управлять посредствомъ законовъ могущественнымъ государствомъ.»

Этотъ адрессъ принятъ тотчасъ безъ всякихъ преній, большинствомъ 119 голосовъ противъ 2, и въ тотъ же вечеръ поднесенъ королю.

—

Digitized by Google

Въ засѣданіи нижней палаты англійскаго парламента господинъ *Гибсонъ* обратилъ вниманіе палаты на нищету низшихъ классовъ и старался доказать, что парламентъ долженъ немедленно приступить къ розысканію причинъ господствующей бѣдности. Это предложеніе подало поводъ къ продолжительнымъ преніямъ, которыя кончились тѣмъ, что оно отвергнуто большинствомъ 156 голосовъ противъ 64. Потомъ предложено было прочесть въ третій разъ билль о бѣдныхъ, бывшій предметомъ столь долговременныхъ преній. Господинъ *Германъ Кравфордъ* (радикалъ) предложилъ прочесть билль черезъ шесть мѣсяцовъ, то есть, отвергнуть его. Въ пользу этого предложенія подано только 30 голосовъ, а противъ 103; затѣмъ билль былъ прочтенъ въ третій разъ и принятъ.

Въ предъидущихъ статьяхъ нашихъ, мы уже говорили, что въ нижней палатѣ составленъ былъ подъ предсѣдательствомъ господина *Робука*, комитетъ для изслѣдованія подкуповъ, происходящихъ при выборахъ. Это изслѣдованіе надѣлало много шума и между-тѣмъ кончилось ничѣмъ: въ засѣданіи двадцать-седьмаго Іюля, резолюціи, предложенныя господиномъ *Робукомъ* отъ имени комитета, отвергнуты, большинствомъ 136 голосовъ противъ 47.

Осьмаго Августа, лордъ *Пальмерстонъ* спросилъ сэра *Роберта Пиля*, справедливо ли, что генералъ-губернаторъ Остъ-Индіи, лордъ *Элленборо*, предписалъ войскамъ очистить Афганистанъ, «Этотъ вопросъ, сказалъ лордъ *Пальмерстонъ*, относится до обстоятельства, чрезвычайно важнаго, потому-что тутъ идетъ дѣло не только о чести и достоинствѣ Англіи, но и о безопасности значительной части британскихъ владѣній на Индѣ. Съ послѣднею почтою получены противорѣчащія извѣстія на счетъ повелѣній, будто-бы данныхъ генералъ-губернаторомъ Индіи британскимъ войскамъ, находящимся

Digitized by Google

на западѣ отъ Инда. Въ однихъ извѣстіяхъ говорится, что генералъ-губернаторъ отдалъ этимъ войскамъ приказъ немедленно воротиться; въ другихъ, напротивъ, утверждаютъ, что оно составлено совершенно въ иномъ смыслѣ; но что командующій этими войсками сэръ *Джонъ Никольсъ* понялъ его такъ, какъ будто они должны быть удалены. Между тѣмъ ошибка исправлена и все вступило въ надлежащую колею. По-этому я желаю знать, дѣйствительно ли генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ объ отозваніи британскихъ войскъ изъ странъ, лежащихъ на западѣ отъ Инда, и надѣюсь, что достопочтенный баронетъ будетъ въ состояніи объявить этотъ слухъ неосновательнымъ.»

Сэръ *Робертъ Пиль* отвѣчалъ: «Я всегда желалъ и желаю сообщать этой палатѣ, какъ о дипломатическихъ дѣйствіяхъ правительства, такъ и о воинскихъ операціяхъ Англіи, столько свѣдѣній, сколько то согласуется съ должнымъ исполненіемъ общественныхъ моихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо рѣшился воздерживаться отъ всякихъ сообщеній, которыя могутъ повредить общественнымъ выгодамъ, и въ отношеніи къ вопросу благороднаго лорда прошу палату принять во вниманіе, что при настоящей легкости сообщеній съ Индіею, отвѣтъ, который я бы далъ, могъ бы быть полученъ въ той странѣ черезъ шесть или семь недѣль. И такъ, чрезвычайно важно соблюдать величайшую осторожность въ общественныхъ сообщеніяхъ объ этомъ дѣлѣ, чтобы выгоды государства отъ того не потерпѣли. Теперь, можетъ-быть, области Кандагаръ и Джеллалабадъ сдѣлались театромъ военныхъ операцій. Смерть шаха *Суджи*, въ отношеніи къ трактату, заключенному лордомъ *Окландомъ*, поставила Англію въ новое положеніе, и отношенія, въ которыхъ, послѣ того событія, находимся мы къ Лагорскому Двору, составляютъ нынѣ предметъ дипломатическихъ переговоровъ. Отъ

Digitized by Google

того я должень стараться не сказать ничего такого, что могло бы быть принято, какъ намекъ на наши предположенія; но о дѣйствительномъ положеніи нашихъ войскъ я могу сообщить требуемое свѣдѣніе. Кандагаръ, равно какъ и Джеллалабадъ, заняты въ это время британскимъ корпусомъ. Я не думаю также, чтобы могло послѣдовать скорое отступленіе этихъ войскъ изъ той или другой страны. Вотъ все, что я, не нарушая моихъ обязанностей, могу объявить; но относительно извѣстій, которыя могла привезти послѣдняя почта изъ Индіи, я увѣренъ, что ни благородный лордъ, ни палата не потребуютъ отъ меня никакого дальнѣйшаго отвѣта.»

Въ верхней палатѣ лордъ *Брумъ* представилъ въ засѣданіи двадцать перваго Іюля, два билля, измѣняющія постановленія о заключеніи въ тюрьму за долги. На основаніи этихъ биллей между прочимъ дѣйствіе существующаго закона о личномъ задержаніи должника, прекращается въ случаѣ, если онъ представитъ достаточное обезпеченіе или отдастъ все свое состояніе, не оставивъ себѣ ничего. Въ засѣданіи двадцать пятаго Іюля, окончательно принятъ билль лорда *Ашлея* *, о работникахъ въ угольныхъ копяхъ, а тридцатаго числа билль о бѣдныхъ, утвержденный уже нижнею палатою. Въ засѣданіи втораго Августа принятъ билль объ отмѣнѣ парламентскаго акта, состоявшагося года два назадъ и уполномочивающаго британскихъ крейсеровъ задерживать португальскіе невольничьи корабли для преданія ихъ британскимъ вице-адмиралтейскимъ судамъ. Этотъ актъ былъ предложенъ лордомъ *Пальмерстономъ* съ тою цѣлію, чтобы принудить португальское правительство къ заключенію трактата объ искорененіи торга

* А не *Амлея*, какъ напечатано по ошибкѣ на 29 страницѣ № 6 этого журнала.

Digitized by Google

невольниками, трактата нынѣ уже заключеннаго, въ которомъ для этого положено учредить смѣшанную коммиссію.

Остальныя пренія, происходившія въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что билль объ отмѣнѣ акта касательно португальскихъ невольничьихъ судовъ, принятый верхнею палатою, утвержденъ и нижнею. Одиннадцатаго Августа, собраніе парламента закрыто лично королевою, которая произнесла при этомъ слѣдующую рѣчь:

«Милорды и господа!

«Положеніе общественныхъ дѣлъ дозволяетъ мнѣ уволить васъ отъ дальнѣйшаго присутствованія въ парламентѣ.—Я не могу проститься съ вами, не изъявя вамъ моей признательности за постоянство и усердіе, съ которыми вы исполняли свои обязанности во все время этого долговременнаго и многотруднаго собранія.—Вы разсматривали мѣры величайшей важности, находящіеся въ связи съ финансовыми и торговыми выгодами государства и долженствующія содѣйствовать къ поддержанію государственнаго кредита, и умноженію вспомогательныхъ средствъ націи и къ упроченію благосостоянія всѣхъ классовъ моихъ подданныхъ, чрезъ разширеніе торговли и поощреніе промышлености.—Эти мѣры, по необходимости, должны были очень много занимать ваше вниманіе; между тѣмъ вы въ то же время произвели важныя улучшенія во многихъ вѣтвяхъ судопроизводства и въ законахъ, относящихся до внутренняго управленія.—Изъявляю вамъ особенную мою благодарность за новое доказательство вашей искренней приверженности ко мнѣ, которое вы представили, утвердя единодушно законъ, упрочивающій мою безопасность.—Я постоянно получаю отъ всѣхъ иностранныхъ державъ увѣренія въ друже-

Digitized by Google

ственномъ ихъ къ намъ расположеніи.—Я глубоко огорчена бѣдствіями, постигшими отрядъ нашей арміи на западѣ Остъ-Инда; но меня утѣшаетъ мысль, что мужественная защита Джеллалабада, увѣнчанная рѣшительною побѣдою въ открытомъ полѣ, выказала самымъ разительнымъ образомъ храбрость и дисциплину европейскихъ и туземныхъ войскъ, искусство и неустрашимость ихъ предводителя.

«Господа члены нижней палаты!

«Щедрость, съ которою вы назначили пособія, необходимыя на удовлетвореніе потребностей государственной службы, заслуживаетъ мою искреннюю благодарность.

«Милорды и господа!

«Вы, конечно, воздадите вмѣстѣ со мною, благоговѣйную признательность Всемогущему Творцу вселенной за благорастворе́ніе воздуха, дарованное намъ Его благостію, и за надежду жатвъ обильнѣйшихъ, чѣмъ въ прошломъ году.—Мануфактурная промышленость наша, по признакамъ, надѣюсь, несомнѣннымъ, начинаетъ мало-по-малу освобождаться отъ стѣсненія, постигшаго многія ея вѣтви и подвергшаго многочисленные классы моего народа лишеніямъ и страданіямъ, возбудившимъ живѣйшую мою заботливость.—Я увѣрена, что, возвратясь въ свои графства, вы будете одушевлены тѣмъ же просвѣщеннымъ рвеніемъ, которое обнаруживали во все время исполненія вашихъ парламентскихъ обязанностей и употребите всѣ ваши силы къ тому, чтобы примѣрами вашими и дѣятельными усиліями поддерживать духъ порядка и повиновенія законамъ, который столь существенно необходимъ для общественнаго благоденствія, и безъ котораго невозможно пользоваться выгодами мирной промышлености и дѣлать успѣхи на пути къ общественнымъ усовершенствованіямъ.»

Digitized by Google

Въ предъидущей статьѣ нашей, * мы говорили, что французское правительство возвысило привозную пошлину на ленъ и льняныя издѣлія, не примѣняя своего новаго постановленія къ Бельгіи, съ которою производились въ то время переговоры объ этомъ предметѣ. Слѣдствіемъ ихъ было заключеніе конвенціи. Внося ее въ палату представителей, *бельгійскій министръ внутреннихъ дѣлъ* сказалъ между прочимъ:

«Повелѣніемъ отъ двадцать шестаго Іюня нынѣшняго года, французское правительство значительно возвысило привозную пошлину на ленъ и льняныя издѣлія. При изданіи этого повелѣнія оно обнародовало, что возвышеніе пошлины признано необходимымъ для того, чтобъ воспрепятствовать ввозу иностраннаго льна, который значительно возвысился и подавляетъ отечественную промышленность. Въ то же время объявлено, что въ пользу Бельгіи можетъ быть сдѣлано исключеніе. Условія фабрикаціи дѣйствительно почти одинаковы въ Бельгіи и Франціи и сравнительно малыя пошлины нашего тарифа на статьи французской торговли достаточно оправдываютъ исключеніе въ пользу нашей льняной промышленности. Въ слѣдствіе происходившихъ по этому случаю переговоровъ заключена конвенція, которую мы представляемъ на ваше разсмотрѣніе. Она обезпечиваетъ для Бельгіи существованіе той только пошлины на бельгійскій ленъ и льняныя издѣлія, какая взималась во Франціи до изданія повелѣнія двадцать шестаго Іюня, и на будущее время, въ случаѣ измѣненій французскаго тарифа, установляетъ въ пользу Бельгіи особую систему, на основаніи которой пошлина на бельгійской границѣ будетъ представлять всегда разность какъ 3 къ 5 въ сравненіи съ пошлинами, какія будутъ взиматься на другихъ границахъ. За предоставленіе намъ этого преимущества бель-

* См. № 6, страницы 23 и 24.

Digitized by Google

гійское правительство обязывается: 1) пошлину за вино въ бочкахъ понизить до 50 сантимовъ съ гектолитра, а за вино въ бутылкахъ до 2 франковъ съ гектолитра, и акцизъ уменьшить двадцатью пятью процентами. 2) пошлину на шелковые товары понизить двадцатью процентами. Это пониженіе пошлинъ установляется пока въ пользу одной Франціи; но правительство въ видахъ взаимной свободы дѣйствія, потребовало, чтобы это сокращеніе могло быть распространяемо и на другія страны, которыя представятъ намъ за то достаточное съ своей стороны облегченіе. Съ этою цѣлію составлена вторая статья предлагаемаго вамъ проекта закона. Это сокращеніе пошлинъ произведетъ въ бюджетѣ нынѣшняго года дефицитъ въ 400,000 франковъ, что̀ требуетъ изысканія новыхъ вспомогательныхъ источниковъ для казны. Мы согласились также, чтобы на нашихъ границахъ, не прилегающихъ къ Франціи, пошлины за иностранный ленъ и льняныя издѣлія взыскиваемы были въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ установлены въ повелѣніи французскаго правительства отъ двадцать шестаго Іюня, и чтобы транзитная торговля льномъ и льняными издѣліями, предназначаемыми въ которое-либо изъ договаривающихся государствъ изъ третьяго государства, была вовсе воспрещена. Въ третьемъ параграфѣ въ пользу французской соли за утрату при очисткѣ ея установляется сбавка семи процентовъ. Въ осьмомъ параграфѣ опредѣляется четырехлѣтній срокъ существованія конвенціи.—Правительство, предлагая палатамъ заключенную между Бельгіею и Франціею торговую конвенцію, изъявляетъ желаніе, чтобы разсмотрѣніе относящагося до этого предмета проекта закона послѣдовало въ возможно-скорѣйшемъ времени. Палата убѣдится сама, какъ важно для отечественной льняной промышлености, чтобы конвенція безъ малѣйшаго замедленія была приведена въ исполненіе, потому-что она ограждаетъ внутренніе рынки отъ иностраннаго совмѣст-

Digitized by Google

ничества и доставляетъ Бельгіи выгоды, которыми она одна будетъ пользоваться.»

По желанію министерства эта конвенція была въ самомъ скоромъ времени утверждена палатою представителей, а потомъ и сенатомъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ она ратификована обоими правительствами.

Digitized by Google

Отдѣленіе III.

Русская Словесность.

НАША МОЛИТВА.

Не колоколъ въ вечерній часъ
Позвалъ во храмъ молиться насъ,
А въ полѣ пушка заревая.
И, простодушна и чиста,
Лилася, въ небо улетая,
Молитва наша безъ креста.

И всѣ молились объ Одномъ,
О комъ молились утромъ, днемъ;
И ту завѣтную молитву
Мы всюду съ жизнью понесемъ:

Digitized by Google

Во храмъ и въ гибельную битву,
И та молитва вся о Немъ.

А Онъ, державный нашъ отецъ,
Краса очей, любовь сердецъ,
И Онъ молился между нами,
И та мольба не о себѣ:
Молился Царь передъ войсками
О русской славѣ и судьбѣ!

Лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

А. Шевцовъ.

ГІАЦИНТЪ и ТЮЛЬПАНЪ.

АЛЛЕГОРІЯ.

—

Мой гіацинтъ готовъ былъ распуститься,
Но я, не знавъ съ нимъ обходиться,
Недѣлю цѣлую цвѣтка не поливалъ,
И гіацинтъ, *не распустясь*, завялъ!
«Постой же! иначе поступимъ мы съ тюльпаномъ!»
И вотъ, вооружась огромнѣйшимъ стаканомъ,—
Что у Бога на свѣтѣ день—
Перехитрить рѣшась природу,

Digitized by Google

Я на цвѣтокъ, какъ на мишень,
Давай плескать струями воду,
И мой тюльпанчикъ, *не распустясь*, пропалъ!
Цвѣты мои — талантовъ идеалъ;
Поливка — похвала; а публика — садовникъ,
Частенько, гибели цвѣтовъ своихъ виновникъ:
Великъ ли тутъ секретъ? Знай въ мѣру поливай,
Да только до смерти цвѣтовъ не заливай!

19 Іюня, 1842 года.

П. Корсаковъ.

=

ПѢСНЬ О ТРИМѢ,

или

ОТНЯТІЕ МОЛОТА.

Скандинавская поэма.

—

1.

Торъ [1] проснулся — млата нѣтъ! [2]
Ищетъ, яростью пылаетъ,
Съѣсть грозится цѣлый свѣтъ,
И бородою потрясаетъ;
Но напрасно: млатъ съ небесъ
Неразгаданно исчезъ!

[1] Торъ (Thor) именуется также *Wingthor* и *H'lorid.*

[2] *(Hamar)* молотъ Тора, былъ символомъ перуна. Назывался онъ *Miölner*, то есть можжитель, сокрушитель, потому-что Торъ могъ имъ измолоть, разможжить все, что только противилось ему или богамъ. См. N. E. dämes 31. 59.

Digitized by Google

2.

И въ досадѣ и смущеньи
Такъ онъ Локу [3] говоритъ:
«Слышалъ? съ Торомъ приключенье.....
И землѣ и небу стыдъ!
Опозоренъ Асъ-властитель:
Сгинулъ молотъ-сокрушитель!»

3.

И отправился богъ Локъ
Къ Фригѣ, въ блещущій чертогъ.
И представъ передъ царицей:
«Дай мнѣ крылья!» Локъ сказалъ:
«Чтобъ слетать на землю птицей.
Торовъ млатъ съ небесъ пропалъ!»

4.

— Пожелай сребра и злата,
Все получишь у меня,
Лишь скорѣй ищи ты млата! —
И въ мгновеніе, въ края
Полетѣлъ онъ великановъ,
Въ царство бурь и урагановъ.

5.

Въ это время царь ихъ, Тримъ,
Сидя на скалѣ, съ бездѣлья,
Псамъ навязывалъ своимъ
Золотыя ожерелья,
Да поглаживалъ коней,
Быстрыхъ словно вихрь степей.

6.

«Что̀ подѣлываютъ ваши
Эльфы [4], Асы въ небесахъ [5]?
И что̀ вздумалося въ нашихъ

[3] *Loke*, богъ Локъ, соединяющій въ себѣ умъ, расторопность, коварство, хитрость и злобу. N. E. dämes. 29.

[4] *Alfy*, Эльфы, духи.

[5] *Asi*, Асы, — боги; Asinje, Асины, богини.

Digitized by Google

Побывать тебѣ краяхъ?»
— Я отыскиваю вора:
Млатъ пропалъ у бога Тора! —

7.

«Я унесъ его, и самъ
Закопалъ здѣсь, подъ землею,
Въ осьми миляхъ [6] глубиною,
И не иначе отдамъ,
Развѣ будетъ мнѣ женою
Фрея [7], дивная красою!»

8.

Исполинскую страну,
Локъ, оставивъ, въ то жъ мгновенье,
Быстро взвился въ вышину,
Гдѣ отчета въ порученьи
Ждалъ давно боговъ соборъ.
И сказалъ послу богъ Торъ:

9.

«Что жъ? какія ты намъ вѣсти,
Милый Локъ, съ земли принесъ,
Относящіяся къ чести
Обезславленныхъ небесъ?
Съ нетерпѣньемъ ждутъ всѣ боги,
Подъ себя поджавши ноги»

10.

И посланникъ отвѣчалъ:
«Поискъ мой не безуспѣшенъ!
Воръ нашелся, будь утѣшенъ:
Млатъ у Трима; онъ укралъ,
И готовъ отдать..... но Фрею
Въ жены дай ему, злодѣю!

11.

И отправились они
Оба къ Фреѣ, съ предложеньемъ:
«Вынимай скорѣй свои

[6] *Rast*, древнее германское слово, извѣстное еще у Римлянъ и повторяемое ими, соотвѣтствуетъ названію мили.

[7] Freyja—Фрея, богиня красоты.

Digitized by Google

Платья, Фрея! съ украшеньемъ,
Чтобы ѣхать подъ вѣнецъ,
Въ ютунгеимскій дворецъ!»

12.

Фрея вся, съ негодованьемъ,
Задрожавъ отъ этихъ словъ:
«Какъ?» сказала: «Поруганьемъ
Быть мнѣ въ сонмищѣ боговъ!
Отвяжитесь! Надоѣли!
Тримъ мнѣ мужъ! Да вы въ умѣ ли?»

13.

И тогда ужъ весь соборъ
Къ совѣщанью приступаетъ:
Думы, толки, шопотъ, споръ....
Изъ боговъ никто не знаетъ,
Что̀ придумать, какъ рѣшить,
Чтобы молотъ воротить.

14.

Наконецъ *Геймдалъ* смышленный,
Всѣхъ умнѣй богинь, боговъ,
Въ тайны *Вановъ* [8] посвященный,
Говоритъ безъ дальнихъ словъ:
«Пусть самъ Торъ преобразится,
И невѣстой нарядится!»

15.

«Пусть возьметъ онъ перстень свой
Да ключей прицѣпитъ связку,
Ноги спрячетъ подъ фатой,
Скроетъ голову въ повязку,
И украсится кругомъ,
Камнями да жемчугомъ!»

16

Торъ, когда замолкъ Геймдалъ,
Пріосанясь и главою
Покачавши, отвѣчалъ:

[8] Геймдалъ (Heimdall) былъ сыномъ девяти исполиновъ, а его высокій умъ равнялся мудрости Вановъ (wan), то есть мудрецовъ.

Digitized by Google

– Асовъ, что ли, мнѣ собою
Насмѣшить, когда уврятъ
Бабій на плечахъ нарядъ! –

17.

Тутъ, возставъ сынъ Лауфея,
Локъ, сказалъ: «Молчалъ бы Торъ!
Вѣдь несешь ты сущій вздоръ!
Если млата у злодѣя
Не отнимемъ, – злобный родъ
Весь Асгардъ[9] во власть возьметъ!»

18.

Дѣлать нечего! Убрали
Тора дѣвой подъ вѣнецъ,
Пукъ ключей и перстень дали,
Подъ повязкой, наконецъ,
Спрятали чело съ бородою,
Скрыли ноги подъ фатою.

19.

И когда съ главы до ногъ
Тора такъ принарядили,
Причесали и умыли:
«Ну, теперь,» примолвилъ Локъ:
«Я служанкою къ невѣстѣ
Наряжусь, и ѣдемъ вмѣстѣ!»

20.

«Съ нетерпѣньемъ и тоской,
Въ Ютунгеймѣ[10], безъ сомнѣнья,
Ждутъ невѣсты дорогой;
Поспѣшимъ же безъ медленья,
Нечестивцамъ удружить,
Млатъ твой мощный воротить!»

21.

И несутъ ужъ, словно птицу,
Съ пашни взятые козлы,
Съ Торомъ, съ Локомъ, колесницу.

[9] Асгардъ—Asgard, скандинавскій Олимпъ, буквально: божій садъ.

[10] Ютунгеймъ (Jötunheim) край исполиновъ.

Digitized by Google

Стонутъ горы и скалы;
Въ пламени земля пылаетъ!....
Турскій [11] царь повелѣваетъ:

22.

«Гей! вставайте поскорѣй,
Исполины! да сгоняйте
Тучныя стада съ полей!
Пышный пиръ приготовляйте:
Съ Ноатуна [12], отъ высотъ,
Дочь Нюйорда [13] Торъ мнѣ шлетъ!»

23.

Пиръ готовится на славу;
Тримъ постель ужъ стлать велитъ;
И, веселый не по нраву,
Съ восхищеньемъ говоритъ:
«У меня богатствъ не мало —
Фреи лишь недоставало!»

24.

Златорогіе волы
Съ пашни согнаны, убиты,
И богатые столы
Вотъ ужъ брашнами покрыты.
Исполины пьютъ, ѣдятъ;
Брашно, пиво, порожнятъ.

25.

Всѣхъ же болѣе — невѣста:
Восемь щукъ, всего вола,
Молодецки уплела,
И нашла для лакомствъ мѣсто;
Меду жъ цѣлый котелокъ
Сталъ ей на одинъ глотокъ!

26.

Что за чудо!.... Триму даже
Стыдно стало! Онъ, какъ ракъ
Покраснѣвъ, сказалъ: «Когда же

[11] Thursa drottin.
[12] Ноатунъ (Noatun) небо.
[13] Нюйордъ (Niörd) Сѣверъ.

Digitized by Google

Видано, чтобъ ѣли такъ
Дѣвы божескаго роду,
И такъ много пили меду?»

27.

Тутъ служанка, чтобъ пресѣчь
Жениховы замѣчанья,
Такъ лукаво втерлась въ рѣчь:
– Фрея съ Торомъ сочетанья
Цѣлыхъ восемь дней ждала,
И ни ѣла, ни пила! –

28.

Вдругъ, рукой нетерпѣливой,
Приподнять онъ захотѣлъ
На лицѣ покровъ ревнивый,
И – въ испугѣ отлетѣлъ,
Такъ, что вся земля подъ нимъ
Затряслась, и вскрикнулъ Тримъ:

29.

«У! какъ страшны и сердиты,
И какимъ огнемъ горятъ
Фреи взоры и ланиты,
Точно молніей разятъ!....»
А служанка вновь подходитъ,
И опять съ нимъ рѣчь заводитъ:

30.

– Не дивись, любезный Тримъ!
Фрея, право, по неволѣ,
Къ ласкамъ даже и твоимъ
Такъ гнѣвна; и мудрено ли:
Восемь дней вѣдь не спала,
Свадьбы все своей ждала! –

31.

Тутъ сестра подходитъ Трима:
«Что жъ? подарокъ подавай! [14]
Если хочешь быть любима,

[14] *Bludfiar*, взываетъ отъ имени брата: отдача невѣстою перстня было доказательствомъ ея согласія на его бракосочетаніе съ Тримомъ.

Digitized by Google

Перстень поскорѣй снимай!»
И вручила перстень Фрея,
Тайной злобой пламенѣя.

32.

Турскій царь тогда сказалъ:
«Молотъ принести скорѣе,
Чтобъ вручить, какъ обѣщалъ
Асамъ я, за руку Фреи;
Ей къ ногамъ сложу я млатъ,
И насъ Вары [15] съединятъ!»

33.

И увидя млатъ родимый,
Злобно улыбнулся Торъ;
И чтобъ смыть скорѣй позоръ,
Выхватилъ его, и Трима
Вмигъ на мѣстѣ положилъ,
А потомъ и всѣхъ избилъ.

34.

Никого изъ исполиновъ
Въ гнѣвѣ Торъ не пощадилъ,
И перуномъ, сынъ Одиновъ,
За свой перстень отплатилъ,
И въ Асгардъ, насытясь местью,
Съ молотомъ пришелъ и съ честью!

В. Любичъ-Романовичъ.

[15] Вары (Wary) обѣты.

Digitized by Google

БЕШТУ.

—

Что̀ такъ ты пасмуренъ, угрюмый,
Зубчатый исполинъ Бешту?
Какія думаешь ты думы,
Какую кроешь ты мечту?
Взгляни — у ногъ твоихъ широко
Долинъ развернуты ковры;
По нимъ — холмы твои высоко
Стоятъ, какъ бранные шатры;
Изъ ребръ твоихъ, сквозь лѣсъ дремучій
Текутъ потоки серебромъ.....
Ты видишь, какъ на долъ изъ тучи,
Вокругъ тебя, стремится громъ
И молніи струей огнистой,
То озаряютъ лѣсъ тѣнистый,
То яркимъ золотомъ во мглѣ
Играютъ на твоемъ челѣ.
Какою жъ думою мятежной
Исполненъ ты, краса долинъ,
Стражъ цѣпи горъ Кавказа снѣжной.
Ты, — Пятигорья властелинъ?
Какихъ сокровищъ не достало
Въ твоихъ безвѣстныхъ глубинахъ?
Ужелѣ красотъ, величья мало
Въ твоихъ иззубренныхъ скалахъ?
Быть-можетъ, видя подъ собою,
Какъ, вѣчно новой чередою,
И равнодушна и слѣпа
Людская движется толпа,
Ты мыслишь, старецъ одинокой,
Гдѣ тотъ — первосозданный умъ,
Провозвѣститель вѣчныхъ думъ,
Глашатай истины высокой
Какъ ты, прекрасною мечтой,
Стоящій гордо̀ надъ землей;

Digitized by Google

Гдѣ тотъ, кто цѣль творенья знаетъ,
Кто жизнь, въ твоихъ скалахъ, постигъ,
Кто, въ допотопныхъ *рукахъ* ихъ,
Преданье вѣчное читаетъ?
Но видя, что нашъ родъ людской,
Земною занятъ суетой,
Раскатомъ грома ты, могучій,
Ему укоръ проговорилъ,
И покрываломъ черной тучи,
Чело державное обвилъ.

Н. Левшинъ.

Digitized by Google

СТРАННЫЕ СЛУХИ *.

. . . . . Желалъ бы
Знать я, найдется ль теперь такой удалецъ, чтобъ въ
старинный
Замокъ сходить? — Онъ близко, шаговъ съ три сотни, неболѣ;
Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
Время пойти туда, гдѣ, быть можетъ, въ потемкахъ,
Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя — несогласенъ.
Жуковскій.

Кайсановъ, ** восхищенный прелестями и талантами Надежды Алексѣевны, видѣлъ въ ней осуществленнымъ тотъ идеалъ, который желалъ найти въ будущей сопутницѣ своей жизни, и, если бъ

* Съ удовольствіемъ помѣщаемъ главу изъ новаго, не напечатаннаго романа, (въ 4 частяхъ), сочиненнаго однимъ почтеннымъ, смоленскимъ старожиломъ, подъ заглавіемъ: *Башня Вѣлуха* или *Смоленскъ и его жители пятьдесятъ девять лѣтъ назадъ*. Два отрывка были уже, года съ два тому, напечатаны въ другихъ журналахъ и заслужили тогда печатные, очень лестные для автора отзывы Н. А. Полеваго и другихъ критиковъ. Замѣчательно, что авторъ, подобно Автусту Лафонтену, выступилъ на печатное поприще въ преклонныхъ лѣтахъ. Желаемъ его роману всевозможнаго успѣха.
Ред. С. О.

** Кайсановъ, молодой армейскій офицеръ, пріѣхалъ въ Смоленскъ, нашелъ тамъ неожиданно своего дядю, гарнизоннаго поручика Зарянова, и познакомился съ семействомъ купца Кубышкина, у котораго дочь — Надежда Алексѣевна.

Digitized by Google

не препятствовало ему небогатое его состояніе, онъ тотчасъ рѣшился бы предложить ей свою руку и сердце. Но нѣсколько тысячъ рублей, которыя остались у него отъ лотерейнаго выигрыша, были очень недостаточны, чтобы счастливо и спокойно жить съ любимою особой.

Многіе изъ нынѣшнихъ нашихъ спекулянтовъ, которые, при едва появляющихся у нихъ усикахъ, начинаютъ уже бредить о женидьбѣ, а еще болѣе о богатомъ приданомъ, не нашли бы препятствія посвататься за Надежду, даже и въ такомъ случаѣ, если бъ она не была умна и прекрасна. По житью-бытью купца Кубышкина можно было навѣрное разсчитать, что онъ дастъ за дочерью порядочное количество тысячъ рублей; но Кайсановъ имѣлъ странный характеръ: онъ поставилъ себѣ правиломъ жить своими деньгами, а не женинными.

Пріѣхавъ отъ Кубышкиныхъ, онъ легъ въ постель и продолжалъ размышлять о красотѣ и достоинствахъ Наденьки. Очень прискорбно было ему, что состояніе его не позволяло обладать такою милою дѣвушкой. Прошелъ слишкомъ часъ въ такихъ мечтаніяхъ. Глаза его начали смыкаться; но вдругъ громкій говоръ, раздавшійся возлѣ окна его комнаты, помѣшалъ ему заснуть. Сквозь закрытыя ставни нельзя было слышать о чемъ толковали на улицѣ. Кайсановъ разбудилъ деньщика, который спалъ уже богатырскимъ сномъ, приказалъ ему выйдти за ворота и узнать не случилось ли въ городѣ чего-нибудь необыкновеннаго. Дуловъ вскочилъ, накинулъ на себя плащъ и вышелъ на улицу. Вскорѣ возвратился онъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

Digitized by Google

— Чему ты смѣешься? спросилъ Кайсановъ.

— Какъ не смѣяться, ваше благородіе: умора, да и только! отвѣчалъ Дуловъ.

— Что жъ такое? Разскажи.

— У самыхъ нашихъ оконъ, продолжалъ деньщикъ: разговаривали двѣ бабы и какіе-то два сорванца. Я сталъ прислушиваться къ ихъ рѣчамъ. Одна изъ бабъ разсказывала, что, идучи теперь изъ гостей, повстрѣчалась она съ своимъ кумомъ, который, съ четверть часа назадъ, проходилъ мимо какой-то башни..... Какъ-бишь она назвала ее?.... Ну, да что до того! Лишь-только поровнялся кумъ ея съ этой башней, какъ вдругъ выскочили изъ нея, цѣлыми толпами, рогатые и косматые лѣшіе, или домовые, — прахъ ихъ знаетъ! — и начали бѣгать по городской стѣнѣ; иные играли на волынкахъ и балалайкахъ, а другіе пустились въ запуски плясать *голубца* и *Ваньку Горюна*. Да всего не перескажешь, что врала эта баба. Смекнувъ, что она клюкнула лишнюю чарку, я велѣлъ ей замолчать и сказалъ, чтобъ она шла въ другое мѣсто пороть такую дребедень, а здѣсь живетъ-де полевой офицеръ, которому громкіе разговоры мѣшаютъ опочивать. «Это не дребедень, господинъ служивый!» отвѣчала баба: «У насъ въ Смоленскѣ часто бываютъ на городской стѣнѣ уму непостижимыя, демонскія проказы.» На это я сказалъ, что такимъ пустякамъ одни дураки повѣрятъ. Тутъ одинъ изъ сорванцовъ сталъ увѣрять и божиться, что это точная правда, и если поживу я здѣсь по долѣе, то можетъ-быть и самъ увижу такія чудеса. Я засмѣялся и сказалъ, что это несбыточное дѣ-

Digitized by Google

ло, а онъ все стоялъ на своемъ. Видя, что ихъ не урезонишь, я ихъ въ шею, и прогналъ всѣхъ отъ окна.

— И хорошо сдѣлалъ; перервалъ Кайсановъ: простой народъ любитъ разсказывать и слушать суевѣрныя небылицы. Ложись спать: недавно пробило на городскихъ часахъ двѣнадцать. Не знаю, отъ чего мнѣ не спится. Однако жъ надобно уснуть, чтобы встать пораньше и принять квартиры для команды. Разбуди меня въ седьмомъ часу.

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Дуловъ и, сбросивъ съ себя плащъ, свернулся опять на полу и уснулъ по-прежнему. За часъ до разсвѣта, онъ всталъ, вычистилъ капитанскій мундиръ и разбудилъ своего командира. Кайсановъ одѣлся и, предъ выходомъ со двора, зашелъ къ своей теткѣ, чтобъ засвидѣтельствовать ей утреннее привѣтствіе.

Поручица сидѣла за небольшимъ столикомъ, на которомъ стояли графинчикъ и стаканчикъ. Хотя они были порожніе, однако жъ распространившійся по комнатѣ спиртуозный ароматъ доказывалъ, что не за долго передъ тѣмъ, были они не пусты. Въ почтительномъ отдаленіи отъ стола стояла очень неопрятно одѣтая, среднихъ лѣтъ женщина, по-видимому гарнизонная солдатка. Кайсановъ, не входя еще къ теткѣ въ комнату, слышалъ изъ-за-двери женскій разсказъ о какомъ-то любопытномъ происшествіи, но лишь-только отворилъ онъ дверь, разскащица замолчала. Поручица, слушавшая ее съ великимъ вниманіемъ, желала нетерпѣливо узнать развязку, а пототу очень сухо приняла своего племянника и понуждала бабу продолжать повѣствованіе.

Digitized by Google

— Разсказывай, разсказывай, Пантелѣевна! Мнѣ очень хочется знать, чѣмъ кончились эти приказы.

Разскащица, приведенная въ замѣшательство приходомъ полеваго офицера, остолбенѣла, опустила руки, вытянулась въ струнку, какъ солдатъ предъ своимъ командиромъ, и не рѣшалась продолжать своего повѣствованія. Кайсановъ, замѣтивъ, что она смѣшалась, сказалъ ей.

— Что́жъ ты молчишь? Говори, когда тебѣ приказываютъ.

Ободренная этими словами, солдатка начала опять разсказывать, но только не такъ громко, какъ прежде.

— Вотъ, сударыня-матушка, Матрена Сидоровна! Какъ они наплясались и натѣшились вдоволь, то начали кричать и заорали пѣсни. А одинъ изъ этихъ проклятыхъ, — наше мѣсто свято! — (Тутъ она перекрестилась,) — какъ подбѣжитъ къ караульному, да какъ треснетъ его въ ухо, а тотъ сердечный и съ ногъ свалился: свалился, да и лежитъ безъ памяти. Насилу, насилу, горемычный, опамятовался и кое-какъ, по-маленьку, да по-тихоньку, началъ приподниматься и хотѣлъ кричать: *караулъ!* А тутъ какъ подскочатъ опять двое, еще страшнѣе прежнихъ, да какъ схватятъ его за руки, да повалятъ его на землю, и давай затыкать ему ротъ пенькой! Такъ они, окаянные, заткнули ему ротъ, что онъ, сердечный, еле-еле могъ духъ переводить. Натѣшившись надъ нимъ въ волюшку, окаянные вернулись назадъ и начали-было опять плясать, анъ тутъ и пѣтухи пропѣли! Вотъ, какъ пропѣли пѣту-

Digitized by Google

хи, всѣ нечистые какъ всполошатся, да какъ побѣгутъ назадъ! И давай поскорѣй убираться въ Башню Веселуху, опереживая другъ друга. Вотъ, какъ они убрались всѣ въ башню, то поднялся въ ней такой стукъ, какъ-будто вся эта сволочь сквозь полъ тамъ провалилась — и все затихло..... А знаете ли, сударыня-матушка, Матрена Сидоровна, кто этотъ часовой, котораго такъ уподчивали проклятые? Антонъ Митрофановъ. Да какъ вамъ не знать его? Извольте только припомнить, вы тогда очень жалѣли, что сержантъ, который женатъ на Лукерьиной дочкѣ... Тьфу пропасть! начемъ-бишь я остановилась? Да! — Вотъ, какъ нечистые убрались въ башню и провалились сквозь полъ, или сквозь землю: кто ихъ знаетъ! то старикъ Митрофановъ пролежалъ до самаго разсвѣта, ни живъ, ни мертвъ, съ заткнутымъ ртомъ. Передъ зарей онъ очнулся, поднялся на ноги, перекрестился и началъ вытаскивать изъ рта пеньку, и что жъ? Въ пенькѣ нашелъ онъ золотой амперьялъ! Старинушка обрадовался и хотѣлъ-было положить его въ карманъ; но спохватившись, что великій грѣхъ принимать демонскія деньги, онъ призадумался и не зналъ, что дѣлать съ амперьяломъ: не взять жалко; а взять бѣда! Нутка, старикъ благословлять манету и творить надъ ней молитву: какъ вдругъ...., что бы вы изволили думать?..... амперьялъ почернѣлъ весь, какъ уголь! Часовой швырнулъ его отъ себя. Манета покатилась и разсыпалась маленькими искорками, которыя тутъ же оборотились въ угольки! Провались я сквозь землю, если лгу, Матрена Сидоровна! (Тутъ она опять перекрестилась.) — Все, что я вамъ говорила, слышала я отъ

Digitized by Google

двоюродной моей сестры, что за мѣщаниномъ Разгулинымъ въ законномъ супружествѣ обрѣтается. Сожитель ея шелъ ночью возлѣ стѣны и видѣлъ это дьявольское наважденіе своими глазами. Онъ такъ перепугался, что чуть-чуть дотащился до дому; говоритъ, что доползъ на четверенькахъ, и всю ночь не могъ заснуть отъ страха, а теперь побѣжалъ въ полицію, чтобы объявить обо всемъ плацъ-маіору.

Когда солдатка кончила, то Кайсановъ сказалъ теткѣ, что и деньщикъ его, котораго высылалъ онъ ночью на улицу, слышалъ такой же вздоръ отъ какой-то бабы, стоявшей передъ окномъ его комнаты.

— Нѣтъ, племянничекъ, — отвѣчала поручица: — это не вздоръ, а сущая правда. Но тебѣ простительно не вѣрить, потому-что ты недавно еще въ нашемъ городѣ и въ первый разъ слышишь объ этихъ чудесахъ. А вотъ увидишь ихъ самъ, своими глазами, такъ другое заговоришь.

— Но кто же такъ проказничаетъ? спросилъ Кайсановъ.

— Вѣстимо кто! отвѣчала поручица. — Врагъ человѣческаго рода, которому, за грѣхи наши, позволяется иногда куролѣсить надъ нами!

— Вы шутите, перервалъ Кайсановъ, съ усмѣшкой.

— Какая тутъ шутка. Многіе часовые, многіе прохожіе, очень часто видѣли всѣ эти страсти.

— Странно! замѣтилъ Кайсановъ: я никогда не думалъ, чтобы въ Смоленскѣ могли происходить такія неимовѣрныя явленія. Но всегда ли въ одномъ мѣстѣ они показываются?

*

Digitized by Google

— Только у Башни Веселухи; отвѣчала поручица: большею частію случается это зимой, передъ святками, и даже въ самыя святки. Говорятъ, что въ это время нечистые празднуютъ свои свадьбы. Часовые разсказываютъ, что лишь-только наступитъ двѣнадцатый часъ ночи, то изъ этой башни начнутъ выходить цѣлыя вереницы страшныхъ образинъ, одѣтыхъ въ разныхъ платьяхъ. У иныхъ торчатъ на головѣ крутые, высокіе рога, а сзади волочатся мохнатые хвосты; другіе наряжены въ такихъ мудреныхъ кафтанахъ, и въ такихъ неимовѣрныхъ кофтахъ, сарафанахъ и душегрейкахъ, что и уму невообразимо! А впереди всей ватаги маршируютъ скоморохи, играющіе на гудкахъ, волынкахъ и балалайкахъ. Такимъ порядкомъ, пройдя нѣсколько шаговъ, начнутъ они всѣ, окаянные, кобениться, кривляться и плясать, а идущіе сзади орутъ во все горло пѣсни. Иногда, дошедши до другой башни, схватываютъ они тамъ часоваго, сажаютъ его на зубецъ стѣны, или сбрасываютъ на землю, — и потѣшаются тамъ, до самой полночи. Потомъ, какъ пропоютъ пѣтухи, всѣ бросаются опрометью назадъ и прячутся въ Башню Веселуху. Многіе говорятъ, что на другой день, послѣ такой демонской пирушки, находятся на стѣнѣ разбросанные платки, кушаки, шапки и даже деньги; но кто позарится на эти вещи и возьметъ ихъ, то при первомъ крестномъ знаменіи, все найденное превращается въ камни, да въ уголья.

— Неужели всѣ здѣшніе жители вѣрятъ такимъ чудесамъ? сказалъ Кайсановъ.

— Какъ же не вѣрить, батюшка, когда разска-

Digitized by Google

зываютъ такіе люди, которые своими глазами все это видѣли.

— А я бы велѣлъ поймать хоть одного изъ этой честной компаніи, продолжалъ Кайсановъ. По одному добрались бы и до прочихъ.

— О своемъ ли ты умѣ, племянникъ! Да развѣ можно поймать нечистую силу? Да и кто осмѣлится идти въ башню ночью? Своя жизнь никому еще не надоѣла: суньсяка кто-нибудь, такъ и костей своихъ не соберешь.

— Но съ вооруженною командой.....

— Вотъ еще что! Вооруженная, видишь, команда! Что твоя команда противъ демонской силы? Да и какъ поймаешь этихъ проклятыхъ? Прикинутся невидимкой, такъ гдѣ ихъ сыщешь? Нѣтъ, любезный племянникъ, ты пустяки говоришь.

— Все, что я слышалъ теперь отъ васъ, и ночью отъ денщика моего, возразилъ Кайсановъ, кажется мнѣ очень страннымъ и смѣшнымъ. Можетъ-быть, мнѣ и удастся поразвѣдать объ этихъ чудесахъ пообстоятельнѣе. Прощайте!

Кайсановъ вышелъ, оставя тетку свою съ солдаткой, которая принялась досказывать поручицѣ обо всѣхъ ночныхъ ужасахъ, происходившихъ на Башнѣ Веселухѣ.

Проходя по улицамъ, Кайсановъ замѣтилъ въ многихъ мѣстахъ собравшіяся толпы народа; всѣ толковали о явленіяхъ, которыя показывались въ эту ночь на городской стѣнѣ. Наконецъ пришелъ онъ въ полицію, а тамъ какой-то полупьяный мѣщанинъ, вѣроятно тотъ, о которомъ говорила солдатка, разсказывалъ съ жаромъ плацъ-маіору такую

Digitized by Google

страшную исторію, что даже у плѣшивыхъ чуть-чуть не поднимались волосы дыбомъ.

Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ гарнизонныхъ офицеровъ, слушали разскащика хотя не съ полною довѣрчивостію, однако жъ съ великомъ вниманіемъ, и дѣлали ему нѣкоторыя возраженія; но мѣщанинъ увѣрялъ, что говоритъ истину и что все имъ разсказанное видѣлъ онъ своими глазами. Плацъ-маіоръ сначала смѣялся, но видя, что разскащикъ крѣпко стоитъ на своемъ, наконецъ разсердился, назвалъ его дуракомъ и велѣлъ идти домой проспаться отъ вчерашней попойки. «Да, смотри! прибавилъ онъ: не смѣй нигдѣ разглашать такихъ глупостей, а нето, я прикажу посадить тебя подъ караулъ.»

По уходѣ мѣщанина, Кайсановъ сказалъ, что онъ въ тотъ день уже въ третій разъ слышитъ эти странные разсказы, и что тетка его увѣряла, будто подобныя явленія нерѣдко случаются въ Смоленскѣ.

— Въ четырехлѣтнюю бытность мою при нынѣшней должности, отвѣчалъ плацъ-маіоръ, нѣсколько разъ уже доходили до меня такія сказки; но послѣ изслѣдованія, всегда оказывалось, что онѣ не имѣли никакого основанія, и потому я и не доносилъ объ нихъ высшему начальству, опасаясь, чтобъ и меня не сочли такимъ же суевѣромъ, какъ и тѣхъ, которые мнѣ объ этомъ разсказывали.

Перемѣнивъ разговоръ, плацъ-маіоръ приказалъ выдать Кайсанову росписаніе отведеннымъ подъ команду его домамъ, которые находились на *Пятницкомъ Ручьѣ*, въ тѣсныхъ закоулкахъ. Кайсановъ,

Digitized by Google

получивъ проводника, отправился принять квартиры, а потомъ явился къ оберъ-коменданту.

Онъ пришелъ къ генералу въ самое то время, когда камердинеръ отворилъ дверь въ пріемную и дожидавшіеся въ передней плацъ-маіоръ и другіе гарнизонные офицеры вошли въ генеральскій кабинетъ.

Оберъ-комендантъ, одѣтый въ теплый шлафрокъ, сидѣлъ предъ конторкой, у окна. Офицеры, вступивъ въ кабинетъ и, поклонясь, остановились у дверей; одинъ только плацъ-маіоръ подошелъ къ генералу и подалъ ему два обыкновенные, суточные рапорта; потомъ, отступивъ нѣсколько шаговъ, сталъ впереди прочихъ офицеровъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ генеральскихъ ординарцевъ, отворилъ дверь изъ прихожей и, остановивъ у порога посланнаго съ гауптвахты мельдъ-офрейтера, выдернулъ изъ обшлага его суточный рапортъ и подалъ генералу. Солдатъ, державшій ружье на плечѣ, сдѣлалъ *на караулъ* и отрапортовалъ словесно о исправности городскаго караула; потомъ, сдѣлавъ опять *на плечо*, топнулъ при первомъ темпѣ правою ногой, поворотился *на право кругомъ* и, при поворотѣ, топнувъ вторично, пошелъ назадъ, сопровождаемый ординарцемъ.

Генералъ, принявъ рапорты, пробѣжалъ ихъ глазами и положилъ на конторку. Потомъ, обратясь къ плацъ-маіору, началъ говорить о дѣлахъ, касающихся службы. Спустя четверть часа прибѣжалъ осьмилѣтній сынокъ оберъ-коменданта, одѣтый въ дѣтскомъ домашнемъ платьицѣ. Онъ подошелъ къ своему папенькѣ, поцѣловалъ его руку, и потомъ,

Digitized by Google

обратясь ко всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ офицерамъ, поклонился имъ довольно важно. Кайсановъ догадался, что этотъ мальчикъ долженъ быть тотъ самый, о которомъ наканунѣ такъ много разсказывали ему его тетка, поручица Зарянова.

Оберъ-комендантъ поцѣловалъ сынка своего въ щеку и замѣтивъ, что мальчикъ хочетъ ему сказать что-то, спросилъ:

— Я замѣчаю по лицу твоему, что у тебя есть какая-нибудь новость!

— Очень любопытная и удивительная, папенька, отвѣчалъ мальчикъ. Ординарецъ Черноусовъ разсказывалъ мнѣ, что въ прошедшую ночь выходили изъ Башни Веселухи какіе-то черти, плясали на городской стѣнѣ и пѣли пѣсни.

— Я думалъ, перервалъ оберъ-комендантъ, услышать что-нибудь умное, но ты опять подчуешь меня такими же пустяками, какіе очень часто уже мнѣ разсказывалъ. Вѣроятно, ординарцы, замѣтивъ, что ты охотникъ слушать волшебныя сказки, хотятъ угодить тебѣ небылицами.

Плацъ-маіоръ улыбнулся и примолвилъ: — И я также слышалъ сегодня эту небылицу, о которой разсказываютъ теперь по всему городу. Я приказалъ тотчасъ представить мнѣ того караульнаго, который нынѣшнюю ночь стоялъ у *Позняковой* Башни, и распрашивалъ его подробно; но онъ признался мнѣ, что, становясь съ вечера на часы, былъ нѣсколько хмѣленъ и задремалъ скоро. Ночью померещилось ему, будто изъ Башни Веселухи вышли странно одѣтые люди, приблизились къ нему, стали его давить и потомъ исчезли. Но дѣйствительно

Digitized by Google

ли это было, или пригрезилось ему во снѣ, того утвердительно сказать не можетъ. Чрезъ часъ послѣ, явился въ полицію одинъ здѣшній мѣщанинъ, который объявилъ мнѣ, что, шедши сегодня ночью изъ гостей, мимо Башни Веселухи, слышалъ онъ въ ней сильный стукъ, похожій на топотъ бѣгущихъ людей, которые потомъ выскочили изъ башни, пѣли, прыгали, кувыркались, и скрылись опять въ башню. Но и этому человѣку нельзя повѣрить, потому-что онъ давно замѣченъ въ нетрезвомъ поведеніи, а сверхъ того и самъ признался, что былъ на именинномъ пиру. Слѣдовательно.....

Плацъ-маіоръ замолчалъ, предоставивъ оберъ-коменданту придѣлать заключеніе къ его *слѣдовательно*.

Кайсановъ также разсказалъ генералу, слышанное имъ отъ своего деньщика, а потомъ отъ тетки и бывшей у нея солдатки.

Оберъ-комендантъ смѣялся, однако жь приказалъ плац-маіору поставить у Башни Веселухи скрытый въ домахъ караулъ, который бы въ ночное время наблюдалъ, что будетъ происходить на городской стѣнѣ, и если опять появятся какія-нибудь привидѣнія, то немедленно донести ему.

Плацъ-маіоръ и гарнизонные офицеры скоро откланялись оберъ-коменданту и вышли. Остался одинъ Кайсановъ, съ которымъ генералъ занялся продолжительнымъ разговоромъ. Замѣтивъ, что молодой офицеръ хорошо образованъ, и узнавъ, что онъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, генералъ началъ говорить съ нимъ по-нѣмецки и, при окончаніи разговора, сказалъ:

— Вѣроятно, вы не успѣли еще въ короткое время

Digitized by Google

пребыванія вашего въ Смоленскѣ, познакомиться здѣсь съ хорошими домами, и оттого покажется вамъ у насъ скучно. Желая доставить вамъ нѣкоторое развлеченіе, я приглашаю васъ приходить ко мнѣ всякое воскресенье обѣдать и провести вечеръ. Этотъ день всегда провожу я съ короткими моими знакомыми, въ числѣ которыхъ очень пріятно мнѣ будетъ видѣть и васъ.

Кайсановъ, неожидавшій такого лестнаго приглашенія, поклонился и отвѣчалъ, что онъ сочтетъ за особенную честь быть принимаемымъ въ домѣ его превосходительства.

Вошелъ камердинеръ и доложилъ, что изъ рекрутскаго присутствія присланъ сторожъ съ извѣщеніемъ, что всѣ члены собрались уже тамъ и ожидаютъ его превосходительства. Оберъ-комендантъ приказалъ подать одѣваться. Кайсановъ хотѣлъ откланяться, но генералъ продолжалъ разговаривать съ нимъ, пока подана была къ крыльцу карета. Оберъ-комендантъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ и, сѣвъ въ карету, поѣхалъ въ рекрутское присутствіе, а Кайсановъ пошелъ къ своему дядѣ.

Слухи о ночныхъ явленіяхъ дошли и до Заряновa. Кайсановъ просилъ Лукьяна Захарьевича разсказать ему: давно ли и отчего возникла такая странная молва?

— Здѣшніе старожилы, отвѣчалъ Заряновъ, разсказываютъ по преданіямъ, слышаннымъ ими отъ отцевъ и дѣдовъ; такіе слухи начались со времени построенія городской стѣны, но потомъ мало-по-малу смолкли; однако жь, лѣтъ шестнадцать назадъ, неизвѣстно отъ чего, молва эта опять появи-

Digitized by Google

лась. Многіе изъ простыхъ людей выдавали за истину, будто они дѣйствительно видѣли на стѣнѣ чудныя явленія. Правительство пыталось узнать причину такихъ странныхъ разсказовъ. Приказано было осмотрѣть башню, однако жъ и по сіе время ничего подозрительнаго въ ней не найдено.

— Но правда ли это, продолжалъ Кайсановъ, что нѣсколько разъ находили стоявшихъ въ башнѣ часовыхъ, сброшенными съ городской стѣны, или посаженными на зубцы?

— Лѣтъ десять тому, отвѣчалъ Заряновъ, дѣйствительно нашли однажды караульнаго, упавшаго со стѣны: но это случилось оттого, что, становясь на часы, принесъ онъ съ собою порядочный запасъ вина, отъ котораго вскорѣ заснулъ, а ночью, проснувшись, вообразилъ, что онъ находится въ своемъ домѣ, началъ прохаживаться не вдоль, а поперегъ стѣны и попалъ въ такое мѣсто, гдѣ было нѣсколько сломанныхъ зубцовъ. Онъ оступился и упалъ на землю. На другой день нашли его въ безчувственномъ положеніи и отвезли въ лазаретъ. Передъ смертью пришелъ онъ нѣсколько въ память и разсказалъ, отъ чего случилось его паденіе. Послѣ того, другому караульному приключилась горячка съ бредомъ; въ этомъ пароксизмѣ полѣзъ онъ на зубецъ и просидѣлъ тамъ до утра, пока пришла смѣна. Эти два происшествія, простой народъ перетолковалъ по своему и разгласилъ, что они случились отъ нападенія нечистой силы. Теперь, всякій годъ, большею частію въ зимнее время, носятся слухи, будто на городской стѣнѣ появляются привидѣнія. Образованные жители смѣются надъ этими пустяками; но преданіе такъ глу-

Digitized by Google

боко вкоренилось въ суевѣрные умы, что очень трудно разувѣрить простяковъ въ томъ, что съ давняго времени закоснѣло въ ихъ головахъ. Впрочемъ эти разсказы скоро проходятъ: поговорятъ нѣсколько дней, а потомъ перестанутъ, пока не вздумается кому-нибудь опять возобновить молву. По моему мнѣнію, если и въ самомъ дѣлѣ видятъ на стѣнѣ какія-нибудь явленія, то это ничто иное, какъ проказы мошенниковъ, которые пользуются древнимъ преданіемъ.

Кончивъ этотъ разговоръ, Кайсановъ и Заряновъ стали смотрѣть въ окно на улицу. Въ это время показались выходящіе изъ Днѣпровскихъ Воротъ полевые солдаты съ ружьями и ранцами. Кайсановъ узналъ въ нихъ свою команду. Начальствующій надъ нею офицеръ остановилъ солдатъ близъ воротъ и скомандовалъ: *къ ноги!* Скрестивъ ружья, служивые стали прохаживаться взадъ и впередъ и потирали озябшія свои руки; четыре офицера, прибывшіе съ командой, вошли въ караульню и предъявили свои подорожныя. Поручикъ Блюмъ, который послѣ Кайсанова остался старшимъ надъ командой, очень удивился, увидя въ караульнѣ своего друга. Онъ подошелъ къ нему съ дружескимъ привѣтствіемъ и спросилъ, по какому случаю встрѣчаетъ онъ его въ этомъ мѣстѣ? Кайсановъ отвѣчалъ, что караульный офицеръ родной его дядя, и разсказалъ подробно, какъ случилось это пріятное для него открытіе.

— Твой дядя! подхватилъ Блюмъ: я очень радъ такому нечаянному случаю.

Тутъ обратился онъ къ Зарянову, отрекомендовался и просилъ полюбить его столько же, сколько лю-

Digitized by Google

битъ его Кайсановъ, который задушевный ему другъ и лучшій товарищъ по службѣ.

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ другомъ моего племянника, перервалъ Заряновъ: прошу полюбить и меня, старика.

— Извини, любезный Александръ Степановичъ, продолжалъ Блюмъ, обратясь опять къ Кайсанову: извѣстіе о твоемъ дядѣ такъ меня изумило, что я совсѣмъ забылъ субординацію. Тутъ онъ пріосанился и отрапортовалъ Кайсанову о благосостояніи ввѣренной ему команды.

Кайсановъ пожалъ ему руку и сказалъ, что дядя его далъ ему на нѣсколько дней убѣжище въ своемъ домѣ и что теперь пойдетъ онъ туда, чтобъ приказать деньщику своему перебраться тотчасъ въ отведенную для нихъ обоихъ квартиру. Тутъ далъ онъ Блюму росписаніе домамъ, назначеннымъ подъ рекрутскую команду, и просилъ, чтобъ онъ размѣстилъ солдатъ по квартирамъ; потомъ, поблагодаривъ Зарянова за данный ему пріютъ, просилъ послѣ смѣны съ караула, посѣтить его въ новомъ жилищѣ, и вышелъ.

Блюмъ выпросилъ у Зарянова проводника, который бы показалъ назначенныя для рекрутской команды квартиры, и, простясь съ почтеннымъ старичкомъ, повелъ своихъ солдатъ за провожатымъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о поручикѣ Блюмѣ, о которомъ, въ послѣдствіи, будемъ говорить очень часто. Ему было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ отроду. Еще въ младенчествѣ лишился онъ своего отца, служившаго въ военной службѣ полковникомъ, который въ турецкую войну, при взятіи, въ 1770 году, города *Бендеръ*, пожерт-

Digitized by Google

вовалъ отечеству своею жизнью. Послѣ смерти родителя, малолѣтный Блюмъ остался на воспитаніи у своей матери, довольно богатой лифляндской помѣщицы, которая всячески старалась дать единственному своему сыну хорошее образованіе и записала его въ гвардію. На осьмнадцатомъ году своего возраста, Блюмъ выпущенъ поручикомъ въ ростовскій пѣхотный полкъ, въ которомъ, отличаясь безпримѣрною исправностію по службѣ, пріобрѣлъ особенную благосклонность полковаго своего начальника. Привлекательная наружность и ловкое обращеніе нравились всѣмъ: во всѣхъ благородныхъ обществахъ принимали молодаго Блюма съ удовольствіемъ, а особливо дамы ни съ кѣмъ такъ охотно не танцовали и не любезничали, какъ съ нимъ. Заслуженые, почтенные старички также любили его и очень часто разсказывали ему о своихъ походахъ. Молодой офицеръ слушалъ ихъ со вниманіемъ и уваженіемъ. Короче сказать, Блюмъ вовсе не похожъ былъ на молокососовъ, которые, не успѣвъ вступить въ кругъ общества, вбиваютъ себѣ въ голову, что умнѣе ихъ нѣтъ никого на свѣтѣ, что только *они* имѣютъ право обо всемъ судить и рядить, и что не *они* стариковъ, а старики должны *ихъ* уважать и слушать.

Но какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ, то и Блюмъ, не смотря на отличныя свои достоинства, имѣлъ и нѣкоторыя слабости. Онъ былъ нѣсколько вѣтренъ и, награждаемый нерѣдко благосклонными взорами и милыми улыбками красавицъ, любилъ поволочиться.

Чрезъ два часа послѣ размѣщенія команды по квартирамъ, Кайсановъ и Блюмъ сидѣли вмѣстѣ въ

Digitized by Google

новомъ своемъ жилищѣ и разговаривали съ дружескою откровенностію.

Кайсановъ разсказалъ своему товарищу все, что случилось съ нимъ по пріѣздѣ въ Смоленскъ: какъ познакомился онъ съ Кубышкиной, ея дочерью, а потомъ и съ ея отцемъ. Онъ очень живо описалъ прелестную Наденьку и не скрылъ, что она ему очень понравилась.

Блюмъ, выслушавъ своего друга, разсказалъ и ему, что случилось съ нимъ послѣ того, какъ Кайсановъ оставилъ его съ командой въ шестидесяти верстахъ отъ Смоленска. Самымъ важнѣйшимъ обстоятельствомъ въ его разсказѣ было то, что на дорогѣ удалось и ему познакомиться съ одною премилою дѣвицей, дочерью помѣщицы той деревни, въ которой имѣлъ онъ дневку.

Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что также и въ Смоленскѣ буду имѣть случай познакомиться со многими прелестными барышнями; но до того времени, надѣюсь, что ты отрекомендуешь меня Кубышкинымъ. Можетъ-быть, у Наденьки есть подруги, такія же хорошенькія, какъ она сама... Но я знаю твой характеръ: пожалуй, чего добраго! Ты подумаешь, что я хочу приволокнуться за твоею красавицей и станешь ревновать? Не опасайся: я не принадлежу къ числу такихъ, которые любятъ отнимать у друзей своихъ лакомый кусочекъ!

Кайсановъ улыбнулся и сказалъ, что онъ завтра же ввечеру поведетъ его къ Кубышкинымъ.

— Но по утру — продолжалъ онъ, — должно мнѣ всѣхъ васъ, новоприбывшихъ офицеровъ, представить здѣшнему оберъ-коменданту, этому почтенному и доброму генералу, который се-

Digitized by Google

годня разговаривалъ со мною такъ снисходительно, и пригласилъ обѣдать и проводить у него вечеръ всякое воскресенье.

Кайсановъ хотѣлъ продолжать этотъ разговоръ, но на дворѣ, возлѣ крыльца, послышался говоръ двухъ женщинъ. Блюмъ, надѣясь увидѣть миленькое личико, подскочилъ тотчасъ къ окну и взглянулъ на дворъ; но въ туже минуту попятился отъ окна и сдѣлалъ кислую мину. У крыльца стояла старуха въ изношенномъ салопѣ, съ черною на головѣ шапочкою, похожею на жидовскую ермолку. Она разговаривала съ другою, стоявшею на крыльцѣ, пожилою женщиной, которая была хозяйка офицерской квартиры. Пискливые и пронзительные голоса двухъ этихъ существъ, проникали такъ звучно сквозь вставленныя зимнія рамы, что офицеры очень внятно могли слышать почти каждое ихъ слово. Чѣмъ болѣе Блюмъ разсматривалъ странно одѣтую старуху, тѣмъ любопытнѣе она ему казалась. Онъ подозвалъ Кайсанова къ окну и сказалъ, что ему хотѣлось бы знать, къ какому сословію принадлежитъ эта старуха, и что, не смотря на ветхую ея одежду, она кажется необыкновенною нищей. Изъ разговоровъ этихъ двухъ женщинъ офицеры поняли, что хозяйка убѣждала пришедшую погадать ей на рукѣ, но старуха не соглашалась.

— Нѣтъ, отвѣчала она, ты не одинъ уже разъ меня обманывала: сулишь золотыя горы, а отподчуешь копѣечкой, а иногда и ничего не дашь. Положи-ка сперва на ручку рублевичекъ, то я погадаю.

— Это Цыганка, сказалъ Блюмъ. Выйду

Digitized by Google

и позову ее къ намъ; иногда и старухи могутъ пригодиться къ чему-нибудь.

Кайсанову очень не хотѣлось позвать такую запачканную нищую, но Блюмъ такъ убѣдительно настаивалъ, что Кайсановъ не могъ отказать своему другу. Блюмъ вышелъ на крыльцо въ самое то время, какъ хозяйка кончила со старухой разговоръ и пошла въ свою горницу. Нищая оборотилась къ воротамъ и хотѣла уже идти со двора, но Блюмъ остановилъ ее.

— Послушай, старушка! закричалъ онъ ей въ слѣдъ: зайди на минуту въ нашу комнату; ты, я вижу, умѣешь гадать, а я и товарищъ давно уже ищемъ случая, чтобъ кто-нибудь погадалъ намъ.

— А кто вы таковы? спросила старуха.

— Мы полевые офицеры.

— Офицеры? Знаемъ мы вашу братью полевыхъ! сурово отвѣчала нищая: вы ребята гладкіе: любите только посмѣяться и подтрунить надъ старухами, а путнаго ничего отъ васъ не ожидай.

— Напрасно такъ заключаешь объ насъ, старушка, перервалъ Блюмъ, и вынувъ изъ кошелька серебряную монету, подалъ ей. Вотъ возьми въ задатокъ, и если погадаешь, то получишь болѣе.

Нищая взяла монету и перекрестилась.

— Ну спасибо, ваше благородіе! сказала она, отвѣсивъ низкій поклонъ. — Дай Богъ вамъ всего, чего желаете.... Если угодно, то и погадаю: изволь-ка, баринъ, протянуть ручку.

Digitized by Google

Блюмъ сказалъ, чтобъ она пошла за нимъ въ комнату. Старуха пошла и, переступивъ чрезъ порогъ, остановилась, начала креститься и, поклонясь обоимъ офицерамъ, спросила: О чемъ же прикажете погадать вамъ, господа кавалеры?

Блюмъ протянулъ руку и сказалъ: Погадай-ка, старушка, скоро ли увижусь я съ моею женою?

— Полно морочить, баринъ, отвѣчала нищая: ужели ты думаешь, что я дура безсчетная? У тебя нѣтъ жены: скажи-ка лучше, что тебѣ хочется знать; то есть скоро ли увидишься съ своей сударушкой, съ которою ты разлучился и которая зазнобила молодецкое твое сердечко.

— Ну, если ты такая искусная угадчица, то признаюсь, что ты сказала правду. И такъ погадай: думаетъ ли обо мнѣ моя любезная.

— Давно-бы такъ сказалъ! Съ гадальщицами такъ же, какъ съ лекарями, всегда должно быть откровеннымъ.

Тутъ старуха начала разсматривать руку Блюма и продолжала: Э! да у тебя цѣлая куча пріятельницъ! какъ же мнѣ отгадать, про которую ты задумалъ?

Кайсановъ усмѣхнулся и сказалъ: Твоя правда, старушка: онъ таки любитъ приволокнуться.

— Однако жъ, продолжала опять гадальщица, смотря Блюму въ глаза: сколько ни волочись, а всё таки придется жениться.

— Можетъ-быть, и это сбудется когда-нибудь, перервалъ Блюмъ: только еще не скоро.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ваше благородіе! — подхватила старуха, — очень скоро.

— А какъ бы, на-примѣръ? спросилъ Блюмъ.

— Да изъ нашего города безъ жены не уѣдешь, отвѣчала гадальщица.

— Вотъ ужъ этому не повѣрю! перервалъ Блюмъ: въ Смоленскѣ я никого не знаю и пробуду въ немъ не болѣе трехъ, или четырехъ мѣсяцовъ; а притомъ я вовсе еще не располагалъ попировать на моей свадьбѣ. Веселѣе пировать на чужихъ: меньше хлопотъ и убытка.

— Да ужъ чему быть, тому не миновать! подхватила старуха.

— Если по твоему, непремѣнно должно такъ быть, то скажи, по-крайней-мѣрѣ, какова будетъ моя жена?

— О, жена твоя будетъ красавица, умница и богатая, отвѣчала старуха.

— Спасибо за хорошее предсказаніе, только, право, я совсѣмъ не желаю, чтобъ оно сбылось скоро.

— Погадай-ка и мнѣ, старушка, сказалъ Кайсановъ, положивъ на руку рубль: исполнится ли то, о чемъ я думаю?

Гадая Блюму, старуха почти не смотрѣла на Кайсанова; теперь, взглянувъ на него пристально, она вдругъ побѣднѣла и, какъ будто пораженная сверхъ-естественнымъ ужасомъ, затрепетала и отскочила назадъ.

— Что съ тобою сдѣлалось? спросили офицеры.

— Ахъ!..... Гдѣ я?..... вскрикнула гадальщица

Digitized by Google

и, устремивъ на Кайсанова неподвижный взоръ, продолжала: Оставь меня!.... Пощади многогрѣшницу и пусти душу мою на покаяніе!

Выговоривъ эти слова, она грянулась на полъ и завопила дикимъ голосомъ.

Не понимая, отъ чего старуха пришла въ такой ужасъ, офицеры удивились и испугались. Пробывъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, старуха мало-по-малу стала приходить въ себя. Кайсановъ вынулъ изъ шкатулки нѣсколько серебряныхъ монетъ и, подавая ихъ гадальщицѣ, сказалъ: Возьми, старушка, и успокойся.

Старуха все еще лежала на томъ же мѣстѣ, рвала свои волосы и не понимала, что ей говорили. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Блюмъ, которому очень непріятна была такая сцена, сказалъ:

— Удивляюсь, отъ чего она, взглянувъ на тебя, испугалась! Кажется, лицо твое во все не страшно..... Однако жъ, не лежать же ей здѣсь на полу: такую гостью не очень пріятно видѣть.

Тутъ позвалъ онъ обоихъ деньщиковъ и приказалъ вывесть старуху и препоручить ее домовой хозяйкѣ.

Деньщики подняли гадальщицу и повели подъ руки, но какъ эта ноша была довольно тяжела, то въ сѣняхъ они не могли удержать ее. Старуха опять повалилась на полъ. На этотъ шумъ вышла хозяйка. Деньшики, разсказавъ ей, что случилось, просили, чтобъ она приказала отвесть нищую до ея жилища.

— А мнѣ какое до нея дѣло? отвѣчала хозяй-

Digitized by Google

ка: изъ домашнихъ моихъ никто не знаетъ, гдѣ ея квартира; да, правду сказать, у нея во все нѣтъ постояннаго жилища. Всякій день, отъ зари до зари, шатается она по улицамъ, перебываетъ во многихъ домахъ и ночуетъ тамъ, гдѣ застанутъ ее сумерки. Прежде жила она у какого-то здѣшняго мѣщанина, но послѣ смерти его осталась безъ всякаго пристанища и теперь питается только мірскимъ подаяніемъ. Впрочемъ съ нею часто случаются разные припадки.

— Она Цыганка, что ли? спросилъ Дуловъ.

— Нѣтъ, батюшка, она Русская; но изъ какого званія и кто такова, этого никто не можетъ отъ нея добиться. Всѣ называютъ ее просто: *Ивановной*.

— Возьмите жъ ее къ себѣ, сказалъ Дуловъ: и пусть переночуетъ у васъ.

— Вотъ еще! отвѣчала хозяйка: Что за охота принимать въ чужомъ пиру похмѣлье! Легко можетъ случиться, что она умретъ въ эту ночь.

Тутъ хозяйка ушла въ свою комнату и захлопнула за собою дверь.

— Куда же намъ дѣвать ее? спросилъ Суминъ, деньшикъ поручика Блюма. Не отвести ли на съѣзжую? Пусть пробудетъ тамъ до утра.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ Дуловъ: чего намъ не приказано, того *не могимъ* сдѣлать. Лучше спросимъ-ка нашихъ командеровъ. Сказавъ это, онъ пошелъ къ офицерамъ, разсказалъ что̀ слышалъ отъ хозяйки, и спросилъ, не прикажутъ ли они отвесть старуху на съѣзжую?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Кайсановъ: возьмите ее въ кухню и уложите спать, а завтра мож-

Digitized by Google

но отвесть ее въ больницу, если же будетъ ей легче, то пусть пойдетъ, куда хочетъ.

— Ну, братъ, Суминъ! сказалъ Дуловъ, возвратясь въ сѣни, гдѣ Ивановна все еще лежала безъ чувствъ. Пособи поднять эту красотку!

И оба понесли старуху въ кухню, положили на лавку у печки и прикрыли солдатскимъ плащемъ.

— Вотъ намъ и кладъ! продолжалъ Дуловъ, уложивши старуху. Не думалъ, не гадалъ, что сегодня придется мнѣ спать въ одной избѣ съ такимъ камрадомъ.

— Камрадъ-то твой, замѣтилъ Суминъ: смахиваетъ немножко на вѣдьму.

— Ну, нельзя сказать, чтобъ она была слишкомъ стара, возразилъ Дуловъ: ей лѣтъ пятьдесятъ, не болѣе.

— Только? перервалъ Суминъ: а развѣ по этимъ лѣтамъ нельзя назвать ее старухой?

— Не о лѣтахъ рѣчь, продолжалъ Дуловъ: есть много и пожилыхъ женщинъ, которыя за поясъ заткнутъ молодыхъ. Я видалъ двадцатилѣтнихъ, на которыхъ, прости Господи, тошно взглянуть! И вотъ такихъ-то сыщется очень много между барынями и барышнями. Иныя такія поджарыя, такія тщедушныя и тоненькія, словно соломенки; того и гляди, что по поламъ переломятся!

— Воля твоя, перервалъ Суминъ: а на мой вкусъ молодыя, каковы бы собой ни были, всё-таки лучше старухъ..... Только вотъ бѣда, что мнѣ нѣтъ *талану* ни въ какомъ женскомъ отродьѣ. Дорогой идучи сюда, куда ни приходили, все по-

Digitized by Google

падались старыя корги, а если гдѣ и были молодыя, то либо кривыя, либо хромыя, либо ужъ слишкомъ смазливыя, такъ, что и плюнуть на нашего брата не хотятъ!

— Стало быть я счастливѣе тебя, подхватилъ Дуловъ, съ самодовольной улыбкой: вотъ ужъ и здѣсь въ Смоленскѣ, удалось мнѣ, на другой день нашего пріѣзда, познакомиться съ служанкой его благородія, дядюшки Александра Степановича: хотя она и не очень смазлива, зато молода, лѣтъ двадцати-пяти, и такая здоровенная, что ай-люли! А что всего-лучше: несказанно учлива и привѣтлива!... Сегодня, на разставаньи, она чуть, чуть не заплакала, и проводила меня до втораго кабака.

— А мнѣ видно на роду написано быть безсчастну въ *эндакихъ оказіяхъ!* перервалъ Суминъ. Да и то сказать: не ужели горевать, что бабы не любятъ? Прахъ ихъ побери! Былъ-бы милостивъ ко мнѣ командеръ мой, Ѳедоръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровья! А о бабьихъ ласкахъ тужить не стану.

Тутъ Кайсановъ кликнулъ своего деньщика и спросилъ: успокоилась ли старуха? Дуловъ сказалъ, что она заснула крѣпкимъ сномъ.

— Когда проснется, продолжалъ Кайсановъ: то дай ей что-нибудь поужинать; а завтра, если оправится, проводи до какого-нибудь знакомаго ей дома; но если останется въ такомъ же положеніи, какъ теперь, то найми извощика и отвези въ больницу.

— Не прикажете ли, ваше благородіе, дать ей пѣннаго съ перцомъ? спросилъ Дуловъ: это лекарство пользительно отъ всякихъ болѣзней.

Digitized by Google

— Если она пьетъ вино, отвѣчалъ Кайсановъ, то можно дать ей небольшую рюмку: только смотри, не залечи ее до пьяна.

— Что вы, ваше благородіе! Уже ли изволите думать, будто я въ этомъ ничего не смышлю? Мы знаемъ указную мѣру какъ для себя, такъ и для другихъ.

Кайсановъ взялъ изъ шкатулки нѣсколько серебряныхъ денегъ, и сказалъ: Отдай это завтра старухѣ и скажи, что я и товарищъ мой посылаемъ эти деньги за ея гаданье. Теперь ступай и состряпай намъ что-нибудь на ужинъ.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣчалъ Дуловъ, и, пришедши въ кухню, занялся приготовленіемъ кушанья.

Смоленскій старожилъ. Ѳ. Э.

Digitized by Google

БЫЛЬ 1703 ГОДА.

(Окончаніе).

—

VI.

— Да, да! говорилъ сидѣвшій у стола Карлъ Карловичъ Ильѣ Сергѣевичу, который ходилъ по избѣ, опустивъ голову: Я опять сегодня всю ночь не спалъ. Что за манера у этихъ Русскихъ производить пальбу ночью, и притомъ такую чертовскую пальбу. Это чрезвычайно безпокойно и даже, можно сказать, непріятно. Я ужъ начинаю соглашаться съ твоимъ мнѣніемъ, что лучше намъ всѣмъ уйти отсюда по-дальше.

— Тебѣ длячего уходить, Карлъ Карловичъ. Мнѣ — дѣло другое. Да вотъ ужъ сколько дней все сына увидѣть не удается. Сохранилъ ли его Богъ на сраженіи? Хочется взглянуть на сына въ послѣдній разъ, проститься съ нимъ, благословить его. А потомъ и пойду я, куда глаза глядятъ, пойду сложить свои старые кости на чужой землѣ, въ какой-нибудь пустынѣ безлюдной.

— Нѣтъ, сосѣдъ любезный! Я опять возвращаюсь къ прежнему моему мнѣнію, что тебѣ уходить

Digitized by Google

никакъ не слѣдуетъ. Зачѣмъ тебѣ искать пустыни? И здѣсь очень хорошая пустыня, довольно безлюдная. Пальба, правда, наноситъ нѣкоторое безпокойство; но это еще не бѣда. Можно и при пальбѣ быть счастливымъ.

— Нѣтъ, батюшка! Я при пальбѣ очень несчастна! сказала Христина: Очень желала бы, чтобы Шведы или Русскіе скорѣе побѣдили; только перестали бы стрѣлять.

— Вотъ хорошо! воскликнулъ Густавъ: можно ли говорить такъ природной Шведкѣ.

— Да, да! природной Шведкѣ! повторилъ Карлъ Карловичъ, покачавъ головою.

— Вѣдь ужъ отъ моихъ желаній и словъ, возразила Христина: побѣда нисколько не зависитъ. Что Богъ судилъ, то и будетъ. Но я очень была бы рада, если бы скорѣе война кончилась, и мы могли здѣсь жить по-прежнему, спокойно и весело. Ну даже, если бы и Русскіе побѣдили: насъ не обидятъ. Я воображала ихъ какими-то звѣрями, а они, напротивъ, такіе добрые и ласковые.

— Безъ сомнѣнія, ты судишь по одному подполковнику Карпову, который слишкомъ что-то часто насъ посѣщаетъ, сказалъ Густавъ, иронически улыбнувшись.

Христина покраснѣла.

— Да, да! замѣтилъ Карлъ Карловичъ: ты судишь по одному подполковнику!

— Что жъ такое! возразила Христина, взглянувъ съ досадой на брата и нахмуривъ тоненькія брови. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень добрый человѣкъ.

— Конечно добрый, но Русскій, а ты Шведка.

— Но Русскій, да, да! но Русскій! повторилъ

Digitized by Google

Карлъ Карловичъ, сильно зажегавши: а ты Шведка и даже, можно сказать, ветреница.

— Да за что же вы меня браните, батюшка? сказала Христина, отошла къ окну, и начала смотреть на речку, тихонько отирая выступавшія изъ глазъ слезы.

— Чѣмъ-то кончилось сраженіе? сказалъ Густавъ, вздохнувши: Пальба давно уже замолкла.

— Давно уже замолкла, это правда! замѣтилъ Карлъ Карловичъ. Я очень радъ! Теперь можно и уснуть. Цѣлую ночь мы не спали, а въ мои лѣта это очень нездорово.

Карлъ Карловичъ зѣвнулъ. Въ это время Василій вошелъ въ избу.

— Сынъ! Любезный сынъ! воскликнулъ Илья Сергѣевичъ, въ восторгѣ бросился къ вошедшему и заключилъ его въ свои объятія. Долго обнимались они молча и плакали.

— Разскажи, разскажи, любезный сынъ, что было съ тобою? спросилъ наконецъ Илья Сергѣевичъ, положивъ руки на плеча Василья и вглядываясь въ него, какъ бы желая удостовѣриться: точно ли онъ видитъ передъ собою сына.

— Ну что? Разбиты? сказалъ Густавъ.

— Разбиты!

— Русскіе?

— Нѣтъ, Густавъ! Два шведскіе корабля взяты, и теперь ихъ ведутъ къ Ніеншанцу, а всѣ прочія непріятельскія суда подняли паруса и ушли въ море.

— А что, Василій Ильичъ, я думаю, очень страшно на сраженіи? спросила живо Христина, съ блестящими отъ любопытства глазами.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нисколько не страшно! Я себя не принялъ. Правду сказать, дрогнуло сердце при первыхъ выстрѣлахъ, а тамъ, какъ пошло, какъ пошло, такъ ужъ и трава не расти! Крикъ, трескъ, дымъ! Я тогда опомнился, когда увидѣлъ, что я и солдаты на палубѣ; что Царь стоитъ на кормѣ, губернаторъ Меншиковъ на другой. Слышу, кричатъ всѣ: ура! Сердце отъ радости запрыгало, и я началъ со всѣми прочими кричать, что было силы: ура! Вскорѣ плѣнныхъ Шведовъ съ обоихъ кораблей пересадили на боты и повезли въ Ніеншанцъ. Потомъ пересѣли на боты и наши солдаты. Осталось ихъ на кораблихъ немного, по выбору Царя и губернатора Меншикова. Когда я подошелъ къ веревочной лѣстницѣ, чтобы спуститься съ корабля, Меншиковъ меня увидѣлъ и спросилъ капрала: «Ну, что этотъ волонтеръ; каково велъ себя въ сраженіи?» Капралъ сказалъ въ отвѣтъ: «Похвалить нельзя. Отъ другихъ не отставалъ.» Тутъ губернаторъ Меншиковъ потрепалъ меня ласково по плечу. «А можно ли мнѣ теперь,» спросилъ я его, «побывать дома и повидаться съ родителемъ?» Губернаторъ усмѣхнулся и сказалъ: «Ступай, любезный, на всѣ четыре стороны. Ты вѣдь не въ службѣ.» Да еще потрепалъ меня по плечу. Такой, право, добрый и ласковый! У меня слезы навернулись. Я ему—поклонъ, да и спустился въ ботъ. Когда мы поплыли, то Царь и Меншиковъ начали на взятыхъ кораблях командорать. Солдаты, которые тамъ остались, мигомъ подняли паруса, музыканты заиграли, и корабли, одинъ за другимъ, пошли къ устью Невы. Мы было сначала ушли отъ нихъ впередъ, но на Невѣ они насъ обогнали. Всѣ боты съ сол-

Digitized by Google

дятами плыли на веслах, которые справа, которые слева отъ корабля. Вдругъ Царь съ кормы крикнулъ солдатамъ: «Поздравляю, дети, съ первою морскою викторіей!» Господи Боже мой! Какъ услышали солдаты эти слова, то поднялся такой шумъ и крикъ, что и сказать нельзя! Всѣ митомъ вскочили, машутъ ружьями, веслами, флагами, тесаками; боты всѣ качаются, словно пляшутъ на водѣ, а корабли по самой средине рѣки такъ и бороздятъ воду, такъ и разсыпаютъ ее бѣлымъ жемчугомъ. Вскорѣ они ушли далеко отъ насъ. Вмѣстѣ съ солдатами и я кричалъ до того ура, что горло заболѣло.

Во время этого разсказа, по блѣднымъ щекамъ стоявшаго неподвижно Ильи Сергѣевича текли слезы. Онъ не отиралъ ихъ. Они отъ времени до времени крупными каплями падали на полъ. Когда Василій, котораго глаза блистали радостью, замолчалъ, то старикъ-отецъ его схватился за голову обѣими руками, горестно зарыдалъ и проговорилъ глухимъ, прерывающимся голосомъ:

— А я, старый грѣшникъ, а я, измѣнникъ, не могу, не смѣю радоваться побѣдѣ Русскихъ! Боже мой, Боже мой!

Радость Василья въ-мигъ исчезла при этихъ словахъ. Онъ поблѣднѣлъ, на лицѣ его изобразилось глубокое страданіе. Онъ взглянулъ на отца, заплакалъ и бросился ему на шею. Карлъ Карловичъ, не понимая чувствъ ни того ни другаго, смотрѣлъ съ добродушнымъ хладнокровіемъ старости на эту сцену. Густавъ, скрестивъ на груди руки и нахмурясь, ходилъ большими шагами, по горницѣ, изъ угла въ уголъ. Христина все еще стояла у окна и

Digitized by Google

глядѣла на рѣчку. Сначала лицо ея выражало досаду на брата, который несправедливо укорялъ ее въ пристрастіи къ подполковнику Карпову. Услышавъ слова Ильи Сергѣевича, она быстро оглянулась, и въ тотъ же мигъ лицо ея перемѣнило совершенно выраженіе. Другое чувство мелькнуло на немъ. Она опять оборотила лицо къ окну, и двѣ слезинки досады, висѣвшія на ея рѣсницахъ, слились на щекахъ ея со слезами состраданія.

На другой день, рано утромъ, въ хижину Карла Карловича вошли Илья Сергѣевичъ и его сынъ, съ котомками за спиною.

— Доброе утро, сосѣдъ любезный! сказалъ Карлъ Карловичъ. Сегодня, слава Богу, мы спали спокойно: пальбы не было. Я по-крайней-мѣрѣ никакого шума и грома не слыхалъ. Христина! Вѣдь не было пальбы сегодня ночью? Ты всегда первая слышишь ее и всегда меня будишь.

— Не было, батюшка.

— А гдѣ Густавъ?

— Онъ ушелъ на охоту, отвѣчала Христина.

— А мы съ сыномъ пришли съ тобою проститься, сосѣдъ! сказалъ Илья Сергѣевичъ.

— Какъ проститься! Развѣ поздороваться? Вѣдь теперь утро, кажется? Христина! Что теперь такое, вечеръ или утро? Съ этими Русскими и съ ихъ несносною пальбою совсѣмъ собьешся съ толку! Спишь днемъ, ночью встаешь, вообще ведешь жизнь самую неправильную и даже, можно сказать, самую глупую. Что жъ ты молчишь, Христина?

— Что вамъ угодно, батюшка?

— Я тебя спрашиваю, что теперь такое, вечеръ или утро?

Digitized by Google

— Конечно, утро. Солнце недавно взошло.

— Такъ ты, я вижу, ошибся, сосѣдъ любезный, сказавши, что пришелъ проститься. Ты хотѣлъ сказать: поздороваться.

— Нѣтъ, Карлъ Карловичъ, я не ошибся. Мы съ сыномъ идемъ къ Выборгу, а можетъ-быть и дальше.

— Зачѣмъ къ Выборгу? Зачѣмъ дальше? А скоро ли вы сюда вернетесь? спросилъ Карлъ Карловичъ, сильно заневавъ отъ безпокойства.

— Мы ужъ сюда никогда не вернемся, Карлъ Карловичъ!

— Никогда! повторилъ старикъ и всталъ съ своихъ деревянныхъ креселъ. Какъ это можно — никогда! Это пустяки!

— Да, любезный сосѣдъ! Жили мы много лѣтъ вмѣстѣ, въ дружбѣ и пріязни. А теперь пришла пора намъ разстаться. Простимся, обнимемся въ послѣдній разъ.

— Нѣтъ! Не хочу въ послѣдній разъ! Не хочу прощаться! Ты знаешь, что я тебя очень люблю.

Карлъ Карловичъ въ сильномъ волненіи сѣлъ опять въ свои кресла, ворча что-то про себя.

— Избушку мою дарю я тебѣ, дорогой сосѣдъ! Грустно, куда грустно мнѣ самому разстаться съ тобой и дѣтьми твоими, да что дѣлать! Ужъ конечно, не нажить мнѣ такого друга, какъ ты. Впрочемъ и жить-то мнѣ немного осталось. Умру гдѣ-нибудь въ глуши, а ты помолись о душѣ моей. Прощай, Карлъ Карловичъ!

Илья Сергѣевичъ, со слезами на глазахъ, обнялъ и поцѣловалъ своего сосѣда. То же сдѣлалъ Василій. Карлъ Карловичъ все сидѣлъ по-прежнему, неподвижно въ креслахъ и ворчалъ что-то вполъ-

Digitized by Google

голоса. Старикъ сердился, что сосѣдъ его не слушается и хочетъ уйти, оставить его одного доживать вѣкъ на берегахъ пустынной рѣчки, гдѣ они такъ долго и такъ дружно жили вмѣстѣ. Илья Сергѣевичъ и Василій подошли къ Христинѣ, чтобы и съ нею проститься. Карлъ Карловичъ слѣдовалъ за ними взоромъ, насупивъ брови.

— Не прощайся съ ними, Христина, не смѣй прощаться! сказалъ онъ. Я не хочу, чтобы они уѣхали.

Удивленіе, грусть и испугъ выражались на лицѣ дѣвушки. Она ничего прежде не слыхала о намѣреніи Ильи Сергѣевича удалиться изъ этой стороны, и не знала чему приписать такую скорую и неожиданную его рѣшимость.

— Будь счастлива, Христина Карловна! сказалъ Илья Сергѣевичъ съ глубокимъ чувствомъ. Вспоминай иногда объ насъ. Я любилъ тебя, какъ родную; видитъ Богъ, какъ любилъ! Да хранитъ тебя Господь милосердый! Да пошлетъ Онъ тебѣ много счастія, много радостей въ жизни!

Христина молча слушала Илью Сергѣевича, и все еще съ удивленіемъ глядѣла прямо ему въ лицо. На рѣсницахъ ея сверкнули двѣ слезинки.

— Не смѣй прощаться! повторилъ Карлъ Карловичъ, топнувъ. Они не уѣдутъ. Это пустое!

— И меня не забудь, Христина Карловна! сказалъ Василій. Тяжело мнѣ разстаться со всѣми вами! Я тебя любилъ, какъ сестру, и всегда такъ буду любить, всегда буду тебя помнить, гдѣ бы я ни былъ!

Онъ взялъ Христину за обѣ руки и поцѣловалъ ее въ щеку, съ братскою нѣжностію.

Digitized by Google

— Да зачѣмъ, куда вы уходите? сказала дѣвушка тихимъ, прерывистымъ голосомъ, въ которомъ отзывалась грусть сердца. Неужели въ самомъ дѣлѣ вы уже сюда никогда не воротитесь?

— Кто знаетъ! Можетъ-быть, никогда! отвѣчалъ Василій, вздохнувъ.

Христина быстро отвернулась, подошла къ окошку и начала своими тоненькими, хорошенькими пальцами утирать слезы, которыя катились по ея щекамъ. Окошко было ея всегдашнее мѣсто, къ которому подходила она, когда ей было грустно и когда ей приходилось отъ чего нибудь поплакать.

Илья Сергѣевичъ и Василій пошли къ двери. Карлъ Карловичъ, все еще хмурясь и ворча, смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, въ увѣренности, что сосѣдъ и другъ не захочетъ такъ глубоко его огорчить, что онъ его послушается и останется. Видя однако жъ, что сосѣдъ не слушается и вмѣстѣ со своимъ сыномъ уходитъ, Карлъ Карловичъ вздохнулъ, покачалъ печально головой, дрожащею рукою отеръ слезу и сгорбился на своихъ преслахъ. Его печальный видъ, казалось, говорилъ: Ну! теперь я совсѣмъ осиротѣлъ! Былъ у меня, старика, одинъ вѣрный другъ, да и тотъ меня оставляетъ!

— Илья Сергѣевичъ! Посмотри! вскрикнула въ это время Христина, глядя въ окошко. Сюда плыветъ большая лодка. Кажется, Русскіе! Мнѣ страшно! Не уходи, сдѣлай милость, останься!

Илья Сергѣевичъ, взявшійся уже за ручку замка, чтобы отворить дверь, остановился. Василій быстро подошелъ къ окну. Лодка приближалась.

Здѣсь нужно сдѣлать замѣчаніе, что Карповка 1703 года была глубже и шире нынѣшней. Нынче она

Digitized by Google

похожа на рѣчку только тогда, какъ дуетъ съ моря вѣтеръ. Когда же вѣтеръ поднимается съ противоположной стороны, то онъ превращаетъ Карповку въ рѣку гомеопатическаго размѣра, по которой курицы могутъ безопасно переправляться въ бродъ. Этого явленія не бывало въ 1703 году. Карповка была гораздо полноводнѣе. На старинномъ планѣ Петербурга ширина ея означена вдвое противъ нынѣшней. Отчего же она такъ обмелѣла? Нѣкоторые геологи полагаютъ, что это явленіе въ непосредственной связи съ пониженіемъ океана, замѣченнымъ въ теченіе вѣковъ на западныхъ берегахъ Европы. Другіе напротивъ думаютъ, что берега Карповки постепенно возвышаются, какъ берега Италіи и Швеціи. Третьи полагаютъ, что это явленіе есть слѣдствіе общаго закона, по которому все въ природѣ становится постепенно мельче. Въ самомъ дѣлѣ все стало мельче, чѣмъ прежде: животныя, деревья, океанъ, Карповка, и даже самые люди. Какая, напримѣръ, нынче бездна мелкихъ людей..... но довольно объ этомъ. Извините за геологическое отступленіе.

Христина и Василій, стоя у окна, глядѣли пристально на приближавшуюся издали лодку.

— Знаете ли кто плыветъ въ этой лодкѣ? воскликнулъ вдругъ Василій, отскочивъ отъ окна и обратясь къ отцу своему и Карлу Карловичу.

— Я увѣренъ, что это опять подполковникъ, который такъ часто насъ посѣщаетъ, чтобы болтать съ Христиной, сказалъ Карлъ Карловичъ.

— Такъ! Я не ошибаюсь! продолжалъ Василій, съ замѣтнымъ волненіемъ, глядя въ окно. Это онъ, точно онъ!

Digitized by Google

— Кто? спросила Христина со страхомъ, видя необыкновенное волненіе на лицѣ Василья.

— Это русскій Царь! Да, да, Христина! Самъ Царь Петръ Алексѣевичъ!

Услышавъ это имя, Илья Сергѣевичъ поблѣднѣлъ. Холодный потъ крупными каплями выступилъ на лбу его. Онъ неподвижно стоялъ у двери, какъ окаменѣлый. У Карла Карловича вытянулось необыкновеннымъ образомъ лицо. Онъ всталъ, крякнулъ, съ кресель, подошелъ, на цыпочкахъ, къ окну, опершись руками о плеча своей дочери и изъ-за ея кудрявой головки началъ выглядывать въ окно. Глаза Христины, устремленные на лодку, выражая робость, удивленіе, любопытство, были въ эту минуту еще прелестнѣе, чѣмъ всегда. Лицо Василья блистало радостью, восторгомъ. Всѣ едва смѣли дохнуть.

— Смотри, смотри, Христина Карловна! сказалъ шопотомъ Василій: лодка ужъ близко! Вглядись хорошенько въ того, который сидитъ на кормѣ и правитъ рулемъ. Это Царь. Вотъ теперь съ нимъ разговариваетъ губернаторъ Меншиковъ. Другихъ генераловъ, которые въ лодкѣ, я не знаю. А на носу лодки подполковникъ Карповъ. Видишь ли, онъ мѣряетъ лотомъ глубину нашей рѣчки.

— Для чего это? Что они хотятъ дѣлать? спросила тихо Христина, не сводя глазъ съ катера, плывшаго въ это время мимо самыхъ оконъ хижины.

— Молчи, болтушка! сказалъ вполголоса Карлъ Карловичъ, слегка давшувъ костлявыми руками круглыя, прелестныя плеча своей дочери, о которыя онъ опирался. Передъ ней русскій Царь, а она вду-

Digitized by Google

мама разговаривать! Видишь ли, онъ оглянулся—и, кажется, смотритъ на насъ. Отойдемъ отъ окошка.

— Да развѣ нельзя смотрѣть на русскаго Царя? спросила шопотомъ Христина. Вотъ ужъ лодка проѣхала мимо нашего дома.

— Замолчишь ли ты, вѣтреница!

Съ этими словами Карлъ Карловичъ взялъ Христину за руку и пошелъ осторожно, на цыпочкахъ, отъ окошка, таща за собою дочь.

Катеръ скрылся за опушкой лѣса. Карлъ Карловичъ сѣлъ въ свои кресла и опустилъ руку Христины.

— Болтушка! Вѣтреница! ворчалъ онъ. Не можетъ помолчать ни минуты! Русскій Царь, который воюетъ съ нашимъ королемъ, плыветъ мимо, за двадцать шаговъ отъ нея и даже, можно сказать, за десять, а она болтаетъ такъ же спокойно, какъ всегда. Она ничего не боится и смотритъ, какъ будто я въ лодкѣ плыву.

— Да чего же бояться русскаго Царя? Неужели онъ можетъ насъ чѣмъ-нибудь обидѣть? возразила Христина, потупивъ голову и надувъ свои хорошенькія губы.

— Вотъ еще! Обидѣть! Конечно, онъ насъ обижать не станетъ. Что мы противъ него! Червячки, мухи, букашки!

— Потому-то, батюшка, я и смотрѣла смѣло на Царя. Букашки и мухи никого не боятся. Я сама видѣла въ Стокгольмѣ, изъ-за куста, когда была еще ребенкомъ, какъ одна безотвязная муха безпокоила нашего короля. Онъ сидѣлъ въ залѣ, на скамейкѣ, очень близко отъ меня, и разъ двадцать согналъ платкомъ большую муху со щеки. Нако-

Digitized by Google

нецъ онъ всталъ и поцѣлъ, а муха полетѣла за нимъ и еще-таки сѣла королю на носъ. Онъ опять махнулъ платкомъ и потомъ....

— Ну можно ли быть такой безпутной, неслыханной болтупьей! воскликнулъ Карлъ Карловичъ, сплеснувъ руками. Муха, видишь, сѣла нашему королю на носъ! Это она видѣла!

— Да, видѣла, батюшка, увѣряю васъ, видѣла. Это меня разсмѣшило.

— Ну такъ! Этого не доставало! Муха безпокоить нашего короля, а ей смѣшно!

— Да что же! Развѣ мнѣ слѣдовало заплакать?

—Ахъ, силы небесныя! Что это за вѣтреница! Тебѣ ни слѣдовало ни плакать, не смѣяться. Какое тебѣ дѣло до мухи, какое дѣло до носа! У тебя есть свой носъ? Что тебѣ до чужихъ!

— Да Богъ съ ними! сказала, надувшись, Христина. Я не только говорить, но и думать-то о нихъ не стану; только не сердитесь, батюшка, и не браните меня. А вѣдь вамъ самимъ будетъ непріятно, если про меня скажутъ пословицу: она дальше своего носа ничего не видитъ. Ну, поцѣлуйте же меня, батюшка!

— Поцѣлуйте!... Ты этого не стоишь.

— Ну такъ я заплачу, если вы не перестанете сердиться.

Карлъ Карловичъ посмотрѣлъ на нее, съ нахмуренными бровями, погрозилъ пальцемъ, всталъ съ кресель, взялъ обѣими руками дочь за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Илья Сергѣевичъ во все время этого разговора стоялъ неподвижно близъ двери, съ поникшей го-

Digitized by Google

ловою, со сложенными на-крестъ руками на груди Василій все еще глядѣлъ въ окно.

— Далеко ли онъ? спросилъ наконецъ Илья Сергѣевичъ сына, трепетнымъ голосомъ.

— Что съ тобой, батюшка! Ты блѣденъ, ужасъ, какъ блѣденъ! воскликнулъ Василій, подходя къ отцу.

— Далеко ли онъ?

— Кто?

— Царь Петръ Алексѣевичъ.

— Лодка давно уже скрылась изъ виду. Я съ нед глазъ не спускалъ и ждалъ у окошка, не воротится ли она.

— О! какъ тяжко носить на совѣсти преступленіе! Какъ горько быть измѣнникомъ! Было время, когда и я могъ смотрѣть на русскаго Царя съ любовью, преданностью въ сердцѣ, съ такимъ же чувствомъ радости, съ какимъ ты смотришь на него теперь, любезный сынъ! Не воротится уже для меня это время! Вася! Вася! Останься здѣсь, будь вѣрнымъ подданнымъ Царя, служи ему, служи своей родинѣ. Разлюби, забудь отца своего. Позволь мнѣ уйти одному. Товарищъ мой въ дорогѣ будетъ раскаяніе, мой утѣшитель — молитва. Чувствую, что недолго проскитаюсь я между иноплеменниками. Скоро умру я, и въ чужой землѣ будутъ лежать кости измѣнника до дня Страшнаго Суда. Прощай, Вася!

— Я иду съ тобою, батюшка! сказалъ твердо Василій. Иду съ тобою! Не послушаюсь тебя! Не ты одинъ, всѣ мы, всѣ люди грѣшны передъ Богомъ; но и милосердіе Его безконечно для всѣхъ. Никто не долженъ отчаяваться. Пойдемъ, батюшка,

Digitized by Google

пустимся въ путь-дорогу, туда, куда насъ съ тобою Богъ приведетъ.

Глубоко тронутый старикъ съ невозбразимымъ чувствомъ обнялъ безмолвно сына.

Еще разъ простились они съ Карломъ Карловичемъ и Христиной, и вышли изъ хижины.

— Ну вотъ мы съ тобой, Христина, и одни остались! сказалъ печально, послѣ нѣкотораго молчанія, Карлъ Карловичъ. Ужъ ни сосѣдъ, ни сынъ его никогда не придутъ къ намъ! Тебѣ скучно, Христина? Да, вижу, что скучно: ты плачешь. И мнѣ заплакать хочется, да не могу. Твой старикъ отецъ давно привыкъ къ горю.

Карлъ Карловичъ закинулъ голову на спинку креселъ, на которыхъ сидѣлъ, и зажмурилъ глаза.

VII.

Катеръ, который проплылъ мимо хижины Карла Карловича, объѣхалъ въ тотъ день всѣ главные острова невскаго устья. Наконецъ онъ присталъ къ тому островку, на которомъ нынче стоитъ Петропавловская Крѣпость. Всѣ бывшіе въ катерѣ вышли на берегъ.

Этотъ островокъ назывался по-шведски Лыостэйланде, то есть, Веселымъ-Островомъ, потому-что офицеры нѣеншанцской крѣпости часто ѣздили туда лѣтомъ, повеселиться. Тамъ стояла хижина рыбаковъ, которые каждый разъ закидывали на счастье офицеровъ, по заказу ихъ, неводъ. Поймавъ двухъ, трехъ лососей, или какихъ-нибудь другихъ рыбъ, офицеры дополняли этою добычею привезенный изъ Нѣеншанца обѣдъ и садились подъ навѣсъ прибрежныхъ сосенъ въ кружокъ, около деревяннаго стола, обно-

Digitized by Google

сеннаго скамейками. Тутъ, на открытомъ воздухѣ, они обѣдали, пили рейнвейнъ, разговаривали, шутили, спорили, шумѣли.

Къ этому самому столу, котораго доску поддерживали, вмѣсто ножекъ, четыре пня срубленныхъ сосенъ, подошли всѣ пріѣхавшіе въ катерѣ, кромѣ шести преображенскихъ солдатъ, которые замѣняли гребцовъ.

— Не разсудите ли, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сказалъ Петръ Великій графу Шереметеву: составить теперь военный совѣтъ. Сядемъ вкругъ этого стола.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, пятидесятилѣтній старикъ почтенной наружности, сѣлъ на первое мѣсто. Это былъ тотъ самый Шереметевъ, о которомъ Петръ Великій написалъ, въ Сентябрѣ 1702 года, въ письмѣ къ Апраксину: «Борисъ Петровичъ въ Лифляндахъ гостилъ изрядно; взялъ «городовъ нарочитыхъ два, да малыхъ шесть; полонилъ 12,000 душъ, кромѣ служивыхъ.»

Подлѣ него сѣлъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, возведенный въ это званіе послѣ смерти Лефора. Еще помѣстились около стола князь Аникита Ивановичъ Репнинъ, высокій, красивый мужчина, дослужившійся изъ рядовыхъ потѣшной роты до генерала, постельничій Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, сопровождавшій Государя во всѣхъ его походахъ, окольничій Петръ Апраксинъ, предводитель отряда новгородскихъ дворянъ, генералъ-маіоръ Чамберсъ, командиръ преображенскаго и семеновскаго полковъ, генералъ-маіоръ отъ артиллеріи Яковъ Брюсъ, подполковникъ преображенскаго полка Карповъ, капитанъ бомбардирской роты. Царь

Digitized by Google

Петръ Алексѣевичъ, и поручикъ той же роты, шлиссельбургскій губернаторъ Меншиковъ.

Во всемъ этомъ военномъ совѣтѣ по лѣтамъ были старшіе Головинъ, Шереметевъ и Головкинъ. Первые два считали за пятьдесятъ, послѣдній за сорокъ. Петру Великому было тогда тридцать лѣтъ. Всѣ прочіе члены совѣта были ему ровесники или немногими годами его старше, кромѣ Меншикова и Карпова, которые не имѣли еще и тридцати лѣтъ.

— Разложи, Алексаша, здѣсь на столѣ планъ, на которомъ сняты всѣ здѣшніе острова и мѣстоположеніе отъ Ніеншанца до взморья, сказалъ Царь Меншикову.

Тотъ развернулъ свитокъ бумаги, который держалъ въ рукѣ, и положилъ его передъ графомъ Шереметевымъ.

— Ну, подавай же голосъ, господинъ поручикъ, продолжалъ Петръ Великій. Тебѣ первому говорить.

— Богъ помогъ исполнить давнишнее намѣреніе Его Царскаго Величества, сказалъ Меншиковъ, и завоевать у Шведовъ, въ прошломъ году, ключъ, отворившій ворота въ непріятельскую землю, — крѣпость Шлиссельбургъ, — а въ нынѣшнемъ году русское оружіе отняло у врага другой ключъ, который отворяетъ намъ, Русскимъ, дорогу къ морю и въ Европу. Возблагодаривъ Бога, должно теперь подумать, какъ прочнѣе утвердить все пріобрѣтенное оружіемъ за Россіею, чтобы Шведы, отъ чего Боже сохрани, взятаго не отняли. Капитанъ бомбардирской компаніи говорилъ мнѣ, поручику, что онъ бы думалъ для отвращенія этого устроить въ здѣшнихъ мѣстахъ фортецію и подкрѣпить ее флотомъ,

Digitized by Google

который надобно тотчасъ же построить. И я, поручикъ, то же думаю.

— Такъ какъ поручикъ объявилъ уже мое мнѣніе, хотя я о томъ его и не просилъ, сказалъ Петръ Великій: то я прибавлю только, что нужно разсудить: Ніеншанцъ ли укрѣпить такимъ образомъ, чтобы Шведамъ не удалось его взять у насъ такъ же легко, какъ мы его у нихъ взяли, или же выбрать новое мѣсто и новую крѣпость построить?

— Я полагаю, сказалъ Карповъ, что и скорѣе и выгоднѣе будетъ укрѣпить Ніеншанцъ, потому-что сами Шведы начали его укрѣплять и обводить новымъ валомъ, который уже до половины конченъ.

— Это основательно, замѣтили Брюсъ и Чамберсъ.

— И мы то же думаемъ, примолвили князь Репнинъ, Головкинъ и Апраксинъ.

— Мѣсто, гдѣ стоитъ Ніеншанцъ, не больно крѣпко отъ природы, сказалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ.

— Да и отъ моря далековато, прибавилъ генералъ-адмиралъ графъ Головинъ.

— Генералъ-фельдмаршалъ и генералъ-адмиралъ перехватили мысль у бомбардирскаго капитана, сказалъ Петръ Великій, улыбнувшись. Я то же самое думалъ съ самаго начала. А ты, поручикъ, что скажешь? Что ты тутъ ищешь на планѣ?

— Удобнѣйшаго и лучшаго мѣста для постройки новой крѣпости.

— Ну что, нашелъ ли?

Digitized by Google

— Нѣтъ еще.

— А вотъ оно! продолжалъ Петръ Великій, указавъ островъ на планѣ. Чѣмъ это мѣсто худо?

— Да гдѣ же этотъ островъ? спросилъ Карповъ.

— А тамъ, гдѣ мы теперь сидимъ, отвѣчалъ Петръ Великій.

Всѣ встали съ мѣстъ, начали разсматривать планъ и, не произнеся еще никакого сужденія, сѣли опять по мѣстамъ.

— Вотъ на этомъ островкѣ построимъ крѣпость; продолжалъ бомбардирскій капитанъ: а на большомъ островѣ, который тутъ, подлѣ, выстроимъ городъ. Со временемъ и этотъ большой островъ, который тамъ, ближе къ морю, (Петръ указалъ на Васильевскій Островъ) застроится зданіями, и въ этихъ мѣстахъ будетъ приморскій городъ, куда станутъ приходить иностранные корабли съ товарами, откуда будутъ отправляться въ иностранныя государства корабли русскіе.

— Дай Богъ, чтобы это все исполнилось, сказалъ Шереметевъ: но лѣса и болота не вдругъ превратишь въ домы и улицы. Прежде озаботимся, по-крайней-мѣрѣ, объ устройствѣ здѣсь крѣпости.

— Лѣса и болота! повторилъ бомбардирскій капитанъ. А читалъ ли ты, Борисъ Петровичъ, въ римской исторіи, какъ императоръ Константинъ основалъ Константинополь, который прозванъ вторымъ Римомъ, царемъ городовъ. Въ 329 году по Рождествѣ Христа, въ день основанія города, Константинъ взялъ копье и сопровождаемый своими вельможами пошелъ впередъ, по берегу Босфора,

Digitized by Google

чертя коцьемъ по землѣ окружность будущей своей столицы. Одинъ изъ его приближенныхъ наконецъ замѣтилъ, что не слишкомъ ли велика окружность, назначаемая императоромъ. Константинъ отвѣчалъ: Я пойду впередъ до-тѣхъ-поръ, пока Тотъ, Кто невидимо ведетъ меня теперь, не повелитъ мнѣ остановиться.

— Сердце Царя въ рукѣ Божіей! сказалъ Шереметевъ. Тотъ же, Кто велъ римскаго императора по берегу Босфора, привелъ къ варяжскому морю Царя русскаго. Вѣрю, что и здѣсь будетъ городъ, подобный Константинополю.

— Поцѣлуй меня, Борисъ Петровичъ!

— И я тому же вѣрю, да не совсѣмъ, примолвилъ генералъ-адмиралъ графъ Головинъ. Хоть бы крѣпость-то Богъ помогъ построить, пока Шведы не собрались съ силами и не отняли у насъ всѣхъ этихъ острововъ назадъ. Они, конечно, дремать не будутъ, и скоро сюда воротятся.

— А мы развѣ будемъ дремать? возразилъ бомбардирскій капитанъ.

— Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ постельничій Головкинъ: хорошенько укрѣпить Ніеншанцъ. Это можно исполнить гораздо скорѣе, чѣмъ построить новую крѣпость, тѣмъ болѣе, что ужъ сами Шведы сдѣлали для насъ половину работы. Они начали новый валъ, новые бревенчатые палисады, а мы ихъ кончимъ.

— Это сдѣлать должно, но всё-таки новая крѣпость необходима, сказалъ бомбардирскій капитанъ. Безъ нея устье Невы и всѣ эти острова не будутъ въ нашей власти. А если поставить здѣсь, на этомъ островѣ, крѣпость, то она можетъ обстрѣливать всѣ

Digitized by Google

три главные рукава, на которые Нева раздѣляется при впаденіи въ море. Если эти рукава не наши, то и море не наше. Тогда сиди, пожалуй, въ Ніеншанцѣ, а Шведы займутъ всѣ три рукава Невы и всѣ эти острова. Тогда и челнокъ русскій до моря не доберется. А съ новой крѣпостью, посмотрите! Можно стрѣлять сюда, сюда и сюда.

Онъ провелъ карандашемъ на планѣ, отъ Веселаго Острова три черты, одну по Большой Невѣ по направленію ко взморью, другую по Малой Невѣ, по тому же направленію, третью, обратно по Большой Невѣ, къ истоку изъ нея Большой Невки.

— Что̀ дѣло, то дѣло! сказалъ Шереметевъ по краткомъ размышленіи, разсматривая планъ.

— Ну, что̀ же скажетъ военный совѣтъ: строить здѣсь крѣпость? продолжалъ бомбардирскій капитанъ.

— Строить, непремѣнно строить! воскликнулъ Меншиковъ.

— Строить! повторили въ одинъ голосъ всѣ молодые члены совѣта.

— Если ужъ такъ, замѣтилъ графъ Головинъ: то надобно приняться за дѣло какъ можно скорѣе, пока Шведы.....

— Шведы! воскликнулъ бомбардирскій капитанъ, нахмуривъ брови. Если пожалуютъ сюда прежде, чѣмъ крѣпость окончимъ, то прогонимъ ихъ. А только клянусь, что я этого острова, гдѣ мы теперь сидимъ, и невскаго устья не отдамъ Шведамъ ни за что! Лучше лягу въ эту землю, но не отдамъ ее! Она моя, она русская!

Бомбардирскій капитанъ топнулъ ногою по землѣ.

И онъ..... лежитъ теперь въ этой землѣ. Онъ не

Digitized by Google

предвидѣлъ тогда, что на этомъ самомъ островѣ, въ срединѣ столицы русскаго царства, воздвигнется, окруженная славою и благословеніями, гробница *Отца отечества*.

VIII.

Илья Сергѣевичъ и Василій шли по узкой, единственной дорогѣ, пробивавшейся сквозь густой лѣсъ, по направленію къ Выборгу. Глубокая печаль тяготила сердце Ильи Сергѣевича. Лицо Василья было спокойно и весело. Онъ беззаботно несъ на плечѣ свое ружье и по временамъ ласкалъ свою собаку, которая бѣжала за нимъ. Солнце всходило. Весеннее утро разливало какую-то радость даже на дикія, пустынныя мѣста, по которымъ шли наши странники. Они добрались уже до рѣчки Сестры и начали искать удобнаго мѣста, чтобы перейти черезъ нее въ бродъ.

— Кто идетъ? крикнулъ вдругъ громкій голосъ.

Оба подняли глаза и увидѣли на высокомъ берегу Сестры русскаго часоваго, съ ружьемъ на плечѣ.

— Назадъ! продолжалъ часовой: а не то убью.

Василій подошелъ къ часовому, поклонился и сказалъ:

— Для чего, землякъ, ты насъ не пускаешь черезъ рѣку?

— Для того, что не велѣно никого пропускать по этой дорогѣ въ шведскую сторону.

— А по другимъ дорогамъ?

— Да другихъ-то дорогъ, любезный, нѣтъ.

Digitized by Google

— Что ты! Есть и другія дороги; я знаю.

— Ну такъ и ступай по тѣмъ дорогамъ, а по этой не пропущу. Здѣсь поставленъ караулъ подъ командой офицера.

Василій пришелъ въ большое замѣшательство. Хоть онъ и сказалъ, что есть другія дороги, однако жъ это была одна выдумка, для убѣжденія непреклоннаго часоваго.

— Бѣда, батюшка! сказалъ онъ вполголоса, подойдя къ отцу. Здѣсь русскій караулъ, которому наказано не пропускать никого за рѣку. Не попытаться ли намъ развѣ перейти ее въ бродъ подальше отсюда, и потомъ по лѣсу выбраться опять на дорогу.

Пока Василій объяснялся съ часовымъ, Илья Сергѣевичъ сѣлъ на берегъ, подперъ голову обѣими руками и смотрѣлъ на струи рѣки, которыя, журча, неслись мимо него. Грѣшникъ, грѣшникъ! думалъ онъ. За что увлекаешь ты въ погибель сына? За то, что онъ такъ любитъ тебя? Прибавь еще это бремя на совѣсть! Виноватъ ли онъ, что ты преступникъ, что тебѣ грозитъ казнь за твое преступленіе! Тебѣ нужно бѣжать отъ Русскихъ, должно трепетать русскаго Царя, а сынъ твой невиненъ передъ нимъ. И ты хочешь лишить его навсегда родины, хочешь, чтобы онъ весь свой вѣкъ скитался бѣглецомъ въ землѣ вражеской!

— Что ты, батюшка, задумался? продолжалъ Василій. Развѣ не слыхалъ, что я сказалъ тебѣ? Если думаешь, что черезъ лѣсъ выбраться на дорогу невозможно, то рѣшимся здѣсь перебѣжать рѣчку въ бродъ. Можетъ-быть, часовой и промахнется. Я пойду первый. Рѣшайся скорѣе!

Digitized by Google

Илья Сергѣевичъ всталъ, посмотрѣлъ съ чувствомъ на сына, вздохнулъ и сказалъ:

— Пойдемъ лучше къ начальнику этого караула. Можетъ-быть, я упрошу его пропустить насъ.

— Не пропуститъ, батюшка! Это невозможно.

— Попробуемъ.

Сказавъ это, Илья Сергѣевичъ перекрестился. На мрачномъ лицѣ его явилось какое-то спокойствіе, какая-то рѣшимость. Они подошли къ часовому.

— А скажи, служивый, гдѣ начальникъ здѣшняго караула? спросилъ Илья Сергѣевичъ.

— На что тебѣ его?

— Нужно съ нимъ переговорить.

— А вотъ онъ близко отсюда, въ лѣсу, вонъ въ томъ шалашѣ. Видишь ли?

— Вижу. Пойдемъ, Василій.

Илья Сергѣевичъ съ сыномъ приблизился къ шалашу въ то самое время, когда офицеръ выходилъ оттуда.

— Возьмите меня подъ караулъ, господинъ офицеръ! сказалъ старикъ твердымъ голосомъ. Я преступникъ!

— Батюшка! Что ты дѣлаешь! вскрикнулъ съ ужасомъ Василій.

— Да, господинъ офицеръ! Я преступникъ! Возьмите меня. А ты, сынъ, возвратись въ наше жилище, живи счастливо подъ властію Царя русскаго, вступи къ нему въ службу, служи ему вѣрой и правдой, чтобы загладить преступленіе отца твоего. Иди, сынъ! Благословляю тебя! Оставь отца твоего на волю Божію, не сокрушай себя обо мнѣ.

— Что ты сдѣлалъ, батюшка! восклицалъ горестно Василій, ломая руки.

Digitized by Google

— Въ чемъ твое преступленіе и кто ты такой? спросилъ удивленный офицеръ.

— Все скажу на допросѣ. Прикажите отправить меня, куда надобно.

— Я долженъ буду взять васъ обоихъ подъ караулъ и послать рапортъ къ начальству, сказалъ офицеръ.

— За что обоихъ? Сынъ мой ни въ чемъ не виноватъ.

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, возьмите насъ обоихъ! воскликнулъ Василій. Не разлучайте отца съ сыномъ.

По приказанію офицера солдаты взяли ихъ подъ стражу.

IX.

Май былъ на исходѣ. Прошли недѣли двѣ послѣ военнаго совѣта, который собирался на Веселомъ Островѣ, и всѣ деревья, всѣ кустарники, которые покрывали его, исчезли. Вмѣсто нихъ на этомъ островѣ росли не по днямъ, а по часамъ, земляные валы, являлись зубчатые, бревенчатые частоколы, строилась деревянная церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла, готовились магазины для пороха, избы для солдатъ. На берегу сосѣдственнаго, большаго острова (нынѣшней Петербургской Стороны) лѣсъ также былъ вырубленъ. На этомъ берегу, неподалеку отъ воздвигаемой крѣпости, строился маленькій голландскій домикъ, первый домикъ будущаго города. Бомбардирскій капитанъ и поручикъ Меншиковъ, съ топорами въ рукахъ, распоряжали рабочими и сами работали съ ними вмѣстѣ. Другіе

Digitized by Google

молодые члены военнаго совѣта хлопотали на валахъ крѣпости, кто съ лопатой въ рукѣ, кто съ тележкой. Одушевленные примѣромъ, солдаты дѣлали чудеса. Новая крѣпость быстро являлась изъ небытія, какъ-бы силою волшебства. Возникалъ Санктпетербургъ.

Голландскій домикъ, о которомъ сказано выше, совсѣмъ отстроили къ концу Мая. Бомбардирскій капитанъ поселился въ немъ. И теперь еще на берегу Невы цѣлъ этотъ домикъ, этотъ крошечный дворецъ величайшаго изъ государей. Двадцать-девятаго Мая объявили солдатамъ, что на другой день назначается отдыхъ, и что надобно имъ всѣмъ собраться въ парадной формѣ на площадь, которая вмѣсто прежняго лѣса явилась около домика.

— Да, да! говорилъ Карлъ Карловичъ Густаву и Христинѣ, сидя въ своихъ любимыхъ деревянныхъ креслахъ. Противъ силы дѣлать нечего. Русскіе завоевали всю эту сторону. Пришлось, видно, намъ, Шведамъ, имъ покориться.

— Длячего покориться? сказалъ Густавъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ рыбаковъ мнѣ сказывали, что Меншиковъ, шлиссельбургскій губернаторъ, приказалъ всѣмъ здѣшнимъ жителямъ объявить Указъ Царя, что они могутъ здѣсь жить спокойно, по-прежнему, и что никому никакой обиды сдѣлано не будетъ.

— Слава Богу! сказала Христина. Я все еще не перестаю однако жъ бояться Русскихъ.

— Вѣдь тебѣ говорилъ подполковникъ Карповъ, проворчалъ Карлъ Карловичъ: что намъ бояться Русскихъ не должно, и я тебѣ нѣсколько разъ повторялъ, что вообще бояться кого бы то ни было природной Шведкѣ неприлично и даже, можно сказать, непристойно.

Digitized by Google

— Да, батюшка! Непристойно! Я дѣвушка, такъ если и трушу иногда, то это простительно. Илья Сергѣевичъ мужчина, да испугался Русскихъ и ушелъ отсюда, Богъ знаетъ куда.

— У Ильи Сергѣевича были на то свои причины, возразилъ горячо Карлъ Карловичъ: и мнѣ крайне непріятно, что ты говоришь съ такимъ неуваженіемъ о моемъ отсутствующемъ другѣ, котораго я до могилы буду любить и почитать, котораго я всегда буду помнить, безъ котораго я такъ скучаю, что истинно не знаю куда дѣваться отъ скуки.

— Мнѣ самой очень жаль Ильи Сергѣевича.

— Гдѣ-то они теперь? сказалъ Густавъ со вздохомъ. Мнѣ досадно, что не удалось и проститься съ ними. Мы хоть и спорили иногда съ Васильемъ, но я его очень любилъ и люблю.

— Ахъ силы небесныя, какъ мнѣ скучно! сказалъ Карлъ Карловичъ, вставъ съ кресель. Какъ подумаю, что я ужъ никогда съ моимъ другомъ не увижусь, то чувствую въ сердцѣ страшную тоску и даже, можно сказать, печаль.

Старикъ началъ качать головой съ видомъ глубокаго унынія. Густаву и Христинѣ стало жаль его.

— А не хотите ли, батюшка, сказалъ Густавъ: поѣхать съ нами въ лодкѣ и взглянуть, что дѣлается на Лыостэйланде. Вы еще не видали новой русской крѣпости, которую тамъ строятъ. Она точно грибъ выросла. Вы удивитесь.

— Ну что мнѣ грибъ! проворчалъ старикъ. Будто я не видалъ грибовъ на своемъ вѣку.

— Я не о грибѣ говорю, а объ новой крѣпости. Близъ нея, на площади, слышалъ я, будетъ сегодня какое-то торжество, продолжалъ Густавъ.

Digitized by Google

— Ну что мнѣ торжество! И какое такое торжество? Развѣ сегодня праздникъ? Сегодня тридцатое Мая, день простой, не праздничный.

— На площади, сказывали мнѣ, будетъ что-то особенное.

— На какой площади! воскликнулъ Карлъ Карловичъ. Площади есть у насъ въ Стокгольмѣ, а въ здѣшнихъ мѣстахъ ихъ нѣтъ. Ты, я вижу, говоришь вздоръ и даже, можно сказать, пустяки.

— Нѣтъ, не пустяки, батюшка. На берегу Ніена устроена площадь, и на ней ужъ есть нѣсколько домиковъ. Нѣкоторые уже готовы, кажется, а другіе еще строятся.

— Ты, я вижу, хочешь меня выманить изъ дома на прогулку, и для того выдумываешь какія-то басни, чудеса, глупости! Вѣдь я не ребенокъ! я тебѣ не повѣрю и даже скажу, что надъ старымъ отцомъ смѣяться неприлично.

— Поѣдете съ нами, такъ сами увидите, смѣюсь ли я надъ вами.

— Поѣдемъ! Хорошо! Поѣдемъ! Я увижу, что ты лжецъ, и что ты только хотѣлъ выманить меня на прогулку. Поѣдемъ!

Всѣ трое сѣли въ лодку. Когда она выѣхала на Большую Неву, и пристала къ берегу, гдѣ разчищена была площадь, то Карлъ Карловичъ началъ отъ изумленія протирать глаза и сильно жевать.

— Ну что, батюшка? Лжецъ я или нѣтъ?

Карлъ Карловичъ молчалъ и глядѣлъ на все съ прежнимъ изумленіемъ. Они вышли на берегъ. На немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпились или выглядывали, точно совы, изъ лѣсу Финны и Шведы, собравшіеся изъ Ніеншанца, изъ Калинкиной дерев-

Digitized by Google

ни, и изъ разсѣянныхъ по островамъ невскаго устья рыбачьихъ хижинъ. На площади стояли въ строю преображенскіе и семеновскіе солдаты, участвовавшіе седьмаго Мая во взятіи двухъ шведскихъ кораблей. На валахъ строющейся крѣпости развѣвались флаги и знамена, и стояли пушки.

— Что̀ будетъ здѣсь такое? спросилъ Густавъ одного Шведа.

— Русскій Царь торжествуетъ свою первую морскую побѣду.

Изъ голландскаго домика бомбардирскаго капитана вышелъ въ это время генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, за нимъ генералъ-адмиралъ графъ Головинъ, потомъ самъ бомбардирскій капитанъ, поручикъ Меншиковъ и всѣ члены военнаго совѣта, который былъ собранъ на Веселомъ Островѣ.

Барабаны загремѣли. Раздалась команда офицеровъ, и блестящій рядъ ружей, поднятыхъ на плечо, сверкнулъ надъ шляпами солдатъ.

Генералъ-фельдмаршалъ со всѣми прочими всталъ противъ средины строя, на возвышенномъ мѣстѣ, и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Его Царское Величество (Шереметевъ проговорилъ весь титулъ) приказалъ вамъ, храбрые солдаты, сказать свое милостивое слово и благодарить за первую морскую викторію, одержанную надъ свѣйскими кораблями. Я же, генералъ-фельдмаршалъ, по данной мнѣ власти, съ моимъ совѣтомъ рѣшилъ достойнѣйшихъ изъ бывшихъ въ боѣ наградить знаками царской милости, дабы всѣ прочіе то же заслужить тщились. Господинъ капитанъ бомбардирской компаніи преображенскаго полка жалуется кавалеромъ ордена Святаго Андрея Первозваннаго.

Digitized by Google

Петръ Великій изъ толпы генераловъ выступилъ на возвышеніи впередъ. Первый кавалеръ Андреевскаго ордена, учрежденнаго 8 Марта 1699 года, генералъ адмиралъ графъ Головинъ возложилъ знаки на бомбардирскаго капитана. Онъ поклонился генералъ-фельдмаршалу, потомъ генералъ-адмиралу, и наконецъ народу, на всѣ четыре стороны. Въ тотъ же мигъ раздалась музыка, барабанный бой, и загремѣла пальба изъ ружей. Съ недостроенной крѣпости послышались первые пушечные выстрѣлы.

Съ тою же церемоніею возложенъ былъ Андреевскій орденъ и на бомбардирскаго поручика Меншикова. На прочихъ генераловъ и офицеровъ, участвовавшихъ въ морской битвѣ, въ томъ числѣ и на подполковника Карпова, возложены были золотыя медали на золотыхъ цѣпяхъ. Солдатамъ были розданы золотыя же медали меньшаго размѣра, безъ цѣпей.

Потомъ полки прошли мимо генералъ-фельдмаршала церемоніяльнымъ маршемъ, а послѣ того началось на площади угощеніе солдатъ. Пиръ длился до вечера.

Карлъ Карловичъ съ дѣтьми долго пробылъ на площади и довольно поздно воротился домой. Онъ очень былъ доволенъ видѣннымъ имъ зрѣлищемъ. На другой день отъ вчерашней усталости, и отъ сильныхъ впечатлѣній, онъ необыкновенно былъ скученъ, и такъ растосковался о своемъ другѣ, Ильѣ Сергѣевичѣ, что Густавъ и Христина не знали что съ нимъ и дѣлать. Онъ навелъ и на нихъ тоску.

Вдругъ распахнулась дверь его хижины. Вбѣгаетъ съ радостнымъ, восторженнымъ лицомъ Василій, за нимъ входитъ Илья Сергѣевичъ.

Digitized by Google

Карлъ Карловичъ, не смотря на свою дряхлость, вскочилъ словно молодой, съ своихъ креселъ, повисъ на шеѣ друга и заплакалъ, какъ ребенокъ. Густавъ отъ удовольствія, отъ радости, хлопалъ въ ладоши. Христина прыгала. На распросы ихъ Илья Сергѣевичъ разсказалъ, какъ онъ самъ объявилъ русскому офицеру о своемъ преступленіи, и какъ онъ потомъ отправленъ былъ съ сыномъ къ шлиссельбургскому губернатору Меншикову. Тотъ узналъ Василья, вспомнилъ услуги, оказанныя имъ при снятіи острововъ невскаго устья на планъ, вспомнилъ его храбрость, когда онъ дрался волонтеромъ при взятіи шведскихъ судовъ. Распросивъ подробно Илью Сергѣевича объ его преступленіи, онъ составилъ о дѣлѣ его докладъ, съ жаромъ выставивъ въ немъ раскаяніе Ильи Сергѣевича и заслуги Василья. Илья Сергѣевичъ и сынъ его содержались въ Ніеншанцѣ подъ стражей. Меншиковъ тридцатаго Мая, въ день торжества первой морской побѣды, представилъ свой докладъ бомбардирскому капитану, который написалъ на немъ, противъ имени Ильи Сергѣевича: «Въ грѣхахъ юности и невѣдѣнія искренно кающихся грѣшниковъ, Богъ милуетъ и Царь прощаетъ. Петръ.» А противъ имени Василья Царь отмѣтилъ: «За почтеніе къ родителямъ Богъ благословляетъ дѣтей долголѣтіемъ. За усердіе же и храбрость, въ первой морской викторіи оказанныя, Царь жалуетъ золотую медаль.»

Не беремся описать восторгъ Ильи Сергѣевича и Василья, съ какимъ они разсказывали о чувствахъ, наполнившихъ сердца ихъ, когда Меншиковъ объявилъ имъ царское рѣшеніе. Тронутый до глубины души Карлъ Карловичъ сказалъ дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ: Великій, безпримѣрный, добрый государь и даже, можно сказать.....

Digitized by Google

Карлъ Карловичъ въ первый разъ въ жизни послѣ своего «можно сказать,» сталъ въ тупикъ и не нашелъ довольно сильнаго эпитета.

А гдѣ же любовь въ этомъ разсказѣ? спросятъ насъ теперь читательницы. Никто не любилъ, не страдалъ, не блаженствовалъ отъ любви, никто не погибъ отъ нея, никто и не женился. Гдѣ же любовь? Гдѣ герой и героиня? Да вѣдь мы разсказали вамъ быль, прекрасныя наши читательницы, такъ гдѣ же намъ было взять любви, когда ее въ были нашей не случилось. Впрочемъ, можемъ нѣсколько исправить этотъ недостатокъ нашего разсказа, доведя до свѣдѣнія прекрасныхъ читательницъ, что черезъ годъ послѣ основанія Петербурга подполковникъ Карповъ сдѣлался героемъ, а Христина героиней, что они очень другъ другу полюбились и наконецъ обвѣнчались. Карпову, по просьбѣ его, пожаловалъ Царь участокъ земли подлѣ хижины Карла Карловича. Онъ построилъ тамъ домикъ и жилъ въ немъ очень долго съ молодою женой припѣваючи. Отъ этого жителя, безъименная рѣчка получила въ послѣдствіи названіе Карповки.

Что сдѣлалось съ Ильей Сергѣевичемъ, Карломъ Карловичемъ, Васильемъ и Густавомъ, — мы сказать вамъ не можемъ. Вѣроятно, они давно уже умерли. Бумажныя нимфы, вызванныя изъ шкафа, вмѣсто дріадъ изъ десяти древнихъ липъ, ничего не говорятъ: женился ли Василій и влюбился ли въ кого нибудь Густавъ. Къ старинной были мы ничего выдуманнаго прибавлять не хотимъ.

К. Масальскій.

Digitized by Google

Отдѣленіе IV.

Иностранная Словесность.

=

КОМПАНІОНКА.

—

I.

— Да, Леонія, это прекрасный случай для насъ.

Слова эти, произнесенныя слабымъ голосомъ, изторглись, по-видимому, изъ груди сжатой горестію. Сказавшая ихъ, госпожа Дольсей, отвернула незамѣтно голову и медленно отирала слезы, катившіяся по ея блѣдному лицу, на которомъ время и горесть положили рѣзко свою печать.

— Вѣдь это, маменька, первый разъ въ теченіе семи лѣтъ, что намъ удалось успѣть въ своемъ предпріятіи?

Печальные взоры госпожи Дольсей обратились тогда на молодую дѣвицу, оканчивавшую свой туалетъ передъ маленькимъ зеркаломъ, повѣшеннымъ на задвижкѣ окна. — «Да, правда это идетъ пока довольно удач-

Digitized by Google

но,» сказала она. Но эти слова были произнесены почти машинально; легко было замѣтить, что они далеки были отъ настоящихъ мыслей госпожи Дольсей и сказаны длятого только, чтобы отвѣчать на вопросъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, прерываемое иногда вздохами и тихими, едва замѣтными восклицаніями.

Не смотря на бѣдность одѣянія, госпожа Дольсей имѣла видъ какаго-то благородства, добродушія и кротости, доказывавшій, что для нея нѣкогда были лучшіе дни. Всѣ окружающіе предметы были отмѣчены клеймомъ нищеты, котораго чистота и порядокъ не могли изгладить, Она нанимала небольшую комнатку съ кухней въ шестомъ этажѣ улицы М. Двѣ постели безъ занавѣсовъ, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, столъ и огромный, стариннаго фасона, комодъ, составляли всю ихъ мебель.

Между-тѣмъ роскошь, казалось, хотѣла проникнуть и въ это скромное жилище печали, какъ будто-длятого, чтобы разительнѣе напомнить о тяжкихъ нуждахъ, или заставить, хоть на минуту, забыть ихъ. Довольно порядочное фортепіано занимало свободное мѣсто комнаты; на стѣнѣ висѣли двѣ картины, оправленныя въ позолоченныя рамки: это было собственное произведеніе Леоніи. Кто бы не удивился, найдя въ этомъ чердакѣ произведенія искуствъ, принадлежащія по видимому однимъ богатымъ, и въ тоже время видя, какъ госпожа Дольсей, вынимала изъ ящиковъ комода лучшія свои платья, и заботливо отыскивала въ нихъ средства сдѣлать незамѣтными покрывавшія ихъ заплаты.

Она пересматривала все; случалось, что нѣкоторыя изъ платьевъ она откладывала съ довольнымъ видомъ въ сторону: что̀ значило, что они еще не были совсѣмъ негодны къ употребленію; но чаще легкое движеніе ея губъ показывало противное и тогда, удерживая выры-

Digitized by Google

вавшійся вздохъ, она взятое клала снова на прежнее мѣсто.

— Право, маменька, это платье хорошо сшито, посмотрите.

И Леонія показывала матери зеленое шелковое платье, которое чудно обрисовывало ея стройный станъ, и придавало особенную прелесть ея темнорусымъ волосамъ. Красивая фигура молодой дѣвицы, ея благородный видъ и пріемы, ея восхитительныя формы представляли разительный контрастъ съ простотою комнаты, въ которой она оканчивала свой, можно сказать, щегольской, туалетъ. Леоніи было двадцать-пять лѣтъ; она имѣла правильныя и рѣзкія черты лица; но свѣжесть юности уже исчезла: это личико, теперь блѣдное и измученное, когда-то было полное, воодушевленное живѣйшею краскою самодовольствія. Прошли годы, унесли счастіе, и щечки дѣвушки незамѣтно поблекли; глаза, нѣкогда живые, сверкаютъ уже рѣдко; изъ полу-растворенныхъ вѣкъ ея скользитъ, обыкновенно, долгій и печальный взглядъ; радость не растворяетъ болѣе ея блѣдныхъ устъ; и легкая улыбка, когда глаза ея встрѣтятъ взглядъ матери, носитъ томный отпечатокъ горести.

Чья же это рука, могущественнѣе самаго времени, стерла молодой румянецъ, помрачила свѣтлые глаза и изгладила веселую улыбку? Несчастіе, бѣдность.

Бичъ, истребившій такъ рано свѣжесть юности, бросившій робость въ дни чаръ и мечтаній, исторгшій слезы въ эпоху радостей, этотъ все-разрушающій бичъ, затмѣвающій таланты, обезображивающій красоту, разслабляющій мужество и поглощающій иногда даже душевныя убѣжденія наши, это — бѣдность.

Покойный мужъ госпожи Дольсей, отецъ Леоніи, былъ чиновникъ. Все, что оставалось у нихъ отъ годоваго жалованья за необходимыми жизненными издержками, употреблено было на воспитаніе единственной дочери. «Это, говорила добрая мать, такое до-

Digitized by Google

стояніе, котораго у нея никто не отниметъ.» И она, по обыкновенію, вздыхала, вспомнивъ своего отца, который неудачными и смѣлыми предпріятіями потерялъ все огромное свое состояніе. Но эти вздохи вырывались не нуждой: тогда госпожа Дольсей жила еще въ довольствѣ и не опасалась, что Леонія останется безъ куска хлѣба. Капиталъ въ сорокъ-тысячъ франковъ, порученный надежному банкиру, въ соединеніи съ пятью-тысячами франковъ ежегоднаго жалованья, позволяли имъ жить безбѣдно и достаточно обезпечивали скромную будущность дочери. Однако жъ госпожа Дольсей, привыкшая къ роскоши и большому богатству, не могла вполнѣ довольствоваться этимъ: она всякій день дѣлала новые планы, строила воздушные замки, заранѣе пріискивая самую выгодную партію своей малолѣтней дочери, у которой годъ отъ году открывались новыя прелести.

Вдругъ новому министру оказалось нужнымъ мѣсто, шестнадцать лѣтъ уже занимаемое Дольсеемъ: онъ намѣренъ былъ отдать его зятю одного депутата, который имѣлъ сильный голосъ; по-этому-то честнаго, благомыслящаго Дольсея обвинили въ нерадѣніи къ службѣ и отрѣшили отъ должности. Его жалобы, огорченія и несчастіе заключились только въ нѣдрѣ его семейства. Онъ занемогъ. Спустя нѣсколько времени послѣ этого несчастнаго произшествія, банкиръ, у котораго находились деньги Дольсея, объявилъ себя банкротомъ. Эта вѣсть нанесла ему смертельный ударъ. Жена и дочь потеряли разомъ все, что было у нихъ драгоцѣннаго. Онѣ невозвратно потеряли единственнаго своего защитника на землѣ. Леоніи было тогда осмнадцать лѣтъ.

Долго надѣялись онѣ, что постигшее ихъ бѣдствіе, столь великое и столь мало заслуженное, не останется безъ вознагражденія; онѣ ожидали, что имъ дадутъ хотя небольшой пансіонъ, котораго онѣ требовали; дума-

Digitized by Google

ли, что банкиръ, возвратившійся изъ кратковременной поѣздки въ Брюссель, и жившій опять въ роскоши и изобиліи, наконецъ сжалится надъ ихъ бѣднымъ положеніемъ. Но всѣ эти надежды одна за другою исчезли, осталась только одна, — на свой трудъ и умѣнье заработать насущный хлѣбъ.

Семь лѣтъ прошло въ трудной борьбѣ съ нищетою. Леонія давала уроки на фортепіано; учила дѣтей рисованью, а сама снимала копіи съ оригиналовъ. Но эти таланты, похвальные у молодой богатой женщины, и составляющіе для нея безполезное препровожденіе времени, служатъ предметомъ критики и нерѣдко унижаютъ достоинство ихъ, если идетъ дѣло о платѣ; а часто трудно и невозможно даже бываетъ найти мѣсто. Тогда вышиванье, этотъ скромный источникъ, предоставленный только женщинамъ, составлялъ ихъ ежедневное занятіе, и сколько нужно было работать, чтобъ получить самую малость! Если же случалось иногда кому-нибудь заболѣть или нуждаться въ чемъ-нибудь необходимомъ, то онѣ продавали вещи, которыя были для нихъ не такъ нужны, и такимъ образомъ дошло до того, что у нихъ осталось одно только фортепіано, старый представитель бывалаго довольства.

Не смотря на недостатки и тяжкіе труды Леоніи, горесть ея не могла сравняться съ тѣмъ, что̀ чувствовала мать ея, при видѣ постепенно увядающихъ прелестей, и исчезающей веселости съ нѣкогда-свѣжаго и румянаго лица дочери. Какъ часто, вечеромъ, склонившись надъ своею работою, онѣ вышивали при свѣтѣ маленькой лампы, съ сердцами, полными чувствъ, которыхъ не смѣли высказать; онѣ старались скрывать одна отъ другой свои печальныя мысли, и съ большимъ усиліемъ могли произносить иногда нѣсколько несвязныхъ фразъ, чтобы прервать убійственное молчаніе, единственное выраженіе ихъ страданій.

Digitized by Google

Въ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ дней, когда небо, покрытое густыми облаками, сквозь мелкій и холодный дождь пропускаетъ только слабый и неровный свѣтъ и наводитъ меланхолію, въ одинъ изъ такихъ дней Леонія съ своею матерью работали безъ остановки, чтобъ окончить платье, на вышиваемое газѣ, цвѣтными шелками и золотомъ; тогда была эпоха баловъ, и это изящное произведеніе утонченнаго искусства, долженствовавшее украсить одну богатую, молодую женщину, съ нетерпѣніемъ ожидаемо было на завтрашній день. Въ теченіе дня не было ни одного часа свободнаго, и чтобы окончить работу къ назначенному времени, онѣ должны были сидѣть до глубокой ночи. Вечеръ долго тянулся; предметы для разговоровъ постепенно истощались, все было передумано, пересказано; настало несносное молчаніе. Въ продолженіе цѣлаго часа почти, не было произнесено ни одного слова; только слышенъ былъ легкій шелестъ шелку, протягиваемаго между бумагою и газомъ искусными пальчиками Леоніи. Мать ея перестала работать или, лучше сказать, работа нечувствительно выпала изъ рукъ ея: такъ углубилась она въ мысли. На башнѣ ударило одиннадцать. Замолкъ стукъ каретъ на улицахъ; тишина ночная нарушаема была, повременамъ, только сильнымъ форте бальной музыки. Давно уже Леонія и мать ея не имѣли случая участвовать въ общественныхъ удовольствіяхъ, но чувства каждой изъ нихъ тогда были столь ужасны, что онѣ не рѣшались помѣняться ими. Два раза Леонія, думая, что мать ея не замѣчаетъ, оборачивалась къ отворенной форточкѣ окна, и, сквозь кисейныя занавѣсы бель-этажа въ противоположномъ домѣ, она видѣла блестящее освѣщеніе бала и нѣсколько разряженныхъ, стройныхъ женскихъ фигуръ. Удерживая вздохъ, она опять съ новою дѣятельностію принималась за работу: время было дорого. Она углубилась въ вышиванье, и старалась живостію движеній и неусыпнымъ вниманіемъ

Digitized by Google

отвязаться отъ постоянной, занимавшей ее мысли. Но мать все увидѣла, все поняла, все почувствовала: и несчастіе, усиливаемое воспоминаніемъ минувшихъ дней, и эту нищету, въ слѣдствіе которой для нихъ сдѣлались недоступными удовольствія богатыхъ людей. Она представляла себѣ прошедшую жизнь и шаткость будущности: за семь лѣтъ ни одного пріятнаго воспоминанія; ни одной надежды въ будущіе годы! Настоящее такъ ужасно!.... и эта молодая дочь ея погибала, не жалуясь!.... Она смотрѣла на эти похудѣвшія формы, на эти глаза, покраснѣвшіе отъ работы, эти неутомимыя маленькія ручки, привлекавшія, по-видимому, все вниманіе Леоніи!.... Но вдругъ ручка, державшая иглу, остановилась; горячая слеза упала изъ утомленныхъ глазъ бѣдной дѣвушки; она не могла различать цвѣтовъ на канвѣ: надлежало перестать. Движеніе госпожи Дольсей привлекло къ ней наполненные слезами глаза дочери. Онѣ обмѣнялись взглядами, и что было въ этихъ взглядахъ? Кто въ состояніи былъ бы изобразить его? Выраженіе лицъ этихъ двухъ лицъ разомъ выказало ихъ семилѣтнюю горесть, страданіе и отчаяніе; онѣ, не говоря, понимали что каждая изъ нихъ чувствовала. И зачѣмъ скрываться имъ? Глубокіе вздохи волновали грудь Леоніи; чаще и крупнѣе начали течь слезы по лицу госпожи Дольсей; и зная очень хорошо, что имъ не откуда ожидать утѣшеній, какъ отъ взаимной только привязанности, онѣ, молча, бросились въ объятія другъ другу.

Онѣ долго плакали; но въ истинномъ чувствѣ бываетъ такъ много утѣшенія! И эти обѣ женщины, тронутыя своимъ несчастіемъ, въ слезахъ излившія свою горесть, успокоились и облегчили нѣсколько тяжесть впечатлѣній, которыя ложились имъ на душу. Леонія, прижавшись къ сердцу матери и видя сколько она была любима ею, чувствовала, что жизнь для нея еще не совсѣмъ потеряла всю свою цѣну; и госпожа Дольсей,

Digitized by Google

цѣлуя дочь, тоже возсылала благодарность небу зато, что оно даровало ей такое кроткое и милое дитя.

Въ душахъ чистыхъ и нѣжныхъ вмѣсто ненависти и зависти несчастіе рождаетъ взаимную привязанность. Но чтобы достигнуть до этого состоянія, необходимо нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ благородную душу и возвышенный умъ. Эти два добрыя существа похожи на музыкантовъ, которые привыкли играть вмѣстѣ, совершенно понимаютъ другъ друга и передаютъ тоны самой многосложной гармоніи въ удивительномъ единствѣ.

Давно уже Леонія и мать ея страдали, но все еще не свыкаясь съ горемъ своимъ; и этотъ, по-видимому, печальный вечеръ немного успокоилъ ихъ. Нѣсколько мѣсяцовъ прошло послѣ этого, и замѣтно было, что какое-то важное происшестіе занимало жительницъ уединеннаго чердака; въ обыкновенный часъ работы, въ рукахъ ихъ не было иглы. Леонія занималась своимъ туалетомъ, довольно богатымъ для нея: на ней было новое шелковое платье, прекрасная новая косынка; маленькая шляпка, простая, но изящная, лежала въ сторонѣ; волоса ея были причесаны со тщаніемъ; однимъ словомъ все показывало, что жилицы чердака готовились къ чему-то необыкновенному.

У двери послышался легкій стукъ.

— Это онъ! дрожа, произнесла Леонія, и въ физіономіи лица ея отразилась какая-то непонятная смѣсь безпокойства и надежды; она была неподвижна.

Въ рѣшительныя минуты жизни, которыхъ слѣдствія имѣютъ большое вліяніе, мысли бываютъ разнообразнѣе, многочисленнѣе; впечатлѣнія живѣе и рѣзче; внутреннее же волненіе такъ велико, что человѣкъ, по-видимому, забываетъ о своемъ физическомъ бытіи. Леонія не имѣла силы подойти къ двери, и прошло нѣсколько минутъ, пока она пришла въ себя и сдѣлала движеніе.

Digitized by Google

Госпожа Дольсей съ живостью наклонилась къ открытому передъ ней ящику, какъ-будто хотѣла вынуть изъ комода уже послѣднюю необходимую для нея вещь; а въ самомъ дѣлѣ длятого, чтобы скрыть двѣ крупныя слезы, которыя такъ скоро отерла, что подошедъ къ двери и отворивъ ее, она съ веселымъ и довольнымъ видомъ успѣла уже привѣтствовать вошедшаго.

— Это вы, докторъ! Мы васъ ожидаемъ.

И докторъ К..... вошелъ въ маленькую комнату.

Докторъ К.... былъ не молодъ и несовсѣмъ еще старъ; его мужественное лицо обладало всею живостью юности, соединенной со всѣмъ тѣмъ, что̀ годы, опытность, трудъ и постоянная наблюдательность могутъ придать къ выразительности физіономіи. Если съ одной стороны склонность къ насмѣшкамъ оставила въ выраженіи лица его какую-то злобную ѣдкость, зато при видѣ несчастнаго, которому слѣдовало помочь, онъ былъ весь состраданіе. По своей извѣстности, онъ былъ болѣе вхожъ въ домы богатыхъ нежели въ хижины бѣдныхъ. Однако на лицѣ его нельзя было замѣтить ни удивленія, ни презрѣнія, когда онъ вошелъ въ скромное жилище двухъ ожидавшихъ его женщинъ. Онъ привѣтствовалъ ихъ съ такою же вѣжливостью, какъ будто находился въ бель-этажѣ дома, въ которомъ онѣ нанимали только чердакъ. Госпожа Дольсей попросила садиться. Докторъ вынулъ изъ кармана свои часы.

— Пора, сказалъ онъ: поѣдемъ, если вы готовы.

Леонія надѣла шляпку; мать набросила на нее шаль. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Госпожа Дольсей съ выраженіемъ признательности взяла доктора за руку.

— Ей будетъ тамъ хорошо, не безпокойтесь! сказалъ онъ.

Однимъ взглядомъ поблагодарила она его зато, что онъ угадалъ ея безпокойство. Мать и дочь не смѣли

Digitized by Google

говорить между собою, боясь уступить тѣмъ чувствамъ, которыя онѣ ощущали. Леонія окинула взглядомъ бѣдную маленькую комнату, и почерпнула изъ этого, казалось, новыя силы. Улыбка на меланхолическомъ лицѣ показала надежду. Въ эти лѣта надежда не заставляетъ себя долго ожидать; видъ этой комнаты возобновилъ такъ много печальныхъ воспоминаній, что ей казалось невозможнымъ, чтобы вся остальная жизнь прошла подобнымъ образомъ. Она любила вѣрить въ будущее счастіе; какое-то неопредѣленное чувство говорило ей, что ея страданія были такъ глубоки, что она имѣла полное право на удовольствія и постоянное благополучіе въ жизни.

Докторъ извлекъ ее изъ этой мечтательности. Маленькій узелокъ съ пожитками былъ связанъ и отнесенъ въ карету доктора, стоявшую у воротъ. Жена дворника вытаращила глаза отъ удивленія, видя, что эти двѣ дамы съ докторомъ садились въ щегольской экипажъ; она слышала тоже, какъ послѣдній сказалъ кучеру: «Въ Сентъ-Онорейское Предмѣстіе.»

Въ одномъ изъ тѣхъ красивыхъ замковъ Сентъ-Онорейскаго Предмѣстія, неуступающемъ по своему великолѣпію дворцамъ сенъ-жерменскимъ, былъ прелестный будуаръ, котораго бѣлые шелковые обои, вверху окайменные узорами и золотою бахрамою, показывали богатство и изящный вкусъ обитательницы. Чтобы проникнуть въ это тайное убѣжище свѣтской женщины нужно было пройти черезъ двѣ великолѣпныя комнаты, изъ которыхъ въ торжественные дни составлялся одинъ огромный бальный залъ. Примыкавшая сюда передняя всегда наполнена была толпою слугъ, въ красной ливреѣ, съ разноцвѣтными гербами и блестящими галунами. Обширный дворъ, большой садъ, котораго высокіе дубы переплетались листьями съ деревьями Полей-Элисейскихъ. Множество отдѣльныхъ аппартаментовъ: все это вмѣстѣ представляетъ родъ малень-

Digitized by Google

каго дворца, содержимаго съ тѣмъ стараніемъ, которое показываетъ соразмѣрность роскоши съ издержками, на нее употребляемыми; и эта, столь рѣдкая въ парижскихъ домахъ гармонія между званіемъ, состояніемъ и издержками съ перваго взгляда поражаетъ и очаровываетъ посѣтителей этого щегольскаго жилища, гдѣ молодая женщина на прихоти свои издерживаетъ въ годъ сто-тысячъ франковъ.

Вотъ уже пятнадцатый мѣсяцъ, какъ она осталась вдовою. Имя ей графиня Алина де-Мирандъ; дочь герцога де-Мёртёйль.

Графиня въ своемъ будуарѣ сидитъ на диванѣ, обитомъ бѣлою шелковою матеріею. Старый герцогъ С..... отъявленный любезникъ и поклонникъ всѣхъ модныхъ женщинъ, нашептываетъ ей одинъ изъ тѣхъ допотопныхъ комплиментовъ, которые доставили ему множество блистательныхъ побѣдъ въ старыя времена. Усвоивъ идеи и модныя привычки новаго поколѣнія, онъ думалъ оттого помолодѣть; но на бѣду первыя столько же гармонировали съ закоснѣлыми предразсудками его времени, какъ и послѣднія съ морщинами его лица. Въ каждой фразѣ видна была какая-то напыщенность, перемѣшанная съ страстными отрывками изъ новыхъ драмъ. Все это казалось графинѣ очень незанимательнымъ. Она скучала.

Живописно склонившись на подушку, она маленькою, бѣлою, ароматною ручкою поддерживала свою голову. Она не обладала тою блистательной красотою, при взглядѣ на которую человѣкъ не ощущаетъ ничего, кромѣ холоднаго удивленія, нѣтъ! Она очаровательно мила, плѣнительна до того, что взоръ, однажды на нее обращенный, поражась прелестью и величіемъ, желалъ бы быть вѣчно къ ней прикованнымъ. Она имѣла живос, пріятное выраженіе лица, и наконецъ эту округленность формъ, исключительно принадлежащую молодости,

Digitized by Google

это обольстительное искусство туалета, рѣзко обозначавшее ея очертанія. Алина была прелестна.

Ей было двадцать-три года; но, по свѣжести лица, нѣжности и округленности формъ, никто бы не далъ ей болѣе осмнадцати. Никогда слезы не омрачали ея живыхъ глазъ, никогда чувство оскорбленія, боязни и недовѣрчивости не сжимало прекрасныхъ чертъ ея. Она была такъ богата!

Алина думала, что самое величайшее несчастіе на свѣтѣ скука; если случалось, что она удерживалась отъ зѣвоты во время какого-нибудь несноснаго визита, то она называла это героизмомъ. Въ теченіе получаса она гордилась этимъ мужествомъ. Наконецъ герцогъ, истощивъ всѣ обыкновенные предметы для разговоровъ, вздумалъ сказать ей:

— Кто этотъ молодой человѣкъ, графиня, который, по возвращеніи вашемъ въ Парижъ такъ часто васъ посѣщаетъ, и котораго никто здѣсь не знаетъ? Эммануель Дар..... Дель.....? Такъ-что ли вы его зовете?

Графиня съ досадою сдѣлала движеніе, ея носовой платокъ упалъ; старый герцогъ поспѣшно поднялъ его, и предметъ разговора, по-видимому, долженъ былъ перемѣниться, потому-что предшествовавшій вопросъ былъ сдѣланъ въ равнодушномъ тонѣ и не требовалъ, казалось, отвѣта. Но презрѣніе, съ которымъ было произнесено имя молодаго человѣка, оскорбило графиню, и, преодолѣвъ легкое смущеніе, она сказала:

— Эммануель Дальвиньи.

— Да, да; скажите кто онъ? Онъ часто бываетъ у васъ? И какое удовольствіе можетъ находить женщина хорошаго тона въ обществѣ человѣка, столько же чуждаго идей высшаго круга, какъ и условій и привычекъ его?

— Дальвиньи жилъ у моей бабушки, когда я была въ ея деревнѣ, назадъ тому пятнадцать мѣсяцовъ. Вамъ извѣстно, что я провела тамъ все время моего траура. Это долгое пребываніе въ скучномъ, безъ всякаго со-

Digitized by Google

сѣдства, замкѣ, по неволѣ, должно-было образовать отношенія дружбы между Дальвиньи, мосю бабушкою и мною.

— А! Это фаворитъ маркизы!..... Секретарь, управляющій, можетъ-быть.

— Я никогда не видала между ними другихъ отношеній, кромѣ общественныхъ.

Ясно было, что графиня говорила неправду: она покраснѣла и наклонилась, показывая видъ, будто ищетъ чего-нибудь; потомъ, позвонивъ, спросила стаканъ воды. Герцогъ, какъ-будто ничего не замѣчая, продолжалъ безжалостно пытать ее:

— Онъ въ траурѣ, этотъ молодой человѣкъ?

— Да, кажется, сказала она небрежно.

— Онъ имѣетъ состояніе?

— Разумѣется.

Это было сказано голосомъ болѣе твердымъ.

— Вѣроятно новое наслѣдство?

Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта. Тогда герцогъ, забывъ правила свободы и равенства, провозглашаемые имъ, когда онъ думалъ изъ нихъ извлечь свои выгоды, пустился въ длинное отступленіе о томъ, что какъ бы ни былъ уменъ и богатъ обыкновенный гражданинъ, онъ никогда не будетъ имѣть той благородной манеры, ловкости и пріятности въ обращеніи, какія замѣчаемъ мы у людей такъ называемаго высшаго круга. Графиня, въ продолженіе этого монолога, обрывала блондовыя кружева своего пеньуара, два раза хотѣла-было говорить, но удерживая слова, бросала презрительные взгляды. Одинъ разъ даже замѣтно было, что гнѣвъ совершенно овладѣлъ ею, она искала въ головѣ своей чѣмъ бы наказать стараго герцога за неумѣстную диссертацію. Въ продолженіе приводимыхъ имъ доказательствъ, онъ, казалось, самъ восхищался тонкостью своихъ разсужденій; хитрая графиня зѣвнула, и ораторъ

Digitized by Google

онѣмѣлъ отъ удивленія. Дверь отворилась; слуга доложилъ объ Эммануелѣ Дальвиньи.

Графиня смѣялась; ея смущеніе исчезло, и она приняла новаго гостя съ утонченною вѣжливостью.

Герцогъ холодно поклонился ему. Эти люди, по какому-то внутреннему инстинкту взаимно не нравились другъ другу; между ихъ мнѣніями о вещахъ лежало цѣлое столѣтіе и три или четыре революціи. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца они встрѣчались почти каждый день; ненависть отталкивала ихъ другъ отъ друга; но свѣтская вѣжливость скрывала все это, и никогда ни одно слово не высказало того, что̀ чувствовали они одинъ къ другому.

— Маркиза сегодня не совсѣмъ здорова, сказалъ Дальвиньи: я сейчасъ отъ нея.

— По-этому она сетодня не обѣдаетъ у меня.

— И вы останетесь однѣ, графиня, даже безъ дѣвицы Дюранъ? сказалъ герцогъ.

— Дѣвицы Дюранъ уже нѣтъ у меня: больная тетка, дѣла, и.... уже осьмой день, какъ она уѣхала, и я очень рада этому: признаюсь, эти компаніонки, съ ихъ холодными и безжизненными лицами, наводятъ на меня ужасную скуку. Да притомъ моя горничная Сусанна, эта мастерица дѣлать прически, и та самая, которой глазами вы восхищались, герцогъ, она не терпѣла ее. Я было рѣшилась уже не держать болѣе компаніонокъ; но бѣдная бабушка моя насилу можетъ выходить изъ своей комнаты. Третьягодня я тоже обѣдала одна. Докторъ К.... сказалъ мнѣ, что ничто не вредитъ такъ здоровью, какъ это; приглашать же всякій день постороннихъ чрезвычайно утомительно. И въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ пріятнѣе, если есть особа, съ которою говоришь и молчишь когда хочется, и сверхъ-того это для меня родъ какого-то особеннаго развлеченія за обѣдомъ. Я поручила доктору отыскать для меня новую компаніонку, и даже сегодня, по утру, онъ хотѣлъ мнѣ

Digitized by Google

ее представить. Я предложила къ ея принятію только одно условіе, чтобы она не имѣла такой печальной физіономіи, какъ у дѣвицы Дюранъ: видѣть всегда передъ собою страданія, согласитесь сами, это наводитъ мрачныя мысли. Моя Сусанна всегда смѣется; она, убирая мою голову, говоритъ иногда такія глупости, что я теперь рѣшилась начать шутить съ нею, я, которая съ дѣтства еще пріучена была матерью не входить съ людьми ни въ какіе разговоры.

Въ это время Эммануель Дальвиньи бросилъ на богачку—Алину сострадательный взглядъ; герцогъ же, напротивъ, казалось, удивлялся ей. Но вскорѣ любопытство овладѣло всѣми, когда доложили о докторѣ К..... и о двухъ дамахъ, госпожѣ и дѣвицѣ Дольсей.

— Дѣвица Леонія Дольсей, о которой я вамъ говорилъ, графиня, сказалъ докторъ.

И вотъ эти двѣ молодыя женщины, почти одинаковыхъ лѣтъ, мало различествующія воспитаніемъ, по-видимому, съ одинаковыми вкусами, стоятъ одна передъ другою. Глаза ихъ встрѣтились; Леонія такъ бѣдна! Алина такъ богата! Леонія дрожитъ, безотчетно чувствуя, что отъ этой минуты зависитъ ея будущность. Алина спокойная, безпечная, едва смотритъ на бѣдное дитя, думаетъ что въ первый разъ, какъ Леонія покажется ей скучною, она можетъ ей отказать. Одна, благодаря своему богатству, знала, что всѣ близкіе къ ней совершенно отъ нея зависѣли; бѣдность же другой показывала ей, что она была въ зависимости отъ всего окружающаго.

Госпожа Дольсей испрашивала у графини снисхожденія и милости къ своей дочери; голосъ ея дрожалъ. Алина отвѣчала и спросила, постоянно ли она живетъ въ Парижѣ. Мать Леоніи, запинаясь, съ безпокойствомъ отвѣчала:

— Да ваше сіятельство; но потомъ вскорѣ прибавила: Но я квартирую такъ далеко и имѣю столько занятій,

Digitized by Google

что развѣ очень рѣдко могу видѣться съ дочерью.

Бѣдная женщина угадала, что въ этомъ вопросѣ, сдѣланномъ въ родѣ участія, заключалась боязнь, чтобы она не наскучала своими посѣщеніями; она понимала, что не только лишается подруги-утѣшительницы въ горестяхъ, что не только Леонія посвящаетъ прихотямъ знатной дамы свои дни и минуты; но отъ нихъ требуютъ еще болѣе: хотятъ, чтобы каждая изъ нихъ отреклась отъ своихъ мыслей и чувствованій, отъ материнской любви, дѣтской нѣжности, или нужно было подавить эти чувства такъ глубоко, чтобы юная покровительница не могла ихъ замѣчать. По сердечному инстинкту, развитому несчастіемъ, она догадывалась и о послѣдней жертвѣ, мысль, о которой до-сихъ-поръ еще ей не представлялось; она теперь только поняла, что старообразная физіономія бѣдной, худо одѣтой матери Леоніи помрачала бы нѣжные взоры блистательной модной женщины, привыкшей покоиться только на позлащенной мозаикѣ. И такъ, она дала себѣ слово навѣщать дочь свою только изрѣдка, и, если можно, избѣгать встрѣчи съ графинею.

Леонія, обмѣнявшись взорами съ матерью, все поняла. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ нѣжной дочери; но она сдѣлала надъ собою усиліе улыбнуться: графиня обратилась къ ней съ вопросомъ.

— Вы были въ чьемъ-нибудь домѣ компаніонкой? спросила она.

— Я до-сихъ-поръ не оставляла маменьки, съ трудомъ произнесла Леонія.

Разсѣянная графиня уже забыла свой вопросъ. Нѣсколько фразъ было произнесено съ одной и съ другой стороны, для поддержанія разговора; докторъ хвалилъ таланты Леоніи; старался, обращаясь послѣдовательно съ мущинамъ и обѣимъ женщинамъ, завязать общій разговоръ, но было невозможно. Богатство бездонною пропастью лежало между этими чуждыми другъ друга

Digitized by Google

лицами. Необходимо было окончить это несносное положеніе. Госпожа Дольсей встала; графиня позвонила; вошелъ слуга.

— Отвесть для дѣвицы Дольсей комнату, которую занимала Дюранъ, сказала она.

Камердинеръ, съ дерзостью осмотрѣвъ съ головы до ногъ Леонію, пошелъ исполнять приказаніе. Госпожа Дольсей, сказавши нѣсколько словъ признательности, просьбъ и благодарности, вышла съ дочерью.

На другомъ концѣ дома показали имъ большую, холодную, влажную и темную комнату; къ ней примыкалъ большой туалетный кабинетъ: обѣ эти комнаты наполнены были старою мебелью, которая показалась великолѣпною жителямъ убогой хижины.

— Вотъ, сударыня, сказалъ слуга, обращаясь къ Леоніи, маленькій узелокъ, который докторъ велѣлъ взять изъ кареты и оставить здѣсь; вотъ коммодъ, трюмо, бюро и шкафъ для храненіи вашихъ вещей: матушка ваша хоть сейчасъ можетъ прислать ихъ вамъ.

Леонія покраснѣла. Въ этомъ самомъ узлѣ были лучшія вещи, которыя только находились въ гардеробѣ матери и дочери. Имъ стыдно было за свою бѣдность, но онѣ не могли произнесть ни одного слова. Слуга стоялъ у отворенной двери; бѣдная мать думала, что онъ ожидалъ ея отъѣзда. «Прощай,» сказала она. Леонія, рыдая, бросилась въ ея объятія: къ печали о разлукѣ присоединилась еще другая, дотолѣ неизвѣстная горесть; ихъ сердца сжались, какъ-будто пораженные неожиданнымъ несчастіемъ, и никогда хижина ихъ не была свидѣтелемъ такихъ трогательныхъ и глубокихъ движеній души.

Не богатство, показывавшее имъ всю ихъ бѣдность, или множество богатыхъ бездѣлокъ, напоминавшихъ имъ, что онѣ не имѣли вещей даже самыхъ необходимыхъ, породили въ нихъ эти чувства: нѣтъ! самыя ужасныя слѣдствія бѣдности не состоятъ въ лишеніи

Digitized by Google

предметовъ матеріальныхъ. Онѣ, входя въ этотъ великолѣпный дворецъ, поняли, что все тамъ для нихъ будетъ чуждо; что Леонія ничего не будетъ значить для тѣхъ, которые будутъ видѣть ее всякій день: она никого не заинтересуетъ, ни въ комъ не возбудитъ участія; тамъ нѣтъ ей равныхъ.

Богатая графиня, съ своей стороны, не только наслаждается всѣмъ изобиліемъ изящныхъ предметовъ, которыхъ лишена Леонія, но она можетъ, по влеченію, предаваться удовольствіямъ, говорить и молчать по желанію, мечтать въ уединеніи, или проводить время съ друзьями, оставаться самъ-другъ, жить наконецъ!.... А бѣдная молодая дѣвица должна безпрестанно изучать вкусъ другихъ и согласоваться во всемъ съ ихъ мнѣніями и привычками. Отъ страха не понравиться, показаться не знающею приличій, или быть обвиненною въ излишней фамильярности, за что ее тотчасъ бы удалили, и тѣмъ отняли послѣдній кусокъ у ея матери, она постоянно должна была погребать въ душѣ своей всѣ свои мысли, мечты, радости и печали. Ранѣе двадцати лѣтъ бѣдность лишила ее безпечной юности, разрушила для нея назначеніе женщины, — любовь, бракъ; она отняла у нея одно за другимъ тѣ мелочныя удовольствія, которыя доставляетъ свобода, и которыя тогда только замѣтны, когда ихъ нѣтъ. Мало этого, Леонія часто даже терпѣла нужду въ самомъ необходимомъ для жизни, переносила холодъ и голодъ! И послѣ столькихъ страданій, бѣдность все еще ищетъ похитить что-нибудь новое! Сегодня эти двѣ женщины должны пожертвовать и послѣднею утѣхою, которая оставалась на ихъ долю, — удовольствіемъ плакать вмѣстѣ! Слѣдовало отказаться отъ частаго свиданія, изъ боязни не огорчить той, отъ которой Леонія теперь зависитъ: должно стараться скрывать отъ графини свою печаль и слезы. Бѣдность, лишивъ Леонію всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, теперь налагаетъ свою

Digitized by Google

руку на чувства, слова, жесты и даже на выраженіе физіономіи ея; эта жестокая нищета, измѣнившая прекрасныя формы молодой дѣвушки, наконецъ оспариваетъ у нея часть души ея.

Мужество Леоніи поколебалось: ей пришла мысль слѣдовать за матерью; но весь достатокъ ихъ былъ истощенъ на скромный туалетъ ея; и этого еще едва доставало. Оставалось только трехъмѣсячное жалованье Леоніи, уплаченное впередъ, которое докторъ вчера вручилъ имъ, и которое было уже почато; издержавъ это, имъ не оставалось на что̀ купить хлѣба. Госпожа Дольсей, не взирая на просьбы дочери, оставила у себя только самую малую часть денегъ, нужныхъ на необходимѣйшія издержки: она очень хорошо понимала въ чемъ нуждалась дочь ея. Ничто не могло перемѣнить ея намѣренія: все было разочтено.

Наконецъ госпожа Дольсей, вооружась мужествомъ, вышла; Леонія проводила ее въ переднюю. Слуги смотрѣли на нихъ съ фамильярнымъ любопытствомъ и наглостью. Онѣ силились удержать себя, сжали одна другой руку, глазами досказали остальное, и разстались.

II

— И какъ доктору не подумать объ этомъ? Можно ли рекомендовать вашему сіятельству такую компаніонку!.... О! это значитъ употребить во зло довѣренность!

Сусанна, говоря это, приняла такой важный видъ, что Алина не могла не улыбнуться, видя ея лицо въ туалетномъ зеркалѣ. Горничная, обрадованная этимъ успѣхомъ, на минуту забыла свою работу; черная густая коса графини спускалась длинными жгутами по бѣлымъ, какъ снѣгъ, плечикамъ, съ которыхъ упалъ худо-зашпиленный утренній пеньуаръ; и черепаховая гребенка, надъ ея головою, въ рукахъ гордой Сусанны, казался мечомъ, направленнымъ въ непріятеля. Она продолжала:

Digitized by Google

— Меня, право, досада беретъ! Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца что она здѣсь, ужъ пора бы ей велѣть перевезть свои вещи. Вѣрно у ней ничего нѣтъ! По моему, дѣвица, у которой одно только платье, не заслуживаетъ никакого вниманія; и мнѣ, право, вчера утромъ было стыдно, когда ваше сіятельство изволили посадить ее рядомъ съ собою въ карету. Не знаю, какъ у людей достаетъ смѣлости представляться въ домъ, гдѣ они недостойны быть!

Сусанна, произнося эти слова, съ довольнымъ видомъ смотрѣла на свой собственный туалетъ, котораго щеголеватость показывала богатство ея госпожи. Она пробормотала еще нѣсколько словъ, такъ, чтобъ ее можно было слышать.

— Разумѣется я не пошла бы въ домъ, которому ни чѣмъ не могла бы сдѣлать чести! И конечно я не захотѣла бы васъ безпокоить!

И ея глаза съ довольствомъ разсматривали толстую золотую цѣпь, висѣвшую на ея шеѣ; она прибавила:

— Безсовѣстность только свойственна людямъ мелкимъ.

Алина смѣялась надъ важностью Сусанны; но смѣхъ этотъ не произвелъ желаемаго успѣха, и результатъ былъ совершенно противный тому, котораго ожидала завистливая горничная. На другой день швеѣ приказано было снять мѣрку съ Леоніи и сшить ей два платья простыхъ, но модныхъ; а изъ магазина принесли ей очень красивенькую шляпку.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, что Леонія жила въ домѣ графини де-Мирандъ, она ни отъ кого не замѣчала къ себѣ особеннаго расположенія. Въ обществѣ, котораго не была членомъ, для нея было очень мало привлекательнаго.

Прошло три мѣсяца. Леонія перенесла отъ Сусанны и другихъ первыхъ слугъ дома тысячи дерзостей, для графини не замѣтныхъ, но оскорбительныхъ для молодой дѣвицы, тѣмъ болѣе, что она не могла и не хотѣла жаловаться. Алина, вопреки мнѣнію Сусанны, лю-

Digitized by Google

била свою компаніонку за ея скромность и благородное обращеніе, которое показывало отличное образованіе; таланты молодой компаніонки иногда забавляли ее: въ свободное отъ визитовъ время ей нравились романсы, пѣтые Леоніею пріятнымъ и трогательнымъ голосомъ съ акомпаньементомъ на фортепіано. Леонія умѣла рисовать, и графиня заставляла ее оканчивать свои начатые рисунки, которые ей казалось слишкомъ скучнымъ и труднымъ додѣлывать; также скоро и старательно оканчивала Леонія ея вышиванье, ея кошельки, цѣпочки и всѣ эти мелкія работы богатыхъ женщинъ, которыя занимаютъ ихъ досугъ, и которыя такъ скоро производятъ въ нихъ лѣнь и непостоянство вкуса. Все это служило пищею тщеславію Алины и принимаемо было за ея собственную работу. Бѣдная Леонія была только дополненіемъ къ жизни богатой графини. Она слышала какъ хвалили картину, которую она окончила вчера, ширмочку для оконъ, дошитую ею по-утру; и ни чей взглядъ не останавливался на изящномъ произведеніи въ томъ же самомъ родѣ, вышедшемъ изъ-подъ ея собственныхъ рукъ.

Леонія бывала въ гостиной только тогда, когда того желала графиня; она обыкновенно работала возлѣ окна, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ присутствующихъ, и говорила только тогда, когда ее удостоивали вопроса. Часто, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ забывали, что она тутъ. Часто въ ея присутствіи говорили съ презрѣніемъ о бѣдныхъ, которые трудами рукъ своихъ достаютъ себѣ пропитаніе; хвалили, какъ необходимыя для существованія, разныя бездѣлки, которыми она никогда не могла обладать. Она слышала иногда обращаемые къ графинѣ эти нѣжные полу-слова, которыми очаровываютъ сердце женщины; каждое достоинство Алины было высоко цѣнимо, возбуждало удивленіе, привлекало похвалы; и никто какъ будто не замѣчалъ Леоніи. А между тѣмъ прекрасныя темнорусыя

Digitized by Google

букли ея ничѣмъ не уступали блестящимъ косамъ изъ черныхъ, какъ смоль, волосъ Алины; нѣжныя и правильныя черты Леоніи были бы во-сто разъ предпочтительнѣе нѣсколько обыкновенному лицу графини, если бы только неволя, страданіе и чувство зависимости не оставили на нихъ своей печати. Но ея утомленная физіономія была бы чудною находкою для обольстительной кокетки, а это бѣдное существо, такъ мало знавшее свѣтъ, удивлялось въ свою очередь полнымъ жизни, сверкающимъ глазамъ Алины.

Эти двѣ женщины представляли собою любопытное зрѣлище для наблюдателя. Рѣдко случается найти контрастъ поразительнѣе того, какой существовалъ между ихъ жизнями. Ихъ лѣта, ихъ воспитаніе, ихъ мысли почти одинаковы; тоже мало различія было между ихъ нравственными и физическими достоинствами; и за всѣмъ тѣмъ между ними лежала пропасть! Иногда прекрасная головка Леоніи, блѣдная, страдающая и почти безжизненная, опиралась на нѣжную, маленькую ручку, оттого что тяжесть размышленій была невыносима, оттого что въ сердцѣ дѣвушки начинали пробуждаться горькія мысли сожалѣнія, зависти и отчаянія; оттого что она старалась отыскать причину этого добра и зла, такъ различно распредѣленныхъ на землѣ, и ничто не отвѣчало на ея мысли! И кто послѣ этого не отдастъ неумолимаго разума и шаткой науки матеріалистовъ, за утѣшительное убѣжденіе того, кто вѣритъ въ другой міръ, населенный всѣмъ, что имѣли мы драгоцѣннаго?.....

Алина же посреди упоенія въ удовольствіяхъ не испытывала не только печальной, но даже серьезной мысли, и въ продолженіе всего существованія своего она различала очень ясно и съ точностію только двѣ вещи: забавы и скуку; и всѣ старанія употребляла она предаваться первымъ и избѣгать второй, безъ всякаго особеннаго вниманія къ Леоніи, она иногда дѣлала ее уча-

Digitized by Google

стницею въ своихъ удовольствіяхъ: то вечеръ въ театрѣ, то утро, посвященное картинной галлереѣ. Все это занимало ее. Сверхъ того графиня сама давала балы, и всегда Леонія, одѣтая просто, но со вкусомъ, исполняла тамъ какую-нибудь мелочную хозяйственную должность; потомъ, по утру, Алина заставляла ее читать въ-слухъ какой-нибудь новый романъ или поэму. Всѣ эти занятія, вводя Леонію въ таинства свѣта, имѣли на нее еще то вліяніе, что извлекали ее изъ задумчивости, не давая ей времени для размышленія; отъ этого дѣвушка начинала себя чувствовать лучше. И дѣйствительно первые три мѣсяца пребыванія Леоніи у графини были для нея мучительны; въ слѣдующіе же два стала она несравненно веселѣе. Она не имѣла свободнаго времени предаваться своимъ размышленіямъ; и обычаи этого богатаго дома, успокоивъ ее, и улучшивъ ея физическое существованіе, воодушевили нѣсколько жизнь, готовую погаснуть, придали цвѣтъ и округленность ея лицу; и Леонія сдѣлалась прелестна. Въ эти лѣта печаль и страданія имѣютъ такъ мало вліянія на природу человѣка, что нѣсколько дней спокойствія почти возвращаютъ все то, на что̀ молодость имѣетъ свои права. Госпожа Дольсей, по временамъ посѣщая дочь свою и чащѐ видя ее веселою, начинала душевно радоваться пріятной перемѣнѣ, и грустила только, когда оставалась одна.

Шесть мѣсяцовъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ Леонія жила у графини де-Мирандъ. Настала эпоха масляницы; никогда праздники, балы, удовольствія всѣхъ родовъ не бываютъ такъ блистательны и шумны какъ въ это время. Однажды Алина встала довольно поздно: балъ продолжался почти до самаго утра. Встав̀ъ съ постели, она окунулась въ теплой ваннѣ; это, какъ рукой сняло вчерашнюю усталость, и приготовило ее къ удовольствіямъ слѣдующаго вечера. Одѣвшись съ щегольскою изысканностію, выказывавшею еще болѣе нѣж-

Digitized by Google

ныя очертанія ея формъ, Алина погрузилась въ глубокую задумчивость; съ нѣкотораго времени она любила мечтать; ея привычки измѣнились. Были минуты, когда она чувствовала необходимость уединенія: тогда она просиживала цѣлые часы неподвижно на одномъ мѣстѣ. Иногда какое-то безпокойное волненіе замѣтно было во всѣхъ ея дѣйствіяхъ; ея лицо внезапно принимало видъ презрѣнія и гордости; скорыми шагами ходила она взадъ и впередъ, какъ будто стараясь освободиться отъ занимавшей ее мысли: вездѣ искала разсѣянія. По утру она посѣщала всѣ богатые магазины, привозила домой кучу вещей, на которыя потомъ ей не хотѣлось смотрѣть; катаясь верхомъ, она съ удивительною быстротою и смѣлостью бросалась въ лѣсъ; посѣщала многихъ особъ, у которыхъ прежде не бывала; не пропускала ни одного бала и собранія; и, измученная усталостію, печальная и скучная возвращалась домой, гдѣ предавалась своей задумчивости, и по цѣлымъ днямъ никого не принимала. Ясно было, что она сдѣлалась добычею внутренней борьбы; съ нѣкотораго времени въ этой хорошенькой головкѣ бушевала страшная буря.

Въ одну изъ такихъ минутъ Алина услышала легкій шорохъ въ комнатѣ, сосѣдней съ ея будуаромъ; она вспомнила, что забыла велѣть не принимать: но было уже поздно; доложили о госпожѣ де-Лоренсей.

Самодовольная улыбка скользнула на устахъ Алины.

— Это ты, моя милая Софья; о! какъ я рада, какое счастіе!

На этотъ разъ слова эти не были обыкновеннымъ вѣжливымъ привѣтствіемъ; они лились прямо изъ сердца. Софья была ея родственница, ея другъ дѣтства и почти одинаковыхъ съ нею лѣтъ. Софья, добрая, скромная, безъ притязаній на красоту, богатство, и щегольство, удивлялась Алинѣ, любила ее изъ глубины души; и, когда сердце непокойно, умъ встревоженъ,

Digitized by Google

какое блаженство ощущаетъ человѣкъ при свиданіи съ тѣми, кто искренно его любитъ!

— Какъ я рада, что тебя вижу! повторила съ живостью графиня: какъ много мнѣ нужно пересказать тебѣ!

Расположившись на эластической кушеткѣ, близъ камина, Софья сбросила свою шляпку. Алина сѣла подлѣ нея. Онѣ жаждали передать другъ другу свои чувства и мысли. Софья съ нетерпѣніемъ ожидала желаемаго разговора. Алина мяла въ рукахъ свой носовой платокъ, сбрасывала и опять надѣвала перчатки, кашляла, и между тѣмъ не говорила ни слова.

— Ну! прошептала госпожа де-Лоренсей.

Алина спросила родственницу свою о новостяхъ, о здоровьѣ ея мужа, дѣтей, и болѣе ничего.

Софья удивилась, и не могла удержаться, чтобъ не сказать:

— Ты хотѣла мнѣ о чемъ-то говорить?

— Да, много вещей: вотъ уже почти два мѣсяца какъ мы не имѣли случая..... съ тобою видѣться.

— Я думала, прибавила Софья улыбаясь: что ты хотѣла ввѣрить мнѣ какую-нибудь важную тайну; если бъ ты видѣла свое замѣшательство!..... Я освобождаю тебя отъ труда разсказывать. Я сама догадалась.

— Ты?

— Да, я готова биться объ закладъ. И выиграю, потому-что ты покраснѣла.

— Что же такое?

— Ты хочешь опять выйти замужъ.

— О! такъ ты же не имѣешь дара угадывать! Я о томъ и не думала, и эта мысль даже ни разу не приходила мнѣ въ голову.

Алина сказала это съ такимъ спокойнымъ видомъ, что никто не усомнился бы въ ея искренности; Софья смѣшалась; ея предвидѣніе обманулось, ей стало грустно. Добрая Софья, не будучи кокеткой и мечтатель-

Digitized by Google

ницей, полагала все свое счастіе въ любви къ мужу и въ нѣжности къ дѣтямъ своимъ. Натурально, что она желала лучшей подругѣ своей этого единственнаго, по ея мнѣнію, счастія на свѣтѣ; она не могла представить себѣ: какимъ образомъ двухъ-лѣтнее вдовство и пеленіе дѣтей заставляло Алину убѣгать супружеской жизни; и даже, казалось, она недовольна была этимъ замѣчаніемъ.

Софья распространялась въ вопросахъ, совѣтахъ и заключеніяхъ; и кончила наконецъ убѣжденіемъ въ томъ, что она обманулась, думая, что Алина, въ самомъ дѣлѣ хотѣла ввѣрить ей какую-нибудь, какъ она говорила, важную тайну: и по искренней дружбѣ къ ней она позволила себѣ сдѣлать слѣдующіе вопросы:

— Развѣ твоимъ сердцемъ, другъ мой, овладѣла любовь, которую ты должна скрывать? Неужели ты влюблена въ какого-нибудь..... (и она почти съ ужасомъ договорила) женатаго?

Но она вскорѣ разувѣрилась, молодая графиня начала смѣяться надъ ея вопросомъ.

— Я не вижу никакой причины, что̀ бы тебѣ мѣшало выйти за того, кто избранъ твоимъ сердцемъ: если только онъ не женатъ, то вѣрно любовь твоя сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ людей.

И Софья начала ей пересчитывать всѣ партіи, какія только были въ то время самыми блестящими; она произносила самыя знатнѣйшія фамиліи, разбирала ихъ титулы, богатство, и за всякимъ именемъ прибавляла:

— Если бы ты только хотѣла!

И въ самомъ дѣлѣ Алина, молодая, прекрасная, богатая, съ высокою репутаціею, была предметомъ всѣхъ исканій, цѣлію всѣхъ желаній молодыхъ и старыхъ жениховъ. Но она всякое новое имя сопровождала смѣхомъ и шутками, что̀ показывало, какъ мало это ее интересовало; потомъ она сказала:

Digitized by Google

— Продолжай же, Софья. И такъ всѣ молодые люди находятся въ моей власти, говоришь ты? Такъ не пропускай же никого!

И послѣ этого сама она начала называть всѣхъ, о комъ только Софья забыла упомянуть, разбирая ихъ состоянія и положеніе въ свѣтѣ.

— Если уже ты говоришь въ такомъ тонѣ, отвѣчала Софья, то я не позволю тебѣ пропускать ни одного изъ танцоровъ, являвшихся на балахъ нынѣшнею зимою.

И молодыя женщины, смѣясь отъ души, называли самыхъ бѣднѣйшихъ и безобразнѣйшихъ, и каждое изъ такихъ именъ сопровождалось разными веселыми замѣчаніями и невинными шутками.

— Наконецъ уже всѣ, сказала Софья, развѣ только мы не считали еще секретаря герцога Л...., гувернёра твоего племянника и прежняго секретаря твоей бабушки.

— Эмануеля Дальвиньи! вскричала, стараясь снова засмѣяться, графиня де-Мирандъ.

Но смѣхъ не удался.

— Онъ любезный и прекрасный молодой человѣкъ, возразила Софья: правда, нѣсколько оригиналъ, о чемъ я давно уже хотѣла тебѣ сказать. Кажется, уже съ годъ, какъ онъ получилъ наслѣдство. Скажи, пожалуйста, что онъ такое?

Алина вспыхнула.

— Бабушка моя его очень любила, отвѣчала Алина; онъ часто бываетъ у меня: его отецъ..... его родители дворяне.

— Понимаю. Провинціальные помѣщики.

— Настоящіе дворяне! Отецъ хотѣлъ удержать его въ томъ же городѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, женитьбою на..... кажется, на какой-то кузинѣ; но его живое воображеніе, его влеченіе къ искусствамъ и наукамъ, которыя онъ съ такимъ успѣхомъ старается усвоить себѣ, привлекли его въ Парижъ искать общества, со-

Digitized by Google

образнаго съ его просвѣщеннымъ и любознательнымъ умомъ. Онъ зависѣлъ отъ отца, который желая возвращенія его въ семейство не давалъ ему денегъ. Не желая уступить этимъ требованіямъ, противившимся его намѣреніямъ, онъ опредѣлился въ качествѣ секретаря, къ моей бабушкѣ. Но теперь, смерть родителя сдѣлала его независимымъ и свободнымъ.

— Я его нахожу занимательнымъ; его вѣжливое обращеніе мнѣ нравится. Каковъ его характеръ? Наконецъ, какую ведетъ онъ жизнь, и можетъ ли быть принятымъ въ порядочное общество? Ты его должна хорошо знать, и можешь дать мнѣ понятіе объ немъ. Это меня интересуетъ.

Алина съ удивленіемъ взглянула на Софью; потомъ она спокойно и съ особеннымъ удовольствіемъ начала говорить:

— Эммануель скроменъ, уменъ и занимателенъ въ обществѣ: онъ не позволяетъ себѣ и тѣни той фамильярности, которая такъ непріятна въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ; онъ усвоиваетъ себѣ новыя идеи, если онѣ благородны, возвышенны и полезны, и отвергаетъ въ нихъ все несообразное съ понятіями его о вещахъ. Если иногда скука и монотонность овладѣваетъ обществомъ, соединеннымъ у меня, то съ появленіемъ Эммануеля, все какъ-будто пробуждается, воодушевляется отъ огня его живаго воображенія: его возвышенный умъ, его пылкая душа разшевелитъ самого меланхолика. Его упрекаютъ въ незнаніи свѣта и нѣкоторыхъ его условій; но если онъ и непохожъ на другихъ, то это оттого что онъ лучше ихъ. Его характеръ гибокъ; въ немъ замѣтна даже дѣтская наивность. По истинѣ, должно желать, чтобы наши молодые люди похожи были на него во всемъ, и брали бы примѣръ съ того, кѣмъ они пренебрегаютъ оттого только, что онъ не принадлежитъ къ ихъ партіи.

Алина воодушевилась; она говорила съ жаромъ.

Digitized by Google

— Я понимаю тебя, моя милая, сказала Софья: ты энтузіастка ко всему возвышенному, и все несправедливое тебя огорчаетъ. Сколько доброты въ твоемъ сердцѣ! Какъ благородна ты, защищая твоего фаворита! И въ самомъ дѣлѣ наши молодые люди недостойны его, они гордятся своимъ происхожденіемъ. Не лучше ли было бы ему оставить этотъ суетный кругъ, гдѣ не умѣютъ цѣнить его, и держать себя подальше отъ нашего общества. Это желаніе одного изъ друзей его отца, который любилъ его ещё съ дѣтства; добрый, благородный человѣкъ, котораго я уважаю, и который вчера мнѣ разсказалъ свои планы на счетъ твоего фаворита.

— Неужели! Что же онъ говорилъ?

— Что непослушаніе его отцу происходило единственно оттого, что женившись онъ долженъ будетъ жить въ провинціи; но этотъ страхъ теперь напрасенъ. Семейство его невѣсты переѣзжаетъ на житье въ Парижъ: это хорошая партія для него; я знаю ихъ всѣхъ, и принимаю въ нихъ большое участіе. Человѣкъ, разсказывавшій мнѣ это, отецъ той самой дѣвицы: его зовутъ Дюваль. Онъ былъ прежде управителемъ въ имѣніяхъ отца моего; дочь его настоящій ангелъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Дюваль хорошо устроилъ дѣла свои; нажилъ порядочное состояніе, ничѣмъ не хуже оставшагося въ наслѣдство Эммануелю, и, зная его теперь, по словамъ твоимъ, съ хорошей стороны, я серьёзно займусь его женитьбою. Если бы мы имѣли теперь прежнее состояніе, то я бы увеличила приданое дѣвицы Дюваль. Отецъ ея оказалъ намъ много услугъ, и я хочу вознаградить это, по-крайней-мѣрѣ устройствомъ счастія его дочери, если только удастся.

— Но это невозможно, сказала съ живостью Алина, которая въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ показывала удивленіе и неудовольствіе.

— Отчего?

Digitized by Google

— Эммануель и не думаетъ объ этой дѣвицѣ; онъ ся не любитъ.

— То есть, влюбленъ въ другую?

Алина не отвѣчала.

— Здѣсь есть что-то непонятное для меня: ты можешь мнѣ это объяснить; я никому о томъ не скажу.

— А если его любовь тайна?

— Которую онъ тебѣ вѣрилъ?

— Нѣтъ, вскричала съ живостью Алина, нѣтъ!

— Слѣдовательно ты сама догадалась?

— Возможно ли это? Захотѣла ли бы я заниматься любовными интригами Эммануеля?

— Но онъ все свое время проводитъ у тебя или у своей бабушки.

— Такъ что же?

Эти слова были произнесены графинею съ какимъ-то презрѣніемъ.

— Ты хочешь отъ меня скрыть это, Алина, ты знаешь что нибудь.

— Я? Нѣтъ, право.

— Ахъ! я угадала.

Алина съ живостью встала, и съ безпокойствомъ начала чего-то искать. Софья продолжала:

— Онъ ѣздитъ только къ тебѣ и въ тѣ дома, гдѣ ты бываешь.

Алина, по видимому, такъ углубилась въ тотъ предметъ, котораго искала, что, казалось, не слыхала послѣдняго замѣчанія.

— Здѣсь-то онъ строитъ свои планы и надежды; но это безразсудно!

Графиня уронила флаконъ съ духами, который машинально попался ей въ руки.

— Эта дѣвица ничего не имѣетъ, я увѣрена.

— Какая дѣвица? спросила, свободно вздохнувши, Алина.

Digitized by Google

— Твоя компаніонка..... Какъ ты ее зовешь?..... Леонія, что-ли?

— Леонія!

— Правда, она недурна собой; но все молчитъ и, по-видимому, она неспособна внушить любовь такому молодому человѣку. Да притомъ она безъ состоянія.

Алина сѣла съ довольнымъ и спокойнымъ видомъ. Она не отвѣчала своей подругѣ положительнаго да; съ участіемъ говорила о Леоніи, замѣтила также, что супружества противъ воли бываютъ несчастливы; что она никогда въ подобныя дѣла не хочетъ вмѣшиваться; и, послѣ многихъ пустыхъ и незначительныхъ общихъ замѣчаній ея, Софья убѣдилась, что Алина столько интересовалась судьбою своей Леоніи, что могла ей желать супружества съ Эммануелемъ. И, считая неблагоразумнымъ противорѣчить ей въ томъ, она перемѣнила разговоръ на другіе предметы. Въ тоже самое время вошелъ старый герцогъ С.... и, нѣсколькими минутами послѣ, Эммануель Дальвиньи.

Разговоръ обратился на театры и новѣйшія драматическія произведенія: это самые выгодные предметы для тѣхъ людей, которые не желаютъ думать ни о чемъ, и для тѣхъ, которые хотятъ скрыть свои настоящія мысли. Алина была чужда всего того, что происходило вокругъ нея: она впала въ глубокую задумчивость. Остальные три лица съ трудомъ поддерживали самый незначительный разговоръ.

Софья сказала наконецъ, что ей надо сдѣлать еще нѣсколько визитовъ. Алина не желала удерживать ее. Ей казалось теперь, что Софья, не понимая ея мыслей, недостойна была и дружбы: въ одинъ часъ сколько можетъ произойти перемѣнъ! Госпожа де-Лоренсей думала встать, но ей хотѣлось дослушать замѣчаніе герцога на счетъ свѣтской тонкости и прозорливости, которая, говорилъ онъ, изъ одного слова и часто даже

Digitized by Google

изъ самаго молчанія людей угадываетъ то, что дѣлается съ ихъ сердцемъ.

— Вотъ напримѣръ, однажды (это было не такъ давно), однажды, говорю я, мнѣ случилось некстати прервать интересный разговоръ двухъ молодыхъ женщинъ; я очень ясно видѣлъ ихъ замѣшательство при моемъ появленіи, и догадался, какъ интересенъ былъ предметъ разговора для одной изъ нихъ; а если бъ и сомнѣвался въ моемъ предположеніи, то краска на лицѣ при появленіи новаго гостя показала бы мнѣ то, что стараются скрыть отъ меня. Подруга ея намѣрена была удалиться, и я на этотъ разъ былъ бы слишкомъ дерзокъ, если бъ хотѣлъ оставаться долѣе; я всталъ, предложилъ ей мою руку, и, съ почтеніемъ простился съ хозяйкой дома, нѣсколько смущенной тою прозорливостью, въ которой она прежде не подозрѣвала меня.

Сказавши это, герцогъ всталъ и подалъ руку госпожѣ де-Лоренсей, которая будучи занята завязываніемъ своей шляпки, и не подозрѣвая тайнаго смысла, заключавшагося въ этихъ словахъ, приняла ее и вышла, оставивъ Алину въ смятеніи и невыразимомъ волненіи.

Эммануель, неподвижно устремивъ глаза на графиню, съ восторгомъ любовался очаровательною краскою, которая попеременно съ блѣдностью покрывала ея лицо и невольно обнаруживала чувства, волновавшія душу.

Эммануель, въ продолженіе двухъ лѣтъ питая безнадежную любовь къ графинѣ, не смѣлъ говорить о своей любви, боялся оскорбить ее даже безмолвнымъ обожаніемъ, и не воображалъ, что былъ любимъ! Этой тайны онъ не умѣлъ разгадать; но ее замѣтили другіе: онъ былъ любимъ! Какимъ счастіемъ наполнилась тогда любящая, энергическая и страстная душа его! Но онъ и тутъ молчалъ. И какія слова были въ состояніи выразить то, что чувствовалъ онъ? Однако жъ, невольно и даже не понимая самъ какимъ образомъ, Эммануель

Digitized by Google

очутился на колѣняхъ передъ Алиною: это была признательность, подобострастное почтеніе къ той, которая имѣла власть возродить въ немъ чувство счастія. Можетъ быть онъ нашелъ бы слова благодарности, но его удерживала тоска, выражавшаяся на лицѣ той, которую онъ любилъ; она имѣла такой страдальческій видъ, что онъ, съ выраженіемъ любви и нѣжности, могъ только произнесть: «Алина, простите меня!» Онъ упрекалъ себя въ томъ, что любилъ ее: давно уже ей эта любовь была извѣстна, она привыкла къ ней. Увидя ея замѣшательство, Эммануель уже хотѣлъ благодарить ее за тѣ чувства, которыя онъ теперь только открылъ въ ней.

Его губы прикоснулись къ рукѣ графини. Она съ живостью встала..... внезапная перемѣна послѣдовала въ ней; слезы навернулись у нея на глазахъ, и уста послѣ мгновенной, нѣжной улыбки злобно и презрительно сжались.

Она подошла къ камину, позвонила, и сказала голосомъ еще трогательнымъ, но котораго звукъ терялся въ продолжительномъ смѣхѣ:

— Дальвиньи! вы сумасшедшій; въ чемъ вы хотите, чтобы я васъ простила? И какая странная мысль пришла вамъ въ голову?

Эммануель не отвѣчалъ. Ему давно уже было извѣстно, что онъ имѣлъ сильнаго противника, котораго голосъ проникалъ въ душу Алины глубже нежели его собственный: это тщеславіе! Онъ не думалъ одержать побѣду, и самая вѣжливость требовала, чтобы онъ не испытывалъ того. Безъ надежды, безъ цѣли, онъ любилъ всею душею, всею жизнію своею. Новая мысль, какъ молнія блеснула въ умѣ его. Онъ ушелъ.

Digitized by Google

III.

Пятнадцать дней спустя послѣ этого происшествія, Леонія проворно и съ веселымъ видомъ взбиралась по лѣстницѣ въ шестой этажъ дома, гдѣ все еще жила мать ея.

— Маменька, маменька! кричала она, не дошедъ еще до двери: маменька, я здѣсь! Я свободна на цѣлый день и пришла провесть его съ вами.

Госпожа Дольсей побѣжала обнять ее. Леонія шла такъ скоро, была такъ весела, что мать смотря на нее, съ довольнымъ видомъ произнесла:

— Мы напрасно тревожили себя твоимъ пребываніемъ у госпожи де-Мирандъ! Смотри, какъ ты свѣжа и весела, моя милая Леонія! Она очень добра, эта молодая дама. Я обязана ей величайшею благодарностью, такъ же какъ и доброму нашему доктору, который доставилъ тебѣ это мѣсто; какъ я рада, что вижу тебя въ такомъ положеніи!

И въ самомъ дѣлѣ нарядъ, наружность, выраженіе лица и даже самый голосъ, все перемѣнилось въ бѣдной дѣвушкѣ: она теперь такъ была весела!

— О! вы правы, маменька, графиня добра! Я теперь уже тамъ не отшельница, не чужда всему свѣту! Нѣтъ! со мной говорятъ какъ и съ прочими дамами, которыя тамъ бываютъ; вчера я танцовала, меня ангажировали, хвалили мое пѣніе, любятъ слушать меня! я теперь совершенно счастлива; и не достаетъ къ моему благополучію только того, чтобы вы, маменька, всегда были со мной.

Говоря это, Леонія вынимала изъ кошелька часть жалованья, полученнаго недавно отъ графини.

— Пусть это будетъ у васъ, маменька, а я имѣю даже болѣе нежели нужно: у меня есть платья и разныя мелкія вещи. Посмотрите, какая хорошенькая шляп-

Digitized by Google

ка, какая шаль!..... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы и вы купили себѣ все, что вамъ нужно.

Обрадованная и осчастливленная всѣми этими простыми и натуральными знаками дѣтской нѣжности, госпожа Дольсей обнимала дочь свою.

— По-этому, графиня съ тобою хорошо обходится? Она тебя полюбила!.... Но долго ожидала ты отъ нея этой справедливости. Правда, она такъ занята! Мы должны болѣе цѣнить ея благосклонность, нежели деньги: она намъ нужнѣе ихъ.

— Я должна вамъ все пересказать, милая маменька! Вотъ уже пятнадцать дней, какъ мы съ вами не видались, и въ эти пятнадцать дней сдѣлалось много перемѣнъ. Во-первыхъ, представьте себѣ! теперь графиню рѣшительно нельзя узнать: она, такая веселая, сначала зимы думавшая только объ однихъ удовольствіяхъ, теперь, вотъ уже почти цѣлый мѣсяцъ, все печальна; часто бываетъ не въ духѣ, скучаетъ, сердится за всякую малость, даже и на меня, не смотря на то, что я всѣми силами старалась угадывать малѣйшія ея желанія. Я сначала думала, что она больна или огорчена чѣмъ-нибудь, но, употребивъ все мое вниманіе, я не могла открыть настоящей причины. Двѣ недѣли назадъ, она позвала меня въ то время, какъ отъ нея ушелъ Дальвиньи, вы знаете этого молодаго человѣка: я уже вамъ говорила, кажется, что онъ всякій день бываетъ у графини. Она была такъ сердита, встревожена, что я думала не огорчилъ ли онъ ее чѣмъ-нибудь, и это меня очень удивило: этотъ молодой человѣкъ такъ скроменъ и такъ привязанъ къ графинѣ! Однимъ словомъ, я не могла понять, что все это значитъ. Побранивши меня за самыя пустыя вещи, въ чемъ я дѣйствительно не чувствовала себя виновною, и если не противорѣчила ей, то долгого только, чтобы не увеличить ея гнѣва, она, въ углу своего будуара взяла книгу и показывала видъ будто читаетъ; но я ви-

Digitized by Google

дѣла, что она плакала. Я должна была притвориться, что не замѣчаю того, что хотѣла она скрыть отъ меня; но это было сверхъ силъ моихъ. Не размышляя я встала, подбѣжала къ ней и не могла удержаться, чтобы не сказать ей: «Боже мой, ваше сіятельство, возможно ли, чтобы васъ кто огорчилъ? о! какъ я несчастна!» Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня и сказала: — Ты Леонія? — «Развѣ я не обязана вамъ всѣмъ, говорю я, неужели вы думаете, чтобы я была неблагодарна, и чтобы я равнодушно могла видѣть васъ въ слезахъ, когда вы не должны знать печали?» И я говорила это, маменька, отъ души, потому-что я люблю графиню. Она улыбнулась. «Въ самомъ дѣлѣ я глупа, сказала она, что плачу отъ нечего дѣлать. Спой мнѣ, Леонія, какую нибудь веселую арію подъ фортепіано; это меня успокоитъ.» Она развеселилась; но нельзя было не замѣтить, что съ ней случилось что-то необыкновенное. Вечеромъ, въ тотъ же самый день, она взяла меня съ собою въ оперу. И я была внѣ себя отъ радости, видя, что моя короткость понравилась графинѣ. Съ этого времени она часто беретъ меня съ собою. Одна изъ ея подругъ, Софья де-Лоренсей, которая бываетъ у графини очень часто, и которую мы вездѣ встрѣчаемъ, обходится со мной очень вѣжливо. Дальвиньи, первый изъ всего общества показавшій мнѣ дружбу, постоянный мой кавалеръ; у другихъ же дамъ куча молодыхъ прекрасныхъ людей, все герцоги, графы, маркизы..... Однажды онъ очень удивился, когда госпожа де-Лоренсей хвалила ему то, что называла она во мнѣ талантомъ къ пѣнію романсовъ, и я не могла отказаться, когда онъ попросилъ меня спѣть что-нибудь. Я дрожала отъ страху, когда начинала: до-сихъ-поръ я пѣла только при графинѣ и госпожѣ де-Лоренсей. Но я оправилась, и видѣла, что ему очень нравились тѣ аріи, которыя я пѣла. Наконецъ, на послѣднемъ вечерѣ онъ пригласилъ меня тан-

Digitized by Google

цовать: я думаю, что-это графиня велѣла ему ангажировать. Онъ, казалось, еще больше удивился, когда увидѣлъ, что я, не смотря на свою скромность, ловко могла танцовать кадриль. Богатые люди, конечно, думаютъ, что мы бѣдные не можемъ дѣйствовать, думать и чувствовать, какъ они; мнѣ кажется, они удивляются всему тому, что видятъ во мнѣ хорошаго. Это сначала меня печалило; но теперь, когда графиня меня любитъ, я забавляюсь ихъ удивленіемъ, и это меня болѣе не тревожитъ. Видите, маменька, если бъ мы могли быть чаще съ вами вмѣстѣ; если бъ я имѣла время пересказывать вамъ то, что слышу; если бъ сверхъ всего этого вы имѣли по-лучше квартиру, о! тогда я была бы совершенно счастлива! Какъ бы я была рада, я думаю, еслибъ это могло случиться: всѣ люди, которыхъ я тамъ вижу такъ знатны; многіе изъ нихъ занимаютъ важныя должности; если, со временемъ, графиня меня еще болѣе полюбитъ, она можетъ черезъ свое покровительство доставить вамъ какое-нибудь приличное мѣсто. Во всякомъ случаѣ и за всѣмъ тѣмъ, что мнѣ у нея хорошо, не отказывайтесь, прошу васъ, ни отъ чего, что бы вамъ ни предложили.

Бѣдная мать одобряла все, что говорила Леонія, но она не совсѣмъ вѣрила этому счастію; и притомъ она, для которой все счастіе заключалось въ дочери, почла бы себя виновною, если бы издерживала то, что приносила ей Леонія. Всѣ деньги, получаемыя ею, были хранимы со тщаніемъ: она довольствовалась своею работою и обманывала Леонію, скрывая отъ нея всѣ свои лишенія. Онѣ такъ любили другъ друга! Леонія никого еще не любила кромѣ своей матери; госпожа Дольсей давно уже перестала любить все, кромѣ своей дочери.

— Это удивительно, прибавила Леонія, въ чистосердечномъ признаніи своему единственному другу: это удивительно, что графиня съ самаго того времени, какъ начала лучше обращаться со мною, стала на столько же строже и несправедливѣе къ Дальвиньи! Должно

Digitized by Google

думать, что онъ попалъ къ ней въ большую немилость; а между тѣмъ онъ самый благороднѣйшій и умнѣйшій изъ всѣхъ мужчинъ, которые ее посѣщаютъ. По временамъ, не смотря на свою кротость, онъ, кажется, теряетъ уже терпѣніе и становится недоволенъ. Вчера онъ обвинялъ мнѣ ее въ капризахъ, даже въ злости!.... Но я приняла ея сторону: я говорила объ ея расположеніи ко мнѣ, я сказала ему все, чѣмъ ей обязана, все что я переносила не зная ее, все несчастіе, изъ котораго исторгли насъ ея благодѣянія. Онъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. О многомъ распрашивалъ, я сказала ему всю правду, и повѣрите ли? что, хотя онъ и не такъ богатъ, какъ другіе знакомые графини, однако онъ никогда не могъ себѣ представить, чтобъ можно было жить въ такой бѣдности, какъ мы были прежде. Я не краснѣя говорила ему это. Мы никому не сдѣлали никакого зла, и онъ не изъ тѣхъ людей, которые презираютъ бѣдныхъ. Мой разсказъ такъ занималъ его, и я была такъ довольна, говоря о васъ, маменька! Это въ первый разъ еще, съ того времени какъ живу у графини, могла я говорить сколько люблю васъ и сколько вы добры къ вашей дочери. И я совершенно счастлива: у меня теперь есть человѣкъ, которому могу говорить, что думаю; есть человѣкъ, который самъ даже распрашиваетъ меня о моихъ горестяхъ и душевно радуется всему тому, что доставляетъ мнѣ удовольствіе: право, мнѣ теперь не остается болѣе ничего желать.

Пріятно и весело провела Леонія цѣлый день съ матерью. И это былъ счастливѣйшій изъ дней ея жизни! Въ семь часовъ вечера Леонія возвратилась домой, и очень удивилась, когда узнала, что графиня возвратилась еще передъ обѣдомъ. Алина по обыкновеннымъ своимъ капризамъ измѣнила свое намѣреніе. Въ одиннадцать часовъ утра она поѣхала въ Медонъ, къ одной изъ своихъ пріятельницъ, съ намѣреніемъ пробыть тамъ

Digitized by Google

цѣлый день; потомъ, на половинѣ дороги отъ Парижа, воротилась; и, сдѣлавши нѣсколько короткихъ визитовъ и посѣтивши нѣсколько магазиновъ, воротилась домой въ четыре часа, будучи совершенно довольна, что избѣжала скуки, которую обѣщалъ ей этотъ день.

Графиня обѣдала одна; и когда, въ семь часовъ, Леонія возвратилась, то Алина очень обрадовалась, что могла съ кѣмъ нибудь говорить. Нѣсколько времени спустя, пріѣхалъ Дальвиньи, и они въ-троемъ провели довольно пріятно вечеръ. Пѣли, смѣялись, шутили непринужденно и весело; и когда ударило полночь, они почти вмѣстѣ вскрикнули: «Уже!» Алина прибавила: «О! какъ пріятно было бы проводить жизнь такимъ образомъ!» Ночь была покойна, и на другой день всякій изъ нихъ пробудившись мечталъ о пріятномъ вечерѣ, канувшемъ въ вѣчность.

Но бросить свѣтъ! Званіе модной женщины налагаетъ столько обязанностей! Нужно еще возбуждать и зависть!..... И кто позавидовалъ бы дружбѣ блистательной Алины къ бѣдной компаніонкѣ и любви ея къ скромному секретарю? Когда опять вечеромъ Эммануель, влекомый своимъ сердцемъ, поспѣшилъ въ домъ графини, онъ не нашелъ уже тамъ доброй Алины, но кокетку и гордую графиню, отъ которой онъ не могъ добиться ни взгляда, ни вниманія, обращаемаго ею теперь только на своихъ свѣтскихъ фаворитовъ, какова бы ни была ихъ ничтожность. Она показала даже видъ будто не замѣчаетъ его, когда онъ хотѣлъ помочь ей сѣсть въ карету; взяла руку другаго и не сказала ни слова, не взглянула даже на человѣка, котораго вчера еще съ такимъ вниманіемъ слушала.

Эммануель наконецъ почувствовалъ, что оскорбили его гордость и достоинство; его сердце долго страдало: ему показалось это уже слишкомъ, и онъ рѣшился разбить кумиръ, передъ которымъ такъ долго горѣлъ его

Digitized by Google

ѳиміамъ. Сначала любилъ онъ ее по инстинкту, по влеченію; иногда ободренный, онъ мечталъ уже о какихъто несбыточныхъ надеждахъ: теперь разсудокъ и опытъ все разрушили. Роль презрѣннаго любовника гордой женщины, смѣявшейся надъ его любовію, неприлична была человѣку, который чувствовалъ свое существенное преимущество надъ всѣми окружавшими госпожу Миранду.

Онъ рѣшился уничтожить, подавить чувства, которыя возбуждались въ душѣ его при имени и видѣ графини; онъ принялъ твердое намѣреніе поработить мечты свои разсудку. Но борьба была опасна: цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна; глубокое и горестное чувство пустоты въ душѣ его замѣнило прежнюю любовь: нѣсколько часовъ придали лицу его выраженіе страданія, замѣченнаго Леоніею, когда онъ на другой день явился въ залѣ графини.

Леонія была одна.

— Боже мой! что съ вами? вскричала встревоженная дѣвушка. Но она скоро поняла, что это несчастіе было изъ числа тѣхъ, которыя должно стараться развлечь, не спрашивая объ нихъ. Эммануель отвѣчалъ:

— Говорите мнѣ о себѣ, о вашей матушкѣ, о вашихъ занятіяхъ съ нею, о вашихъ мысляхъ, вашихъ разговорахъ съ нею, о вашихъ мысляхъ, вашихъ прежнихъ планахъ. Правда ли, что удовольствіе никогда не увеселяло вашей юности, что никогда слова любви не касались вашего сердца?

Леонія печально улыбнулась.

— Кто могъ любить меня, кромѣ моей матери? сказала дѣвушка краснѣя, потому-что въ первый разъ еще молодой и прекрасный мужчина говорилъ ей это, какъ будто пробуждая въ ней чувство, котораго она могла быть предметомъ.

Digitized by Google

И Эммануель думалъ: «Она бы не отвергла человѣка, который бы полюбилъ ее! Какъ ея нѣжное сердце умѣетъ чувствовать, понимать! Бѣдное дитя!»

Однако госпожа де-Мирандъ, нѣсколько дней спустя, замѣтила, что Дальвиньи сталъ рѣже пріѣзжать къ ней, и по-видимому избѣгалъ встрѣчи. Она нашла предлогъ послать за нимъ, потому-что въ отсутствіе его скука и печаль господствовали въ ея домѣ. Но если кто у нея бывалъ, Алина умѣла сблизить Эммануеля съ Леоніею, прикрывая ихъ въ глазахъ свѣта своимъ покровительствомъ и всѣми силами стараясь удалить мысль, что она интересовалась прежнимъ секретаремъ своего дѣда. Она знала, что свѣтъ строже осудилъ бы за несоблюденіе приличія, нежели за упущеніе обязанности.

Однажды утромъ, посѣщая выставку картинъ, Алина по прежнему умѣла сблизить Эммануеля съ Леоніей; сама же имѣя своимъ кавалеромъ одного изъ тѣхъ, которые, по званію своему, имѣли на то полное право, съ удовольствіемъ могла слышать умныя замѣчанія Дальвиньи, шедшаго рука объ руку съ Леоніей, которая, давъ волю своему игривому воображенію, была очаровательна. Но между тѣмъ Эммануель, когда толпа отдѣляла его отъ графини, всё еще находилъ какое-то удовольствіе въ распрашиваніи Леоніи: онъ дѣлалъ свои замѣчанія и съ любопытствомъ выслушивалъ впечатлѣнія, произведенныя въ ней нѣкоторыми картинами; и за каждымъ мнѣніемъ онъ искалъ въ глазахъ ея одобренія. Леонія мѣшалась и краснѣла.

Софья де-Лоренсей присоединилась къ нимъ. Идучи вмѣстѣ, она находила случай хвалить таланты, умъ и красоту Леоніи съ такимъ неподдѣльнымъ прямодушіемъ, что Эммануель не могъ сомнѣваться въ истинѣ ея словъ. Наконецъ при выходѣ, графиня сказала, что ей нужно сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, почему и поручила Софьѣ отвезть Леонію домой.

Digitized by Google

Сидя въ-двоемъ въ каретѣ, участіе доброй Софьи къ бѣдной дѣвушкѣ выразилось еще живѣе.

— И я думала женить его! сказала она вдругъ. И какъ удивленная Леонія не могла понять, что̀ хотѣла она тѣмъ сказать, то Софья прибавила: Алина вамъ ничего не говорила? Мнѣ пришло на мысль..... это такой прекрасный молодой человѣкъ!..... Тогда я еще ничего не подозрѣвала.

Леонія всё еще ничего не понимала, а между-тѣмъ уже смѣшалась. Софья продолжала:

— Хотя бы онъ могъ составить хорошую партію, то есть, въ отношеніи къ состоянію, но ваша кротость, ваши таланты, ваше хорошее воспитаніе тоже составляютъ что̀-нибудь, и Дальвиньи будетъ счастливъ, я увѣрена.

Если бы можно было сквозь шляпку видѣть лицо, госпожа де-Лоренсей, при этихъ словахъ, удивилась бы неизъяснимому выраженію въ физіономіи Леоніи. Чувства, волновавшія душу ея, съ необыкновенною быстротою измѣняли цвѣтъ въ лицѣ ея: то были удивленіе, радость, боязнь: хорошо ли она разслышала, и ужасная тоска до-тѣхъ-поръ, пока Софья не объяснила ей, какъ она отказалась отъ своихъ плановъ на счетъ женитьбы Эммануеля, узнавъ его влеченіе къ ней, и наконецъ даже желаніе графини устроить этотъ союзъ.

Она могла говорить сколько ей угодно; счастливая Леонія не прервала бы ея: радость и признательность наполняли ея душу. Когда нужно было вставать у подъѣзда, она дрожала. Не могши болѣе владѣть собою и не произнося ни одного слова, она схватила руку Софьи, сжала ее и поцѣловала. Ея глаза одни благодарили ее; но не смотря на молчаніе, физіономія ея краснорѣчиво говорила Софьѣ: «Я обязана вамъ величайшимъ счастіемъ въ свѣтѣ.»

Кто могъ бы разсказать, что̀ происходило тогда въ сердцѣ дѣвушки. Нужно было выстрадать, перечув-

Digitized by Google

ствовать столько, какъ она, чтобы вполнѣ понять, что дѣлалось съ нею въ продолженіе вечера и цѣлой ночи. По счастію, она была одна: графиня обѣдала въ городѣ. Какъ Леонія радовалась этому! Она должна была собраться съ духомъ, чтобы перенесть тѣ восхитительныя надежды, которыя такъ нечаянно пробудились теперь въ ней. Какъ благословляла она свою благодѣтельницу! Какъ обожала она Эммануеля! Съ какимъ нетерпѣніемъ желала она видѣть мать свою! Ни одна эгоистическая мысль не промелькнула въ этой хорошенькой головкѣ; она вся была любовь и признательность.

На другой день, поѣздка въ Медонъ, такъ долго откладываемая, наконецъ состоялась. Леонія осталась; но, все еще боясь перемѣны плановъ графини, и болѣе чѣмъ когда либо стараясь показать ей свою привязанность, она не хотѣла отлучаться изъ замка. Только она просила мать свою навѣстить ее; она чувствовала, что совершенное дополненіе ея желаній — была радость ея родительницы.

Госпожа Дольсей еще не приходила, какъ въ залъ вошелъ Эммануель. Леонія оставалась съ головою наклоненною къ цвѣтку, который она рисовала; все лицо ея покрылось живѣйшею краскою. Карандашъ выпалъ изъ руки ея; и пріятное выраженіе глазъ, когда она осмѣлилась наконецъ поднять ихъ на Эммануеля, имѣло въ себѣ столько жизни, что она невольно породила въ душѣ двадцати-пяти-лѣтняго мужчины какое-то смятеніе.

— Я ожидаю маменьку, сказала наконецъ Леонія, чтобы скрыть движеніе, заставлявшее ее трепетать: я ее ожидаю, а графиня уѣхала.

Эммануель отвѣчалъ, что онъ очень радъ будетъ увидѣть наконецъ госпожу Дольсей, о которой нѣжность ея дочери произвела въ немъ высокое понятіе; и этотъ всегда обильный для Леоніи предметъ разговора далъ ей возможность оправиться и возвратиться къ

Digitized by Google

прежней своей веселости. Но какъ билось сердце ея, не пропуская и малѣйшихъ словъ Эммануеля! А Эммануель? Онъ самъ начиналъ уже думать, что въ этой нѣжной душѣ заключалось все его счастіе.

Вошла госпожа Дольсей: материнскій взглядъ ея все понялъ въ одну минуту; она ужаснулась. Леонія была весела; ея не безпокоило смятеніе матери. Дальвиньи съ почтеніемъ поклонился ей, говорилъ о желаніи своемъ познакомиться съ ней, былъ такъ вѣжливъ и откровененъ въ сужденіяхъ своихъ, что бѣдная мать увѣрилась въ его расположеніи къ нимъ, и когда онъ ушелъ, то она, сжавъ дочь въ объятіяхъ своихъ, могла только произнесть:

— Леонія, объясни же мнѣ все это!

IV.

Алина стала задумчива; часто погружалась она въ глубокія размышленія: ей надоѣло принужденіе, связывавшее ее въ обществѣ, и она полюбила уединеніе. Какъ пріятны казались ей вечера, проводимые въ-троемъ съ Эммануелемъ и Леоніею. Алина сама себѣ говорила: «Все находится въ моей власти: блистательные праздники, гулянья, рауты, и ничто меня не занимаетъ!» Далѣе вопреки желанію сама мысль ея договорила: А между тѣмъ сердце мое, равнодушное ко всему этому, бьется иногда живѣе! Душа моя, скучающая шумными удовольствіями, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ простые разсказы! Всѣ эти прекрасные молодые люди, жрецы моды, удивляются моей нечувствительности; ахъ! если бы они знали!..... И лицо Алины было ужасно, какъ-будто она стояла на краю бездны, куда готова

Digitized by Google

была упасть. Потомъ она нѣсколько успокоилась, сказавъ: «Нѣтъ! я буду жить уединеннѣе; и тихая дружба, какою окружитъ онъ меня, будетъ составлять все мое блаженство; но..... свѣтъ мой воздухъ. И что же нужно мнѣ? Чтобы онъ былъ здѣсь! а мысли его не мнѣ ли принадлежатъ? Тутъ вся жизнь его: внѣ замка моего, для него пустота. И вотъ, дни мои протекутъ въ тишинѣ и спокойствіи.»

Умъ человѣческій судитъ, разсуждаетъ, выводитъ результаты, какихъ ничто, казалось бы, не должно было измѣнить; но онъ забываетъ то, что правятъ всѣмъ, все разрушаютъ, пепелятъ..... страсти! Болѣзнь души, по ватерпасу своему уравнивающая всѣхъ людей; во дворцѣ и въ бѣдной хижинѣ страсти имѣютъ свою власть и ничто не устоитъ противъ нихъ.

И Алина очень натурально отыскивала въ умѣ своемъ тысячи случаевъ, гдѣ дружба составляетъ все наше блаженство. Эммануель оставался вѣренъ своему намѣренію, какое разумъ и гордость диктовали ему: онъ бывалъ у нея, но оставался спокоенъ. Не видя никакой надежды въ любви своей къ Алинѣ; чувствуя, что если бы продолжалъ преслѣдовать ее, то равнодушіе графини могло перейти въ презрѣніе, онъ принялъ твердое намѣреніе скрыть отъ нея навсегда свою любовь и стараться уничтожить ее. И чего могъ ожидать онъ? Неужели не доставало ему столько силы духа, чтобы владѣть своими чувствами, которыя время конечно могло бы изгладить?

Онъ хотѣлъ удалиться, и оставался. Часто, послѣ вечера, проведеннаго въ замкѣ, онъ, возвращаясь домой, говорилъ себѣ: «Какъ мила, добра и прекрасна эта бѣдная Леонія! Ея участіе ко всѣмъ страждущимъ; ея прошедшее, полное бѣдствій; сколько правъ имѣетъ она на будущее счастіе! По мѣрѣ того, какъ мое сердце остываетъ къ ненавистной графинѣ, я чувствую, что оно сближается съ Леоніею. Да, здѣсь положу мое

Digitized by Google

счастіе! Къ чему богатство? Я оставлю свѣтъ: а то что̀ имѣю, достаточно для необходимаго; для Леонiи покажется это роскошью, она будетъ любить меня!.... Быть любимымъ..... тогда какъ равнодушна ко мнѣ та, которую обожаю я всѣми силами души моей!»

Тутъ Эммануель остановился. Иногда онъ замѣчалъ не одно только равнодушiе въ выраженiи глазъ Алины; онъ вспоминалъ слова, произносимыя графинею нечаянно, у которыхъ она тотчасъ же отнимала настоящее значенiе, обращая ихъ въ шутку: онъ видѣлъ еще глаза ея, вперенные въ него, когда она думала, что онъ того не замѣчаетъ; вспоминалъ ея краску и смятенiе, когда онъ входилъ..... И Эммануель, въ теченiи двухъ лѣтъ занятый одною и тою же мыслiю, чувствовалъ, что его сердце билось сильнѣе; его планы и думы облеклись какою-то неопредѣлительностiю и безотчетностiю: ему нужно было призвать на помощь всю свою гордость противъ этой женщины, которая стыдилась любить его, и много труда стоило ему казаться спокойнымъ при ней.

Молодая графиня замѣтила это спокойствiе и не обманулась въ причинѣ его: гордость Эммануеля нравилась ей. И какая женщина не любила бы видѣть добродѣтели въ обожаемомъ мужчинѣ? Но какая женщина не вѣрила бъ въ то, что все должно преклоняться, падать ницъ передъ ея любовiю? Алина сначала удивлялась, потомъ эта постоянная гордость Эммануеля начинала ее безпокоить: напрасно старалась она обходиться съ нимъ какъ можно вѣжливѣе; бросала, по временамъ, нѣжные взгляды; эти недоконченныя фразы, полуслова, полувздохи, на него теперь не дѣйствовали: тщетно глаза ея искали страстнаго выраженiя во взорахъ Эммануеля, къ какому она въ теченiе двухъ лѣтъ уже почти привыкла. Онъ былъ спокоенъ.

Алина углублена была въ эту мысль, какъ вошла къ ней Софья де-Лоренсей. Съ нѣкотораго времени эта мы

Digitized by Google

лая Софья была рѣшительно несносна для графини де-Мирандъ; и какъ послѣдняя не могла дать себѣ настоящаго отчета въ этой скорой перемѣнѣ, то ихъ отношенія и разговоры по прежнему были въ тонѣ дружескомъ. Софья ощущала необходимость въ движеніи, разсѣяніи и разныхъ удовольствіяхъ, столь свойственныхъ людямъ, не привыкшимъ мыслить. Она хотѣла увлечь подругу свою съ собою на гулянье. Алина отказалась; но когда Софья сказала, что Дальвиньи тоже былъ приглашенъ, и что онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею; что она, увидя въ окно зала, что Леонія ходила одна въ саду, послала его къ ней, тогда Алина приняла предложеніе.

Это было въ началѣ весны. Свѣжа была возраждающаяся зелень; солнце горѣло въ выси небесъ; все предвѣщало одинъ изъ тѣхъ дней, въ которые природа, такъ сказать, обновляется, и самыя чувства становятся живѣе и разнообразнѣе.

— Ты уже, кажется, забыла наше предположеніе, милая Алина? сказала Софья. Я въ продолженіе двухъ дней не переставала смотрѣть на барометръ, и сегодня день самый удобный. Господскій домъ и паркъ въ долинѣ очаровательны; владѣлецъ, разорившійся политическими преніями, продаетъ эту мызу. Госпожа Р..... ѣдетъ съ нами; сегодня она намѣрена осмотрѣть это мѣстоположеніе. Оттуда мы поѣдемъ обѣдать къ Евгеніи. Она давно уже считаетъ за нами визитъ; но мы возвратимся пораньше, чтобы не опоздать въ Италіанскую Оперу.

«Софья ничего не забыла; она прибавила: — Твоей коляски и лондо госпожи Р..... будетъ для насъ достаточно, мы заѣдемъ къ ней. Ея экипажъ уже готовъ.

Софья подошла къ окну.

— Иди, пожалуйста, посмотри, сказала она графинѣ, съ таинственною улыбкою: на этихъ двухъ бѣдняжекъ!..... Не правда ли, это очень занимательно!

Алина встала. Въ углубленіи сада, примыкавшаго къ

Digitized by Google

Елисейскимъ Полямъ, тихо шла Леонія, опершись на руку Дальвиньи, съ тѣмъ очаровательнымъ самоотверженіемъ, полнымъ робости и восторга, какому предается женщина въ присутствіи любимаго мужчины.

— Я думаю, она очень счастлива, замѣтила госпожа де-Лоренсей.

— Счастлива!..... Кто? отчего? воскликнула графиня.

Она давно уже забыла о прежнемъ ихъ предположеніи соединить Эммануеля съ Леоніей.

— Такой выгодный бракъ для нея! И такой прекрасный мужъ! Да взгляни же, Алина, какая граціозность! Онъ чудно сложенъ! Въ самомъ дѣлѣ онъ прелестный мужчина! М..... котораго красотою восхищаются въ нашихъ будуарахъ, право ничѣмъ не лучше его; мнѣ кажется даже, что большіе черные глаза Эммануеля имѣютъ болѣе выразительности, нежели у него. Но Леонія тоже не дурна!..... Нельзя представить себѣ, какъ она похорошѣла, съ-тѣхъ-поръ, какъ живетъ у тебя. Посмотри какая очаровательная прелесть въ ея движеніяхъ! Ея бѣлыя руки, ея маленькія ножки чудны! Теперь, какъ узнала я ее покороче, не удивляюсь, что этотъ молодой человѣкъ могъ привязаться къ ней.

Алина стояла неподвижно. Ревность, какъ острый ножъ, скользнула по ея сердцу, и обдала его предсмертнымъ холодомъ. «Онъ, влюбленъ! думала она;но нѣтъ, это невозможно!..... измѣнить такъ скоро!..... о нѣтъ!.....» Страхъ, надежда, презрѣніе и любовь разомъ нахлынули въ ея душу.

«Невозможно», была первая мысль ея. «Увидимъ!» была вторая. Отъ этого простаго сомнѣнія, на лицѣ ея изобразилось столько презрѣнія и гнѣва, что Эммануель и Леонія, вошедши, удивились. Но гордость придала ему неожиданную силу; вопреки мукамъ душевнымъ, лицо его было спокойно, онъ даже улыбался, и первый напомнилъ, что уже пора ѣхать.

Digitized by Google

Герцогъ С..... былъ у госпожи Р..... Алина страшилась его наблюденій; и каково было видѣть ей, что Эммануель и Леонія сидѣли вмѣстѣ въ другомъ экипажѣ! Во время прогулки, дѣвушка держала руку Дальвиньи, который живописно склонялъ свою голову, слушая ее. Графиня все видѣла. Мгновенно освѣщенная ревностью, она теперь только замѣтила, что Леонія одушевленное существо, что она женщина, молодая, красивая. Богатство Алины до-сихъ-поръ не давало ей видѣть этого. Въ теченіе осьми мѣсяцовъ она имѣла при себѣ другую красивѣйшую женщину, любезнѣйшую нежели она сама, и нельзя было въ томъ сомнѣваться! Внезапный свѣтъ блеснулъ въ глазахъ графини; она поняла теперь скрытность Эммануеля и радость Леоніи. «Это моя ошибка! говорила она сама себѣ: онъ меня любилъ, а я всегда заставляла его быть съ нею!» Потомъ, приведя себѣ на память его двухлѣтнюю привязанность, и презрѣніе, которымъ она ему за это платила: я глупа, подумала она наконецъ. И зачѣмъ такъ безпокоиться! Онъ меня любитъ еще, и въ отмщеніе или для разсѣянія началъ ухаживать за нею.

Алина, всеобщій кумиръ, привыкшій всѣмъ повелѣвать, не могла допустить себѣ мысли унизительнаго для нея соперничества. Но къ чему послужила бы ей любовь Эммануеля? И что бы съ ней было безъ него? Тысячи мыслей странныхъ, пріятныхъ и безразсудныхъ занимали ее въ продолженіе цѣлаго дня; чтобы скрыть свое молчаніе, блѣдность и волненіе, она говорила, что у нея была сильная мигрень; и этотъ день, посвященный для удовольствія, былъ самый длинный и самый ужасный, какой только имѣла она во всей своей жизни.

Скромная, довѣрчивая, занятая мыслію, поданною ей госпожею де-Лоренсей, Леонія, въ самыхъ легкихъ знакахъ участія Эммануеля видѣла его нѣжность; всѣ зародыши чувства, такъ долго подавленные не-

Digitized by Google

счастіемъ, воскресли теперь въ душѣ ея и переполнили ее сильною, глубокою страстію. Эти поля, эти лѣса, эта обновляющаяся природа, эти свѣтскія удовольствія: театры, балы, все это слилось у нея въ одно стройное, гармоническое чувство — любовь къ Эммануелю. Ей сказали, что онъ платитъ ей взаимностью, что графиня одобряетъ это, наконецъ, что мать ея о томъ знаетъ, и Леонія теперь жила только одною любовію.

Съ гулянья всѣ заѣхали къ графинѣ. Но видя, что она была нездорова, ее скоро оставили: пріѣхавъ домой, она была такъ блѣдна, такъ жалка, что Эммануель, удалившись вмѣстѣ съ прочими, долго не могъ быть спокоенъ, и чрезъ нѣсколько часовъ онъ опять полетѣлъ туда, гдѣ заключалась вся жизнь его.

Алина съ досадою отвергла заботы Леоніи, велѣла ей идти въ свою комнату. Предавшись своимъ размышленіямъ, графиня теперь только въ первый разъ почувствовала сильную и глубокую горесть; слезы рѣкой лились изъ глазъ ея, и она все еще не могла дать себѣ отчета, чего ей хотѣлось. Въ такомъ положеніи засталъ ее слуга, доложившій о Дальвиньи. Она перестала плакать, и улыбка торжества замѣнила слезы ея; она думала: «Я знала, что это невозможно!»

Въ теченіе двухъ лѣтъ любя Алину, Эммануель такъ изучилъ ея характеръ, ея малѣйшіе капризы, что войдя онъ тотчасъ все угадалъ. Взглядъ, брошенный на Алину, показалъ ему ея волненіе, гнѣвъ и радость. Быть покорнымъ невольникомъ женщины, которая играла его счастіемъ, стыдилась его любви, и которая всѣ свои чувства приносила въ жертву суетному тщеславію, ему казалось недостойнымъ человѣка, считавшаго себя по сердцу и уму выше всѣхъ тѣхъ людей, которымъ Алина такъ часто отдавала передъ нимъ преимущество. Съ утонченною, свѣтскою вѣжливостью Эммануель освѣдомился о здоровьи Алины; онъ извинился, что обезпо-

Digitized by Google

конлъ ее и хотѣлъ-было удалиться, но Алина просила его остаться.

Говорили о театрахъ, балахъ, новѣйшихъ произведеніяхъ литературы, и все это не могло поддержать разговора между ними: нѣсколько незначительныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ было произнесено съ одной и съ другой стороны; по-видимому, каждый изъ нихъ былъ занятъ какою-то особенною мыслію, которую они старались скрывать другъ отъ друга. Тщетно Алина употребляла всѣ усилія, чтобы обратить разговоръ на предметъ, болѣе всего занимавшій ее. Въ первый разъ еще Эммануель отвѣчалъ ей такъ холодно, съ такимъ убійственнымъ для нея спокойствіемъ.

За удивленіемъ послѣдовалъ гнѣвъ; потомъ, она не могла долѣе скрывать досады, жгучія слезы брызнули изъ глазъ Алины. До-сихъ-поръ ничто еще не противилось ея желанію; а теперь, эта обожаемая всѣми женщина, видѣла передъ собою равнодушнымъ и спокойнымъ того, кто потрясъ всю ея душу! Была воля, которая, по первому призыву, не хотѣла уступить ея желаніямъ; твердость, не повергавшаяся къ ея стопамъ; превосходство, не хотѣвшее передъ ней унизиться! Эммануель не былъ болѣе тотъ простакъ, которымъ прежде она играла; онъ сдѣлался болѣе нежели равнымъ ей: онъ сталъ ея повелитель!

— Ахъ! сказала Алина, не будучи въ состояніи долѣе удерживать своей мысли: кто можетъ вѣрить въ любовь? Кто осмѣлится принять обманчивыя клятвы, когда видишь въ столь короткое время нарушеннымъ постоянство чувствъ, которое, казалось бы, должно было продолжаться вѣчно? Какъ была бы легковѣрна та, которая повѣрила бы имъ! И какъ несчастна была бы та, которая бы заплатила взаимностію!

— Но, возразилъ Эммануель спокойно: согласитесь, что часто женщины въ самой чистѣйшей любви, въ самой искреннѣйшей привязанности видятъ только легкое

Digitized by Google

удовлетвореніе ихъ самолюбію. Онѣ все для насъ, а мы для нихъ игрушки, забавляющія отъ скуки, неумѣющія занять души ихъ, и которыя онѣ бросаютъ при первомъ удобномъ случаѣ, не думая ни о мукахъ, ни о жертвахъ нашихъ. Тотъ былъ бы слишкомъ легковѣренъ, кто бы довѣрился имъ! И еще несчастнѣе тотъ, кто продолжалъ бы любить!

— Не говорите этого, отвѣчала Алина: если наша гордость иногда не позволяетъ намъ обнаруживать чувствъ, за то сердце наше беретъ наконецъ верхъ, и любовь.....

— Любовь!.... сказалъ въ свою очередь Эммануель. Ахъ! если это правда, что сердце женщины можетъ предаться совершенно, то могли ли бы другія мысли, другіе планы занимать ее? Если и существуетъ такая любовь, то она находится только въ той душѣ, гдѣ нѣтъ тщеславія, которая не ищетъ удовольствій развлеченія, и которая, гордясь тѣмъ, кого она любитъ, считаетъ самое величайшее благо на свѣтѣ въ его нѣжности, въ его славѣ.

— Это-то и есть настоящая любовь, вскричала графиня.

— Нѣтъ! живо возразилъ Эммануель. Я видалъ женщину, страстно любимую, знавшую, что ей готовы всѣмъ пожертвовать, и она смѣялась надъ любовію.... которую она раздѣляла.

Алина вздохнула. Эти слова показали ей, что Эммануель зналъ, что былъ любимъ, и онъ высказывалъ это безъ малѣйшей надежды на счастіе.

— Да, продолжалъ онъ: она умѣла даже мучить обожавшаго ее мужчину, она давала ему понять, что она стыдится этой любви.

— Нѣтъ, нѣтъ! живо возразила Алина.

Эммануель показалъ видъ будто не слышалъ того, что она сказала, и продолжалъ:

— Тогда, изъ уваженія къ ней и къ собственному

Digitized by Google

достоинству, онъ не хотѣлъ унизиться до презрѣнія, и, похороня навѣки въ душѣ своей муки и любовь, онъ обрекъ себя на всегдашнее молчаніе.

— Скажите лучше, что, измѣня первому впечатлѣнію, онъ влюбился въ другую.....

— Никогда!

— Что увлеченный чувствами, которыя онъ считалъ за истинныя.....

— Онъ искалъ только дружбы.....

— Правда ли это? Повторите, Эммануель, повторите, что любовь ваша принадлежитъ еще ей.

Алина была сильно разтрогана. Вся душа ея перешла въ черные, полные слезъ глаза. Она схватила руку Эммануеля, и въ отвѣтѣ его, казалось, ожидала приговора своей судьбы. Онъ смѣшался!.... и, вѣрный своему первому обѣту, равнодушно и почти хòлодно произнесъ:

— Да, я все еще люблю ее одну.

Свѣтъ и другія мысли не существовали болѣе для Алины, она была теперь только молодая, любящая женщина. Она вся была любовь. Эммануель былъ человѣкъ, избранный ея сердцемъ, предпочтенный всѣмъ: все счастіе ея соединялось въ немъ. Алина посмотрѣла на него!.... И этотъ взглядъ..... онъ понялъ его наконецъ. Полная любви и радости, молодая графиня обвила свои руки около шеи обожаемаго мужчины, и склоня прелестную голову свою къ его уху, она волшебно шептала ему: «Эммануель, я люблю тебя! Моя любовь, моя рука тебѣ принадлежатъ!»

На другой день, графиня встала ранѣе обыкновеннаго. Въ одиннадцать часовъ поутру велѣла подавать карету, и, проходя черезъ залу, увидѣла Леонію, шедшую къ ней. Мысль о молодой дѣвицѣ со вчерашняго дня еще не представлялась ей.

— Леонія, сказала графиня, я ѣду: мнѣ надо сегодня сдѣлать кучу покупокъ, визитовъ. На будущей не-

Digitized by Google

дѣлѣ я отправляюсь въ деревню. Вы можете возвратиться къ вашей матушкѣ, теперь мнѣ не нужна болѣе компаніонка. Я выхожу за-мужъ за Дальвиньи; маркиза тоже ѣдетъ со мной. Если хотите, я вамъ дамъ рекомендательныя письма, чтобы вы могли помѣститься у кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ.

Произнеся слова эти дружескимъ тономъ, показывавшимъ, что она до конца сохранила свое расположеніе и покровительство къ Леоніи, графиня вышла, не взглянувъ на нее, не допустивъ себѣ даже мысли, что душа ея могла тоже имѣть желанія, чувства и страсти; не думая, что дѣвушка, исторгнутая изъ нищеты, близъ нея научилась имѣть удовольствія, радости, нужды, невѣдомыя ей до-сихъ-поръ; что теперь она понимала могущество богатства и порывы любви, и что послѣ пребыванія своего между знатью она принесетъ въ прежнее свое убѣжище опять нищету и новое отчаяніе.

Часъ спустя послѣ того, какъ графиня уѣхала, госпожа Дольсей, спокойно занимаясь въ прежней своей квартирѣ, услышала ускоренные и неровные шаги; дверь отворилась; и Леонія, блѣдная, съ блуждающими глазами, съ заплаканнымъ лицомъ, едва вошла, и безъ чувствъ упала къ ногамъ матери. Когда попеченіями госпожи Дольсей, пришла она въ себя, то въ ней открылась сильнѣйшая нервная горячка. Тихо плакала мать надъ постелью, гдѣ лежала несчастная дочь ея. Она все уже угадала, прежде нежели Леонія успѣла сказать: «Онъ любилъ ее, и она выходитъ за него!»

Пер. Анд. Бѣльченковъ.

Digitized by Google

Отдѣленіе V.

Науки и Художества.

=

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА ПО РИМУ.

—

I.

Я пріѣхалъ въ древнюю столицу міра, когда уже смерклось, и не выходилъ въ тотъ вечеръ.

Послѣ сладкаго сна, какого не ожидалъ я въ первую ночь въ Римѣ, я проснулся со свѣжими чувствами, въ тихомъ и ясномъ расположеніи духа, и вышелъ. Куда пойду сначала? У меня здѣсь нѣтъ ни друга, ни указателя! Тѣмъ лучше: я буду *одинъ* въ умственной безпредѣльности Рима, свободно бесѣдовать съ геніемъ его, на восторженномъ нарѣчіи духовъ! Я не затеряюсь въ идеальной отчизнѣ моей любви: здѣсь много предметовъ мнѣ давно знакомыхъ, но еще не видѣнныхъ мною въ дѣйствительности. Я здѣсь ищу только *древ-*

Digitized by Google

нлю Рима; средневѣковнаго и новѣйшаго мнѣ покуда не надобно! на нихъ едва ли достанетъ меня и моего времени.

Въ десяти шагахъ отъ меня Испанская Площадь; проспектъ улицы Кондотти, съ этой стороны, загражденъ древнимъ *холмомъ садовъ* — нынѣ Пинчіо; фонтанъ, въ видѣ кораблика, струитъ знаменитую *дѣвственную воду*, — aquam virginem; а за нимъ великолѣпная двойная съ площадками лѣстница ведетъ къ монастырю: Троица Горъ — Trinita de'monti. По этой лѣстницѣ взошелъ я на гору и повелъ медленный, протяжный взглядъ по всему Риму.... обширный полукругъ отъ Капитолія, мимо купола Петра, до возвышеннаго Monte Mario, прелестно увѣнчаннаго кипарисовою рощицею, которая имѣетъ что-то весьма милое и веселое. На серединѣ этой полукружности, позади Яникула, тянется по свѣтлому горизонту ровный легіонъ *пиній* (италіянскихъ сосенъ), въ видѣ распахнутыхъ зонтиковъ, что, такъ сказать, осѣняетъ свѣтское великолѣпіе нынѣшняго Рима таинственною важностью древнихъ временъ. Эти пиніи и легкіе, стройные кипарисы придаютъ здѣшней мѣстности какое-то особенное, для насъ Сѣверянъ чрезвычайно привлекательное выраженіе: міръ классицизма является въ видѣ древней, — намъ чуждой, — романтики!... Еще разъ взглянувъ на кипарисовый букетъ Monte Mario, я поспѣшно сошелъ съ Пинчіо по тому направленію, гдѣ увидѣлъ Колонну Антонина: тамъ почта для писемъ. Какъ бы ни былъ занятъ умъ новостью столь великаго предмета, каковъ Римъ, требованіе сердца всё-таки имѣетъ первенство! Изъ лабиринта улицъ и переулковъ, безъ ошибки и безъ разспроса, вышелъ я прямо на площадь колонны, получилъ и въ тѣни ея пробѣжалъ свои письма, содержаніе которыхъ было пріятное, и пустился странствовать въ ту сторону, гдѣ по соображенію, долженъ быть древній Римъ, ибо новѣйшій занимаетъ все про—

Digitized by Google

странство Марсоваго Поля. Топографія семихолмнаго града мнѣ была хорошо извѣстна, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ. Я своротилъ съ Corso, съ Невскаго Проспекта нынѣшняго Рима, въ-лѣво, углубился въ меандрическіе закоулки и, въ ту минуту, когда началъ думать: не пронесся ли я къ Эсквилину? обогнулъ уголъ и очутился у самаго Капитолія, у новѣйшаго параднаго всхода его, съ широкою по одной сторонѣ лѣстницею къ церкви Ара-Чели, а по другой съ подъѣздомъ на верхъ.

Съ невыразимою горячностью я всегда любилъ Римъ, а всего дороже для меня въ Римѣ былъ *Капитолій*, и вотъ! я теперь стою у подгорья того славнаго утеса, съ котораго геній Квиритовъ завоевалъ міръ и крѣпкою рукою правилъ бурною колесницею земнаго шара! Новѣйшее превращеніе этого холма, давно мнѣ извѣстное по картинамъ и гравюрамъ, не могло оскорбить моего восторга; изъ классической почвы, на которой я стоялъ, лилось въ меня, какъ нѣкогда въ члены Антея, чудесное чувство силы; могущественно, какъ пареніе римскаго орла, вѣяло надо мною вдохновеніе! Я пріостановился на минуту, глядя на статуи и трофеи, разставленные по балюстрадѣ. Маркъ-Аврелій, со славнаго коня своего, манилъ меня на верхъ; я не чувствовалъ своихъ шаговъ..... Казалось, меня несли духи! Я оглянулся на высотѣ — я стоялъ въ древнемъ междугоріи (Intermontium), въ священной оградѣ, гдѣ нѣкогда были роща и храмъ азилейскіе и гдѣ посреди колоссальныхъ статуй боговъ и героевъ, посреди роскоши римскаго величія, видѣлся пастушескій шалашъ Ромула!..... Здѣсь, въ-лѣво, гдѣ нынѣ Ара-Чели, былъ дивный, весь изъ мрамора и золота, храмъ Юпитера Капитолійскаго, а тамъ, въ-право, возвышалась почтенная римская *arx* (цитадель). Въ этой оградѣ еще остался *одинъ* Римлянинъ..... Отъ царственнаго изображенія Марка-Аврелія еще понынѣ дышетъ здѣсь воздухомъ капи-

*

толійскимъ!..... Я поспѣшилъ на другую сторону холма и увидѣлъ древній Римъ въ завѣтныхъ его развалинахъ. Я ихъ всѣ узнаю съ перваго взгляда: вотъ колоннада храма фортуны! вотъ три, угломъ оставшіеся столба Юпитера-Громовержца! вотъ тріумфальная арка Септимія Севера! вотъ древній капитолійскій clivus (главный подъѣздъ)! а тамъ далѣе къ Палатину, вотъ Колонна императора Фоки! Вотъ три въ одинъ рядъ, съ архитравомъ своимъ, столба такъ называемаго Юпитера-Остановителя — Stator! Это *римскій форумъ*, блистательный центръ великаго римскаго міра! ось, вокругъ которой вращалось владычество надъ вселенною, всемірный судъ, гдѣ рѣшались судьбы народовъ!... Тысячелѣтія насыпали на форумъ свой мусоръ до тридцати футовъ вышины; но памятники древности возвышались изъ могилъ прошедшаго, и новѣйшія поколѣнія принялись вырывать прежнюю поверхность почвы, и каменною стѣною кругомъ обложили великій раскопанный гробъ. Я сошелъ въ это углубленіе, наполненное разбитымъ мраморомъ, и преклонилъ колѣно на помостъ Кливуса.... По этимъ базальтовымъ полигонамъ все что ни было великаго въ Римѣ, шествовало къ Капитолію!.... Каждый волосокъ на головѣ моей встрепенулся; я утонулъ въ безднѣ героическихъ воспоминаній!..... Эти раздробленныя колонны и разрушенные своды, этотъ классическій мусоръ изъ мрамора и порфира — всѣ эти грандіозные, безчисленные остатки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о преставленіи нѣкоего безконечно-великолѣпнаго міра; его узнаемъ и въ послѣдней и самой ничтожной его развалинѣ..... Онъ остается нѣкоимъ міромъ въ своихъ останкахъ!.....

Отъ священной муміи древности я опять взошелъ на поверхность нынѣшней почвы; мнѣ бросились въ глаза огромныя развалины цесарскихъ дворцовъ, на палатинскомъ холмѣ, и массивныя къ нему подстройки,

Digitized by Google

обросшія плющемъ, лаврами и смоковницами. * По древесной аллеѣ, пролегающей паралелью съ вырытою *священною улицею* (Via sacra), мимо четырехъ древнихъ храмовъ, прошелъ я къ тріумфальной аркѣ Титовой, и хотѣлъ-было разсмотрѣть ее; но вдругъ передо мною явился исполинскій *Колизей* и мигомъ будто поглотилъ меня въ свою внутренность. Я обомлѣлъ въ этой дивной, овальной оградѣ, въ этой свѣтлой безконечности гармоніи и величія! Напрасно будешь искать словъ, чтобъ выразить живость перваго, видомъ Колизея произведеннаго, впечатлѣнія! Можно только сказать, что въ эту минуту чувствуешь себя въ-ровень съ Колизеемъ, колоссально возвышеннымъ, гармонически вѣчнымъ, какъ и онъ. Съ вершины его, въ длину, видъ его еще поразительнѣе; чудная панорама окрестности исчезаетъ передъ высшимъ чудомъ архитектуры..... Невольно простираешь къ нему руки, чтобъ его *обнять!* Удивительная стройность этой эллиптической формы умѣряетъ, въ отношеніи къ мелкому человѣку, колоссальность зданія, и потому-то человѣкъ простираетъ къ нему объятія. Что долженъ былъ почувствовать создатель Колизея, впервые, съ этого пункта, смотрѣвъ на свое совершенное созданіе? Не страсть Пигмаліонову: оживить свое произведеніе; но желаніе самому превратиться въ камень и быть *камнемъ Колизея*, быть составомъ столь огромной гармоніи!.... Деревянный краснаго цвѣта крестъ, на каменномъ подножіи, поставленъ въ самомъ центрѣ арены; по окружной линіи ея сооружены четырнадцать небольшихъ часовень. Двѣ молодыя женщины взошли и приложились къ кресту. Я чувствовалъ значеніе креста на *такомъ* мѣстѣ, высокую благодать вѣ-

* Слѣдующая здѣсь страничка о Колизеѣ была выбрана авторомъ для вступленія къ описанію Колизея, напечатанному въ 2-мъ *№ Пантеона театровъ* за 1840 годъ. Теперь это мѣсто является въ *связи* съ *цѣлымъ*, и потому не могло быть исключено. *Соч.*

Digitized by Google

ры Іисуса Христа, воцарившей тихій, священный миръ христіанства на кровавомъ театрѣ суровыхъ языческихъ увеселеній. Но мысль о борьбѣ гладіаторовъ, о геніяльной суровости древняго міра, — мысль обо всемъ, что̀ ни случилось на этой сценѣ, — невольно нѣмѣетъ передъ чистымъ изяществомъ искусства, совершившаго здѣсь столь чудесное эллиптическое теченіе..... Въ Колизеѣ не чувствуешь другой власти на землѣ, кромѣ искусства! Во времена разрушительнаго варваризма не признавали этой власти: тотъ деревянный крестъ спасъ Колизей, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Слава кресту! онъ и здѣсь совершилъ свою спасительную миссію! Не оставляйте же его долѣе въ обаятельномъ кругу мірскаго величія, въ языческомъ амфитеатрѣ, — отнесите его на святое мѣсто!

Послѣ Колизея, въ душѣ моей уже не оставалось мѣста для Пантеона и другихъ замѣчательныхъ древностей; мнѣ надобно было выдыхать излишество силы, меня волновавшей. Лучше всего, подумалъ я, разгулять мечту о Колизеѣ на пустынномъ, вольномъ просторѣ древняго Рима. Отъ амфитеатра три улицы пролегаютъ къ юговостоку; я избралъ среднюю, прямѣйшую — и вышелъ на Площадь Латеранскую, къ собору и городскимъ воротамъ того же имени. Я на древнемъ холмѣ Целіи. Привѣтствую тебя, милая, живописная группа Альбанскихъ горъ! Флигельманъ этого строя есть прославленный Mons Albanus, на вершинѣ котораго праздновались латинскія феріи. Какъ свѣтла и миловидна загородная окрестность, съ своими водопроводами, протянувшими, по эту сторону, очаровательный фрунтъ по всей равнинѣ! Она здѣсь уже не *Пустыня римская*, по милому характеру страны, по стройному ряду этихъ аркъ водопроводныхъ. Въ тѣхъ горахъ былъ и древній Тускулумъ, съ виллою Цицероновою; тамъ философствовалъ свѣтлѣйшій консуларъ,

Digitized by Google

когда уже не могъ ораторствовать на форумѣ. Его все тянуло туда, къ ространъ! Не ему самому, только отсѣченной головѣ и правой рукѣ его суждено было держать, съ высоты трибуны, послѣднюю поразительнѣйшую филиппику противъ тріумвира Антонія!

Въ-право отъ Латеранскихъ Воротъ, еще понынѣ видна задѣланная Porta Asinaria, черезъ которую Тотила, подкупивъ стражу, вторгнулся въ Римъ. Отсюда направилъ я путь прямо къ востоку, вдоль городской стѣны, слишкомъ ничтожной для бывшей столицы міра. Эта часть древняго Рима опустѣла: повсюду только виноградники, огороды и развалины. Римъ отсѣлъ въ обширный бассейнъ Марсоваго Поля, оставивъ здѣсь пустынныя виллы и проломанный неронскій водопроводъ, идущій къ Porta Maggiore. Подлѣ Собора *Святаго Креста въ Іерусалимѣ*, въ самой стѣнѣ городской лежитъ такъ называемый Лагерный Амфитеатръ, некрасивая развалина, безъ занимательности и безъ исторіи! Въ этомъ юговосточномъ углу римской ограды были сады чудовищнаго Геліогабала, такъ близко отъ водопровода *Неронова*: два страшныхъ имени столкнулись и словно прячутся здѣсь, на побѣгѣ отъ суда потомства!

Поворотимъ теперь, вмѣстѣ съ городскою оградою, къ сѣверозападу; полюбуемся милою, плющемъ обросшею, ротундою Минервы Medica и пойдемъ далѣе. Вотъ, мы на Эсквилинѣ! Здѣсь та же пустынность, что̀ и въ пройденной нами части Целія. На этомъ холмѣ жили поэты; надъ скромными ихъ жилищами возвышался башнеподобный дворецъ Мецената, гдѣ онъ для любителей и жрецовъ искусства, держалъ *разгульный столъ*, mensam parasiticam, по выраженію Августа. Думалъ ли Августъ, что застольный шумъ триклиніума Меценатова будетъ лучшимъ въ потомствѣ отголоскомъ славнаго царствованія его? Покровитель искусствъ, бла-

Digitized by Google

городный сибаритъ, государственный гуляка, во всю жизнь принесъ своему цесарю болѣе пользъ государственныхъ, нежели кто-либо изъ *должностныхъ* его современниковъ, не исключая и трудолюбиваго Агриппы. Меценатъ создалъ себѣ роль, самую приличную для римскаго вельможи тѣхъ временъ. Не держась неумѣстной и вовсе безполезной оппозиціи Лабсона, онъ не былъ и льстивымъ рабомъ Августа: онъ былъ его наставительнымъ другомъ и вольнымъ гражданиномъ области искусства. Умно и весело провелъ онъ свой вѣкъ; изъ всѣхъ нажитыхъ имъ честей и сокровищъ, взялъ онъ съ собою въ могилу только своего застольнаго потѣшника и любимаго друга по уму и сердцу — Горація: они умерли почти въ одно время и похоронены рядомъ на *крайнихъ* эсквиліяхъ, какъ говоритъ Светоній. Здѣсь невольно глазами поищешь тумула (гробницы) Мецената и, не находя, вспомнишь и промолвишь его собственный стихъ, къ тому относящійся:

Nec tumulum curo — sepelit natura relictos!
Что о гробницѣ пещись — природа хоронитъ останки!

Безсмертный Каій Цильній! твой тумулъ въ сердцѣ каждаго, судьбою гонимаго художника! Опальные поэты всѣхъ странъ и всѣхъ временъ поклонялись и поклоняются твоей памяти. Ты единственный вельможа, который имѣлъ по смерти и до конца вѣковъ будешь имѣть великое число кліэнтовъ. Твой свѣтлый, вѣрный умъ видѣнъ и въ образѣ жизни, и въ выборѣ могильнаго товарища и въ посмертной славѣ!....

Путъ мой лежалъ мимо базилики Maria Maggiore; возвышающійся передъ нею, на площади, обелискъ есть одинъ изъ двухъ, которые стояли когда-то у входа въ мавзолей Августа, на Марсовомъ Полѣ, близъ Тибра. Августъ будто послалъ навѣдаться о Меценатѣ!.... Неравные саномъ, пріятели, не за долго до смерти сего послѣдняго, разошлись чувствами многолѣтней дружбы

Digitized by Google

въ *объятіяхъ* Теренціи, супруги Мецената, и опочили далече другъ отъ друга! Посланный остановился въ виду Эксвилій, будто удивленный тѣмъ, что любимецъ цесаря не имѣетъ гробницы. Я посмотрѣлъ на обелискъ; перемѣщеніе его доказываетъ, что въ вышеприведенномъ стихѣ Мецената было болѣе мудрости, нежели въ хлопотахъ цесаря о великолѣпнѣйшемъ тумулѣ!

Я вошелъ въ базилику. По византійской наружности ея, никакъ нельзя ожидать классической внутренности какого-нибудь Парѳенона. Возвышенная простота въ стилѣ главнаго корпуса, плоскій позолоченный потолокъ и, въ особенности, эти два, по сторонамъ, длинныхъ ряда бѣломраморныхъ прекраснѣйшихъ колоннъ, дѣйствительно древнихъ — даютъ полное понятіе о свѣтлой торжественности и чистой красотѣ древняго храма, въ которомъ живое чувство изящнаго было чистѣйшимъ, въ тѣ времена возможнымъ, богослуженіемъ. Религія и искусство разошлись, чтобы различнымъ другъ отъ друга путемъ совершить свое отдѣльное конечное развитіе, и, совершивъ, опять сойдутся подъ высшимъ взглядомъ на жизнь; тогда храмы, подобные Маріи Maggiore, будутъ прекраснымъ выраженіемъ слія-нія двухъ главнѣйшихъ, по природѣ родныхъ, но по условіямъ развитія далеко разрозненныхъ житейскихъ стихій! Теперь же Марія Maggiore — прекрасный анахронизмъ! Плѣненный веселымъ *такого* рода изяще-ствомъ будетъ разсѣянный богомолецъ; слѣпое же, отъ всего мірскаго отвращенное, смиреніе не увидитъ и не восчувствуетъ этого изящества.

Отъ Собора Святаго Креста, одна и таже прямая, вдвое длиннѣйшая, чѣмъ Corso, и зданіемъ Маріи Maggiore на двѣ ровныя половины раздѣленная, улица, которой главное названіе strada felice (счастливая улица), ведетъ черезъ Эсквилинъ, Виминалъ и Квириналъ, мимо Бар-

Digitized by Google

беринской Площади, къ Троицѣ Горъ, такъ что я, совершенно нечаянно, возвратился опять къ Саллюстіеву Обелиску, на тотъ самый пунктъ, откуда бросилъ я первый взглядъ по Риму и началъ свое странствіе: судьба заботилась о планѣ моего разгульнаго бѣга на удачу! Столь значительнымъ пространствомъ можно бы ограничить первую по Риму прогулку; но я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, ни усталости. Я, въ полномъ смыслѣ слова, былъ сытъ отъ умственныхъ наслажденій. У обелиска сидѣлъ нищій; смиренное спокойствіе его лица оправдывало древне-русское ему названіе: *человѣкъ Божій*; я съ нимъ мимоходомъ познакомился. Вдругъ, откуда ни возьмись, посыпало на меня нищими, такъ что я долго не зналъ, какъ отъ нихъ и отдѣлаться. «Въ Римѣ никогда не давай милостыни, если любишь гулять нѣшкомъ по городу» есть общій туземцевъ совѣтъ каждому пріѣзжему. Я никакъ не соглашусь съ этимъ совѣтомъ, хотя тутъ и испыталъ всю неотвязность здѣшнихъ бѣдняковъ. Нигдѣ этотъ классъ людей не составляетъ столь рѣзко значительной тѣни въ свѣтлой картинѣ міра и исторіи, сколько въ Римѣ. Что была бы древняя Roma, безъ своей пустынной Campagna, внѣ стѣнъ, — а внутри, безъ этихъ развалинъ и этихъ нищихъ. Римъ очень хорошо могъ бы обойтись безъ кардиналовъ, но никакъ не обойдется безъ *нищихъ!* Съ высоты идеи о Римѣ, я съ задумчивымъ умиленіемъ глядѣлъ на нихъ, какъ съ торжественной колесницы тріумфаторъ на раба, представляющаго крайнюю ему, счастливцу, противоположность судебъ человѣческихъ....

Вдоль крутаго ската Пинчіо, съ массивными подстройками, мимо бывшей виллы Медичи, прежней резиденціи Венеры Медицейской, — нынѣ Французская Академія, — прошелъ я къ гульбищу общественной виллы, поскитался по куртинамъ роскошныхъ миртовъ и, спу-

Digitized by Google

стившись съ высокой террасы на Piazza del Populo, сталъ въ самыхъ воротахъ того же имени, на томъ мѣстѣ, откуда пріѣзжающимъ съ сѣвера впервые открывается видъ въ святилище Рима. Нечего сказать: щегольская симметрія! Площадь состоитъ изъ двухъ ровныхъ полукружій стѣнъ, опушенныхъ зеленью деревъ; по восточному полукругу, къ Пинчіо, разведенъ цѣлый садъ, со всѣми прихотями роскоши. Каждое изъ этихъ полукружій имѣетъ по фонтану, со статуями. На серединѣ эллиптической площади возносится древній, изъ *большаго цирка*, обелискъ, съ четырьмя, по угламъ подножія, водометными львами, въ родѣ сфинксовъ. На площади четыре, на одинъ образецъ, палацци и двѣ, одного же вида, церкви, обѣ Маріинскія, которыя собою раздѣляютъ три прямыя, отъ центра городскихъ воротъ расходящіяся улицы: средняя есть Капитольный Corso, къ Венеціанской Палатѣ; лѣвая—del Babuino къ Испанской Площади; а правая di Ripetta—мимо пристани того же имени, въ глухую гущу домовъ. Поосмотрѣвшись на этомъ мѣстѣ, я благодарилъ судьбу, что не въѣхалъ въ Римъ по фламіанской дорогѣ, въ Porta del Populo. Здѣсь и отсюда не только не видно ни малѣйшаго слѣда древняго Рима, но и новѣйшій представляется весьма съ невыгодной стороны. Мнимое великолѣпіе не мѣшаетъ видѣть, что не хороши статуи, колоссы и сфинксы; что плоха отдѣлка воротъ, съ городской стороны; что въ этой симметріи господствуетъ схоластическое жеманство, которое становится несноснымъ при явной претензіи: производить огромный, Рима достойный эффектъ на душу въѣзжающаго путешественника. Не знаю, сталъ ли я слишкомъ взыскателенъ оттого, что Колизей привилъ мнѣ какую-то великую идею чистой красоты и гармоніи; но мнѣ казалось, что городъ, съ этого пункта, развертываетъ не иное что̀, какъ видъ карнавальнаго шутовства: того только и ждешь, чтобы по Corso потянулся безко-

Digitized by Google

нечный рядъ масокъ, съ своимъ вакхическимъ шумомъ! Исторія довершила мое неудовольствіе: я воображалъ пылающій костеръ Арнольда Брешіанскаго, здѣсь сожженнаго въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, повелѣніемъ Папы Адріана IV; и, во тьмѣ невѣжества, по горизонту іерархическаго владычества, зарево отъ костровъ Іоанна Гуса и Іеронима Прагскаго, и ото всѣхъ огненныхъ войнъ безчеловѣчной нетерпимости другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; и Piazza del Populo, съ своимъ заносчивымъ высокомѣріемъ и безвкусіемъ, представлялась вѣрнымъ изображеніемъ средневѣковнаго варварства папской столицы! Запуганной фантазіи моей чудилось,— согласно съ народнымъ преданіемъ, — и зловѣщее, съ высокаго дерева этой площади, карканіе *Неронскаго ворона*—и я не устоялъ передъ художественнымъ и тиранскимъ *неронизмомъ* этой мѣстности!.....

Я вышелъ за ворота. Съ наружной стороны, отдѣлка ихъ несравненно лучше и, можно сказать, прекрасна. Я своротилъ къ Тибру; было время мелководія, когда онъ бываетъ значителенъ только въ невещественномъ Римѣ своихъ поэтовъ. Мимо меня неслась лодочка; я ее подозвалъ и поплылъ внизъ по рѣкѣ. Славный Тибръ, у стѣнъ Рима и въ самомъ городѣ, течетъ пустынною рѣкою, въ подмытыхъ, обвалившихся, берегахъ, безъ украшеній, безъ набережныхъ. Видъ очень грустный. Это будто не рѣка, а только мутный *токъ вѣковыхъ слезъ* о несчастіяхъ и грабежахъ, разразившихся надъ Римомъ во времена Аларика, Гензерика, Рицимера, Тотилы, Роберта Гюскара и Карла Бурбона.

Я проѣзжалъ подъ Мостомъ Святаго Ангела; потомъ, между остатками древняго *Тріумфальнаго*; далѣе, подъ Ponte Sisto,—бывшимъ Яникульскимъ,—вдоль всего Яникула, мимо Тибрскаго Острова, и вышелъ на берегъ у полуразрушеннаго Палатинскаго Моста—Ponte Ratto, на древній Velabrium, въ сосѣдствѣ Форума. Здѣсь нѣ-

Digitized by Google

сколько занимательныхъ древностей: Храмъ Геркулеса или Весты—милая, весьма хорошо сохранившаяся, ротунда, есть истинно-классическое твореніе. Окружный портикъ состоитъ изъ двадцати бѣломраморныхъ, коринѳскаго чина, каннелированныхъ колоннъ, изъ которыхъ не достаетъ только одной. Наружность целлы обложена такимъ же греческимъ мраморомъ; зданіе поставлено на значительномъ цоколѣ. Святилище было заперто; нѣсколько услужливыхъ мальчишекъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ храма, кинулись кликнуть сторожа съ ключемъ; а я, между тѣмъ, съ душевнымъ удовольствіемъ засматривался на эллинскую граціозность зданія. Я вошелъ въ целлу. Внутренность ея стройно составлена изъ массивныхъ кадровъ, безъ цемента, по обыкновенію древнихъ; камень впился въ камень, презрѣвъ всякую инородную липкость; части одна къ другой примкнулись, будто волшебствомъ избирательнаго сродства, и цѣлое держится какою-то всемогущею внутрѣбѣжною силою. По нѣжной женской граціи храма не допускаешь, чтобъ онъ былъ сооруженъ въ честь суроваго Геркулеса; еще менѣе можно принять его за ту главную обитель Весты, гдѣ хранился священный огонь; но любишь воображать его,—что впрочемъ довольно вѣроятно,—однимъ изъ второстатейныхъ храмовъ Вестиныхъ въ Римѣ; намъ этого хочется въ особенности и потому, что онъ нынѣ посвященъ Святой Маріи Солнца — Santa Maria del Sole! Близъ этого храма есть древнѣйшій храмъ *мужеской фортуны* (Fortunae virilis), сооруженный, какъ думаютъ, Сервіемъ Туллліемъ, изъ рабовъ вознесшимся въ цари Рима. Зданіе имѣетъ крѣпко подержанный видъ; но прежнее изящество явственно проглядываетъ сквозь печальную оболочку ветхости.

Подлѣ фортуны стоитъ страннаго въ Римѣ, средневѣковнаго вида домъ, съ отмѣннымъ безвкусіемъ, со-

Digitized by Google

ставленный изъ кусковъ разнаго мрамора. Я замѣтилъ его тотчасъ, но позабылъ освѣдомиться о немъ у лодочника: Веста меня обворожила! Осмотрѣвъ оба древніе храма, я спросилъ у мальчишекъ, меня провожавшихъ; легкіе язычки залились en carillon: La casa di Pilato! la casa di Colo di Rienzi! Меня заглушили эти громкія имена, въ продолжительномъ трезвонѣ. Можно смѣло ручаться, что это не домъ *Пилата*; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться, чтобъ это не было жилище Rienzi. Въ четыре только вѣка не могло заплутаться преданіе о столь памятномъ для Рима демагогѣ; да и самый видъ дома свидѣтельствуетъ о взбалмошномъ трибунѣ. Байронъ, задобренный дружбою Петрарки къ Rienzi, назвалъ его *послѣднимъ Римлянином*! Не употребляйте всуе этого почетнаго прозванія! Боже мой! сколько было послѣднихъ Римлянъ: Брутъ и Кассій! Аэцій и Бонифацій! наконецъ и Rienzi! Послѣднимъ Римляниномъ былъ развѣ императоръ *Маіоріанъ*! Rienzi былъ не иное что, какъ политическій съ пылкою душею и сильною волею шарлатанъ, который, пользуясь обстоятельствами, отсутствіемъ Папы и жестокостью вельможъ, затѣялъ, только для личной пользы своей, смѣлую варіацію на общенародную, изстари любимую тему новѣйшихъ Римлянъ: Roma! Roma! non è più come era prima! Кратковременная власть Rienzi доказала, что онъ хотѣлъ только своевольничать; это—родъ Григорія Отрепьева! Послѣдователь Rienzi, несчастный Стефанъ Поркаро, былъ несравненно выше своего предшественника, и гораздо болѣе достоинъ милости Байрона.

Поодаль отъ этихъ мѣстъ, на древнемъ *воловомъ форумѣ* — boarium — представился мнѣ, такъ называемый *четверофрунтный Янусъ* (двѣ арки на крестъ), Ianus Quadrifrons, подъ которымъ, вѣроятно, раздавался шумъ торговавшихъ рогатымъ скотомъ. Тутъ же, на углу базили-

Digitized by Google

ки Святаго Георгія in Velabro, видится и бѣломраморная небольшая арка Септимія Севера, сооруженная ему отъ банкировъ и мѣнялыциковъ. Отдѣлка хороша и нѣжна. Вотъ уже вторая арка того императора! онъ счастливъ въ посвященныхъ ему памятникахъ: вѣки къ нимъ не прикасаются! Отъ Януса глухой, неопрятный переулокъ ведетъ къ знаменитой Cloaca Maxima, устье которой видѣлъ я съ Тибра. Многіе разочаровываются, не находя этого подземнаго протока столь грандіознымъ, сколько воображали его, по описаніямъ древнихъ; а я, напротивъ того, нашелъ его гораздо значительнѣйшимъ, нежели, по моему соображенію, могла быть и чудеснѣйшая *такого* рода постройка временъ римскихъ царей, то есть, за пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова! Конечно Агриппа теперь не проѣдетъ по немъ на катерѣ; Плиній и Страбонъ подавно не провезутъ воза сѣна; но вообразите *илъ*, долженствовавшій, при стокѣ нечистыхъ водъ, отсѣсть въ этой Клоакѣ, въ продолженіе двухъ-тысячъ-трехъ-сотъ лѣтъ — и нынѣшній видъ ея, по истинѣ, еще поразителенъ; и даже нѣтъ словъ для вѣчности этого дивнаго свода, который выдержалъ многократное на него обрушеніе Рима и донынѣ служитъ по своему первобытному назначенію. Cloaca Maxima есть Сивиллинъ гротъ, откуда и въ нашъ вѣкъ еще звучитъ раздавшееся, за столько тому вѣковъ, пророчество о всемірности Рима!

Подлѣ самой Клоаки, и стекая въ нее, журчитъ, давно мнѣ извѣстный, кристальный *Ключъ Ютурны*, у котораго, въ началѣ римской республики, въ день великой битвы при Озерѣ Региллѣ, Діоскуры поили своихъ коней, являясь Римлянамъ вѣстниками побѣды. Я вспомнилъ тѣ юныя лѣта, когда погруженный въ Энеиду, стремясь напитаться элементами римской жизни, принималъ я сердечное участіе въ судьбѣ Ютур-

Digitized by Google

ны и, въ особенности, умилялся ея поразительнымъ immortalis ego! Теперь, поглядѣвъ на Римъ, — утомясь отъ странствія, цѣлый день продолжавшагося, безъ отдыха и пищи, и чувствуя жажду, — сложилъ я свои руки на подобіе чаши, напился вкусныхъ классическихъ струй *безсмертнаго* родника, и чудесно освѣжился тѣломъ и духомъ. Въ одномъ великомъ чувствѣ будто сосредоточивались всѣ живыя, въ тотъ день принятыя, впечатлѣнія: духъ мой былъ такъ же свѣтелъ, блаженъ и восторженъ, какъ утромъ, въ минуту моего перваго взгляда на Римъ.

II.

Общія замѣтки. Мой образъ жизни въ Римѣ. Луиза.

Я началъ свой разсказъ о Римѣ безъ плана, безъ системы, слѣдуя, въ этомъ случаѣ, естественной правдѣ. Вліяніе этой мѣстности на чистопріимчивый умъ, въ первые дни бытности здѣсь, есть безпокойный восторгъ, который порывисто водитъ и влечетъ по очарованному кругу; должно бѣгать, скитаться, ходить будто по неволѣ и все ходить, покуда не *уходишь* тревожнаго вдохновенія, покуда нарушенное отъ огромнаго прилива чувствъ и мыслей равновѣсіе душевныхъ силъ не установится въ возвышенный уровень генія *семи холмовъ*. Подобно тому, какъ описано въ предъидущей главѣ, прогулялъ я еще три дня сряду, выхлаждая горячее нетерпѣніе бросить хотя бѣглый взглядъ

Digitized by Google

на все достопримѣчательное. По нѣскольку разъ видѣлъ я все, что̀ ни осталось отъ древности; междутѣмъ присматривался и къ нынѣшнему городу. Огромныя палаты, безчисленныя церкви, множество площадей, каждая съ обелискомъ и фонтаномъ, обыкновенно замыкающими проспекты; гладкая изъ базальта мостовая въ небольшихъ правильныхъ квадратахъ, на подобіе кирпича древнихъ стѣнъ. — Я пріѣхалъ сюда въ первые дни Октября, въ лучшее для Рима время, когда, послѣ сентябрскаго ненастья, расцвѣтаетъ прекрасная *осенняя* весна, безъ излишнихъ жаровъ и мучительныхъ насѣкомыхъ; когда черный народъ, кончивъ полевыя работы, предается разнаго рода увеселеніямъ. Безпрестанно встрѣчаемъ коляски, въ которыхъ по десятку такъ называемыхъ Minenti — женщины и дѣвушки въ живописномъ народномъ костюмѣ, въ мужскихъ съ разноцвѣтными лентами и цвѣтами шляпахъ, быстро мчатся по улицамъ, распѣвая пѣсни.

Обыкновенно говорятъ, что есть *три* Рима: древній, средневѣковный и новый. Средневѣковнаго нѣтъ, ибо два–три, въ готическомъ вкусѣ, зданія не составляютъ черты въ физіономіи города. Но есть *третій* Римъ — Ватиканскій — базилика Святаго Петра, которая, какъ увидимъ въ послѣдствіи, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ топографическомъ, нѣчто совершенно отдѣльное, — почему и буду держаться *этой* классификаціи. Легко поймешь, что строгій готическій типъ не могъ преуспѣвать подъ такимъ небомъ; но весьма трудно разрѣшить изумительную загадку, почему видъ новаго Рима не являетъ характера духовнаго владычества? Здѣсь никакъ не поймемъ исторіи среднихъ вѣковъ! Даже безпримѣрная огромность ватиканскаго собора, — который впрочемъ, по нашему раздѣленію, не входитъ въ составъ новаго Рима, — ничего не доказываетъ противъ того замѣчанія: такая церковь могла бы быть выстроена и по общему усердію всего католициз-

Digitized by Google

ма, безъ свѣтской, политической власти папъ. По неизъяснимой прихоти судьбы и искусства, архитектура церквей, въ новоримской резиденціи первосвященника, сбилась вообще на типъ торжественной *святости* такъ, что великое число монаховъ и самъ первосвященникъ, при всемъ понтификальномъ этикетѣ, окружающемъ карету его, когда онъ разъѣзжаетъ, кажутся здѣсь только пилигримами, на перепутіи въ Святую Землю, нашедшими временный пріютъ въ чудномъ городѣ изъ княжескихъ дворцовъ и языческихъ развалинъ. Въ новомъ Римѣ хозяева — Principi и народъ; въ древнемъ — исторія, искусство, плющъ, ящерицы, совы и нищіе; ватиканскій Римъ — безъ хозяевъ!

По разсказамъ путешественниковъ, да и по самой исторіи, я составилъ себѣ такую идею о выспренней святости характера этой мѣстности, что воображалъ Олимпійскаго Громовержца цѣлующимъ туфель послѣдняго frate — то есть, я ожидалъ, что и послѣдній изъ здѣшнихъ монаховъ покажется мнѣ нѣкоимъ духовнымъ царемъ Рима; что увижу древность не только въ вещественныхъ, но и въ *моральныхъ* развалинахъ. Боже мой! то ли нахожу? Въ иныхъ мѣстахъ, правда, видны слѣды исторіи средневѣковной іерархіи, стремленія ея за истинные предѣлы духовной власти — видны въ прикосновеніи къ вѣчнымъ правамъ остатковъ древности; но стремленіе это оказывается совершенно неудачнымъ, и, кромѣ того, еще оскорбляетъ наше моральное чувство сближеніемъ святыни христіанства съ непреклоннымъ язычествомъ. Мы объ этомъ поговоримъ ниже въ надлежащемъ мѣстѣ; здѣсь же, для противоположности, припомнимъ только, что папы, столь страшные для Европы, въ своей столицѣ не пользовались тѣмъ самымъ уваженіемъ; напротивъ того, они часто подвергались грубымъ оскорбленіямъ буйной римской черни и, вообще, будто находились подъ стѣснительною опекою народа: Квириты, потерявшіе владычество

Digitized by Google

надъ міромъ, присвоили себѣ власть надъ всемірнымъ владыкою! Риму будто всегда надлежало *властвовать*, какимъ бы то ни было образомъ! Не отсюда ли объяснится замѣченный нами недостатокъ характера духовнаго владычества въ физіономіи города?

Древній Римъ беретъ рѣшительный верхъ надъ новымъ. Въ отношеніи къ архитектоническому достоинству, первенствуютъ *Колизей* и *Пантеонъ*; огромные palazzi исчезаютъ передъ выспреннимъ величіемъ императорскаго холма развалинъ — *Палатина!* прозаическая бѣготня и суетность на нестромъ Corso цѣпенѣютъ, при сравненіи съ таинственною жизнію и историческою поэзіею *Форума*, который столько опустѣлъ, чтобъ удалять отъ себя приливъ нынѣшняго народа, но довольно имѣетъ остатковъ древности, чтобы воображеніе наше могло воспламеняться, созерцать его, въ видѣ минувшаго пластическаго и архитектурнаго великолѣпія, и прислушиваться ко всемірному гулу политической дѣятельности Квиритовъ. Наконецъ и памятники, старѣйшіе первыхъ временъ Рима, но получившіе въ немъ право гражданства, пришельцы изъ мистической земли Фараоновъ — *египетскіе обелиски* — на каждой площади, тамъ, гдѣ уже не осталось ни малѣйшаго слѣда древности, краснорѣчиво ораторствуютъ о ней и, вдоль проспектовъ, между собою окликаются іероглифическими звуками..... Духовный голосъ старины покрываетъ вещественную разноголосицу настоящаго времени! — Я иногда обращаю эту разноголосицу въ чувственный способъ: призывать и живѣе чувствовать геній древности. Piazza di Colonna есть родъ открытаго клуба, или новѣйшаго форума, гдѣ по вечерамъ собирается публика, для бесѣды и переговоровъ обо всякихъ — даже коммерческихъ дѣлахъ. Тамъ я жду, чтобы смерклось. Когда уже не видно костюмовъ; когда люди во тьмѣ обозначаются только густѣйшею тьмою, и уровень мрака уже залилъ форму домовъ, и одна

Digitized by Google

Колонна Антонина, на первомъ планѣ, величественно рисуется по небу, къ послѣднему свѣту зари еще показывая свои витые барельефы; — тогда задумываюсь великою о минувшемъ мечтою, воображаю себя въ императорскомъ Римѣ, — въ счастливѣйшій во всемірной исторіи періодъ отъ Нервы до кончины Марка Аврелія, — и общій, непонятный гулъ людской рѣчи кажется мнѣ дѣйствительнымъ голосомъ Квиритовъ, на форумѣ Антонина!.... Подъ живымъ вліяніемъ такого обмана тороплюсь домой вести свой дневникъ.

Домъ мой уже не въ гостинницѣ; я нигдѣ не могъ, а въ Римѣ и подавно не смогу, — ужиться съ трактирнымъ бытомъ. На третій день, по прибытіи сюда, переѣхалъ я въ частный домъ, въ улицѣ de'due Macelli, которая, черезъ Испанскую Площадь, есть продолженіе идущей отъ народныхъ воротъ via del Babuino. За три порядочно меблированныя комнаты въ бельэтажѣ, на улицу, плачу въ мѣсяцъ по двадцати піастровъ (около ста рублей ассигнаціями). Каменный полъ уже убранъ по зимнему, то есть, застланъ соломою и покрытъ ковромъ. По немъ ходишь, какъ духъ, не слыша и собственныхъ шаговъ своихъ, что̀ чрезвычайно благопріятствуетъ вечернимъ о Римѣ размышленіямъ, послѣ дневной прогулки. Я себѣ уставилъ отмѣнно регулярную жизнь: при первомъ блескѣ утра выхожу, скитаюсь по городу, или окрестностямъ его; обѣдаю на лету въ ближайшей отъ того мѣста остеріи, на которомъ засталъ меня голодъ; отдыхаю на развалинахъ, глядя на хлопотливую по нимъ бѣготню свѣтлозеленыхъ ящерицъ; иногда случается, что тамъ и вздремну на полчаса; очнувшись съ освѣженными чувствами, продолжаю гулять до темнаго вечера, набрасывая въ бумажникѣ бѣглыя замѣтки. Каждый день вижу восходъ и закатъ римскаго солнца. Пришедъ домой, пью свой петербургскій чай, подлѣ пылающаго камина. Является хозяйка, вдова около сорока лѣтъ,

Digitized by Google

не принчипесса, но *гражданка-римская*, — почетный титулъ! — любезная, ласковая, говорливая; сидитъ у меня съ часъ, уходитъ съ желаніемъ felicissimo notte, а я тогда сажусь за письменный столъ. Однажды она похвалила меня за *солидный* образъ жизни, но замѣтила, что человѣкъ молодой, при такой исключительной страсти къ древнимъ развалинамъ, долженъ иногда имѣть и простую о житейскомъ бесѣду съ молодыми людьми, дабы не отчуждаться отъ удовольствій настоящаго, не дѣлаться такимъ допотопнымъ оригиналомъ, каковъ почтенный антикварій Nibby; что велитъ своему сыну, живущему впрочемъ не у нея, раздѣлять иногда со мною *то* время, которое провожу я за чаемъ. Я съ благодарностью принялъ предложеніе, думая обратить его въ пользу для себя, относительно Рима. Въ другой разъ, опять за чаемъ, она мимоходомъ упомянула о дочкѣ.

— Развѣ у васъ и дочь?

— Какъ же! Да она уже и невѣста! и внимательно устремивъ на меня живой, пронзительный взоръ, примолвила: Volete, que venga?

— Signora, я васъ не понимаю!

— Volete, que mia filia venga qua? (Хотите ли, чтобы дочь моя пришла *сюда?*)

Мнѣ этого вовсе не хотѣлось: въ моемъ умѣ вились мысли о видѣнномъ въ теченіи дня; но на столь вразумительный вопросъ нельзя уже было отозваться непонятливостью; предлогомъ дальнѣйшей оборонѣ оставалась только вольность домашней одежды: я былъ, по демонической привычкѣ своей, безъ галстуха, но впрочемъ въ благопристойномъ видѣ — въ нарядномъ архалухѣ. «Это пустой изворотъ!» возразила хозяйка и кликнула *Луизу*. Луиза уже стояла въ передней, неосвѣщенной комнатѣ и, по материнскому зову, неожиданно вышла изъ темноты въ бѣломъ платьѣ, легкая, полувоздушная, со стройнымъ, какъ у нимфы

Digitized by Google

станомъ, съ пріятнымъ, милымъ личикомъ!.... Видно было, что мать гордилась ею; что, для забавы своей, хотѣла сдѣлать странному любителю развалинъ поразительный сюрпризъ этою свѣжею юностью. При такомъ съ ихъ стороны простодушіи, могъ ли я быть застѣнчивъ, могъ ли отдѣлаться пустымъ привѣтствіемъ? Я взялъ руку Луизы, поблагодарилъ отъ души за милое появленіе ея въ жилищѣ моемъ и посадилъ ее на диванъ, примолвивъ еще нѣсколько радушныхъ словъ, въ доказательство матери, что я не одичалъ между ящерицами развалинъ, что еще умѣю чувствовать красавицу. Лицо ея пылало отъ стыдливости; глаза говорили искрами, пока уста не разрѣшились благозвучнымъ лепетомъ. Съ удовольствіемъ замѣтилъ я у нея прекрасный тылъ — характерную особенность Римлянокъ! Не безъ причины же ласки римскаго любовника относились, въ особенности, къ *тылу* возлюбленной: онъ не обнималъ стана ея, онъ только dabat brachia *cervici* (Горац. 3, 9.)

Я обрадовался, когда дамы мои *дали тылъ*.

Я не шучу надъ тобою, милая Луиза! свѣтя тебѣ на уходѣ, я могъ свободно любоваться твоимъ очаровательнымъ тыломъ! Будь я моложе десятью годами — ты по себѣ оставила бы въ моемъ жилищѣ амврозіанскую о себѣ мечту! Теперь ты мнѣ оставила мысль: если бы ты явилась мнѣ въ *древнемъ* костюмѣ, подъ классическимъ портикомъ пантеона, то насладился бы я, въ ясный римскій день, обманомъ чувствъ еще живѣйшимъ того, котораго ищу въ сумерки, у Колонны Антонина!....

Баронъ Розенъ.

Digitized by Google

ЛАПЛАСЪ.

—

Имя Лапласа составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній исторіи наукъ математическихъ. Устройство вселенной, самые возвышенные вопросы естественной философіи, самыя остроумныя и глубокія изслѣдованія анализа математическаго были предметомъ его занятій, во всю жизнь. Плодомъ этихъ занятій были три сочиненія, обезсмертившія его имя: Небесная Механика, Изложеніе системы міра, и Аналитическая теорія вѣроятностей. Лучшимъ доказательствомъ высокаго достоинства ихъ служитъ то, что Франція смотритъ на нихъ, какъ на памятники своей славы: ихъ предположено напечатать на счетъ государства. Мы намѣрены ознакомить нашихъ читателей съ ихъ содержаніемъ; мы будемъ, при этомъ, руководствоваться отчетомъ объ нихъ, составленнымъ секретаремъ парижской академіи наукъ, Араго, по порученію комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія проекта объ изданіи ихъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ авторѣ.

Digitized by Google

Петръ Симонъ маркизъ Лапласъ родился, 23 Марта 1749 года, въ одномъ селѣ, находящемся въ той части Франціи, которая прежде составляла провинцію Нормандію. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ отличался необыкновенною памятью, которую сохранилъ до конца жизни: для него не было трудно никакое умственное занятіе. Онъ очень рано пріобрѣлъ значительныя познанія въ древнихъ языкахъ и современной литературѣ. Родители назначали его къ духовному званію; въ коллегіи, куда онъ былъ отданъ, онъ оказалъ большіе успѣхи въ богословскихъ наукахъ, и обнаружилъ много искусства при разборѣ самыхъ трудныхъ спорныхъ пунктовъ богословія. — Неизвѣстно какому счастливому случаю обязанъ онъ своимъ переходомъ къ занятію высшею геометріею. Эта наука вскорѣ привлекла къ себѣ все его вниманіе; но онъ ясно видѣлъ, что, для успѣха въ занятіи ею, ему необходимо пребываніе въ столицѣ. Въ Парижѣ тогда д'Аламберъ пользовался славою, вполнѣ заслуженною: ему уже, кромѣ его собственныхъ изслѣдованій, наука была обязана за покровительство оказанное Лагранжу: онъ, первый, увѣдомилъ Туринскій Дворъ, что его королевская академія имѣетъ у себя первокласнаго геометра: безъ этого увѣдомленія Лагранжъ еще долго оставался бы въ неизвѣстности. Онъ также сообщилъ прусскому королю, что одинъ только Лагранжъ можетъ замѣнить въ берлинской академіи Эйлера, отозваннаго тогда въ Петербургъ. Лапласъ пріѣхалъ въ Парижъ, запасшись рекомендательными письмами къ д'Аламберу; письма эти, казалось, должны были имѣть большой вѣсъ у этого геометра; но д'Аламберъ вовсе не обратилъ на нихъ вниманія. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ достигнуть покровительства д'Аламбера, Лапласъ убѣдился, что это возможно не иначе, какъ сдѣлавшись извѣстнымъ ему безъ посторонняго посредничества. Онъ написалъ къ нему письмо объ общихъ

Digitized by Google

началахъ механики. Письмо это обнаружило д'Аламберу познанія и способности Лапласа, и онъ считалъ себя обязаннымъ оказать ему покровительство. Его стараніямъ обязанъ Лапласъ полученнымъ вскорѣ мѣстомъ профессора въ военномъ парижскомъ училищѣ. Получивъ это мѣсто, Лапласъ могъ спокойно предаваться занятіямъ наукою.

Въ то же время онъ нашелъ себѣ другаго покровителя: президентъ *Саронъ* (Bochard de Saron) печаталъ на свой счетъ его первыя сочиненія, и старался о томъ, чтобъ сдѣлать извѣстными не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Прочія обстоятельства его жизни не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, ничего такого, чтобы имѣло вліяніе на ученые труды. Во время консульства онъ нѣсколько времени былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и членомъ охранительнаго сената. Наконецъ, по возстановленіи Бурбоновъ, онъ былъ сдѣланъ перомъ Франціи. Но, безъ сомнѣнія, потомство не вспомнитъ объ этомъ; ему прійдется забыть многія обстоятельства и важнѣе этихъ; только никогда не забудетъ оно великихъ трудовъ Лапласа на пользу науки.

Перейдемъ теперь къ сочиненіямъ Лапласа. Мы займемся съ особенною подробностью его *Небесною Механикою*, потому — что это сочиненіе, которымъ занимался онъ почти всю жизнь, особенно богато его собственными, весьма важными и занимательными изслѣдованіями. Но чтобъ яснѣе видѣть всѣ пріобрѣтенія, какими наука о небѣ обязана Лапласу, мы должны показать въ какомъ состояніи находилась она до него.

Астрономія наука была древняя: съ самаго происхожденія обществъ изученіе неба постоянно привлекало вниманіе человѣка. Великіе полководцы, знаменитые государственные люди, писатели, философы, ораторы Греціи и Рима ему посвящали свое свободное время;

Digitized by Google

однако жъ, не смотря на это, истинная астрономія есть наука весьма недавняя: начало ея не далѣе пятнадцатаго вѣка. Три великія блестящія эпохи ознаменовали ея существованіе.

Въ 1543 году, Коперникъ смѣлою и твердою рукою разрушилъ большую часть того древняго и всѣми въ то время уважаемаго зданія, которое соорудили, въ замѣнъ истинной вселенной, обманъ чувствъ и гордость человѣка. Земля перестала тогда быть центромъ и осью небесныхъ движеній: она заняла скромное мѣсто между планетами; ея матеріяльное движеніе въ цѣлой солнечной системѣ приведено почти къ значенію песчинки на ней.

Черезъ двадцать-восемь лѣтъ послѣ того, какъ угасъ знаменитый каноникъ торнскій, держа въ своихъ ослабѣвающихъ рукахъ первый экземпляръ сочиненія, долженствовавшаго предать имя его безсмертію, родился въ Виттенбергѣ человѣкъ, которому назначено было произвести въ наукѣ переворотъ, не менѣе обильный послѣдствіями, но еще труднѣйшій по исполненію; это былъ — Кеплеръ.

Одаренный двумя качествами, которыя обыкновенно исключаютъ другъ друга, — самымъ пламеннымъ воображеніемъ и постоянствомъ, которое не устрашалось вычисленій, самыхъ трудныхъ, самыхъ продолжительныхъ, Кеплеръ угадалъ, что движенія небесныхъ тѣлъ должны повиноваться законамъ простымъ или, какъ самъ онъ выразился, гармоническимъ. Онъ рѣшился открыть эти законы. Тысячи безплодныхъ попытокъ, тысячи ошибокъ въ вычисленіи, неизбѣжныхъ въ такомъ огромномъ трудѣ, ни на одну минуту не отняли у него рѣшимости достигнуть цѣли, которую видѣлъ онъ вдалекѣ. Двадцать-два года употребилъ онъ на исполненіе своего предпріятія; но что значатъ двадцать-два года, когда, по прошествіи ихъ, имѣешь въ виду сдѣлаться

Digitized by Google

законодателемъ міровъ; когда надѣешься неизгладимыми чертами записать имя свое въ книгѣ славы; и когда можно, какъ Кеплеръ, сказать: «Рѣшено; я пишу книгу. Что мнѣ за дѣло, кѣмъ будетъ она читана: современниками или потомствомъ. Пусть ждетъ себѣ она читателя. Шестьтысячъ лѣтъ Богъ не имѣлъ созерцателя своихъ твореній.»

Опредѣлить физическую причину, управляющую движеніями планетъ; открыть причину сохраненія міра въ самыхъ силахъ, имъ управляющихъ, а не въ твердыхъ подпорахъ или кристальныхъ сферахъ, созданныхъ воображеніями древнихъ. Вотъ вопросы, которые оставалось рѣшить послѣ Кеплера.

Очерки этихъ великихъ задачъ встрѣчаются и у древнихъ и новѣйшихъ писателей, отъ Лукреція и Плутарха до Кеплера, Булье (Boulliaud) и Борелли. Однако жъ, слава рѣшенія ихъ, по всей справедливости, принадлежитъ Ньютону. Онъ, предполагая, по примѣру нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, что въ небесныхъ тѣлахъ существуетъ стремленіе приблизиться другъ къ другу, притяженіе, вывелъ изъ Кеплеровыхъ законовъ математическіе признаки этой силы, и развилъ свое блестящее открытіе въ сочиненіи, которое до-сихъ-поръ составляетъ самое возвышенное произведеніе человѣческаго разума, въ математическихъ началахъ естественной философіи.

Ньютонъ принялъ, что не только солнце притягиваетъ къ себѣ планеты, — какъ это необходимо слѣдуетъ изъ законовъ Кеплера, — но что всѣ матеріяльныя частицы, точно такимъ же образомъ притягиваютъ одна другую. Принявъ это, онъ, по-видимому, ввелъ въ солнечную систему причину ея разстройства: въ самомъ дѣлѣ, тогда, очевидно, Кеплеровы законы не могутъ уже быть точнымъ выраженіемъ явленій, потому-что притяженіе солнца заставляетъ какую-

Digitized by Google

нибудь планету описывать эллиптическую орбиту, а притяженіе другихъ планетъ будетъ стремиться измѣнить эту орбиту. Такимъ образомъ, правильныя движенія, которыя совершали бы планеты при дѣйствіи одного только солнца, должны отъ дѣйствія другихъ планетъ претерпѣвать измѣненія, или, какъ ихъ называютъ въ астрономіи, возмущенія, весьма значительныя, многочисленныя, и, въ разныхъ мѣстахъ пути, различныя. Найти эти возмущенія, опредѣлить ихъ направленіе, и если можно численную величину, вотъ задача, которую также Ньютонъ имѣлъ въ виду при составленіи своихъ началъ естественной философіи.

Однако жъ не смотря на все остроуміе автора, это твореніе содержитъ въ себѣ только очеркъ планетныхъ возмущеній. Что этотъ прекрасный очеркъ не сдѣлался полною картиною, въ этомъ никакъ нельзя обвинять великаго философа: его усилія были необыкновенны; и задача осталась нерѣшеною, потому-что была неразрѣшима въ то время.

Пять геометровъ, Клеро, Эйлеръ, д'Аламберъ, Лагранжъ и Лапласъ раздѣлили между собою область знанія, открытую Ньютономъ. Они изслѣдовали ее по всѣмъ направленіямъ, проникли въ тѣ ея части, которыя можно было считать недоступными; они открыли множество явленій, которыя не были еще обнаружены наблюденіемъ; наконецъ, — и въ этомъ-то состоитъ ихъ вѣчная слава, — они связали однимъ началомъ, однимъ закономъ все, что небесныя явленія представляли самаго таинственнаго, самаго неуловимаго: они осмѣлились располагать будущимъ; а будущему остается только повиноваться законамъ, открытымъ ими.

Мы надѣемся вскорѣ имѣть случай возвратиться къ трудамъ Эйлера, потому — что, вѣроятно въ непродолжительномъ времени, выйдетъ въ свѣтъ переписка этого геометра, приготовляемая къ изданію здѣшнею

Digitized by Google

академіею наукъ. Потому мы здѣсь, только коснемся трудовъ этого геометра, но займемся нѣсколько подробнѣе изслѣдованіями другихъ.

Если бы свѣтило, луна напримѣръ, притягивалось или *тяготѣло* только къ землѣ, то движеніе его составляло бы совершенно правильную эллиптическую кривую линію, то есть, оно повиновалась бы въ своемъ движеніи законамъ Кеплера, или, что все равно, законамъ механики, которые изложилъ Ньютонъ. Присоединимъ теперь сюда другую силу, напримѣръ дѣйствіе солнца на луну; тогда вмѣсто двухъ тѣлъ у насъ уже будетъ три, и Кеплеровъ эллипсъ будетъ уже только грубымъ изображеніемъ нашего спутника: въ одномъ мѣстѣ притяженіе солнца будетъ увеличивать размѣры лунной орбиты, въ другомъ, напротивъ того, уменьшать; въ одномъ мѣстѣ ускорять движеніе луны, въ другомъ замедлять. Однимъ словомъ введеніе третьяго тѣла произведетъ большую запутанность. Этой задачей о трехъ тѣлахъ, — такъ называется она, — Ньютонъ вовсе не занимался; ее рѣшили Эйлеръ и Клеро. Рѣшеніе ея доставило способъ усовершенствовать уже въ прошедшемъ столѣтіи лунныя таблицы.

Одно изъ прекраснѣйшихъ открытій древности есть открытіе предваренія равноденствій, или прецессіи. Гиппархъ, которому принадлежитъ оно, обозначилъ и всѣ его слѣдствія. Два изъ нихъ особенно обратили на себя общее вниманіе; именно:

Предвареніе равноденствій причиною тому, что въ различные годы, въ одну и ту же пору, ночью, мы видимъ не однѣ и тѣ же созвѣздія; и съ теченіемъ вѣковъ теперешнія лѣтнія созвѣздія сдѣлаются зимними, и обратно. Предвареніе равноденствій также причиною тому, что полюсъ не занимаетъ постоянно одного и того же мѣста на звѣздной сферѣ. Блестящая звѣзда, которую теперь справедливо называютъ полярною, была

Digitized by Google

очень далека отъ полюса во время Гиппарха; черезъ нѣсколько вѣковъ она опять будетъ въ большомъ разстояніи отъ него, и названіе полярной было и будетъ даваемо, одной послѣ другой, звѣздамъ очень далекимъ другъ отъ друга. Если при изъясненіи явленій природы, случается попасть не на настоящую дорогу, то всякое точное наблюденіе болѣе и болѣе затрудняетъ изъяснителя. Такимъ образомъ семь кристальныхъ небесъ сдѣлались недостаточными для изъясненія небесныхъ явленій съ того времени, какъ знаменитый астрономъ родосскій открылъ предвареніе равноденствій. Надобно было составить новую сферу, чтобъ объяснить движеніе, которое, казалось, сообщено всѣмъ звѣздамъ. Напротивъ того, уничтоживъ мнимую неподвижность земли, Коперникъ изъяснилъ весьма просто и удовлетворительно всѣ, самыя мелочныя, обстоятельства прецессіи: онъ предположилъ, что ось вращенія земли не остается всегда паралельною самой себѣ, но что, въ періодъ всякаго полнаго обращенія земли около солнца, она немного уклоняется отъ своего направленія. Однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобъ заставить двигаться всѣ звѣзды на встрѣчу полюсу, онъ принялъ, что полюсъ движется на встрѣчу звѣздамъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что мысль Коперника освободила вселенную отъ той ужасной запутанности, въ которую ввергла ее прежняя система; но оставалось еще открыть причину, которая, измѣняя каждогодно положеніе оси міра, заставляетъ описать ее въ двадцать-шестьтысячъ лѣтъ цѣлый кругъ, около 50° въ діаметрѣ. Ньютонъ угадалъ, что эта причина должна заключаться въ дѣйствіи солнца и луны на тѣ части нашей планеты, которыя составляютъ выпусклость подъ экваторомъ; слѣдовательно предваренїе равноденствій зависитъ отъ сжатія земли, и не могло бы существовать, если бы земля была совершенно правильный шаръ. Это мнѣніе Ньютона совершенно справедливо; но онъ не могъ его

Digitized by Google

доказать по причинѣ несовершенства тогдашняго интегральнаго исчисленія. Д'Аламберу принадлежитъ строгое доказательство этой мысли Ньютона. Д'Аламберъ изъяснилъ также изъ теоріи тяготѣнія и возмущеніе прецессіи, открытое Брадлеемъ и названное нутаціею. Благодаря усиліямъ знаменитаго геометра, эта важная часть астрономіи не оставляетъ ничего болѣе желать. Теперь совершенно удовлетворительно изъяснено и то движеніе полюса, въ слѣдствіе котораго ось земнаго шара возвращается къ тѣмъ же звѣздамъ чрезъ двадцать-шесть-тысячъ лѣтъ, и также то замѣчательное колебаніе, которое претерпѣваетъ она во время своего поступательнаго движенія, и котораго періодъ (осьмнадцать лѣтъ) вмѣстѣ съ тѣмъ есть время, употребляемое луною, чтобъ прійти опять въ тоже самое положеніе.

Геометры и астрономы всегда занимались опредѣленіемъ вида и устройства, какіе имѣлъ земной шаръ во времена самыя отдаленныя, столько же, сколько и настоящимъ его видомъ и устройствомъ. Съ того времени, какъ Ришеръ открылъ, что одно и то же тѣло вѣситъ тѣмъ менѣе, чѣмъ ближе оно находится къ экватору, сдѣлалось очевиднымъ, что земля должна быть возвышена подъ экваторомъ; но всякое жидкое тѣло, обращающееся на своей оси, приметъ само-собою такой видъ. Слѣдовательно, чтобъ узнать была ли земля первоначально въ жидкомъ состояніи, надо только опредѣлить выпуклость, какую приметъ такое тѣло, и сравнить ее съ выпуклостью земли. Ньютонъ и Гюйгенсъ занимались этимъ; но изслѣдованія ихъ неудовлетворительны: вычисленіе Гюйгенса основывается на предположеніи, которое рѣшительно не можетъ быть допущено; а вычисленіе Ньютона на теоремѣ, которую еще надо было доказать. Кромѣ того теорія Ньютона имѣла еще другой, большій недостатокъ: она предполагала, что въ первоначальномъ своемъ состояніи земля была совершенно однородною. Но, если для избѣжанія труд-

Digitized by Google

ности вычисленій допустимъ предположеніе столь далекое отъ того, что̀ замѣчаемъ въ природѣ, то полученные результаты будутъ относиться къ міру идеальному, и вовсе непримѣнимы къ окружающей насъ природѣ. Чтобъ съ пользою примѣнить анализъ къ опредѣленію фигуры земли надобно-было уничтожить предположеніе однородности; и кромѣ того надобно-было разсмотрѣть случай, когда центральное ядро земли было бы твердое. Но отъ этого изслѣдованіе сдѣлалось несравненно затруднительнѣе. Трудность эта однако жъ не остановила Клеро и д'Аламбера. Ихъ изслѣдованіямъ и нѣкоторымъ существеннымъ дополненіямъ, сдѣланнымъ ихъ послѣдователями, наука обязана тѣмъ, что теперь теоретическое опредѣленіе фигуры земли достигло до возможной степени совершенства. Между результатами теоріи и прямыхъ измѣреній существуетъ удовлетворительное согласіе; это согласіе даетъ право заключать, что земля первоначально была въ жидкомъ состояніи; такимъ образомъ анализъ переноситъ насъ къ первымъ временамъ нашей планеты.

Въ вѣкъ Александра, кометы, по мнѣнію бо̀льшей части греческихъ философовъ, были не что иное, какъ только метеоры, происходящіе въ нашей атмосферѣ. Суевѣріе среднихъ вѣковъ, не заботясь о сущности ихъ, видѣли въ нихъ вѣстниковъ угрожающихъ бѣдствій. Іоаннъ Мюллеръ и Тихо-Браге, въ слѣдствіе своихъ наблюденій, полагали, что онѣ находятся отъ насъ далѣе луны. Гевелій, Дорфель и другіе принимали, что онѣ обращаются около солнца. Ньютонъ утверждалъ, что онѣ движутся подъ непосредственнымъ вліяніемъ притягательнаго дѣйствія этого свѣтила; что онѣ описываютъ не прямыя линіи, а повинуются законамъ Кеплера; но онъ не доказалъ, что орбиты ихъ представляютъ сомкнутыя кривыя, или, что съ земли одну и ту же комету можно видѣть много разъ. Это открытіе было предоставлено Галлею. — Сравнивая

Digitized by Google

между собою обстоятельства явленій всѣхъ кометъ, сохраненныя или въ разсказахъ историковъ или въ астрономическихъ сочиненіяхъ, этотъ остроумный ученый убѣдился, что кометы 1682, 1607 и 1531 годовъ были только послѣдовательныя явленія одной и той же кометы. Разности между временами, чрезъ которыя является эта комета, онъ приписалъ возмущеніямъ, производимымъ дѣйствіемъ планетъ. Но разности эти очень значительны, и оставалось рѣшить могутъ ли онѣ, въ самомъ дѣлѣ, быть слѣдствіемъ дѣйствія планетъ. Вычисленія, требуемыя рѣшеніемъ этого вопроса, представляли огромныя затрудненія. Клеро нашелъ средство произвести ихъ; а въ 1758 году опредѣлилъ время, въ которое, въ слѣдующемъ году, должна была появиться комета 1682 года, созвѣздія и звѣзды, какія должна была она встрѣтить на своемъ пути. Это не было предсказаніе изъ роду тѣхъ, какія дѣлали астрологи и другіе предсказатели о временахъ слишкомъ отдаленныхъ, разсчитывая на то, что неудача ихъ предсказанія можетъ обнаружиться только послѣ ихъ смерти; здѣсь предсказанное происшествіе было очень близко: и дѣло шло или о торжествѣ науки, или о неудачѣ, которой слѣдствія она долго испытывала бы на себѣ. Весьма продолжительными и остроумными вычисленіями Клеро доказалъ, что дѣйствія Юпитера и Сатурна должны замедлить явленіе кометы; что, именно, притяженіе Юпитера увеличитъ время ея обращенія 510 днями, а притяженіе Сатурна 100 днями; такъ, что весь періодъ ея обращенія будетъ болѣе предъидущаго 618 днями, то есть, слишкомъ годомъ и осмью мѣсяцами. Никогда астрономическая задача не возбуждала болѣе сильнаго и основательнаго любопытства. Всѣ классы общества съ равнымъ нетерпѣніемъ ожидали предсказаннаго явленія кометы. Земледѣлецъ или, какъ говорятъ другіе, пастухъ саксонскій, Паличъ, первый увидѣлъ ее. Съ того времени тысячи телескоповъ, отъ одного конца

Digitized by Google

Европы до другаго, были, всякую ночь, направлены на небо для того, чтобъ наблюдать путь ея между звѣздами. Путь этотъ, постоянно, въ предѣлахъ точности вычисленія, былъ тотъ самый, который назначилъ ей Клеро. Предсказаніе знаменитаго геометра исполнилось въ пространствѣ и времени; астрономія сдѣлала великое, безсмертное пріобрѣтеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила вѣковой предразсудокъ: съ того времени кометы окончательно утратили свою прежнюю способность предсказателей: самые робкіе умы стали объ нихъ заботиться не болѣе, какъ о затмѣніяхъ солнечныхъ и лунныхъ. Вліяніе планетъ на движеніе кометъ обнаружилось еще въ высшей степени на кометѣ, которая явилась въ 1770 году. Найдено было, изъ наблюденій надъ ея движеніемъ, что періодъ ея обращенія состоитъ изъ 5½ лѣтъ; но не могли понять отчего путь ея несходенъ съ путемъ ни одной изъ тѣхъ кометъ, которыя уже были наблюдаемы, и отчего она послѣ не явилась. Лапласъ нашелъ, что она въ 1767 году должна была проходить очень близко къ Юпитеру, и дѣйствіе этой планеты могло такъ измѣнить ея движеніе, что періодъ обращенія ея сдѣлался въ 5⅛ лѣтъ; что она не была видима въ 1776 году, потому только, что явилась не ночью; и что въ 1779 году она должна была во второй разъ пройти вблизи Юпитера, дѣйствіе котораго могло опять увеличить время ея обращенія.

Одна изъ самыхъ любопытныхъ и странныхъ загадокъ, какія небо представляетъ уму человѣческому, есть совершенное равенство двухъ движеній луны: средняго движенія ея около земли, и движенія на своей оси. Это равенство причиною тому, что луна всегда обращена къ намъ одною и тою же стороною; и полушаріе ея, которое мы видимъ теперь, есть то самое, которое видѣли люди во время самой глубокой древности, и то самое, которое будутъ видѣть по прошествіи вѣковъ. Конечныя причины, которыя философы такъ часто и

Digitized by Google

такъ неудачно употребляли для изъясненія явленій природы, здѣсь не имѣли никакого примѣненія; въ самомъ дѣлѣ, что̀ за выгода землѣ видѣть всегда одну и ту же сторону луны, и никогда не видѣть противуположной ея стороны. Кромѣ того равенство, — совершенно строгое, математическое равенство, — двухъ явленій безъ видимой связи, каковы поступательное и вращательное движеніе, заключало въ себѣ очень много удивительнаго, даже невѣроятнаго. Луна представляетъ еще два численныя тожества, столь же необыкновенныя: совершенно одинаковое положеніе относительно звѣздъ экватора луны, и ея орбиты; и совершенно равныя движенія процессіи этихъ двухъ плоскостей. Эти явленія, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ то, что̀ называется либраціею луны. Лагранжъ нашелъ причину этого загадочнаго явленія въ обстоятельствѣ, котораго нельзя замѣтить съ земли: въ фигурѣ луны; и связалъ его съ другими явленіями однимъ началомъ, притяженіемъ. Когда луна изъ первоначальнаго своего жидкаго состоянія переходила въ твердое, она, отъ притягательнаго дѣйствія земли приняла форму не столь простую и правильную, какую бы приняла, если бы никакое другое тѣло не находилось вблизи ея. Отъ дѣйствія земнаго шара экваторъ луны, обращенный къ землѣ, сдѣлался эллиптическимъ вмѣсто того, чтобы быть круговымъ; такъ что діаметръ его въ четыре раза болѣе перпендикулярнаго къ нему діаметра. Слѣдовательно наблюдателю, помѣщенному внѣ земли такъ, чтобъ онъ могъ наблюдать луну со стороны, она представилась бы тѣломъ удлиненнымъ въ сторону земли, или, какъ-бы маятникомъ безъ точки привѣса. Маятникъ, выведенный изъ вертикальнаго положенія, стремится въ слѣдствіе дѣйствія тяжести прійти въ него. Точно также, когда большая ось луны была бы выведена изъ своего обыкновеннаго положенія, дѣйствіе земли привело бы ее опять въ него. Такимъ образомъ это странное явленіе изъяс-

Digitized by Google

нено совершенно удовлетворительно. Лагранжъ изъяснилъ изъ началъ тяготѣнія и другія явленія либраціи. Его сочиненіе, столь важное по изложеннымъ въ немъ истинамъ, не менѣе замѣчательно и по формѣ. Прочитавъ его, всякій пойметъ, какимъ образомъ эпитетъ *изящный* можетъ быть примѣненъ къ сочиненіямъ математическимъ.

Обозрѣвъ коротко успѣхи науки, которыми обязана она предшественникамъ и современникамъ Лапласа, перейдемъ къ трудамъ этого геометра. Мы увидимъ, что рѣшенные имъ вопросы совершенно объяснили механизмъ вселенной такъ, что его сочиненіе, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе Небесной Механики; мы увидимъ также, какіе остроумные способы употреблялъ онъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, рѣшенныхъ уже прежде него.

Вычисливъ различныя силы, долженствующія происходить отъ взаимныхъ дѣйствій планетъ и спутниковъ нашей солнечной системы, Ньютонъ не рѣшился приняться за опредѣленіе всѣхъ ихъ дѣйствій. Ньютонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по большей части употреблялъ синтетическую методу, и очень рѣдко анализъ; но въ этомъ лабиринтѣ увеличеній и уменьшеній скоростей, измѣненій формы орбитъ, перемѣнъ въ разстояніи и наклоненіи, которыя стремятся произвести эти силы, самая ученая геометрія не могла найти нити, которая привела бы ее къ цѣли. Эта чрезвычайная запутанность породила странную мысль. Такое множество силъ, различныхъ по положенію и напряженію, казалось, должны стремиться къ уничтоженію другъ друга; и Ньютонъ, наконецъ, принужденъ былъ допустить, что планетная система не заключаетъ въ себѣ самой, въ силахъ дѣйствующихъ въ ней, началъ постояннаго существованія. Онъ полагалъ, что другая, мощная и хранительная, сила должна, по временамъ, уничтожать

Digitized by Google

безпорядокъ, производимый силами самой системы. Даже Эйлеръ, который имѣлъ болѣе ясное понятіе о возмущеніяхъ въ планетной системѣ, нежели Ньютонъ, не допускалъ, чтобы солнечная система, сама собою, могла существовать вѣчно. Никогда любознательности человѣка не представлялся вопросъ, важнѣе этого. Лапласъ приступилъ къ рѣшенію его со своими обыкновенными смѣлостью, постоянствомъ и счастіемъ. Глубокія и продолжительныя изслѣдованія его показали совершенно ясно, что планетныя орбиты безпрестанно измѣняются; что онѣ приближаются и потомъ удаляются отъ круговой формы; что концы ихъ большихъ діаметровъ движутся по небу; что, независимо отъ колебательнаго движенія, плоскости орбитъ претерпѣваютъ еще перемѣщенія, въ слѣдствіе которыхъ ихъ слѣды на плоскости земной орбиты, въ различные годы, направлены къ различнымъ звѣздамъ. Среди этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ измѣненій только большая ось каждой орбиты, а слѣдовательно и время обращенія около солнца каждой планеты, остается постоянною; а это то, по мнѣнію Ньютона и Эйлера, и должно было преимущественно измѣняться.

Лапласъ доказалъ, что всемірное тяготѣніе, одно, достаточно для сохраненія солнечной системы; что оно удерживаетъ ее въ одномъ и томъ же состояніи, допуская только небольшія уклоненія; и что все разнообразіе, замѣчаемое въ системѣ, не производитъ въ ней безпорядка; и причину этому Лапласъ нашелъ въ обстоятельствѣ, которое, если разсматривать предметъ поверхностно, не можетъ по-видимому имѣть такого вліянія; именно въ томъ, что планеты всѣ движутся по одному направленію, въ орбитахъ, хотя эллиптическихъ, но мало отличающихся отъ круговыхъ, и въ плоскостяхъ, мало наклоненныхъ одна къ другой.

Вообразите, вмѣсто этихъ, другія условія; и устойчивость міра снова сдѣлается сомнительною, и, можетъ

Digitized by Google

быть, онъ будетъ стремиться къ своему разрушенію, къ хаосу. Такимъ образомъ вычисленія Лапласа обнаружили совершенство вселенной, котораго не знали Ньютонъ и Эйлеръ. Хотя, послѣ Лапласа, неизмѣняемость большихъ этихъ планетныхъ орбитъ была еще полнѣе и еще строже доказана Лагранжемъ и Пуассономъ, однако жъ она всегда будетъ составлять одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій творца Небесной Механики.

Послѣ этого открытія уже невозможно было принимать, по-крайней-мѣрѣ въ нашей солнечной системѣ, Ньютоново тяготѣніе за причину безпорядка, смѣшенія; но не можетъ ли случиться, чтобъ другія силы произвели возмущенія, которыя бы все болѣе и болѣе увеличивались. Явленія, казалось, оправдывали это предположеніе.

Сравненіе древнихъ наблюденій съ новѣйшими открыло непрерывное ускореніе движенія луны и Юпитера, и замедленіе Сатурна. Эти измѣненія привели къ весьма страннымъ заключеніямъ; именно: если причина движенія небесныхъ тѣлъ есть притяженіе, то увеличеніе скорости свѣтила должно значить то же самое, что и приближеніе его къ центру движенія; напротивъ того, свѣтило, котораго скорость уменьшается, должно удаляться отъ этого центра. Такимъ образомъ, казалось, нашей солнечной системѣ суждено потерять Сатурна, который вмѣстѣ со своимъ кольцомъ и спутниками долженъ удалиться въ страны, куда не проникнетъ взоръ, вооруженный самыми сильными телескопами. Напротивъ-того, Юпитеръ долженъ бы былъ слиться наконецъ съ солнцемъ, и луна упасть на землю. Это казалось неизбѣжнымъ, и только нельзя было съ точностью опредѣлить время этихъ переворотовъ; но какъ очевидно было, что они могутъ произойти только въ весьма отдаленныя времена, то публика не

Digitized by Google

слишкомъ заботилась объ нихъ, не смотря на поэтическія ихъ описанія. Но зато все вниманіе ученыхъ обществъ было на нихъ сосредоточено. Парижская академія наукъ предложила этотъ вопросъ на разрѣшеніе всѣмъ геометрамъ. Эйлеръ, Лагранжъ занялись имъ. Никогда математическій геній не обнаруживался съ бо́льшимъ блескомъ, какъ въ этихъ ихъ изслѣдованіяхъ; но не смотря на то, вопросъ остался нерѣшеннымъ до-тѣхъ-поръ, пока не занялся имъ Лапласъ. Первыя попытки его были также неудачны: онъ полагалъ, что ускореніе луны зависитъ отъ того обстоятельства, что дѣйствіе тяготѣнія распространяется не мгновенно, но употребляетъ нѣкоторое время, какъ свѣтъ. Этимъ путемъ онъ не могъ дойти до открытія истины. Онъ снова занялся этимъ вопросомъ, и, девятнадцатаго Марта 1787 года, представилъ академіи наукъ ясное и совершенно неожиданное разрѣшеніе его: онъ показалъ, что измѣненіе въ скоростяхъ Юпитера, Сатурна и луны имѣютъ ту же причину, какъ и другія небесныя явленія; что они входятъ въ категорію обыкновенныхъ періодическихъ возмущеній, производимыхъ тяготѣніемъ, и заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ. Это же изслѣдованіе показало, что если дѣйствіе тяготѣнія распространяется не мгновенно, то скорость его должна быть въ слишкомъ пятьдесятъ-милліоновъ разъ болѣе скорости свѣта, которая, какъ извѣстно, составляетъ 280,000 верстъ въ секунду.

И такъ мы видимъ, что Лапласу принадлежитъ открытіе истиннаго устройства солнечной системы: онъ доказалъ, что теперешнее ея состояніе не есть какое нибудь случайное; но такое, которое сохранится всегда, и отъ котораго она можетъ удаляться только незначительно. Лапласъ занимался также, и болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ ея; именно опредѣленіемъ ея размѣровъ.

Digitized by Google

Какъ велико разстояніе солнца до земли? Математически говоря, рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно просто: стоитъ только, какъ въ землемѣріи, выбрать на землѣ какое-нибудь основаніе, и провести отъ обоихъ его концовъ лучи зрѣнія къ недоступному предмету; тогда разстояніе его опредѣлится весьма простымъ вычисленіемъ. Но разстояніе солнца отъ земли слишкомъ велико, такъ, что всякое основаніе, какое можно провесть на землѣ, будетъ, въ отношеніи къ нему, весьма мало; тогда малѣйшая ошибка въ опредѣленіи направленія лучей зрѣнія произведетъ очень большую неточность въ результатѣ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, Галлей замѣтилъ, что прохожденіе Венеры между солнцемъ и землею, или, употребляя астрономическое выраженіе, прохожденіе Венеры по солнцу доставляетъ для опредѣленія направленія лучей зрѣнія не прямый способъ, далеко превосходящій точностью всѣ самые совершенные прямые способы. Это было поводомъ, въ 1761 и 1769 годахъ, къ ученымъ путешествіямъ, въ которыя были отправлены астрономы отъ всѣхъ академій длятого, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры по солнцу въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Путешествія эти казались необходимыми: для опредѣленія солнечнаго разстоянія надобно было имѣть основаніе на землѣ, а малыя разстоянія на землѣ были недостаточны. Изъ сравненія наблюденій, сдѣланныхъ въ южномъ полушаріи, съ европейскими, и особенно съ тѣми, которыя произвелъ австрійскій астрономъ, іезуитъ Гелль въ Вардгусѣ, въ Лапландіи, была выведена величина солнечнаго разстоянія, принятая съ того времени во всѣхъ трактатахъ астрономіи и навигаціи. Эту самую задачу Лапласъ рѣшилъ, не употребляя никакого основанія на землѣ: онъ опредѣлилъ разстояніе солнца изъ лунныхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ движеніи луны, солнце производитъ возмущенія, которыхъ величина должна зависѣть отъ его

Digitized by Google

разстоянія до земли: очевидно, что эти возмущенія увеличились бы, если бы разстояніе уменьшилось, и, на оборотъ, уменьшились бы, если бы разстояніе увеличилось. Наблюденіе можетъ опредѣлить численную величину этихъ возмущеній; а теорія можетъ раскрыть общее математическое отношеніе, въ какомъ находятся они къ разстоянію солнца и другимъ, извѣстнымъ уже, элементамъ. Послѣ этого опредѣленіе средней величины радіуса земной орбиты сдѣлается простою численною задачею. Такимъ способомъ рѣшилъ Лапласъ этотъ вопросъ, такъ долго занимавшій астрономовъ. Онъ, изъ своихъ вычисленій, нашелъ среднюю величину разстоянія солнца до земли, мало отличающуюся отъ той, которую вывели изъ столькихъ, трудныхъ и такъ дорого стоившихъ, путешествій. Даже, по мнѣнію знающихъ судей, найденная имъ величина заслуживаетъ предпочтеніе.

Движеніе луны, было для Лапласа источникомъ многихъ разнородныхъ изслѣдованій. Его проницательный взглядъ открылъ въ немъ богатый кладъ истинъ, которыя онъ обнаруживалъ съ искусствомъ и постоянствомъ, въ равной степени заслуживающими удивленіе. Вотъ примѣръ: главная причина движенія луны есть земля; земля сжата; законы притяженія сжатаго тѣла иные, какъ законы притягательнаго дѣйствія шара; по-этому въ движеніи луны должно быть замѣтно вліяніе сжатости земли. Вотъ первоначальный очеркъ мысли Лапласа. Но чтобъ приложить эту мысль, надлежало еще рѣшить, — въ этомъ-то и заключалась главная трудность, — будетъ ли это вліяніе столь замѣтно, чтобъ не быть смѣшаннымъ съ погрѣшностями наблюденій; и кромѣ того, необходимо еще было найти общую формулу этого рода возмущеній. Лапласъ не устрашился никакихъ затрудненій, встрѣтившихся при изслѣдованіи этого вопроса. Послѣ безчисленныхъ попытокъ, онъ открылъ наконецъ въ движеніи луны два

Digitized by Google

возмущенія, оба зависящія отъ сжатія земли. Первое изъ нихъ особенно обнаруживается въ той части движенія земнаго спутника, которая опредѣляется на обсерваторіяхъ посредствомъ прибора, называемаго полуденною трубою; второе можетъ быть замѣчено посредствомъ наблюденій, произведенныхъ съ другимъ инструментомъ, — стѣннымъ кругомъ. Эти оба возмущенія, весьма различныя по величинѣ, измѣренныя двумя различными приборами, отнесенныя къ производящей ихъ причинѣ весьма различными аналитическими соединеніями, привели оба, однако жъ, къ одной и той же численной величинѣ сжатія. Разумѣется, что эти вычисленія опредѣлили, — въ этомъ-то и состоитъ ихъ главное достоинство, — общую величину земнаго сжатія, а не сжатіе какое-нибудь отдѣльной страны; потому-что, въ слѣдствіе переворотовъ, которые испытала земля въ различные періоды своего существованія, первоначальная правильность кривизны ея значительно измѣнилась; такъ, что непосредственное измѣреніе даетъ для различныхъ странъ различное сжатіе; но средняя величина изъ этихъ сжатій, опредѣленныхъ для различныхъ странъ, должна именно представлять величину найденную Лапласомъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть о замѣчаніи, сдѣланномъ самимъ авторомъ Небесной Механики, которое можетъ выказать всю особенность его способа. Чтобъ опредѣлить фигуру земли, надобно было только сравнить формулу, выведенную изъ теоріи тяготѣнія ея нѣкоторыми неправильностями, замѣченными въ періодахъ возвращенія луны на меридіанъ. Такимъ образомъ астрономъ, который бы никогда не выходилъ изъ своего кабинета и видѣлъ бы небо только чрезъ узкое отверстіе, въ вертикальной плоскости котораго движутся главные астрономическіе приборы, и который бы ничего болѣе не зналъ о свѣтилахъ, движущихся надъ нимъ, какъ только то, что они взаимно притягиваются по Ньюто-

Digitized by Google

нову закону, достигъ бы однако жъ до открытія, что его тѣсное жилище находится на сжатомъ шарѣ, котораго экваторіальная ось превосходитъ ось полюсовъ, или ось вращенія, одною трехъ-сотъ-шестою; и опредѣлилъ бы свое разстояніе отъ солнца.

Никто болѣе Лапласа не былъ одаренъ способностью схватывать отношенія между явленіями самыми разнородными, и никто, болѣе его, не обладалъ искусствомъ выводить важныя слѣдствія изъ этихъ неожиданныхъ сближеній.

Такъ, уже при концѣ своей жизни, онъ уничтожилъ разборомъ лунныхъ наблюденій, космогоническія теоріи Бюффона и Байльи, такъ долго бывшія въ модѣ. Теоріи эти полагали, что земля постепенно охлаждается, и наконецъ, не въ продолжительномъ времени, должна замерзнуть. Лапласъ, который не могъ довольствоваться общею фразою, если математическая точность не была совершенно невозможна, предпринялъ найти численную величину предполагаемой скорости охлажденія. Для достиженія этого, придумалъ онъ слѣдующій остроумный способъ. Всякое тѣло, охлаждаясь, уменьшается въ объемѣ; а при этомъ скорость вращенія его должна непремѣнно увеличиваться. Слѣдовательно надо узнать на сколько увеличилась скорость обращенія земли, если только она увеличилась. Это легко узнать, потому-что во всѣ времена мѣрою сутокъ принимали время обращенія земли на своей оси; и такъ, если земля охлаждается, то продолжительность сутокъ должна уменшаться. Чтобъ опредѣлить уменьшилась ли въ самомъ дѣлѣ величина сутокъ, стоитъ только изслѣдовать, какъ велика была въ разныя эпохи дуга, описанная на небѣ луною въ продолженіе времени, которое тогда астрономы называли сутками, потому-что движеніе луны не зависитъ отъ вращательнаго движенія земли. Взявъ въ таблицахъ, составленныхъ физиками, самыя малыя измѣненія отъ дѣйствія теплоты, испытываемыя твердыми

Digitized by Google

тѣлами, входящими въ составъ земли; и опредѣливъ изъ календарей греческихъ, арабскихъ и новѣйшихъ видимое движеніе луны въ разныя времена, Лапласъ вывелъ изъ сравненія этихъ величинъ, что средняя температура земли въ продолженіе двухъ-тысячъ лѣтъ не измѣнилась даже на сотую часть градуса стоградуснаго термометра. Противъ такого доказательства, противъ могущества этихъ чиселъ не устоитъ никакое краснорѣчіе: здѣсь, какъ и всегда, математика обнаружила себя непримиримымъ врагомъ поэмъ и басней въ наукѣ.

Всякій знаетъ теперь, что планета Сатурнъ состоитъ изъ шара почти въ девять-сотъ разъ большаго земли, и изъ кольца. Кольцо это ни въ одномъ мѣстѣ не касается внутренняго шара; но вездѣ удалено отъ него на разстояніе осьми-тысячъ французскихъ миль. Ширина его простирается до двѣнадцати-тысячъ миль; толщина его около ста миль. Исключая темной черты, которая окружая кольцо раздѣляетъ его на двѣ части неравной толщины и непохожія другъ на друга, этотъ странный огромный мостъ, безъ подпоръ, на Сатурнѣ никогда не представлялъ взорамъ наблюдателей самыхъ искусныхъ, самыхъ опытныхъ, ни пятна, ни возвышенности, которыя дали бы способъ рѣшить: вращается ли онъ или неподвиженъ. Лапласу казалось невозможнымъ, чтобъ кольцо это было неподвижно, чтобъ части, его составляющія, могли единственно своимъ сцѣпленіемъ противустоять постоянному притягательному дѣйствію планеты. Вращательное движеніе казалось ему необходимымъ; и онъ опредѣлилъ скорость, съ которою должно оно совершаться. Вычисленная имъ скорость совершенно равна той, которую, послѣ того, Гершель вывелъ изъ своихъ точныхъ наблюденій, сдѣланныхъ чрезъ телескопъ, превосходившій своимъ совершенствомъ всѣ приборы этого рода, какіе были прежде устроены. Такимъ образомъ въ рукахъ Лапласа, ма-

Digitized by Google

тематическій анализъ былъ орудіемъ столько же могущественнымъ, какъ самые лучшіе телескопы.

Перейдемъ съ неба на землю. Открытія Лапласа и здѣсь столь же велики и столь же достойны его генія. Имъ изслѣдованы аналитически явленія прилива и отлива. Между этими явленіями и притягательнымъ дѣйствіемъ солнца и луны существуетъ тѣсная, необходимая связь, которая доставила Лапласу способъ, при помощи двадцатилѣтнихъ наблюденій надъ приливомъ и отливомъ, дѣланныхъ въ Брестѣ, опредѣлить массу луны. Онъ нашелъ, что 75 лунъ надо сложить вмѣстѣ, чтобъ составить массу, равную массѣ земнаго шара. Чтобъ оцѣнить все остроуміе такого вывода, надо только вспомнить, что въ 1632 году Галилей осмѣивалъ мысль, которую хотя довольно неопредѣленно, выразилъ Кеплеръ о вліяніи луны на движеніе волнъ, — мысль, которая привела Лапласа къ такимъ прекраснымъ результатамъ.

Свои изслѣдованія объ океанѣ, Лапласъ не ограничилъ только тѣмъ, что онъ распространилъ и усовершенствовалъ теорію прилива и отлива; онъ разсматривалъ этотъ предметъ съ совершенно новой точки зрѣнія: онъ первый занялся устойчивостью равновѣсія океана.

Системы тѣлъ твердыхъ и жидкихъ способны къ двумъ родамъ равновѣсія: устойчивому, когда система, немного выведенная изъ своего положенія, стремится возвратиться въ него; и неустойчивому, когда, напротивъ того, уклоненіе, весьма слабое въ началѣ, можетъ сдѣлаться огромнымъ. Если бы равновѣсіе моря принадлежало къ послѣднему роду, то волны, произведенныя дѣйствіемъ вѣтровъ, землетрясеніями, внезапными движеніями дна морскаго, могли бы въ послѣдствіи подняться до вершинъ самыхъ высокихъ горъ; геологи имѣли бы удовольствіе въ этихъ ужасныхъ колебаніяхъ, почерпнуть изъясненіе многихъ явленій; но міръ снова бы подвергся бѣдствію ужасныхъ всемірныхъ по-

Digitized by Google

топовъ. Однако жъ это не можетъ случиться. Лапласъ доказалъ, что равновѣсіе моря есть равновѣсіе устойчивое; а причина этому та, что средняя плотность его менѣе средней плотности земли. Если бы этого не было, если бы океанъ содержалъ въ себѣ не воду, а ртуть, напримѣръ, то волны его могли бы часто выходить изъ береговъ и опустошать землю до снѣжныхъ вершинъ горъ, теряющихся въ облакахъ.

Такъ всякое аналитическое изслѣдованіе Лапласа открывало въ природѣ условія порядка и продолжительности. Въ его изслѣдованіяхъ наука обнаружила свое высокое значеніе достойной толковательницы мудрости Творца вселенной.

Лапласъ обращалъ также свое вниманіе и на практическую сторону науки, на ея примѣненіе къ удовлетворенію потребностей общества. Ему наука обязана усовершенствованіемъ лунныхъ таблицъ, усовершенствованіемъ, которое принесло великую пользу навигаціи; и изслѣдованіемъ движенія Юпитеровыхъ спутниковъ, которое столь же важно для практической, какъ и для теоретической астрономіи. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Еще въ началѣ 1611 года, Галилей полагалъ, что затмѣнія Юпитеровыхъ спутниковъ представляютъ простое и строгое рѣшеніе задачи объ опредѣленіи долготы. Но это не оправдалось; потому-что движенія этихъ малыхъ небесныхъ тѣлъ вовсе не такъ просты, какъ предполагалъ безсмертный изобрѣтатель этого способа. Чтобъ этотъ способъ могъ сдѣлаться употребительнымъ, надобно-было, чтобъ три поколѣнія астрономовъ и геометровъ трудились съ усердіемъ надъ разборомъ возмущеній этихъ свѣтилъ; надобно-было наконецъ, для послѣдняго усовершенствованія таблицъ ихъ, чтобъ Лапласъ освѣтилъ ихъ движенія свѣтомъ анализа математическаго. Теперь въ морскихъ мѣсяцословахъ означаются времена затмѣній Юпитеровыхъ спутниковъ за

Digitized by Google

пять и десять лѣтъ впередъ, съ точностью, почти неуступающею точности прямаго наблюденія. Въ группѣ этихъ малыхъ свѣтилъ Лапласъ открылъ возмущенія, сходныя съ возмущеніями планетъ; съ тою разницею, что здѣсь въ довольно короткое время совершаются такія измѣненія, какія только вѣка могутъ обнаружить въ движеніи планетъ. Лапласъ опредѣлилъ массы этихъ свѣтилъ, и между движеніями и относительными ихъ положеніями открылъ простыя, весьма замѣчательныя отношенія, названныя законами Лапласа. Потомство, безъ сомнѣнія, сохранитъ это названіе: оно признаетъ справедливымъ, чтобъ имя великаго геометра было написано на тверди небесной подлѣ имени Кеплера.

Вотъ краткій очеркъ услугъ, оказанныхъ Лапласомъ астрономіи. Приведемъ въ заключеніе слова Фурье объ общемъ характерѣ трудовъ его. Лапласу не было суждено, говоритъ Фурье, создать, какъ Архимеду и Галилею, новую науку; или, какъ Декарту, Ньютону и Лейбницу, основать науки математическія на новыхъ, обширныхъ началахъ; или, какъ Ньютону, перенесть на небо и распространить на всю вселенную земную динамику Галилея; но ему суждено было все усовершенствовать, все глубоко изслѣдовать, раздвинуть предѣлы всего и разрѣшить то, что можно было считать неразрѣшимымъ. Онъ окончилъ бы науку неба, если бы эта наука могла быть окончена.

Перейдемъ теперь къ другимъ сочиненіямъ Лапласа. *Изложеніе системы міра* есть та же Небесная Механика, только изложенная безъ аналитическихъ формулъ, которыя необходимы для всякаго, кто, по выраженію Платона, хочетъ знать какія числа управляютъ міромъ; но которыя дѣлаютъ недоступнымъ чтеніе этой книги особамъ, незнакомымъ съ математикою. Цѣль изложенія системы міра состоитъ въ томъ, чтобъ познакомить такихъ читателей со способами, которымъ наука обязана своими изумительными успѣхами. Сочиненіе

Digitized by Google

это замѣчательно по простотѣ изложенія, изяществу и чистотѣ языка. Оно оканчивается краткою исторіею астрономіи, которая теперь, въ общемъ мнѣніи, причислена къ лучшимъ произведеніямъ французской словесности. Очень часто жалѣли о томъ, что Юлій Цезарь въ своихъ комментаріяхъ разсказалъ только собственные походы: астрономическіе комментаріи Лапласа восходятъ до начала обществъ: въ нихъ оцѣнены труды всѣхъ вѣковъ, предпринятые съ цѣлію похитить у неба какую-нибудь истину; въ нихъ геній принимаетъ на себя обязанность безпристраннаго судьи генія.

Третье сочиненіе Лапласа есть *теорія вѣроятностей*. Эта наука, должна въ равной степени привлекать вниманіе математика, опытнаго изслѣдователя и государственнаго человѣка. Паскаль и Ферма положили первыя ея начала. Яковъ Бернулли первый сталъ ее обработывать систематически. Открытія Стирлинга, изслѣдованія Эйлера и, особенно, Лагранжа усовершенствовали ее; возраженіе д'Аламбера и философское воззрѣніе Кондорсета объяснили многіе ея вопросы; наконецъ Лапласъ соединилъ и утвердилъ начала, на которыхъ она основывается. Съ его времени она сдѣлалась новою, обширною наукою, подведенною подъ одну аналитическую методу. Наука эта уже оказала и безпрестанно оказываетъ услуги человѣчеству: она, показавъ наилучшее расположеніе таблицъ народонаселенія и смертности, научаетъ выводить точныя и полезныя заключенія изъ этихъ чиселъ, которыя часто бываютъ объясняемы очень неудачно; она, и только она, можетъ совершенно справедливо назначить величину преміи въ компаніяхъ застрахованія и другихъ тому подобныхъ; подъ ея ударами должны пасть лотереи и другіе ковы, разставляемые обманомъ корыстолюбію и невѣжеству; со временемъ она будетъ служить всѣмъ отраслямъ знанія, дополненіемъ, необходимымъ по ограниченности чело-

Digitized by Google

вѣческой природы. Сочиненіе Лапласа объ этой наукѣ достойно автора Небесной Механики.

Безъ сомнѣнія, лучшимъ свидѣтельствомъ высокаго достоинства сочиненій Лапласа можетъ служить обозрѣніе содержанія ихъ. По-этому было бы безполезно исчислять здѣсь всѣхъ знаменитыхъ людей, которые отдали должную дань удивленія этимъ произведеніямъ ума человѣческаго. Но во всякомъ случаѣ любопытно прочитать отзывы объ нихъ одного изъ тѣхъ геніяльныхъ людей, которымъ природа даетъ рѣдкую способность съ перваго взгляда открывать во всякомъ предметѣ его отличительную сторону. Вотъ нѣсколько строкъ изъ неизданныхъ еще писемъ Наполеона:

27 Вандеміера 10 года, по полученіи одного тома Небесной Механики, генералъ Бонапарте писалъ къ Лапласу: «Первыя шесть мѣсяцовъ, которыми мнѣ можно будетъ располагать, я посвящу чтенію вашего прекраснаго сочиненія.» Эти *шесть мѣсяцовъ* отнимаютъ у фразы видъ пошлой формы комплимента и составляютъ справедливую оцѣнку важности и трудности предмета.

5 Фримера 11 года, чтеніе нѣсколькихъ главъ посвященнаго ему тома было для генерала «новымъ поводомъ сожалѣть, что обстоятельства поставили его на дорогу, удалившую его отъ наукъ.»

«По-крайней-мѣрѣ, прибавилъ онъ, я сильно желаю, чтобы потомство, читая Небесную Механику, вспомнило о почтеніи и дружбѣ, которыя я питалъ къ ея автору.»

17 Преріаля 13 года, императоръ Наполеонъ писалъ изъ Милана: «По моему мнѣнію, Небесной Механикѣ суждено сообщить новый блескъ нашему вѣку.»

Наконецъ, двѣнадцатаго Августа 1812 года, получивъ сочиненіе объ исчисленіи вѣроятностей, Наполеонъ написалъ изъ Витебска слѣдующее письмо:

«Было время, когда я съ удовольствіемъ прочиталъ бы ваше исчисленіе вѣроятностей. Теперь я долженъ

Digitized by Google

ограничиться только изъявленіемъ удовольствія, какое я ощущаю всякій разъ, когда вы издаете сочиненія, служащія къ усовершенствованію и распространенію первой изъ наукъ, и способныя прославить націю. Развитіе, усовершенствованіе математическихъ наукъ связано съ благоденствіемъ государства.»

Мы говорили до-сихъ-поръ только о трудахъ Лапласа, относящихся собственно къ математикѣ. Его имя сохранится также въ исторіи физики. Вмѣстѣ съ Лавоазье (Lavoisier), съ которымъ онъ былъ связанъ тѣсною дружбою, онъ занимался одною изъ самыхъ важныхъ частей физической теоріи теплоты, — удѣльною теплотою. Вмѣстѣ съ Лавоазье, также произвелъ онъ длинный рядъ опытовъ надъ разширеніемъ, производимымъ теплотою въ твердыхъ тѣлахъ. Кромѣ того изслѣдованія его о преломленіи свѣта, о волосныхъ явленіяхъ, о барометрѣ, объ электричествѣ, о скорости звука, о свойствахъ часовъ, показываютъ, что онъ былъ почти столько же великій физикъ, какъ и великій геометръ. Всѣ роды явленій были ему совершенно извѣстны.

Лапласъ умеръ пятаго Мая 1827 года. Въ тотъ же самый годъ скончался Вольта. Европа въ одно время оплакала двухъ великихъ людей, имена которыхъ одни уже достаточны были бы для того, чтобы сдѣлать девятнадцатый вѣкъ—вѣкомъ, замѣчательнымъ въ исторіи наукъ.

Digitized by Google

О ВОСТОЧНЫХЪ МОНЕТАХЪ,

НАХОДИМЫХЪ ВЪ РОССІИ.

—

Изслѣдованіе господина академика Френа *.

=

Весьма замѣчательно явленіе, что почти отъ 60 до 40 градуса восточной долготы, по всей Европейской Россіи, и далѣе до 25 градуса, по прибрежнымъ странамъ Балтійскаго Моря, на островахъ его и въ южной Норвегіи, въ продолженіе ста лѣтъ слишкомъ открыто въ землѣ, и доселѣ еще открываютъ, невѣроятное обиліе старинныхъ арабскихъ денегъ, отчасти вмѣстѣ съ со-

* Это разсужденіе читано было въ засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 8-го октября 1841 года, и напечатано въ 212-мъ и 213-мъ нумерахъ журнала Bulletin Scientifique publié par l'Academie Impériale des Sciences de Saint-Pétersburg, tome IX, pp. 301—332, подъ заглавіемъ *Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland,* nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Chr. M. Frähn.

Digitized by Google

временными, преимущественно англо-саксонскими и нѣмецкими, монетами, и съ различными серебряными вещами и другими предметами. Самый *восточный* пунктъ, гдѣ совершены эти находки, образуетъ, какъ мы видѣли [1], Казанская Губернія, слѣдовательно древняя страна Булгаровъ [2]; самый *западный* — епархія Христіансандъ въ Норвегіи [3], — если не считать Комберлендъ въ Англіи или даже Исландію, потому-что и тамъ открыто по-крайней-мѣрѣ нѣсколько подобныхъ монетъ [4]). Самымъ *сѣвернымъ* пунктомъ представляется, со стороны запада, Онгерманландъ въ Швеціи [5], а самымъ *южнымъ* — въ Россіи Крымъ [6], а въ Германіи Франкфуртъ-на-Одерѣ [7], если не считать Майнца, гдѣ испанскій Арабъ Абу-Бекръ Тортуши встрѣтилъ, въ XI столѣтіи отъ Рождества Христова, серебряныя саманидскія монеты, битыя въ Самаркандѣ въ 301 и 302 годахъ гиджры, то есть, 913 — 915 отъ Рождества Христова [8].

Не менѣе замѣчателенъ выводъ изъ розысканій о содержаніи такихъ кладовъ.

Наибольшую часть этихъ старинныхъ денегъ составляютъ азіятскія, меньшую — африканскія и испанскія. Здѣсь идетъ рѣчь сперва объ азіятскихъ. Онѣ — мухаммеданскія, за исключеніемъ небольшой части парсскихъ. Страны, откуда онѣ вышли, суть тѣ, которыя простираются отъ Эвфрата до Яксарта или Сыръ-Дарьи; а государи, чеканившіе ихъ, суть халифы Уммеяды и Аббасиды, Испегбеды [9], Тагириды, Соффариды, Саманиды, Зіяриды и Бувейгиды, — не говоря о тѣхъ мухаммеданскихъ династіяхъ, которыхъ монеты попадаются только изрѣдка: таковы, напримѣръ, мазендеранскіе Зейдиды-Даіи [10], Заджиды [11], Хамданиды, Шеддадиды [12], Окайлиды, Мерваниды и туркистанскіе илеки [13], бывшіе нѣкоторое время преемниками Саманидовъ на бухарскомъ престолѣ.

Періодъ, къ которому относится чеканка этихъ денегъ, простирается отъ послѣднихъ годовъ VII вѣка

Digitized by Google

нашего лѣтосчисленія, до начала XI. Впрочемъ, по количеству монетъ, перевѣсъ принадлежитъ концу IX и большей части X столѣтія, а монетные дворы, откуда онѣ вышли, находились въ Великой Бухаріи и Хорасанѣ, которыхъ владѣтелями были тогда Саманиды.

Нельзя по справедливости не причислить къ важнѣйшимъ услугамъ, оказаннымъ восточною нумизматикою исторіи, то, что она въ вырытыхъ на означенномъ географическомъ протяженіи азіятскихъ арабскихъ монетахъ доставила ей указателя для опредѣленія направленія замѣчательнаго, долго остававшагося неизвѣстнымъ и отчасти оспариваемаго пути, по которому обращалась нѣкогда, въ осьмомъ, девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія, дѣятельная торговля сѣверной Европы съ Среднею Азіею, балансъ которой долженъ былъ оставаться на сторонѣ вывоза товаровъ Сѣвера въ Азію передъ ввозомъ азіятскихъ, такъ какъ необъятныя массы азіятскихъ денегъ перешли изъ Азіи въ Россію и при-балтійскія страны. *Саманидскія* монеты, частію въ цѣльныхъ диргемахъ, частію въ рубленыхъ [14], которыя, какъ уже сказано, образуютъ главный элементъ этихъ азіятскихъ денегъ, и, сколько извѣстно, не попадаются въ другихъ странахъ Европы кромѣ вышепомянутыхъ [15], указываютъ на Великую Бухарію какъ на страну, съ которою эта торговля производилась особенно дѣятельно; а нерѣдко перемѣшанныя съ саманидскими, *булгарскія* деньги,—(собственныя монеты этого народа или перечеканенныя имъ саманидскія [16]),—указываютъ намъ первыхъ посредниковъ этой азіятской торговли съ европейскимъ Сѣвером въ *Волжскихъ Булгарахъ*, вмѣстѣ съ *Хазарами* [17]. *Руссы*, бывшіе въ сношеніяхъ съ одной стороны съ Булгарами и Хазарами [18], а съ другой съ балтійскими странами, могутъ быть признаны второстепенными ея участниками, хотя вмѣстѣ съ ними должны были при-

Digitized by Google

нимать участіе въ торговлѣ и другіе народы тогдашней Россіи, какъ напримѣръ Мордва, Меря, Весь и прочіе чудскіе народы, Славяне новгородскіе и иные. Также можно принять за вѣрное, что и отысканныя въ Россіи и Скандинавіи въ значительномъ количествѣ монеты западныхъ и южныхъ при-каспійскихъ странъ, именно Арменіи и Мазендерана, равнымъ образомъ относятся къ кругу торговли, которую, какъ мы знаемъ, дѣятельно производили Хазары съ тѣми странами, и отъ нихъ уже перешли къ Булгарамъ, Руссамъ, и такъ далѣе.

Между-тѣмъ, не однимъ только путемъ торговли, какъ обыкновенно полагаютъ, могли попасть къ намъ всѣ старыя азіятскія деньги, находимыя въ нашей почвѣ. Весьма вѣроятно, что многія изъ такихъ находокъ относятся къ грабительскимъ набѣгамъ, которые не однажды предпринимали Руссы въ X столѣтіи на южные и западные берега Каспійскаго Моря. Мы знаемъ изъ арабскихъ историковъ, что два такихъ морскихъ похода, совершены были первый въ 301 году гиджры, то есть, 913—914 Р. Х., а другой въ 332 году гиджры, или 943 — 944 Р. Х. [19], и что Руссы возвратились изъ нихъ тяжело нагруженные добычею, которая впрочемъ въ первый разъ отнята была Хазарами, Буртасами и Булгарами. Такъ какъ между странами, которыя посѣщены Руссами, были Арранъ и Адербейджанъ, а въ первый походъ и Мазендеранъ съ прилежащими берегами, то должно предположить, что такимъ образомъ могла попасть сюда часть находимыхъ въ Россіи въ такомъ множествѣ арабскихъ монетъ, битыхъ въ двухъ первыхъ изъ этихъ странъ, и *испабедіевъ* [20], происходящихъ изъ послѣдней области.

Есть еще одинъ родъ старинныхъ арабскихъ монетъ, встрѣчающійся между находками въ Россіи и балтійскомъ прибережьѣ, который впрочемъ едва ли перешелъ туда путемъ торговли и занесенъ черезъ Булгаръ

Digitized by Google

или по Каспійскому Морю. Я уже замѣтилъ выше, что хотя вырытыя монеты въ далеко превышающей массѣ — происхожденія азіятскаго, между ними попадаются однако жъ и битыя Арабами въ *Африкѣ* и *Испаніи*. Это, конечно, противорѣчитъ обыкновенному, давно-общепринятому мнѣнію, будто бы послѣдніе два рода денегъ не находятся въ числѣ находокъ на Сѣверѣ [*]. Но, уже лѣтъ двадцать тому, представлены мною доказательства, что между открытыми въ Россіи попадаются и старинныя арабскія монеты изъ провинціи *Африкіи* (занимавшей мѣсто нынѣшнихъ владѣній Туниса и Триполи, и далѣе), выбитыя намѣстниками халифовъ между 109 и 187 годами гиджры (727 — 803 Р. Х.); также монеты имамовъ-Идриситовъ изъ *Магрѣба-эль-аксѣ* (нынѣшняго Марокко и проч.), относящіяся къ 173 — 186 годамъ гиджры (789 — 802 Р. Х.), и наконецъ *южно-испанскія* тамошнихъ намѣстниковъ восточно-уммеядскихъ халифовъ отъ 150 — 186 года (767 по 802 нашей эры). Ближайшій поводъ къ этому открытію подало нахожденіе въ Могилевской Губерніи (см. ниже подъ № 17) означенныхъ монетъ вмѣстѣ съ азіятскими, но только халифскими и испегбедскими (саманидскихъ между ними не было). Хотя это можетъ-быть единственная доселѣ въ Россіи находка, представляющая намъ *испано-арабскія* монеты, однако жъ вовсе не одна, гдѣ встрѣчаемъ монеты *африкано-арабскія*. Такимъ образомъ найдены были выбитыя въ Африкѣ арабскія монеты 155 — 187 годовъ гиджры, или 772 — 803 Р. Х., въ находкахъ, открытыхъ въ Минской Губерніи (см. ниже № 15), въ Тульской (см. № 3 и 4), въ Крыму (см. № 14), въ Владимірской Губерніи (см. № 6), въ Эстляндіи (см. № 31), въ Курляндіи (см. № 22), и здѣсь въ Галерной Гавани (см. № 33). Между-тѣмъ какъ въ азіятскомъ музеумѣ нашей академіи хранится значительное число, сто-двадцать-пять, старыхъ арабскихъ монетъ изъ сѣверной и сѣверо-запад-

Digitized by Google

ной Африки, которыя относятся къ 103 — 186 годамъ гиджры или 721 — 802 Р. Х. и происходятъ большею частію изъ упомянутаго могилевскаго клада, въ музеумѣ харьковскаго университета хранится около ста такихъ же африканскихъ монетъ [22], добытыхъ большею частію изъ того же источника, и составляющихъ часть пріобрѣтеннаго въ 1828 году московскаго минцъ-кабинета Шпревица. Равнымъ образомъ, большее или меньшее число подобныхъ арабо-африканскихъ монетъ, происходящихъ изъ отысканныхъ у насъ кладовъ, находится также въ коллекціяхъ университетовъ казанскаго и дерптскаго (шесть штукъ въ первомъ и три въ послѣднемъ изъ нихъ); Восточнаго Училища въ Санктпетербургѣ (пятьдесятъ); Румянцевскаго Музеума (двадцать) [23]; общества исторіи и древностей Остзейскаго Края въ Ригѣ; курляндскаго общества литературы и искусствъ; барона Шодуара въ Ивницѣ; собраніи господина Цвика, присоединенномъ теперь къ велико-герцогскому музеуму въ Веймарѣ (до двѣнадцати штукъ); Шпревица въ Гамбургѣ (тридцать), и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ кладахъ, вырытыхъ *въ Россіи* въ при-балтійскихъ странахъ, также встрѣчаются подобныя *африканскія* монеты, хотя въ меньшемъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, въ числѣ двадцати-четырехъ серебряныхъ монетъ, вырытыхъ въ 1827 году на островѣ Фальстерѣ и описанныхъ Линдбергомъ [24], оказалось три выбитыхъ въ Африкѣ въ концѣ VIII вѣка Рождества Христова (снимки съ нихъ приложены къ описанію, на таблицѣ I подъ № 5, 8 и 9) [25]. Остальныя монеты этого клада суть восточно-уммеядскія, аббасидскія и испегбедскія. Въ найденныхъ рыбаками, въ 1722 году, близъ Данцига семнадцати арабскихъ монетахъ, которыя описалъ Керъ [26], означенная подъ № XII выбита въ 180 году (796-797 Р. Х.) Харсемою, намѣстникомъ Гарунъ-эль-Рашида въ провинціи Африкіе; остальныя — азіятскія, халифскія. Въ собраніи восточныхъ монетъ покойнаго

Digitized by Google

Погге, вырытыхъ большею частію въ Помераніи и отчасти въ Германіи [27], равнымъ образомъ находятся двѣ африканскія, битыя въ концѣ VIII столѣтія послѣ Рождества Христова [28]. Находимыя въ Шрёдеровомъ каталогѣ куфическихъ монетъ (Catalogus numorum cuficorum Academiae Upsaliensis, p. 28) монета изъ Аббасіе 164 года, или 780—781 Р. Х., и у Галленберга (Numismata Orientalia, pars 1, p. 82) монета Ибрагима I, перваго изъ династіи Аглабидовъ, выбитая въ Африкіе 189 года, то есть, 805 Р. Х., вѣроятно, происходятъ изъ кладовъ, отрытыхъ въ Швеціи [29].

Послѣ всего этого, справедливо спросить, какимъ образомъ нахожденіе старинныхъ африкано-арабскихъ монетъ въ сѣверныхъ странахъ могло оставаться неизвѣстнымъ между учеными, или подлежащимъ сомнѣнію? Это будетъ понятно, когда замѣтимъ, что нумизматики долгое время не могли разбирать монетъ, чеканеныхъ халифскими намѣстниками въ области Африкіе, также какъ и монетъ Идриситовъ изъ Магребъ-эль-аксà, отчасти потому, что куфическій шрифтъ ихъ представляетъ большею частію нѣчто разнородное; отчасти оттого, что невѣрно читали находящіяся на нихъ имена эмировъ, или не зная этихъ именъ изъ исторіи, невѣрно объясняли ихъ, и наконецъ потому еще, что городовъ, въ которыхъ выбиты эти монеты, искали въ Азіи, а не въ Африкѣ. Такъ, напримѣръ, Керъ относилъ помянутую выше монету № XII изъ данцигскаго клада къ 105 году (723 Р. Х.) въ Месопотамію, тогда какъ она принадлежитъ сѣверной Африкѣ и 180 года (796 Р. Х.). Также и Адлеръ (Museum cuficum Borgianum p. II, № XII), ошибся въ правильномъ чтеніи имени намѣстника области Африкіе, *Рухъ*, и городъ *Аббасіе*, находившійся въ этой провинціи [30], принялъ за кварталъ Багдада. Галленбергъ равнымъ образомъ впалъ въ ошибки, опредѣляя монету 189 года (805 Р. Х.), о которой говорено выше, и не причислялъ ее къ числу агладибскихъ, къ которымъ она

Digitized by Google

дѣйствительно принадлежитъ. Такъ и Тихсенъ, въ Гёттингенѣ, не зналъ, что изображенный на таблицѣ I подъ № V при IX томѣ Гёттингенскихъ Записокъ (Goett. Commentarii) и имъ самимъ тамъ же, на стр. 120 описанный диргемъ происходитъ изъ сѣверо-западной Африки. Такъ наконецъ и Тихсенъ изъ Ростока издалъ двѣ идрисидскія монеты, самъ того не замѣтивъ: именно, одну въ своемъ Introductio in rem numariam p. 130 № 12, которая относится впрочемъ къ 190 году (806 Р. Х.), а не къ 140-му; и другую въ прибавленіи къ этому сочиненію (Additamentum ad Introductionem p. 17): она 174 года (790 Р. Х.), но бита въ Велилѣ [2], а не въ Ватѣ *. Въ то же самое время, онъ ошибочно принялъ за идрисидскую совсѣмъ другую монету, описанную на страницѣ 127 его «Введенія».

Въ девятомъ томѣ «Мемуаровъ Санктпетербургской Академіи» (1824 года), въ разсужденіи—Numi Kufici anecdoti ex variis museis selecti et illustrati, pp. 597 sqq., я впервые назначилъ аббасидскимъ намѣстникамъ области Африкіе мѣсто въ мухаммеданской нумизматикѣ, разобралъ ихъ монеты, и (ibid. p. 601 sq.) значительное ихъ количество, хранящееся въ музеяхъ Борджіа и Нани и вовсе невѣрно описанное Адлеромъ и Ассемани, возвратилъ къ настоящему ихъ источнику. Также въ десятомъ томѣ тѣхъ же «Мемуаровъ», въ статьѣ —Commentarii II de aliquot numis Kuficis qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur, pp. 450 sqq., опредѣлено мною значительное число монетъ Аглабидовъ, находящихся въ иностранныхъ кабинетахъ и оставшихся неузнанными. Что̀ касается до монетъ Идрисидовъ, то, опредѣливъ впервые съ достовѣрностію одну изъ нихъ, въ разсужденіи Numi Kufici qui in Imperatoris Aug. Museo Petropolitano

* Это имя пишется буквами *вдвъ, тд-муаллефъ*, и *тд-марбутъ*. П. С.

Digitized by Google

servantur, p. 572 № 40, помѣщенномъ въ девятомъ томѣ «Мемуаровъ», я издалъ въ послѣдствіи, въ Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Scient. Petropolit. на стр. 7 и слѣдующихъ, цѣлый рядъ ихъ, который доказываетъ, что покойный Расмуссенъ несправедливо сомнѣвался въ томъ, могутъ ли находиться идрисидскія монеты въ могилевскомъ кладѣ, потому-что описанныя мною почти всѣ происходятъ изъ этого клада или вырыты вообще у насъ.

Этимъ достаточно подтверждается нахожденіе *африкано-арабскихъ* монетъ въ старинныхъ кладахъ съ арабскими деньгами въ Россіи и отчасти въ при-балтійскихъ странахъ, хотя число ихъ значительно уступаетъ числу *азіятскихъ*. Не излишне при томъ замѣтить, что въ тѣхъ кладахъ, гдѣ находятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ африканскія монеты, обыкновенно не попадается *саманидскихъ*, — такъ, напримѣръ, въ тульской находкѣ (см. ниже, № 3), въ херсонской, минской и могилевской (см. № 14, 15 и 17), также и въ кладахъ, отрытыхъ близъ Данцига и на островѣ Фальстерѣ, о которыхъ говорено выше; почему и можно предполагать, что въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ саманидскими, смѣшеніе ихъ произошло въ послѣдствіи.

Какимъ же образомъ, и когда, означенныя африкано- и испано-арабскія монеты могли зайти въ балтійскія страны и внутрь Россіи до при-днѣпровскихъ областей и даже до Владиміра, о томъ я изложилъ свое предположеніе въ примѣчаніяхъ къ «Ибнъ-Фодлану» (Ibn-Foszlan's Berichte, стр. 249 и слѣдующія). По всей вѣроятности, эти деньги занесены сюда въ половинѣ девятаго столѣтія, или вскорѣ за тѣмъ, Варягами (скандинавскими Руссами, Норманнами). Набѣги, которые эти смѣлые пираты неоднократно дѣлали на Испанію и на сѣверо-западную Африку,—именно въ годахъ гиджры 229 (843-844 Р. Х.) и 245 (859-860 Р. Х.),—извѣстны изъ исто-

Digitized by Google

ріи. Южная, бо́льшая половина первой изъ этихъ странъ принадлежала тогда Уммеядамъ, а послѣдняя Идрисидамъ: монеты и той и другой династіи составляютъ часть тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, хотя чеканены за нѣсколько лѣтъ до означенныхъ эпохъ. Не производили ли Норманны подобныхъ грабительскихъ набѣговъ и ранѣе 843 года Рождества Христова, хотя о томъ не найдено еще извѣстій въ исторіи? Какъ бы то ни было, достойно примѣчанія, что изъ отрытыхъ на сѣверѣ испанскихъ и мавританскихъ монетъ, новѣйшія относятся къ 802 году Рождества Христова, также какъ и новѣйшія изъ Африкіе. Но мнѣ по-крайней-мѣрѣ неизвѣстно изъ исторіи, чтобы Норманны посѣщали собственную Африку; хотя и весьма позволительно думать, что сѣверные искатели добычи, которые доходили до Италіи, Сициліи и даже до Греціи по Средиземному Морю, не оставили въ покоѣ и восточный край береговъ сѣверной Африки. И что̀ невѣроятнаго въ томъ, что *Касръ-эль-Маджусъ*, «Крѣпость Язычниковъ», лежавшая въ землѣ Кабесъ въ бывшей области Африкіе, въ южной части Туниса, построена ими или названа по ихъ имени? Достаточно извѣстно, что Норманны, и между ними скандинавскіе Руссы, которыхъ толпы въ IX и X столѣтіяхъ наводняли Испанію, Францію и другія страны, встрѣчаются у Арабовъ подъ именемъ *Маджусъ*, или «Язычниковъ» [32]. Въ Асилѣ, лежащемъ въ сѣверной части Марокко, при Атлантическомъ Океанѣ, гдѣ дважды появлялись скандинавскіе Руссы въ 229 году гиджры (томъ самомъ году, въ который они разорили Севиллу), входъ въ рейдъ, гдѣ погибли отъ бури многія ихъ суда, получилъ названіе *Бабъ-эль-Маджусъ*, «Ворота Язычниковъ», какъ то положительно говоритъ Абу-Обейдъ Бекри [33]. Другое имя, *Бабъ-эль-Русъ*, которое носили одни изъ воротъ города Милѐ [34] и которое значитъ не «Ворота головъ», *Бабъ-эль-руусъ*, какъ доселѣ предполагали, а *Ворота Руссовъ*, еще прямѣе свидѣтельству-

Digitized by Google

етъ о пребываніи здѣсь нѣкогда Руссовъ. Въ Милѣ, какъ и въ Касръ-эль-Маджусѣ, они могли обогатиться деньгами арабскихъ намѣстниковъ Африкіе, которыя мы отрываемъ теперь на Сѣверѣ.

Эти деньги, такъ же какъ и изъ Испаніи и Марокко, перенесены ли къ намъ Варягами черезъ Балтійское или черезъ Черное Море, о томъ нельзя ничего сказать рѣшительно. О вторженіи Варяговъ въ нынѣшнюю Россію упоминаетъ Несторъ подъ 859 годомъ. Позволительно предполагать, что оно не было первое. Они приходили тогда изъ своего отечества, черезъ Балтійское Море, и проникали во внутренность страны до Днѣпра. Въ другомъ мѣстѣ описываетъ Несторъ замѣчательный водяной путь, которымъ они слѣдовали черезъ Россію, отправляясь ли съ сѣвера къ Черному Морю и въ Константинополь,—это кратчайшій путь нежели мимо Мыса Винсенте,—или возвращаясь оттуда на родину [35].

Послѣ этихъ замѣчаній, которыя казались мнѣ здѣсь не излишними, перехожу къ настоящему моему предмету.

Приведенное во второмъ примѣчаніи къ этому разсужденію сочиненіе господина Ледебура представляетъ прекрасное обозрѣніе всѣхъ, бывшихъ извѣстными автору мѣстностей сѣверо-восточной Европы, гдѣ находимы были арабскія деньги. Онъ расположилъ ихъ по странамъ, подъ рубриками: Норвегія, Швеція, Россія, Пруссія, Польша, Германія и Данія. Къ книжкѣ приложена карта мѣстонахожденій, которая наглядно показываетъ намъ направленіе замѣчательнаго торговаго пути между европейскимъ Сѣверомъ и Востокомъ, и тѣ пункты, которые особенно богаты кладами и въ то же время извѣстны изъ исторіи, какъ знаменитѣйшіе торговые рынки. Авторъ однако жъ справедливо жалуется что между-тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, именно въ Швеціи, давно уже начали обращать вниманіе на мѣстныя находки арабскихъ монетъ и древностей [36], о сдѣ-

Digitized by Google

ланныхъ въ Россіи подобныхъ находкахъ такъ рѣдко можно найти извѣстія, къ большому ущербу для исторіи и нумизматики [37], что глава о Россіи, въ этомъ его сочиненіи (стр. 31–43) замѣтно должна была уступить въ полнотѣ статьямъ о другихъ сѣверныхъ странахъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, и не желая откладывать далѣе, я извлекъ изъ моихъ бумагъ не маловажное число, болѣе или менѣе подробныхъ, извѣстій о сдѣланныхъ у насъ подобныхъ находкахъ, о которыхъ доселѣ очень мало или вовсе не было извѣстно, и расположилъ ихъ по различнымъ губерніямъ, въ которыхъ открыты клады [38]. Гдѣ было возможно, кромѣ мѣста нахожденія и цѣны находки, я означалъ вкратцѣ и содержаніе ея, и обратилъ также тщательное вниманіе на страны, которымъ принадлежали монеты; на города съ монетными дворами, гдѣ онѣ чеканены; на династіи, къ которымъ онѣ относятся, и на эпоху ихъ чекана. Столь обстоятельное опредѣленіе казалось мнѣ тѣмъ болѣе существенною потребностію, что оно можетъ предотвратить слишкомъ поспѣшныя умозаключенія, къ которымъ могутъ дать поводъ нѣкоторыя находки. Надобно впрочемъ замѣтить, что исчисленныя ниже мѣстонахожденія монетъ въ Россіи не болѣе какъ капля изъ моря. Я тщетно искалъ въ архивѣ нашей академіи указаній на происхожденіе нѣсколькихъ тысячъ саманидскихъ, и другихъ старинныхъ арабскихъ монетъ, обыкновенно попадающихся вмѣстѣ съ ними, которыя я засталъ въ академическомъ минцъ-кабинетѣ въ 1817 году; также и въ послѣдствіи проходило черезъ мои руки огромное число подобныхъ монетъ, о мѣстонахожденіяхъ которыхъ я не могъ узнать ничего обстоятельнаго, хотя, безъ сомнѣнія, онѣ отрыты были въ Россіи. Большую часть ихъ получалъ я черезъ купцовъ, преимущественно чрезъ московскихъ мѣнялъ. Крестьяне и другіе работники, которые отрываютъ изъ земли подобные серебряные клады, имѣютъ свои причины скрывать

Digitized by Google

ихъ, и тайно продаютъ ихъ серебряникамъ или еще чаще Жидамъ. Послѣдніе привозятъ ихъ въ Москву, гдѣ сбываютъ въ серебряномъ ряду мѣняламъ. Весьма понятно, что ни Жидамъ нѣтъ никакой выгоды называть мѣсто, гдѣ сдѣлана находка, ни мѣняламъ нѣтъ охоты разспрашивать ихъ о томъ. Поэтому-то чаще всего получаются самыя темныя извѣстія о такихъ находкахъ. Да обыкновенно мы уже такъ рады, видя эти нумизматическія сокровища сохраненными отъ разрушенія, и имѣя случай пріобрѣсти ихъ, что на радости и не заботимся о томъ, что не могли получить никакого извѣстія о ихъ происхожденіи.

Хотя число кладовъ, о мѣстонахожденіи которыхъ получены мною болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, ни какъ не можетъ идти въ сравненіе съ числомъ тѣхъ, о которыхъ ничего неизвѣстно,—точно такъ какъ и число извѣстныхъ кладовъ, хранящихся теперь въ разныхъ кабинетахъ въ Россіи, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какое осталось неизвѣстнымъ или перелито въ плавильномъ тиглѣ, — тѣмъ не менѣе однако жъ предлагаемый здѣсь перечень свѣдѣній касательно этого предмета можетъ нѣсколько пополнить пропуски въ этомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить другихъ нашихъ нумизматовъ и собирателей восточныхъ монетъ, для пользы науки, не скрывать у себя долѣе извѣстій, какія могутъ они имѣть о мѣстонахожденіяхъ ими описанныхъ или собранныхъ монетъ, и по возможности пріобрѣтать новыя о столь важномъ предметѣ.

1. КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

1. Объ отысканныхъ здѣсь, въ 1840 году, 365 куфическихъ серебряныхъ монетахъ, которыя кромѣ нѣсколькихъ *Аббасидовъ* и *Соффаридовъ*, отъ 190 по 295 годъ гиджры, то-есть, 806 — 907 послѣ Р. Х., состоятъ изъ *Саманидовъ* 280–301 годовъ (893—913 Р.

Digitized by Google

X.) говорено уже мною въ № 19 девятаго тома Bulletin scientifique [38].

II. РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

2. Въ 1839 году, Зарайскаго Уѣзда въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, на берегу Оки, между Коломною и Рязанью, вырыто было работниками, при рытіи фундамента для одного дома, 33 цѣльныхъ серебряныхъ монеты и 24 рубленыхъ по-поламъ или на четверти. Всѣ онѣ относятся къ X вѣку Р. Х. кромѣ одной, которая 286 года гиджры (899 Р. Х.) Это — древнѣйшая. Самая новая — 366 года (976. Р. Х.) Двѣ изъ нихъ *аббасидскихъ халифовъ* и биты въ Багдадѣ (Мединетъ-эль-селямъ), въ 286 и 337 годахъ гиджры. Другія принадлежатъ *Саманидамъ* 326 — 364 годовъ,—онѣ составляютъ бо́льшую часть находки, — и монетнымъ дворамъ городовъ Самарканда, Бухары, Шаша (Ташкенда), Балха и Ращета (малоизвѣстнаго города въ горахъ, въ восточной части Бадахшана, на верхнемъ Оксусѣ) [40].—Третью часть составляютъ 5 монетъ государей изъ дому *Зіяръ*, и чеканены въ городахъ Джорджанѣ, Астрабадѣ и Амолѣ въ 358 — 363 годахъ. Четвертая часть наконецъ состоитъ изъ двухъ, для насъ особенно занимательныхъ, монетъ *Волжскихъ Булгаровъ*, битыхъ въ Булгарѣ и Суварѣ (?) въ годахъ гиджры 338 (Р. Х. 949) и 366 или 376 (то есть, 976 или 986 Р. Х.); но обѣ состоятъ только изъ половинокъ. Эти монеты хранятся теперь въ музеумѣ одесскаго общества исторіи и древностей, которому пожертвованы президентомъ его, тайнымъ совѣтникомъ Д. М. Княжевичемъ. Господинъ Григорьевъ, профессоръ восточныхъ языковъ въ тамошнемъ Ришельевскомъ Лицеѣ, издалъ вполнѣ удовлетворительное описаніе этой находки, которое кромѣ того особенно примѣчательно, какъ первенецъ русской восточно-нумизматической литературы. Оно имѣетъ загла-

Digitized by Google

ніемъ: *Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской Губерніи въ 1839 году*, Санктпетербургъ, 1841.

III. ТУЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

3. Въ 1821 году, писали ко мнѣ изъ Москвы, что одинъ крестьянинъ, вспахивая землю верстахъ въ семи отъ губернскаго города (Тулы), нашелъ сосудъ съ 200 куфическими серебряными монетами. Послѣ того снова найдено было, въ 1823 году, такимъ же точно образомъ, въ Крапивнинскомъ Уѣздѣ, близъ селеній Лапоткова и Покровскаго, принадлежащихъ дѣйствительному статскому совѣтнику Лазареву, 62 монеты, двѣ серебряныя рукоятки, и обломокъ печати, какъ кажется, на зеленомъ воскѣ. Эти монеты я имѣлъ случай видѣть, разсматривая и приводя въ порядокъ весь восточный минцкабинетъ господина Лазарева. Древнѣйшая изъ нихъ 92 года гиджры (710–711 Р. Х.), новѣйшая 201 года (816—817 Р. Х). Онѣ частію азіятскія, частію африканскія. Первыя образуютъ наибо́льшее число, и за исключеніемъ 6 *испегбедіевъ*, состоятъ всѣ изъ монетъ *халифовъ* 92—201 годовъ (отъ 710–711 по 816–817 годъ Р. Х.) и биты въ Васетѣ (на Тигрѣ), Мединетъ-эль-селямѣ (Багдадѣ), Басрѣ, Куфѣ, Джеѣ [1], Теймерѣ (близъ Испагана), Седжистанѣ (то-есть, Зереджѣ, главномъ городѣ этой области), Мервѣ, Балхѣ, Мухаммедіе (то-есть, Реѣ, близъ Тегерана), Табористанѣ (то-есть, Амолѣ) и Арранѣ (то-есть, Берда'а, бывшей столицѣ Аррана). Монеты *Испегбедовъ* частію двуязычныя, съ пеглевійскими и арабскими надписями, частію только съ одними первыми. Изъ послѣднихъ, на трехъ находится куфическимъ шрифтомъ имя Омара, то есть, Омара-ибнъ-эль-Аала, который былъ намѣстникомъ халифовъ Мансура и Мегди въ Табористанѣ, отъ 155 по 161 и потомъ отъ 165 по 167 годъ (772–778 и 781–783 Р. Х.).—*Африкано-арабскія* монеты этого клада, числомъ двѣнадцать, биты

Digitized by Google

частію въ провинціи Африкіе, въ городахъ Африкіе (то есть, Кайруанѣ, столицѣ этой области) [43], и Аббасіе; частію въ Магребъ-эль-аксà, въ городѣ Беда'а,— первыя въ 163–175 годахъ (779—792 Р. Х.), Мухаллебидами, намѣстниками халифовъ въ Африкіе; послѣднія въ 174—187 годахъ (790—803 Р. Х.) Идрисидами, которые основали независимое государство въ Магребъ-эль-аксà. Саманидскихъ монетъ здѣсь не оказалось ни одной. (Ср. St. Petersb. Zeitung, 1828, № 18, и *Русскій Инвалидъ* 1828, № 45—46).

4. Въ 1829 году, я получилъ отъ господина Покровскаго, изъ Бѣлева, три найденныя тамъ монеты: — Гарунъ, Мединетъ-эль-селямъ, 191 (то-есть, 806—807 Р. Х.).—Нухъ I, Самаркандъ, 340 (то-есть, 951—952) —Идрисъ II, Велилѐ, 180 (Р. Х. 796–797).—О городѣ Велилѣ см. примѣчаніе 31-е. Послѣдняя изъ этихъ монетъ есть, слѣдовательно, африкано-арабская.

5. Въ 1834 году, азіятскій музеумъ академіи получилъ отъ господина полковника Барышникова, изъ Москвы, девять куфическихъ монетъ, вырытыхъ близъ Острога, въ Каширскомъ Уѣздѣ: именно 5 *халифскихъ* 121 – 201 годовъ (съ 739 по 816 Р. Х.), битыхъ въ городахъ Мединетъ-эль-селямѣ, Васетѣ, Сукъ-эль-Ахвазѣ (въ персидской провинціи Хузистанѣ), Испаганѣ и Самаркандѣ, и 4 *Тагиридовъ* 248 – 256 годовъ (862 - 870 Р. Х.). изъ Самарканда и Шаша.

IV. ВЛАДИМІРСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

6. Близъ города Владиміра на Клязьмѣ открытъ былъ въ одномъ могильномъ курганѣ кладъ, заключавшій въ себѣ, кромѣ куфическихъ монетъ, серебряныя нѣмецкія деньги императоровъ Оттона II, Оттона III и Гейнриха. Часть этой находки пріобрѣтена была въ 1821 году въ Москвѣ покойнымъ Нѣловымъ (изъ Казани), и хранится въ оставшейся послѣ него коллекціи. Куфическая часть состо-

Digitized by Google

итъ изъ монетъ: a) *халифовъ*, Уммеядовъ и Аббасидовъ, 80—203 годовъ (699 по 818 Р. Х.), изъ городовъ Мединетъ-эль-селяма, Васета, Куфы, Дамаска, Арменіе (то-есть, Довина, древней столицы Арменіи), Мухаммедіе, *** [45], и Аббасіе; монеты послѣдняго города суть, слѣдовательно, *африкано-арабскія*; онѣ относятся къ 157—171 годамъ гиджры (774—787 Р. Х). — b) *Тагиридовъ*, изъ Самарканда, 208 года (823 Р. Х.). — c) *Саманидовъ*, 293—366 (то-есть, 906—977) годовъ, съ монетныхъ дворовъ Бухары, Самарканда, Шаша, Бадахшана, Индерабе и Балха. — d) *Бувейгидовъ*, 349—370 годовъ (960—980), изъ Шираза и Джорджана. — Наконецъ e) *Зіяридовъ*, 364—368 годовъ (975—979 Р. Х.) — Древнѣйшая изъ куфическихъ монетъ этого клада—80 года гиджры (699 Р. Х.), новѣйшая 368-го (979 Р. Х.). Бывшія изъ числа ихъ неизвѣстными описаны мною въ мемуарахъ академіи, въ томѣ IX, стр. 587 и слѣдующія.

V. ЯРОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

7. Въ 1836 году, отрытъ былъ работниками на ярославскомъ шоссé, между Ростовомъ и деревнею Новоселки, любопытный кладъ съ серебряными вещами. То, что̀ доставлено изъ него въ министерство внутреннихъ дѣлъ, передано было имъ министерству просвѣщенія, которое препроводило это въ академію наукъ, для азіятскаго музеума которой оно и куплено. Въ конференціи академіи 23 сентября того же года я сообщилъ извѣстіе объ этихъ древностяхъ. Онѣ вѣсили одинъ фунтъ 23 золотника 29 долей, и состояли изъ 108 штукъ; найденныхъ въ одномъ горшкѣ, небольшихъ пряжекъ, небольшихъ бляхъ въ видѣ полумѣсяца, соединенныхъ вмѣстѣ верхушками; отломковъ трубочекъ нѣсколько конической формы; свернутыхъ серебряныхъ проволокъ; пустыхъ шариковъ; вещицъ въ видѣ пуговицъ, отчасти укрѣпленныхъ на кожѣ; другихъ подобныхъ съ

*

Digitized by Google

ушками или колечками; продолговатыхъ оковокъ, и тому подобныхъ вещицъ, которыя служили къ украшенію конской збруи; и наконецъ нѣсколькихъ монетъ съ ушками. На многихъ изъ бляхъ и пуговокъ находятся арабскія надписи, напримѣръ *Беректъ*, «Благословеніе!» или *Эль-султанъ*, «Султанъ», или *Лиллахъ*, «Богу слава)», или просто имя *Аллахъ*, нѣсколько разъ повторенное. Шрифтъ относится, кажется, къ XI столѣтію нашей эры; но найденная съ тѣмъ куфическая монета принадлежитъ концу X вѣка. Это рѣдкая и дотолѣ неизвѣстная монета Нуха II ибнъ-Мансура, седьмаго независимаго государя династіи Саманидовъ; бита въ Шашѣ (Ташкендѣ) въ 372 или 375 (какъ кажется) году, то-есть, 982 или 985 Р. Х. [44]. Древность клада, судя по этому, относится слѣдственно къ X столѣтію; а находимыя на многихъ изъ поименованныхъ вещей арабскія надписи приводятъ къ заключенію, что онѣ восточнаго происхожденія, или по-крайней-мѣрѣ первоначально принадлежали лицу мухаммеданскаго исповѣданія. Это обстоятельство можетъ послужить существеннымъ указаніемъ на происхожденіе и другихъ, отчасти весьма схожихъ серебряныхъ вещицъ, также открытыхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы [45]. Хотя онѣ и прежде признаваемы были археологами за произведенія восточнаго искусства изъ временъ и странъ арабскаго владычества [46], тѣмъ не менѣе однако жъ, сколько мнѣ извѣстно, до-тѣхъ-поръ не найдено было такихъ, которыя бы арабскими надписями подтверждали несомнѣнно свое восточное происхожденіе [47].

Указывая на Востокъ и на мухаммеданъ, я вовсе не представляю, чтобы ростовскій кладъ перешелъ туда именно изъ нѣдръ Азіи, откуда происходитъ найденная въ немъ монета. Мухаммеданскій Востокъ, которому онъ могъ принадлежать, должно отыскивать гораздо ближе. Между народами, обитавшими нѣкогда въ нынѣшней Россіи, мы находимъ въ числѣ главнѣйшихъ,

Digitized by Google

Волжскихъ Булгаръ, которые исповѣдывали ученіе Мухаммедово, отличались дѣятельностію, и были народомъ въ нѣкоторой степени образованнымъ. Вмѣстѣ съ исламизмомъ приняли они и арабскія письмена, и одни только, между всѣми мухаммеданскими народами Россіи, знали монетное искусство и били свою монету. Образцомъ ея служилъ чеканъ Саманидовъ, съ владѣніями которыхъ они имѣли огромныя торговыя сношенія, и которыхъ монеты черезъ нихъ именно, какъ первыхъ посредниковъ торговли, перешли на Западъ. Монета, найденная нами въ числѣ прочихъ серебряныхъ вещицъ, есть саманидская. Между старинными арабскими монетами, открываемыми въ Россіи и въ при-балтійскихъ областяхъ, не рѣдко встрѣчаемъ и монеты этихъ Булгаръ [48]. Слѣдовательно, изъ всѣхъ предположеній, къ которымъ можетъ дать поводъ настоящій случай, всего ближе принять, что найденные въ ростовскомъ кладѣ остатки збруи носилъ конь, принадлежавшій какому-нибудь Волжскому Булгару, и не изъ черни, конечно, — для того збруя кажется слишкомъ богатою, — а скорѣе изъ ихъ тіуновъ или знатныхъ людей. Излишне будетъ и напоминать при-этомъ о множествѣ непріязненныхъ сношеній и войнъ, происходившихъ между Руссами и Волжскими Булгарами въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и о которыхъ повѣствуютъ наши лѣтописи. (См. *Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1837, Іюль, стр. 135 и слѣд., St. Petersb. Zeitung. 1837, № 270, S. 1198.)

VI. НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

8. Найденныя, въ 1833 году крестьянами, въ Череповецкомъ Уѣздѣ, при рытіи земли, пять серебряныхъ монетъ сообщены были академіи господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія: изъ нихъ оказались двѣ *халифовъ*, изъ Мединетъ-эль-селяма и Магъ-эль-Куфа (то-есть, Диневера [49]), 235 и 245 годовъ гиджры (849

Digitized by Google

и 859 Р. Х.), а три *Тагиридовъ*, изъ Мухаммедіе и Мерва, 242, 248 и 249 годовъ (856, 862 и 863 Р. Х.)

9. Въ томъ же году, открыты были близъ города Демянска три цѣльныхъ и три половинчатыхъ серебряныхъ монеты и также переданы въ академію. Между ними находилось 5 *халифовъ*, изъ городовъ Дарабджерда, Испагана, Мухаммедіе, Балха и Самарканда, годовъ 98 (716 Р. Х.), 195, 196, 197 (810–813 Р. Х.), и одна *Тагиридовъ*, изъ Герата, 209 года (824 или 825 Р. Х.)

10. Въ 1829 году, въ Валдайскомъ Уѣздѣ, у Шлинскаго Озера, подъ однимъ подмытымъ водою дубомъ, найденъ рыбаками боченокъ, уже весьма поврежденный временемъ, съ 200 серебряными монетами. Только пять изъ нихъ были доставлены мнѣ: четыре господиномъ Лажечниковымъ, директоромъ училищъ Тверской Губерніи, въ 1835 году, и одна прежде того адмиралтействомъ. Онѣ были *Саманидовъ*, изъ городовъ Самарканда и Шаша; древнѣйшая 316 года (928 Р. Х.), новѣйшая 340 года (951).

VII. ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

11. «Въ полуверстѣ отъ города Великихъ Лукъ, гдѣ «доселѣ еще видны развалины древняго городища и «находятся двѣ крестьянскихъ избы, найдено было па- «стухами, въ 1802 или 1803 году, на берегу Ловати, «при копаніи песку, сперва нѣсколько разбросанныхъ «тамъ-и-сямъ почернѣвшихъ монетъ. Вскорѣ наткнулись «они на небольшой котелъ, заключавшій въ себѣ такія же «ночернѣвшія монеты. Наконецъ, роясь далѣе, открыли «большой котелъ, который впрочемъ упалъ въ рѣку «съ крутаго берега, отъ чего разсыпалась часть монетъ. «Но и оставшаяся въ вытащенномъ изъ воды котлѣ «часть клада оказалась весьма значительною: она вѣсила «отъ шести до семи пудъ, и продана была на ярмаркѣ «въ Тоснѣ, одному купцу. Мѣсто, гдѣ найдены были «эти монеты, съ каждымъ годомъ подмывается водою

Digitized by Google

«болѣе и болѣе, такъ что теперь оно сдѣлалось уже «совершенно плоско.» — Это извѣстіе сообщено было мнѣ, если не ошибаюсь, въ 1818 году, покойнымъ Флугомъ, который купилъ тогда здѣсь часть этого клада. Сожалѣю, что не имѣю теперь у себя общаго описанія этихъ монетъ. Бывшія изъ числа ихъ неизданными описаны мною въ Novae Symbolae ad rem num. muh., стр. 1 по 27. Онѣ состояли изъ: a) 2 монетъ *халифовъ*, 320 и 322 годовъ (932 и 934 Р. Х.); одна изъ нихъ бита въ Антакіе (Антіохіи) so. b) 41 *Саманидовъ*, отъ 312 по 368 годъ (924–974 Р. Х.), изъ Бухары, Самарканда, Шаша, Нисабура, Амоля, Балха, Индерабе, и Рашета. c) 4 *Буевгидовъ;* новѣйшая изъ нихъ бита въ Арреджанѣ 363 года (974 Р. Х.). d) 4 *Зіяридовъ*, изъ Амоля и Джорджана, съ 358 по 366 годъ (969–977). e) 1 *Хамданидовъ*, изъ Несибина (Nisibis), 337 или 347 года гиджры (948 или 958 Р. Х.). f) 1 старинной *Харезмшаховъ*, битой въ Харезмѣ, въ году гиджры 348 (Р. Х. 959). Древнѣйшая изъ этихъ монетъ, слѣдовательно, 312 года (924), новѣйшая 366 (977 Р. Х.)

12. Въ 1836 году сообщены были мнѣ княземъ Волконскимъ открытыя въ Псковской Губерніи куфическія монеты. Ихъ было, сколько я помню, до 40 цѣльныхъ и 33 ломаныхъ, всѣ серебряныя. Въ томъ числѣ находились монеты *халифовъ*, 258–333 годовъ (872–944); *Саманидовъ*, 284–347 годовъ (897–958), городовъ Бухары, Самарканда, Шаша, Нисабура и Балха; *Буевгидовъ*, 337 и 341 года (948 и 952), города Фесà (въ области Фарсъ); и пять обломковъ монетъ *Волжскихъ Булгаръ*, 338 года (949 Р. Х.) и 344: на всѣхъ пяти видно еще имя города Сувара (Сувазъ?). Древнѣйшая изъ всѣхъ этихъ слѣдовательно, 258 года (872), а новѣйшая 347 (958 Р. Х.). Я полагаю, что эта прекрасная находка, вмѣстѣ съ моимъ описаніемъ, хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Digitized by Google

13. Въ Островскомъ Уѣздѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ города Острова, вырыто было въ одномъ курганѣ, 1837 года, *сто*, большею частію прекрасно сохранившихся, куфическихъ серебряныхъ монетъ, въ кожаномъ почти сгнившемъ мѣшкѣ. Извѣстіе о томъ помѣщено было господиномъ Булгаринымъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1837, № 141. Нельзя не сожалѣть, что эта находка досихъ-поръ не разсмотрѣна была никѣмъ изъ знатоковъ.

VIII. ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

14. Въ 1824 году получилъ *я* изъ Москвы, отъ господина Шпревица, 82 куфическія серебряныя монеты, купленныя имъ у одного изъ тамошнихъ мѣнялъ. «Онѣ, говорятъ,»—писалъ онъ, — «найдены въ Крыму, именно «въ древнемъ, теперь лежащемъ въ развалинахъ, «городѣ Херсонѣ.» То были монеты *халифовъ* и *Тавридовъ*, 110–256 годовъ (728 по 870 Р. Х.), и одна *Аглабидовъ*, изъ Африкіе, 187 года (803 Р. Х.) Неизданныя изъ нихъ описаны мною въ мемуарахъ академіи (Mémoires etc. 5-ème série, tome X, pp. 402 sq.). (См. также Кеппена *Библіографическіе Листы* 1826, № 38; Галльскую Allgem. Litter. Zeitung 1827, № 86, Jen. Allg. Litt. Zeit. 1832, № 132, и проч.)

IX. МИНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

15. Изъ одного клада, открытаго въ этой губерніи, доставлена была, въ 1835 году, въ азіятскій музеумъ академіи 21 серебряная монета. Въ числѣ ихъ была одна *Уммеядовъ*, изъ города Шаміе (?), года 131 (748 Р. Х.), и на нѣсколько *Аббасидовъ*, 134–200 (Р. Х. 751–816), битыхъ въ городахъ Гаруніе [81], Ма'денъ-Баджинесъ [82], Арменіе, Куфѣ, Мединетъ-эль-селямѣ, Джеѣ, Зеренджѣ, Мервѣ, Самаркандѣ и Африкіе. Монеты послѣдняго изъ этихъ городовъ были 175 и 180 годовъ (791 и 796 Р. Х.). Кромѣ ихъ, находилось еще нѣсколько *африканскихъ* монетъ: Ибрагима I, городъ

Digitized by Google

Африкіе, года 186 (802 Р. Х.), и Идриса I, городъ Валиле и Беда'а, 174 года (790 Р. Х.).

X. МОГИЛЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

16. Въ 1822 году, Бѣлицкаго уѣзда, въ городкѣ Гомелѣ, при нивеллированіи площади для рынка, вырыты 82 куфическія серебряныя монеты. Всѣ онѣ *саманидскія*, и выбиты почти исключительно въ городахъ Самаркандѣ и Шашѣ, съ 283 по 331 годъ гиджры, или съ 896 по 943 Р. Х. Этотъ кладъ хранится теперь въ восточно-нумизматическомъ отдѣленіи Румянцевскаго Музеума. Вѣроятно тамъ же находится и подробное, составленное мною въ то время для покойнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, описаніе этихъ куфическихъ монетъ, найденныхъ въ собственной землѣ его (См. впрочемъ Journ. de St. Pétersbourg 1825, № 100; Кеппена *Библіографическіе Листы* 1825 (1826) № 38, и Leipz. Litter. Zeitung. 1826, № 110).

17. Въ томъ же году попался мнѣ въ Москвѣ, въ серебряномъ ряду, цѣлый мѣшокъ старинныхъ арабскихъ серебряныхъ монетъ, привезенный туда однимъ жидомъ изъ Могилевской Губерніи, гдѣ онѣ незадолго передъ тѣмъ были вырыты. Вѣсили онѣ болѣе семи фунтовъ. Всего было до 1300 цѣльныхъ монетъ и нѣсколько сотъ половинокъ и четверинокъ. Онѣ состояли частію изъ *испегбедіевъ*, съ надписями одноязычными и на двухъ языкахъ, числомъ нѣсколько сотъ штукъ, — послѣднія, пеглеви арабскія, относились къ осьмому и началу девятаго вѣка нашего лѣтосчисленія, — частію изъ монетъ обоихъ *всемірныхъ халифатовъ*: *восточно-уммеядскаго*, годовъ 80 по 129 (699–749 Р. Х.) и *аббасидскаго*, 132–199 годовъ гиджры (749–815). Монеты уммеядскихъ намѣстниковъ области *Африкіе* были 109 и 113 годовъ (727 и 731 Р. Х.), а намѣстниковъ *Испаніи* годовъ 110 и 118 (728 и 736); монеты

Digitized by Google

же аббасидскихъ правителей *Африкіе* относились къ 151–183 годамъ (то-есть, 768–799 Р. Х.). Наконецъ изъ монетъ *западныхъ Уммеядовъ*, 150–186 годовъ гиджры (767–802 Р. Х.), и *Идрисидовъ*, 173–186 годовъ (789–802 Р. Х.). Такимъ образомъ монеты этого клада доходятъ только до начала IX столѣтія, и принадлежатъ слѣдовательно, подобно найденнымъ въ Тулѣ, Демянскѣ и Минскѣ, къ эпохѣ до пришествія Рюрика въ Россію.

Лежащіе *въ Азіи* города, на монетныхъ дворахъ которыхъ чеканена часть этихъ денегъ, суть: Емаме (то-есть Хаджръ) и Сана'а въ Аравіи; Дамаскъ и Гаруніе въ Сиріи; Джезире и Касръ-эль-селямъ въ Месопотаміи; Куфа, Мединетъ-эль-селямъ, Васетъ и Басра въ Аравійскомъ-Иракѣ; Ма'денъ-Баджинесъ и Арменіе въ Арменіи; Арранъ (то-есть, Берда'а); Табристанъ (то-есть, Амоль), Маги (Гамаданъ?), Рей или Мухаммедіе, и Теймере въ Персидскомъ-Иракѣ; Сорракъ, Джондеи-Сабуръ и Рамъ-Гормузъ въ Хузистанѣ; Истахръ, Дарабджердъ, и Ардеширъ-хорра (то-есть, Фирузабадъ) въ Фарсѣ; Керманъ, то-есть, Зинджанъ, столица Кермана; Седжистанъ, или городъ Зереджъ въ области Седжистанѣ; Мервъ и Балхъ въ Хорасанѣ; Самаркандъ въ Мавераннегрѣ.

Несравненно бо́льшая часть монетъ выбита въ *Африкѣ*, и довольно значительное число въ *Испаніи*: послѣднія чеканены въ Андалусѣ, то-есть Кордовѣ (Cordova), тогдашней столицѣ арабской Испаніи, а первыя въ городахъ Мысрѣ (Фостатѣ), Африкіе, Аббасіе, Мубарекѣ [53], Валиле, Беда'а и Сисѣ [54].

Объ этой важной находкѣ, изъ которой болѣе двухъсотъ-пятидесяти монетъ пріобрѣтено для азіятскаго музеума академіи, см. Ibn-Foszlan's Berichte, стр. 249 и слѣд., Leipz. Litter. Zeit. 1822, № 321, Journ. Asiat. tome I, 1823, p. 21. [55].

18. Въ Лелевелевой Numismatique de moyen âge, томъ II стр. 83 (1835 года), говорится о кучѣ *испегбедіевъ*,

Digitized by Google

открытыхъ недавно не вдалекѣ отъ Могилева, на берегу Днѣпра. «Нѣсколько лѣтъ тому, пишетъ Лелевель, «вырыли близъ Могилева на берегу Днѣпра, значитель-«ное количество хозройскихъ монетъ, изъ которыхъ «отлили довольно тяжелую чашу: только немногія изъ «нихъ уцѣлѣли отъ переплавки. Я выгравировалъ ихъ въ «Вильнѣ, въ 1824 году.» — Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что и эти монеты принадлежали къ одному же кладу съ предъидущими.

XI. СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

19. Изъ извѣстія, сообщеннаго академіи Палласомъ въ началѣ 1785 года о найденныхъ въ этой губерніи двѣнадцати монетахъ, и которое я храню въ Азіятскомъ Музеумѣ, видно по крайней мѣрѣ, не смотря на вовсе неудовлетворительное объясненіе ихъ, которое этотъ ученый академикъ получилъ отъ татарскаго муллы, что девять изъ нихъ были монеты *халифовъ*, именно *Уммеядовъ*. Одна бита будто-бы въ городѣ Khomis или Phomis, въ 7065 году отъ сотворенія міра; я доказалъ, что мѣсто чеканки этой монеты есть Кумисъ (то-есть, Дамеганъ), а время — 95 годъ гиджры. (См. Das muhammed. Münzkabinet des Asiat. Museum, стр. 78). Другая будто-бы выбита въ городѣ Саннуа, въ 68 году гиджры: здѣсь опять двѣ ошибки въ слѣдствіе неправильнаго чтенія, что замѣчено мною въ томъ же сочиненіи. Третья и четвертая, изъ Васета, 111 и 123 годовъ, могли быть опредѣлены вѣрно, потому-что такія монеты попадаются въ нашемъ собраніи. Пятая будто-бы выбита въ Дамаскѣ, 160 года гиджры, что едва ли вѣроятно, если легенды ея, какъ говоритъ извѣстіе, такія же какъ на предъидущихъ; притомъ аббасидскихъ монетъ изъ этого города, и этого года, мнѣ еще доселѣ не попадалось. Шестая, которая также имѣетъ одинаковыя съ предъидущими легенды, чеканена будто-бы то же въ Дамаскѣ, 160

Digitized by Google

года, что̀ равнымъ образомъ должно быть ошибочно. Такъ какъ годы чеканки седьмой, осьмой и девятой, какъ полагаетъ извѣстіе, нѣсколько позднѣйшіе, мѣсто чеканки — Васетъ, и надписи на поляхъ отличаются отъ надписей шести предъидущихъ, то можно принять ихъ за *аббасидскія*. Что̀ касается до трехъ остальныхъ монетъ, то нѣтъ сомнѣнія, судя по Палласову описанію ихъ чекана, что онѣ *испегбеди*. Слѣдовательно, эпоху монетъ этой находки должно отнести къ VIII столѣтію нашего лѣтосчисленія.

20. Въ 1830 году открыто въ той же губерніи десять серебряныхъ монетъ, которыя Государь Императоръ соизволилъ передать академіи. Всѣ онѣ были *саманидскія*, десятаго вѣка нашего лѣтосчисленія и чеканены въ городахъ Самаркандѣ, Шашѣ и Индерабѣ.

XII. ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

21. Въ 1839 году господинъ министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ въ академію 3 серебряныя цѣльныя монеты и 4 обломанныя, найденныя при рытіи земли кантонистами витебскаго баталіона. Четыре изъ нихъ принадлежали десятому халифу *Уммеядовъ* и тремъ первымъ *Аббасидамъ*, слѣдовательно осьмому вѣку нашего лѣтосчисленія. Пятая была монета третьяго эмира династіи *Тагиридовъ*, Абдуллаха, изъ Мерва, 129 года гиджры, то-есть, 834 Р. Х.

XIII. КУРЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

22. «Въ 1796 году, одинъ мельникъ нашелъ въ «окрестности городка Гробина (Grobin), на принадле-«жавшемъ казнѣ участкѣ земли, зарытый горшокъ, «содержавшій въ себѣ болѣе ста арабскихъ куфическихъ «монетъ, — въ томъ числѣ однако жъ много разрублен-«ныхъ по поламъ, — и одинъ кусокъ литаго серебра,

Digitized by Google

«которыя онъ и представилъ начальству, какъ казен-«ную собственность. На аукціонѣ, объявленномъ въ «Іюлѣ того же года курляндскимъ камеральнымъ судомъ, «одинъ жидъ купилъ всю эту находку; но въ послѣд-«ствіи передалъ большую часть монетъ какому-то «золотыхъ дѣлъ мастеру въ Митавѣ. Здѣсь-то увидѣли «ихъ нѣкоторые любители нумизматики, и спасли до «двадцати монетъ отъ истребленія въ тиглѣ.» (См. Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellchaft für Litteratur und Kunst, Bd. II, S. 395)

Восемь изъ этихъ монетъ хранятся въ музеумѣ курляндскаго ученаго общества; изъ нихъ шесть описаны и срисованы въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ [56], а двѣ объяснены въ первомъ томѣ продолженія этихъ Jahresverhandlungen, изданнаго подъ заглавіемъ Sendungen, на стр. 70. Онѣ состоятъ изъ 5 *аббасидскихъ* и 2 *саманидскихъ* и 1 *бувейгидской*. Первыя чеканены въ Мединетъ-эль-селямѣ, Мухаммедіе, Самаркандѣ, и *Аббасіе;* саманидскія въ Шашѣ и также Самаркандѣ; бувейгидская въ Мединетъ-эль-сслямѣ. Древнѣйшая 149 года (766 Р. Х.), новѣйшая 335-го (946). Обѣ *африкано-арабскія*, изъ Аббасіе, относятся къ 772 и 787 годамъ Р. Х.

23. Въ 1823 году сообщилъ мнѣ господинъ статскій совѣтникъ фонъ-Реке (von-Recke) одну *испегбеди* [57], которая вырыта была въ окрестности Тальзена (Talsen).

XIV. ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

24. «Профессоръ Ринкъ, письмомъ 1794 года, увѣ-«домилъ Тихсена изъ Ростока, что года за четыре «передъ тѣмъ вырыто близъ Риги 36 куфическихъ монетъ.» (См. Hartman's Oluf Gerhard Tychsen, Bd. II, Abth. II, S. 40).

25. Близъ церкви вендавскаго пасторства (Wendau), въ семидесяти верстахъ къ юго-востоку отъ Дерпта,

Digitized by Google

вырыли плугомъ, въ 1821 году, 7 куфическихъ серебряныхъ монетъ, перемѣшанныхъ вмѣстѣ съ англо-саксонскими короля Этельреда. Изъ нихъ было двѣ *Саманидовъ*, 349 и 351 годовъ (960 и 962 нашей эры), изъ Самарканда и Бухары; одна предположительно *булгарской* перечеканки съ саманидской монеты; одинъ *илекъ*, Бухара, 399 (то-есть 1008 или 1009 Р Х.), и три *Мерванидовъ*, 387–402 годовъ (997–1011 Р. Х.), изъ городовъ Амида и Міяфарекейна. — Этотъ кладъ, такъ же, какъ и найденный въ Финляндіи (см. ниже № 39), примѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ монеты позднѣйшихъ годовъ, нежели всѣ другіе найденные въ Россіи и доселѣ извѣстные. (См. Journ. Asiatique 1824, tome IV, p. 275).

26. Изъ пяти куфическихъ серебряныхъ монетъ, купленныхъ въ Ригѣ, въ 1826 году, покойнымъ генеральнымъ консуломъ Гейдекеномъ, и сообщенныхъ имъ мнѣ, четыре были *Аббасидовъ*, 137–236 годовъ (754–850 Р. Х.), городовъ Мединетъ-эль-селяма и Куфы; въ пятой я призналъ монету *Окайлидовъ*, Мосуль, 388 (?) года, то-есть, 998 Р. Х.

27. Въ 1828 году, господинъ совѣтникъ Германнъ, изъ Риги, сообщилъ мнѣ 38 монетъ, хранившихся въ его минцкабинетѣ, изъ числа вырытыхъ въ одномъ кладѣ въ Лифляндіи. Онѣ принадлежали десяти разнымъ халифамъ дома *Аббасидовъ*, и двумъ эмирамъ *Тагридовъ*, годовъ 134–258 (то есть, 751–872 Р. Х.). Мѣста, гдѣ онѣ биты, — Куфа, Самерра, Мединетъ-эль-селямъ, Басра, Несибинъ, Гарунабадъ, Арменіе, Рей, Испаганъ, Зеренджь, Нисабуръ, Мервъ, Балхъ и Самаркандъ. Восемь изъ этихъ монетъ, недостававшихъ въ азіатскомъ музеѣ, были для него куплены.

28. Весьма отчетливыя извѣстія о многихъ мелкихъ на-

Digitized by Google

ходкахъ куфическихъ монетъ въ Дерптскомъ Уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ Лифляндіи, и объясненіе ихъ, сообщаетъ докторъ Ганзенъ (Hansen) въ своей Recensio XLII numorum arabicorum quorum major pars in agro Dorpatensi reperta est, — сочиненіи, напечатанномъ въ 1838 году въ Дерптѣ, и по которому судя, арабская нумизматика въ правѣ многаго ожидать отъ автора. Изъ описанныхъ въ этой книгѣ монетъ, древнѣйшая 169 года, (785 Р. Х.), а новѣйшая конца четвертаго вѣка гиджры, или десятаго по нашему лѣтосчисленію. Кромѣ нѣсколькихъ *халифовъ* и *Тагиридовъ*, одной *Хамданидовъ* и одной *Окайлидовъ*, всѣ остальныя *Саманидовъ*. Мѣста ихъ чеканки, которыхъ названія можно было разобрать, суть: Куфа, Мединетъ-эль-селямъ, Мухаммедіе, Нисабуръ, Балхъ, Бухара, Самаркандъ и Шашъ.

29. Въ трудахъ эстонскаго ученаго общества (Verhandlungen der gelehrten Esthnischen Gesellchaft zu Dorpat, Band I, Heft 1, S. 68–72) помѣщено докторомъ Ганзеномъ извѣстіе о находкѣ куфическихъ монетъ близъ Оберпалена (Oberpahlen) въ 1839 году. «Кромѣ многихъ «англо-саксонскихъ монетъ,» (сказано тамъ, стр. 69) «попавшихъ въ другія руки, находилось, сколько мнѣ теперь «извѣстно, 12 куфическихъ; три изъ нихъ пріобрѣтены «профессоромъ Преллеромъ для университетскаго музеума, «а остальныя купилъ я для своей коллекціи. Онѣ найдены «оберпаленскими крестьянами во время обжиганія по«росшихъ кустарникомъ полей для воздѣлыванія земли. «При этомъ наткнулись они на два горшка и разбили «ихъ; но монеты разсѣяны были въ разныхъ мѣстахъ, «преимущественно подъ корнями кустарниковъ, куда, «какъ полагали крестьяне, онѣ могли быть занесены «мышами. Я пріобрѣлъ эти монеты въ Дерптѣ, и по«тому не могу сообщить дальнѣйшихъ извѣстій о по«мянутыхъ горшкахъ или сосудахъ. Монеты всѣ серебря-

Digitized by Google

«ныя.» — Онѣ состоятъ, какъ видно изъ описанія ихъ, изъ двухъ *Аббасидовъ*, битыхъ въ Ахвазѣ и Мединетъ-эль-селямѣ, 309 и 319 годовъ (921 и 931 Р. Х.), пяти *Саманидовъ*, изъ Шаша и Балха, изъ которыхъ древнѣйшая 282 года (895 Р. Х.), а новѣйшая предположительно двадцатыхъ годовъ IV вѣка гиджры, или тридцатыхъ X столѣтія нашей эры; двухъ *Хамданидовъ*, 337 или 347 года, то-есть 948 или 958 Р. Х.; двухъ *Буевейгидовъ*, средины того же столѣтія, битыхъ въ Арреджанѣ и Испаганѣ; наконецъ одной рѣдкой, еще не изданной, но къ сожалѣнію весьма истертой монеты, которая имѣетъ видъ *окайлидской:* она 385 года гиджры, то-есть, 996 по нашему лѣтосчисленію.

XV. ЭСТЛЯНДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

30. Въ 1685 году открытъ былъ близъ Ервиса, въ карусенскомъ погостѣ [87], значительный кладъ съ арабскими деньгами, въ которомъ находились также англо-саксонскіе пенязи (penega) королей Этельреда, Кнута Великаго, Гаральда I, Гардкнута, Эдуарда Исповѣдника и Гаральда II, и большое количество монетъ современныхъ германскихъ князей и епископовъ. (См. Liljegren, въ Vitterh. Academiens Handlingar томъ XIII, страница 167, и Ledebur страница 41).

31. Двѣнадцать куфическихъ монетъ, вырытыхъ близъ Ревеля въ земляномъ сосудѣ, хранятся теперь въ музеумѣ Гёттинскаго Университета. Онѣ описаны Тиксеномъ (Th. Ch. Tychsen) въ девятомъ томѣ «Гёттингенскихъ Записокъ» (Goetting. Commentat. T. IX, p. 108 и слѣд.). Онѣ состоятъ изъ 8 монетъ *халифовъ*, Уммеядовъ и Аббасидовъ, и 4 *Саманидовъ*. Древнѣйшая изъ нихъ 98 года гиджры (716 Р. Х.), новѣйшая 331 гиджры (942 Р. Х.). Биты онѣ въ Дамаскѣ и Васетѣ, Мединетъ-эль-селямѣ и Мухаммедіе, Шашѣ и Индерабѣ. На одной

Digitized by Google

однако жъ мѣсто чеканки стерлось (см. въ вышеприведенномъ сочиненіи стр. 120 и таблицу I № V). Особенный куфическій шрифтъ ея даетъ поводъ признать въ ней монету африкано-арабскую; мѣсто чеканки ея, вѣроятно, Беда'а. (Сравни Recensio numorum muhammed. p. 12*** № 5, f).

32. О найденномъ въ 1813 году, въ имѣніи Фикель (Vickel) близъ Ревеля, значительномъ кладѣ съ серебряными кольцами, разными предметами убранства, цѣльными и ломанными восточными монетами, упоминаетъ Ледебуръ, на страницѣ 42.

XVI. САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

33. Баронъ Ашъ, письмомъ изъ Санктпетербурга 1799 года, увѣдомилъ Тихсена въ Ростокѣ, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ, при истокѣ Невы, вырытъ сосудъ, заключавшій въ себѣ монеты халифовъ и армянскія, которыя почти всѣ были потомъ переплавлены. (Hartmann, въ своемъ Oluf Tychsen, стр. 41.)

Нѣтъ, кажется, надобности и замѣчать, что названіе «*армянскія* монеты», которое мы здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вѣрно, потому-что трудно себѣ предположить, чтобы какой-либо армянскій владѣтель чеканилъ монету въ эпоху владычества Арабовъ, къ которой относятся всѣ открытыя на Сѣверѣ арабскія деньги; и притомъ ни въ одномъ изъ кладовъ, вырытыхъ въ нашихъ странахъ, никогда еще не попадалось собственно армянской монеты. Нельзя не удивляться, что ни Гартманъ въ приведенномъ мѣстѣ, ни Ледебуръ (Zeugnisse, S. 39), не усомнились въ такомъ извѣстіи. Послѣднему мы всё-таки благодарны за краткое свѣдѣніе о шести монетахъ этой находки: онѣ были *Аббасидовъ* и *Саманидовъ*, и въ 1800 году поступили въ прославленный Тихсеномъ

Digitized by Google

и Гартманомъ минцкабинетъ покойнаго купца Адлера въ Берлинѣ. Свѣдѣнія, какія старался я собрать на самомъ мѣстѣ находки, не привели къ ожиданному результату. Я узналъ только черезъ господина Усова, редактора Земледѣльческой Газеты, что дѣйствительно въ Галерной Гавани на Васильевскомъ Острову вырытъ былъ рабочими изъ земли въ 1797 году, небольшой мѣшокъ съ куфическими монетами, которыя и разошлись по рукамъ между тамошними жителями. Одну, случайно попавшую къ господину Усову, я получилъ отъ него. Она была серебряная, *африкано-арабская*, битая повидимому въ Аббасіе, въ **3 году (предположительно въ 163, то-есть, 780 Р. Х.), въ правленіе третьяго халифа Аббасидовъ, Мегди, намѣстникомъ Области Африкіе, знаменитымъ Езидомъ-ибнъ-Хатѣмъ.

34. Нѣсколько лѣтъ тому, сколько припомню, получены были мною отъ господина Тамилова куфическія монеты, найденныя въ Старой-Ладогѣ: между ними одна была *Мервановидовъ*, битая въ Міяфарекейнѣ, въ 392 (?) году, 1002 Р. Х.

35. «Въ 1809 или въ 1810 году, одинъ рыбакъ, кре«стьянинъ госпожи Бестужевой, на берегу Ладожскаго «Озера, въ двѣнадцати верстахъ отъ устья Волхова, уви«дѣлъ однажды, что дерево, къ которому онъ обыкно«венно привязывалъ свой челнокъ, вырвано бурею. Же«лая прикрѣпить челнъ къ оставшимся корнямъ дерева, «онъ замѣтилъ, что земля подъ ними глубоко подмыта «и унесена волнами, и пораженъ былъ изумленіемъ, уви«дѣвъ вдругъ множество серебряныхъ монетъ. При «ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что тамъ зако«пана была цѣлая бочка денегъ, и дерево посажено «надъ нею, какъ знакъ для отысканія. Дважды долженъ «былъ крестьянинъ возвращаться на своей ладьѣ для «перевозки клада въ деревню. Здѣсь скоро провѣдали

Digitized by Google

«о находкѣ; земская полиція и владѣтельница деревни «предъявили свои требованія. Онѣ довольствовались се«мью пудами, а крестьянинъ оставилъ вѣроятно при «себѣ довольное количество, потому-что черезъ нѣ«сколько лѣтъ выкупился самъ и выкупилъ семью, пе«реѣхалъ въ Тихвинъ, купилъ тамъ домикъ и завелъ «торговлю. Кладъ состоялъ, говорятъ, изъ куфическихъ «монетъ. Онѣ перешли, къ сожалѣнію, въ плавильные «горшки.» (Сообщено господиномъ статскимъ совѣтникомъ Рейхелемъ).

XVII. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ.

36. «Въ 1787 году найдено было въ Пелькене (Pel«kene) 40 лотъ серебра, состоявшаго частію изъ араб«скихъ монетъ и изъ запястья, вѣсившаго 14½ лотъ.» (Ledebur, стран. 38, по Лиліегрену стран. 203).

37. Нѣкоторыя, открытыя въ Финляндіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, куфическія серебряныя монеты описаны Галленбергомъ въ Quatuor monum. aen. p. 60, или въ Numismata Orient. P. I p. 199 sqq., — именно, двѣ цѣльныя *Саманидовъ*, изъ которыхъ одна бита въ Самаркандѣ, 303 года (915 Р. Х.), и три обломанныя того же рода: между ними одна половинчатая, по всей вѣроятности, *булгарской* фабрикаціи (она изображена въ первомъ изъ названныхъ сочиненій на стран. 56, во второмъ на таблицѣ XIII подъ № 2; и описана въ послѣднемъ на страницахъ 200 и 212).

38. Въ 1823 году получилъ я, черезъ покойнаго адъюнкта Тенгстрёма, каталогъ куфическихъ монетъ, хранившихся въ тогдашнемъ Абовскомъ Университетѣ, и которыя вырыты были въ окрестности Або [88]. Спасены ли были онѣ во время несчастнаго пожара въ 1827 году, мнѣ неизвѣстно. Въ каталогѣ приведено было 14 цѣльныхъ монетъ и 6 обломковъ; кромѣ нѣсколькихъ монетъ *халифовъ*, Мединетъ-эль-селямъ, 281 (894 года

Digitized by Google

Р. Х.), — всѣ онѣ были *саманидскія*, 280 — 333 годовъ (то-есть, 893 — 945), битыя въ Самаркандѣ и Шашѣ.

39. Десять или двѣнадцать лѣтъ тому, невдалекѣ отъ пасторства Раутусъ и станціи Мегре (Mägrä), въ осьмидесяти верстахъ отъ Санктпетербурга по дорогѣ въ Кексгольмъ, вырыто было 9 куфическихъ серебряныхъ монетъ вмѣстѣ съ 12 другими, вѣроятно англо-саксонскими. Первыя, которыя получилъ я отъ владѣтеля ихъ полковника Фока (Fock), состояли изъ одной *аббасидской*, Мединетъ-эль-селямъ, 324 (936 Р. Х.); 4 *саманидскихъ*, Самаркандъ и Индерабе, 301 — 306 (913 — 971 Р. Х.); 1 *бувейгидской*, средины X столѣтія нашего лѣтосчисленія и битой въ Басрѣ; 1 *мерванидской*, половины того же столѣтія и битой въ Міяфарекейнѣ; одной монеты *илека* Насра, (Бухара), 399 года (1008 — 1009 Р. Х.), и наконецъ одного экземпляра той замѣчательной двуязычной монеты, съ которой снимокъ изданъ мною въ сочиненіи die Münzen der Chane на стр. 47, и которая описана тамъ же на стр. 55 [60]. Древнѣйшая изъ этихъ монетъ относится, слѣдовательно, къ 913 году Р. Х., а новѣйшая къ 1008 году. (Сравни выше, кладъ № 25).

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что *всѣ* приведенныя въ этомъ обозрѣніи монеты — серебряныя.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] См. Bulletin scientifique, tome IX, № 19. Въ помѣщенной здѣсь статьѣ авторъ опредѣлилъ куфическія монеты, найденныя, въ 1840 году, въ Казанской Губерніи и хранящіяся теперь въ богатомъ минцкабинетѣ графа С. Г. Строганова въ Москвѣ. О нихъ сказано ниже, въ примѣчаніи тридцать-девятомъ. *С.*

[2] У Ледебура, въ сочиненіи Ueber die in den Baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient zur Zeit der arabischen Weltherrschaft, Berlin, 1840, на страницѣ 35 и слѣдующихъ, самымъ восточнымъ пунктомъ показана Пермская Губернія, въ чемъ авторъ слѣдовалъ Штраленбергу, который говоритъ (Beschreibung von Nord-und Ost-Europa, стр. 103), что «по рѣкѣ Печорѣ (Pytziora), преимущественно «около города Чердынь (Tzordin), въ многочисленныхъ тамъ «могильныхъ курганахъ (in tumulis sepulchralibus) находятъ «большое число монетъ древнихъ арабскихъ халифовъ.» Хотя нахожденіе тамъ этихъ монетъ не могло бы удивить насъ, тѣмъ не менѣе однакожъ ни въ Казани, ни тутъ, еще не было отыскано ни одной изъ нихъ; притомъ авторитетъ добраго Штраленберга въ дѣлѣ опредѣленія древнихъ восточныхъ монетъ вовсе не достаточенъ для того, чтобы дать вѣсъ этому извѣстію. То могли быть монеты хановъ Золотой Орды.

[3] Ledebur, стр. 6.

[4] Въ отношеніи Англіи, мы узнаемъ это изъ Марсдена. Въ его коллекціи восточныхъ монетъ, присоединенной, кажется, по смерти его, къ британскому музеуму (British Museum), находилась одна монета *халифовъ*, Басра, 182 (798 Р. Х.), и двѣ *Саманидовъ*, Шашъ, 293 и 294, то-есть, 906-907 Р. Х., вырытыя въ концѣ прошедшаго столѣтія въ селеніи Динъ (Dean) въ двѣнадцати англійскихъ миляхъ отъ

Digitized by Google

Кесвика въ Комберландѣ; и еще третья *саманидская*, Шашъ, 299, то-есть 911–912 Р. Х., которая вырыта была въ 1807 году, вмѣстѣ съ другими монетами и разными серебряными вещами, на мызѣ Гавергольмсъ (the Haverholms) въ приходѣ Флакстонъ, близъ Іорка. «Она находилась» (говорится о послѣдней монетѣ) – «въ кожаномъ мѣшкѣ, совершенно сгнившемъ отъ времени, вмѣстѣ съ другою истертою монетою той же страны, двумя пенязями (pennies) Эдварда Старшаго, сына Альфреда Великаго, ста-пятьюдесятью саксонскими Peter-pennies, нѣсколькими кольцами и запястьями страннаго устройства, и кусками литаго серебра, назначеніе которыхъ трудно узнать, потому-что они, кажется, только обломки какого-нибудь массивнаго украшенія или убора. Совпаденіе царствованій двухъ изъ трехъ государей, которыхъ монеты найдены вмѣстѣ, достойно примѣчанія. Эдвардъ Старшій наслѣдовалъ отцу своему Альфреду въ 901 году, а умеръ въ 925; Ахмедъ, государь дому Саманидовъ, царствовалъ съ 907 по 913 годъ: такъ какъ ни какія другія монеты позднѣйшихъ царствованій не находились вмѣстѣ съ этими, то можно предположить, что онѣ зарыты были въ землю при Эдвардѣ, который пережилъ Ахмеда двѣнадцатью годами.» См. Marsden, Numismata Orientalia illustrata, tom. I, p. 80 sq. также стр. 39 и 77.

Что́ касается до Исландіи, то пишетъ тамошній пасторъ Торстейнъ Гельгасонъ изъ Рейкгольта (Thorstein Helgason von Reykholt), что лѣтомъ въ 1837 году вырыто въ Міоадалѣ въ округѣ Мейраръ (Mygar), кромѣ нѣсколькихъ стеклянныхъ и янтарныхъ бусъ, двухъ бронзовыхъ пряжекъ и тому подобнаго, также двѣ куфическія монеты. См. Société Royale des antiquaires du Nord. Rapport des séances annuelles de 1838 et 1839, p. 14.

[5] Götlin, Dissert. de numis Cuficis Reg. Acad. Upsal. p. 9.

[6] Mémoires de l'Académie Impér. des sciences de St. Pétersbourg, 5-ème série, tome X, p. 401.

[7] Ledebur, стр. 65.

Digitized by Google

[8] См. мое разсужденіе подъ заглавіемъ Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers über die Stadt Maynz, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences, 6-ème série, tome II, p. 88, 94, 97, 98.

[9] «Этимъ именемъ», говоритъгосподинъ Френъ, «означаю я мелкихъ парсскихъ князей, которые утвердились въ Мазендеранѣ (Табористанѣ) и сопредѣльныхъ при-каспійскихъ странахъ, послѣ паденія державы Сасанидовъ. См. Die Münzen der Chane etc. S. 63, Bulletin, tome II, № 12, p. 186. Испегбедами (*Испехбедъ*, «воевода») назывались намѣстники Сасанидовъ въ Табористанѣ. Когда рушилась держава Сасанидовъ, мазендеранскіе испегбеды отстаивали свою вѣру (поклоненіе огню, вѣру Гебровъ) и независимость отъ натиска Арабовъ; и даже тогда, когда страна ихъ, по частямъ покоренная халифскими полководцами, должна была принять намѣстниковъ отъ имени халифа, они продолжали бить собственную монету съ древнимъ парсскимъ, или парсійскимъ, чеканомъ, присоединяя къ нему иногда только имя эмира и какое-нибудь изреченіе изъ Алкорана. Эти монеты и называетъ господинъ Френъ *испегбеди*, «испегбедскими.» Не смотря на свою независимость, парсскіе князьки сохраняли титулъ испегбедовъ даже до временъ Сефидовъ. Изъ династій, ими основанныхъ, извѣстны: Кариниды, *Али-Каринъ*, царствовавшіе отъ 50 года до гиджры по 224 послѣ гиджры, или съ 574 по 838 Р. Х.; — Дабвейгиды, *Али-Дабвейгъ*, или первая линія Гавпарегидовъ, *Али-Гавпарѣ*, съ 40 по 140 годъ гиджры, 660–757 Р. Х.; — Бадусепаниды, *Али-Бадусепанъ*, вторая линія рода Гавпарѣ, съ 45 по 881 гиджры, 665–1476 Р. Х.; — Кеюсиды, *Кеюсіе*, или первая линія Бавендидовъ, *Али-Бавендъ*, и собственные Испегбеды, *Испехбедіе*, составлявшіе вторую линію Бавендидовъ. (См. *Монеты хановъ улуса Джучіева*, русскій переводъ, стр. 64 и слѣд.) Монеты Испегбедовъ, столь часто попадающіяся въ нашихъ кладахъ, какъ весьма основательно замѣчаетъ господинъ Френъ, вопреки утвержденію Лелевеля въ Numismatique du moyen âge t. II p. 83, могли быть занесены въ Россію не только путемъ торговли, но и въ числѣ добычи, захваченной Руссами во время на-

Digitized by Google

бѣга ихъ на Мазендеранъ. (Bullet. scient. tome II, p. 186; Nouv. Journ. Asiat. tome II, p. 453). *С.*

[10] Сравни Bullet scient. tome IV, p. 149. Зейдиды, *Зейдіе,* названные такъ по имени своего родоначальника, Зейда, царствовали въ Мезендеранѣ и Табористанѣ въ IX и X столѣтіяхъ, и считали себя Алидами, или потомками Алія. *Да'и*, «Призыватель,» есть духовный титулъ, который они употребляли. *С.*

[11] Заджиды царствовали въ Арменіи, Арранѣ, Адербайджанѣ и Персидскомъ-Ираке въ концѣ IX и первой четверти X столѣтія. Въ музеумѣ харьковскаго университета находится достопримѣчательная монета Юсуфа-ибнъ-Дивдада, третьяго государя этой династіи. Она чеканена въ Берда'а въ 299 году гиджры; на оборотѣ ея находятся имена его и халифа Муктадера, а на лицевой сторонѣ имя визиря Абуль-Хасана, то есть, Али-ибнъ-Мухаммеда, называемаго обыкновенно Ибнъ-эль-Форатомъ.

[12] См. Mémoires de l'Académie Imp. des sciences, 6-ème série, tome III, p. 543.

[13] См. Die Münzen der Chane etc. 51 стр. и слѣд. (Русскій переводъ, стр. 51–57).

[14] Это совершенно согласно съ извѣстіемъ, сообщаемымъ однимъ Арабомъ, первой половины X столѣтія. См. The Oriental Geography translated by W. Ouseley, p. 258.

[15] Отъ этого-то и происходитъ, что между-тѣмъ какъ *саманиды* образуютъ важнѣйшую часть богатства восточныхъ минцкабинетовъ въ Россіи, Швеціи, Даніи, Пруссіи и Мекленбургѣ, въ западныхъ и южныхъ государствахъ Европы онѣ почти не встрѣчаются, или находятся въ самомъ незначительномъ числѣ.

[16] О первыхъ изъ нихъ говорится въ моемъ разсужденіи, Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X.

Digitized by Google

Jahrh. n. Ch.. въ первомъ томѣ «Записокъ» нашей академіи (Mémoires etc. 6-ème serie, p. 171 и слѣд.) О перечеканкѣ Булгарами саманидскихъ денегъ, см. другое мое разсужденіе, Ueber alte süd-sibirische Gräberfunde, въ IV томѣ тѣхъ же «Мемуаровъ,» стр. 243, въ примѣчаніи.

[17] О торговлѣ этихъ Булгаръ, см. Ibn-Foszlan стр. 227, и Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, въ Mémoires, 6-e série, tome I p. 541 и слѣд.

[18] Ibn-Foszlan, стр. 5, 7, 9, 70, 71, 147, 247.

[19] См. D'Ohsson, Des peuples du Caucase. стр. 105 и слѣд. и примѣчанія xxxij и xxxiij; Ibn Foszlan's etc. S. 59, 242 и слѣд.; Nouv. Journ. Asiat., vol. II, p. 450 и слѣд.; Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences 6 me sér. t. II, p. 96. tome III, p. 525.

[20] *Испегбеди* есть монета Испегбеда. См. выше, примѣчаніе 9.

[21] Такъ полагали Tychsen въ Eichhorn's Repertorium, Th. VI S. 186, и Introd. in rem numar. Muhamm. p. 80; Adlerbeth въ K. Vitterhets, Historie och. Antiq. Acad. Handlingar, D. I. p. 154, 170; Rasmussen de Orientis commercio p. II, 57. Ср. Ledebur, стр. 18, 19, 37.

[22] Между ними находится одна изъ Феса, выбитая, какъ кажется, въ 195 году, слѣдовательно вскорѣ послѣ основанія этого города.

[23] Въ томъ числѣ есть одна весьма рѣдкая, битая въ Телемсанѣ во второмъ вѣкѣ гиджры.

[24] См. Lindberg, Lettre à M. Brönsted sur quelques médailles cufiques etc. Copenhague 1830.

[25] Послѣдняя бита въ Беда'а и одинакова съ описанною въ Recensio numor. p. 11***. Cl. III, C. № 5, a.

Digitized by Google

Городъ *Бева'а* лежалъ въ западной части Беледъ-эль-Джерида (Biledulgerid), въ двухъ дняхъ пути отъ Седжельмесы: онъ вѣроятно тотъ же самый, который Абу-Обейдъ-Бекри упоминаетъ подъ именемъ *Бера'а* (извѣстно, что въ арабскомъ письмѣ буквы *д* и *р* легко смѣшиваются). Изъ этихъ двухъ транскрипцій первое должно быть правильное, потому-что оно писано куфическимъ шрифтомъ, въ которомъ буква *д* имѣетъ совсѣмъ другую форму нежели *р*. Этотъ *Беда'а*, *Беда'э* или *Беда'этъ* можетъ быть тожественъ съ Птоломеевымъ Badiath, лежавшимъ во внутренней Ливіи, на рѣкѣ Гиръ. (Notices et Extraits, tome XII, p. 600; Bullet. scient., tome IV, p. 309). *С.*

[26] Kehr, Monarchiae Asiatico Saracenicae status, qualis VIII et IX sec. fuit, ex numis etc. illustratus. Lipsiae, 1724.

[27] Kosegarten, въ Erster Jahresbericht der Gesellshaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde, S. 62; Zweiter Ber. S, 67; Dritter Ber. S. 111.

[28] Kosegarten, въ Vierter Jahresbericht S. 108. О другой африканской монетѣ 110 года гиджры, вырытой въ Нижней Помераніи, см. извѣстіе того же ученаго въ Jahresbericht I, S. 24; II, S. 68.

[29] Восемь такихъ же древнихъ африкано-арабскихъ монетъ находятся въ Mus. Muenter. P. III, pp. 142–144.

[30] Mémoires de l'Acad. imp. des sc., 5-ème série, tome IX, p. 600.

[31] Городъ *Валилѐ* (имя это въ книгахъ пишется обыкновенно *Валили*, у Леона Африканскаго Gualilis, и часто смѣшивается съ *Мелиле*, Manila), лежитъ въ двухъ часахъ отъ Микнеса и на день пути къ западу отъ Феса, и былъ нѣкогда столицею и резиденціею Идриса I, основателя названной по его имени династіи Идрисидовъ. Этотъ городъ теперь болѣе не существуетъ; но на горѣ Серхунъ, на которой онъ лежалъ, сохранилась еще могила Идриса, которую тамошніе мусульмане чтутъ какъ святыню. См.

Digitized by Google

Quatremère, въ Notices et Extraits, tome XII p. 575, 591; также Not. et Extr., tome II, p. 158.

[**] См. Ibn Foszlan's Berichte, S. 137, и Bullet. T. IV, p. 138.—Въ этихъ мѣстахъ собраны авторомъ доказательства, что Норманы встрѣчаются у восточныхъ писателей, Абульфеды, Айни, Дженнаби, Димешки, Хаджи-Хальфы и автора «Гезаръ-Феннъ», подъ именемъ *Маджусъ*, «Маговъ,» то-есть «Язычниковъ». Какъ самое рѣшительное подтвержденіе тождества Руссовъ и Нормановъ, знаменитый академикъ приводитъ свидѣтельство Ахмедъ-эль-Катеба, который, при описаніи взятія Севильи Норманами въ 229 году гиджры, или 844 Р. Х., положительно говоритъ: «Къ западу «отъ города Эль-Джезире (Algesiras) лежитъ городъ Ишбилія «(Sevilla), при большой рѣкѣ, на которой (лежитъ) и Кордоба. «Ворвались въ нее (Севилью), въ 229 году, *эль-маджусъ* (маги, «язычники), *называемые эль-Русъ* (Руссами), и грабили и разоряли (ее), и жгли, и убивали (въ ней).» Это мѣсто господа академики Френъ и Кругъ причисляютъ къ важнѣйшимъ свидѣтельствамъ въ пользу скандинавскаго происхожденія Руссовъ. Профессоръ Сенковскій, воспользовавшійся разсужденіями обоихъ академиковъ въ статьѣ своей *Опроисхожденіи имени Руссовъ*, старался еще подкрѣпить новыми доводами ипотезу о тожествѣ Руссовъ и Скандинавовъ (см. *Библіотека для Чтенія* 1838, томъ XXIX, отд. iij, стр. 45–58). Излишне приводить здѣсь всѣ эти доводы, тѣмъ болѣе, что они не касаются нашего вопроса. Мы ограничимся только замѣчаніемъ, что словомъ *Маджусъ* Аравитяне называли не однихъ Нормановъ, но и другіе народы языческіе, — напримѣръ, африканскихъ Берберовъ (см. Reinaud, Invas. des Sarrazins, p. 244): въ странѣ Берберовъ и находилась именно названная выше «Крѣпость *Язычниковъ*», *Касръ-эль-Маджусъ*. Что же касается до названія «Ворота *Руссовъ*», *Бабъ-эль-Русъ*, то оно дѣйствительно свидѣтельствуетъ о пребываніи здѣсь Руссовъ, которое подтверждается и арабскими писателями: Ибнъ-Гаукалъ и Макари положительно говорятъ о множествѣ невольниковъ и евнуховъ *изъ Славянъ*, которые разсѣяны были въ Африкѣ. Между ними, вѣроятно, были и Руссы. *С.*

Digitized by Google

[33] См. любопытныя извлеченія изъ этого арабскаго географа, сдѣланныя Катремеромъ, въ Notices et Extraits, tome XII, p. 569.

[34] Тамъ же, стр. 517. Городъ Милѐ лежитъ въ западной части бывшей провинціи Африкіе, въ нынѣшнемъ Алжирѣ, къ сѣверо-западу отъ Константине, близъ такъ называемой *Вади-ль-Кебиръ*, «Большой Рѣки», впадающей въ Средиземное Море.

[35] Такъ какъ я долженъ былъ пройти молчаніемъ многія стороны интереснаго вопроса касательно находимыхъ въ сѣверо-восточной Европѣ кладовъ съ арабскими деньгами и торговли, которую на нихъ производили, то не излишне будетъ указать здѣсь читателямъ на нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ подробнѣе говорится объ этомъ предметѣ. Вотъ они: *Aurivillius*, De numis Arabicis in Suiogothiâ repertis Disquisitio, въ Nov. Act. reg. Soc. scient. Upsaliensis, vol. II, pp. 79. sq. – *O. G. Tychsen*, Von dem in den Gegenden des Balthischen Meeres so häufigen alten Arabischen Silbergelde, въ (Eichhorn's) Repertorium für bibl. und morgenl. Litteratur, Th. VI, S. 182 ff. – *Adler*, De numis Samanidicis aliisque ad littus maris Baltici effossis, въ его Museum Cufic. Borg. P. II, p. 65. – *Adlerbeth*, Om Sveriges fordna österländska handel i anledning af Arabiska penningar fundne i Svensk jord, въ Kongl. Vitterh. Hist. och Antiq. Academiens Handlingar, Delen I, S. 102. – *Rasmussen*, Om Arabernes og Perserners handel och bekientskab med Rusland og Skandinavien i Middelalderen, въ Molbech's Athene, B. II. Это разсужденіе переведено на шведскій, англійскій и французскій языки; французскій переводъ, сдѣланный съ англійскаго, помѣщенъ въ старомъ Journal Asiatique, tome V et VI. Въ послѣдствіи авторъ напечаталъ передѣланное изданіе этого сочиненія, подъ заглавіемъ De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio arvo. – *Hartmann*, Allgemeine Betrachtungen über die durch einen frühern Handel im

Digitized by Google

Mittelalter in die Ostseeländer eingeführten Arabischen Münzen, въ его сочиненіи Oluf Gerh. Tychsen oder Wanderungen durch die mannigf. Gebiete der biblisch-asiatischen Litteratur, Bd. II, Abth. II, S. 36. ff. – *Bohlen*, Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostsee-Ländern vorkommenden Arabischen Münzen, въ Vaterländ. Archiv für Wissenschaft, Kunst, Industrie und Agricultur oder Preuss. Provinzial-Blätter (Königsberg, 1835), Bd. XIV. Наконецъ *Ledebur*, о которомъ см. выше въ примѣчаніи 2.

Послѣднее изъ этихъ сочиненій, такъ же какъ и предъидущее разсужденіе Болена, надлежало бы ученому перу перевести на русскій языкъ, чтобы распространить, и еще болѣе оживить, возрастающую у насъ охоту къ сохраненію любопытныхъ монетныхъ памятниковъ старины, находимыхъ столь необъятными массами въ нѣдрахъ нашего отечества.

[36] Лиліегренъ имѣлъ средства составить хронологическій указатель семи-сотъ-пяти кладовъ старыхъ монетъ, и разныхъ предметовъ убранства и утвари, большею частію азіятскаго происхожденія, найденныхъ въ Швеціи съ 1547 по 1749, и о которыхъ можно было достать извѣстіе. См. Kongl. Vitterhets, Historie och Antiq. Academ. Handlingar, D. XIII, S. 163 и слѣд.

[37] Еще Тихсенъ изъ Ростока, не задолго до смерти, – когда канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, обратившій вниманіе и на эти замѣчательныя нахожденія денегъ, пригласилъ его заняться снова розысканіями о нихъ, – изъявлялъ желаніе, чтобы тщательно занялись собраніемъ извѣстій обо всѣхъ вырытыхъ въ Россіи арабскихъ монетахъ, битыхъ до XII столѣтія нашей эры. См. Hartmann's Oluf Gerhard Tychsen, Bd. II, Abth. II, S. 113.

[38] Изъ мѣстонахожденій, приводимыхъ господиномъ Ледебуромъ въ упомянутой главѣ, стр. 34—43, я не могъ,

Digitized by Google

для полноты моего обозрѣнія, пройти молчаніемъ тѣ, которыя дѣйствительно принадлежатъ эпохѣ Аравитянъ; я имѣлъ средства присовокупить къ тому ближайшія подробности и опредѣленія, которыхъ нѣтъ у Ледебура. Стоитъ только сравнить извѣстія его (стр. 35) о собраніи монетъ Румянцевскаго музеума, и о кладахъ, вырытыхъ въ Крыму и Смоленской Губерніи, съ свѣдѣніями, помѣщенными въ моемъ обозрѣніи подъ № 14, 16 и 19; о кладахъ владимірскомъ и могилевскомъ (стр. 36) — съ № 6 и 17; о монетахъ музеума бывшаго абовскаго университета (стр. 38) и о монетахъ финляндской находки, описанныхъ Галленбергомъ, — съ № 38 и 37; стр. 41, о велико-луцкомъ кладѣ — съ № 11; и стр. 42, о вырытыхъ близъ Ревеля и Либавы монетахъ, — съ № 31 и 32.

Къ другимъ, приведеннымъ господиномъ Ледебуромъ, указаніямъ мѣстонахожденій монетъ, я не могъ, къ сожалѣнію, присоединить никакихъ объясненій, и долженъ былъ помѣстить ихъ такъ, какъ они есть. Таковы указанія кладовъ, найденныхъ близъ Пелькена (у Ледебура, стр. 38). близъ Ервиса (стр. 41), и близъ Фикеля и Риги (стр. 42).

Допустивъ въ мое обозрѣніе извѣстія послѣдняго рода, хотя они и не совсѣмъ удовлетворительны, я оставилъ въ сторонѣ нѣкоторыя другія, тамъ же сообщаемыя, потому что не достовѣрно, дѣйствительно ли монеты, о которыхъ въ нихъ говорится, принадлежатъ къ разряду куфическихъ. Къ этому роду извѣстій относится стр. 35, заимствованное у Штраленберга свѣдѣніе о халифскихъ монетахъ, найденныхъ въ Пермской Губерніи; стр. 39, о множествѣ куфическихъ монетъ, найденныхъ въ развалинахъ города Булгара; стр. 40, о подобной же находкѣ въ Ладогѣ. — О Штраленберговомъ извѣстіи говорено уже выше, въ примѣчаніи 2. Относительно слѣдующаго, ссылаются на Палласа; но монеты, о которыхъ онъ говорилъ въ первомъ своемъ путешествіи (Reise, Th. I, S. 127), вовсе не халифовъ, ни даже современныхъ имъ владѣтелей Азіи: это монеты хановъ Золотой Орды, XIV-го столѣтія нашей эры. Это ясно видно изъ самаго описанія, сообщеннаго Палла-

Digitized by Google

сомъ, такъ же какъ изъ приложенныхъ къ нему снимковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на таблицѣ VI-й. (Ср. Mémoires, 6-ème série, tome. I, p. 542). Слѣдовательно, монеты эти не относятся къ нашему дѣлу, гдѣ рѣчь идетъ о мухаммеданскихъ деньгахъ прежней эпохи, VIII, IX и X столѣтій нашей эры. То же самое имѣетъ конечно мѣсто и въ отношеніи монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Казанской Губерніи (кромѣ находки, описанной ниже подъ № 1), хотя я долженъ сознаться, что не имѣю свѣдѣній о другихъ подобныхъ находкахъ, кромѣ сейчасъ упомянутой. Такимъ образомъ другія извѣстія о кладахъ въ Финляндіи говорятъ глухо о нахожденіи въ нихъ «иноземныхъ и старинныхъ» денегъ, хотя, судя по нѣкоторымъ находкамъ, можно предполагать, что въ нихъ находились и старыя арабскія монеты. Что же касается до восточныхъ монетъ, вырытыхъ нѣсколько лѣтъ тому въ Закавказской области Карабагъ, и о которыхъ говорится у Ледебура, на стр. 37 въ примѣчаніи, то онѣ вовсе не относятся къ нашему вопросу: то были деньги Сефидовъ и Зендидовъ XVII и XVIII вѣка нашего лѣтосчисленія.

[1] *Аббасидскихъ* монетъ находилось въ этой находкѣ четыре. Онѣ чеканены всѣ въ разныхъ городахъ: въ *Багдадѣ*, резиденціи Аббасидовъ, которой Аравитяне дали по этому почетное наименованіе *Мединетъ-эль-селямъ*, «Домъ привѣта»: только это прозваніе онъ и носитъ на куфическихъ монетахъ; — въ *Серрамарра*, или Самарра, городѣ на Тигрѣ, къ сѣверу отъ Багдада; — въ *Мухаммедіе*, или Реи, лежавшемъ въ осьми верстахъ отъ Тегерана; — и въ *Испаганѣ*. Древнѣйшая изъ четырехъ, и во всей коллекціи, бита въ 191 году гиджры или 806 Р. Х., во имя Амина, наслѣдника халифскаго престола. — Шесть монетъ *Соффаридовъ* биты въ *Ширазѣ* и *Зереджѣ*, бывшей столицѣ Седжистана, нынѣшнемъ Душекѣ (см. это послѣднее слово въ XVII томѣ Энциклопедическаго Лексикона). — Остальныя 355 монетъ, какъ сказано, принадлежатъ *Самандидамъ*. Мѣста, гдѣ онѣ чеканены, суть: *Шашъ*, или Ташкендъ, въ Туркистанѣ, — *Самаркандъ* въ

Digitized by Google

Мавераннегрѣ, – *Индерабе* или *Индерабь*, въ бывшей области Тохаристанѣ, – *Балхъ*, – *Біярд* (?), въ области Кумисъ, – *Нисабуръ*, – *Ма'денъ*, «Рудникъ»: неизвѣстно положительно, какой городъ должно разумѣть подъ этимъ именемъ, Шашъ или Пенджгиръ, – *Пенджгиръ*, въ округѣ Баміянъ, къ сѣверо-сѣверо-западу отъ Кабула, – и *Мервъ* въ Хорасанѣ. (Bullet. Scient. tome IX, № 18 – 19).

Имя *Аббасидовъ* всякому извѣстно (см. это слово въ I томѣ Энциклопедическаго Лексикона). *Соффариды*, названные такъ по прозвищу *Соффаръ*, «кожевникъ», которое носилъ ихъ родоначальникъ, Лайсъ, были преемниками дома Тагеридовъ во владѣніи сѣверо-восточною Персіею. Не смотря на кратковременное существованіе этой династіи, съ 872 по 915 Р. Х. (по Хондемиру), три ея государя быстро распространили предѣлы свой державы: въ цвѣтущій періодъ свой она обнимала не только Хорасанъ, Таберистанъ, Седжистанъ, но еще Керманъ, Фарсъ, Хузистанъ и Персидскій-Иракъ. Она разрушена Саманидами.

Саманиды, которыхъ монеты составляютъ наибольшую массу въ находимыхъ въ Россіи кладахъ, были одною изъ самыхъ могущественныхъ династій когда-либо владѣвшихъ на Востокѣ. Названіе ихъ происходитъ отъ *Самана*, корнака и потомъ атамана разбойниковъ, котораго потомки возвысились въ службѣ аббасидскихъ халифовъ, получили въ управленіе отдѣльныя области, и наконецъ отдѣлились отъ халифата. Владычество Саманидовъ, въ разные періоды существованія этой династіи, простиралось на Мавераннегръ, часть Туркистана, Хорасанъ, Мазендеранъ, Таберистанъ, Седжистанъ и Иракъ-Персидскій. Одиннадцать государей ея царствовали 129 лѣтъ, считая отъ полученія Насръ-ибнъ-Ахмедомъ инвеституры на Мавераннегръ въ 261 году гиджры до смерти Исмаилъ-ибнъ-Нуха въ 395 году (отъ 875 по 1004 Р. Х.). Держава ихъ разрушена въ Мавераннегрѣ туркистанскимъ ханомъ Илекомъ, и въ послѣдствіи бо́льшая часть ея вошла въ составъ новой сильной державы Газневидовъ. (Herbelot Bibl. Orient., Michondi Hist. Samanid.) *С.*

Digitized by Google

[41] См. Mémoires de l'Académie Imp. des Sc., 5-ème série, tome X. p. 525.

[42] Такъ назывался древнѣйшій изъ двухъ городовъ, составлявшихъ нѣкогда Испаганъ. Они были въ одной верстѣ одинъ отъ другаго. Джеи давно уже разрушился.

[43] См. Mémoires de l'Acad., 5-ème série, tome X, p. 446.

[44] Имя города, доселѣ оставшееся еще неизвѣстнымъ, на монетѣ 80 года гиджры. См. Mémoires, tome IX., tab. xix, № 2.

Эта монета, кромѣ именъ названнаго эмира, и халифа Та'и-Лиллаха, на оборотѣ, представляетъ на лицевой сторонѣ вниву титулъ *Хусамъ-эдъ-доулѣ*, подъ которымъ надобно понимать Абуль-Аббаса Таша, бывшаго оберъ-камергеромъ эмира, и вѣроятно завѣдывавшаго и монетною частію, которой управленіе часто соединялось съ камергерскимъ званіемъ. Кромѣ того онъ былъ главнокомандующимъ надъ войскомъ.

[45] Какъ напримѣръ въ кладѣ, вырытомъ въ 1834 году въ Норвегіи, въ округѣ Аггергусскомъ (Aggerhus), въ погостѣ Эгеръ; онъ описанъ Гольмбё (Holmboe).

[46] Ledebur, стр. 10, 46.

[47] Впрочемъ мечъ съ надписью куфическими буквами открытъ въ 1759 году въ Смоландѣ (Smäland). См. Lilje-

Digitized by Google

gren. loco cit. p. 192; Schroeder Catal. numor. Cufic. Acad. Upsal. p. VII, и цитованное тамъ сочиненіе: Croccius, om Tun. Län. p. 49 и Iduna, X, p. 321. Но дѣло въ томъ, была ли эта надпись разсмотрѣна оріенталистомъ, хорошо знакомымъ съ арабскою палеографіею?

[48] Напримѣръ въ рязанскомъ кладѣ (№ 2) и псковскомъ (№ 12). Хранящіеся теперь въ музеяхъ университетовъ харьковскаго, кіевскаго и дерптскаго, академіи наукъ, и восточнаго института, булгарскія монеты вырыты изъ нашей земли. Встрѣчающіяся у Галленберга (P. I, p. 180 строка 8, и на страницѣ 183 строка 17), и принятыя имъ не за тѣ, какія они есть, — найдены вѣроятно въ Швеціи.

[49] См. Mémoires etc., tome X, p. 513.

[50] Находящійся на оборотѣ этой монеты, внизу, титулъ *Амид-эдд-доуле* принадлежитъ визирю халифа Муктадера, Ибнъ-эль-Касему.

[51] Городъ Гаруніе, *Эль-Гаруніе*, или *Гарун-абадъ*, то-есть, *Гарунопрадъ*, «Гаруновъ» городъ, построенъ Гарунъ-эль-Решидомъ еще до восшествія на престолъ, и лежалъ на границахъ Сиріи и Киликіи, на день пути отъ Меръаша. (Bullet. scient. tome I, p. 100). *И. С.*

[52] *Ма'денъ Баджинесъ*, «рудникъ Баджинесъ», или *Багинесъ*, надобно полагать, лежалъ въ округѣ, который Армяне называютъ *Багинъ*, въ Четвертой Арменіи, при верховьяхъ Евфрата, между этой рѣкою и городомъ Амидомъ (Діярбекромъ). Тамъ и теперь находится, на пути изъ Амида въ Малатіе, городъ *Ма'денъ*, славящійся доселѣ желѣзными рудами: онъ-то вѣроятно и есть *Ма'денъ Ба-*

Digitized by Google

длиннесъ, встрѣчаемый на кубическихъ монетахъ. (Bulletin, tome I, p. 127) *C*.

[53] См. Mémoires de l'Acad., 6-ème serie, tome IV, p. 295.

[54] См Bulletin scient., tome IV, № 20, p. 309. Note.

[55] Ко всѣмъ упомянутымъ здѣсь извѣстіямъ, предлежащее обозрѣніе сообщаетъ существенныя поправки.

[56] Для исправленія нѣкоторыхъ объясненій сообщенныхъ, лѣтъ двадцать тому, покойнымъ Сильвестромъ де-Саси и мною, надобно замѣтить слѣдующее: Подъ именемъ *Мухаммедіе* на монетѣ № 1 надлежитъ понимать не кварталъ Багдада, а старинный, находящійся теперь въ развалинахъ, городъ Реи, близъ Тегерана. Монета № 2 есть диргемъ Гарунъ-эль-Решида, битый въ одномъ изъ годовъ 188–193, вѣроятно, въ 190. № 3 выбита, конечно, въ Аббасіе; но этотъ городъ лежалъ въ собственной Африкѣ, а Езидъ, во имя котораго она чеканена, есть Езидъ-ибнъ-Хатѐмъ, изъ знаменитаго дому Мухаллебидовъ, бывшій намѣстникомъ африканской провинціи съ 155 по 170 годъ гиджры, 772–787 Р. Х.

[57] См. примѣчанія 9 и 38, по которымъ нужно исправить примѣчаніе въ Sendungen, I, на стр. 70.

[58] «In dioecesi Revaliensi, districtu Wikensi et Lehalensi, paroecia Karusen, et praedio Jervis in Estlandia», сказано въ Бреннеровомъ Thesaurus numorum Sueo-Gothicorum p. 266.

[59] Aurivillius, въ Nov. Act. Soc. Upsal., vol. II, p. 103. Сравни Ledebur, стр. 37 и слѣдующія.

Digitized by Google

[80] См. также русскій переводъ этого сочиненія, изданный въ 1832 году въ С. Петербургѣ, на иждивеніи академіи Наукъ, адъюнктъ-профессоромъ арабскаго языка при здѣшнемъ университетѣ М. Г. Волковымъ, подъ заглавіемъ *Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды*, стр. 47 и 55. *С.*

П. Савельевъ.

Digitized by Google

Отдѣленіе VI.

Критика.

=

Исторія новой сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго. *Извлечено изъ собственнаго запорожскаго архива* **А. Скальковскимъ, членомъ одесскаго общества любителей исторіи и древностей, корреспондентомъ статистическаго отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.** *Одесса, 1841, въ городской типографіи, VIII и 427 въ 8°.*

Знаменитый историкъ славянскихъ законодательствъ, господинъ Мацѣевскій первый высказалъ мысль, что наше русское казачество не было случайнымъ сборищемъ бродягъ, разновѣрныхъ и разноплеменныхъ, какъ представляли нѣкоторые писатели. У нашихъ русскихъ витязей была опредѣленная цѣль — борьба христіанства съ магометанствомъ; та же самая цѣль, которая послужила основаніемъ западно-европейскому рыцарству. Напрасно нѣкоторые противники славянства думаютъ отвергнуть мысль эту; прочтите «Исторію Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго,» из-

Digitized by Google

влеченную А. А. Скальковскимъ изъ запорожскаго архива и изустныхъ разсказовъ Запорожцевъ: тогда вы не будете оспоривать справедливости мнѣнія, что наше казачество въ основаніяхъ тождественно съ рыцарствомъ. Правда, у казаковъ не было такой вѣжливости какъ на западѣ; правда, они часто нападали и на единоземцевъ: но, скажите по совѣсти, развѣ исторія не представляетъ намъ примѣровъ, что и между рыцарями западной Европы бывали, и очень не рѣдко, такіе удальцы, отъ которыхъ проѣзда не было по большимъ дорогамъ, которые обчищали странниковъ не хуже инаго разбойника. Однако жъ не смотря на такіе поступки *частныхъ лицъ*, общая цѣль рыцарства и казачества — свята и возвышенна. Будемъ болѣе справедливы къ нашимъ южно-русскимъ витязямъ: произвольное (или положимъ, вынужденное бѣдствіями), оставленіе домашняго своего быта, — лѣсовъ волынскихъ, богатыхъ садовъ и пажитей Украины, — переселеніе съ береговъ Виси, Горыни, Западнаго Буга, для того, чтобы въ безлюдной степи или низовьяхъ Днѣпра, соорудить живую, вѣчно-бодрствующую ограду противъ мусульманскаго могущества, не могло быть дѣломъ случайнымъ. Замѣтимъ, что казачество должно было выдерживать первый натискъ враговъ, — и какихъ враговъ! — Турковъ, подавившихъ въ концѣ XI столѣтія византійское греческое государство, Болгарію и Сербію, генуэзскія колоніи на всемъ черноморскомъ и азовскомъ побережьи; Турковъ, которые, силою исламизма и грознаго оружія, примкнули къ своимъ бунчукамъ кибитки и улусы: Ногайцевъ, Татаръ, Черкесовъ, Башкировъ, Калмыковъ, и угрожали всему христіанскому міру Европы. Но со стороны мусульманскаго востока, западная Европа была ограждена славянскими государствами: Россіею, Польшею, Моравіею, Богеміею и непокорными Турціи Сербами; но всей этой, врагами осажденной, такъ сказать, стѣнѣ, проведенной по воображаемой границѣ

Digitized by Google

между исламизмомъ и славянскими христіанами, въ началѣ XVI столѣтія, усѣлись въ грубовооруженныхъ шанцахъ, или въ убогихъ хатахъ и зимовникахъ, славянскіе витязи-земледѣльцы — то были *Казаки*.

Разсмотримъ внимательнѣе основную цѣль и бытъ ихъ, для убѣжденія въ той истинѣ, что наши славяно-русскіе витязи, Запорожцы, составляли родъ военнаго братства, учредившагося подобно римско-католическимъ монашеско-рыцарскимъ орденамъ. Подобно имъ, казачество было связано узами *общины* (societas), *вѣры* (religio) и *призванія* или *цѣли* (vocatio). Въ наше время многимъ, даже и свѣдущимъ въ исторіи казачества, покажется странно и даже невѣроятно, чтобы полуобразованныя казачьи ватаги, весьма малограмотныя, явились на историческое поприще, въ видѣ какъ бы рыцарскаго ордена въ концѣ среднихъ вѣковъ тогда, когда всѣ другіе ордена уничтожились и остались только въ граматахъ, именахъ и гербахъ дворянства западной Европы. Изъ трехъ главныхъ рыцарскихъ орденовъ: Храмовники (Templiers) давно уже были уничтожены (1313); рыцари Святой Маріи или нѣмецкіе (Krzyzacy, тевтонскіе крестоносцы), соединясь съ ливонскимъ орденомъ Меченосцевъ (Porte-Glaive), нѣкогда ужасомъ литовскихъ идолопоклонниковъ и польскихъ христіанъ, — обратились въ свѣтское сословіе, 1562 года сдѣлались вассалами Сигизмунда-Августа, короля польскаго, и преобразовали духовныя свои владѣнія въ княжество прусское. Оставались только одни рыцари Святаго Іоанна Іерусалимскаго, нашедшіе послѣднее убѣжище на безлюдныхъ скалахъ острова Мальты; но и тѣ доживали свой вѣкъ, сражаясь съ десяткомъ галеръ только на морѣ, преслѣдуя Турокъ или варварійскихъ пиратовъ.

Чрезвычайно замѣчательно, что именно въ то время,

Digitized by Google

когда падали на Западѣ римско-католическіе рыцарскіе ордена, на Востокѣ явились витязи православнаго исповѣданія. Это не могло быть иначе, ибо причина учрежденія военныхъ братствъ, могущество мусульманское, угрожавшее цѣлости христіанскаго міра, — все еще существовало и не переставало быть сильнымъ и предпріимчивымъ врагомъ всей Европы.

Читайте исторію казачества и вы увидите, что Запорожцы связаны были священными обѣтами: *товарищества*, — ибо всѣ, безъ различія званія, лѣтъ и происхожденія, дѣлались братьями, товарищами, называли кошеваго *батькомъ*, то есть, отцомъ, а Казаковъ-братчиками; — связаны обѣтами вѣры: никто не могъ быть запорожскимъ Казакомъ, если не былъ *православнымъ*, такъ-что пришлецы всѣхъ другихъ религій, христіане и не христіане, принимались въ общину, но не иначе какъ послѣ принятія ими обрядовъ восточной православной Церкви. * Они обрекались обѣту *послушанія* (votum obedientiae), ибо не только вся община, но даже и церковь запорожская, считая себя отдѣльною отъ всѣхъ русскихъ эпархій паствою **, повиновалась одному только начальнику общества, то есть, кошевому (магистру, Grand maitre на западѣ); обрекались обѣту *безбрачія* castitatis), ибо, какъ всѣмъ извѣстно, только неженатые составляли собственно *товарищество* или Сѣчь Запорожскую, участвовали въ военныхъ подвигахъ и могли быть избираемы во всѣ званія старшины. Всякое преступленіе противъ этого обѣта цѣломудрія, совер-

* Кому неизвѣстны войны, поднятыя казачествомъ за цѣлость и неприкосновенность православія? Въ XVII вѣкѣ унія была причиною возстанія Казаковъ и всей Руси польской, и отпаденія ихъ отъ Польши.

** Обозрѣнію запорожской, *независимой* церкви, у господина Скальковскаго посвящена цѣлая глава, которую совѣтуемъ прочитать внимательно.

Digitized by Google

шенное въ Кошѣ, даже сокрытіе въ немъ женщины, считалось уголовнымъ злодѣяніемъ и преслѣдовалось строжайшими наказаніями, даже смертію. Даже навсегда воспрещенъ былъ женщинамъ пріѣздъ или пребываніе въ Сѣчи, что весьма сходно съ подобнымъ же закономъ (claustrum) въ католическихъ орденахъ. Наконецъ та же *цѣль*, то же *призваніе* — война съ врагами христіанства и защита христіанскихъ государствъ, — западныхъ или славянскихъ, все равно для исторіи, — отъ нашествій Сарацинъ, Турковъ или Монголовъ (Татаръ-Нагаевъ), — собирали равно и католическихъ рыцарей подъ ихъ таинственныя знамена, и Запорожцевъ подъ ихъ хоругви, прапоры и бунчуки.

Счастливо найденные А. А. Скальковскимъ запорожскіе документы, — хотя они не весьма древни, — очень хорошо доказываютъ, что существованіе воинственной казацкой общины основывалось на тѣхъ же понятіяхъ, какія въ западной Европѣ положены были въ основаніе рыцарскихъ орденовъ *.

Понятіе объ общинѣ или товариществѣ встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ дѣлахъ Запорожья. Изъ всѣхъ представленныхъ въ книгѣ А. А. Скальковскаго документовъ, видно, что никто въ запорожскомъ войскѣ не составлялъ *лица*, отдѣльнаго отъ *міра*, *громады*, то есть, *товарищества*. Всѣ безъ исключенія, — пока были или считались въ казачествѣ: кошевой, старшины, полковники, куренные атаманы, асаулы или простые Казаки, — дѣйствовали непремѣнно *міромъ*, цѣлымъ обществомъ (collectivement) отъ имени своего казачьяго войска или товарищества. Сѣчевое товарищество не имѣло даже отдѣльной собственности ни въ земляхъ, ни въ домахъ, ни въ стадахъ; каждый располагалъ только конемъ, оружіемъ и пріобрѣтенною въ

* *Рыцарями, рыцарскимъ сословіемъ*, на всякомъ шагу называютъ Запорожцевъ граматы польскія и церковныя.

Digitized by Google

войнѣ и ему на часть опредѣленною добычею. Зимовники, села, стада и прочее имѣли только женатые, по увольненіи изъ товарищества. Самъ кошевой не имѣлъ ничего собственнаго, какъ этому имѣемъ доказательство въ слѣдующемъ документѣ. Во время пребыванія кошеваго *Кольнышевскаго*, въ 1766 году, въ Петербургѣ, для *войсковыхъ надобностей*, ему на войсковые расходы понадобились деньги. Чтобы не ожидать долго, онъ занялъ у малороссійскаго табунщика, пригнавшаго скотъ въ столицу для продажи, тысячу рублей и въ уплатѣ этой суммы выдалъ росписку не отъ своего имени, а отъ имени *коша*, *старшины* и *товарищества*, и эту росписку вся бывшая при немъ свита подписала. Пища даже была общая, готовилась по куренямъ, куреннымъ *кухаремъ* и, какъ нѣкогда въ Спартѣ или по католическимъ рефекторіямъ, весь курень садился за трапезу подъ начальствомъ своего атамана. *

Нужно ли приводить примѣры? Разверните книгу А. А. Скальковскаго — тамъ ихъ приведено нѣсколько; вотъ одинъ. Въ 1688 году, когда русское правительство, намѣреваясь воевать противъ Крыма, и сосредоточивая войска свои на границахъ, вздумало построить крѣпость на Самарѣ (Усть Самару), на землѣ запорожской, подъ названіемъ Богородицкаго рентрашамента; то въ царской граматѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей и Софьи Алексѣевны сказано: «Нашего царскаго величества подданному, низо- «ваго запорожскаго войска кошевому атаману *Григорію* «*Сагайдачному* и *всему* при тебѣ будущему *поспольству*, «нашего царскаго величества милостивое слово.» Въ 1734 году, по возвращеніи Запорожцевъ изъ крымскихъ предѣловъ подъ русскія знамена, когда извѣстный другъ

* То, что именовалось зимовникомъ судьи, кошеваго и прочее, было не что иное, какъ право пользоваться войсковыми дачами, вмѣсто жалованья, во все время занятія должностей, то есть, одинъ годъ.

Digitized by Google

Мазепы, изменникъ *Филипп Орликъ*, писалъ къ Запорожцамъ, желая возмутить ихъ противъ Россіи, то его посланіе такъ было адресовано: «Мои вельце ласковіе «приятели и братья, пане атамане кошевый и все стар«шее и меньшее войско запорожскаго низоваго *това«рисства.*»

И взаимно, когда Запорожцы, вѣрные своему слову и присягѣ, — не повѣрили льстивымъ совѣтамъ и обѣщаніямъ Орлика, то въ отвѣтахъ своихъ какъ этому невѣрному собрату, такъ и самому хану крымскому, писали, первому: «вельможности вашей всего добраго желатель«ствующіе и до услугъ готовые: Его Императорскаго «Величества войска запорожскаго атаманъ кошевый «Иванъ Милашевичъ, *со всѣмъ товариствомъ.*» Ко второму же изложивъ, что «листъ вамъ ханскій, до *насъ* «войска запорожскаго низоваго присланный, благопри«ятне мы войско до своихъ рукъ одобрали * и оный, «по обычаю нашему войсковому, въ общей радѣ нашей «всѣмъ вслухъ вычитали» и прочее. Оканчиваютъ такъ: «вашему ханскому величеству всего добра желателіе и «нижайшіе до услугъ атаманъ кошевый войска запорож«скаго низоваго *зъ товариствомъ.*»

Русское правительство, — считая войско запорожское частицею Малороссіи, съ 1750 года, то есть, подчиненія Сѣчи малороссійскому гетману, — всѣ свои повелѣнія передавало этимъ путемъ. Въ такомъ случаѣ *генеральная войсковая канцелярія* (въ Глуховѣ) свои ордера подписывала такъ: «Высокоблагородные и вы«сокопочтенные господинъ войска запорожскаго коше«вой атаманъ съ старшинами и *товариствомъ.*» Съ своей стороны Кошъ, обращаясь къ русскимъ пограничнымъ властямъ, хотя признавалъ себя и подданнымъ и подчиненнымъ, однакожъ все еще сохранялъ въ сноше-

* *До своихъ рукъ одобрали*, — это польская формула о полученіи письма: do rek swoich odebrali.

Digitized by Google

ніяхъ свою прежнюю орденскую форму. Такъ во всеподданнѣйшей челобитной, поданной Запорожцами Императрицѣ Екатеринѣ II, чрезъ депутатовъ въ 1773 году, написано: «Бьютъ челомъ всеподданнѣйше Ва«шего Императорскаго Величества войско запорож«ское низовое, атаманъ кошевый, войсковая старши«на, старики, атаманы куренные и все войско.» Такую же формулу внизу челобитной прописывалъ опять или самъ кошевой, или за него войсковый писарь своею рукою. Въ военныхъ рапортахъ они подписывали такъ: «Вашего высокопревосходительства нижайшіе слуги ата«манъ кошевый Петръ Кальнишевскій, войсковая стар«шина и *товариство.*»

Даже во внутреннихъ сношеніяхъ Коша съ подчиненными и подчиненныхъ съ старшиною, это дѣйствованіе и переписка *міромъ* строго соблюдались. Такимъ образомъ въ предписаніяхъ полковникамъ поланокъ, отряднымъ командирамъ и прочимъ въ Запорожьѣ писали: «Изъ Коша войска запорожскаго низоваго пану «полковнику Самарскому Иванову съ старшиною и впредъ «будучимъ по нимъ полковникамъ съ старшиною, при«казъ.» А внизу бумаги: «Атаманъ кошевый *Григорій «Ѳедоровъ* съ старшиною и *товариствомъ.*» Подчиненный же писалъ: «Въ Кошъ войска запорожскаго низо«ваго покорный рапортъ,» а внизу бумаги: «*Ивана Су*««*хина* Бугогардовскій полковникъ съ старшиною и *товариствомъ.*»

Сдѣлаемъ здѣсь небольшое замѣчаніе. Въ большей части *приказовъ* Коша до поланокъ, видѣнныхъ нами, писано: «Полковнику такому-то съ старшиною», а не «съ товариствомъ.» Если это было общее правило, — что весьма вѣроятно, — то это происходило отъ того, что поланки состояли изъ селъ и зимовниковъ, слѣдственно не товарища Сѣчеваго, а *поженившихся* Казаковъ или обывателей; и въ нихъ только начальство,

Digitized by Google

то есть, полковникъ, асаулъ, писарь и военная команда были изъ Коша, то есть изъ старшины. Замѣтимъ также, что всѣ почти должности въ Кошѣ были избирательныя, что именно встрѣчаемъ во всѣхъ католическихъ западныхъ орденахъ: рыцарскихъ и монастырскихъ *. Въ *общей войсковой радѣ*, ** или *кругу*, то есть, собраніи всего запорожскаго товарищества избирался кошевой атаманъ, судья, обозный, писарь и другіе главнѣйшіе *войсковые* чины, обыкновенно на одинъ годъ. Это равняется избранію, въ капитулахъ орденскихъ: великихъ магистровъ, комтуровъ, бальи и прочихъ, съ тою только разницею, что въ послѣднія времена всѣ эти должности были пожизненныя. Въ *радахъ куренныхъ*, по куренямъ избирались атаманы куренные и хорунжіе; но они утверждались Кошемъ, и полковники, асаулы, полковые старшины и писари поланочные назначались самимъ кошевымъ. *** Вотъ документъ или актъ избранія кошеваго. Третьяго Января 1764 (по призыву, сдѣланному войсковымъ довбышемъ), собравшись въ общей войсковой радѣ, запорожскіе Казаки сдѣлали слѣдующій приговоръ: — «Мы всѣхъ куреней атаманы, «со всѣмъ куреннымъ товариствомъ, стариками и молодыми добросовѣстными казаками, и старшина, и все «войско, выбравъ Петра Ивановича Колнишевскаго, «атамана, паки къ командованію надъ войскомъ запо«рожскимъ, упросили его» и прочее. Этотъ любопытный актъ такъ оканчивается: «Во увѣреніе твердости,

* Это называлось: выборы *вольными, голосами* и продолжалось до самаго конца Запорожья.

** *Рада* съ польскаго rada — *совѣтъ*, radzi'c — совѣтовать. *Сходка* значила чрезвычайное собраніе для выслушиванія царскихъ указовъ.

*** См. въ книгѣ А. А. Скальковскаго приложеніе семнадцатое, въ которомъ приведены: примѣръ опредѣленія должности и актъ, или наказъ, опредѣленному чиновнику.

Digitized by Google

«въ заключеніе вышеписаннаго, всѣ вообще атаманы и «все товарищество, такожъ старики и старшины войско-«вые, на семъ, при общемъ круговомъ собраніи, под-«пишемся.»

До-сихъ-поръ сохранившаяся пословица: «терпи казакъ, атаманъ будешь,» доказываетъ, что по правамъ товарищества, всякій казакъ могъ быть избранъ въ атаманы; но власть его и званіе прекращались немедленно, кольскоро другое лицо избрано было на его мѣсто. Тогда кошевой, судья, куренный атаманъ, дѣлался опять казакомъ – товарищемъ своего куреня, наравнѣ съ другими, иногда только сохраняя титло войсковаго старшины. Такіе примѣры видимъ мы надъ бывшими кошевыми старшинами: *Козелецкимъ*, *Бѣлицкимъ*, Филиппомъ и Григоріемъ *Ѳедоровыми* и прочими, сохранившими званіе старшинъ, долгое время послѣ сдачи ими званія кошеваго атамана. «Въ войскѣ запорожскомъ,» говорятъ депутаты въ Москвѣ, въ своемъ докладѣ сенату, 30 Ноября 1767 года, «служатъ и въ Сѣчи запорожской жи-«тельство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ; — но «все общество войска запорожскаго, равно Его Импе-«раторскому Величеству отправляетъ воинскую службу, «тѣмъ паче между онымъ раздѣленій на особливыя «каждаго состоянія нѣтъ.» * Эти простыя слова составляютъ лучшее историческое доказательство ихъ орденскаго равенства.

Въ разсказѣ Запорожца Коржа встрѣчаемъ одно обстоятельство, могущее служить нѣкоторымъ доказательствомъ предположеній нашихъ о *товариществѣ*. Онъ говоритъ, что когда казакъ, путешествуя въ степи, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ какой-нибудь зимовникъ; то,

* Этотъ докладъ поданъ былъ въ Москвѣ, во время участія запорожскихъ депутатовъ въ трудахъ коммиссіи для составленія *Уложенія*.

Digitized by Google

въѣхавъ на дворъ и не сходя еще съ лошади, кричалъ: «пугу! пугу!» На то хозяинъ зимовника, если принадлежалъ къ казачеству, въ окошко спрашивалъ: «пугу? пугу?» Гость не медля отвѣчалъ: «казакъ съ лугу.» Тогда уже его приглашали въ избу, а лошадь носылали въ *клуню* (навѣсъ). Пріѣзжій казакъ, войдя въ избу, молился образамъ и, поклонившись хозяину, говорилъ: «отаманє! товариство, ваши головы!» Хозяинъ взаимно кланялся и отвѣчалъ: «ваши головы! прошу панъ-молодцы сидати.» Изъ этого разсказа мы заключаемъ, что казакъ подобнымъ условнымъ языкомъ (argot), давалъ знать, что онъ изъ запорожской общины, и называлъ себя *Казакомъ съ лугу*, ибо извѣстно, что *Великій лугъ*, то есть большіе днѣпровскіе острова, были первымъ гнѣздомъ Запорожья, и храбрѣйшихъ изъ нихъ называли почетнымъ именемъ *Лугарей*. По всей вѣроятности это выраженіе: «атаманъ-товариство, ваши головы, — значитъ, что для безопасности въ степи, подверженной вѣчной войнѣ и наѣздамъ, со всѣхъ сторонъ, казакъ пришлецъ требовалъ отъ собрата правъ товариства и поручалъ ему свою голову подъ защиту гостепріимства.

Не можемъ также не обратить вниманія читателей на слово «*старики*». По всему видно, что правленіе въ запорожской общинѣ было чисто демократическое, то есть, орденское; хотя власть кошеваго и войсковой старшины была велика, но, вѣроятно, какъ избирательная, зависѣла отъ воли и добраго къ нимъ расположенія толпы, то есть, поспольства запорожскаго, военной общины. Такъ мы уже видѣли, что всѣ бумаги и письма должно было читать въ-слухъ на общихъ войсковыхъ радахъ, или собраніяхъ. На всеподданнѣйшихъ просьбахъ *, на граматахъ духовныхъ ** и всѣхъ важнѣй-

* См. приложеніе № 19, въ III части «Исторіи Новой Сѣчи.»

** Напр. Граммата епископа и настоятеля кіево-межигорскаго

Digitized by Google

шихъ документахъ, послѣ кошеваго и старшины упоминается имя *старики*; на выборахъ главнѣйшихъ войсковыхъ властей, въ аттестатахъ, требуется присутствіе или свидѣтельство *стариковъ*, *старыхъ заслуженныхъ казаковъ*. Наконецъ, при самомъ наденіи войска, когда депутаты отъ общества находились въ Петербургѣ, 1773—1774, Потемкинъ, сказалъ Головатому, что,—по случаю жалобъ на Запорожье со стороны Новороссійской Губерніи, — пошлется граммата въ кошъ, чтобъ самъ кошевой съ писаремъ его Глобою пріѣхалъ въ Москву для отвѣта; Запорожецъ отвѣчалъ: «Кошевой и стар«шины тому не причиною, а дѣлается сіе отъ общества; «кошевому и старшинамъ кучатъ старики, атаманы и «войско.» Эти старики были, вѣроятно, самые старые казаки, никакому образованію непричастные, для которыхъ міръ былъ въ Кошѣ, которые сохраняли свято всѣ преданія древнихъ временъ Запорожья, и которые, не смотря на протекшее время и перемѣны политическія, оставались неизмѣнно при прежнихъ своихъ понятіяхъ о войскѣ. Вѣроятно, изъ этихъ-то стариковъ избирались куренные атаманы и даже старшины.

Извѣстно, что Запорожцы охотно принимали всякаго въ свое общество и, испытавъ его удальство или усердіе, приписывали къ куренямъ въ товарищество; равнымъ образомъ, безъ затрудненія и увольняли изъ товарищества, желая тѣмъ доказать свою *казачью вольность*. Уходили изъ Запорожья какъ для поселенія семействами на земляхъ войсковыхъ, что называлось *сѣсть зимовникомъ*, такъ и для совершеннаго удаленія изъ предѣловъ Запорожья. Въ такомъ случаѣ уволенному Казаку выдавалось свидѣтельство, въ родѣ слѣдующаго:

●

монастыря Іродіона, отъ Марта 9-го 1735 года. Приложеніе № 7, тамъ же.

Digitized by Google

«Войска Запорожскаго Низоваго куреня Брюховецкаго, бывшій казакъ, остающійся нынѣ, по женитьбѣ его, жительствомъ полку Миргородскаго въ мѣстечкѣ Богачкѣ, *Захарій Григорьевичъ*, по засвидѣтельствованіи и представленіи въ Кошъ онаго Запорожскаго Низоваго войска вышеописаннаго куреня атамана, знатныхъ и старыхъ товарищей, въ прошломъ 1737 году, еще въ малолѣтствѣ его, во время взятія высокославною Россійскою Его Императорскаго Величества арміею, турецкаго города Очакова, между прочими того города жительми, съ его отцемъ Мустафою, кой былъ въ томъ городѣ тогда дыздаремъ, (то есть, комендантомъ) и братомъ, взятъ въ плѣнъ, при чемъ и раненъ былъ не легко; и будучи онъ, по его малолѣтству и болѣзни тогдашней отъ ранъ, оставленъ Миргородскаго полку тогда бывшимъ полковникомъ Капнистомъ, * при его домѣ, получивъ воспитаніе и не желая въ отечество свое возвращенія, по желанію своему принялъ вѣру Греческаго исповѣданія. Въ прошломъ же 1748 году отъ Малой Россіи пришелъ въ Сѣчь Запорожскую, при куренѣ Брюховецкомъ въ числѣ того куреня казаковъ находился до 1757 года, гдѣ, будучи, чрезъ все то время, по должности своей, велъ себя честно, постоянно, безъ малѣйшаго порока и въ государственныхъ службахъ и войсковыхъ посылкахъ и случающихся партіяхъ и по границамъ разъѣздахъ, по наряду съ того куреня находился, и всѣ войсковыя и куренныя надобности и службы отправлялъ вѣрно, усердно и рачительно. А въ томъ 1757 году въ показанномъ мѣстечкѣ Богачкѣ женился» и прочее (1766, Іюля 5).

Наконецъ нѣкоторое понятіе о товариствѣ распространилось и внѣ предѣловъ войска запорожскаго, ибо въ

* Тѣмъ самымъ, который былъ первымъ основателемъ русскихъ поселеній въ Новороссійскомъ краѣ (около 1740 года), какъ-то: Новоархангельска, Крылова, Орлика и другихъ.

Digitized by Google

послѣдніе годы его существованія встрѣчаемъ весьма любопытный фактъ, достойный упоминанія исторіи. Между 1768 и 1773 годами, то есть, когда уже начальство Новороссійской Губерніи, учрежденной на земляхъ запорожскихъ, для спокойствія имперіи, подало мысль объ уничтоженіи самаго войска, или преобразованіи его подобно гусарскимъ, донскимъ, и другимъ поселеннымъ и семейнымъ войскамъ; — между Русскими, особенно военными, которые совершили крымскій или турецкій походы, явилась прихоть или мода, вступать въ запорожскую общину казаками (разумѣется номинально), и приписываться въ товарищество по куренямъ. До-сихъ-поръ, не иначе можемъ постигнуть это событіе, какъ считая его послѣдствіемъ знаменитаго *греческаго проэкта*, когда въ Россіи все мечтало о войнѣ съ Турками, для возстановленія Греціи. Быть можетъ, въ эту эпоху всеобщаго энтузіазма, пробужденнаго Екатериною, виновники проекта считали Запорожье передовымъ постомъ, вѣчно вооруженнымъ и защищаемымъ славянскими витязями — врагами исламизма. Какъ бы то ни было, вотъ примѣръ такого пріема въ Запорожье:

Аттестатъ.

Его Высокопревосходительства, господина Генералъ-Аншефа и Кіевскаго Генералъ-Губернатора Ивана Глѣбова, сынъ, артиллеріи Поручикъ *Иванъ Глѣбовъ*, по его желанію, въ войско Запорожское Низовое въ курень Дядьковскій, въ число тамошняго товарищества принятъ и въ войсковые и куренные реэстры, для всегдашняго его господина Поручика, при войскѣ, въ показанномъ куренѣ счисленія, вписанъ; для чего ему господину поручику сей аттестатъ зъ Коша Запорожскаго при подписи нашей и при войсковой печати, выданъ, 1763 года, Сентября 8 дня.

Такимъ образомъ въ товарищество были приняты съ 1767 по 1773 годъ:

Digitized by Google

Статскій совѣтникъ *Петръ Веселицкій*, бывшій послѣ резидентомъ русскимъ при ханѣ крымскомъ, съ двумя сыновьями.

Малороссійскій генеральный подкоморій и бунчуковый товарищъ *Павелъ Кочубей*.

Астрономической экспедиціи главный предводитель *Христофоръ Эйлеръ*.

Генералъ-аншефъ *графъ Петръ Паниинъ*.

Генералъ-поручикъ *графъ Остерманъ*.

Генералъ-маіоръ *Григорій Потемкинъ*.

Генералъ-маіоръ *князь Александръ Прозоровскій*.

Генералъ-аншефъ *графъ Петръ Девіеръ*.

Генералъ-Аншефъ *Иванъ Гльбовъ*.

Польскій коронный гетманъ *графъ Ксаверій Браницкій*, и много другихъ *.

Не то ли было съ орденомъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго въ XVIII столѣтіи? Половина европейскаго дворянства къ нему принадлежала и украшалась его крестомъ и мантіею, а не было и 10,000 кавалеровъ и оруженосцевъ, для вооруженія галеръ и защиты ихъ ордена (или конца) на островѣ Мальтѣ, когда Наполеонъ овладѣлъ имъ, отъ имени французской республики. Не то ли происходитъ до нынѣ въ Испаніи съ орденами: Калатравы и Санъ-Яго ди Кампостельа? — Не совершенно ли подобное явленіе представляется намъ и во время паденія Запорожской Сѣчи?

Тѣсные предѣлы журнальной статьи не дозволяютъ намъ преставить полнаго обозрѣнія этой книги; но мы увѣрены, что всѣ читатели Сына Отечества, знакомые изъ нашего журнала ** съ искуснымъ перомъ автора «Исторіи

* Списокъ лицъ, записанныхъ въ товарищество, помѣщенъ въ приложеніяхъ, No 18. въ третьей части «Исторіи Новой Сѣчи».

** Книжка 6, отдѣленіе V, стр. 19 — 56, *Участіе Одессы въ подвигахъ на поприщѣ наукъ, отечественной исторіи и словесности.*

Digitized by Google

Новой Сѣчи,» съ удовольствіемъ прочтутъ самую книгу. Она раздѣлена авторомъ на три части: первая занимаетъ 151 страницу и разсуждаетъ о происхожденіи и устройствѣ Запорожцевъ; во второй части (155 — 378), послѣ краткаго обозрѣнія исторіи кошей запорожскихъ съ 1500 по 1734 годъ, представляется полная исторія *Новой Сѣчи* или IV и послѣдняго коша запорожскаго, (съ 1734 до новѣйшихъ временъ; остальныя страницы съ 381 до 437-ой) заняты разными любопытными приложеніями. Изданіе очень красиво: на веленевой бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Списокъ господъ подписавшихся на книгу А. А. Скальковскаго доказываетъ съ какимъ любопытствомъ встрѣчена она русскими читателями. Вѣроятно, скоро увидимъ новое изданіе, и потому надѣемся услужить почтенному автору указаніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, которыя надобно исправить:

Стр. 6 — 7: «Кажется, не подвержено никакому сомнѣнію, что военное братство, — враждебное всему не-Русскому (то есть, Южно- или Мало-Русскому): Татарамъ, Турціи, Польшѣ, даже Россіи (то есть, Велико-Россіянамъ), когда сія послѣдняя, съ перенесеніемъ автократіи въ Москву, стала именоваться (за-границею своею) Москвою, а Велико-Руссы Москалями, — не могло происходить ни отъ Татаръ, ни отъ Черкесовъ, ни *отъ таинственныхъ Козаръ*. Еще менѣе могло оно быть скопищемъ разбойниковъ безъ рода и племени; ибо, въ такомъ случаѣ, для нихъ всѣ государства, всѣ *націи* были бы равны и имъ нѣкого было бы защищать отъ враговъ». Мысль справедливая, но зачѣмъ называть Козаръ *таинственными*, когда новѣйшія изысканія сняли съ этого народа покровъ *таинственности*? Разумѣется, Казаки-Мало-Россы не могли бы происходить отъ Козаръ, если бъ эти послѣдніе были въ самомъ дѣлѣ Турки, какъ думалъ покойный Эверсъ. Но * во 1) *языкъ*

* Исторія сѣверо-восточной Европы и многаго переселенія народовъ, Н. В. Савельева, отдѣленіе II. стр. 8.

Digitized by Google

Козаръ, по свидѣтельству арабскаго писателя Ибн-Фодлана, *совершенно отличался отъ турецкаго и персидскаго*; во 2) по свидѣтельству Ибн-Хаукала (Истархи), *козарскій языкъ сходствовалъ съ болгарскимъ*, слѣдовательно долженствовалъ быть *славянскимъ*; въ самомъ дѣлѣ извѣстно, въ 3) что переводчикъ Святаго Писанія на нашъ церковный языкъ, *Святый Кириллъ бесѣдовалъ съ Козарами по-славянски*; въ 4) *наши Запорожскіе Казаки до XVIII вѣка назывались также Козарами*, преданіе, самимъ господиномъ Скальковскимъ въ 1828 году сообщенное черезъ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія; наконецъ, въ 5) *имя Козаръ разсѣяно по всему пространству Россіи и Польши*; ясно, что оно было однимъ изъ мѣстныхъ, *географическихъ* именъ славянскаго племени. Замѣчательно, что Азіятцы досихъ-поръ называютъ Казаковъ нашихъ Козарами, какъ самъ слышалъ оріенталистъ нашъ, членъ парижскаго азіятскаго общества, П. С. Савельевъ. Однимъ словомъ, изъ всего открывается, что Козарами и назывались въ древности наши донскіе и запорожскіе витязи. Съ нетерпѣніемъ ожидаемые труды Ѳ. А. Морошкина *, — надобно надѣяться, — еще болѣе убѣдятъ всѣхъ въ этой истинѣ.

На 1 и 2 страницѣ авторъ говоритъ о русскомъ-славянскомъ племени, какъ туземцѣ нашего отечества: оно такъ и было; но, въ концѣ 2-й страницы, прибавлено: «съ сѣвера нагрянули *непобѣдимые скандинавскіе витязи* (?) и *основали* (?) государства въ Кіевѣ и Полоцкѣ; подъ ихъ начальствомъ Русь покоряла другія славянскія племена.» Далѣе на страницѣ 3-й, авторъ называетъ нашихъ южныхъ князей «потомками первыхъ *скандинавскихъ завоевателей*.» И съ этимъ нельзя согласить-

* Его книга выйдетъ въ Октябрѣ или Ноябрѣ, и тогда мы поговоримъ подробно объ его изысканіяхъ.

Digitized by Google

цевъ будутъ передъ вами петербургскіе невскіе берега ся. Во-первыхъ, *Рюрикъ не завоевалъ Новгородъ, но былъ призванъ Новгородцами*, а это большая разница; слѣдовательно наши князья не могутъ быть названы потомками первыхъ завоевателей — скажите проще и вѣрнѣе «потомки Рюрика» или «потомки варяжскихъ владѣтелей», но не завоевателей. Во-вторыхъ, Вяряговъ также нельзя называть Скандинавами, хотя наши историки и не желали бъ отстать отъ Скандинавщины, разрушенной изысканіями Эверса, Венелина, Ѳ. Л. Морошкина и Н. В. Савельева; * напомнимъ читателю, что Байеръ, — первый пустившій въ ходъ предположеніе, будто бы варяго-русскіе князья, призванные въ Новгородъ, были не поморскіе балтійскіе Славяне, а датскіе и шведскіе дворянчики (ex Scandinavia Daniaque homines nobiles), — сознался, что *имя Варяговъ было не извѣстно Скандинавамъ*; а послѣдователь Байера, Шведъ Тунманъ, хотя и вѣрилъ, будто бы «Скандинавы основали русскую державу», сознался однако жъ, что *въ Швеціи не было области русской*. Какъ ужъ ни увертывайся историки-скадинависты, а дѣло вышло на чистую воду: если ихъ *основаніе ложно*, какъ теперь доказано, то и всѣ остальные софизмы ихъ падаютъ сами собою; софизмы, ибо иначе не льзя назвать ихъ вывода: a) Въ Швеціи не было области варяжской, b) въ Швеціи не было области русской, слѣдовательно c) Рюриковы Варяго-Руссы вышли изъ Швеціи и были Скандинавы. — Истина проста и убѣдительна, и мы увѣрены, что авторъ «Исторіи Новой Сѣчи» уничтожитъ въ своей прекрасной книгѣ слѣды Скандинавщины, тѣмъ болѣе, что вѣдь это не относится къ сущности его творенія, а нѣсколькими фразами можно пожертвовать истинѣ: припомнимъ, сколько разъ наши лихіе Новгородцы били Шведовъ — свидѣтелями побѣдъ Новгород—

* Маякъ современнаго просвѣщенія, 1842, № 8.

Digitized by Google

и самая шведская сигтуна: гдѣ же *непобѣдимость* Скандинавовъ?

Наконецъ, на страницѣ 133-ей, желательно бы видѣть ссылку не на плохенькихъ новѣйшихъ писателей, но прямо на *источники:* при слѣдующемъ изданіи, вѣроятно, мы встрѣтимъ уже подлинныя слова греческихъ писателей, въ русскомъ переводѣ. Этого требуетъ историческая точность.

Заговоривъ о Скандинавщинѣ, не можемъ не указать читателямъ на любопытную и важную книгу, которая недавно появилась въ Москвѣ:

Скандинавомания и ея поклонники, *или столѣтнія изысканія о Варягахъ. Историко-критическое разсужденіе* Юрія Венелина. — *Москва* 1842 *года, въ типографіи Августа Семена* 114 *стр. въ*-8.

Въ этой книгѣ содержится полное опроверженіе Байеро-Шлёцеровыхъ софизмовъ о выходѣ Руссовъ и Варяговъ изъ Скандинавіи. Въ обѣщанной читателямъ Сына Отечества біографіи Юрія Ивановича Венелина предложится обозрѣніе и этого важнаго произведенія (къ сожалѣнію, не оконченнаго), а здѣсь ограничимся выпискою нѣсколькихъ мѣстъ, которыя могутъ познакомить читателей Сына Отечества со взглядомъ и образомъ изложенія этого замѣчательнаго критическаго изысканія.

Въ своей диссертаціи Байеръ, между прочимъ, говоритъ о *разбойническомъ* ремеслѣ Скандинавовъ. Послушаемъ теперь Венелина:

Такъ какъ въ этомъ *отступленіи,* — которое, впрочемъ, составляетъ большую часть послѣдней половины его диссертаціи о Варягахъ,— нѣтъ почти ничего, что бы относилось къ Варягамъ, или, лучше сказать, къ рѣшенію вопроса, то слѣдовало бы намъ пройти мимо этой вставки. Но какъ въ этомъ *отступленіи* Байеръ видѣнъ уже

Digitized by Google

не какъ изыскатель, а какъ историкъ, то укажемъ, по-крайней-мѣрѣ, на содержаніе этой *вставки.*

Начинается она словами (стр. 357). «Primum omnium satis constat «ни прочая, то есть, извѣстно, что вся Скандинавія и Данія въ древ«нія времена были раздѣлены на *многія небольшія королевства.*»

Въ нынѣшнее *населенное* время вся Скандинавія, Швеція съ Норвегіею, соединена въ одно королевство, которое всё-таки очень не великое королевство въ Европѣ. — Продолжаетъ:

«Въ Норвегіи первый *Haraldus Pulchricomus*, по преодолѣніи «прочихъ королей (норвежскихъ), послѣ сраженія Гафурсфіордска«го, въ 875 году, упрочилъ состояніе своей монархіи. Побѣждены «въ этомъ сраженіи, *одинъ* король оркадальскій, *четыре* короля «трундхеймскихъ, *два* короля голардскихъ, *два* короля сѣвернаго «Раумдала, а послѣ нихъ, скажу короче, и *другіе*, потому-что *устанешь исчислять всѣ ихъ имена.*» (sic) [1].

Вотъ сколько было, сказочныхъ, королей въ одной Норвегіи: а о королевствахъ Даніи онъ находитъ извѣстіе въ *Книтлиновой* сказкѣ (knitlinssaga), гдѣ-де сказано: *теперь Данія повинуется одному королю, но въ древности была раздѣлена на многія государства.* Это вкратцѣ о многихъ датскихъ государствахъ Книтлиновой сказки! А о множествѣ шведскихъ онъ приводитъ свидѣтельства *Сноррона Стурлезона*, который не только что все основываетъ на одних*ъ сказках*ъ, — потому-что подлинныя краткія лѣтописи шведскія, какъ ужъ замѣтилъ Шлецеръ, начинаются только съ XIII вѣка, — но самъ ихъ сочиняетъ, и котораго потому Байеръ объявляетъ *изъ всѣхъ вѣковъ и людей самымъ достойнымъ вѣры и самымъ правдоподобнымъ* (quo viro in omni memoria gravior integriorque auctor, meo quidem sensu et judicio, non exstitit. pag. 358) и приводитъ его слова:

«*Короли упсальскіе*, говоритъ Стурлезонъ, *одни изъ королей въ «Швеціи отличались передъ прочими неограниченною властію, «между-тѣмъ какъ царствовали по Швеціи и другіе цари, съ «того времени какъ Одинъ* (ходилъ еще по землѣ и) *царствовалъ «въ Швеціи: государи съ неограниченною властію жили въ Упса«лѣ до кончины Августа* (Agnus), *и тогда царство раздѣлено ме«жду братьями; а ихъ царства и владычества снова раздѣли«лись между братьями; а послѣ этого и эти царства снова под«раздѣлились между потомствами въ разныхъ колѣнахъ.*» (sic!)

[1] Victi sunt, Orcadalensis rex *unus*, Trundhemiae reges *quatuor*, Golardenses *duo*, Raumdaliae borealis *duo* et deinceps alii; nam nomina regulorum omnium *recensendo defatigor* pag. 357.

Digitized by Google

Это все случилось за *полуторы тысячи* лѣтъ до начала *настоящихъ* шведскихъ лѣтописей.

Байеръ продолжаетъ: «Первый *Ингіальдъ* сынъ Анундовъ, уп«сальскій царь, *нѣсколько* другихъ царей превозмогъ коварствомъ «(dolo oppressit), другихъ же, заманенныхъ въ засаду, удушилъ: «числомъ до двѣнадцати царей (numero ad universum ad *duodecim.*)»

Вотъ какое было въ Скандинавіи количество царствъ государствъ, и которыя насилу упсальскій король успѣлъ уничтожить. Дальше:

«Остались однако (еще остались!) еще и послѣ него нѣкоторыя небольшія государства до самаго Ерика.» стр. 358.

На это не знаю что̀ сказать потому, что чего нельзя сдѣлать изъ сказочныхъ героевъ! — Но послушаемъ далѣе:

«Хотя я нахожу, въ сказкѣ, что Haraldus Pulchricomus (краси«воволосый) *первый* построилъ (mirae magnitudinis) *необыкновенной «величины* корабль, и что только Олай, сынъ Тригвона, началъ «строить (то есть, въ *Trygvons* — сказкѣ) огромные корабли, (ma«gnas moles), однако я думаю, что Скандинавы во всѣ времена «(omni tempore) имѣли удобные и крѣпкіе корабли для морепла«ванія.»

Конечно! такъ какъ въ Скандинавіи, по сказкамъ, было *огромное* множество государствъ, то всякій государь могъ имѣть въ своемъ царствѣ адмиралтейство и верфи, думаетъ Байеръ, и кораблестроительныхъ инженеровъ. И такъ, если положить, самымъ скупымъ образомъ, хотя по одному *огромному* кораблю на всякое царство государство въ Скандинавіи, то выйдетъ на повѣрку, что вся Скандинавія имѣла, въ сказкахъ, до 70 огромныхъ линейныхъ кораблей, такъ что уже во время Рождества Христова по лѣтосчисленію Байерову, линейный ея флотъ превышалъ число соединенныхъ линейныхъ кораблей Франціи и Россіи 1836 года!

Причину этакого, сказочнаго, благосостоянія Байеръ доказываетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 358):

«*Удобство* въ мореплаваніи было *величайшее* (opportunitas sum«ma) не только у береговъ морей Балтійскаго и Океана, но и «внутри всей Скандинавіи по *болотамъ* и *озерамъ* (stagnis et lacu«bus), такъ что *больше жили на болотахъ*, чѣмъ на *нивахъ* (ut «magis victitarent salo, quam in agris).» Конечно!

Байеръ непосредственно прибавляетъ:

«Idcirco; по этой-то причинѣ въ мореплаваніи Скандинавы такое «пріобрѣли искусство, что во всѣ тѣ времена ни одинъ народъ не «могъ съ ними сравниться (ut in omni illo aevo essent nulli, qui «cum his populis compararentur.)» Вотъ какъ пріобрѣтается морское могущество! Стоитъ только въ *скандинавскія* сказки заглянуть!

Digitized by Google

«Если хочешь измѣрить всю славу и силу мореплаванія Скандинавовъ, то спроси, какой берегъ, какой уголокъ Европы не былъ «ея свидѣтелемъ? (quod omni in Europa littus est, quis paene angulus, ut illius gloriae non sit testis?)» Конечно, какъ мы уже видѣли, это потому, что Франковъ и Варяговъ цареградскихъ Байеръ считаетъ за Шведовъ!

На это-то логическое свое построеніе Байеръ наводитъ примѣры изъ древней сказочной шведской исторіи о воровствахъ и грабежахъ Скандинавовъ. Приводитъ, что эти *воры* и *морскіе разбойники* назывались уже *Wikingar, Kappar (Kapper* корсеръ) или *Garpar* и *Sœkingar* стр. 356—361.

Но во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы указать, отъ чего происходитъ слово *Варягъ*. Если скандинавское *warga* значитъ *волкъ;* чудское *waras* значитъ *воръ*, то слова Wikingar, Kapрar, или Sœkingar ни къ чему намъ не служатъ. Что̀ жъ изъ этого слѣдуетъ!

Байеръ до того занялся воровствомъ, что на страницѣ 360 утверждаетъ: Praedonum in numero non tantum privati homines nulla publica auctoritate fuere, verum etiam reges regumque liberi, то есть, «въ числѣ воровъ и разбойниковъ бывали не только частные люди безъ всякаго званія, но и короли и ихъ дѣти.» Не понимаю, что̀ онъ хотѣлъ этимъ доказать.

Наконецъ упоминаетъ о томъ, что русскія лѣтописи утверждаютъ, что *Новгородцы, Чудь и Кривичи давали дань Варягамъ*, и что-де *это относится къ Шведамъ!* Онъ хотѣлъ какимъ-либо образомъ свести Скандинавію съ этою данью; для того нужно было ему дивныхъ героевъ; по этой причинѣ онъ обыскалъ народныя шведскія сказки и собралъ всѣхъ скандинавскихъ *Бова-Королевичей, Еруслань-Лазаричей.*

Конечно, Россія и Чудь, какъ сосѣдки Швеціи, должны были доставить у себя поприще инымъ изъ этихъ сказочныхъ богатырей, но все это еще не доказываетъ, что Варяги были Шведы. Притомъ же русскія лѣтописи буквально отличаютъ Варяговъ отъ Шведовъ и Норвежцевъ!

Тредьяковскій написалъ пародію на Байеровы словопроизводства.

Его *три* разсужденія, соотвѣтствующія *тремъ* Байеровымъ *(de Scithiae Situ, Origines Russicae, de Varagis)*, есть собственно ихъ разборъ. Въ то время, во время Тредіаковскаго и Ломоносова, въ Академіи царствовали партіи и ненависть между Русскими и Нѣмцами, какъ видно изъ ненапечатанныхъ писемъ Ломоносова. Такъ какъ характеръ диссертаціи Байеровой есть исключительно патріо-

Digitized by Google

тическій, въ которой все жертвуется для того, чтобы доказать *благовоспитанность рыцарства* баснословной Скандинавіи, [1] то и разсужденія Тредьяковскаго тоже писаны въ духѣ патріотическомъ. Вотъ его слова стр. 201.

«Сіе, то есть, доводы Байера, коль есть ни превосходное и твер«дое предразсужденіе о достоинствѣ первоначальныхъ нашихъ го«сударей для того, что писатели какъ на перерывъ другъ передъ «другомъ присвояютъ ихъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ на«родамъ; однако жъ *намъ нѣсколько предосудительное, какъ отъ«емлющее у насъ собственное наше и дражайшее добро, и чрезъ «то лишающее насъ природныя нашея славы.*»

«Когда жъ инославные писатели изобрѣли за должное, и по еди«ному самолюбію (патріотизму) токмо, какъ мнится, повѣствовать «о высокославныхъ Варягахъ, и водя своихъ читателей по степе«нямъ вѣроятности (хорошо сказано), и потщились удостовѣрять «ихъ, что будто сіи Варяги намъ чужеродныи, и отъ насъ разно«язычныи: то мы не ободримся-ль изобрѣсть за должнѣйшее, имѣя «въ томъ преискреннѣйшее участіе, чтобъ намъ, утверждающимся «на самой, по скольку возможно, достовѣрности описать нашихъ «началобытныхъ самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тож«деродными съ нами?»

«Возможно-ль, говоря откровенно, и достолѣпно-ль пребыть «*своимъ* бездѣйственнымъ, при *чужихъ* прерѣкающемъ усильствіи, «да и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по «праву и прочая.»

Ученыя патріотическія разсужденія *Тредьяковскаго* имѣли изрядный успѣхъ; еще до появленія ихъ въ свѣтъ набралось на нихъ подписчиковъ на 228 экземпляровъ, въ числѣ которыхъ можно замѣтить и гвардейскихъ офицеровъ. Такъ какъ нынѣ, въ 1836 году, не сыщется подписчиковъ не только на 228, но и едва ли на 28 экземпляровъ ученыхъ диссертацій, то изъ этого видно, съ какою жаждою были расхвачены въ 1773 годахъ разсужденія Тредьяковскаго.

Разсужденіе *Тредьяковскаго о Варягахъ-Руссахъ* на 78 страницахъ, заключено слѣдующимъ выводомъ:

«Твердо по всему и есть непреоборимо: Варяги-Руссы, а отъ «нихъ прибывшіи царствовать Государи наши въ Великую Россію

[1] Мы выше видѣли уже (стр. 18) его *homines nobiles* ex Scandinavia Daniaque и увидимъ его примѣры, въ которыхъ его *безотчетное пристрастіе* къ Скандинавіи выражается разительнѣе.

Digitized by Google

«были званія Славенскаго, рода Славенскаго, и Славенскаго язы-
«ка. Крѣпко и непреодолѣемо есть: всѣ Россы, а особливѣе Сѣ-
«верныя, не были ни Данове, ни Свѣи, ни Норвежане, ни Скан-
«динавляне, ни Германцы; но Россіяне собственно такъ нарицае-
«мыи нынѣ издревле.»

Надобно признаться, что *первое* движеніе исторической критики въ русскомъ народѣ произвелъ не Байеръ, какъ утверждаютъ въ своихъ диссертаціяхъ господа *Зиновьевъ* и *Погодинъ*, а Тредьяковскій потому, что писалъ по-русски, и читалъ русскія лѣтописи, изъ которой и приводитъ цѣлыя мѣста.

Тредьяковскій, какъ ни слабо его словопроизводство, удержался отъ крайности или парадоксовъ, въ какіе впали Байеръ, Миллеръ и Струбе, то есть, на оборотъ, онъ не производилъ Скандинавовъ отъ Славянъ, и удовольствовался тѣмъ, что остался при мысли, доступной всякому поселянину, что *Русскій человѣкъ былъ всегда Русскимъ*, то есть, назывался *русакомъ* и говорилъ на *русской* отрасли славянскаго слова: мысль, которую и доказывать *не нужно* и опровергать *нельзя*.

Замѣтимъ здѣсь, что въ этомъ спорѣ запутаны два разные вопроса *о Варягахъ*, и объ *русскомъ* народѣ. Можно сказать, что отъ рѣшенія вопроса о первыхъ, зависитъ и уничтоженіе парадокса о послѣднихъ. Но Тредьяковскій, относительно варяжскаго вопроса Скандинавоманъ, и *послѣдователь Байера* если (на стр. 205) говоритъ:

«Не противлюсь покойному мужу Байеру, скончавшемуся 1738
«года, въ преемникахъ его, что Датчане, Шведы, Норвежцы и Скан-
«динавцы были Варяги, и имѣли сіе имя праведно: сіе мы увидимъ по-
«слѣ. Но не отъ сихъ Варяговъ были Великіе наши Князи: а отъ
«какихъ, то киже предложимъ.»

Мы выше (стр. 9) видѣли, что Байеръ полагаетъ, будто Несторъ Варягами, какъ *общимъ* именемъ, называетъ Шведовъ, Датчанъ, Норвежцевъ, Готландцевъ, то есть, людей скандинавскаго поколѣнія. Тредьяковскій, чтобы дать подъ этимъ словомъ мѣстечко и Славянамъ, распространилъ значеніе слова *Варяги* на весь западъ Европы, основываясь на слѣдующихъ словахъ Нестора: *Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Мурмане, Готи, Русь, Агляне, Галичане, Ляховѣ, Волохи, Римляне, Немцы, Корлязи, Веневды, Фрязи и проч.* (стр. 213) и возражаетъ Байеру: Однихъ ли «только Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Скандинавовъ назы-«ваетъ здѣсь Несторъ преподобный?» Тредьяковскій правъ, и показалъ неправоту Байера За то и онъ самъ мастеръ понимать Нестора! Несторъ весь Западъ, или, лучше сказать, Европу на-

Digitized by Google

зываетъ точно общимъ именемъ, но не Варягами, а *Афедитами*, именемъ, подъ которымъ Варяги являются какъ *видъ*, и такой же видъ какъ и слова *Нѣмцы, Ляхове, Русь, Волохи, Сѣни, Французы*. Вся бѣда только въ томъ, что Несторъ свое исчисленіе начинаетъ Варягами, а не Ляхами, или Римлянами! И положимъ, что онъ началъ бы исчисленіе не съ Варяговъ, а съ Ляховъ или Римлянъ, то ужели тогда по логикѣ Байера, Миллера и Тредьяковскаго слѣдовало бы сказать, что Несторъ Шведовъ, Датчанъ, Норвежцевъ, называетъ Ляхами, Римлянами!?

Говоря о Тредьяковскомъ, мы не должны смѣшивать перваго его разсужденія *(о первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоничевскимъ,)* съ характеромъ его послѣдняго *(о Варягахъ)*. То разсужденіе есть не иное что, какъ *веселая* и довольно остроумная *пародія на Байеровы словопроизводства*, который все выводилъ изъ скандинавскаго. Тредьяковскій, передразнивая силлогистику Байера, на зло ему все выводитъ изъ славянскаго: такъ напримѣръ *Celtae* отъ *желтые*: *Cimbri* отъ *Шибры*, а это отъ *ушибать*. Titan отъ Диданъ или Дѣдунъ. Hispania отъ *Выспанія*, Lusitania будетъ *Лишеденія*, отъ лишенія дня. Germania *Корманія*, отъ корма, а Saxonia т. е. *Сажонія* отъ саженія корма. Италія то есть, *Выдалія*, выдавшаяся въ море. Sauromates, Савроматы, то есть, *Саблеметы*, отъ метанія сабель и тому подобное.

Нѣкогда смѣялись надъ Тредьяковскимъ, который напротивъ самъ пародировалъ надъ Байеромъ; быть не можетъ, чтобы ученикъ Ролленя и переводчикъ пространной древней исторіи могъ *серіозно утверждать* такія нелѣпости, если самъ же сознается что Италія происходитъ отъ греческаго *ιταλος* теленокъ, а *Савроматы* отъ греческаго *σαυρος* ящерица, и *ομμα-τος* глазъ! Здѣсь онъ отступается нарочно отъ признанной имъ истины для того, чтобы вѣрнѣе передразнить Байера, который тоже утверждалъ, что хотя слова *Святославъ, Ярополкъ, Владимиръ, Всеволодъ* и составлены изъ словъ славянскихъ, однако, говоритъ онъ, онѣ происходятъ изъ скандинавскаго. Такъ и Тредьяковскій, для усиленія юмора въ своей пародіи на Байеристовъ, дѣлаетъ такую же уступку, говоря, хотя *Савроматы* греческое, однако происходитъ отъ славянскаго *Саблеметы* [1].

[1] Въ новѣйшее время господинъ *Шафарикъ* серіозно Савроматовъ производитъ отъ *Сербовъ*: Sauromates, Сармація, Сармадія, Сербадія, — Сербія!! А *Скиѳовъ* отъ славянскаго *Чудъ*, *Чудные*!! См. Casopis Ceskeho Museum. v Praze. 1835 № I 26—42. Московскій Наблюдатель 1839 № 8. О народахъ скиѳскаго племени.

Digitized by Google

Эта остроумно-веселая пародія, плодъ, можетъ-быть, одного вечера, найдена въ бумагахъ Тредьяковскаго послѣ его смерти, и издана кѣмъ-то вмѣстѣ съ его разсужденіемъ о *Варягахъ-Русскихъ*.

Вотъ какъ поясняетъ Венелинъ, откуда произошли фантастическія повѣсти о разселеніи Славянъ по Россіи.

Здѣсь считаю необходимымъ нѣсколько распространиться о *теоремаміи* любителей исторіи славянскихъ племенъ, то есть, о *страсти толковать разселеніе славянскихъ племенъ*. Такъ какъ дѣйствительная исторія хранитъ совершенное молчаніе объ этомъ событіи, то славянскіе теоремаы пустились квартирмейстерствовать на однихъ *теоріяхъ*. Теоремаія заслуживаетъ *отдѣльное* разсужденіе, но какъ теоремаы наши непосредственно споспѣшествовали къ развитію Скандинавоманіи, и какъ посему и сами принадлежатъ къ Скандинавоманамъ, то кстати здѣсь сказать о нихъ нѣсколько словъ.

§ 6. ТЕОРЕМАНІЯ ИЗЫСКАТЕЛЕЙ СЛАВЯНЩИНЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЪ БАЙЕРА И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ.

Если есть что-либо слабое и произвольное у Нестора, то это именно мѣсто о разселеніи славянскихъ племенъ изъ одного фокуса. Несторъ объ этомъ могъ только мечтать какъ и мы. Я ниже покажу причины, которыя его заставили дѣлать *планъ переходовъ* всѣхъ племенъ славянскихъ (*Россіянъ, Болгаръ, Сербовъ, Ляховъ*, и проч.) изъ *Штиріи*, которой жители и доселѣ называютъ себя *Словенцами!* Несторъ не имѣлъ ни малѣйшихъ источниковъ, ни малѣйшихъ преданій о такомъ событіи (разселеніи Славянъ), о которомъ всѣ писатели, отъ него до Р. Х., совершенно ничего не знаютъ—о событіи, современнымъ свидѣтелемъ котораго могла быть развѣ одна *луна!* Объ этомъ событіи Несторъ не судья, слѣдовательно брать на себя трудъ рѣшать эту задачу по Нестору, значило бы пускаться въ несбыточныя мечты или теоріи.

Теоремапію какъ славянскихъ ученыхъ, такъ и иноплеменныхъ любителей славянской исторіи породила *ошибка*, или *анти-логическій* силлогизмъ. Правда, въ риторикѣ приняли фигуру, въ которой *часть* употребляется вмѣсто *цѣлаго*, и на оборотъ *цѣлое* вмѣсто *части*, напримѣръ, *чужой деньги не желаю*, вмѣсто *добра*. Конечно, есть цѣлыя, которыхъ составныя части всѣ *однообразны, одинаковы*. Но есть напротивъ и цѣлыя, которыхъ составныя части *разнородны, разнообразны*; такія цѣлыя принадлежатъ къ царству растительному и царству животныхъ. Но цѣлыя этихъ двухъ царствъ

Digitized by Google

уже не *целыя*, а *роды*, ихъ части не *части*, а *виды*. Если между *частями* рубля, (копѣйками) существуетъ *однообразіе* и *равенство*, то между *видами* какого-либо *рода* животныхъ или растеній находится ощутительное *разнообразіе* и *неравенство* точно такое, какъ между *дубомъ* и *тополемъ*, *сосною* и *березою*. Вотъ почему логика не допускаетъ, подобно риторикѣ, въ цѣлыхъ употреблять *виды* вмѣсто *рода*, *родъ* вмѣсто *вида*.

Такіе точно *роды* и *виды* существуютъ и во *всеобщей народописи* или познаніи народовъ. — *Россіянинъ*, Полякъ, Чехъ, Сербъ, Словенинъ (или Словенецъ), Болгаринъ, составляютъ *виды* или племена одного *рода*. Всѣ эти виды славянскаго рода разнятся между собою и именемъ, и одѣяніемъ, и обрядами, и исторіею и формами своего языка, точно такъ же, какъ и растеніе отъ растенія.

Изъ числа *видовъ* славянскаго *рода* были жители Штиріи, иллирійскаго королевства и венеціанской области, которые всегда, да и нынѣ еще, отличали себя отъ прочихъ славянскихъ племенъ именемъ *Словенцевъ*. Этотъ *видъ* искони былъ въ подданствѣ у Римлянъ, которые ихъ называли именемъ провинцій, въ которыхъ жили *(Rheti, Pannones, Carni, Venetae)*.

Надобно замѣтить, что изыскатели древностей славянскихъ племенъ приняли за правило караулить то время, съ котораго Греки или Римляне станутъ именовать славянскія племена, то есть, ихъ національными именами. Но, увы! ни у Геродота, ни у Страбона, ни у Тацита не встрѣчается слово *Slovencione*s!

Между нами будь сказано, Римлянамъ нужды не было называть простой народъ Панноніи, Ретіи, Норика такъ, какъ онъ себя называетъ. Да и кто принудитъ Россіянъ называть курляндскихъ и лифляндскихъ Нѣмцевъ такъ, какъ сами они себя называютъ, то есть *Дейчерами*.

Наконецъ только 80 или 100 лѣтъ спустя послѣ освобожденія этого племени *Аттилою* отъ ига Италіянцевъ, то есть, около 540 году, когда уже исчезла память римскихъ губерніальныхъ названій, и когда это племя составило свое особенное княжество, вздумалось тогдашнимъ писателямъ *Прокопію* и *Іорнанду* употребить племенное ихъ названіе *Σκλάβηοι, Slavini*.

Обрадовавшись, любители славянскихъ древностей пошли строить въ Штиріи *славянское столпотвореніе*. (Эта славяно-вавилонская *башня* построена изъ *тысячи и одной* диссертацій о *происхожденіи Славянъ*, которыя всѣ противорѣчатъ другъ-другу.)

Подшутилъ же *Прокопій* и *Іорнандъ* надъ Славяноюбцами! равно какъ и я надъ Нѣмцами отъ того, что со времени Нестора, я первый, въ 1836 году, употребилъ на русскомъ языкѣ, примѣра ради, слово *Дейчеры*.

Digitized by Google

Вообразите же себѣ чрезъ 1,000 лѣтъ такихъ Нѣмцевъ, которые стали бы искать слѣдовъ *своего имени* (а на языкѣ теорематовъ, *своего начала*) въ русскомъ языкѣ; они вывели бы вѣроятно заключеніе, что Дейчеры, по свидѣтельству господина Венелина, появились въ Европѣ въ 1836 году, а сюда переселились изъ Азіи вѣроятно въ 1835!

«Да въ самомъ дѣлѣ, откуда жъ *мы* пришли?» спрашиваетъ Полякъ, Сербъ, Словенецъ, Россіянинъ, Чехъ. (Не смотря на то, что дѣло идетъ объ однихъ только Словенцахъ!). «Да въ самомъ дѣлѣ, откуда же они пришли?» спрашиваетъ Французъ, Англичанинъ Нѣмецъ и прочіе.

Одинъ рѣшаетъ изъ Пафлагоніи, другой возражаетъ изъ Фригіи; третій изъ Азіи и проч. и проч. и проч.

Если же теореманы, то есть, изслѣдователи славянскихъ древностей не могли понять, что Прокопій и Іорнандъ, своимъ номенклатурнымъ нововведеніемъ не перечили *прежнему* существованію *Словенцевъ* въ Ретіи и Норикѣ, точно такъ же какъ и я не противорѣчу существованію нѣмецкаго народа въ Европѣ отъ того, что первый употребилъ слово Дейчеры, то они также должны были не забыть, что древніе Греки *буквально* переводили на свой языкъ *собственное* названіе этого славянскаго племени. Греческое слово *τὸ ῥητὸν (rhetòn)* значитъ *слово*; отсюда о ῥητὸς (rhetus) *Словесный, Словенецъ*; (rhetor) *словесникъ*, ῥητορικὴ (rhetorica, la rhétorique) *словесность:* что же другое можетъ значить древнее *Rheti, Rhetia*, а по нашему *Реціи?* Другаго корня и значенія нѣтъ этому слову.

Хотя первое появленіе у Прокопія и Іорнанда слова *Склавины, Slavini*, вмѣсто *Rheti* или *Pannones*, столько же мѣшаетъ историческому существованію этого племени искони въ тѣхъ странахъ, сколько и первое появленіе въ русской книгѣ слова *Дейчеры* исторіи Нѣмцевъ, однако теоремаы наши заключили: слѣдовательно Словене первый разъ явились въ Европѣ или тамъ около 520 или 540 году! и пошли толковать не только объ нихъ, но и *всѣхъ* Славянъ *прихожденіи*.

Это племя присоединено къ Италіи въ царствованіе императора *Августа* въ слѣдствіе походовъ Тиберія и Друза въ Ретію и Панноніо. Съ-тѣхъ-поръ до нынѣшняго дня *Словенцы* имѣли *постоянное* несчастіе зависѣть отъ другихъ народовъ. Римляне наводнили всю Италію плѣнными изъ Ретіи, въ которой на оборотъ заводили свои колоніи. Со времени Карла Великаго Ретію стали заселять нѣмецкими колоніями нѣмецкіе императоры. Кто не выбылъ изъ страны, тотъ дома могъ олатиниться или онѣмечиться. Такимъ образомъ изъ всѣхъ жителей Ретіи, (Норика, Паннонія, и Вене-

Digitized by Google

тій), нынѣ осталось потомство не болѣе 5 или 600,000. Они тѣ же мѣста населяютъ и теперь еще, какія и во время Іорнанда и Прокопія около 520 года.

Зная историческое положеніе, что Словенцы терпѣли потери отъ постоянной *убыли* изъ своей массы въ массу латинскую и нѣмецкую, непонятно, какимъ образомъ теоремапы, которые ищутъ развитія всѣхъ славянскихъ племенъ изъ одного имени этихъ Ретто-Норійцевъ, въ этой *уменьшающейся прогрессіи* ихъ народонаселенія объяснятъ такое ихъ *возвышающееся плодородіе*, что въ немъ находятъ источникъ и Ляховъ, и Чеховъ, и Сербовъ, и Померанцевъ, и Болгаръ, и сорока-милліоннаго Русскаго народа! Искать физическое народное и языкописное развитіе *Лехизма*, Сербизма въ Словенизмѣ не одно ли и то же, что искать въ *березѣ* развитіе *дуба*, *тополя* или *сосны!!!*

Впрочемъ, если уже теоремапы рѣшились искать у древнихъ только древнѣйшее появленіе собственнаго имени какого-либо изъ славянскихъ видовъ, то имена *Сербовъ* и *Болгаръ* гораздо прежде встрѣчаются у древнихъ, нежели имя *Словенъ*. Такъ, напримѣръ, *Vibius Sequester*, писавшій свою краткую географію около 300 года, говоритъ о *Великой Сербіи* (въ Германіи) «Albis Germaniae Svevos a *Cervetiis* dividit. Иные очень справедливо замѣчаютъ, что у Птоломея въ описаніи странъ Германіи поставлена ошибкою, то есть, опечаткою при изданіи, страна *Urdium* вмѣсто *Serbium*. Самъ *Юлій Цесарь* сохранилъ въ своихъ запискахъ національное имя Сербовъ, которое однако доселѣ читаютъ *Херуски*, подобно одному семинаристу, который французское слово cheveaux прочелъ *шевоукъ* вмѣсто *шево*. Да и что можетъ быть другое Цесаревыхъ CHERVSCI кромѣ *шерескій*. Наконецъ, римское *Servus* (а отъ него *servio*, *servitus*, *servitudo* нынѣ, рабство), въ латинскомъ словопроизводствѣ рѣшительно не имѣетъ другаго корня, или источника, кромѣ случая, по которому *собственныя* имена народовъ могутъ сдѣлаться и нарицательными, какъ я уже выше замѣтилъ о Швейцарахъ, Арнаутахъ, и Варягахъ у Кодина и Кантакузина.

Такимъ образомъ и *Эннодій*, епископъ павійскій, (умеръ въ 521 году) въ своемъ похвальномъ словѣ Ѳеодорику Великому, уже подъ 470-мъ годами, упоминаетъ о другомъ славянскомъ видѣ, о *Болгарахъ* (Bulgares), съ которыми Готеы сражались въ Мизіи за границы своихъ владѣній. Тоже и *Marcellinus* Comes Illyrici упоминаетъ о нихъ *гораздо раньше*, нежели Прокопій о Словенцахъ ихъ сосѣдяхъ.

Не стану упоминать здѣсь о множествѣ другихъ историко-критическихъ обстоятельствъ, которыя теоремановъ ввели бы въ большія затрудненія. Довольствуюсь указаніемъ еще на одну ихъ замашку.

Digitized by Google

Іорнандъ оставилъ намъ множество любопытныхъ географическихъ свѣдѣній VI вѣка, разсѣянныхъ въ его историческихъ сочиненіяхъ о Готѳахъ. О *Словенцахъ* говоритъ онъ слѣдующее:

«*Sclavini* a civitate Nova (Novietunense) et lacu, qui appellatur «*Mursianus* usque ad *Danastrum*, et in boream *Viscla* tenus commo- «rantur.» То есть, «*Словенцы*, съ юга отъ города *Новы*) что въ «южной Паннонiи) и озера *Мурзскаго*, простираются къ *Днѣстру*, «а прямо къ сѣверу до *Вислы*.» Jornandes de Got. Orig. Cap. 5.

Какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ географіи, умъ человѣческій никогда не начинаетъ съ *родовъ*, а съ *видовъ*, потому что понятіе о родѣ раждается только послѣ изученія и сравненія разныхъ видовъ такъ, что понятіе о *родѣ* наконецъ пріобрѣтается какъ результатъ занятій, какъ открытіе.

Кто хотя нѣсколько знаетъ жителей австрійской имперіи и жилища разныхъ ея славянскихъ племенъ, тому и въ голову не придетъ думать, что Іорнандъ въ этомъ мѣстѣ, подъ *Sclavini*, говоритъ о *родѣ*, обо *всѣхъ* славянскихъ племенахъ тогда, когда онъ говоритъ только объ однихъ *Словенцахъ*. Теореманы и охотники до переселеній и разселеній, можетъ-быть, удивятся, что эти Іорнандовы *Sclavini* VI вѣка въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ обитаютъ и нынѣ въ 1836 году, и что исторія не представляетъ ни малѣйшаго намеку объ ихъ переселеніи или разселеніи съ 550 по 1836 годъ; въ противномъ случаѣ какъ же бы могли Словенцы нынѣ обитать въ тѣхъ же Іорнандовыхъ границахъ 550 года!

Нынѣшній этнографъ при описаніи племенъ австрійской имперіи, по исчисленіи жилищъ (въ Венгріи) Руси, Сербовъ и Кроатовъ, — *Словенцамъ* тѣ же самыя границы назначилъ какъ и Іорнандъ въ 550 году, исключая небольшія измѣненія, происшедшія отъ поселенія Венгровъ и поселенія нѣмецкихъ колоній. До Карла Великаго Словенцы населяли и все австрійское эрц-герцогство, такъ что Іорнандъ, говоря, что они простираются *къ сѣверу къ Вислѣ*, то есть, къ источникамъ Вислы, довольно вѣрно выразилъ настоящее; хотя впрочемъ, говоря буквально, Словенцы никогда къ Вислѣ не примыкали.

Что касается до его выраженія: *простираются къ Днѣстру*, то это принять можно только за указаніе ихъ направленія; да и точно, *Словаки* и теперь еще, начиная отъ Пеота, простираются къ сѣверо-востоку до Карпатовъ и ограничиваются, въ Карпатахъ, Русью очень близко отъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ вытекаетъ *Днѣстръ*.

Если принять слово *ad Danastrum* за опечатку вмѣсто *ad Danubium*, что очень легко могло статься, то указаніе Іорнанда было бы еще опредѣлительнѣе, потому, что Словенцы *къ востоку* отъ

Digitized by Google

Штирiи жили точно только до Дуная. Если подразумѣвать *Днѣстръ*, тогда онъ указывалъ бы *два* раза на сѣверъ, и забылъ бы востокъ.

Современникъ Іорнанда, *Прокопій Кесарійскій*, Bell. Goth. III. 14. (въ Исторіи войны съ Готѳами III. 14.) говоритъ о Словенцахъ почти то же самое: «*Населяютъ значительную часть той стороны Дуная,*» онъ подразумѣвалъ задунайскую Венгрію и Австрію: иначе Прокопія растолковать нельзя.

Вотъ два древнѣйшихъ писателя, кои первые употребили національное имя ретійскаго славянскаго вида. Дѣло шло только о *значеніи* слова *Sclavini!* Точно въ этомъ только смыслѣ упоминали объ нихъ и всѣ послѣдовавшіе византійскіе писатели до XV столѣтія. Нигдѣ нѣтъ у нихъ ни малѣйшаго признаку, чтобы они подъ словами *Σθλαβοι, Σθλαβηνοι, Σκλαβινοι* подразумѣвали то, что мы теперь вообще понимаемъ подъ словомъ Славянинъ, Славяне, (то есть, *всѣ* славянскія племена). Византійцы *Σκλαβηνοι* всегда употребляли тогда только, когда хотѣли говорить или о жителяхъ Далмаціи, Славоніи и Истріи, или задунайской Венгріи и Штиріи.

Заѣсть хорошо. Слово *Slavi* стали принимать съ XI вѣка, въ *общемъ* смыслѣ, арабскіе географы, Адамъ Бременскій и другіе саксонскіе, датскіе и франкскіе писатели, если писали по-латыни, и наконецъ преподобный Несторъ. Эти писатели слово *Slavi* прибавляли къ имени всякаго племени, напримѣръ, Slavi *Sorabi*, Slavi *Vinidi*, Slavi *Pomerani*, Slavi *Bohemanni* (Чехи), Slavi *Moravani*, (Моравцы), даже Slavi *Rutiae*, *Ruzziae*.

И такъ ни греческое *Σκλαβηνοι* то есть, Словенцы, ни *Slavi*, ничего незначущее у западныхъ хронистовъ, не представляетъ ни какой важности для поясненія старины *всякаго* славянскаго племени порознь потому, что у Грековъ оно значитъ только Штирійцы, а у западныхъ только *намекъ* западнымъ народамъ, что Померанцы, Ляхи, Русь, Сорабы, Чехи *сродни* съ Словенцами (cum Rhetis), Больше ничего! Слѣдовательно греческіе *Σκλαβηνοι* рѣшительно ни къ чему не идутъ въ соображеніяхъ древности прочихъ славянскихъ племенъ, *Руси, Ляховъ* и прочая.

Но, можетъ-быть, теореманы сложатъ свою вину на Нестора, утверждая, что они руководствовались свидѣтельствомъ русской лѣтописи. Но ужели они не поняли Грековъ и Іорнанда! Во-вторыхъ, ужели они повѣрили, что Несторъ могъ быть свидѣтелемъ такого событія, какова разселеніе славянскихъ племенъ, но о которомъ онъ выразился впрочемъ только *a priori*, относя это къ началу, которое тоже принимаетъ только *à priori* же!

Двоякая сильная причина побудила Нестора высказать свою догадку о событіи, котораго онъ не могъ быть свидѣтелемъ.

Digitized by Google

1) Его источниками для изученія всеобщей (древней) исторіи была библейская и греческіе хронографы, которые обыкновенно начинаются космографіею, то есть, краткимъ описаніемъ разселенія Ноева потомства. Но этого никакъ нельзя было прилагать къ началу русской лѣтописи, начинающейся съ половины IX вѣка. Напитавшись мыслію о разселеніи, Несторъ примѣнилъ это и къ Русскому народу!

2) При этомъ внутреннемъ своемъ расположеніи объяснить *(никогда необъяснимое)* направленіе въ разселеніи славянскихъ племенъ, Несторъ увлекся случайнымъ созвучіемъ. Извѣстно, что одинъ изъ концовъ или частей Новагорода Великаго назывался *Славенскимъ*, потому-что главная улица этого конца тянулась по дорогѣ, ведущей къ рѣкѣ *Славенкѣ* (Петербургской Губерніи) или къ какому-либо мѣсту, носившему названіе *Славль*, точно такъ же какъ и нынѣ часть и улица Троицко-Сергіева посада, ведущая къ *Переславлю*, называется *Переславенкою* или *Переславенскою*.

Несторъ, интересовавшись Новгородомъ, дѣйствительно не могъ не слышать, что въ Новгородѣ есть *Славенцы* то есть, жители *славенскаго* конца. Считая необходимымъ дать какое-либо направленіе мнимому движенію славянскихъ племенъ, и не зная отъ чего произошло названіе *Славенской* заставы въ Новгородѣ, онъ принялъ это уличное за племенное названіе!

И такъ вотъ почему Штирійцы направили-де стопы своя на сѣверъ къ Озеру Ильменю, чтобы промѣнять виноградники и персики своей страны на песчаные новгородскіе лѣса и на тамошнія топи! Непонятнымъ однако останется навсегда, какимъ образомъ римское или гуннское правительство дозволило этимъ фантастамъ — вояжорамъ, своимъ данникамъ, покинуть свои дома и угодья, и пуститься въ такія страны, о которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія! Однако Скандинавоманы и теореманы утверждаютъ, что-де случилось въ VII или VIII вѣкѣ!

Несторъ, вообразивши себѣ *Словенцевъ* въ Новгородскихъ *русскихъ* Славенцахъ, передѣлалъ ихъ имя и удареніе въ *Словѣни*, которое онъ нерѣдко употребляетъ вмѣсто слова *Новгородцы!*

Слово *Новгородъ* показалось ему чѣмъ-то *новѣйшимъ*, потому-то онъ и приписываетъ Рюрику его построеніе, не смотря на то, что Іорнандъ, исчисляя жителей сѣверной Руси въ половинѣ VI вѣка: Чудь (Thuidos) *Мерю*, (Merens), *Мордву* (Mordensimnis) etc. между прочими упоминаетъ и о *Новгородѣ* (Novago.....) Iornand.

Положивъ однажды, что славенскіе Руссы Новагорода были когда-то Штирійцы, и назывались *Словенами*, то не только Нов-

Digitized by Google

городъ, но и слово *Русь* показалось Нестору *новымъ!* Слѣдовало обозначить его начало, которое онъ ставитъ съ прибытія къ Славенцамъ (въ Новгородъ) Рюриковой *Руси* изъ земли варяжской, не смотря на то, что у Византійцевъ слово *Русь* встрѣчается почти девятью вѣкъ ранѣе, а въ бертиніанской лѣтописи даже тридцатью годами!

Обмануться Нестору легко было, если онъ не имѣлъ предъ собою ни Іорнанда, ни *Annales Bertinianos;* вотъ почему изъ недоумѣнія черезъ недоумѣніе перешелъ къ вопросу: *когда же русская земля стала называться Русью?* Однако этотъ вопросъ похожъ на слѣдующій: *когда же сосна прозвалась сосною и береза березою?* Мысль Нестора: *и отъ тѣхъ Руси* (пришедшихъ съ Рюрикомъ) *начася прозывати Русская земля,* совершенно несправедлива.

Мы не должны забывать правила изъ исторической логики, что: 1) *всякой лѣтописецъ подобно всякому сочинителю, подвергается критикѣ.* 2) Лѣтописецъ можетъ быть свидѣтелемъ только въ предѣлахъ своей современности. 3) Длина времени, составляющаго современность лѣтописца, простирается отъ 250 до 300 лѣтъ. 4) Объ эпохѣ, предшествующей этой современности, лѣтописецъ обязанъ писать со свидѣтельствъ предшествовавшихъ ему хронистовъ.

Слѣдовательно, какъ Скандинавоманы такъ и славянскіе теоремаманы не имѣли права прикрывать себя Несторомъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ и себя оправдать не можетъ.

Примѣненіе всего этого къ Древней Русской Исторіи ведетъ къ чрезвычайно важнымъ выводамъ:

Кто не знаетъ, какъ поступили съ древнею исторіею Русскаго народа! Извѣстно, что самое начало Несторовой лѣтописи заставъ Русскій народъ въ *гигантскомъ движеніи.* Первая заставка русской лѣтописи подымается, и намъ представляются двѣ сцены: *Нашествіе иноземцевъ изъ Новагорода Великаго; и русскій флотъ на Черномъ Морѣ, идущій осаждать Царьградъ!* Чья исторія на земномъ шарѣ начинается такими величественными сценами? Начало домашней исторіи другихъ народовъ обычно къ легенду; это просто баллада поэта; но русская лѣтопись начинается съ положительнаго событія. Уже въ 862 году вся Сарматія отъ Новагорода до Чернаго Моря и до Карпатскихъ Горъ, равно и сѣверо-восточная Венгрія была наполнена Русскимъ народомъ, усѣяна городами. Это извѣстно положительно не только изъ русской лѣтописи, это извѣстно и изъ свидѣтельствъ Араба (921) Грека (920 г.) и бременскаго Саксонца, современника Несторова.

Digitized by Google

Какое же логическое слѣдствіе *для* исторической догматики вывели Скандинавоманы и теореманы изъ этихъ положительныхъ лучей?!

Кажется, что

1) Русскій народъ, огромный своею массою, не могъ вдругъ, въ 862 году, размножиться и разлетѣться подобно саранчѣ; что русскіе города не могли выростать въ одинъ годъ, подобно грибамъ послѣ дождя. Кажется, что это смѣшно было бы доказывать потому, что это *аксіома*. Самъ Несторъ чувствовалъ ее, и когда, въ своемъ введеніи, говоритъ о разселеніи славянскихъ племенъ по рѣкамъ Бугу, Днѣпру, Сулѣ, Полотѣ, Волховѣ, то подразумѣваетъ *когда-то, давно*. Возмемъ крайне недостаточное время для подобной операціи, напримѣръ, сто-пятьдесятъ лѣтъ, то мы и безъ лѣтописи, безъ буквальнаго свидѣтельства современныхъ писателей увѣримся въ историческомъ догматѣ, что *на Руси Русскій народъ обиталъ уже въ* 700 или 699 году, не смотря на то, что Прискъ, Іорнандъ, Прокопій, Менандръ, Агаѳія, Григорій Турскій и Фредегарій называютъ ее *Гуннією* и *Обріею*. Теореманы испугались этихъ именъ, стали пожимать плечами, стали сомнѣваться въ этомъ догматѣ русской старины, который принялъ и самъ Несторъ, и пошли теоріи переселеній!! Имъ трудно было понять, что временныя прозвища *Уннъ* или *Обръ* (Абары) падали именно на Русскій народъ 800-хъ или 700-тыхъ годовъ, хотя онъ тутъ же жилъ и въ 600-тые и 500-тые и въ 400-тые годы по Рождествѣ Христовомъ.

Теореманы приняли себѣ за правило: *другое имя, слѣдовательно, другой народъ*. Но въ такомъ случаѣ они не въ состояніи понять византійскихъ историковъ съ II по XV столѣтіе потому, что у всѣхъ этихъ писателей нѣтъ постоянной народописной номенклатуры. Такъ, напримѣръ, современники Нестора *Анна Комнина, Киннамъ*, и *Кедринъ* христіанскую Россію, Россію 1090—1120 годовъ, называютъ: первая *Скиѳіею*, *Скивами* (*Σκυθαι*), второй, упоминая о сношеніяхъ императора Мануила съ *Ростиславомъ* Галицкимъ, и другими червенскими князьями, называетъ ихъ *Таврокиѳами* (*τῶν Ταυροσκυθῶν*); Кедринъ *Россами*. Что скажутъ теореманы на то, что *Халкокондила*, писавшій (послѣ взятія Цареграда въ 1453 году,) исторію турецкую, вкратцѣ описываетъ и Россію, подраздѣляетъ ее на *μεγαλη Σαρματια, ἀσπρη Σαρματια, μαυρη Σαρματια*, то есть, Велико-Россію, Бѣло-Русссію, и Черную Русь. Упоминаетъ о Москвѣ, Новгородѣ, Твери, утверждаетъ, что *Сарматы* къ сѣверу граничатъ съ Перміею, на юго-западѣ граничатъ съ *Полоны* Польшею, къ Крыму и за Волгою съ *Скиѳы* то есть, съ Татарами.

Digitized by Google

Какъ же не понять было теоремамъ, что у Византійцевъ господствовало тоже самое номенклатурное *своеволіе* и относительно Руси до-Рюриковской?! *Ужели* они не могли догадаться, что въ природѣ не могло быть той своевольной подвижности и непостоянства въ *народахъ*, какое видимъ въ народописной *номенклатурѣ* греческихъ писателей!!

Мы видѣли уже разныя слова, подъ которыми нѣмецкій народъ слыветъ на разныхъ европейскихъ языкахъ: собственное *Дейчеры*; нарицательныя *Тедески*, *Аллемандцы*, *Джермины*, *Нѣмцы*. Этими разными названіями прекрасно можно пояснить умозаключенія теоремановъ относительно разныхъ названій, подъ которыми слыли жители Руси, съ тою только разницею, что ту же силлогистику выражу другими словами или цифрами.

И такъ полагаютъ теоремаы:

«Германію искони населяли *Германы*, вытѣснившіе изъ нея «*Кельтовъ*: въ послѣдствіи времени *Аллемандцы*, жившіе у Рейна, «уничтожили владычество *Германовъ*: но нѣсколько времени спустя сдѣлали нашествіе на Аллемандовъ *Тедески*, обитавшіе въ «горахъ Гельвеціи и Піемонта, а съ другой стороны *Нѣмцы*; обитавшіе у устья Вислы, такъ что юго-западная часть Аллемандовъ «приняла названіе отъ завоевателей *gli Tedeschi*, а сѣверо восточная названіе *Нѣмцы*. Наконецъ изъ горъ *Дакіи* и сосѣдней съ «нею Мизіи и Македоніи переселились въ Германію *Дайчеры*, что «доказываетъ сходство ихъ имени, и поработили какъ *Тедесковъ* «такъ и *Нѣмцевъ*, и слились съ ними въ одинъ народъ; вѣроятно, что тѣ приняли ихъ имя, а эти ихъ языкъ.»!

Вотъ характеристика логики теоремановъ въ ихъ выводахъ изъ византійскихъ писателей. Точно почти по этой же самой ихъ теоріи Сарматы завоевали Скиѳовъ, Аланы Сарматовъ, Гунны Алановъ, Обры или Авары Гунновъ, Болгаре Обровъ, Словенцы Болгаръ, и наконецъ Русскіе, которыхъ Байеры и Шлецеры выдаютъ за Лапонцевъ или Шведовъ, порабощаютъ Словенцевъ!!! А это все потому, будто, резону что *часть* равняется *цѣлому*, *виду* то же что весь *родъ*, то есть, потому, что предѣлы обозначенные Іорнандомъ *одному* только племени (Словенцамъ), по понятію этихъ господъ, обнимаютъ всѣ славянскія племена! и потому еще *(замѣтить хорошо)*, что одна улица или застава въ Новгородѣ Великомъ называлась *Славенскою*!!

Положимъ хоть такъ, но бѣда еще въ томъ для теоремановъ, что не могутъ придумать *когда* и *какъ* надобно переселить Славенцевъ въ Россію, и разселить по необозримымъ ея равнинамъ! *Гунны* и *Обры* больно ихъ пугаютъ! За то они придумали противъ нихъ жестокую мѣру, и безъ церемоніи просятъ ихъ вонъ за

Digitized by Google

Волгу изъ Россіи; но о дѣлѣ сами выражаются деликатно, что Гунны-де послѣ полнаго торжества надъ Европою западною и южною, тотчасъ послѣ смерти *Аттилы*, разсудили, изъ видовъ политики, сдѣлать обратную *промнаду* за Волгу въ Сибирь! Теореманы очень любезны! Жаль однако, что Приск, Прокопій, Іорнандъ, Григорій Турскій, Фредегарій, писатели V, VI и VII вѣковъ, ничего не знаютъ объ этой промнадѣ Гунновъ (Обровъ), находятъ ихъ владѣнія постоянно въ сосѣдствѣ съ Баварією, Франками и Лонгобардами до временъ Карла Великаго!!! Съ кѣмъ же Карлъ Великій велъ семилѣтнюю войну за владѣніе Паннонія какъ не съ Гуннами, которыхъ Фредегарій называетъ и *Аварами* (Hunni dicti *Abares*)? Съ Гуннами, которые въ VII столѣтіи, во время Фредегарія, ежегодно приходили въ Богемію, Силезію, Моравію, Сорабію *собирать подати*. Это податное состояніе германскихъ Славянъ началось съ Аттилы; въ Богеміи и старой Сербіи (нынѣшней Саксоніи) кончилось оно около 620 года изгнаніемъ Гунновъ, которое описалъ современный Фредегарій. А въ *Словеніи* (нынѣшнемъ австрійскомъ эрц-герцогствѣ) кончилось послѣ неудачной войны съ Карломъ Великимъ.

Эти-то могущественные Гунны именно были сосѣди *Словенъ*, *Моравцевъ*, *Чеховъ* и *Ляховъ*, слѣдовательно жили въ Россіи, начиная съ Вислы по *Днѣстру*, *Днѣпру*, Волгѣ, Двинѣ. Конечно эти Гунны должны были жить постоянно вокругъ *за-Вислянцевъ* и *за-Дунайцевъ*, чтобы удержать за собою владѣнія тѣми землями и племенами въ продолженіе тринста-пятидесяти лѣтъ, то есть, отъ Аттилы до Карла Великаго.

Если эти Гунны (Обры) были изгнаны изъ Богеміи около 620 года, то они не были тамошніе уроженцы; изъ описанія обрскихъ войнъ съ Византійцами видно, что они жили по Днѣстру и по Днѣпру. Слово *Гунны*, или собственно *Унны*, употребляемое нѣкоторыми греческими писателями, по всему вѣроятію, есть *арнаутское*, такъ какъ арнаутскій народъ искони былъ, по Дунаю, сосѣдомъ Русскаго народа. Слѣдовательно Уннами Русскихъ называли одни только *Арнауты*, равно какъ и Приск Риторъ, родившійся между Арнаутами. Obr есть *чешское* слово, и значитъ *великанъ*. Обрами жителей Руси прозывали за-Вислянцы. Такъ какъ въ VII вѣкѣ, какъ видно изъ франкскихъ лѣтописцевъ, Чехи и Сорабы имѣли частыя сношенія съ франками, то и во Франкскихъ лѣтописяхъ принято слово *Abari*, *Habares*, и даже нѣкоторыми Греками *Αβαρες*.

Современникъ *Фредегарій* вкратцѣ описалъ тѣ насилія, которыя совершали днѣпровскіе и днѣстровскіе *великаны* надъ жителями Богеміи и Сорабіи и надъ ихъ *женами*. «Обры, называемые и

Digitized by Google

«*Гуннами*, ежегодно приходили зимовать въ Богемію и Сорабію: «безчестили *женъ* и *дочерей* чешскихъ и сербскихъ; и сверхъ «разныхъ угнѣтеній, брали подати съ жителей.» [1]. Память по угнѣтеніи *обрскомъ* (великанскомъ) долгое время оставалась на Западѣ. Это преданіе сохранилъ и Несторъ, когда упоминаетъ о насиліяхъ, дѣланныхъ *великанами* (обрами) женамъ *дулебскимъ*. Если упоминаетъ о поговоркѣ: *мучатся яко Обры*, то это относится къ *избіенію* великановъ въ Богеміи и въ Сорабіи около 620 года, или же къ избіенію ихъ въ Словеніи Карломъ Великимъ около 790 года. Во всякомъ случаѣ это преданіе и эта поговорка, какъ память по трагическомъ событіи, хотя и принадлежитъ къ исторіи Русскаго народа, но она не русская; она словенская, и чешская, и лѣшская. Несторъ ее слышалъ, но не такъ понялъ: по-крайней мѣрѣ вѣчная хвала ему, что сохранилъ ее такъ, какъ она есть. Но за то слѣдовало понять ее Шлецеру и его послѣдователямъ. Какъ-же они поняли? *Великановъ* выселили изъ Россіи, и очень рады, что иноземцы ихъ передушили! а *Дулебамъ* (то есть, Полабамъ, жителямъ по рѣкѣ *Лабѣ*, то есть, Чехамъ и Сорабамъ) отвели въ Россіи цѣлыя двѣ губерніи!!!

Какъ-бы то ни было, но такія имена, каковы *Орбы*, *Уины*, были недолговѣчны потому, что рано или поздно должны были мѣсто уступить настоящему. И ужели теоремаы не въ состояніи понять, что слова могутъ измѣняться, а вещь въ этомъ дѣлѣ остается та же. Само собою разумѣется, что если *великаны* днѣпровскіе и лишились своихъ данниковъ *по-лабскихъ* и *за-вислянскихъ*, все-таки сами не переставали существовать и процвѣтать независимо въ своей *великаніи*, въ своей *обріи*. И что за историческій догматъ, который предлагаетъ профессоръ Des Michels для вѣрованія французскому юношеству, что-де ихъ Карлъ Великій уничтожилъ всю имперію *великановъ* (a détruit l'empire des Abares)! Вотъ каковъ завоеватель французскій профессоръ Des Michels! Подобнымъ же завоевателямъ въ Германіи и числа нѣтъ!

Какъбы то ни было, теоремаы должны ужаснуться при мысли, что рано или поздно придется надписать въ исторіи Паннонія или Германія: *Паннонія русская провинція* с 454 *по* 790; или *Богемія, русская область* с 452 *по* 620 *годъ*. Во всякомъ случаѣ на теоремаахъ лежитъ большая отвѣтственность за *ложное* рѣшеніе данной имъ задачи. Дѣло въ томъ, если чешскій народъ, живущій

[1] *Abari* congomento *Hunni*, hyemandum singulis annis in Sclavos (подраз. Bohemicos et Sorabicos) veniebant, uxores Sclavorum et filias eorum stratu sumebant: tributa, super alias oppressiones, Sclavi Hunnis solvebant, etc. *Fredeg.* Cap. 48.

Digitized by Google

по Богеміи и Моравіи, величиною въ четыре милліона, покоренный Аттилою съ 452 года, добившійся своей независимости около 620 году, исторія признаетъ догматически за такъ рано развивавшійся, то спрашивается: къ какому времени отнести положительную древность Русскаго сорока-милліоннаго народа? Тутъ не поможетъ ни Прокопій, ни Іорнандъ, которые сами могли вывести теоремановъ изъ недоумѣнія, если не только что намекали на сродство такъ называемыхъ Гунновъ со Словенцами паннонскими, но даже буквально объ этомъ выразились. Прокопій говоря о жителяхъ нынѣшняго иллирійскаго королевства (*Σκλαβηνοι*), между прочимъ выражается слѣдующимъ образомъ: «*Характеръ ихъ и незлобенъ и необманчивъ, и при простотѣ права во многихъ обычаяхъ послѣдуютъ Гуннамъ*» (*τὸ Ουννικὸν ἦθος*) De bello Goth. Lib. III cap. 14. *Прискъ Риторъ*, бывшій при дворѣ Аттилы, между прочимъ говоритъ: «Гунны (Унны) у себя дома любятъ говорить не только на *своемъ* языкѣ, но и на *Готѳскомъ*, и даже на *латинскомъ* тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ частые дѣла съ «Римлянами (*ξυγκλυδες γαρ οντες προςτησφετερα βαρβαρῶ γλῳσση Σηλουσιν ἢ την Ουννων ἢ την Γοτθων ἢ και την Αυσονιων*).

Прискъ *Готѳами* вообще называетъ то, что Прокопій именуетъ *Склавенами*, *Антами* и *Вандалами*. Если такъ называемые Гунны понимали такъ называемыхъ Готѳовъ, и легко выражались на ихъ языкѣ, чему Прискъ Риторъ былъ очевидецъ, то ужели Готѳовъ могли бы понимать они, если бы были Монголы? Ужели Гунны могли бы понимать Присковыхъ Готѳовъ, если Готѳы эти не были одно изъ славянскихъ племенъ, какъ утверждаютъ тевтоманы? Но тутъ дѣло идетъ не только о сродствѣ въ языкѣ, но и о сродствѣ въ нравахъ и обычаяхъ, чему и Прокопій былъ очевидецъ.

Странная вещь: имя *Новгорода*, *Корси* или *Куровъ*, *Эстовъ*, *Чуди*, *Мордвы*, *Мери* (*Novago*, *Curis*, *Thuidos*, *Merens*, *Mordensimnis*) упоминаются уже, Іорнандомъ, писавшимъ въ половинѣ VI вѣка. Замѣчательно и то, что русскія рѣки *Донъ*, *Днѣпръ*, *Днѣстръ* у Татаръ имѣли татарскія названія, у Грековъ греческія (кромѣ Дона *Tanais*), слѣдовательно *Донъ*, *Днѣпръ*, *Днѣстръ* названія славянскія. Какимъ же образомъ у Іорнанда *Tanais*, *Danaper*, *Danaster* около 520 года были рѣки славянскія, не смотря на то, что по указанію Іорнанда и Прокопія жили по нимъ Унны или Гунны! Какимъ же образомъ Днѣстръ является русскою рѣкою (Danaster) уже у Амміана Марцеллина, писавшаго около 380 годовъ, не смотря на то, что жителей ея онъ называетъ арнаутскимъ словомъ? *Уннами*!

Но теореманы, прицѣпившись исключительно къ одной Іорнандовой *Слованціи*, выводятъ: если жители Руси не были *Слованцы*,

Digitized by Google

то *днѣпровскіе* и *днѣстровскіе великаны* (а по-чешски *обры*, а по-арнаутски *Ужы*, а *логически Русаны*) не были Славяне, а были Монголы! Вотъ почему теорема̀нія породила и *Монголома̀нію!* и содѣйствовала къ растерзанію и затемненію исторіи Болгаръ и Руси.

Съ другой стороны теорема̀нія родила *Тевтома̀нію*, и затемнила исторію *Великой Сарбіи*, Богеміи, Моравіи, Помераніи и Сербіи за-дунайской.

Такимъ точно образомъ и на сѣверѣ теорема̀нія родила Скандинавома̀нію! Никогда Байерамъ, Миллерамъ, Шлецерамъ, Карамзинымъ не пришло бы въ голову дѣлать Шведовъ изъ Русскаго народа, если бы теоремы не прицѣплялись къ Іорнандовой *Словеніи*.

И дѣйствительно, если вы сами, говорили Скандинавоманы, въ *древней Руси* не находите ничего славянскаго, но мы объявимъ ее народомъ скандинавскимъ, тевтонскимъ. Но если спросите, какимъ же образомъ въ Русскомъ народѣ нѣтъ и не было ни малѣйшей тевтонской или скандинавской примѣты, то они тотчасъ себѣ найдутъ увертку, и скажутъ: Скандинавы помѣнялись съ жителями Сармаціи, дали имъ имя, а сами приняли ихъ языкъ! Но какъ великая нація могла отучиться отъ своего имени, и въ двадцать-тридцать лѣтъ принять отъ небольшой дружины въ русской службѣ имя будто заморское и въ тѣхъ даже мѣстахъ (за Карпатами), гдѣ и слуху и духу не было объ этой дружинѣ, то естественность этой операціи возможна развѣ только въ головахъ теоремановъ.

Въ этомъ дѣлѣ Скандинавоманы дѣлаются ультра-теоремана̀ми, то есть, прикрываютъ себя выраженіемъ Нестора: *и отъ тѣхъ Руси начася прозывати Русская земля!* Между-тѣмъ, какъ тамъ, гдѣ Несторъ дѣйствительно положителенъ, Шлецеры и его послѣдователи приписываютъ ему такія мысли, которыхъ онъ именно не имѣлъ, потому-что тогда противурѣчилъ бы самому себѣ.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе запутывали и затемняли исторію всякаго славянскаго племени, тѣмъ болѣе дѣлается она загадочною въ глазахъ теоремановъ, Монголомановъ, Тевтомановъ, Скандинавомановъ. *Leider!* вопіютъ они, *die Geschichte der Slawischen Völker ist bis jetzt noch ein Problem!* Malheureusement l'histoire des Slaves est encore un problème! Воскликнемъ же и мы въ свою очередь: *увы!* до нынѣ остается тайною *ключъ* къ исторической силлогистикѣ славянскихъ теоремановъ, Скандинавомановъ, Тевтомановъ, Монголомановъ! И донынѣ мѣсто Іорнандово о *Словенціи* служитъ единственнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ этихъ *сектъ!* Кто не вертѣлъ всячески это мѣсто о Словенціи иллирійской! Были даже

Digitized by Google

люди, которые занимались изслѣдованіемъ значенія одного даже слова изъ этого мѣста, напримѣръ, что̀ значитъ *lacus Mursianus*?

И такъ, изслѣдованія въ славянскомъ мірѣ начались *Несторовыми диссертаціями*, продолжала ихъ цѣлая вереница славянскихъ изыскателей до нынѣшняго дня. Къ какой же стати господинъ Шафарикъ находитъ, что Славяне ничего не дѣлали, и заставляетъ ихъ *самихъ* дѣлать, не позволяя имъ имѣть никакого сообщенія съ иноземцами, какъ-будто между иноземцами не можетъ родиться логическая голова! Вѣдь доселѣ работали же *сами* Славяне, *сами* они отдали сорокъ милліоновъ Славянъ *(Русаковъ)* Скандинавамъ и Монголамъ, *Великую Сербію*, (въ Германіи), и *Сербію* Задунайскую *(новую)* Нѣмцамъ, *Болгаръ* Татарамъ! И еще сами жалуются на *загадочность* исторіи славянскихъ племенъ!!! Не *любви*, не *любителей* ожидаетъ исторія славянскихъ племенъ, а *логики*.

«Чего не сдѣлаемъ мы, продолжаетъ господинъ Шафарикъ, не «доразумѣемъ, то, дастъ Богъ, сдѣлаютъ, доразумѣютъ не сегодня, «завтра, наши потомки; но для того, чтобы что̀-нибудь могло быть «сдѣлано, надобно, чтобы оно было уже начато.»

Осмѣливаюсь увѣрить господина Шафарика, что если наши славянскіе потомки станутъ дѣлать свое дѣло по той-же силлогистикѣ, какъ и *ученые* ихъ предки, то *во вѣки вѣковъ* ничего не сдѣлаютъ, какъ и отъ Нестора до нынѣшняго дня ничего не сдѣлано относительно періода, предшествовавшаго *Рюрику* и *Карлу Великому*, если не отстанутъ отъ Шафариковой *Славянщи*, которую онъ поднимаетъ и натягиваетъ уже *въ тысячу и первый* разъ. Въ противномъ случаѣ они, наши потомки, наконецъ схоронятъ свои древности, и тогда всякій китайскій мандаринъ на этотъ случай можетъ написать элегію, подъ названіемъ: *Плачъ Славянъ надъ гробомъ своей старины!*

Digitized by Google

Отдѣленіе VII.

Смѣсь.

мѣстныя преданія польши и литвы. Слыхали ли вы о мѣстечкѣ Слу́пя? Оно находится въ пятнадцати миляхъ отъ Кракова, лежитъ у подошвы Лысой (или Крестовой) Горы, и нѣкогда было собственностію аббатства Бенедиктинцевъ. Трудно теперь назвать его городомъ, хотя оно носило это почетное названіе; нѣсколько деревянныхъ строеній и небольшой костелъ Святаго Лаврентія, вотъ все что̀ теперь увидите въ немъ. Но не въ этомъ важность Слупя, не въ красотѣ зданій, не въ устройствѣ: не ищите ихъ, можетъ-быть они существовали, но рука времени сбросила обветшалые наряды. Хотите взглянуть, полюбоваться на Слупя: воротите назадъ столѣтія, и въ 1410 году вы увидите его довольно большимъ городомъ, въ немъ,—по словамъ Бѣльскаго,—Владиславъ Ягайло нѣсколько дней творилъ молитву, ожидая страшныхъ непріятелей; отсюда босыми ногами ходилъ онъ на гору, гдѣ стоялъ костелъ Святаго Креста, и тамъ, окруженный духовенствомъ, слушалъ молебствія. Уже вѣсть о приближеніи

Digitized by Google

непріятеля распространилась въ лагерѣ. Напрасно полководцы польскіе уговаривали его принять начальство надъ войсками —онъ слушалъ и продолжалъ молиться; мужественный князь литовскій приготовился встрѣтить непріятеля, между-тѣмъ и король послѣ молитвы прибылъ къ отряду; все было готово къ бою, какъ два герольда выѣхали изъ среды кавалеровъ и объявили желаніе вступить въ переговоры; ихъ допустили; тогда поднеся Ягайлѣ и Витовту, два окровавленные меча: «*Вотъ даръ магистра нашего!* сказали они: *безъ опасенія снабжаемъ мы васъ оружіемъ, желая тѣмъ вселить въ васъ храбрость; готовы даже отступить далѣе, чтобы дать вамъ болѣе мѣста и полную свободу, успѣшнѣе дѣйствовать противу насъ.*» Безъ обиды выслушалъ Ягайло слова гордыхъ рыцарей: «Скажите вашему магистру, отвѣчалъ онъ, что я и братъ мой удивляемся поспѣшности, съ какою кавалеры кладутъ оружіе, съ радостію принимаемъ мечи, какъ предзнаменованіе, что скоро присоединимъ къ нимъ и остальные.» Слѣпо увѣренные въ побѣдѣ своей кавалеры, дѣйствительно подались назадъ. Началась битва, долго колебавшаяся со стороны на сторону. Наконецъ Ягайло пересилилъ; кавалеры были истреблены и частію взяты въ плѣнъ, поля Грюневольда были покрыты ихъ трупами.

И такъ сбылось предзнаменованіе; молитва Ягайлы вѣроятно была услышана. Теперь на этихъ мѣстахъ не видно ничего знаменующаго битву, только кое-гдѣ показываются мѣста замѣчательныя по преданіямъ; съ гордостію разсказываютъ о нихъ давнія были и небылицы, и заставляютъ въ воображеніи переноситься въ минувшіе вѣка.

За городомъ Слуня, находится узкая, извилистая тропинка, заросшая терномъ, букомъ, грабомъ, перерѣзанная ручьями текущими со скалъ, нагроможденныхъ одна на другую въ разныхъ направленіяхъ и положеніяхъ; эта тропинка ведетъ въ гору. Трудно путешественнику достичь вершины этой горы. Карабкаясь между обнаженными черными утесами на которыхъ самые дикіе кустарники никогда не зеленѣютъ, натерпится онъ страху, однако жъ достигнетъ. Гора эта называется *Лысою* Горою; у подошвы ея находится древняя статуя неизящное произведеніе; видно только, что представляетъ образъ человѣка, стоящаго на колѣняхъ, который

Digitized by Google

воздвиг руки къ небу молится. Говорятъ, что при нападеніи Татаръ на монастырь Лысой Горы, когда они ворвались въ костелъ, одинъ изъ нихъ, въ числѣ прочихъ награбленныхъ вещей, схватилъ дерево святаго Креста, хранившееся, какъ священная драгоцѣнность, съ давнихъ временъ въ костелѣ. Въ то же мгновеніе отнялись у него руки, со страха онъ оставилъ крестъ на томъ же мѣстѣ и почувствовалъ облегченіе. Въ память такого случая онъ велѣлъ воздвигнуть эту статую.

Съ вершины горы открывается на дальнее разстояніе живописная картина природы. Сребристые ручьи бѣгутъ по бархатно-зеленой лощинѣ; какъ гирляндами убраны, усѣянныя цвѣтами покатости горы, а далѣе, слишкомъ на тридцать миль, тянутся снѣжные хребты Карпатскихъ Горъ; поля, лѣса, села, разбросаны съ эстетическою небрежностію. Только Лысая Гора, какъ мрачный мавзолей, стоитъ среди густаго лѣса, и на заоблачной вершинѣ своей, какъ вѣнецъ держитъ костелъ Святаго Креста съ монастыремъ Бенедиктинцевъ. Она возвышается надъ поверхностью Балтійскаго Моря на двѣ-тысячи футовъ; другіе полагаютъ, что она была гораздо выше, и точно, находящіеся на вершинѣ, развалины скалъ нѣкоторымъ образомъ подтверждаютъ это мнѣніе. Народное преданіе говоритъ, что это разрушеніе произошло отъ бывшаго здѣсь землетрясенія. Хотя ни въ одной лѣтописи не находите подтвержденія такому событію, однако по найденнымъ въ грудѣ скалъ истуканамъ и урнамъ съ прахомъ мертвыхъ, должно заключать, что если подобное происшествіе могло случиться, то не иначе какъ до введенія въ этой странѣ христіанской вѣры. По всей окрестности горъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль, находятся разбросанныя по полямъ желѣзныя окалины.

Вершина горы, на которой стоитъ костелъ Святаго Креста, большую часть года закрыта тучами, въ которыхъ костелъ будто плаваетъ; напротивъ того, находясь въ немъ, и бродя около по грудамъ развалинъ, представителей грознаго разрушенія, часто видишь какъ тучи проходятъ подъ ногами, какъ разрѣзываютъ ихъ огненныя стрѣлы молніи, какъ рождается дождь и льетъ на землю,— буря гонится за нимъ и довершаетъ мрачную, чудную картину. Что же въ

Digitized by Google

это время человѣкъ, который смотритъ на эту борьбу стихій? Жалкую роль разыгрываетъ онъ! Гдѣ и гордость и честолюбіе? – Бѣдное созданіе! Онъ дрожитъ, трепещетъ, и, познавъ свою ничтожность, съ благоговѣніемъ преклоняетъ, дотолѣ непреклонную, выю свою предъ всемогуществомъ Творца вселенной. Иногда эту мрачную картину вдругъ освѣтитъ сверху солнце..... Трудно описать, надобно видѣть это зрѣлище и удивляться.

Костелъ украшенъ мраморными статуями аббатовъ и рыцарей, и не имѣетъ почти ни малѣйшаго признака древности: послѣ пожара случившагося двадцать лѣтъ тому назадъ,[1] онъ былъ отдѣланъ совершенно въ новомъ вкусѣ.

Сколь пріятно любоваться на устройство въ этомъ костелѣ, столько напротивъ того непріятна ужаснѣйшая въ немъ сырость, происходящая, вѣроятно, оттого, что въ немъ часто кочуютъ проходящія облака и тучи. Иногда на нѣсколько времени онъ осушится солнцемъ; вдругъ найдутъ дождевыя тучи и, прежде еще паденія дождя, вода каплями выступаетъ на мраморныхъ плитахъ пола. Всякій вновь пріѣзжій сюда монахъ долженъ непремѣнно подвергнуться болѣзни и тѣмъ какъ-бы заплатить дань климату.

Во время Болеслава, въ 1260 году, костелъ этотъ считали хранилищемъ богатствъ и пріютомъ народа во время смутъ и опасности. Въ послѣдствіи онъ былъ разграбленъ Татарами [1]. Хищная орда ничего не щадила; безъ различія пола и возраста, губила и убивала несчастныхъ жителей, которые въ отчаяніи искали спасенія у престола Господня; но и тутъ смерть настигала ихъ. Будучи горестными свидѣтелями поруганія святыни и разрушенія храма, они пали жертвою дикой ярости поклонниковъ Магомета. Подобная же участь постигла этотъ костелъ, въ 1370 году при нападеніи Литовцевъ подъ предводительствомъ Кейстутія и Ольгерда, князей литовскихъ, которые, опустошая землю сандомирскую, разорили съ тѣмъ вмѣстѣ костелъ. Одинъ изъ Литовцевъ говоритъ [2]: «Когда возы, наполненные

[1] Бѣльскій. [2] Длугашъ.

Digitized by Google

забранною добычею, достигли границы, одинъ изъ нихъ вдругъ остановился, и сколько усилій ни употребляли, чтобы его сдвинуть, припрягая множество лошадей и воловъ, все было напрасно.

Это происшествіе поразило язычниковъ, тѣмъ болѣе, что они не знали причины. Тогда священникъ открылъ тайну; сдѣлали обыскъ и нашли въ этомъ возѣ часть древа святаго креста. Тотчасъ былъ призванъ одинъ изъ плѣнныхъ Поляковъ, и ему было поручено отвезти дерево обратно на прежнее мѣсто. Когда это было исполнено, повозка безъ всякихъ трудовъ тронулась съ мѣста. Послѣ того, когда снова Литовцы сдѣлали нападеніе на Польшу, подъ начальствомъ Довойны, то также обогатились добычею въ огромномъ количествѣ, потому-что жители, желая спастись, со всѣмъ своимъ имуществомъ, бѣжали въ костелъ. Довойна взялъ тогда въ плѣнъ многихъ Поляковъ и въ томъ числѣ молодую прелестную Польку – Гобданкъ. Вмѣстѣ съ добычами, отправленными въ Вильно, находилась часть дерева святаго креста; при перекладкѣ нѣкоторые изъ язычниковъ, дотрогиваясь до него, падали на землю безъ чувствъ. Испуганный этимъ Ягайло недоумѣвалъ, что дѣлать. Тогда молодая плѣнница присовѣтовала отнести дерево святаго креста на то мѣсто, гдѣ оно было взято. Эта честь была предоставлена ей. Довойна отправился для сопровожденія и, прибывъ на мѣсто, женился на молодой плѣнницѣ съ согласія ея родителей и, принявъ христіанскую вѣру, возвратился обратно въ Литву.

Монастырь, при костелѣ построенный среди скалъ и утесовъ, былъ основанъ Болеславомъ Храбрымъ, въ 1008 и 1009 годахъ. Нѣкоторые же утверждаютъ, что первымъ основателемъ былъ Мечиславъ I, который построилъ костелъ изъ лиственницы на самой вершинѣ горы, называющейся теперь Горою Святаго Креста, а во времена Славянъ Лысою Горою. Вблизи монастыря находится небольшое кладбище, обнесенное оградою. По преданію, это именно то мѣсто, на которомъ во времена Славянъ стояло капище бога ихъ Лелюмъ Полелюмъ, послѣ разрушенія котораго Мечиславъ основалъ деревянный костелъ и призвалъ въ него Бенедиктинцевъ.

Digitized by Google

Хотя мѣсто гдѣ, какъ говорится, находился храмъ бога Лелюмъ Полелюмъ, опредѣлено съ видимою точностію, не смотря на то, преданіе кажется сомнительнымъ; къ тому же мы знаемъ также изъ преданій, что на вершинѣ горы находилось капище, куда по народному повѣрью собирались вѣдьмы для своихъ отчаянныхъ пиршествъ; что же касается самаго бога Лелюмъ Полелюмъ, объ немъ какъ и обо всѣхъ славянскихъ богахъ, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Нѣкоторые историки дѣлаютъ изъ него два божества и утверждаютъ, что западные Славяне уважали ихъ въ такой же степени, какъ Римляне Кастора и Полукса. Гвагнинъ говоритъ, что въ его время Поляки во время пиршествъ, бесѣдъ и разныхъ увеселеній имѣли обыкновеніе призывать Лелюмъ Полелюмъ, изъ чего онъ заключаетъ, что то былъ богъ дружбы и согласія, которому посвящались всѣ увеселенія и забавы; онъ же говоритъ, что тогда было обыкновеніе, въ назначенные дни, и именно 25 Мая и 25 Іюня, собираться мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ и проводить время въ пляскѣ и увеселеніяхъ. Вематриваясь со вниманіемъ въ обычаи и нравы этого народа, мы найдемъ въ нихъ многое, заимствованное отъ древнихъ Славянъ. Стрійковскій, въ своей хроникѣ на стр. 136, такъ говоритъ о богахъ славянскихъ: «Кастора и Полукса римскихъ боговъ прославляли и называли Лелюмъ Полелюмъ, что еще и понынѣ существуетъ у Мазуровъ и Поляковъ; въ особенности во время пиршествъ, всегда почти слышишь Лелюмъ Полелюмъ. Они также почитали и мать ихъ Ладу; обыкновеніемъ было, собираться мужчинамъ и женщинамъ, старымъ и молодымъ, въ одно мѣсто, въ день празднества этимъ богамъ, и посвящать время пляскамъ; эти то сходбища назывались Купалою; они происходили 25 Мая и 25 Іюня[1].» — Этотъ обычай и понынѣ существуетъ у насъ въ Россіи и въ Литвѣ: послѣ Ѳомина воскресенья до дня Іоанна Крестителя, женщины и дѣвицы собираются на полянѣ, гдѣ становятся въ кружокъ, и взявшись за руки пляшутъ и поютъ пѣсни съ припѣвомъ:

[1] Здѣсь ошибается Стрійковскій и смѣшиваетъ славянскій праздникъ Купалы съ Лелюмъ Полелюмъ.

Digitized by Google

Ладо Ладо, дидисъ Ладо. Не смотря на такое обыкновеніе, простой народъ не знаетъ какъ и откуда вошло оно въ употребленіе, да и не хочетъ вѣрить, что онъ прославляетъ языческаго бога, а увѣрить его очень трудно. Гвагнинъ объ этомъ же празднествѣ, на 30 стр. Европейской Сарматіи, говоритъ: «Начиная съ Ѳомина воскресенья до Іоанна Крестителя, женщины и пѣвицы въ праздничные дни, собирались для плясокъ, пѣли свои старинныя пѣсни, вспоминая часто Ладо и хлопая въ ладоши, становились въ кружокъ, продолжая плясать.» У насъ въ Россіи и Литвѣ эта пляска обыкновенно называется хороводомъ.

Въ Бѣлоруссіи наканунѣ дня Святаго Іоанна, вечеромъ, поселяне вбиваютъ большой колъ, обкладываютъ его соломою, а на верху привязываютъ снопъ. Это называется у нихъ: *Купала.* Въ сумерки зажигаютъ его, и вдругъ множество поселянъ, наряженныхъ въ праздничныя одежды, собираются къ огню. Неся березовые прутья, они бросаютъ ихъ въ огонь, приговаривая: *Кабъ мой ленъ быу такъ вѣликъ, якъ гетая хваросцина* *. Иные прежде, нежели бросятъ ихъ, три раза обѣгаютъ кругомъ костра. Женщины и молодые мужчины поютъ:

Купала на Ивана,
Гдзѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана,
Купала на Ивана,
Што Купала уживала? и такъ далѣе.

Когда костеръ истлѣетъ до половины, тогда молодые парни скачутъ черезъ огонь; женатые же и вдовцы лишаются этой чести. Женщины приносятъ вареники, сдѣланные изъ гречневой муки, и тутъ же ѣдятъ ихъ.

Потомъ слѣдуетъ пляска у костра, котораго огонь безпрестанно поддерживается новымъ хворостомъ и соломою. Въ эту *торжественную* для нихъ ночь не оставляютъ лошадей въ полѣ, но запираютъ въ стойла. Они боятся, чтобы вѣдьмы не взяли ихъ для поѣздки въ Кіевъ, потому-что

* Бѣлорусское нарѣчіе; значитъ: чтобъ мой ленъ былъ такъ высокъ, какъ эта вѣтка.

Digitized by Google

въ эту ночь, по ихъ словамъ, онѣ слетаются тамъ, на Лысой Горѣ. Это мнѣніе существуетъ не только между крестьянами; но и между многими бѣлорусскими помѣщиками. На воротахъ, гдѣ заперты лошади, вѣшаютъ освященную восковую свѣчку. Говорятъ, вѣдьма всегда грызетъ ее, желая открыть себѣ путь къ лошадямъ. Женщины употребляютъ это средство для сохраненія у коровъ молока, которое вѣдьмы, въ эту ночь, отнимаютъ и до такой степени, что корова, которую сосала вѣдьма, уже по-крайней-мѣрѣ цѣлый годъ не дастъ молока.

Если спросить у бѣлорусскаго крестьянина, кто былъ Купала, котораго они такъ славятъ; онъ скажетъ вамъ: «А што я вѣдаю? Мы дзѣлаемъ гета длятого, што наши дзѣды * дзѣлали.»

Въ такомъ видѣ сохранилось празднество древнихъ Славянъ; они нѣкогда торжествовали день Купалы. Предки наши, въ началѣ жатвы, всегда приносили ему жертвы, при чемъ на полѣ зажигали большіе огни; юноши и дѣвицы, украшенные вѣнками, пѣли и плясали вокругъ этихъ огней, прыгали чрезъ нихъ и перегоняли свои стада, обезпечивая ихъ такимъ образомъ отъ духовъ лѣсныхъ **. Ладо у Русскихъ почитался богомъ всѣхъ увеселеній, и вмѣстѣ былъ началомъ всего счастія и благополучія. Оттого они во время крестинъ дѣтей своихъ, также при свадьбахъ и прочихъ общественныхъ бесѣдахъ и обрядахъ, обыкновенно призывали его. Во многихъ мѣстахъ Россіи и понынѣ существуетъ это обыкновеніе; въ особенности, во время свадьбы слышно болѣе всего имя Ладо съ акомпаньементомъ ударовъ въ ладоши или кулаками по столамъ. При празднованіи Купалы, прежде было обыкновеніе прыгать чрезъ огонь, припѣвая въ знакъ веселія и радости: Ладо, Ладо!

Извѣстный Раковецкій — въ правдѣ Русской, — въ этомъ важномъ для славянскихъ древностей сочиненіи, говоритъ, что изъ всѣхъ праздниковъ главнѣйшій былъ праздникъ

* Предки.

** См. Исторію Карамзина, томъ I. и Церковный Словарь, Алексѣева.

Digitized by Google

Ладо, бога любви, дружбы и супружескаго согласія; кромѣ приносимыхъ ему жертвъ при вступленіи въ бракъ, до позднихъ временъ праздновали въ честь его 25 Мая и 25 Іюня: собирались въ рощахъ, плясали и пѣли пѣсни. Этотъ же обычай, по мнѣнію Карамзина, и понынѣ существуетъ въ Россіи. Молодцы и женщины собираются толпами въ началѣ весны и начинаютъ пѣть хорами: Ладо Ладо дидимъ Ладо! (то есть великій Ладо). Названіе Ладо и понынѣ еще употребляется также въ Молдавіи и Валахіи во время празднествъ, которыя и прежде совершались язычниками. Нарушевичъ справедливо доказываетъ, что богъ Лелюмъ Полелюмъ долженъ быть богомъ дружбы или какой-нибудь иной добродѣтели, которому по этой-то причинѣ посвящались пляски и всѣхъ родовъ увеселенія. Ломоносовъ также поддерживаетъего мнѣніе, въ своей исторіи о Россіи, гдѣ говоритъ, что Лель есть одно и то же, что купидонъ, который также игралъ большую роль во время свадебъ у Русскихъ; а въ другомъ томѣ своего сочиненія пишетъ, что Ладо значитъ то же самое, что Венера у Римлянъ. Ладо, какъ Стрійковскій доказываетъ, была матерью Леля Полеля.

И такъ при такой неизвѣстности, въ этомъ, если можно сказать, омутѣ противорѣчащихъ преданій и сужденій, всего лучше и правдивѣе искать доказательствъ въ обычаяхъ крестьянъ.

Въ Воеводствѣ Любельскомъ, когда невѣста отправляется уже въ костелъ и, прощаясь съ родителями и родственниками, заливается горючими слезами, [1] тогда одинъ изъ старшихъ дружекъ или шаферовъ, подавая другому перстни, которыми должны обручаться женихъ и невѣста, начинаютъ пѣть съ молодыми дѣвицами:

Середи села
Кузница была,
А въ той кузницѣ

[1] Какъ бы ни была многочисленна родня невѣсты, послѣдняя должна непремѣнно каждому порознь сдѣлать поклонъ, просить прощенія и дать поцѣлуй.

Digitized by Google

Два кузнечика,
Ладо, Ладо!
Молотами бьютъ,
Перстень златъ куютъ,
Чтобы молодцу
Съ нимъ идти къ вѣнцу,
Ладо, Ладо!

Когда я спросилъ одну изъ женщинъ: что значитъ имя Ладо? Она простодушно отвѣчала мнѣ, что и сама не знаетъ, а поетъ потому, что такъ научилась у матери. Эти пѣсни весьма ясно доказываютъ что Ладо или Лядо былъ уважаемъ какъ богъ любви и супружескаго согласія. Хотя народъ и не знаетъ значенія этихъ словъ; но, придерживаясь старинныхъ обычаевъ предковъ своихъ, онъ не покидаетъ этихъ названій; впрочемъ, съ измѣненіемъ вѣры измѣнились въ то же время во многомъ свадебные обряды. Неудивительно также, что это божество употребляется и въ мужескомъ и въ женскомъ родѣ даже у многихъ историческихъ писателей; причины этому должно искать въ религіозныхъ обрядахъ Славянъ, которые были различны, смотря по поколѣніямъ. Такимъ образомъ, одни сожигали тѣла умершихъ, другіе же просто хоронили; одни уважали божество свое въ женскомъ, другіе въ мужескомъ родѣ. Впрочемъ, если мы обратимъ вниманіе на то, съ какою старательною заботливостію по введеніи христіанской вѣры искореняли все, что только носило печать славянизма, то весьма легко убѣдимся отчего многіе изъ лѣтописцевъ, близкіе къ тому времени, такъ мало сообщаютъ намъ точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній; притомъ тогда почиталось срамомъ вспоминать, не только писать о нравахъ и обычаяхъ язычниковъ.

Въ Воеводствѣ Подляскомъ, во многихъ уѣздахъ, обитаемыхъ Греко-Уніятами, въ одной изъ множества свадебныхъ пѣсней упоминается о богѣ Полелѣ. Когда невѣста, отправляясь къ вѣнцу, сидитъ уже на повозкѣ, окруженная сватьями, а женихъ и дружка садятся на лошадей верхомъ: сватья печальнымъ голосомъ начинаетъ пѣть:

Ей разлейся (1) Полелю

(1) *Разлейся*! проклятіе, употребляемое тузенцами, однозначущее съ словами: чтобы ты пропалъ, провалился.

Digitized by Google

По бору, по коренью,
Ой разплачся Ганкуля
Предъ роднымъ батенкемъ,
Ой мій батенку родный
Перейди мени стезенку
Бо ожь се беру въ дороженьку:
Въ церкви намъ ручки звяжутъ
И вѣрное словѣ кажутъ.
А батенько ей кажетъ: съ Богомъ дѣтя съ Богомъ,
И съ Божемъ дозволеніомъ и съ моимъ разказаніомъ!

Неудивительно, что въ этой пѣсни находится проклятіе на Полеля. Оно весьма ясно доказываетъ, что съ перемѣною вѣры, необходимо должны были измѣниться и значенія пѣсень, и вмѣсто того, какъ прежде, во времена язычества, призывали помощи Полеля, послѣ введенія христіанской вѣры, не уничтожая свадебныхъ пѣсень и не устраняя изъ нихъ Полеля, довольствовались тѣмъ, что призваніе его замѣнили проклятіемъ.

И такъ этому-то божеству Лелюмъ Полелюмъ на вершинѣ Лысой Горы былъ нѣкогда сооруженъ храмъ, гдѣ Славяне приносили ему жертвы, и послѣ разрушенія котораго воздвигнули христіанскій костелъ. Съ высокой башни костела Святаго Креста, посредствомъ подзорной трубы, можно видѣть вершины краковскихъ костеловъ, которые отъ него на разстояніи почти пятнадцати миль.

Во все время моего пребыванія въ мѣстечкѣ Слупя, я не разъ съ восхищеніемъ заглядывался на гору и на монастырь при лунномъ свѣтѣ, и не удивлялся, что фантазія черни избрала это мѣсто сходбищемъ всѣхъ чародѣйскихъ существъ. И точно: страшныя нагроможденныя скалы и голые, обросшіе лишь вѣковымъ мхомъ, утесы, кое-гдѣ украшенные сухимъ колючимъ кустарникомъ, представляютъ мрачную картину. Храмъ на вершинѣ горы кажется какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Тучи, проходя, заходятъ какъ-бы для отдыха въ самый монастырь. Иногда онѣ, какъ великанъ, захватываютъ его въ свои объятія, несутъ, жмутъ и опять становятъ на гору; мгновенно картина измѣняется, и легкое облако, какъ дѣва не здѣшняго міра, облеченная въ эфирное покрывало, нисходитъ съ неба, взглядываетъ на землю и исчезаетъ. За нею черная туча,

Digitized by Google

яренный рыцарь, похожій на ночное чудовище въ Оссіанѣ, двигается медленно, наконецъ постепенно исчезаетъ. Присоединивъ къ этому шумъ деревъ, журчаніе ручьевъ, текущихъ съ горъ, завываніе вѣтра, похожее на печальный стонъ блуждающихъ видѣній, вздохи кукушки, волшебные огни свѣтляка, вотъ и довольно для воображенія, которое тотчасъ наполнитъ или населитъ такое мѣсто вѣдьмами, лѣшими, кикиморами и всѣми адскими силами.

Шотландскій бардъ увидѣлъ бы здѣсь своихъ предковъ и усопшихъ братій, которые по смерти явились изъ другаго лучшаго міра, чтобы свидѣться съ своими потомками, обитающими на этой землѣ; пѣвецъ скандинавскій привѣтствовалъ бы равнымъ образомъ умершихъ, которые въ фантастическихъ видахъ явились бы къ нему изъ чертоговъ Одина. Жители этой страны, имѣя иныя, отличныя отъ тѣхъ и другихъ преданія, образовали въ воображеніи своемъ другія существа. Вмѣсто дѣвственной красоты, въ которую впилось бы воображеніе любовника, вмѣсто убитаго друга, предостерегающаго отъ опасности, имъ чудятся отвратительныя вѣдьмы, странствующія на лопатахъ, метлахъ и кочергахъ, по воздуху, съ быстротою молніи; странствіе это, по ихъ словамъ, бываетъ послѣ новолунія въ четвергъ. Тогда-то, полагаютъ они, собираются вѣдьмы стаями на пиры и бесѣды свои.

Среди скалъ и лѣсовъ, окружающихъ гору, толпы мошенниковъ и убійцъ, пользуясь повѣрьемъ народа, имѣли искони свое пребываніе, играя иногда роли лѣшихъ и вѣдьмъ; въ самомъ дѣлѣ, такія мѣста весьма благопріятствовали промыслу людей подобнаго рода. Неприступные утесы, непроходимые лѣса, пропасти, глубокія разсѣлины, множество ручьевъ и ключей, затрудняющихъ проходъ, все это способствуетъ къ защитѣ пріюта разбойниковъ, и, въ случаѣ нападенія на нихъ къ смѣлой оборонѣ. Въ нынѣшнее время путешественникъ спокойно можетъ совершать свое странствованіе по этимъ дорогамъ чрезъ горы и лѣса, которые прежде проѣзжали съ оружіемъ въ рукахъ, съ напряженнымъ слухомъ и взоромъ, опасаясь каждую минуту нападенія. Жаль однако жъ, что не осталось почти никакихъ преданій о существованіи здѣсь злодѣевъ; въ нынѣшнее время разсказы о нихъ были бы занимательны, а можетъ-быть, даже послужили бы основаніемъ

Digitized by Google

многимъ любопытнымъ повѣстямъ. Въ послѣдствіи мы сообщимъ одну, заимствованную изъ были того времени.

ОТВѢТЫ ТУЛУЗСКИХЪ АСТРОНОМОВЪ, НАБЛЮДАВШИХЪ ВЪ НАРБОННѢ ПОЛНОЕ ЗАТМѢНІЕ СОЛНЦА 28 ІЮНЯ НЫНѢШНЯГО ГОДА, НА ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ГОСПОДИНОМЪ АРАГО, И НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТІЕ ГОРЪ НА СОЛНЦѢ. Вотъ очень любопытныя подробности, извлеченныя изъ записки, читанной въ тулузской академіи наукъ господами Пино (Pinaud) и Буажиро (Boisgiraud), профессорами той академіи, о затмѣніи двадцатьшестаго Іюня. Наблюденія этихъ ученыхъ между прочимъ подаютъ поводъ къ совершенно новымъ понятіямъ объ устройствѣ солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, на которые господинъ Араго, непремѣнный секретарь парижской академіи наукъ, обращалъ вниманіе астрономовъ, и которые мы подробно изложили въ смѣси предъидущей, шестой книжки Сына Отечества.

Терасса одной изъ башень соборной церкви Святаго Юста, въ Нарбоннѣ, пишутъ господа Пино и Буажиро, была избрана для обсерваторіи. Въ четыре часа утра всѣ наблюдатели находились уже на своихъ мѣстахъ. Четыре телескопа разнаго устройства были направлены на ту часть горизонта, гдѣ должно было взойти солнце. Хронометры были уставлены. Стоградусный термометръ, повѣшенный въ тѣни, показывалъ осьмнадцать градусовъ, пять минутъ. Два полярископа и и собраніе цвѣтныхъ стеколъ разной толщины и цвѣта, дополняли запасъ нашихъ инструментовъ для наблюденій.

Въ 4 часа 23 минуты 30 секундъ солнце появилось на горизонтѣ. Легкія гряды облаковъ уменьшали блескъ его; но вскорѣ оно, выйдя изъ облаковъ, заблистало со всею силою. Съ этой минуты ясность неба была постоянною и благопріятствовала наблюденіямъ надъ явленіемъ, столь нетерпѣливо ожиданнымъ.

Время, предсказанное астрономами для начала затмѣнія, наступало. Нетерпѣніе и волненіе возрастали въ наблюдателяхъ. И вотъ, въ тотъ самый мигъ, который назначили астрономы, луна коснулась края солнца. Затмѣніе началось въ 4 часа 50 минутъ 15 секундъ; восточный край луны началъ

Digitized by Google

закрывать западный край солнца, въ точкѣ 41 градуса отъ вертикальнаго его діаметра. Луна двигалась отъ сѣверо-запада къ юго-востоку.

Въ 5 часовъ 42 минуты 54 секунды видимая часть солнца составляла только очень тонкій серпъ, котораго рога становились все тоньше и тоньше. Многочисленные, темные зубцы, —которые, какъ казалось, двигались, и которыхъ величину и число невозможно было опредѣлить по причинѣ волнообразнаго трепетанія свѣта, происходившаго на солнечномъ серпѣ, — въ этотъ мигъ перемѣнили правильность своихъ формъ. Черноватыя черты появились, въ особенности у оконечностей роговъ серпа. Черезъ нѣсколько секундъ луна совершенно покрыла солнце, и въ 5 часовъ 43 минуты 13 секундъ затмѣніе уже было полное.

Прежде, чѣмъ опишемъ прекрасныя явленія, которыя произвело полное омраченіе солнца, окончимъ исчисленіе разныхъ видовъ затмѣнія. Полное затмѣніе кончилось въ 5 часовъ 45 минутъ 11 секундъ; слѣдовательно оно продолжалось 1 минуту 58 секундъ. Какъ скоро западный край солнца появился изъ-за луны, то сильный свѣтъ мгновенно блеснулъ; потомъ очень тонкій серпъ появился въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи. Многочисленные движущіеся зубцы, и темныя черты, очень явственныя, снова появились, въ особенности близъ оконечностей роговъ серпа. По мѣрѣ того, какъ серпъ увеличивался, число зубцовъ уменьшалось, и черноватыя черты, которыя, какъ казалось, соединяли оба края серпа, совершенно исчезли черезъ 20 или 25 секундъ.

Наконецъ завѣса, которою луна омрачила солнце, величественно и тихо спустилась, и затмѣніе кончилось въ 6 часовъ 42 минуты 40 секундъ. Слѣдовательно оно продолжалось всего 1 часъ 52 минуты 25 секундъ.

Изложимъ теперь по порядку, главныя явленія, которыя мы замѣтили предъ началомъ затмѣнія, во время его, и по окончаніи.

По мѣрѣ того, какъ затмѣніе увеличивалось, солнечное сіяніе, постепенно ослабѣвая, разливало въ атмосферѣ и на земные предметы цвѣтъ все болѣе и болѣе блѣдный, въ которомъ невозможно было замѣтить какого-либо положительнаго и опредѣленнаго цвѣта. Только эта темнота была со-

Digitized by Google

всѣмъ другаго рода, которая наступаетъ послѣ сумерекъ. Она была блѣдная, свинцовая, черно-синеватая съ отливомъ сѣро-оливковаго цвѣта, и набрасывала на всю природу какъ-бы траурное покрывало. Трудно было защититься отъ грустнаго, печальнаго впечатлѣнія.....

Руководимые прежними наблюденіями, произведенными надъ полными затмѣніями, астрономы писали, что послѣ полнаго омраченія солнца, около круга луны долженъ явиться свѣтлый вѣнецъ. Свѣтъ этого вѣнца, время его появленія, его широта, истинное положеніе его центра, составляли главные предметы, на которые обратили вниманіе наблюдатели.

И въ этотъ разъ, въ тотъ самый мигъ, когда затмѣніе достигло полноты своей, свѣтлый вѣнецъ появился около темнаго круга луны. Ширина его показалась намъ равномѣрною во всѣ стороны.

Въ этомъ вѣнцѣ не было заомѣтно никакихъ радужныхъ цвѣтовъ. Онъ весь состоялъ изъ однороднаго, бѣлаго сіянія, которое постепенно ослабѣвало, по мѣрѣ отдаленія отъ краевъ луны. Въ этомъ сіяніи мы замѣтили нѣсколько прямыхъ лучей, очень малочисленныхъ. Всего болѣе поразило насъ то, что въ разныхъ частяхъ вѣнца сіяніе было не равно сильное. На юго-восточной части луннаго круга, простирающейся по-крайней-мѣрѣ на 45 градусовъ, поднимался снопъ лучей, искривленныхъ и расходящихся. Два крайнія изъ этихъ лучей заключали въ описываемой ими дугѣ пространство, въ которомъ сіяніе было слабѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ вѣнца. Внѣ этого снопа съ обѣихъ сторонъ простирался свѣтъ ровный до сѣверо-западной части луннаго круга, по срединѣ которой являлся широкій конусъ сходящихся лучей. Свѣтъ ихъ былъ сильнѣе, чѣмъ остальныя части вѣнца.

Поверхность луннаго круга была равно темна, но мракъ ея не былъ довольно силенъ, потому-что легко можно было различать на ней слѣды микрометрическихъ нитей, перекрещивавшихся въ трубѣ телескопа. Мы не замѣтили на темной поверхности луны того подвижнаго, удивительнаго блеска, который видѣли Лувиль и Галлей въ 1715 году.

Digitized by Google

Одинъ изъ насъ очень явственно разсмотрѣлъ, во время полнаго омраченія солнца, свѣтлую точку, окруженную яркимъ, трепещущимъ блескомъ, которая постоянно оставалась на юго-юго-восточной, нижней части луны, не много лѣвѣе отъ вертикальнаго ея діаметра и близъ ея окружности. Эта свѣтлая точка, исчезнувшая за мигъ до окончанія полнаго затмѣнія, не та ли самая, которую увидѣлъ Ульоа, и которую испанскій адмиралъ приписывалъ длинному отверстію, проходящему сквозь луну, чрезъ которое можетъ проникать свѣтъ солнца, заслоненнаго луною? Не произошла ли эта свѣтлая точка отъ изверженія луннаго волкана? Или не должно ли ее приписать солнечнымъ лучамъ, которые, отразясь на неомраченной части земныхъ морей, достигли луны и произвели тамъ новое отраженіе? Достовѣрно только то, что свѣтлая точка, которую видѣлъ Ульоа на сѣверо-западной части луны, явилась намъ на сторонѣ почти діаметрально противоположной.

Но вотъ самое замѣчательное и самое неожиданное явленіе, которое представилось намъ при наблюденіи надъ лучистымъ вѣнцомъ. На верхнемъ краѣ луннаго круга, отъ вертикальнаго діаметра къ западу, появились какъ бы огненныя горы, возвышавшіяся остроконечно съ лѣвой стороны, а съ другой стороны покрытыя на склонѣ острыми и крутыми утесами. Мы очень явственно разсмотрѣли три изъ этихъ горъ. Одна изъ нихъ, самая высокая, равнялась двѣнадцатой части кажущагося луннаго діаметра. Не много подалѣе, въ-право отъ этихъ трехъ горъ, видны были вдоль окружности луны, однако жъ внѣ ея, многія волнообразныя возвышенія, менѣе явственныя, но такъ же блестящіе, какъ и горы. Двѣ подобныя остроконечныя высоты, меньшаго размѣра, чѣмъ на верхней части луны, блестѣли въ то же время, одно не много ниже горизонтальнаго діаметра луны, на правой сторонѣ, другое не много выше того же діаметра, на лѣвой сторонѣ. Это послѣднее возвышеніе прежде всѣхъ другихъ было замѣчено.

Не достаетъ словъ, чтобы дать вѣрное понятіе объ этихъ огненныхъ горахъ. Онѣ были подобны утесамъ изъ кристалла, до бѣла раскаленнаго, нѣжнаго розоваго цвѣта, и

Digitized by Google

казались прозрачными, блестя ровнымъ, неподвижнымъ свѣтомъ. Ихъ очеркъ ясно обрисовывался, ихъ гребни были очень явственны и опредѣленны. Онѣ постоянно сохраняли однѣ и тѣ же формы, одно и то же неподвижное положеніе. Только горы, усмотрѣнныя на верхней части луны, росли помѣрѣ того, какъ полное затмѣніе приближалось къ концу. Впрочемъ онѣ росли не такъ, какъ тѣло, которое становится длиннѣе и теряетъ свою первоначальную форму, а подобно высокимъ утесамъ, которыхъ видишь сначала вершину и среднія части, а потомъ и основаніе, по мѣрѣ того, какъ тихо ниспускается покрывало, скрывавшее отъ взора это основаніе.

Это великолѣпное зрѣлище длилось до конца полнаго затмѣнія. Когда солнце появилось изъ-за темнаго круга луны, то первыя лучи его были очень ярки, подобно молніи, и гораздо сильнѣе послѣднихъ лучей, которые сіяли предъ полнымъ омраченіемъ. Въ этотъ мигъ свѣтлый вѣнецъ, окружавшій луну, и огненныя горы, блестѣвшія на части ея окружности, вдругъ исчезли въ сіяніи дневнаго свѣтила.

Здѣсь представляется очень любопытный и важный вопросъ. Что это за огненныя горы? Невозможно допустить, чтобы онѣ были на лунѣ, потому-что одна сторона ихъ, обращенная къ землѣ, представлялась бы тогда темною. Притомъ на краяхъ луны никогда не замѣчали горъ такой высоты. Нельзя также это отнести къ дѣйствію переломленія лучей, потому-что этому предположенію противорѣчатъ совершенная неподвижность огненныхъ горъ, опредѣленность ихъ очертанія, неправильность ихъ расположенія около окружности луны. И такъ, если эти горы не на лунѣ, и если онѣ не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ переломленія лучей, то самое естественное предположеніе, представляющееся уму, состоитъ въ томъ, что эти горы находятся на солнцѣ. Предположеніе новое и смѣлое, но не невозможное. Его можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Солнечныя горы, составляя самую малую часть всей массы солнца, должны сообщать землѣ гораздо менѣе свѣта, чѣмъ цѣлый шаръ этого свѣтила, и потому онѣ должны исчезать въ яркомъ сіяніи, которое проливаетъ солнце, въ особенности когда это сіяніе уменьшается посредствомъ темныхъ сте-

Digitized by Google

колъ. Мы въ самомъ дѣлѣ замѣтили, что эти огненныя горы и свѣтлый вѣнецъ, ихъ окружавшій, совершенно исчезали, когда мы на нихъ смотрѣли въ телескопъ съ темнымъ стекломъ. Они были видны только сквозь телескопъ съ обыкновенными прозрачными стеклами. Прибавимъ, что замѣченное нами чувствительное возрастаніе въ вышину горъ, разсмотрѣнныхъ на верхней части луны, естественно объясняется постепеннымъ ея движеніемъ передъ солнцемъ. Отъ этого движенія должны были показаться изъ-за луны сначала верхи солнечныхъ горъ, потомъ ихъ средина, и наконецъ основаніе.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ О ТОМЪ ЖЕ ЗАТМѢНІИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.—НЕОБЫКНОВЕННОЕ ДѢЙСТВІЕ ОМРАЧЕНІЯ СОЛНЦА НА КУРИЦЪ.—НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ ДЛЯ НАБЛЮДЕНІЯ ЗАТМѢНІЯ. Въ Монпелье, въ 4 часа 59 минутъ утра луна начала уже омрачать солнце. До 5 часовъ 48 минутъ не было замѣчено ничего необыкновеннаго; но уже всѣ предметы казались мутнаго и слегка желтоватаго цвѣта. Небо блѣднѣло и становилось какъ-бы свинцовымъ. Все принимало видъ печальный и грозный. Сторона, гдѣ было море, покрыта была темнотою, подобною той, какая бываетъ передъ сильною бурей. На противоположной сторонѣ, Севеннскія Горы, были менѣе мрачны. Тамъ затмѣніе не было полное. Все это зрѣлище было таково, что никто не могъ защититься отъ чувства ужаса. Въ 4 часа 51 минуту ночь надвинулась или, лучше сказать, набѣжала на насъ съ южной стороны, и солнце исчезло. Но въ то же время около чернаго щита луны явился лучистый вѣнецъ, котораго блескъ превосходилъ сіяніе полнаго мѣсяца. Три звѣзды только появились. Наконецъ черезъ двѣ минуты безъ малаго, брызнулъ солнечный лучъ и разсѣялъ темноту.

Если люди не могли не чувствовать страха, то можно судить о страхѣ животныхъ. Птицы перестали пѣть и прятались. Нѣкоторыя ночныя птицы вылетѣли изъ своихъ убѣжищъ. Бараны и лошади, бывшіе на полѣ, легли на землю.

Digitized by Google

Вотъ что видѣли здѣсь простыми глазами. Но тѣ, которые наблюдали явленіе въ телескопъ, замѣтили слѣдующее. Нѣсколько секундъ *прежде* полнаго омраченія солнца, явился свѣтлый вѣнецъ бѣлаго цвѣта. Зубцы въ видѣ четокъ на краю луны были видимы явственно, но они явились только на мигъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, юго-западную часть луннаго круга обогнула очень тонкая, красная черта, и потомъ около сѣверо-западной части того же круга явилось возвышеніе багрянаго, чрезвычайно пріятнаго цвѣта, имѣвшее до трехъ четвертей минуты въ высоту. Вскорѣ увидѣли еще такія же два возвышенія, одно на сѣверѣ, съ раздвоенною оконечностію, другое на востокѣ. Каждое изъ нихъ имѣло одну минуту съ половиною въ высоту. Форма этихъ трехъ возвышеній оставалась постоянно одна и та же. Они уподоблялись горамъ или остроконечнымъ утесамъ.

Никакого блеска, ни молній, ни свѣтлой точки не было замѣчено на темномъ кругѣ луны.

Хотѣли измѣрить свѣтлый вѣнецъ; но съ удивленіемъ замѣтили, что онъ былъ вовсе не круглый. По направленію сѣверо-восточному и юго-западному онъ простирался очень далеко и сильно блестѣлъ. По направленію юго-восточному и сѣверо-западному онъ простирался также далеко, но съ меньшимъ блескомъ. Въ другихъ направленіяхъ лучи вѣнца менѣе отдалялись отъ окружности луны. Говорю лучи, но не должно думать, что они простирались отъ центра луны или солнца; они даже не были прямолинейны. Всего лучше можно представить себѣ этотъ вѣнецъ, сравнивъ его съ волосами, развѣваемыми вѣтромъ.

Вотъ еще замѣчанія, сдѣланныя въ Монпелье директоромъ тулузской обсерваторіи, и напечатанныя въ одномъ изъ тамошнихъ журналовъ.

«Во время полнаго затмѣнія не замѣчено слѣда волканическаго изверженія или другаго какого-либо блеска на лунѣ; но въ мигъ прикосновенія края солнца съ краемъ луны, послѣдняя представилась зубчатою въ продолженіе полусекунды. Вѣнецъ, явившійся около омраченнаго солнца, очевидно не имѣлъ никакого центра. Онъ былъ слишкомъ великъ и потому не льзя было отнести его къ лунѣ. Лучи его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестѣли расходящимися нитями, въ другихъ,

*

Digitized by Google

мѣстахъ они уподоблялись волнующимся волосамъ, которые, смѣшиваясь и раздѣляясь въ разныхъ направленіяхъ, показывали, что свѣтъ, составляющій вѣнецъ, не можетъ быть уподобленъ зодіакальному. Но самое новое, удивительное явленіе, котораго донынѣ не замѣтилъ еще ни одинъ астрономъ, – это три возвышенія свѣтлобагрянаго или яркорозоваго цвѣта, на окружности солнца, уподоблявшіяся по ихъ опредѣленной формѣ горамъ и остроконечнымъ, высокимъ утесамъ. Измѣреніе ихъ посредствомъ астрономическихъ инструментовъ показало, что два изъ этихъ возвышеній имѣютъ въ высоту не менѣе 70 тысячъ верстъ, а третье не менѣе 33 тысячъ.»

Каковы горы! Одна гора болѣе всего нашего земнаго шара! Наибольшая окружность земли считается только въ 5,400 миль или 37,800 верстъ. Впрочемъ солнце, какъ извѣстно, превышаетъ массу земнаго шара въ 1,435,000 разъ, такъ по этой величинѣ и горы должны быть тамъ поболѣе нашихъ. Если бы поставить нашъ Давалагири, Чимборасо, Монбланъ, Эльборусъ рядомъ съ солнечною горою, то они показались бы крошечными бугорками, не болѣе тѣхъ, которые воздвигаютъ кроты надъ своими норами. Мы не говоримъ уже о Токсовскихъ и Парголовскихъ Горахъ. Кстати вспомнить здѣсь то, что писалъ довольно уже давно Гершель о солнцѣ. Онъ считалъ солнце за темное тѣло, на поверхности котораго, подобно, какъ на землѣ, находятся горы и долины. Это темное тѣло, по мнѣнію его, окружено огромною атмосферою, безпрерывно наполненною свѣтоносными облаками. Когда эти облака, по мѣстамъ, разрѣжаются, то темное тѣло солнца становится виднымъ, и такимъ образомъ происходятъ на солнцѣ замѣчаемыя астрономами черныя пятна. Впрочемъ Гершель писалъ о горахъ на солнцѣ, основываясь на одномъ только предположеніи. А вотъ теперь догадка его подтверждается астрономическимъ наблюденіемъ.

Директоръ тулузской обсерваторіи пишетъ еще въ своей статьѣ: «До-сихъ-поръ принимали солнце за темное ядро, окруженное двумя свѣтлыми оболочками, изъ которыхъ одна образуетъ его сіяющій шаръ. Нынче узнали, что сверхъ этой оболочки поднимается свѣтлая матерія ярко-

Digitized by Google

розоваго цвѣта, скопляется горами огромной высоты, подобно тучамъ нашей атмосферы. Далѣе простирается этотъ лучистый вѣнецъ, эти кудри, которыхъ форма измѣняется отъ одного вѣка до другаго, судя потому, что Плантадъ и Клапье опредѣлили ширину вѣнца только въ нѣсколько минутъ, а нынѣ, во время затмѣнія, онъ былъ гораздо шире. Не должно ли заключить изъ того, что солнце есть комета, которая влечетъ за собою и земной шаръ и всѣ прочія планеты по своей неизмѣримой параболѣ? Гершель подозрѣвалъ это, принимая свѣтъ млечнаго пути за хвостъ солнца.»

Объясненіе директора тулузской обсерваторіи кажется намъ менѣе основательнымъ, чѣмъ тулузскихъ астрономовъ, наблюдавшихъ затмѣніе въ Нарбоннѣ. Можно скорѣе съ ними согласиться, что они разсмотрѣли настоящія горы на солнцѣ, а не яркорозовыя облака. Ихъ объясненіе: почему эти горы видны были изъ-за края луны, почему онѣ возрастали по мѣрѣ того, какъ луна сдвигалась съ солнца, и почему тотчасъ онѣ скрылись при первомъ солнечномъ лучѣ, блеснувшемъ изъ-за луны, гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ яркорозовыя облака директора обсерваторіи. Во-первыхъ, облака не могли бы быть совершенно неподвижны и имѣть такую опредѣленную форму горъ и утесовъ, какая замѣчена и тулузскими астрономами въ Нарбоннѣ и самимъ директоромъ обсерваторіи въ Монпелье. Во-вторыхъ, если согласиться съ директоромъ, что сверхъ свѣтлой оболочки солнца носятся и скопляются въ видѣ огромныхъ горъ яркорозовыя тучи, то эти тучи могли бы быть иногда видимы и безъ затмѣнія на всемъ солнечномъ кругѣ. Но астрономы, кромѣ черныхъ пятенъ, ничего не замѣчали никогда на солнцѣ. Притомъ объясненіе господина директора для насъ, земныхъ жителей, даже нѣсколько обидно. Онъ причислилъ солнце къ кометамъ. Что же мы такое, что нашъ земной шаръ? Куда помѣстилъ насъ господинъ директоръ? Въ хвостъ, который тащитъ за собою солнце! Впрочемъ у нѣкоторыхъ кометъ есть темное ядро, и у солнца есть темное ядро; у кометъ есть лучистые вѣнцы, которые похожи на развѣвающіеся волосы, и у солнца есть такой вѣнецъ;

Digitized by Google

у кометъ есть хвосты, составленные изъ разнаго земнаго хлама и сора, и освященные волосообразными лучами, и у солнца.... Нетъ! Это обидно! Хотя Біо и писалъ, что земля и луна не болѣе, какъ песчинки передъ солнцемъ, но все же обидно тащиться за нимъ, въ его хвостѣ, неизвѣстно куда, въ видѣ пылинки. Что же после этого мы, грѣшные люди, которые такъ много хлопочемъ, толпясь на нашей пылинкѣ или песчинкѣ? Нетъ! Мы несогласны съ директоромъ тулузской обсерваторіи. Хотя величина земли въ отношеніи къ солнцу оттого и не прибавится, однакожъ всѣ таки лучше возвратиться къ старому мнѣнію, что солнце есть звѣзда, около которой обращаются планеты, въ томъ числѣ и наша земля.

Въ Миланѣ, во время полнаго омраченія солнца, увидѣли простымъ глазами многія звѣзды. Термометръ Реомюра понизился только на полградуса. Самое важное наблюденіе, нами сдѣланное, пишутъ миланскіе астрономы, состоитъ въ томъ, что мы разсмотрѣли два большія возвышенія на краѣ луны, въ видѣ треугольника, блестѣвшаго подобно углю, подверженному дѣйствію Вольтова столба. Это наблюденіе подтверждаетъ предположеніе тулузскихъ астрономовъ о горахъ на солнцѣ и придаетъ ему еще болѣе достовѣрности.

Въ Веронѣ, затмѣніе длилось съ 5 часовъ 23 минутъ 55 секундъ до 7 часовъ 20 минутъ 30 секундъ утра. Облако помѣшало наблюденіямъ. Замѣтили появленіе нѣсколькихъ звѣздъ. Собаки во время темноты выли.

Во Флоренціи, Луккѣ и Болоньи туманъ препятствовалъ наблюденіемъ. Во Флоренціи, когда омрачилось солнце, ночныя птицы начали кричать, а въ Болоньи летали летучія мыши.

Въ Туринѣ, всѣ инструменты для наблюденій были приготовлены двумя Англичанами, мистеромъ Плэномъ и мистеромъ Форбесомъ. Солнце явилось на горизонтѣ и тотчасъ же скрылось въ сѣрую тучу, изъ которой вышло тогда уже, когда затмѣніе совершенно окончилось. Мистеръ Плэнъ, прервавъ тогда молчаніе, обратился къ своему товарищу и сказалъ: «И такъ, мы ничего не видали въ Туринѣ?» Тотъ отвѣчалъ: «Ничего, кромѣ этихъ

Digitized by Google

чертовскимъ лучѣ, которыхъ у насъ много и въ Лондонѣ.»

Въ венгерскомъ городѣ Эперіесѣ, полное затмѣніе случилось во время ярмарки. Народъ вообразилъ, что наступило преставленіе свѣта. Всѣ бросились бѣжать. Продавцы и продавицы начали поспѣшно укладывать свои товары, а другіе, все бросивъ, укрывались, гдѣ кто могъ, или падали на колѣни. Одинъ крестьянинъ выпустилъ изъ своей корзины дюжину куриць на свободу и самъ

По полю рысакомъ во весь пустился духъ.

Собаки выли; коровы мычали и дрожали. Когда солнце опять появилось, крестьянинъ воротился въ городъ; но поймалъ ли онъ своихъ птицъ — о томъ ничего не пишутъ въ Пестской Газетѣ, изъ которой мы заимствовали сообщенное выше извѣстіе. Судьба освобожденныхъ куриць и дѣйствіе на нихъ затмѣнія остаются по-этому въ неизвѣстности.

Близъ Адельсберга многіе любопытные и любознательные люди условились собраться на вершинѣ горы, чтобы наблюдать оттуда затмѣніе. Одинъ изъ наблюдателей явился на условленное мѣсто, вооруженный не телескопомъ, а фонаремъ съ зажженою свѣчой. Прочіе члены любознательнаго общества удивились такому явленію. Одинъ изъ нихъ спросилъ наблюдателя, вооруженнаго фонаремъ: «Для чего вы разсудили принести свѣчу?» Наблюдатель отвѣчалъ съ важнымъ видомъ: «Изъ осторожности! Кто знаетъ, что послѣ ожидаемой темноты опять появится свѣтъ. Пожалуй, придется пробираться домой въ потемкахъ.» Хотя осторожность — очень уважаемая добродѣтель въ Германіи, однако жъ все общество наблюдателей расхохоталось и рѣшило, что на одного изъ его членовъ прежде еще омраченія солнца нашло затмѣніе. Достовѣрность этого событія засвидѣтельствована Вѣнскою Газетою (Wiener Zeitschrift) и прагскимъ журналамъ Ost und West.

Въ частныхъ извѣстіяхъ изъ-за границы присовокупляютъ, что при первомъ лучѣ солнца, блеснувшемъ изъ-за луны, наблюдатель покраснѣлъ, немедленно задулъ въ фонарѣ свѣчу, и самый фонарь спряталъ въ карманъ.

Digitized by Google

НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПОЛЬЗЫ И ДЕЗОШИБОЧНОСТИ ФРЕНОЛОГІИ. Вѣрите ли вы истинѣ френологіи, этой науки, основанной знаменитымъ Галломъ? Если не вѣрите, то мы приведемъ неопровержимое доказательство пользы черепословія. Недавно одинъ парижскій френологъ, страстный любитель своей науки, явился къ полицейскому коммиссару и сказалъ: «Я пришелъ, милостивый государь, чтобы сообщить вамъ очень важныя подозрѣнія, которыя считаю себя въ правѣ имѣть въ отношеніи одной молодой дѣвушки, служащей горничною при моей женѣ. Я полагаю, что могу утвердительно объявить вамъ, что она виновна въ нѣсколькихъ покражахъ, и потому прошу васъ покорнѣйше приступить къ законному изслѣдованію.»

Полицейскій коммиссаръ спросилъ: — Можете ли вы представить какое-нибудь доказательство вашего обвиненія, или по-крайней-мѣрѣ достаточный признакъ, который обнаруживалъ бы необходимость изслѣдованія? — «Доказательство! Признакъ!» возразилъ френологъ: «На что мнѣ они! У меня доводы получше всѣхъ возможныхъ доказательствъ и признаковъ. Вамъ извѣстно, милостивый государь, что въ первомъ ряду наукъ истинныхъ, положительныхъ, безошибочныхъ, должно помѣстить френологію. Я глубоко и основательно изучилъ ее. Осмотрѣвъ только черепъ какого угодно человѣка, я разскажу вамъ самымъ вѣрнымъ образомъ всѣ его пороки, склонности, страсти. Вчера, войдя неожиданно въ будуаръ жены моей, которой не было дома, я увидѣлъ тамъ ея горничную. Она передъ зеркаломъ расчесывала свои волосы. Одно уже это было нехорошо, неприлично! Но вообразите безпокойство, которое овладѣло мною и смѣнило во мнѣ досаду, когда я подъ приглаженными волосами этой дѣвушки явственно разсмотрѣлъ обозначавшійся горбъ воровства! Я тотчасъ же рѣшился ѣхать къ вамъ и просить васъ о немедленномъ приступѣ къ законному слѣдствію. Я увѣренъ, что не ошибаюсь въ своемъ заключеніи.» — Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ полицейскій коммиссаръ, но я никакъ не могу начать слѣдствіе по такому объявленію. — «Развѣ вы не вѣрите френологіи!» — Вѣрю,

Digitized by Google

и совершенно убѣжденъ въ вашихъ глубокихъ познаніяхъ, но законы предписываютъ на все точныя правила, отъ которыхъ я отступить не смѣю.—«Не смѣете? Не смѣете исполнить вашу обязанность, когда ея исполненіе послужитъ новымъ, разительнымъ доказательствомъ истины великой науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ окажется, по послѣдствіямъ, совершенно сообразнымъ съ силою законовъ, преслѣдующихъ воровство? Вы не смѣете?» — Извините!.... Не смѣю! — «Такъ прощайте!»

Френологъ надулся и ушелъ. Черезъ три дня онъ опять явился къ полицейскому коммиссару. Въ этотъ разъ лицо его сіяло такою радостью, такимъ восторгомъ, что коммиссаръ не зналъ что́ и думать. Френологъ молчалъ и, потирая отъ удовольствія руки, глядѣлъ на коммиссара гордо и торжественно. — Что угодно вамъ? — спросилъ онъ его наконецъ: — Я вижу на лицѣ вашемъ какую-то необыкновенную радость. Чѣмъ могу служить вамъ? — «Обокрала!» воскликнулъ въ восторгѣ френологъ. «Да-съ! Обокрала жену и меня отчасти!» — Очень жалѣю! Разскажите какъ это случилось. Много украла? — «Довольно-таки!» продолжалъ френологъ съ прежнимъ восторгомъ. «Бриллiантовъ и золотыхъ вещицъ на тысячу-двѣсти франковъ у жены, да у меня кошелекъ съ двадцатью-семью наполеондорами.» — Очень жалѣю! — «Что за сожалѣніе! Не о чемъ! Я такъ доволенъ, радъ.....» — Ну такъ поздравляю васъ!—«Покорно благодарю! Въ самомъ дѣлѣ есть съ чѣмъ поздравить! Надѣюсь, что теперь никто на свѣтѣ не вздумаетъ оспоривать истинъ великой науки, надѣюсь, что теперь и вы сознаетесь въ ея важности. Какое торжество френологіи!» — Но разскажите, какъ все это случилось? — «А вотъ какъ. Когда я пошелъ отъ васъ, раздосадованный (скажу вамъ откровенно), что вы не вѣрите френологіи, то рѣшился тотчасъ же отказать такой опасной служанкѣ отъ дома. Она, конечно, никакъ не ожидала этого, упрашивала меня, говорила, что трудно вдругъ пріискать мѣсто, спрашивала также, чѣмъ она меня разсердила? Я сказалъ ей причину, рѣшительно назначилъ ей недѣлю срока для пріисканія мѣста и прибавилъ, что дѣло кончено, что я ее больше слушать не хочу. Что жъ, сударь, какъ вы думаете? Не выждавъ даннаго

Digitized by Google

срока, она на другой же день ушла, скрылась, и увела у жены бриллианты, у меня кошелекъ! Вотъ что значитъ френологія!» О, милостивый государь, это великая наука! — Однако жъ вамъ угодно, я полагаю, чтобы приняты были мѣры къ отысканію вашей пропажи? — «Не мѣшаетъ! Если отыщете служанку и вещи, то вы убѣдитесь лично въ истинѣ всѣхъ словъ моихъ, въ истинѣ френологіи.» — А какъ думаете, куда скрылась ваша служанка? Гдѣ бы намъ отыскать ее? — «Гдѣ отыскать? повторилъ докторъ, задумавшись. «Позвольте подумать.» Радость его еще не кончилась. Онъ вспомнилъ, что прежде открытія горба воровства, замѣчалъ онъ на лбу и на затылкѣ служанки нѣкоторые признаки родственной любви. По-этому онъ сказалъ комиссару, что служанка, по указаніямъ френологіи, безъ сомнѣнія, отправилась къ своей матери, сестрамъ или другимъ родственникамъ. А можетъ быть, докторъ и безъ френологіи зналъ, что у его служанки есть мать и сестры. Комиссаръ отправился и, по указанію доктора, отыскалъ горничную въ квартирѣ ея матери, отыскалъ и всю пропажу въ цѣлости. Горничную отдали подъ судъ, а черепословъ или, лучше сказать, для избѣжанія каламбура, (черепъословъ) френологъ остался и съ бриллиантами, и съ кошелькомъ, и съ драгоцѣннымъ для него доказательствомъ, что горбъ воровства, родственной любви, и всѣ прочіе горбы на лбу, на затылкѣ и на макушѣ, всегда говорятъ истину. Служанка, вѣроятно, попадетъ въ тюрьму. Но можетъ быть дальнѣйшее слѣдствіе и судъ присяжныхъ, у которыхъ случатся горбы правосудія и проницательности, найдутъ, къ досадѣ и отчаянію френолога, что служанка хотѣла только отплатить ему за френологическій отказъ отъ мѣста и отомстить за несправедливое обвиненіе въ воровствѣ, основанное на горбѣ. Любопытно узнать окончаніе этого дѣла. Постараемся сообщить читателямъ рѣшеніе суда, если оно только будетъ напечатано во французскихъ журналахъ.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЯВЛЕНІЕ, ОТЪ КОТОРАГО ВЕРЕВОСТЬ СДѢЛАЛАСЬ ВТРОЕ ВЫШЕ ПРОТИВЪ СВОЕЙ НАСТОЯЩЕЙ ВЫСОТЫ, А НЕВИДИМЫЕ БЕРЕГА СТАЛИ ВИДНЫ. Изъ города Веста, въ Графствѣ Инвернесскомъ, въ

Digitized by Google

Шотландіи, недавно наблюдали удивительное явленіе, которое англійскіе моряки называютъ looming. Оно есть родъ явленія, извѣстнаго подъ именемъ Фата Моргана. Крѣпость Фортъ-Джоржъ, отстоящая слишкомъ на четырнадцать верстъ отъ города Веста, представлялась втрое выше противъ настоящей ея высоты, а отдаленныя части берега, которыя никогда изъ Веста видѣть невозможно, потому-что онѣ находятся ниже горизонта Инвернесскаго Графства, были очень явственно видимы. За нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ въ приморскомъ англійскомъ городѣ Гастингсѣ было подобное явленіе. Оттуда ясно увидѣли однажды берегъ Франціи, который за значительною шириною пролива не можетъ быть и никогда не бываетъ видимъ изъ Гастингса.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ДВОЙНЫХЪ ЗВѢЗДЪ ВЪ ОДИНОЧНЫЯ И ОДИНОЧНЫХЪ ВЪ ДВОЙНЫЯ. Астрономы замѣтили, что многія двойныя звѣзды, сближаясь постепенно, превратились въ одиночныя и сдѣлались совершенно круглыми. Другія же звѣзды, бывшія прежде круглыми и одиночными, начинаютъ измѣнять свою форму и обращаться въ двойныя. Эти явленія замѣчены въ созвѣздіяхъ Льва, Волосъ Вереники, Вѣнца и Арктура. Сливаются ли звѣзды со звѣздами или только сближаются на такое разстояніе, которое исчезаетъ для нашихъ телескоповъ? Безъ сомнѣнія, вѣроятнѣе предположить послѣднее, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя звѣзды, казавшіяся одиночными, обращаются въ двойныя, отдаляясь другъ отъ друга. Нельзя ли вывести отсюда заключеніе, что относительное разстояніе и всѣхъ такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ измѣняется, въ теченіе какихъ-нибудь тысячелѣтій, и что и неподвижныя звѣзды, слѣдовательно, болѣе или менѣе движутся, но что мы за неизмѣримымъ ихъ отдаленіемъ не можемъ замѣчать этого движенія, исключая тѣхъ случаевъ, когда звѣзда къ звѣздѣ представляется намъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что онѣ сливаются для простыхъ глазъ въ одну звѣзду. Какое воображеніе не потонетъ въ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ вселенной, гдѣ движеніе, за отдаленіемъ, представляется неподвижностію!

Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ РѢКИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОНИКНУТЬ ВО ВНУТРЕННОСТЬ НОВОЙ ГОЛЛАНДІИ. Во второй книжкѣ Сына Отечества нынѣшняго года, въ статьѣ: *Что такое во внутренности пятой части свѣта?* мы упомянули, что Новую Голландію, этотъ огромный островъ, равняющійся величиною почти съ Европой, окаймляетъ по берегамъ непроходимая цѣпь горъ; что всѣ до нынѣ извѣстныя тамъ рѣки истекаютъ изъ этихъ же горъ или изъ непроходимыхъ лѣсовъ, наполненныхъ болотами; что было много безуспѣшныхъ попытокъ пробраться во внутренность этого таинственнаго острова, и что въ послѣднее время англійскій капитанъ Грей при всѣхъ усиліяхъ успѣлъ проникнуть въ него только на 104 или на 105 верстъ. Наконецъ нынѣ, какъ пишутъ въ журналѣ Sidney Herald англійскій корабль Бигль (Beagle), которому было поручено осмотрѣть сѣверо-западный берегъ Новой Голландіи, открылъ въ Карпентарійскомъ Заливѣ устья двухъ значительныхъ рѣкъ, которыя назвали Альбертомъ и Флиндерсомъ. Боты поднимались по первой изъ этихъ рѣкъ, которая очень излучиста, на семьдесятъ миль. Устье ея находится подъ 17 градусомъ 36 минутою южной широты и подъ 139 градусомъ 49 минутою долготы. По ней могутъ удобно плавать корабли, имѣющіе двѣнадцать футовъ осадки. Теперь есть надежда, что наконецъ узнаютъ внутренность пятой части свѣта.

ОСОБАЯ ЦѢНА ЖЕМЧУГА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ РАЗСЧЕТЪ. Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ на дняхъ помѣщено слѣдующее описаніе ловли жемчуга.

Въ моряхъ Японіи, Филиппинскихъ Острововъ и Индостана ловля жемчуга или, лучше сказать, раковинъ, въ которыхъ онъ находится, начинается съ первыхъ дней Апрѣля. Къ шести часамъ вечера, пушечный выстрѣлъ подаетъ сигналъ, и лодки, наполненныя гребцами и водолазами, пускаются въ море. Задолго до солнечнаго восхода, толпы дервишей, браминовъ и музыкантовъ покрываютъ берегъ. Воздухъ оглашается ихъ музыкой и пѣніемъ. Наконецъ свѣтаетъ. Водолазы бросаются въ море, камни, привязанные къ

Digitized by Google

ногамъ, ускоряютъ ихъ погруженіе. На груди каждаго водолаза виситъ большой мѣшокъ, который они наполняютъ раковинами; гребцы держатъ веревку, которою помогаютъ водолазамъ подниматься со дна до лодки, потому-что они не могутъ оставаться въ водѣ болѣе трехъ или четырехъ минутъ. Водолазы погружаются отъ сорока до пятидесяти разъ въ море, въ теченіе дня, и этотъ трудъ такъ истощаетъ ихъ, что не рѣдко кровь льется у нихъ ручьями изъ носа и изъ ушей; но это еще ничего! Чудовищныя акулы ожидаютъ ихъ и на днѣ моря нападаютъ на нихъ. Часто волны обагряются кровью водолазовъ, и гребцы вытаскиваютъ на лодку, одну веревку. Иногда же водолазы, вытащенные на поверхность моря, но изуродованные, умирающіе, наполняютъ воздухъ пронзительными криками, а между тѣмъ съ берега раздаются пѣсни и громкая музыка, чтобы заглушить эти крики, которые могли бы навести робость на другихъ водолазовъ. Вотъ, милостивыя государыни, какою цѣною достаются эти жемчужины, эти перлы, которые въ видѣ грушъ висятъ въ вашихъ ушахъ, вьются гирляндами въ вашихъ кудряхъ или красуются рядами на бѣлоснѣжныхъ шеяхъ.

ПРИМѢЧАТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ МЕКСИКАНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ. Изъ Гейдельберга, (въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ,) пишутъ отъ пятаго Августа: господинъ Уде (Uhde), здѣшній уроженецъ, прибылъ сюда на дняхъ изъ Мексики, гдѣ онъ прожилъ двадцать-три года, занимаясь единственно историческими и археологическими изысканіями. Онъ привезъ съ собою богатое собраніе мексиканскихъ древностей всякаго рода, какъ то, разное оружіе, снаряды для рыбной ловли, охоты и различныхъ ремеслъ, земледѣльческія орудія, музыкальные инструменты, вазы, жертвенныя чаши, рѣзные кампи, модели домовъ и судовъ, женскія, золотыя и серебряныя украшенія и прочее. Всего примѣчательнѣе въ этомъ собраніи — пятьдесятъ-двѣ глиняныя вазы, вышиною отъ одного до полутора фута, которыя очень похожи на вазы этрускія. На нихъ находится странная смѣсь фигуръ, изображающихъ божества римскія, греческія, египетскія и индѣйскія. Это обстоятельство, по-видимому, ясно доказываетъ, что въ древнія уже времена существовали сношенія между Старымъ свѣтомъ и Новымъ. Рѣзьба на камняхъ

Digitized by Google

изображающая большею частію птицъ, насѣкомыхъ и цвѣты, доказываетъ, что это искусство находилось на высокой степени у древнихъ Мексиканцевъ. Женскія украшенія, которыя конечно кажутся Европейцамъ странными по ихъ формѣ, такъ хорошо выдѣланы, что могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ французскими и англійскими издѣліями. Еще замѣчательны въ собраніи господина Уде: 1.) двѣ деревянныя доски, съ вырѣзанными на нихъ древними мексиканскими буквами. Эти доски похожи на тѣ, посредствомъ которыхъ Китайцы печатаютъ книги ихъ. 2.) Древняя мексиканская рукопись. Она написана на картонѣ какого-то особаго рода, толщиною въ палецъ. Господинъ Уде занимается теперь ученымъ описаніемъ своего собранія, для изданія въ свѣтъ.

БЕРЛИНСКІЙ АРХИВЪ УЧЕНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ О РОССІИ. Мы уже говорили о первомъ томѣ этого журнала, по поводу его отзыва о XVII томѣ Энциклопедическаго Лексикона (въ *Смѣси № 5 Сына Отечества*). Получивъ недавно первую книжку «Архива» за текущій годъ (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1842. Erstes Heft), мы сочли не безполезнымъ сообщить читателямъ нашимъ содержаніе новой книжки. Она начинается любопытною статьею *о западныхъ предѣлахъ Славянъ* (съ картою), авторъ которой, господинъ Гейнъ, довольно вѣрно представляетъ распространеніе славянскаго племени внѣ Россіи. — 2. *Объ исторіи Донскихъ Казаковъ* В. Броневскаго, разборъ доктора Шотта. — 3. *Чтенія о русскомъ языкѣ* Н. И. Греча, разборъ Шотта, статья вторая. — 4. *Повѣсти графа Соллогуба.* («На сонъ грядущій!»), разборъ Шотта. — 5. *О Крымскомъ Сборникѣ* П. И. Кеппена, разборъ Шотта. — 6. *О древнихъ вѣрованіяхъ Черкесовъ*, переводъ Шотта изъ «Русскаго Вѣстника.» — 7. *О путешествіи Беллинсгаузена въ Южный Ледовитый Океанъ*, статья Ф. Лове. — 8. *Матеріалы для исторіи дворянъ и крестьянъ въ Россіи*, статья Н. Гагемейстера. — 9. О *монгольской хрестоматіи* Шергина (Казань, 1841), рецензія Шотта. Изъ этого видно, что редакція Архива ревностно старается знакомить западную Европу съ нашею ученою и изящною литературой, исторіею и государственными учрежденіями нашего отече-

Digitized by Google

ства. Нельзя не пожелать успѣха такому изданію, котораго назначеніе-разсѣять ложныя мнѣнія, господствующія о насъ даже между европейскими учеными. Главный сотрудникъ Архива, академикъ докторъ Шоттъ, извѣстный переводомъ на нѣмецкій языкъ сочиненій Конфуція, бросилъ поле китайской литературы и съ жаромъ изучаетъ все русское. А сколькимъ ученымъ въ Европѣ Китай и доселѣ гораздо извѣстнѣе Россіи!

ЗАПИСКИ АССЕБУРГА. Имя Ассебурга, конечно, извѣстно не многимъ изъ нашихъ читателей. Баронъ Ахацъ-Фердинандъ фонъ-деръ-Ассебургъ (Freiherr Achatz-Ferdinand von der Asseburg, Erbherr auf Falkenstein und Meisdorf etc.) происходилъ изъ древней рыцарской фамиліи, которой начало теряется въ тринадцатомъ вѣкѣ, и родился въ своемъ родовомъ Замкѣ Мейсдорфѣ, въ Гальберштадскомъ Герцогствѣ, 20 іюня 1721 года. Отецъ его былъ прусскій камергеръ. Баронъ Ахацъ-Фердинандъ вступилъ въ гессенскую службу въ 1746 году; потомъ перешелъ въ датскую; былъ датскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, въ 1760 году; въ 1771 году, перешелъ въ службу Россіи, получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ Святаго Александра Невскаго, и назначенъ Императрицею полномочнымъ посломъ на регенбургскій сеймъ. Послѣ того онъ употребленъ былъ для переговоровъ съ разными германскими дворами о пріисканіи невѣсты для Великаго Князя Павла Петровича. Онъ скончался, въ 1797 году, въ званіи русскаго посла при германскомъ имперскомъ сеймѣ. Будучи въ дружественныхъ сношеніяхъ съ извѣстнѣйшими государственными людьми своего времени, — почтенный милостями многихъ монарховъ, фонъ-деръ-Ассебургъ велъ переписку со многими изъ нихъ. Эти записки изданы недавно въ свѣтъ господиномъ Фарнгагеномъ-фонъ-Энзе, подъ заглавіемъ: Denkwürdigkeiten des Freih. Ach. Ferd. v. d. Asseburg, Erbherrn zu Falkenstein und Meisdorf, etc. russisch-kaiserlichen wirkl. geh. Raths u. s. w. Aus den in dessen Nachlass gefundenen handschriftlichen Papieren bearbeitet von einem ehemals in diplomatischen Anstellungen verwendeten Staats-

Digitized by Google

manne. Mit einem Vorworte von K. A. Varnhagen von Ense. Berlin. 1842. 448 S. in 8. Книга эта содержитъ въ себѣ много любопытнаго касательно нашей новѣйшей исторіи. Авторъ вездѣ съ благоговѣніемъ говоритъ о своей вѣнценосной благодѣтельницѣ, великой Екатеринѣ, и съ уваженіемъ отзывается о нашихъ государственныхъ мужахъ того времени, въ особенности о графѣ Панинѣ, который былъ его другомъ до самой его кончины и по настоянію котораго онъ перешелъ въ русскую службу. Многіе неизвѣстные доселѣ дипломатическіе акты, письма къ Ассебургу державныхъ особъ и разныхъ государственныхъ людей, придаютъ его запискамъ цѣну историческую. Мы постараемся сообщить со временемъ извлеченіе важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ извѣстій изъ записокъ Ассебурга, которыя должно включить въ число важнѣйшихъ матеріяловъ для новѣйшей исторіи сѣверной Европы.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно вышла въ свѣтъ *Священная Исторія*, соч. извѣстнаго автора Путешествія къ Святымъ мѣстамъ, Писемъ о Богослуженіи, Исторіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, и проч.

Отпечатана пятая, послѣдняя часть *Русской Исторіи* Профессора Н. Устрялова.

Вскорѣ будетъ издана *Жизнь Суворова*, сочиненіе Н. Полеваго. Изданіе украсится прекрасными политипажными рисунками и вообще будетъ самое роскошное.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

—

1842.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 28 Августа 1842 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*
Цензоръ *С. Куторга.*

Редакторъ Константинъ Масальскій.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Отдѣленіе I.

Русская Исторія.

ОСКОЛЬДЪ И ДИРЪ *.

Многіе изъ византійскихъ писателей сообщаютъ намъ свѣдѣнія, что въ царствованіе греческаго императора Михаила, а по другимъ Василья Македонянина, *скивскій народъ, обитатели горы Тавра, безбожные Россы* сдѣлали нападеніе на Царьградъ и окрестности его съ

* Помѣщая это любопытное изслѣдованіе Ѳ. Л. Морошкина о древнихъ нашихъ витязахъ, громившихъ Византію, долгомъ считаемъ обратить вниманіе читателей Сына Отечества на труды почтеннаго изыскателя русскихъ древностей. Господинъ Морошкинъ отыскалъ оффиціальные акты нѣмецко-русской исторіи, которыми неоспоримо утверждается бытіе *Славянской Руси* на южномъ балтійскомъ поморьѣ. Эти историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, помѣщаемыя въ «Маякѣ современнаго просвѣщенія» (1842, № 8, 9, 10) проливаютъ совершенно новый свѣтъ на древность нашу и нашихъ единоплеменниковъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ № 8, Ѳ. Л. Морошкинъ доказываетъ, что Варяги-Русь, призванные къ намъ въ Новгородъ, были Славянскіе Поморяне, обитавшіе на южномъ берегу Балтики и близлежащихъ

Digitized by Google

моря, но были побѣждены, и просили крещенія. Императоръ для христіанскаго ихъ просвѣщенія далъ имъ епископа, поставленнаго патріархомъ *Игнатіемъ*, это самое извѣстіе внесено въ русскую лѣтопись подъ именемъ похода кіевскихъ князей Оскольда и Дира подъ Царьградъ. Въ Никоновской лѣтописи оно упоминается трижды. * Стр. 16. 6374 отъ сотворенія міра (866 года отъ Рождества Христова) въ царствованіе Михаила I и Василія (Македонянина) *иде Оскольдъ и Диръ на Греки.* Конецъ этого похода былъ тотъ, что, когда патріархъ *Фотій* погрузилъ ризу Лахернской Божіей Матери въ море, на морѣ возстала сильная буря, и потопила *безбожную Русь.* На стр. 21-й той же лѣтописи сказано: «Роди жъ нарицавшіи *Русіи*, иже и *Кумани*, живяху во Евксинопонтѣ и начаша плѣновати страну римскую, и хотяху пойти въ Константинъ градъ, но возбрани имъ вышній промыселъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда возвратишася теціи князи ихъ Оскольдъ и Диръ.» Это было при царѣ *Василіѣ*, который заклю-

островахъ; что Руссы, разорившіе Севиллу, — вопреки мнѣнію господина Френа, — были не Скандинавы, а эти же самые Балтійскіе Славяне-Русь; что имя Руси, Россіи было нѣкогда даже общимъ для всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ № 9 «Маяка», Ѳ. Л. Морошкинъ представляетъ убѣдительныя доказательства, что имя Россіи, которымъ гордится наше отечество, сохранялось на всемъ ея пространствѣ отъ самыхъ временъ Геродота. Въ № 10 «Маяка» обѣщано изслѣдованіе о Хазарахъ и Казакахъ. Глубокое патріотическое чувство, которымъ проникнуты всѣ эти разысканія, еще болѣе дѣлаетъ замѣчательными важные, очень немногими оцѣненные, труды господина Морошкина.

Ред. С. О.

* Стр. «12. Иногда пріидоша русскіи князи Оскольдъ и Диръ на Царьградъ въ царство *Михаила и матери его Ѳеодоры,*» которой опекунство надъ Михаиломъ кончилось 856 года. Слѣдовательно здѣсь походъ Оскольда и Дира представленъ до 856 года (?). Меѳодій и Кириллъ путешествовали къ Хазарамъ, какъ видно, послѣ 856 года.

Digitized by Google

чилъ съ ними миръ, и по желанію ихъ далъ имъ архіерея. Когда же они хотѣли креститься, то паки уныли и требовали чуда во свидѣтельство истины Христова ученія. Архіерей бросилъ Евангеліе въ огонь; и Евангеліе осталось невредимымъ. Руссы, увидѣвши чудо, крестились. Въ этихъ извѣстіяхъ есть нѣкоторое несходство. Византійскія лѣтописи говорятъ, что это было при императорахъ Михаилѣ и Василіѣ, и епископъ Руссамъ поставленъ отъ патріарха Игнатія, предместника Фотіева; а русская лѣтопись говоритъ сперва, что это случилось въ царство Михаила и Ѳеодоры, потомъ при царяхъ Михаилѣ и Василіѣ и патріархѣ Фотіѣ; а въ третьемъ мѣстѣ — при царѣ Василіѣ. Въ особенности же замѣчательно здѣсь то, что Русь жила въ Евксинопонтѣ и была скиѳскаго племени; напротивъ, когда царь напалъ на Константинополь, то его Русь въ византійскихъ лѣтописяхъ названа «*отъ рода Франковъ*». Важное различіе! Я хочу воспользоваться этими извѣстіями къ поясненію отношенія Хазаръ къ Кіевскимъ Руссамъ, введенія христіанской вѣры въ Россіи и вліянія Жидовъ на образованіе Россійскаго Государства.

До похода Оскольда и Дира на Царьградъ сколько разъ ни упоминалось Черноморье отъ Дуная до Дона въ византійскихъ лѣтописяхъ, всегда упоминалось подъ именемъ *Хазаріи*, по военнымъ, торговымъ и родственнымъ сношеніямъ съ Византійскимъ Дворомъ и Хигаріею. О Хазарахъ у нѣкоторыхъ писателей (см. выше) говорится, что они составляютъ царство *еврейское*, или по-крайней-мѣрѣ по вѣроисповѣданію народъ *жидовствующій*. Хазары не успѣли еще исчезнуть, какъ царство ихъ въ Черноморьѣ предается забвенію при первомъ появленіи имени *Русь*. Куда же дѣвалось это сильное царство, сопредѣльное греческому Херсону, и обитавшее всѣ сѣверные берега Чернаго Моря; и берега рѣкъ Дона, Днѣпра, Оки и Волги? Не объяснитъ ли

Digitized by Google

намъ этого явленія жизнеописаніе апостоловъ славянскаго міра, солунскихъ Грековъ Кирилла и Меѳодія. (См. Четію Минею Димитрія Ростовскаго, Мая 11 день). Я представлю его здѣсь въ сокращенномъ видѣ. Философъ Константинъ, по совершеніи посольства къ сарацинскому князю Аминтумнѣ для пренія о вѣрѣ, отправился въ Олимпъ къ старѣйшему брату своему Меѳодію, и началъ съ нимъ жить, въ иноческихъ подвигахъ, въ молитвахъ и въ чтеніи книжномъ. «Въ то время пріидоша къ Михаилу II-му царю послы *отъ Козаръ*, глаголюще: мы исперва единаго Бога знаемъ, иже есть надъ всѣми, Тому молимся, *кланяющеся на Востокъ*, но обычаи нѣкія содержимъ студныя: Евреи же увѣщеваютъ насъ, да ихъ вѣру пріимемъ, и уже *мнози отъ нихъ къ еврейстѣй вѣрѣ присташа*. Тако же и Сарацины на свою насъ вѣру преклоняютъ, глаголюще: яко наша вѣра добрѣйша есть паче всѣхъ языкъ; того ради отъ васъ, съ ними же старую дружбу и любовь держимъ, полезнаго намъ ищемъ совѣта, и просимъ, да пошлете къ намъ нѣкоего мужа книжна отъ васъ, иже бы возмогълъ препрети Евреевъ и Сарациновъ, и аще препретъ, то вашу вѣру пріиемемъ. Тогда царь *Михаилъ съ святѣйшимъ патріархомъ Игнатіемъ*, иже бѣ по святомъ Меѳодіи, сотворивше взысканіе о Константинѣ Философѣ, призваша его и отъ олимпійскія горы, и желаху, да идетъ въ Козары на проповѣдь Христову.» Онъ охотно на это согласился и манилъ итти съ собою брата своего Меѳодія блаженнаго, «*яко умѣвша отчасти языкъ славянскій*. Достигне же до *Херсонаграда Хозаромъ сопредѣльнаго*, * умедлиша тамо время довольное, дондеже изучишася добрѣ языку козарскому: *бесѣдоваху же Козары языкомъ славянскимъ*, тако же и

* И Русь Оскольда и Дира (въ Евксинопонтѣ), Олега и Игоря также сопредѣльны Херсону (!). См. Договоры Олега и Игоря съ Греками.

Digitized by Google

жидовскому языку навыкоша.» Здѣсь на днѣ моря открыли они мощи Святаго Климента, папы римскаго, пострадавшаго во дни Траяна императора римскаго, и послѣ отнесли ихъ въ Римъ. * «По семъ идоша въ Козары, и пріяты быша честно отъ погана князя козарскаго: ибо и писаніе отъ царя греческаго къ кагану имѣяху, и многое тамо бѣ преніе блаженному Константину съ Козары, и съ Іудеи, и съ Сарацыны.» Весьма замѣчательны были предметы преній. «Глагола къ нимъ нѣкій Козаринъ: вы Грецы, золъ обычай имате, поставляете бо вамъ *царя инаго, отъ инаго рода, отъ простаго, а не отъ царскаго*, яко же ее: по Никифорѣ поставите царемъ Михаила Куропалата, единаго отъ бояръ бывша, таже остависте того, постависте Льва Армянина отъ простаго бывшаго рода: убивше же того, постависте Михаила Траблаго, иже бѣ родился отъ Аморіи: у насъ же не тако, *но имамы наши кагапы* (сіе есть цари) *отъ дому* (?!) *и отъ рода каганскаго, и не инако кто у насъ воцарится, аще не отъ племени царскаго будетъ.*» Константинъ на это отвѣчалъ въ библейскомъ смыслѣ, что Богъ даетъ царство тому, кому восхощетъ. «По семъ паки Козаринъ рече: вы книги держаще въ рукахъ, сказуете отъ нихъ притчи: мы же не тако, но *отъ персей нашихъ вся мудрости износимъ, не гордящеся описаніяхъ, яко же вы гордитеся; ибо вкутрь имамы яко поглащенную въ насъ мудрость.* Константинъ отвѣчалъ на это вопросами о числѣ родовъ отъ Адама и отъ Моисея, и другими историческими вопросами. Козаринъ не могъ

* О семъ важномъ событіи свидѣтельствуетъ и саксонскій лѣтописецъ (Annalista Saxo): «Кириллъ, то есть, Константинъ, а потомъ Славянъ, мощи Святаго Климента, по обмѣленіи *Тризорскаго* Моря (in Trisoria mari — рускаго или херсонскаго), куда тѣло его было брошено, принесъ въ Римъ, гдѣ принятъ былъ отъ папы съ почестію.»

Digitized by Google

спорить съ философомъ и замолчалъ. «Егда же бяху на обѣдѣ у кагана, взялъ каганъ чашу, рече: піемъ во имя Бога единаго, сотворившаго всю тварь. Христіанскій же философъ Константинъ взявши чашу, рече: пію во имя Бога единаго, и Слова Его, имъ же небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имъ же вся сила созданныя твари содержится. Глагола каганъ: равно держимъ о Бозѣ создавшемъ всю тварь, токмо въ семъ разнствуемъ, яко вы Троицу славите, а мы единаго Бога славимъ, яко же *еврейскія учатъ книги*. Здѣсь философъ Константинъ изложилъ чистое ученіе о Святой Троицѣ. «Бѣже тамо отъ предстоящихъ кагану множество Іудей,» которые сдѣлали Константину возраженіе о тайнѣ возплощенія Бога-Слова; но философъ опровергъ сіе возраженіе книгами Ветхаго Завѣта, раскрывая притомъ обширную свою богословскую ученость. Таковыхъ преній было много съ Іудеями. Меѳодій, братъ Константина, весь этотъ диспутъ расположилъ на *восемь словесъ* (бесѣдъ). Сарацины также спорили, но были такъ же побѣждены. «И вѣрова во Христа каганъ (князь козарскій) и боляре его, и *отъ народа множество*, и пріяша крещеніе святое, обаче не вси, но нѣкая часть.» Меѳодій и Константинъ, при возвращеніи во свояси, оставили Козарамъ священниковъ изъ Херсона пришедшихъ. «Написа убо каганъ къ царю греческому благодарствіе» за присылку столь *учительныхъ мужей*; повелѣлъ въ *своей державѣ всякому произволяющему креститися*, надѣясь, что и вся земля его въ христіанское пріидетъ совершенство, и изъявилъ готовность служить царству греческому. Каганъ одарилъ философовъ, отдалъ имъ плѣнниковъ греческихъ, и отпустилъ ихъ въ путь радостныхъ и благодарящихъ Бога. Проходя сквозь *пустынныя и безводныя мѣста*, они изнемогали отъ жажды, ибо воды не было, а нашли только *Сланое озеро*, и такъ далѣе, и наконецъ достигли Херсо-

Digitized by Google

на. По семъ и прочіе славянскіе князья Ростиславъ и Святополкъ Моравскій и иные, просили императора Михаила *для* просвѣщенія христіанскаго прислать къ нимъ учителей. Таковы были подвиги Константина и Меѳодія въ славянской землѣ Козаровъ. Драгоцѣннѣйшее извѣстіе *для* русской исторіи. По системѣ Шлёцера прежде всего надо подвергнуть сомнѣнію это извѣстіе, разбранить Грековъ за ихъ глубокое невѣжество, и выкинуть этотъ предметъ вонъ изъ русской исторіи. Если бъ Шлёцеръ не имѣлъ сильнаго предубѣжденія противъ византійской письменности, и вчитался хорошенько въ житіе святыхъ греческой Церкви, то онъ подивился бы во-первыхъ, чистотѣ этихъ источниковъ исторіи, во-вторыхъ, исторической и географической ихъ вѣрности, въ-третьихъ, высокой христіанской образованности въ первыхъ вѣкахъ россійской Церкви. И такъ, что же мы должны думать о Козарахъ, о ихъ крещеніи и послѣдствіяхъ этого крещенія? Редакторъ Четіи Минеи прежде насъ успѣлъ объяснить сказаніе Козаръ въ нашей исторіи. Козары, говоритъ онъ, у Грековъ называвшіяся *Козарами*, у Римлянъ *Газарами*, были *народъ Скивскій, языка славянскаго или россійскаго*, и жили близъ Азовскаго Моря. Въ этой странѣ жили сперва *Гемеры*, или *Кимвры*, Кимвры ушли въ полунощныя страны, въ Литву, Жмодь и въ Готѳы. Послѣ Кимвровъ въ азовской странѣ сѣли *Аланы*, прозванные потомъ *Казарами*, въ теченіи долгаго времени расплодившіеся по Дону, Днѣпру, Волгѣ, Каспійскому Морю, и до Панноніи, гдѣ они *Аварами и Гуннами назывались*. Старѣйшина Козаръ назывался *каганъ*, * имя нарицательное, а не-

*) Вѣроятно, резиденція кагана была далеко отъ Херсона; гдѣ же она была?

* Извѣстно, что *каганами* назывались и кіевскіе князья. Замѣчательно также, что византійскія лѣтописи называютъ татарскихъ хановъ *Казанцы*.

Digitized by Google

собственное. Козары издавна до крещенія своего имѣли власть надъ Кіевомъ и надъ другими россійскими странами; но, когда Оскольдъ и Диръ овладѣли Кіевомъ, то Кіевляне перестали давать дань Козарамъ. Наконецъ Святоелавъ разрушилъ ихъ господство въ Европѣ. Козары нынѣ называются *малороссійскими козаками*. Господство Козаръ могло исчезнуть въ слѣдствіе одного несчастнаго сраженія; но куда же дѣвалась масса народа, изъ которой состояло тѣло хозарской державы? Масса была славянская, или русская: слѣдовательно она вошла въ составъ княжествъ кіевскаго, рязанскаго, тмутараканскаго, (на Островѣ Тмутараканѣ, Кубани) и суздальскаго.

Между-тѣмъ, какъ время пребыванія Меѳодія и Константина у Козаровъ, почти совпадаетъ съ нашествіемъ на Царьградъ и крещеніемъ Черноморской Руси при Оскольдѣ и Дирѣ (856—866 годъ по Рождествѣ Христовѣ), и даже главное дѣйствіе вѣрообращенія отнесено лѣтописями къ одному и тому же лицу патріарха Игнатія, то невольно раждается вопросъ, эти два розно представленныя событія не составляютъ ли одного событія, именно крещенія козарскаго кагана и областныхъ его начальниковъ Оскольда и Дира?—Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, во-первыхъ, какимъ образомъ въ устьяхъ Днѣпра и Дона могли совмѣщаться въ одно и то же время двѣ державы, козарская и русская; во-вторыхъ, какимъ образомъ Козары, какъ видно изъ лѣтописей, будучи народомъ сильнымъ и довольно благоустроеннымъ, допустили двухъ варяжскихъ бродягъ овладѣть Кіевомъ, центральнымъ мѣстомъ всей Козаріи? — Какимъ образомъ выпустили ихъ флотилію въ море на Царьградъ, имѣя у себя ключъ устья Днѣпровскаго? Все это останется слишкомъ непонятнымъ, если мы не допустимъ, что Тавроскиѳы Русь и Козары, говорящіе зыкомъ славянскимъ, суть одинъ и тотъ же народъ,

Digitized by Google

и что Оскольдъ и Диръ только областные начальники кагана.

Не принимая этого тождества Козаръ съ Россами, какъ мы можемъ понять *слова Фотія патріарха* о крещеніи *Россовъ* (окружное его посланіе 861 года?), что не только Болгары, но, и народъ, котораго столь часто превозносятъ по слухамъ и въ извѣстіяхъ, и *который какъ жестокостію, такъ и жаждою къ человѣческой крови; всѣ другіе народы превосходитъ*, я говорю, *такъ называемые Россы*, которые, покоривъ окружные сосѣдніе народы, въ гордости своей и въ высокомъ о себѣ мнѣніи, подняли оружіе на римскую державу, теперь и сами преложили свое суевѣріе на чистую христіанскую вѣру. Не явно ли, что патріархъ Фотій разумѣетъ здѣсь Козаръ, народъ сильный и жестокій (древніе Таврокиѳы), и посольство Меѳодія и Кирилла къ ихъ кагану? Здѣсь замѣчательно выраженіе патріарха: «*такъ называемые Россы*.» Это напоминаетъ Геродотову *Καλουμένη Ἑλλὰς* и ясно показываетъ, что названіе *Россъ* въ Черномо́рьѣ издревле знакомо было Грекамъ, но не употреблялось въ письменности потому, что его у Византійцевъ употреблялъ только простой народъ (vulgus). Сравни у Нестора: «Еже море словетъ русское,»— *словетъ*, то есть, въ простонародіи называется такъ. Согласно съ нимъ объясняетъ и Левъ Діаконъ: (кн. II. стр. 2, изданіе Нибура); «Таврокиѳовъ въ простонародіи (vulgaris lingua) *Россами* называютъ.» Левъ Діаконъ не сказалъ, что это названіе пришло съ Варягами *Ex genere ramorum*, какъ это пояснено въ византійскихъ лѣтописяхъ относительно династіи великаго князя Игоря. Посему выраженіе нашего лѣтописца: «Начавшу Михаилу царствовати начася прозывати *Русска земля*, означаетъ только эпоху, съ которой простонародное названіе *Руси* вошло въ письменность.

Допустивши это, всю политику временъ великаго князя

Digitized by Google

Владиміра мы созерцаемъ при дворѣ хозарскаго кагана: сильное дѣйствіе отчиннаго начала въ престолонаслѣдованіи, торговое движеніе въ резиденціи великаго князя, Евреи, Греки, Магометане имѣютъ свободное отправленіе торговли, богослуженія,—и даже видно домогательство каждой изъ этихъ націй обратить князя въ свою вѣру. Видимъ также начало движенія въ тогдашней византійской имперіи, счастливо переданное даже варварамъ, именно совопросничество о вѣрѣ, и стремленіе къ ея распространенію. Цивилизація княжескаго двора и княжеской резиденціи съ перваго раза является намъ въ устѣвающемъ, благонадежномъ состояніи. Однимъ словомъ, вокругъ козарскаго хана мы видимъ сцены изъ кіевской дворско-гражданской жизни великаго князя Владиміра; видимъ въ русской землѣ сильную борьбу жидовства и исламизма противъ христіанства и рѣшительное торжество послѣдняго; видимъ и первоначальное воспитаніе торговаго духа въ Россіи. Послѣднимъ же результатомъ всѣхъ соображеній по этому предмету должно быть слѣдующее положеніе: Хозары суть Козаки, само древнее военное сословіе русской земли.

Дѣйствительный членъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ординарный профессоръ въ Московскомъ Университетѣ.

Ѳ. Морошкинъ.

Digitized by Google

Отдѣленіе II.

Современная Исторія.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Докладъ о проектѣ закона касательно регентства во Франціи представленъ былъ палатѣ депутатовъ въ засѣданіи шестнадцатаго Августа. Докладчикъ, господинъ *Дюпенъ старшій*, указавъ прежде всего на обязанности, возложенныя на палату кончиною герцога Орлеанскаго, старался заранѣе опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые хотѣли бы учредить избирательное регентство, говорилъ объ опасностяхъ и затрудненіяхъ, представляемыхъ такимъ регентствомъ, и напомнилъ, что на основаніи хартіи 1830 года, регентство должно быть ввѣрено ближайшему мужескому родственнику несовершеннолѣтняго короля. Потомъ господинъ *Дюпенъ* изложилъ перемѣны, сдѣланныя коммиссіею въ министерскомъ проектѣ, и сказалъ въ

Digitized by Google

заключенія: «Законъ, который мы должны издать, необходимъ для общественнаго блага и составляетъ залогъ безопасности государства.» Докладъ коммиссіи рѣшено было напечатать. Въ концѣ засѣданія, депутатъ лѣвой стороны, господинъ *Лербеттъ*, просилъ палату позволить ему сдѣлать министрамъ нѣкоторые вопросы на счетъ внѣшней и внутренней политики, въ слѣдующее засѣданіе, до разсмотрѣнія проекта закона о регентствѣ. Около тридцати членовъ крайнихъ сторонъ подали голосъ въ пользу его, всѣ остальные противъ. Потомъ господинъ *Лербеттъ*, просилъ позволенія предложить свои вопросы послѣ разсмотрѣнія проекта закона о регентствѣ, но то же большинство отвергло и это требованіе.

Вотъ перемѣны, сдѣланныя коммиссіею въ проектѣ закона о регентствѣ *. Въ статьѣ второй вмѣсто словъ: «Въ минуту кончины короля, и если его наслѣдникъ несовершеннолѣтенъ, начинается регентство» включены слова: «Во всякомъ случаѣ, когда король несовершеннолѣтенъ, образуется регентство.» Къ третьей статьѣ, которою предоставляется регенту полное отправленіе королевской власти, коммиссія присовокупила: «Съ самаго времени его назначенія.» Къ пятой она присовокупила слѣдующія слова: «Если палаты не собраны, то регентъ немедленно помѣщаетъ въ Собраніи законовъ (Bulletin des lois) прокламацію, которая должна заключать въ себѣ присягу и обѣщаніе повторить ее, какъ скоро соберутся палаты. Во всякомъ случаѣ палаты должны быть созваны въ теченіи сорока дней.» Въ проектѣ правительства было сказано: «Если палаты не собраны, то регентъ обязанъ ихъ созвать въ теченіи трехъ мѣсяцовъ.»

Въ томъ же засѣданіи господа, *Шапюи-Монласенъ*, *Делеполь* и *Сентъ-Албенъ* члены лѣвой стороны, поло-

жизни своей. Министры приняли слѣдующее измѣненіе, которое они предлагаютъ сдѣлать въ законѣ о регентствѣ. Въ случаѣ, если наслѣдный принцъ, до совершеннолѣтія своего, призванъ будетъ къ вступленію на престолъ, то во все продолженіе его малолѣтства регентство и попеченіе надъ королемъ должны быть ввѣрены его матери, если она не вступила во второй бракъ; а въ случаѣ ея кончины, королевѣ, его бабкѣ съ отцовской стороны, а также если она не вступила во второй бракъ.

Разсмотрѣніе проекта закона началось въ засѣданіи осьмнадцатаго Августа. Прежде всего господинъ *Карне* представилъ прошеніе нѣкоторыхъ избирателей пятаго Парижскаго округа, которые протестуютъ противъ права, присвоеннаго себѣ палатой насчетъ изданія закона о регентствѣ. (*Смѣхъ въ центрѣ*). Господинъ *Ледрю-Роллень* старался доказать, что палата дѣйствительно не имѣетъ на то права. Господинъ *Гелло* говорилъ въ пользу проекта закона и опровергалъ мнѣніе *Ледрю-Роллена*. Общихъ разсужденій оратора о вопросѣ на счетъ регентства палата не слушала. За тѣмъ на ораторскую каѳедру взошелъ новый легитимистскій депутатъ, маркизъ *Ларошжакеленъ*. Онъ возставалъ въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ противъ политическаго переворота 1830 года, противъ изданной тогда хартіи и противъ власти, присвоенной себѣ палатою депутатовъ. Ропотъ и шумъ въ центрѣ безпрерывно заглушали слова его; Президентъ нѣсколько разъ долженъ былъ напоминать оратору о порядкѣ, и наконецъ предложилъ палатѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли лишить его права продолжать подобную рѣчь. Господинъ *Ларошжакеленъ*, не дожидаясь отвѣта палаты, сошелъ съ каѳедры и возвратился на свое мѣсто. Въ собраніи господствовало столь сильное волненіе, что никто не могъ слышать рѣчи, произнесенной послѣ того господиномъ *[illegible]*. Тишина возстановилась тогда

только, когда на ораторскую кафедру взошелъ господинъ *Ламартинъ*. Онъ не одобрялъ нѣкоторыхъ постановленій проэкта закона и полагалъ, что регентство надъ несовершеннолѣтнимъ королемъ должно быть скорѣе вѣрено матери его, чѣмъ какому-либо другому лицу. Онъ между прочимъ сказалъ: «Нѣтъ, министры, что бы ни говорилъ почтенный докладчикъ, а предлагаемый намъ законъ не охранительный и не династическій.» Далѣе онъ старался доказать, что настоящій законъ нарушаетъ права матери несовершеннолѣтняго короля, и въ заключеніе повторилъ нѣкоторые изъ доводовъ, приведенныхъ имъ въ началѣ своей рѣчи, въ пользу того, что регентство можетъ быть безъ всякой опасности для государства вѣрено женщинамъ. Господинъ *Ламартинъ* сошелъ съ кресель при громкихъ восклицаніяхъ съ лѣвой стороны. За рѣчью его послѣдовало сильное волненіе въ палатѣ. Засѣданіе было прервано по крайней-мѣрѣ на полчаса. Послѣ господина *Ламартина* говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ, господинъ *Гизо*. Онъ старался поддержать проэктъ закона, опровергалъ доводы предшествовавшаго оратора и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «Подумайте также о положеніи нашемъ въ Европѣ, о мѣстѣ занимаемомъ нами въ политическомъ мірѣ и объ отношеніяхъ, въ которыя легко могутъ насъ поставить обстоятельства. По странному случаю политическая власть можетъ быть вѣрена женскимъ рукамъ только на западѣ, въ Англіи, Испаніи, Португаліи. Если во Франціи предоставимъ регентство и, слѣдовательно, политическую власть женщинѣ, то можетъ наступить такой періодъ времени, въ который всѣ Государства западной Европы будутъ управляемы женщинами. Неужели палата думаетъ, что Франція пріобрѣтетъ отъ того новыя силы? Нѣтъ. Палата не можетъ этого думать; причины ея такъ просты, что я вовсе не нахожу нужнымъ полагать ихъ. Въ заключеніе я обязанъ за-

Digitized by Google

рактеръ законъ, слѣдующими немногими словами: онъ согласуется съ нашимъ общественнымъ и политическимъ порядкомъ, съ настоящимъ нашимъ положеніемъ и съ важнѣйшими нашими интересами. Онъ упрочиваетъ монархію, хартію и династію. Всѣ противопоставленныя ему предложенія нарушаютъ или ослабляютъ тотъ или другой изъ этихъ интересовъ. Пусть палата произнесетъ теперь свое рѣшеніе. (*Громкое и продолжительное одобреніе центра*). Послѣ господина *Гизо* произнесъ краткую рѣчь господинъ *Токвиль*, который объявилъ себя въ пользу постановленій проекта, но не одобрялъ общей его формы, полагая, что его слѣдовало бы составить такъ, чтобы онъ касался только до настоящаго случая, а не распространялся на будущія времена. Въ продолженіи преній объ этомъ предметѣ, въ засѣданіи девятнадцаго Августа, наибольшее вниманіе возбудили рѣчи господъ *Беррье*, *Вильмена* и *Одилона Барро*. *Беррье* сказалъ, что онъ не можетъ постигнуть наслѣдственнаго права регентства. Во всей исторіи Франціи нѣтъ тому примѣра. Полное отправленіе королевской власти, вѣримъ регенту, также безпримѣрно. Во всѣ времена власть регента ограничивалась. Столь же ново и то, что принцъ, призываемый для регентства, тотъ же самый, который бы вступилъ на престолъ, если бы малолѣтняго короля не существовало. Устраненіе женщинъ отъ регентства выдаютъ за систему, не требующую опроверженія. Во всѣ времена и при всѣхъ правленіяхъ, сказалъ господинъ *Беррье*, я готовъ защищать салическій законъ, устраняющій иноземцевъ отъ трона; но когда рѣчь идетъ о регентствѣ, то нѣтъ никого въ мірѣ, кто бы тщательнѣе матери-регентши сохранилъ и вѣрнѣе передалъ сыну вѣренную ей власть. Это одно изъ ея священнѣйшихъ семейныхъ правъ, и мать всегда будетъ умѣть исполнить эту обязанность. Въ заключеніе своей рѣчи господинъ *Беррье* заклинаетъ палату сохранить наслѣдственность

Digitized by Google

только для королевской власти; но болѣе никогда не предоставлять наслѣдственнаго права. Это французское правило, которое должно быть уважено, и наслѣдственное право слѣдуетъ исключить изъ закона. Что же касается до выбора между лицами, то объ этомъ господинъ *Беррье* не подалъ никакого мнѣнія. Министръ народнаго просвѣщенія, господинъ *Виллемень*, вступившій потомъ на каѳедру, сказалъ въ сущности слѣдующее: «Причины, которыя въ прежнее время могли бы препятствовать назначенію мужчины регента, нынѣ не существуютъ. Назначая заранѣе регента закономъ, мы знаемъ, что онъ связанъ нашими учрежденіями. Временная власть регента можетъ ли доставить ему болѣе силы? Отчего же мы должны опасаться, что онъ будетъ слишкомъ могущественъ? Напротивъ, онъ будетъ слабѣе короля и еще менѣе рѣшится преступать границы, которыхъ король не преступаетъ. (*Живѣйшее одобреніе*). Равномѣрно необходимо, чтобы для упроченія династіи характеръ представителя власти не былъ ослабленъ и чтобы принца, принадлежащаго къ этому роду, не могла замѣнить принцесса-мать, которую я отъ глубины души уважаю, но которая всё-таки иноземка по происхожденію.... (*Многіе голоса съ лѣвой стороны:* Она Француженка! *Другіе голоса:* Къ порядку! къ порядку! — *Господинъ Сентъ-Албенъ:* Возьмите выраженіе ваше обратно!). — Господинъ *Виллемень*: Она Француженка. Она рѣшительно Француженка для васъ, милостивые государи, и для меня. Но мы говоримъ о будущемъ, предполагая броженіе страстей и партій, говоримъ предъ лицомъ государства, гдѣ, не смотря на примирительныя увѣренія, существуютъ внѣ законнаго круга интересы, непріязненные ко всѣмъ правамъ, вами признаннымъ, я говорю только о возможныхъ случаяхъ и опасностяхъ въ будущемъ, только о страстяхъ и макіавелизмѣ партій. Спрашиваю, мысль объ иноземномъ происхожденіи, которую здѣсь, какъ и съ

удовольствіемъ вижу, никто не допускаетъ, не можетъ ли сдѣлаться въ другое время орудіемъ злобы и интриги? Вы законодатели, и должны разрѣшить не одинъ случай, но предвидѣть всѣ возможныя случаи. Обращаюсь къ прямодушію и политическому такту палаты. Пусть рѣшитъ она, не существуетъ ли могущественныхъ причинъ къ тому, чтобы новая династія охраняема и защищаема была руками мужчины, ближайшаго къ трону? Это согласуется съ потребностями государства, и съ обнаружившимся повсюду чувствомъ, что новая династія, чтобы удержаться, должна постоянно являться сильною и дѣятельною. Въ достопамятное совѣщаніе англійскаго парламента о регентствѣ, въ 1788 году, одинъ великій ораторъ сказалъ: «Издать законъ о томъ, чтобы каждый разъ назначать регента, значитъ измѣнить форму монархіи и превратить наслѣдственную монархію въ избирательную. Регентство должно столь же мало подлежать выборамъ, какъ и корона; оно должно быть ограничиваемо не болѣе ея, потому-что имѣетъ одинаковыя съ нею обязанности, а для исполненія этихъ обязанностей потребна ей та же сила.» Эти простыя слова великаго ума заключаютъ въ себѣ весь законъ.» Господинъ *Одилонъ-Барро* воружался преимущественно противъ назначенія регентства по праву, и утверждалъ, что оно не должно быть предоставляемо слѣпому случаю. Онъ доказывалъ, что во времена древней монархіи парламенты пользовались правомъ назначать всякій разъ регента, и что избраніе его въ настоящее время было бы сопряжено съ гораздо меньшими опасностями, нежели предлагаемый министерствомъ законъ.

На другой день господинъ *Тьеръ* произнесъ длинную и превосходную рѣчь, которою удивилъ и приверженцевъ и противниковъ своихъ, потому-что поддерживалъ министерство и говорилъ горкія истины своимъ союзникамъ, депутатамъ лѣвой стороны.

Digitized by Google

Онъ сказалъ между прочимъ: «Вопросъ, о которомъ разсуждаетъ теперь палата, важнѣе всѣхъ политическихъ вопросовъ, которыми она занималась въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Что касается до меня, то я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи и нуждаюсь болѣе чѣмъ когда-либо въ снисхожденіи палаты. Ей извѣстно, что я занимаю нынѣ мѣсто въ рядахъ оппозиціи. Излишне было бы говорить о причинахъ, побудившихъ меня присоединиться къ оппозиціонной партіи. Я противникъ кабинета. Горестныя воспоминанія, и болѣе чѣмъ воспоминанія, отдѣляютъ меня отъ его членовъ. Не смотря однако жъ на то, я намѣренъ теперь содѣйствовать кабинету и возражать оппозиціи. Мнѣ никогда не предстояло исполненіе болѣе тягостной обязанности; но мой образъ мыслей, мои убѣжденія вполнѣ монархическія. Вспомните, что я подавалъ даже голосъ въ пользу наслѣдственности перскаго достоинства и что я поддерживалъ это мнѣніе въ такую минуту, когда рѣшеніе вопроса представляло множество затрудненій. Мой образъ мыслей монархическій и если мнѣ предстоитъ исполненіе долга, то я исполню его, не смотря на препятствія и на мнѣнія другихъ. Убѣждаю товарищей моихъ, поступить такъ, какъ оппозиція въ теченіе пятидесяти лѣтъ еще не поступала, то есть, присоединиться къ кабинету, оставивъ теперь безъ вниманія его ошибки и подумать только объ истинныхъ выгодахъ и настоящихъ потребностяхъ нашего отечества. Господинъ *Тьеръ* сошелъ съ каѳедры при громкомъ одобреніи центра. Затѣмъ общія пренія были заключены и докладчикъ представилъ въ краткихъ словахъ сущность изложенныхъ мнѣній; потомъ измѣненіе предложенное господиномъ *Шапюи-Монлавилемъ* въ пользу женскаго регентства (см. выше) было отвергнуто значительнымъ большинствомъ. Господинъ *де-Сад* предложилъ другое измѣненіе, на основаніи котораго законъ долженъ имѣть примѣненіе только къ настоящему слу-

Digitized by Google

чаю. Господинъ *Дюпоръ* старался при этомъ склонить оппозицію къ поддержанію закона, если бъ даже измѣненіе было отвергнуто. Господинъ *Одилонъ-Барро* еще разъ объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что оппозиція не можетъ пожертвовать своимъ убѣжденіемъ. Измѣненіе господина *де-Сада* было послѣ того отвергнуто, и по принятіи всѣхъ статей проекта, въ томъ видѣ, какъ изложила ихъ коммиссія, весь законъ утвержденъ, большинствомъ 310 голосовъ противъ 94.

Этотъ проектъ закона представленъ палатѣ перовъ двадцать-втораго Августа, и для разсмотрѣнія его назначена была коммиссія, состоящая изъ господъ *д'Аргу*, *Франка-Карре*, *Моле*, *Беранже*, *де-Корду*, *де-Броли* и *Кузена*. Коммиссія выбрала въ президенты графа *Моле*, въ докладчики герцога *де-Броли*. Онъ представилъ докладъ свой въ засѣданіе двадцать-девятаго Августа, и началъ рѣчь слѣдующими словами: «Король не умираетъ во Франціи *, и монархическое чувство лучше всего обнаружилось всеобщею горестію о кончинѣ наслѣднаго принца. Монархія есть государство права и порядка, и все что можно благоразумно предвидѣть, должно быть предусмотрѣно. Вопросъ о регентствѣ не былъ обдуманъ въ 1830 году и намъ слѣдуетъ пополнить необходимыя для будущности постановленія 1830 года. Мы можемъ такимъ образомъ съ совершеннымъ сознаніемъ правъ нашихъ и съ чистою совѣстію, какъ законодатели, разсматривать предложенный намъ проектъ. Регентство есть временное исполненіе королевской власти, и на него должно смотрѣть какъ на видъ этой власти. Отсюда истекаетъ необходимость наслѣдственнаго регентства.» Докладчикъ объявилъ въ заключеніе, что коммиссія единогласно предлагаетъ утвердить законъ.

* Намекъ на старинную французскую поговорку «*Le roi est mort. Vive le roi,*» выражающую непрерывность верховной власти, которая при кончинѣ короля тотчасъ переходитъ къ его наслѣднику.

Digitized by Google

Пренія объ этомъ предметѣ происходили въ засѣданіи двадцать-девятаго Августа. Маркизъ *Дрё-Брезе*, записавшійся противъ проекта, изъявилъ въ началѣ своей рѣчи глубокую горесть, причиненную катастрофою тринадцатаго Іюля, и потомъ старался изложить причины, по которымъ онъ не одобряетъ проекта. «Я не могу, сказалъ онъ между прочимъ, согласиться съ герцогомъ *де-Броли* въ томъ, что регентство есть временная королевская власть. Регентство есть управленіе королевствомъ, и ничего болѣе. Проектъ закона предоставляетъ сторонникамъ наслѣдникамъ боковой линіи права, которыя не даны имъ хартіею. Предлагаемый законъ требуетъ, чтобы мы утвердили два акта наслѣдственности, тогда какъ хартіею установленъ только одинъ. Теперь уже не будутъ болѣе говорить: «Король умеръ! да здравствуетъ Король!» но «Король умеръ да здравствуетъ регентъ!» Намъ объявляютъ, что въ случаѣ новыхъ обстоятельствъ законъ можетъ быть измѣненъ. Зачѣмъ же не ограничиться настоящимъ положеніемъ и дѣлать изъ него общую мѣру, когда извѣстно, что положеніе это можетъ измѣниться? Одно, что мнѣ кажется благоразумнымъ и возможнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, это законъ, на основаніи котораго принцу, ближайшему къ престолу, былъ бы предоставленъ въ извѣстномъ случаѣ титулъ намѣстника королевства, съ условіемъ созвать палаты въ теченіи сорока дней, чтобы онѣ могли постановить рѣшеніе на счетъ регенства и всего того, что находится въ связи съ этимъ вопросомъ. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, средство предупредить опасности, могущія произойти отъ поспѣшности и неопредѣленности въ постановленіи на счетъ постановленія королевской власти.» Министръ народнаго просвѣщенія старался доказать, что предлагаемый законъ составленъ въ духѣ глубокаго уваженія къ существующимъ и установленнымъ хартіею властямъ, что онъ составляетъ дополненіе къ хартіи и что,

Digitized by Google

наконецъ, назначеніе намѣстника королевства не устранитъ предполагаемыхъ опасностей, а напротивъ того породитъ еще новыя. — Послѣ министра народнаго просвѣщенія, два новые пера, графъ *Мюратъ* и маркизъ *Габріакъ*, сказали нѣсколько словъ въ пользу проекта закона и такъ какъ послѣ нихъ никто уже не требовалъ слова, то общія совѣщанія были заключены. По утвержденіи, почти безъ всякихъ прѣній, отдѣльныхъ статей, палата приступила къ балотировкѣ цѣлаго проекта закона. Результатъ оказался слѣдующій: число голосовъ 177, въ пользу проекта 163 голоса, противъ него 14 голосовъ. — На другой день, то есть, тридцатаго Августа какъ скоро президентъ палаты перовъ объявилъ, что засѣданіе открыто, президентъ совѣта вручилъ ему слѣдующую прокламацію: «*Собраніе обѣихъ палатъ отсрочивается до 9 Января* 1843 *года.*» — Члены тотчасъ же разошлись при восклицаніяхъ: да здравствуетъ король!

Въ палатѣ депутатовъ, президентъ въ началѣ засѣданія объявилъ, что онъ получилъ письма отъ депутатовъ, избранныхъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, и что изъ нихъ господинъ *Эмиль Жирарденъ* изъявилъ желаніе быть представителемъ Кастель-Сарразена, господинъ *Дюпонъ* (Dupont de l'Eure) представителемъ Эвре, господинъ *Берье* Марселя, а господинъ *Сальванди* Лектура. — Послѣ того господинъ *Пескалисъ* потребовалъ слова отъ имени слѣдственной коммиссіи по выборамъ, и сказалъ: «Коммиссія, которой поручено изслѣдовать обстоятельства, касающія до выборовъ въ Лангрѣ, Карпантра и Эмбрёнѣ, употребила уже нѣсколько засѣданій на эти изслѣдованія; но ей не достало времени для окончанія своихъ занятій и она не можетъ представить своего доклада. Ири возобновленіи собранія палатъ она не преминетъ исполнить лежащую на ней обязанность.» — Господинъ *Лербеттъ* сказалъ: «Я не полагаю, чтобы отсрочка собранія палатъ могла прервать

Digitized by Google

занятія коммиссіи, и особенно слѣдственной. По-крайней-мѣрѣ въ Англіи этого не бываетъ. Я очень хорошо знаю, что между англійскимъ парламентомъ и французскими палатами нѣтъ совершенной аналогіи, но я не вижу причины, почему бы коммисія не могла продолжать своихъ занятій во время закрытія палатъ.» — *Министръ внутреннихъ дѣлъ*: «Это противно постановленіямъ; коммисія представляетъ палату и какъ не можетъ заниматься дѣлами во время закрытія палаты.» — *Президентъ*: «Господинъ *Лербетъ* не сдѣлалъ формальнаго предложенія и потому вопросъ этотъ не подлежитъ рѣшенію.» — Въ слѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ прочиталъ королевскую врокламацію объ отсрочкѣ собранія палатъ до девятаго Января 1843 года, и депутаты разошлись при восклицаніяхъ: «Да здравствуетъ король!»

— Въ Англіи въ послѣднее время ничего особенно замѣчательнаго не происходило. По закрытіи парламента королева отправилась въ Шотландію, гдѣ тамошніе богачи принимали ея величество съ величайшимъ великолѣпіемъ. Такъ, между прочими, маркизъ *Бридалбенъ*, у котораго королева прожила нѣсколько дней, истратилъ по этому случаю полтора милліона рублей. Министры, по обыкновенію, разъѣхались изъ Лондона, чтобы въ тишинѣ сельской жизни отдохнуть отъ изнурительныхъ парламентскихъ трудовъ и приготовить матеріялы для будущихъ своихъ занятій.

— Въ Турціи великій визирь *Ицметъ-Мехмедъ-Паша* смѣненъ и на мѣсто его назначенъ *Рауфъ-Паша*. *Мехмедъ-Алн* Египетскій получилъ почетный титулъ соотвѣтствующій званію великаго визиря.

— Въ другихъ странахъ также все шло прежнимъ порядкомъ и никакихъ важныхъ событій нигдѣ не совершилось.

Digitized by Google

Отдѣленіе III.

Русская Словесность.

ДВА ДАРА.

.....fallut il être en proie
A l'injustice, à la douleur,
Qui n'accepterait avec joie
Le génie au prix du malheur?
V. Hugo.

Предъ Господомъ ангелъ съ мольбою стоитъ:
Даровъ для скитальца земнаго онъ проситъ.
Моленію внялъ Всемогущій и рекъ:
«Два дара на землю снеси человѣку, —
«Небесное счастье и счастье земли, —
«Пусть самъ онъ разсудитъ и самъ изберетъ.»

И въ радости свѣтлый посланникъ Господенъ
Съ дарами завѣтными долу спѣшитъ.

Тамъ юноша, зритъ онъ, безмолвный, унылый;
Земныя печали туманятъ чело,

Digitized by Google

И тяжкою цѣпью лишеній и бѣдствій
Онъ связанъ, прикованъ къ тернистой землѣ;
Надъ нимъ распростерты могучія крылья
Судьбы безпощадной; ихъ мрачная тѣнь
Скрываетъ сводъ неба отъ тускляго взора
И холодомъ вѣетъ въ разбитую грудь.

Приблизился ангелъ, разсѣялъ мракъ ночи,
И вѣжды страдальца сномъ тихимъ закрылъ.

Дивное юношѣ снится видѣнье:
Счастье земное явилось предъ нимъ,—
Блещутъ роскошно алмазы и перлы,
Груды сокровищъ на солнцѣ горятъ,
Радость, богатство, всѣ прелести міра,
Все для него! онъ владѣтель всего!
Онъ, какъ кумиръ, обожаемъ толпою.
Зависть не дышетъ, скрывъ жало свое,
И, предъ избранникомъ ползая въ прахѣ,
Жадно цѣлуетъ подножье его.

«Вотъ твоя участь! Ты будешь счастливцемъ;
«Люди какъ бога тебя вознесутъ,
«Гордые склонятъ чело предъ тобою,
«Счастливъ ты будешь, но счастьемъ земнымъ.»

А золото ярко на солнцѣ блеститъ,—
Плѣняется сердце, невольно трепещетъ,—
И юноша руки къ нему простираетъ:
«О радость! о счастье! ужель ты мое?»

Но очи возвелъ восхищенный и видитъ
Другое видѣнье,—какъ-будто свой ликъ,
Сіяньемъ, снопами лучей окруженный;
И бѣлыя крылья возносятъ его;
И брызжутъ и сыплются искры, какъ звѣзды,
Свиваясь вѣнцомъ, осѣняютъ чело;
И голосъ въ пространствѣ его призываетъ,—
То сонмы безплотныхъ, то братья его,—
Высокую цѣль указуютъ далеко,
И въ чистое небо съ собою зовутъ.

Digitized by Google

«Забудь блескъ ничтожный земнаго богатства!
«Тебя ослѣпитъ онъ, но счастья не дастъ,
«Пусть носишь ты въ жизни вериги лишеній,—
«Ты счастье иное въ себѣ обрѣтешь!
«Пусть люди тебя оскорбляютъ презрѣньемъ;
«Пусть зависть, коварство и ядъ клеветы
«Тебя окружаютъ сплетеньями козней;
«Пусть бури безумныхъ и низкихъ страстей
«Тебя сокрушить, уничтожить грозятся, —
«Ты въ гордомъ сознаньи своей правоты
«Алмазною грудью на встрѣчу имъ станешь:
«Ты будешь сынъ неба, ты будешь поэтъ!»

Юноша внемлетъ и млѣетъ въ восторгѣ,
Видитъ дотолѣ невѣдомый міръ.
Въ душу проникли родные призывы,
Вспыхнула скрытая искра въ груди.

«О, дайте! о, дайте мнѣ бѣлыя крылья!
«Пусть счастье земное на вѣкъ пропадетъ!»

Сказалъ, и съ видѣньемъ въ объятіи слился.
Вспылалъ свѣтлый пламень восторговъ живыхъ,
Сплелся, перевился въ вѣнецъ лучезарный,
И райскою думой чело осѣнилъ;
И свѣтлый лучъ неба, и бѣлыя крылья,
И сны неземные любви неземной,
И сладостный трепетъ, и тихія слезы,
И грезы живыя души молодой,
И ясныя искры святыхъ вдохновеній,—
Все съ нимъ! все на вѣки, на вѣки его!
Пусть счастье земное поэта погибнетъ:
Онъ знаетъ міръ лучшій, тотъ міръ для него!
Въ часъ дольней печали на лонѣ у Бога
Поэтъ вдохновенный забудетъ нашъ міръ.

Вѣра Анольская

Digitized by Google

ВОЛНА.

—

И грустно думать всё обманетъ.

III.

Среди ночи рѣка разыгралась, шумитъ;
За волною волна, съ шумомъ, съ плескомъ, бѣжитъ;
Мѣсяцъ свѣтитъ; валы бѣлой пѣной блестятъ;
Искры свѣтятся въ нихъ, блескомъ чуднымъ горятъ.

Такъ любовью горитъ, на зарѣ молодой
Сердце полное грезъ о мечтѣ неземной.
Такъ бѣгутъ и въ душѣ за мечтою мечты,.
И душа, какъ волна, звуковъ дивныхъ полна.

Вотъ при свѣтѣ луны поднялася одна
Среди буйныхъ валовъ съ тихимъ плескомъ волна.
Бѣлой пѣной она предъ луной разлилась
И высоко одна надъ рѣкой поднялась.
Тихій ропотъ ея о любви говоритъ,
Ей мечта вдалекѣ небо счастья сулитъ.
«О, куда ты бѣжишь? другъ, останься со мной!»
Шепчетъ бѣлой волнѣ, простонавъ, валъ другой.
«О, подруга, скажи: кто полюбитъ какъ я?
«Что̀ манитъ и влечетъ? что̀ плѣнило тебя?»
— Видишь, тамъ, вдалекѣ, на обрывѣ крутомъ
Что̀-то ярко блеститъ, и темно все кругомъ?
Это съ неба звѣзда сиротою сошла:
Вѣрно, друга она между звѣздъ не нашла!
Я объ ней-то грущу! съ этой свѣтлой звѣздой

Хочу слиться на вѣкъ одинокой душой! —
И бѣжитъ и кипитъ, страстью дикой полна,
Бѣлой пѣной блеститъ молодая волна:
Дальній берегъ ее привлекаетъ, манитъ;
Дальній берегъ съ звѣздой ей блаженство сулитъ.
Понеслася волна. На высокій обрывъ
Ее бросилъ любви изступленный порывъ.
На обрывѣ крутомъ дикій камень лежитъ;

Digitized by Google

На немъ мѣсяца лучъ одинокій блеститъ.....
Камень хладный лежитъ, неподвижный, нѣмой:
Блескъ чужой въ немъ горитъ, кажетъ дивной звѣздой.
И разбилась волна о холодный гранитъ.
Съ тяжкимъ стономъ она отъ гранита бѣжитъ.....
Ахъ! разбитая грудь не подымется вновь!
Не заблещетъ опять въ свѣтлой пѣнѣ любовь:
Она блескъ золотой на гранитъ излила!
Все на вѣки съ мечтой потеряла волна.

Вѣра Анольская.

СЕВИЛЬСКАЯ НОЧЬ.

БАЛЛАДА.

—

Надъ уснувшею Севильей
Ночь; едва горитъ луна.
Чуть прикрытая мантильей,
У высокаго окна
Донна юная стоитъ,
И прилежно въ даль глядитъ.

Что жъ такъ ждетъ нетерпѣливо
Донна позднею порой?
Вѣрно, мужъ ея ревнивой
Не пришелъ еще домой,
И какъ вѣрная жена
Безъ него не спитъ она.

Но вдоль улицы унылой
Все безмолвно и темно,

Digitized by Google

Только вѣтеръ легкокрылый
Подлетаетъ подъ окно,
И, взвивая кудри Донны,
Будто шепчетъ чьи-то стоны.

Вдругъ аккордъ гитары томной
Раздался и замеръ вновь:
Это вѣрно знакъ нескромный
Подаетъ любви любовь,
Иль хотятъ дать серенаду,
Мужу старому въ досаду.

Звуки ближе, все слышнѣе... .
Вотъ ужъ видѣнъ и пѣвецъ.....
Донна дышетъ тяжелѣе,
Поблѣднѣла какъ мертвецъ,
И чуть внятно молвивъ: «онъ!»
Донна вышла на балконъ.

«Донъ Родриго! ты ли это?
Что́ такъ поздно? гдѣ ты былъ?»
— Милый ангелъ, Хуанета,
Часъ условный не пробилъ.
За одинъ лишь мигъ свиданья
Радъ отдать полжизни я:
Безъ тебя, въ огнѣ страданья
Грудь истлѣла бы моя.
Лишь тобою, другъ прекрасный,
Связанъ я теперь съ землей.
Въ жизни грустной и ненастной
Ты какъ солнце предо мной.

«Тише, милый, ради Бога!
Донъ Алонзо чутко спитъ:
Горе намъ! давно ужъ строго
Каждый шагъ мой онъ слѣдитъ.»
— Что́ Алонзо? Хуанета!
Я люблю, любимъ тобой,
А въ любви — всѣ блага свѣта,
Радость, счастье и покой.

Digitized by Google

Розно быть съ тобой, другъ милый,
Сладкой рѣчи не слыхать —
Жить безъ жизни..... нѣтъ, въ могилѣ
Легче за-живо лежать!
Мы назначены судьбою
Другъ для друга: святъ союзъ
Душъ родныхъ между собою!
Сбрось же смѣло бремя узъ:
Въ Каталоніи прекрасной
Мы найдемъ себѣ пріютъ;
Тамъ сводъ неба вѣчно ясный,
Люди счастливо живутъ.
Убѣжимъ!
«Нѣтъ, невозможно!
Донъ Алонзо»....
— Выбирай
Я иль онъ.
«Другъ, такъ безбожно
Женскимъ сердцемъ не играй!
Я люблю тебя, но волю
Долгъ суровый оковалъ,
И страданье мнѣ на долю
Рокъ съ младенчества послалъ.
Нѣтъ, безславьемъ и тоскою
Не убью я старика:
Я пожертвую собою;
Жизнь земная коротка;
Есть другая: тамъ, другъ милый,
Счастье мы найдемъ съ тобой
И никто, ни чьею силой,
Не разлучитъ насъ.....»
— Постой!
Замогильнаго свиданья
Часъ не вмѣстѣ нашъ пробьетъ:
Мнѣ цѣпь горя и страданья
Вѣчный мечъ пересѣчетъ.
Хуанета, на колѣни
Предъ тобой склоняюсь я.
Не отринь моихъ моленій!

Digitized by Google

Я молю не за себя:
Мать моя..... ее ты знала.....
Вспомни, въ дѣтствѣ, какъ у ней
На колѣняхъ ты играла;
Съ доброй матерью твоей
Донна Анна жила дружно,
И старушки сколько разъ
Предъ каминомъ въ часъ досужный
Любовалися на насъ,
И шутя намъ говорили
«Ты невѣста, онъ женихъ.»
Счастье намъ онѣ сулили.
Богъ не внялъ желанью ихъ.
Все что было сердцу мило
Бѣдной матери моей,
Отняла давно могила;
И одинъ теперь у ней
Я остался въ утѣшенье.
Смерть моя ее убьетъ!
«Да» иль «нѣтъ» твое рѣшенье?
Гробъ иль счастіе даетъ?

Надъ Севильею роскошной
Рдѣетъ ясный небосклонъ
Мѣсяцъ сторожъ полуночный
Закатился... Пустъ балконъ,

Лишь мантилья голубая
На полу его лежитъ;
Грозно взорами сверкая,
У окна старикъ стоитъ.

Князь Д. Кропоткинъ.

Digitized by Google

ЛЯГУШКА - ПТИЦА.

—

Стрѣлокъ убилъ въ лѣсу орла;
Ружье попробовать надъ нимъ пришла охота.
Вотъ жертву поднялъ онъ, понесъ и близъ болота
Потомъ оставилъ. Тамъ жила
Лягушка; то еще не диво:
Могла бы жить себѣ прохладно и счастливо;
Но вотъ бѣда: она завистлива была,
Зачахла съ зависти! Ей не спалось, не ѣлось,
Все птицею прослыть хотѣлось,
Чтобы объ ней заговорилъ весь лѣсъ.
Тутъ дѣло ясное: смущалъ лягушку бѣсъ.
Лукавые на это доки.
Разъ выползла, съ тоски, лягушка изъ осоки,
Глядь: на травѣ орелъ лежитъ.
Вотъ и внушилъ ей мысль прехитрую лукавый.
«Теперь-то я добьюсь извѣстности и славы!»
Лягушка говоритъ.
Тотчасъ къ покойнику орлу она прыгнула,
Заплакала, вздохнула
И причитанье затянула,
Да такъ, что изъ болотъ всѣхъ вызвала сестрицъ;
Что даже изъ лѣсу слетѣлись стаи птицъ.
«Какая горькая, ужасная утрата!»
Лягушка квакаетъ. «Лишился лѣсъ орла,
Лишилась друга я, котораго, какъ брата,
Любила я и берегла.
А вы, завистники его! теперь стыдитесь!
Въ полетѣ, кто изъ васъ сравняется съ орломъ?
Никто! Онъ былъ одинъ. Куда вы всѣ годитесь,
Хоть бы съ хваленымъ соколомъ?
Не вамъ летать, не вамъ парить подъ облаками:
Удѣлъ вашъ по землѣ таскаться съ пѣтухами!
И кто постигъ орла? Лишь я могла постичь.
Одна лишь я его цѣнила, понимала,

Digitized by Google

Да развѣ что сова, да нетопырь, да сычъ,
Мои пріятели. Толпа жъ его ругала.
Хотя орелъ толпу, какъ я же, презиралъ,
Но безъ меня бы такъ высоко не леталъ!
Онъ дружбою моей гордился, подкрѣплялся,
И оттого подъ облака взвивался.
О! будь онъ живъ еще, мы удивили бъ лѣсъ!
Да! мы съ орломъ надѣлали бъ чудесъ!
Безмѣрна въ немъ моя утрата!»
– Вы слышите ль, ребята?–
Примолвилъ тутъ дудакъ,
Изъ птицъ извѣстный всѣмъ простакъ.
– Лягушка-то летать сама, знать, торовата.
Жаль, очень жаль покойника орла!
А то у нихъ потѣха бы пошла!
Взвились бы такъ, что ай люли! мое почтенье! –
«Какое въ томъ сомнѣнье!»
Сказали хоромъ дудаки.
– Ахъ, дураки, вы, дураки.
Имъ ласточка, смѣясь, прощебетала:
– Вѣдь на покойника что̀ хочешь, то клепли.
Лягушка-то сама когда летала
Хоть на аршинъ иль на два отъ земли?
Видалъ ли кто изъ васъ? Орлу ль она подъ пару! –
«Да, слышь, она жила съ орломъ-то, что сестра;
Она ему, слышь, придавала жару,
Такъ стало быть летать сама она хитра.
Съ чего жъ взводить ей небылицы.»
И вотъ во всемъ лѣсу причли лягушку въ птицы.

Марлинъ Глаголь.

=

Digitized by Google

ГУВЕРНАНТКА.

ПОВѢСТЬ.

—

I.

Свиданіе.

— Лиза, Лиза Зернова! раздавалось въ толпѣ дѣвицъ, которыя бѣгали по корридору одного изъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ: гдѣ же эта Лиза? Mesdames, не знаете ли, гдѣ Лиза?

— А на что вамъ? спрашивало вдругъ нѣсколько голосовъ изъ другой толпы.

— Какъ на что? Въ залѣ сидитъ какая-то старушка и спрашиваетъ Лизу. Вѣрно, ея родственница. Да куда же она запропастилась?

— Куда! извѣстное дѣло, забилась куда-нибудь въ укромный уголокъ, съ своей тетрадкой: вѣдь она прилежная. Завтра же урокъ исторіи; а она изъ первыхъ у учителя исторіи.

— Ну ужъ этотъ! возразила Соня Вертушкина, съ негодованіемъ вздернувъ носикъ, я его ненавижу!

Digitized by Google

— За что, позвольте спросить?

— А зато, что madame Цирлихъ дала мнѣ препорядочный нагоняй изъ за этого господина: я забыла присѣсть передъ нимъ, когда вышла отвѣчать. Ужъ и отмстила же я ему: онъ и такъ, онъ и сякъ, чтобы заставить меня отвѣчать; а я ни гугу, не смотря на то, что отлично знала урокъ.

— Стыдно, Соня, стыдно: вѣдь онъ не виноватъ!

— Вотъ мило! да кто же виноватъ? Развѣ вы не видѣли, какъ онъ посмотрѣлъ и еще покачалъ головой? А этой madame Цирлихъ только того и надобно было: сейчасъ придралась!.... Да постойте, почтеннѣйшій, я и теперь сыграю съ вами штуку. Лиза, я навѣрное знаю, сидитъ теперь за вашимъ урокомъ: пойду, помѣшаю ей. Вы говорите, mesdames, что старушка какая-то спрашиваетъ Лизу?

— Да.

— Сейчасъ отыщу.

Пока мстительная Соня отыскиваетъ Лизу, мы пройдемъ въ-слѣдъ за толпою воспитанницъ изъ корридора въ пріемную комнату и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Долгомъ считаю напомнить читателямъ, что мы находимся въ одномъ изъ женскихъ пансіоновъ въ Петербургѣ, ровно въ двѣнадцать часовъ утра. Классы только-что кончились и до обѣда остается еще цѣлый часъ. Это часъ отдохновенія, часъ игръ, а вмѣстѣ и часъ свиданія съ родными и знакомыми, разумѣется, съ тѣми родными и знакомыми, которые не имѣютъ довольно терпѣнія, чтобы дождаться праздничнаго дня, когда воспитанницъ распускаютъ по домамъ, или которымъ крайняя надобность видѣться съ родственницами. Войдемъ же въ пріемную и вмѣстѣ рекреаціонную комнату.

Digitized by Google

Какой же тутъ крикъ, шумъ, говоръ! Сидящихъ, кромѣ посѣтителей, вы никого не найдете: все движется, все бѣгаетъ, все скачетъ. Посмотрите съ какой легкостью и какъ граціозно это осьмилѣтнее дитя прыгаетъ черезъ веревочку, или та другая дѣвочка, вся въ завиткахъ, скачетъ съ обручемъ. Въ двухъ противоположныхъ углахъ комнаты вамъ представляются двѣ отдѣльныя группы дѣтей, неутомимо перебрасывающихъ воланъ. Далѣе нѣсколько группъ воспитанницъ, которыя по старше, довольствуются просто гуляньемъ по комнатѣ.

Не менѣе живописныя группы найдете вы и между посѣтителями, которыхъ въ этотъ день набралось какъ-то больше обыкновеннаго. Всѣмъ имъ, особливо молодымъ людямъ, крайняя необходимость видѣться съ родственницами: при каждой маменькѣ, тетушкѣ или бабушкѣ найдете по меньшей мѣрѣ по парѣ сынковъ, племянничковъ, внучковъ. Вотъ, напримѣръ, хоть этотъ конно-артиллерійскій юнкеръ совершенно нечаянно явился къ тетушкѣ, когда ей нужно-было ѣхать въ пансіонъ, вызвался провожать ее и теперь, стоя за ея стуломъ, тоже совершенно невольно любезничаетъ съ хорошенькою кузиной. Желалъ бы послушать его любезностей. Должны быть хороши, потому-что заставляютъ смѣяться отъ души не только хорошенькую кузину, но еще и другаго юнкера какого-то уланскаго полка. Не думаю впрочемъ, чтобы уланъ утѣшался любезностями артиллериста: сидя далеко позади его, онъ даже и не можетъ слышать его рѣчей. Но возможно ли не улыбаться, когда видишь улыбку на хорошенькомъ личикѣ? Подлѣ улана сидитъ молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, въ черномъ фракѣ,

Digitized by Google

съ ленточкою въ петлицѣ. Онъ также частенько улыбается, хотя, кажется, ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Но это только такъ кажется: онъ глазами бесѣдуетъ со всѣми, слушаетъ всѣхъ, любуется на всѣхъ и, по-видимому, проводитъ время очень пріятно. Кто онъ, неизвѣстно; должно-быть художникъ, пришедшій выбрать головку для Психеи, или, можетъ-быть, просто любитель изящнаго, поклонникъ красоты такъ же какъ и я грѣшный. Впрочемъ не мы первые, не мы послѣдніе. Отдѣлите ровно половину изъ пришедшихъ сюда, по крайней надобности, родственниковъ, то есть, всѣхъ молодыхъ людей мужескаго пола, и попросите сказать по совѣсти: зачѣмъ они пожаловали? Отвѣтъ будетъ одинъ: посмотрѣть на хорошенькихъ. И отвѣтъ этотъ какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ; никто не въ правѣ требовать дальнѣйшихъ поясненій. Но вотъ старичекъ съ двумя звѣздами на груди; его привлекло сюда не желаніе полюбоваться на красавицъ, не двусмысленная любовь двоюродныхъ и троюродныхъ братцевъ, а любовь совершенно позволительная, которую не преслѣдуютъ даже начальства пансіоновъ, любовь родительская. За то онъ и любезничаетъ въ другомъ тонѣ: схватилъ обѣими руками хорошенькую головку своей дочери, и цѣлуетъ ее, со слезами на глазахъ. Онъ только-что пріѣхалъ изъ отдаленной губерніи и прямо изъ дорожной коляски побѣжалъ взглянуть на единственное дѣтище, съ которымъ не видался цѣлыя пять лѣтъ. Подлѣ него почтенная старушка, благословляетъ свою внучку, за то, что она хорошо учится и хорошо ведетъ себя, а растроганная внучка ловитъ ея поднятую руку, чтобы поцѣловать. Далѣе

Digitized by Google

толстый папа съ таинственнымъ видомъ вытаскиваетъ изъ кармана пакетъ съ конфектами, и старается продлить удовольствіе, которое доставляетъ ему дочка, трепещущая отъ радостнаго ожиданія великаго счастія. Противъ нихъ, съ одной стороны, тетушка даритъ племянницѣ книжку, потомъ альбомъ, потомъ шелковую косыночку, и опытнымъ наблюдательнымъ глазомъ слѣдитъ за граціозными реверансами, которыми племянница изъявляетъ свою благодарность, вовсе не подозрѣвая, что она на инспекторскомъ смотру. Съ другой, цѣлая толпа состоящая изъ одной маменьки, трехъ тетушекъ, двухъ родныхъ сестеръ, трехъ кузинъ, одного дяди и двухъ студентовъ, братьевъ, окружаютъ одну пансіонерку, и каждый и каждая долгомъ считаютъ обращаться къ ней съ вопросами, такъ, что бѣдненькая не знаетъ, кому прежде отвѣчать, и стоитъ какъ растерянная, не слышитъ даже, что одна изъ тетушекъ упрекаетъ ее въ разсѣянности.

Когда бы вздумали подслушивать, что̀ говорятъ посѣтители и посѣтительницы, мы услышали бы много хорошаго, если не въ цѣломъ, то по-крайней-мѣрѣ въ отрывкахъ, какъ напримѣръ: «Ахъ, cousin, не смѣшите!» или «Извольте, сударыня, непремѣнно написать поздравительное письмо къ дядюшкѣ Матвею Матвеевичу: онъ отказываетъ тебѣ все имѣніе, а ты.....» или «Сестра Надинька, скажи, пожалуйста, какъ зовутъ вотъ эту даму! Я не могу безъ смѣху смотрѣть на нее. — Которую, ихъ тутъ двѣ? — А вотъ ту, что̀ такъ плавно выступаетъ по залѣ?—Это мадамъ Цирлихъ. — Ну, а вотъ эта длинная и сухая? Посмотри, какъ интересно она склонила голов-

Digitized by Google

ку на сторону. — Не извольте смѣяться, братецъ, это моя дама, это мамзель Манирлихъ.»

Браво, Надинька! Именно такъ надобно отвѣчать зубоскалу, вашему братцу. Вотъ еще какой: пришелъ въ гости, да и насмѣхается надъ хозяйками! Впрочемъ, добрая Надинька, вы вѣрно не разсердились бы на вашего братца, если бы узнали, что въ свѣтѣ такъ водится: пріѣхать въ гости за тѣмъ только, чтобы посмѣяться надъ хозяевами. Вы мнѣ не вѣрите, вы готовы сказать: я презираю такихъ людей! Доброе, милое созданіе, готовьте же огромный, неистощимый запасъ презрѣнія къ тому времени, когда вамъ надобно будетъ вступить въ свѣтъ: есть кого надѣлить имъ! И вы увидите, что вашему насмѣшнику братцу достанется едва ли не малѣйшая часть вашего презрѣнія.

Двѣ дамы, обратившія на себя вниманіе насмѣшника Надинькинаго братца, — ни больше ни меньше какъ надзирательницы, классныя дамы того заведенія. Первая изъ нихъ, madame Цирлихъ, женщина не большаго роста; но дородная и съ величественной осанкой, выступаетъ шагомъ плавнымъ и размѣреннымъ; вторая, мамзель Манирлихъ, высокая и худая, торопливо перебѣгаетъ отъ одной группы дѣтей къ другой, покрикивая: Silence, mesdemoiselles, ne courez donc pas si vite. Lise! Sophie! tenez vous droit, mes enfans! и тому подобное.

По всѣмъ пріемамъ madame Цирлихъ видно, что это женщина степенная и аккуратная. Хоть бы теперь, посмотрите: она кажется напередъ положила, сколько шаговъ должно ей сдѣлать отъ одного конца залы до другаго, гдѣ остановиться, когда повернуть голову въ ту, или другую сторону. Ея чепецъ

Digitized by Google

и воротничекъ — необыкновенной бѣлизны; и все до послѣдней ленточки на ней такъ хорошо пригнано и прилажено, что пересадите одинъ бантикъ на чепцѣ ея, и мнѣ кажется, весь видъ почтенной дамы измѣнится. И не только въ отношеніи къ костюму, даже на словахъ и въ дѣйствіяхъ мадамъ Цирлихъ такова же. Ея девизъ — все должно быть прилично, все должно быть на своемъ мѣстѣ, въ свое время, въ своемъ видѣ. Правило это она заняла отъ своего покойнаго мужа, Лифляндца по происхожденію и вообще Нѣмца по аккуратности. Овдовѣвъ, мадамъ Цирлихъ нашла пріютъ для себя и своей дочери въ томъ же заведеніи, гдѣ сама нѣкогда воспитывалась. И надобно сказать, она женщина преполезная, немножко строгая, но кто строгъ къ самому себѣ, можетъ ли тотъ быть слишкомъ снисходительнымъ къ другимъ? Словомъ, madame Цирлихъ весьма достойная женщина. Тѣмъ стыднѣе зубоскалу, братцу Надиньки, дерзнувшему смѣяться надъ такой почтенной женщиной. Мамзель Манирлихъ тоже не заслуживаетъ насмѣшекъ. Это я вамъ сію минуту докажу, какъ дважды два — четыре. Для яснѣйшаго изложенія дѣла, воспользуемся фигурою сравненія, или, пожалуй, противуположенія, потому-что мамзель Манирлихъ совершенная противуположность мадамъ Цирлихъ.

Прежде всего, мадамъ Цирлихъ—мадамъ, а мамзель Манирлихъ — мамзель, что, по моему мнѣнію, двѣ совершенно противоположныя вещи. Во-вторыхъ, мадамъ Цирлихъ жила въ свѣтѣ, видѣла и знаетъ людей; мамзель Манирлихъ, хотя и однихъ съ нею лѣтъ, еще не жила въ свѣтѣ и не имѣетъ никакого понятія о людяхъ. Ея міръ — пансіонъ; а что за

Digitized by Google

стѣнами его, кромѣ нѣкоторыхъ вечеринокъ, на которыхъ она и теперь еще танцуетъ каждое воскресенье, того она не знаетъ, да и знать не хочетъ. Съ девяти до сорока лѣтъ она не покидала пансіона, живя тамъ, сначала какъ воспитанница, а потомъ какъ наставница, — что все она по необходимости должна была сдѣлать, оставшись круглою сиротою съ десятилѣтняго возраста. За неимѣніемъ родителей и родственниковъ, некому правда было приласкать ее, зато и некому было также ввести въ свѣтъ и показать, что тамъ дѣлается, — и добрая дѣвушка въ сорокъ лѣтъ осталась такою же, какою была она въ десять и потомъ въ семнадцать лѣтъ, то есть, дитятей по чувствамъ, дитятей по понятіямъ о свѣтѣ. Два, три дома, куда являлась она отъ времени до времени потанцовать, еще не могли дать ей никакого понятія ни о добротѣ, ни о злости людей. Большаго ума ей Богъ не далъ, наблюдательности также, зависти она никогда не возбуждала, сталобыть не могла навлечь на себя клеветы. Она всегда была дѣвушка добрая, безъ притязаній, въ жизнь свою никого не оскорбляла, по этому и ее оскорбить прямо, лично, было некому, не зачто да и не чѣмъ; развѣ только замѣчаніемъ, что въ ея лѣта не совсѣмъ прилично пускаться въ пляску. Но кто бы осмѣлился даже только намекнуть объ этомъ? кто дерзнетъ осудить ее за расположеніе къ веселью? Это не только мнѣ, но и каждому благомыслящему читателю показалось бы жестокою несправедливостію, нестерпимымъ тиранствомъ и притѣсненіемъ. Какъ можно запрещать веселиться человѣку, у котораго нѣтъ печалей? А какія же печали могли быть у мамзель Манирлихъ? Правда, въ періодъ времени

Digitized by Google

отъ семнадцати до тридцати лѣтъ могли запасть ей въ душу мечты, желанія. И полноте, что̀ за вздоръ! Давнымъ давно доказано, что всѣ подобныя вещи суть слѣдствія или чтенія романовъ, или преслѣдованія воздыхателей. Но романовъ мамзель Манирлихъ не читала вовсе, считая, по своимъ институтскимъ понятіямъ, этого рода книги запрещенными; а воздыхателей не существовало для нея: она никогда не была хороша собой. Но куда же ей было дѣвать весь запасъ любви, нѣжности, необходимости жить для другаго; запасъ съ такимъ избыткомъ вложенный природою въ сердце женщины? Нашлось мѣсто, нашлись люди, на которыхъ сосредоточилась вся нѣжность и попечительность доброй дѣвушки, и еще такіе люди, которые цѣнили ея заботливость, — это пятнадцать воспитанницъ, ввѣренныхъ ея попеченію и любившихъ ее больше всего на свѣтѣ,—такъ по-крайней-мѣрѣ увѣряли онѣ. И мы смѣло можемъ имъ повѣрить. Дѣйствительно, нельзя имъ было не любить своей наставницы: мамзель Манирлихъ была для нихъ не классной дамой, но такой же воспитанницей, такимъ же дитятей какъ и онѣ сами; она играла съ ними, бѣгала съ ними, даже училась съ ними. Очень часто случалось, что воспитанницы ея, сколько ни старались, никакъ не могли лучше ея выучить урока. Съ перваго взгляда можетъ-быть это вамъ покажется страннымъ: сорокалѣтняя дѣвушка играетъ, скачетъ, учитъ урокъ! Но прошу не забывать, что у насъ, въ школѣ, лѣта — послѣдняя вещь: восемь лѣтъ и сорокъ лѣтъ для насъ совершенно все равно, мы одинаково хорошо играемъ и рѣзвимся двухлѣтней дитятей и восьмидесятилѣтней бабушкой! Спрашиваю те-

*

Digitized by Google

перь: справедливы ли, у мѣста ли были насмѣшки Надинькина братца? Конечно, я и самъ не прочь посмѣяться надъ жеманствомъ сороколѣтней красавицы, интересно склоняющей головку на сторону, но отнюдь не надъ мамзель Манирлихъ, ей Богу, нѣтъ! и именно потому, что въ ней это не жеманство, а просто привычка съ семнадцатилѣтняго возраста.

Обѣ эти дамы присутствовали въ описанной мною пріемной комнатѣ для соблюденія порядка, если только можно думать о порядкѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ собрано до пятидесяти дѣтей всѣхъ возрастовъ; но главное дѣтей, только-что высидѣвшихъ цѣлые три часа сряду на классныхъ скамейкахъ. Въ то время, когда одна изъ дамъ, именно мадамъ Цирлихъ, подходила къ дверямъ, ведущимъ въ корридоръ, въ залу порхнула Соня Вертушкина, но такъ несчастливо, что очутилась носомъ къ носу съблюстительницей порядка.

— Ахъ, Sophie, Sophie, сказала почтенная дама, хоть бы ты при чужихъ-то была поскромнѣе!

— Да я, madame.....

— Да вы, мамзель, вбѣжали сюда, словно съ цѣпи сорвались. Ну, прилично ли это? Сами посудите, Взяли бы вы въ примѣръ вотъ хоть Лизу Зернову, продолжала она, показывая на дѣвушку, вошедшую въ слѣдъ за Соней, тихо, съ скромнымъ видомъ, потупленными глазами.—Да, по какому случаю ты здѣсь, милая Лиза? Кажется, тебѣ не съ кѣмъ видѣться, а бѣгать по залѣ, я знаю, ты неохотница.

— Ее спрашиваетъ какая-то дама, отвѣчала Соня Вертушкина: она, вонъ, у той стѣны.

Схвативъ Лизу за руку, Соня, почти насильно повлекла ее къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла старушка.

Digitized by Google

Пора ужъ мнѣ признаться, что героиней моего разсказа имѣетъ быть именно эта Лиза, скажемъ поучтивѣе, Лизавета Павловна Зернова, дѣвушка шестнадцати лѣтъ, долженствующая кончить, — съ полнымъ успѣхомъ, разумѣется, — курсъ наукъ черезъ шесть мѣсяцовъ. Наружность ея.....

Не пугайтесь, почтеннѣйшій читатель, не пугайтесь. Я вижу, вы уже ищете глазами, гдѣ конецъ этимъ описаніямъ, вы уже положили палецъ на уголъ листка, исчерченнаго подробностями о красотѣ моей героини. Не бойтесь, говорю, вы ничего этого здѣсь не найдете, и если зѣвота еще не одолѣла васъ, читайте все подъ рядъ. Господи, Твоя воля! да развѣ я не знаю, что вамъ уже до смерти надоѣли описанія прекрасныхъ глазъ и розовыхъ устъ, которыми набиты романы и романишки, повѣсти и повѣстишки. Но вы, вѣрно, удивитесь, можетъ-быть даже останетесь недовольными, если я вамъ скажу, что героиня моя не только не красавица, но даже и вовсе не хороша собой. Въ самомъ дѣлѣ, что въ ней хорошаго? Правда, она высока и стройна; но черты лица ея совсѣмъ не красивы, даже не правильны. А глаза просто сѣрые, и ужъ по-этому одному она, казалось бы, не годится въ героини. Но вглядитесь пристальнѣе, смотрите чаще на это не красивое лицо, и недостатки его мало-по-малу передъ вами исчезнутъ: вы найдете его недурнымъ потомъ хорошимъ и наконецъ прелестнымъ. Словомъ, чѣмъ больше смотрите вы на мою героиню, тѣмъ находите ее лучше, милѣе, и оканчиваете тѣмъ, что не можете отвести отъ нея глазъ. Лиза была изъ тѣхъ дѣвушекъ, о которыхъ говорятъ: она не хороша; но очень мила. Такъ, она не была хоро-

Digitized by Google

ца; но если справедливо, что лицо — зеркало души, то лицо моей героини было такое зеркало, въ которомъ яркими чертами отражалась добрая, нѣжная, любящая душа. Возьмите же себѣ всѣхъ красавицъ міра и дайте мнѣ существо, подобное Лизѣ, и увѣряю васъ, что, когда ваши красавицы поблекнутъ, — а это къ несчастію всегда случается, — и потеряютъ для васъ всю прелесть, я все еще буду обожать мою Лизу: шестидесяти и осьмидесяти лѣтъ она будетъ для меня такъ же мила, какъ и семнадцати лѣтъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь слышать объ этихъ счастливыхъ парочкахъ, такъ называемыхъ старичкахъ-голубкахъ? Они праздновали уже свою золотую свадьбу, а все еще съ нѣжностью смотрятъ другъ другу въ глаза; угождаютъ одинъ другому и иначе не хотятъ лечь въ могилу, какъ прикрытые одною доской. Спросите изъ нихъ мужей, я увѣренъ, они скажутъ вамъ, что супруги ихъ никогда не были хороши, но онѣ были милы, какъ моя Лиза. Не были хороши? Но развѣ это не красота, развѣ это не высшая степень красоты, душевной, нетлѣнной, не измѣняющейся отъ времени? И такъ, я пошутилъ, я солгалъ, сказавъ, что героиня моя дурна собой; нѣтъ, она красавица рѣдкая! Право, не мудрено найти свѣженькое личико, хорошенькіе глазки, которые очаруютъ васъ на нѣкоторое время. А много ли найдете вы этихъ дивныхъ созданій, по-видимому, обдѣленныхъ природой, но которыхъ черты, однажды врѣзавшись въ вашу память, никогда уже не изглаживаются.

Много замѣчательныхъ группъ видѣли мы въ залѣ пансіона; но самая замѣчательная изъ нихъ составилась теперь только.

Digitized by Google

— Лиза, Лиза, полно душенька! говоритъ старушка, отирая платкомъ слезы попеременно то себѣ, то почти на взрыдъ плачущей пансіонеркѣ: полно же, милая; взгляни, на насъ смотрятъ сосѣди.

— Милая, добрая маменька, чѣмъ же вы виноваты вы, ангелъ Божій? За что судьба такъ жестоко васъ наказываетъ? неужели за мои грѣхи? Я постараюсь исправиться, мамаша, ей Богу, постараюсь: если Оля выше меня по успѣхамъ въ наукахъ, такъ это право не потому, чтобы я хуже ея училась, а потому, что у нея лучше память. Если вы несчастны оттого, что я не первая по наукамъ, я буду ночи сидѣть, непремѣнно буду!

Какъ ни была удручена горестію старушка, мать Лизы, но она не могла не улыбнуться.

— Настоящая ты институтка, моя Лиза, сказала она, будь увѣрена, не за твои грѣхи посылаетъ мнѣ Богъ наказаніе. Впрочемъ, нѣтъ, это не наказаніе, а испытаніе, вытерпимъ его съ твердостію, дружечекъ, и Богъ будетъ къ намъ милостивъ, и добрые люди не оставятъ насъ

— Какъ, маменька! о какихъ добрыхъ людяхъ говорите вы? прервала Лиза, прикрывая разгорѣвшееся лицо платкомъ съ той стороны, гдѣ сидѣли любопытные сосѣди, не спускавшіе глазъ съ матери и дочери: добрые люди..... не думаете ли вы, что я ваша дочь, допущу васъ искать помощи у добрыхъ людей? Нѣтъ, милая маменька, если я плачу, я плачу,—и никогда не перестану плакать, — о смерти нашего добраго папаши; да, никогда, ни за что, лучше и не унимайте!

Digitized by Google

И Лиза почти завернула себѣ лицо платкомъ.

— Вотъ видишь ли, Лизочка, признаюсь, я глупо сдѣлала, что объявила тебѣ о смерти отца.

Добрая старушка замолчала на время и дала волю дочери плакать, сколько ей угодно: она по себѣ знала, что для женщины *выплакаться* великое дѣло. «Вотъ выплачется моя Лиза, думала она, такъ отъ сердца и отляжетъ!» На этотъ разъ старушка ошиблась: Лиза и не думала выплакиваться; она отняла платокъ и глаза ея были совершенно сухи, только лицо горѣло какъ въ огнѣ.

— Ты больна, Лиза?

— Нѣтъ, маменька; только мнѣ тяжело, очень тяжело, оттого, что я превозмогла себя, и видите, не плачу. Въ самомъ дѣлѣ, стыдно плакать при чужихъ; зато нынче весь день и всю ночь.....

Старушка испугалась.

— Лиза, Лиза, Богъ съ тобой, мой ангелъ; что ты это говоришь: проплакать весь день и всю ночь! Этакъ въ самомъ дѣлѣ сляжешь въ постель! Лиза, я запрещаю тебѣ..... Лиза, я умоляю тебя, милая, побереги себя! Не забывай, что у тебя есть мать, у которой ты единственное сокровище!

— Въ самомъ дѣлѣ, маменька, я и не подумала. Да, я исполню ваше приказаніе: со всѣмъ не буду плакать: не плакать надобно мнѣ, а дѣйствовать. Вы сказали, что послѣ папеньки ничего не осталось?

— Ровно ничего, душенька, такъ, что у меня едва ли наберутся двѣ-тысячи рублей; да изъ тѣхъ одну надобно заплатить за тебя. А послѣ того, вся надежда на добрыхъ людей. Въ Москвѣ у насъ есть дальніе родственники.....

Digitized by Google

— Можете ли вы на остальную тысячу рублей прожить мѣсяцовъ восемь, не прибѣгая къ добрымъ людямъ?

— О, конечно, прожить безъ претензій, а потомъ.....

— А потомъ, ужъ я знаю что̀ дѣлать; будьте спокойны; теплый уголъ и кусокъ хлѣба у васъ всегда будутъ!

— Спасибо, Лизочка, спасибо мой ангелъ! отвѣчала старушка такимъ тономъ, какъ отвѣчаетъ бабушка, гла́дя по головкѣ внучка, зато, что онъ сказалъ: «Я тебя, бабушка, наряжу въ платье золотое, серебряное, и подарю тебѣ двадцать-пять-милліоновъ-тысячъ.»

Лиза поняла это. Самолюбіе ея было сильно тронуто. Какъ! она одна дочь у матери, эта мать въ несчастіи, въ нищетѣ, и хочетъ искать помощи у чужихъ людей! Нѣтъ, никогда, никогда! Думая это, Лиза устремила взоръ на мать, и въ глазахъ ея было столько нѣжности, они выражали такую чистую любовь, такое самоотверженіе, что Лиза представилась матери какимъ-то геніемъ, ангеломъ хранителемъ, только-что слетѣвшимъ съ неба. Старушка удивилась, не понимая, что̀ сдѣлалось съ ея дочерью. Долго и пристально смотрѣла она на нее, какъ-бы старясь узнать, точно ли это ея Лиза.

— Лиза, сказала она наконецъ, знаешь ли что̀, Лиза: вѣдь ты красавица!

— Да, она красавица! повторилъ кто-то позади старой Зерновой. Но ни она, ни дочь ея не обратили на это вниманія, даже не слыхали.

Да, она красавица? повторяю я, въ-слѣдъ за неизвѣстнымъ: особенно въ эту минуту, красавица, —

Digitized by Google

не смотря на неправильныя черты лица,—я красота ея неземная! Неземная..... Божей мой, какъ низко опустилось это слово послѣ безпрерывныхъ повтореній въ романахъ и на языкѣ бальныхъ вздыхателей! очень низко, до самой земли. Какъ не много надобно въ наше время, чтобы заслужить это названіе: умильный взглядъ хорошенькихъ глазокъ, улыбка розоваго ротика..... и довольно! Нѣтъ, милостивые государи, если прославленная вами красавица невнимательно слушаетъ, когда вы разсказываете о благородномъ поступкѣ, если она равнодушно поправляетъ себѣ локоны, смотрясь въ зеркало, когда вы толкуете ей о состраданіи, о помощи ближнему, хотя подъ часъ и вскрикиваетъ отъ ужаса, когда наступите на хвостъ собакѣ, или кошкѣ, оставьте ее: такія красавицы право не рѣдкость!

— Такъ ты, Лизочка, хочешь помогать мнѣ, сказала старушка Зернова.

— Помогать вамъ, маменька; нѣтъ, душенька, я беру васъ совсѣмъ на свое попеченіе: я буду доставлять вамъ всѣ необходимое, вамъ будетъ хорошо, тепло, спокойно!

И все это Лиза говорила съ такою увѣренностію, что старушка мать смотрѣла на нее во всѣ глаза, не зная, что́ и думать. «Ужъ не нашла ли моя Лиза клада, подумала она наконецъ, или не послалъ ли ей Богъ.... Да нѣтъ, въ школѣ нельзя найти ни того, ни другаго!»

— Да растолкуй же, милая, какъ ты все это сдѣлаешь? Вѣдь не съ неба же свалятся тебѣ средства.

— Съ неба, родная мамаша, съ неба, только перейдутъ къ вамъ черезъ меня! Видите ли въ чемъ

Digitized by Google

дѣло: я дала вамъ слово, что буду первою по наукамъ, и буду, ангелъ маменька, ей Богу, буду! Кромѣ того, благодаря мамзель Маниролихъ, я самыя трудныя пьесы разыгрываю на фортепьяно à livre ouvert.

— Хорошо; да что жъ изъ этого? Не ужели ты, дочь почтеннаго человѣка.....

— Чья бы я ни была дочь, я буду помнить одно: у меня есть мать, которую я обязана беречь, лелѣять. Такъ, маменька, я стану трудиться для васъ, я пойду въ гувернантки. Мнѣ дадутъ двѣ-тысячи рублей жалованья: изъ нихъ я вамъ отдамъ тысячу-восемь-сотъ рублей..... Довольно ли вамъ тысячи-осьми-сотъ рублей?

Старушка ничего не отвѣчала: она схватила только Лизу за обѣ руки, притянула ее къ себѣ и крѣпко, крѣпко прижала къ груди. Слезы ихъ смѣшались.

Въ это время чьи-то шаги послышались въ корридорѣ.

— Ахъ, вѣрно, это идетъ нашъ несносный экономъ, сказала Лиза.

— Благодарю за комплиментъ, отвѣчалъ густой басъ, при входѣ въ залу.

Этотъ густой басъ выходилъ изъ подъ огромныхъ усовъ мосьё Лошакова, управлявшаго тѣмъ домомъ, гдѣ помѣщалось учебное заведеніе. По особымъ условіямъ съ начальницею пансіона, мосьё Лошаковъ принялъ на себя также и смотрѣніе за хозяйственною частію, порядкомъ и чистотою въ ея заведеніи, и въ вознагражденіе за это, кромѣ особыхъ доходовъ, требовалъ себѣ названія эконома, и очень обижался, когда его называли просто управителемъ. Станемъ же и мы называть его экономомъ.

Digitized by Google

— Ахъ, извините, мосьё Лошаковъ, не сердитесь на меня! сказала Лиза.

— Ничего-съ, ничего-съ, отвѣчалъ усачъ: но позвольте вамъ доложить, что собраніе давно уже кончилось; дѣвицы ушли къ столу, и вы видите, здѣсь больше никого нѣтъ!

Лиза окинула глазами комнату. Увидѣвъ молодаго человѣка, съ ленточкой въ петлицѣ, она покраснѣла, и, чтобы скрыть свое смущеніе, стала прощаться съ матерью. Экономъ тоже оглянулся и замѣтилъ незнакомца, который, по-видимому, не слыхалъ доклада, и продолжалъ сидѣть не сводя глазъ съ Лизы.

— Вѣрно, это вашъ родственникъ? сказалъ экономъ, обращаясь къ старушкѣ Зерновой.

— Нѣтъ, отвѣчала она, посмотрѣвъ на молодаго человѣка: я вовсе его не знаю.

—Позвольте вамъ доложить, что собраніе кончилось, повторилъ усачъ громче прежняго, подступивъ къ задумчивому посѣтителю.

Тотъ взялъ шляпу и молча вышелъ.

II.

Необыкновенное происшествіе.

На другой день въ пансіонѣ все шло обычнымъ чередомъ: къ девяти часамъ утра мадамъ Цирлихъ привела дѣвицъ большаго возраста, а въ томъ числѣ и Лизу, въ классную комнату. Сѣли по мѣстамъ. Уже три раза мадамъ Цирлихъ успѣла прокричать:

Digitized by Google

«Silence, mesdemoiselles!» и готовилась хлопать въ ладоши. Надобно знать, что почтенная дама больше трехъ разъ не въ состояніи была прокричать «silence»: на третьемъ разѣ она теряла голосъ и потому, для усмиренія шумящихъ, хлопала въ ладоши, или стучала линейкой по столу. Къ чести воспитанницъ однако жъ, надобно сказать, что ей рѣдко случалось прибѣгать къ ладошамъ или къ линейкѣ: обыкновенно по третьему «silence!» все утихало и сидѣло такъ смирно, что слышно было какъ муха пролетитъ. Только Соня Вертушкина выводила иногда изъ терпѣнія добрую даму. На этотъ разъ Соня что-то особенно разшалилась: едва усѣлись по мѣстамъ, а она ужъ успѣла ущипнуть своихъ сосѣдокъ, лѣвую и правую. Онѣ вскрикнули, и это заставило мадамъ Цирлихъ въ первый разъ ударить въ ладоши. Но Сонѣ не сидѣлось на мѣстѣ: она вертѣлась во всѣ стороны, ища, какъ бы пошалить. Нашла наконецъ: у Лизы Зерновой, сидѣвшей впереди ея, выставилась шпилька, которою была проколота ея коса; чего же лучше! Соня протягиваетъ потихоньку руку, вытаскиваетъ шпильку, и чудесная, длинная коса Лизы ложится вдоль спины, а гребенка со стукомъ падаетъ на столъ. Вся эта продѣлка не укрылась отъ дальновидной мадамъ Цирлихъ. Она встаетъ съ своего мѣста и подходитъ къ той скамейкѣ, гдѣ сидитъ Вертушкина.

— Послушай, Sophie, ты, кажется, хочешь непремѣнно вывести меня изъ терпѣнія?

Sophie, какъ, будто ничего не слыша, съ величайшею заботливостію перевертывала листы своей тетрадки.

Digitized by Google

— Я вамъ говорю, мамзель Вертушкина!

— Что вамъ угодно? отвѣчала шалунья тономъ невиннѣйшей изъ пансіонерокъ.

— Скажите, какая смиренница! какъ-будто это совсѣмъ не ея дѣло! Зачѣмъ вы изволили выдернуть гребенку у Лизы?

— Я, мадамъ.....

— Вы, мамзель, я все видѣла. Эй, Соня, не заставь меня прибѣгнуть въ строгимъ мѣрамъ! Въ послѣдній разъ говорю: если ты не уймешься, я наконецъ выйду изъ терпѣнія и рѣшусь снять съ тебя передникъ. Пойди, баловница, сядь на первую скамейку, чтобы я тебя видѣла..... безъ отговорокъ, безъ отговорокъ!

Сказавъ это, мадамъ Цирлихъ отправилась къ своему столику, Соня — за ней; но по дорогѣ она не могла не задѣть одну изъ пріятельницъ, и на бѣду, какъ разъ въ ту самую минуту, когда мадамъ Цирлихъ обернулась, чтобы посмотрѣть, смирно ли она идетъ.

— А! если такъ, то снимай же передникъ!

— Да я, мад.....

— Никакихъ отговорокъ, снимай передникъ!

— Ахъ! ахъ! какой срамъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Слышишь ли? сказала мадамъ Цирлихъ, ты срамишь весь классъ, а нечего съ тобой больше дѣлать, снимай передникъ!

У Сони навернулись слезы.

— Мадамъ Цирлихъ, сдѣлайте милость! ну, что это! какъ будто я маленькая!

— А! теперь вспомнила, что ты не маленькая! Да, сударыня, шутка сказать! вамъ ужъ скоро

Digitized by Google

шестнадцать лѣтъ, а шалите какъ дитя. Огорчаешь ты меня, Соня, очень огорчаешь!

— Добрый знакъ, подумала Вертушкина: стала разсуждать, такъ вѣрно проститъ. И приложась къ плечу дамы, сказала: —Душечка, милая мадамъ Цирлихъ, ради Бога, не сердитесь! Я больше всего раскаиваюсь въ томъ, что огорчила васъ: вы такія добрыя!

— Ну, Богъ съ тобой; пойди же сядь, только на первую скамейку, вотъ здѣсь, вмѣсто моей дочери, а ты Аделайда сядь на третью, вмѣсто Вертушкиной.

Мадамъ Цирлихъ сѣла за свой столикъ надѣла очки, и принялась за вышиванье, а Соня смотря на нее, придумывала какъ бы пошалить, чтобы она не увидѣла, или какъ бы попасть опять на третью скамейку.

Въ такомъ положеніи засталъ ихъ, вошедшій учитель исторіи, Платонъ Ксенофонтовичъ Аттическій. Тишина была торжественная. Но лишь-только Платонъ Ксенофонтовичъ дошелъ до половины залы, какъ со всѣхъ сторонъ раздалось; «шу-шу-шу, шушу-шу,» — такъ что мадамъ Цирлихъ, къ величайшему прискорбію своему, принуждена была въ четвертый разъ закричать: «silence, mesdemoiselles!» Это прискорбно было почтенной дамѣ не потому собственно, чтобы ей не хотѣлось лишній разъ прокричать, но потому, что приходилось кричать при учителѣ. А ужъ тысячу разъ твердила она, что гораздо строже будетъ поступать съ тѣми, которыя принудятъ ее къ этому: «Учитель, говорила она, долженъ быть увѣренъ, что вы умныя, скромныя дѣвушки: онъ не долженъ даже и подозрѣвать, что я частенько съ вами ссорюсь!» Представьте же себѣ что вопреки ея наставленіямъ, и не смотря на

Digitized by Google

то, что она строгими взглядами и разными знаками давала знать, чтобы перестали шумѣть, никто и не думалъ униматься. Правду сказать, событіе было такого рода, что шумъ, говоръ, становились неизбѣжны: событіе очень занимательное, а главное дѣло, совершенно новое, свѣжее; вѣдь на учителѣ исторіи былъ новый жилетъ! Ну, скажите, можно ли при такой важной новости не шепнуть, толкнувъ сосѣдку: — Вѣрушка, видишь?

— Что?

— Какъ что, новый жилетъ!

— Ахъ, да; какой франтъ! Кажется, бархатный жилетъ?

— Извините, просто шелковый, съ цвѣтками.

— Нѣтъ, бархатный. Нѣтъ, шелк.....

— Silence, mesdemoiselles! снова раздался повелительный голосъ, въ которомъ выражалось сильное негодованіе. Струна терпѣнія почтенной надзирательницы лопнула и произвела рѣзкій, пронзительный звукъ, который на минуту оглушилъ весь классъ. Дѣйствительно, мадамъ Цирлихъ была до крайности взволнована: она сняла очки и почти бросила на столъ. Въ это время учитель подошелъ, сказалъ ей обычное привѣтствіе, приправленное неизбѣжнымъ комплиментомъ. Надобно вамъ сказать: господинъ Аттическій считаетъ себя очень учтивымъ кавалеромъ и сверхъ того каламбуристомъ: это его слабость. Для поддержанія перваго изъ этихъ достоинствъ, доставившаго ему уроки во всѣхъ женскихъ пансіонахъ, онъ, явившись въ классъ, никакъ не рѣшится сѣсть на свое мѣсто, не раскланявшись, прежде всего, очень учтиво съ дѣвицами и не сказавъ дамѣ нѣ—

Digitized by Google

сколькихъ пріятныхъ словъ. Что жъ бы вы думали? Поговоривъ съ учителемъ, почтенная дама перестала гнѣваться и преспокойно надѣла очки. Такъ понравились ей привѣтствія его, подумаете вы? Ничего не бывало! Конечно, мадамъ Цирлихъ женщина очень деликатная, всегда очень пріятно улыбается на привѣтствія мосьѐ Аттическаго, иногда даже скажетъ ему: «покорно благодарю,» не смотря на то, что онъ говоритъ о погодѣ. А теперь она вовсе не слушала его. Нѣтъ, гнѣвъ ея прошелъ совсѣмъ отъ другой причины: она сама замѣтила, что на учителѣ новый жилетъ. «Ну, въ такомъ случаѣ шопотъ простителенъ!» думала она. Добрая женщина такъ свыклась съ понятіями своихъ воспитанницъ, что ей ни мало не казалось страннымъ считать важною новостію новый жилетъ на учителѣ.

Платонъ Ксенофонтовичъ усѣлся наконецъ на свое мѣсто, запустилъ правую руку въ карманъ фрака и вытащилъ листъ бумаги, исписанный именами воспитанницъ. Положивъ его передъ собой, прокашлявшись и поправивъ очки, онъ произнесъ протяжно:

— Если не ошибаюсь, я имѣлъ честь разсказывать вамъ въ прошедшій разъ о взятіи Константинополя турецкимъ султаномъ Мух.....

— Да-съ! прервала его Вертушкина, съ быстротою молніи вскочивъ и также проворно опустившись на мѣсто, при чемъ мадамъ Цирлихъ не могла не погрозить ей пальцемъ.

— Очень хорошо-съ, отвѣчалъ Платонъ Ксенофонтовичъ: въ такомъ случаѣ, сдѣлаютъ мнѣ честь, разскажутъ о семъ происшествіи, госпожа Цирлихъ, госпожа Зернова, госпожа Кроликова и госпожа Вертушкина.

Digitized by Google

Вамъ скучно, почтеннѣйшій читатель? Вы зѣваете отъ подробностей, которыя я описываю? Въ такомъ случаѣ закройте книгу, извольте итти спать. Желаю вамъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Я доволенъ и тѣмъ, что вы имѣли терпѣніе дочитать до-сихъ-поръ. А вамъ, прекрасныя читательницы, вамъ не скучно? Вы, которыя сами нѣкогда сидѣли на скамьяхъ какого-нибудь пансіона вы не прогнѣваетесь на меня, зато что я осмѣливаюсь напомнить вамъ былое, смѣю сказать, лучшее время вашей жизни? Сознайтесь, милостивыя государыни, — но, я думаю, вы уже не разъ сознавались, — что никогда не были вы такъ счастливы, какъ въ эти блаженные дни вашей юности, когда вы такъ весело, такъ беззаботно, не думая о будущемъ, шли, бѣжали, порхали, по пути жизни! Когда весь міръ съ его старыми новостями, всѣ радости и всѣ наслажденія и несчастія заключались для васъ въ ласковомъ или гнѣвномъ словѣ наставницы. Когда жилетъ на учителѣ исторіи, пятнышко на огромномъ носу учителя рисованія, не знаніе урока прилежнѣйшей изъ воспитанницъ были для васъ новостями дивными, необыкновенными! Когда снятіе передника казалось вамъ истязаніемъ ужаснѣе инквизиціонныхъ пытокъ, когда пробѣжать по темному корридору, или сказать эконому, что онъ такой страшный, считалось смѣлостью необыкновенной! — И оно прошло, это чудное время, оно не возвратится болѣе!.... Но, поживя въ свѣтѣ, насмотрѣвшись на людей, испытавъ горе и радости, вы еще любите переноситься мыслями къ этому прекрасному времени, вы живо представляете себѣ многіе случаи этого періода вашей жизни, вы съ любовію и благодарностью

Digitized by Google

вспоминаете о какой-нибудь доброй старушкѣ наставницѣ, учившей васъ уму-разуму! Не вышла у васъ изъ памяти и та страшная минута, когда учитель, какъ-будто на зло вамъ, какъ-будто догадавшись, что вы полѣнились, не приготовились, звалъ васъ къ отвѣту. Помните ли, какъ неохотно, съ какимъ страхомъ вставали вы по страшному призыву, какъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, вы умоляли пріятельницу: «Катя, душечка, подскажи мнѣ, ты хорошо знаешь!» Но жестокосердая эгоистка Катя не хочетъ подсказывать; а между тѣмъ спастись не возможно: дама смотритъ на васъ, неумолимый голосъ снова произноситъ ваше имя: надобно идти, что бы не случилось. А добру тутъ не случиться! Представьте же себѣ; что въ такомъ именно положеніи была Лива! Но не станемъ прерывать порядка разсказа.

Услышавъ свою фамилію, мадамъ Цирлихъ поторопилась снять очки, отложить работу въ сторону и вперила внимательный взоръ въ дочь. А дочь ея, Аделаида....., да какъ бы вамъ сказать..... это типъ Нѣмочекъ съ манерами по предписаннымъ правиламъ, съ физіономіей, ничего не выражающей и аккуратная до нельзя. Пока она собиралась идти по вызову учителя, Sophie Вертушкина, въ два прыжка, была уже подлѣ него. Но вотъ и Аделаида наконецъ выбилась изъ-за третьей скамейки, размѣренными шагами подошла къ столу педагога, сложила руки на груди, отступила шагъ назадъ и присѣла, а потомъ неподвижно остановилась въ третьей позиціи.

Мадамъ Цирлихъ потирала себѣ руку объ руку, что означало, что она совершенно довольна дочерью;

Digitized by Google

но не надѣвала еще очковъ и не принималась за работу, ожидая какъ будетъ отвѣчать дочь ея.

— Вертушкина, сказала она, почему ты на первомъ мѣстѣ, когда должна быть на четвертомъ? Вѣдь тебя послѣ всѣхъ вызывали.

— Позвольте госпожѣ Зерновой остаться на четвертомъ мѣстѣ, возразилъ Платонъ Ксенофонтовичъ: я имѣю на это свои причины. А васъ, госпожа Вертушкина, прошу встать на второе.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала мадамъ Цирлихъ. И испытаніе началось.

— Хорошо-съ, очень хорошо-съ! воскликнулъ педагогъ, когда мамзель Цирлихъ, со всею аккуратностію, со всѣми остановками, повышеніями и пониженіями голоса на приличныхъ мѣстахъ, разсказала исторію взятія Константинополя.

Успокоенная на счетъ своей дочери, мадамъ Цирлихъ съ довольнымъ видомъ надѣла очки и принялась за работу. Но ей въ ту же минуту пришлось снять очки и оставить работу, потому-что, послѣ ея дочери отвѣчала Соня. На этотъ разъ Вертушкиной пришла фантазія проговорить урокъ какъ можно невнятнѣе и какъ можно скорѣе: тра, тра, тра, и все было кончено.

— Какъ! ужъ вы кончили? сказалъ удивленный учитель.

— Да-съ, отвѣчала Соня.

— Потрудитесь еще разъ отвѣтить, примолвила мадамъ Цирлихъ такимъ голосомъ, что можно было дополнить: да берегитесь, въ этотъ разъ я уже не спущу!

— Прошу васъ, сказалъ Платонъ Ксенофонтовичъ, говорить тише и громче.

Digitized by Google

Въ этомъ собственно и заключался каламбуръ. Что это дѣйствительно былъ каламбуръ, можно было заключить изъ того, что за словами «тише и громче» слѣдовала улыбка самодовольствія и еще «хе, хе, хе,» что случалось съ Платономъ Ксенофонтовичемъ не иначе, какъ по произнесеніи чего-либо отмѣнно остраго.

Въ отвѣтъ на едва внятное «хе, хе, хе», Соня, хотя и не принимала означенныхъ словъ за каламбуръ, готовила прегромкое «ха, ха, ха,» но удержалась, потому-что мадамъ Цирлихъ ужъ черезъ чуръ грозно на нее смотрѣла. Она рѣшилась только встать такъ же неподвижно, какъ мамзель Цирлихъ, такъ же сложить руки на груди и такимъ же точно голосомъ произнести урокъ съ начала до конца. Мадамъ Цирлихъ очень хорошо видѣла, что стараются скопировать дочь ея; но она уже столько возилась въ этотъ день съ рѣзвой дѣвушкой, что ей не оставалось другаго средства развязаться съ нею, какъ притвориться, будто ничего не замѣчаетъ.

Дошла наконецъ очередь и до Лизы. Теперь только открылось, почему Платонъ Ксенофонтовичъ хотѣлъ спросить ее послѣ всѣхъ: онъ надѣялся, что Лиза своимъ отвѣтомъ затмитъ всѣхъ прочихъ, и заранѣе готовилъ себѣ удовольствіе слушать прилежную дѣвушку.

— Теперь ваша очередь госпожа Зернова! сказалъ онъ, съ торжествующимъ видомъ, поглядывая на Лизу, на мадамъ Цирлихъ и на весь классъ, какъ-будто желая сказать: «вотъ такъ надобно отвѣчать! слушайте, какъ отвѣтитъ Лиза!» Онъ съ

Digitized by Google

разстановками понюхалъ табаку, поднялъ очки на лобъ, прокашлялся и, положивъ одну ногу на другую, повторилъ: — Теперь ваша очередь!

Но Лиза все еще молчала: она сначала покраснѣла, — что впрочемъ не рѣдко съ нею случалось, — потомъ страшно побѣднѣла, за тѣмъ, на лицѣ ея, блѣдномъ и страждующемъ, появились багровыя пятна, и наконецъ, когда учитель не вытерпѣлъ, произнесъ еще разъ: «ваша очередь», удерживаемыя до того слезы брызнули изъ отуманенныхъ глазъ; она зарыдала.

У почтеннаго педагога опустились руки на столъ и очки на кончикъ носа.

— Что же это, что съ вами? воскликнулъ онъ, и услышалъ слѣдующія слова, заглушаемыя рыданіями:

— Monsieur Аттическій, я не знаю урока!

— А! Ахъ! ай! ахъ! ахъ! раздалось по всѣмъ скамейкамъ.

— Слышите, слышите, mesdames, Лиза не знаетъ урока! — Не можетъ быть? — Кто сказалъ? — Она сама. — Неправда!

Не смотря на этотъ шумъ, мадамъ Цирлихъ не въ состояніи была даже прокричать: «silence!» удивленіе оковало языкъ ея.

— Кто, вы не знаете, мамзель Зернова? вскричалъ Платонъ Ксенофонтовичъ: не вѣрю, не можетъ быть!

— Лиза, ты больна, дружочекъ! сказала наконецъ мадамъ Цирлихъ: зачѣмъ же ты пришла въ классъ?

Digitized by Google

Лиза ничего не отвѣчала: она была въ какомъ-то оцѣпенѣніи, взоры ея дико блуждали по комнатѣ, она готова была упасть. Мадамъ Цирлихъ проворно вскочила съ мѣста, взяла бѣдную дѣвушку за руку и повела ее къ дверямъ:

— Пойди, дружочекъ, лягъ; ты очень нездорова, я это вижу!

— А я всё-таки не вѣрю! кричалъ въ слѣдъ ей Платонъ Ксенофонтовичъ: я не вѣрю, мамзель Зернова, чтобы вы не знали урока. Напротивъ, вы очень хорошо знали, какъ и всегда; благодарю васъ покорно!

И во все продолженіе урока мосьё Аттическій и мадамъ Цирлихъ были какъ не свои. «Не можетъ быть!» повторилъ про-себя наставникъ. «Бѣдная Лиза!» твердила почти въ-слухъ наставница.

Какой прекрасный случай для Сони Вертушкиной, пользуясь смущеніемъ наставника и наставницы, выкинуть какую-нибудь новую штуку!

— Ничего не бывало. Она сидѣла такъ смирно, слушала, по-видимому, съ такимъ вниманіемъ, что даже и сама мадамъ Цирлихъ не могла довольно надивиться. «Ну, слава Богу, думала она, кажется, мои увѣщанія начинаютъ дѣйствовать: Соня сдѣлалась посмирнѣе.» Но дальновидная наставница и не замѣчала, что на лицѣ остепенившейся Сони написано было какое-то неудовольствіе, безпокойство, даже горесть, и въ такомъ положеніи оставалась она во весь тотъ день, даже до шести часовъ вечера. Въ это время безпокойство ея превратилось въ мученіе, навертывались даже слезы. Наконецъ она по-

Digitized by Google

дошла къ мадамъ Цирлихъ и просила позволенія сходить повидаться съ Лизой. Мадамъ Цирлихъ, вмѣсто отвѣта, смотрѣла на нее во всѣ глаза.

— Сдѣлайте милость мадамъ, пустите меня съ Лизѣ: я непремѣнно должна повидаться съ нею!

Мадамъ Цирлихъ не могла не поцѣловать смиренницу Соню.

— Хорошо, очень хорошо, что ты принимаешь такое участіе въ Лизѣ: она того заслуживаетъ! И я отпускаю тебя тѣмъ охотнѣе, что ты очень смирна сегодня!

Добрая дама забыла уже объ утреннихъ шалостяхъ.

— Лиза, добрая Лиза! говорила Соня, вбѣжавъ въ комнату, гдѣ лежала ея больная пріятельница: милая Лиза, не сердись на меня!

— Мнѣ на тебя, сердиться, Соничка? за что же, machère! Ты мнѣ ничего не сдѣлала?

— Какъ, ничего? развѣ не по моей милости ты не знала урока?

— Это какъ?

— Вѣдь я вчера отвлекла тебя отъ занятій! И теперь мнѣ стыдно, такъ стыдно!.... Тѣмъ болѣе, что я сдѣлала это съ намѣреніемъ.

— Моя добрая Соня, сказала Лиза, взявъ пріятельницу за руку: ты тутъ не виновата: и безъ тебя я не знала бы!

— Что ты говоришь, Лизочка?

— Увѣряю, что ты не виновата!

— Не вѣрю, побожись!

— Ей Богу, не виновата!

Digitized by Google

— Ну, слава Богу, слава Богу! восклицала ребвушка Соня, прыгая около постели больной подруги: и ты на меня не сердишься!

— Говорю тебѣ, мнѣ не за что сердиться.

— Такъ прощай же, дружочекъ; выздоравливай поскорѣе; мы всѣ о тебѣ очень жалѣемъ.

Сказавъ это и поцѣловавъ пріятельницу, Соня убѣжала отъ нея; и чтобы доказать, что совѣсть ея совершенно чиста и спокойна, она, въ тотъ вечеръ, ровно четыре раза вывела изъ терпѣнія добрую мадамъ Цирлихъ.

III.

Балъ на Пескахъ.

— Александръ Ивановичъ! а, Александръ Ивановичъ!.... Слышишь ли, Александръ Ивановичъ, дома ты, или нѣтъ?.... Александръ Ивановичъ, да отопри же, братецъ: вѣдь я вижу, ты сидишь тамъ у окна..... Александръ Ивановичъ, отопрешь ли ты?.... Тубо, Актеонъ, тубо, говорятъ тебѣ!.... Александръ Ивановичъ, ну, что за шутки! Мнѣ нужно поговорить съ тобой объ одномъ..... А! вотъ, кажется..... нѣтъ, сидитъ, не пошевелится: словно приросъ къ стулу!.... Удивительное дѣло, право удивительное! Дома человѣкъ, вижу, что дома, а дверей не отпираетъ!

Говорившій это, былъ длинный, неуклюжій, толстоногій господинъ, въ черномъ фракѣ,—впрочемъ не послѣдней моды, — въ бархатномъ жилетѣ, въ бѣ-

Digitized by Google

ломъ галстухѣ, съ бѣлыми лайковыми перчатками, которыя онъ носилъ не на рукахъ, а въ рукахъ, изъ предосторожности, чтобы онѣ не замарались прежде времени. Эта неуклюжая фигура заключала въ себѣ однако жъ что-то нарядное, бальное. Увидѣвъ ее, особливо съ бѣлыми лайковыми перчатками въ рукахъ, вы спросили бы: «Вѣрно на вечеръ, на свадьбу, или на крестины, или на похороны изволите ѣхать, Василій Васильевичъ?» И Василій Васильевичъ отвѣчалъ бы вамъ: «Да-съ, ѣду на балъ къ пріятелю!» Но въ эту минуту выраженіе гнѣва и нетерпѣнія на лицѣ Василья Васильевича составляло странный контрастъ съ праздничнымъ сіяніемъ его одежды.

Раздосадованный, онъ разбѣжался и, что есть силы, далъ своею массивною ногою такого толчка въ двери, что весь четырехъ-этажный домъ задрожалъ, какъ при землетрясеніи. Изъ противуположныхъ дверей, позади нетерпѣливаго гостя, явилась фигура, похожая на привидѣніе, въ бѣломъ балахонѣ, такомъ же колпакѣ, со свѣчкою въ рукахъ.

— Donnerwetter! was ist dass für ein Lärm? вскричало привидѣніе, заслоняя свѣчу рукой и вытянувъ шею: што вамъ такъ шумитъ? Здѣсь тоже есть другой люди живетъ!

— Wer ist denn da? послышался другой, женскій, пискливый голосъ изъ полуотворенной двери.

— Ein Verrückter..... ein Grobian! отвѣчало привидѣніе: што вамъ хочетъ? продолжало оно обращаясь къ посѣтителю.

— Молчи, Нѣмецъ; не твое дѣло! вскричалъ Василій Васильевичъ, и съ разбѣгу во второй разъ такъ

Digitized by Google

ударилъ ногой въ дверь, что вышибъ замочную скобку и очутился посереди комнаты, носомъ къ носу съ Александромъ Ивановичемъ Стрѣлинымъ, который съ удивленіемъ выпучилъ на него глаза. Василій Васильевичъ отступилъ на шагъ.

— Что же ты, братецъ, спросилъ онъ, умеръ что ли?

— Я? Нѣтъ.

— Такъ что жъ ты не отворяешь? Заставилъ меня ногу свихнуть объ твою проклятую дверь. Ну, какъ я буду танцовать сегодня? Свихнулъ, право свихнулъ: ужасно больно..... Что ты, спалъ что ли?

— Нѣтъ, такъ, задумался, замечтался.

— И вѣрно все объ ней?

— Объ комъ же больше!

— Странный ты человѣкъ: отыщи, да женись, вотъ и конецъ! А между тѣмъ это избавитъ твоихъ посѣтителей отъ непріятности ждать два часа въ сѣняхъ, и вывихивать ноги, дѣлаться неспособными въ танцамъ, и именно тогда, когда представляется такая прекрасная окказія, какъ намъ сегодня.

— Шутки въ сторону, любезный Василій Васильевичъ, ты толкуешь: отыщи, отыщи; ищу, братецъ, вотъ ужъ другой годъ ищу, и нигдѣ не могу найти: пропала, какъ въ воду канула! Да что толку, если бы я и отыскалъ ее: ты хлопочешь по моимъ дѣламъ и знаешь, въ какомъ онѣ положеніи.

— Правда, Александръ Ивановичъ; не хочу скрывать отъ тебя: еще ничего не рѣшено. Очень не мудрено, что дяля и оттягаетъ у тебя эти пятьсотъ душъ; а впрочемъ Богъ милостивъ. По-

Digitized by Google

эволь-ка, ты, кажется, говорилъ, что отецъ оставилъ вамъ еще триста душъ?

— Да; но я отдалъ ихъ сестрѣ, при ея замужствѣ. Матушка живетъ у нея же; и я ничего отъ нихъ не требую, а съ своего, со времени этой проклятой тяжбы, ничего не получаю, такъ и приходится жить однимъ только жалованьемъ.

— Неблагодарный! онъ еще не доволенъ своимъ жалованьемъ! Да я бы по сту разъ въ день благословлялъ судьбу, если бы попалъ, какъ ты, къ кому-нибудь по особымъ порученіямъ съ четырьмя тысячами жалованья! А ужъ о женитьбѣ нечего и говорить: давно бы былъ женатъ и обзавелся бы вотъ такими и такими! (При этомъ, поднявъ руку на аршинъ, а потомъ на полъ-аршина надъ столомъ, Василій Васильевичъ не могъ не прослезиться). А то, вотъ попробуй-ка, продолжалъ онъ, прожить на двѣ-тысячи рублей, и прокормить мать, да сестру. А! что скажешь дружище?

— Скажу я то же, что и ты мнѣ тысячу разъ говорилъ, то есть, что мѣстомъ моимъ и жалованьемъ я обязанъ связямъ и знакомству.

— Хорошо; что жъ изъ этого?

— А то, что я долженъ поддержать это знакомство.

— Конечно.

— А чтобы поддержать его, далеко не достаетъ четырехъ тысячъ. Но перестанемъ говорить объ этомъ. Скажи мнѣ лучше по какому случаю ты сегодня такъ расфрантился?

— Случай очень важный, окказія, любезный Александръ Ивановичъ, окказія: и до тебя касается.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Digitized by Google

— Да; вотъ видишь ли: повытчикъ, мой пріятель, и у котораго на рукахъ твое дѣло, купилъ на дняхъ домъ на Пескахъ, переѣхалъ въ него и на новоселье даетъ сегодня балъ.

— Все это прекрасно; но какое же мнѣ дѣло до новоселья твоего повытчика?

— Какъ какое дѣло, братецъ? Онъ честнѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ. Я обѣщалъ быть у него сегодня и привезти пару танцоровъ: я выбралъ тебя и журналиста Сусликова.

— Благодарю покорно за выборъ; только я не поѣду.

— А почему, позвольте узнать, не поѣдете вы къ такому человѣку, который можетъ быть вамъ полезенъ; а потомъ еще, къ человѣку очень порядочному, *комильфо*, — какъ говорите вы франты? И дѣйствительно онъ комильфо: сальныхъ свѣчъ, братецъ, у него никогда не увидишь, все полустеариновыя!

— Но что же скажутъ обо мнѣ, когда узнаютъ, что я былъ на балѣ на Пескахъ?

— Не люблю я, Александръ Ивановичъ, когда ты чваниться-то начинаешь. Пески! Пески! какъ будто на Пескахъ не могутъ жить порядочные люди! А я, кажется, сказалъ, что семейство повытчика очень порядочное; сказалъ ли я?

— Конечно, ты сказалъ; но.....

— Но..... но..... надѣвай фракъ, да поѣдемъ; вотъ и все тутъ!

— Нѣтъ, воля твоя, не поѣду.

— Вздоръ, поѣдешь; а не то, даю слово, скажу

Digitized by Google

повытчику, что ты изъ чванства не захотѣлъ къ нему ѣхать, и ты увидишь.....

— А я даю за тебя слово, что ты этого не скажешь.

— Такъ поѣдемъ же!

Словомъ, Василій Васильевичъ до того приставалъ къ своему пріятелю, что тотъ, волей, или неволей, а долженъ былъ съ нимъ ѣхать, только съ условіемъ, чтобы его не заставляли танцовать.

Я вамъ, почтеннѣйшій читатель, также оставляю на волю танцовать или нѣтъ. Но на балъ къ господину повытчику мы съ вами должны ѣхать, непремѣнно должны; почему знать: заведется дѣльце, и повытчикъ можетъ пригодиться! И такъ, безъ отговорокъ, снимайте халатъ, надѣвайте фракъ, и ѣдемъ.

Вотъ уже мы переѣхали черезъ Знаменскій Мостъ; вотъ мы на Конной Площади, а вотъ и Пески.

Позвольте васъ спросить: бывали ли вы когда нибудь на Пескахъ? Неужели никогда? Жаль; эта часть Петербурга достойна любопытства просвѣщеннаго наблюдателя, достойна, по своему положенію, устройству, по нравамъ и обыкновеніямъ своихъ обитателей. Я не знаю, почему всѣ наши описыватели нравовъ мелкихъ чиновниковъ и третьей гильдіи купцовъ обращаются преимущественно къ Коломнѣ. Далась имъ Коломна! А Пески чѣмъ хуже? Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ, если еще не лучше! Возьмите напримѣръ, хоть касательно топографіи: прекрасное возвышенное мѣсто, съ лучшимъ во всемъ Петербургѣ воздухомъ, такъ что лѣтомъ и дачи не надобно; тѣмъ болѣе, что при каждомъ почти до-

Digitized by Google

микѣ есть садикъ. Дѣйствительно, Пески застроены не домами, а домиками; большею частію деревянными, что опять составляетъ отличительный характеръ Песковъ, такъ, что эта часть Петербурга, можно сказать, составляетъ особенный городокъ, провинціальный, правда, но хорошенькій городокъ, съ прямыми, опрятными улицами.

Пески населены большею частію народомъ чиновнымъ, — не высшаго полета конечно; тѣмъ не менѣе однако жъ можемъ насчитать вамъ многихъ начальниковъ отдѣленій и архиваріусовъ, преимущественно изъ тѣхъ, которыхъ судьбѣ угодно было надѣлить десятками разнаго рода и названія домочадцевъ, каковы: сыновья, дочери, племянники, племянницы, тетушки, бабушки, и прочая. Они избрали Пески мѣстомъ жительства, потому особенно, что квартиры здѣсь подешевле. Ходить правда далеко къ должности; да есть утѣшеніе, а именно, увѣренность, что движеніе — вещь очень полезная здоровью. Къ тому же, на лѣто и дачи нанимать не надобно. А ужъ повытчиковъ сенатскихъ, журналистовъ разныхъ департаментовъ, отставныхъ разныхъ, статскихъ и военныхъ, живущихъ пенсіей, здѣсь безъ числа. Къ почетнѣйшимъ также обитателямъ Песковъ принадлежатъ придворные истопники, фурьеры, лакеи, полотеры, изъ которыхъ многіе успѣли завестись здѣсь самыми крошечными домиками. Этихъ господъ называютъ на Пескахъ просто придворными. Спросите напримѣръ журналиста какого-нибудь департамента, на комъ онъ женатъ, онъ отвѣтитъ: на дочери придворнаго,—разумѣй истопника,—или какого-нибудь песковаго франта: «Гдѣ служитъ вашъ ба-

Digitized by Google

тюпка?» и получите въ отвѣтъ: Онъ придворный, — разумѣй фурьеръ, — и такъ далѣе.

Квартиры на Пескахъ оченъ дешевы, а оттого эта часть города почти исключительно заселена бѣдняками. Здѣсь можно найти квартиру съ отопленіемъ, отъ десяти рублей серебромъ (цѣна самая высокая) до одного рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Но послѣдній разрядъ квартиръ извѣстенъ уже подъ названіемъ угловъ. Не подумайте однако жъ, чтобы подобные углы были гдѣ-нибудь въ подвалѣ, въ сыромъ мѣстѣ,—ничего не бывало: это прекрасные, чистые, теплые уголки. Утѣшительное заключеніе можно вывести, сравнивъ въ этомъ отношеніи нашъ единственный Петербургъ съ другими многолюдными столицами Европы, каковы напримѣръ Лондонъ и Парижъ, изъ которыхъ въ первомъ, какъ выразился Карамзинъ, кажется попираютъ бѣдныхъ ногами, а во второмъ носятъ на головахъ,— что̀ стоитъ одно другаго; сравнивъ холодъ и неопрятность парижскихъ чердаковъ съ сыростью лондонскихъ подваловъ. Между-тѣмъ какъ у насъ, бѣдняки, хоть и тѣснятся, но занимая возвышеннѣйшую часть города, а главное, размѣщаясь по маленькимъ домикамъ, не дышутъ тѣмъ тлетворнымъ воздухомъ, которымъ наполнены улицы Лондона и Парижа.

Я могу объяснить вамъ систему раздѣленія квартиръ на уголки, если она вамъ кажется непонятною.

Пройдите по любой улицѣ на Пескахъ, вы на воротахъ и окнахъ рѣдкаго дома не найдете билетиковъ съ надписями: *сдѣсь одаеца комнота для халастыхъ сапленіемъ*, къ чему прибавляется иногда

Digitized by Google

и сусѣлугою, и даже часто *и састаломъ*. Это значитъ, что какая-нибудь вдова, живущая и прокармливающая пятерыхъ ребятишекъ трудами рукъ своихъ, наняла квартиру за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, состоящую изъ двухъ комнатъ, одной побольше, въ два окна, другой самой крошечной, въ одно окно. Но, какъ квартира въ пятнадцать рублей для нея слишкомъ дорога, то она и пускаетъ въ большую комнату жильца, опять за тѣ же пятнадцать рублей. Этотъ жилецъ, большею частію изъ бѣдныхъ чиновниковъ, судя по тому какой онъ имѣетъ вѣсъ въ свѣтѣ, то есть, какое получаетъ жалованье, дѣлаетъ свои распоряженія въ разсужденіи квартиры. Если онъ получаетъ напримѣръ, тысячу-двѣсти рублей, тогда всю квартиру занимаетъ самъ; если же получаетъ только семьсотъ-пятьдесятъ, то разбиваетъ свою комнату на двѣ половины, то есть, ставитъ посереди ея ширмы, а потомъ лѣпитъ къ окну билетикъ съ надписью: *здѣсь отдается полкомнаты* и беретъ за эти полкомнаты два цѣлковыхъ. Чиновникъ, получающій только четыреста-двадцать рублей жалованья, разбиваетъ уже нанятую комнату на четыре части, такъ, чтобы на каждую четверть приходилось по полу-окну, и въ такомъ случаѣ пишетъ на билетѣ: *здѣсь отдается уголъ*. Одинъ изъ четырехъ угловъ своей квартиры занимаетъ онъ самъ, а три остальные отдаетъ по цѣлковому. Разумѣется въ каждомъ изъ такихъ угловъ могутъ помѣститься только кровать и небольшой столъ; но и это уже доброе дѣло со стороны чиновника, если возьмемъ въ соображеніе, что въ Петербургѣ много, очень много людей, могущихъ заплатить за квартиру не болѣе одного рубля серебромъ. Между-тѣмъ, хозяйка, от-

Digitized by Google

давшая одну изъ своихъ комнатъ, все еще остается въ накладѣ, потому-что она должна еще и отоплять всю квартиру; а по ея средствамъ необходимо, чтобы квартира приходилась ей почти даромъ,—у нея же, при двухъ комнатахъ, еще есть и кухня, — и вотъ она опять лѣпитъ билетикъ съ надписью: *сдесь одаецца уголъ для холастова, жить схозяйкою.* Холостой тутъ необходимое условіе: извѣстное дѣло, холостые рѣдко бываютъ дома, и хозяйкѣ полная свобода распоряжаться всею квартирой.

Такимъ образомъ, домишко въ три окна и двѣ комнаты, когда обитатели его въ полномъ комплектѣ, заключаетъ въ себѣ пятерыхъ мелкихъ чиновниковъ и вдову хозяйку съ пятью ребятишками, и того, всего на все, одиннадцать персонъ. Тѣсненько правда; но чиновники — народъ миролюбивый: каждый изъ нихъ, пришедши отъ должности, смирнехонько лежитъ въ своей каютѣ, да трубку покуриваетъ, и такимъ образомъ спокойно плыветъ по бурному океану жизни, пока вѣтеръ счастія не прибьетъ его въ гавань законнаго брака съ дочерью придворнаго, разумѣется фурьера, и къ домику въ два или три окошка въ видѣ приданаго.

Это одинъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ жителей на Пескахъ, если не принимать въ разсчетъ низшаго класса, рабочихъ и мастеровыхъ, заселяющихъ ту часть Песковъ, которая прилегаетъ къ Зимней Конной Площади и Невскому Монастырю. О, здѣсь квартиры еще дешевле: по четвертаку съ брата съ освѣщеніемъ и отопленіемъ, и здѣсь помѣщается въ одной квартирѣ уже не одиннадцать персонъ, а цѣлыхъ тридцать, или по меньшей мѣрѣ двадцать. Но

Digitized by Google

мы объ этихъ не говоримъ, у насъ рѣчь идетъ только *о благородныхъ* и *высокоблагородныхъ*. Къ послѣднимъ относятся особенно счастливцы и богачи, получающіе до двухъ-тысячъ-пяти-сотъ рублей, и болѣе, жалованья. Эти счастливцы и богачи, изъ которыхъ многіе—хозяева домовъ, живутъ здѣсь уже совсѣмъ другимъ манеромъ. Каждый изъ такихъ господъ имѣетъ при себѣ жену, а слѣдовательно и фортепьяно, кухарку и ребятишекъ; если же онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяинъ дома, то сверьхъ кухарки, есть у него и лакей, исправляющій въ то же время должность дворника, садовника, а часто и кучера. Очень у многихъ изъ такихъ господъ найдете вы дочекъ, изъ которыхъ младшія бѣгаютъ каждый день въ имѣющійся на Пескахъ пансіонъ, за что вносится, за каждую, по пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; а большія занимаются дома хозяйствомъ, или сидятъ подлѣ окна, за пяльцами. Послѣднее обстоятельство заставляетъ чиновниковъ, живущихъ по уголкамъ, очень часто прогуливаться мимо ихъ оконъ, и опаздывать къ должности, отчего рождается бездна золъ, — директорскіе выговоры, аресты, ущербъ въ наградѣ, и прочая, и прочая.

Пески почти провинціальный городокъ, но не совсѣмъ: во-первыхъ, они отличаются отъ провинціальныхъ городовъ своею опрятностію; во-вторыхъ, и по самымъ обыкновеніямъ жителей, это уже не провинція: здѣсь обѣдаютъ въ четыре часа, здѣсь толкуютъ о театрахъ, о Каратыгинѣ, о Тальони, о Петровѣ, особливо же о Григорьевѣ второмъ; здѣсь напѣваютъ куплеты изъ водевилей господина Кони, насвистываютъ аріи изъ Фенеллы и Роберта: здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ читаютъ жур-

Digitized by Google

нальныя критики и слѣдятъ за перебранками журналистовъ; сюда наконецъ, хоть и не скоро, но всё-таки скорѣе, нежели въ провинцію, доходятъ всѣ новости столичныя. Даже и касательно сплетней, это уже не провинція; но и не столица: здѣсь мы знаемъ только, что́ дѣлается въ нашей улицѣ и въ нашемъ домѣ; между-тѣмъ, какъ въ провинціальномъ городѣ, посредствомъ кумушекъ, извѣщается въ ту же минуту весь городъ, а въ Петербургѣ, напротивъ вы не знаете не только что́ дѣлается, но и кто живетъ у васъ за стѣной. Впрочемъ, Петербургъ едва ли не единственный городъ во всей Россіи, гдѣ вы можете жить въ безопасности отъ пересудовъ и сплетней, жить какъ хотите, принимать кого хотите. Оттого, не смотря на тяжелый Петербургскій климатъ, сюда переселяются часто цѣлыя семейства изъ мѣстъ отличающихся своимъ прекраснымъ здоровымъ воздухомъ, дешевизною съѣстныхъ припасовъ, обиліемъ всякихъ плодовъ и острыхъ языковъ. Пески еще не возвысились въ этомъ отношеніи до Петербурга: тамъ, живущіе въ одномъ домѣ долгомъ считаютъ освѣдомляться о домашнемъ бытѣ сосѣдей. Нужно ли говорить, что все, происхолящее на улицѣ, также не ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Три предмета особенно интересуютъ жителей Песковъ, это — шарманка, съ принадлежащими къ ней кукольною комедіей и собачьей пляской; пьяный нищій, какой-то промотавшійся купецъ, Акумовъ и пьяная же нищая Марья Ивановна. Вниманіе къ шарманкѣ—естественное слѣдствіе музыкальности жителей Песковъ. О! Пески — страна чрезвычайно музыкальная! Я уже имѣлъ честь докладывать, что тамъ напѣваютъ водевильные

Digitized by Google

куплеты и насвистываютъ оперныя аріи. Кромѣ того, во многихъ домахъ есть гитары и даже *фортапьяны.* Замѣчено, по-крайней-мѣрѣ, наблюдательными людьми, что, едва раздастся звукъ пѣсни *по улицѣ мостовой*, какъ въ ту же минуту вылѣзаютъ изъ всѣхъ подворотенъ, вмѣстѣ съ собаками, ребятишки, игравшіе на дворахъ; и въ то же время, отворяются во всѣхъ домахъ форточки и окна; высовываются головы въ колпакахъ, шапочкахъ, чепчикахъ, папильоткахъ, или просто нечесанныя, и остаются въ такомъ положеніи, пока шарманка играетъ, куклы, или собаки пляшутъ.

Шарманка ушла, мальчишки и собаки, съ крикомъ и лаемъ провожавшіе ее до конца улицы, воротились къ своимъ подворотнямъ; но они еще не лѣзутъ на дворъ, они, кажется, чего-то ждутъ, и ожиданіе не обмануло ихъ: въ концѣ улицы показалась ихъ утѣха — пьяный нищій, Акумовъ. И вотъ форточки снова отворились, колпаки, чепчики, папильотки снова высунулись, а съ ними вмѣстѣ и руки, которыя манятъ къ себѣ Акумова. Нищій, окруженный, толпою ребятишекъ, останавливается у перваго дома, гдѣ головка въ папильоткахъ говоритъ ему: «Акумовъ, попляши, грошъ дамъ!» Акумовъ, тотчасъ руки въ боки, и начинаетъ кружиться на одномъ мѣстѣ, припѣвая: *плясали дѣвки на лугу*, и прочая, и оканчиваетъ каждый куплетъ словами: *ой, батюшки, не могу, не могу, да не могу*.... Получивъ грошъ за труды, онъ отправляется къ слѣдующему дому, куда призываетъ его голова въ колпакѣ, бросающая въ то же время умильные взгляды на голову въ папильоткахъ, и повторяетъ то же самое. Такимъ

Digitized by Google

образомъ отъ дома до дома, доходитъ онъ до конца улицы. А между-тѣмъ, въ началѣ улицы новая комедія; является Марья Ивановна, предшествуемая страшною толпою ребятишекъ, которые, какъ бѣсенята, вертятся передъ нею, показываютъ ей языки и кричать: «Марья Ивановна, курицу украла!» Марья Ивановна сердится, бранится, бѣгаетъ за ними съ палкой. И снова отворяются форточки, только не вдругъ, а одна послѣ другой. По мѣрѣ того, какъ Марья Ивановна подходитъ къ какому-нибудь дому, въ немъ потихоньку отворяется форточка, высовывается нечесаная голова и, сказавъ: «Марья Ивановна, за чѣмъ курицу украла?» проворно прячется. «Ахъ, ты чертовъ сынъ, Нѣмецъ этакой, отвѣчаетъ Марья Ивановна: самъ ты курицу укралъ! Чего ты насмѣхаешься? Вишь, зубы то оскалилъ!» продолжаетъ она, показывая палкой на окно, за которымъ, нечесаная голова помираетъ со смѣху. «Дай грошъ, Полякъ, дай же грошъ, говорятъ тебѣ!» и грошъ летитъ на мостовую. Между-тѣмъ, въ концѣ улицы мальчишки всѣми силами стараются задержать Акумова до прихода Марьи Ивановны, чтобы такимъ образомъ заключить спектакль дракою двухъ нищихъ.

Таковы общественныя увеселенія жителей Песковъ. Что же сказать объ остальномъ..... но поспѣшимъ на балъ къ повытчику; тамъ я вамъ доскажу остальное.

Вотъ между тѣмъ мы въ Слоновой улицѣ, названной такъ, по догадкамъ антикваріевъ, потому, что здѣсь наиболѣе *слоняются* чиновники, живущіе по уголкамъ. А вотъ и домъ повытчика. Семь оконъ на улицу, три въ мезонинѣ. За него только-что заплачено

Digitized by Google

полтора десятка тысячъ чистаганчикомъ. Изъ-за забора выглядываетъ нѣсколько березъ,—вѣрный признакъ, что при домѣ имѣется садъ; на заборѣ сидятъ пѣтухъ и кошка,—вѣрная примѣта, что хозяйство повытчика въ добропорядочномъ состояніи; на всю улицу, раздается ревъ контрбаса и пискъ кларнета, а передъ освѣщенными окнами стоитъ толпа мужиковъ, бабъ, ребятишекъ, — наивѣрнѣйшій признакъ, что у повытчика балъ, и балъ не на шутку!

Поспѣшимъ теперь во внутренніе апартаменты.

Слава Богу, что у меня въ карманѣ есть кусокъ хлопчатой бумаги. Позвольте попросить васъ положить, на всякій случай, по кусочку въ каждое ухо. Музыка у господина повытчика конечно хорошая,—оркестръ состоитъ изъ контрбаса, віолончели, одной скрипки, одной флейты и одного кларнета,—но дѣло въ томъ, что комнаты не очень высоки и звуки кажутся немножко рѣзкими. Впрочемъ, ничего; стоитъ только привыкнуть, а это при помощи твердой воли, можно въ полчаса.

Вотъ, послѣ передней, первая и самая большая комната въ три окна. Изъ нея, съ одной стороны, дверь въ крошечный кабинетъ повытчика, гдѣ, какъ сельди въ боченкѣ, помѣщены пять музыкантовъ изъ вольнопрактикующихъ. По лицамъ виртуозовъ, вы можете догадаться, что между ними и пѣвчими въ баснѣ Крылова та существенная разница, что тѣ хоть и дерутъ, зато въ ротъ хмѣльнаго не берутъ, а эти и дерутъ и берутъ.

Какъ мы сами не желаемъ участвовать въ танцахъ, то по-крайней-мѣрѣ хоть взглянемъ на танцующихъ: право, они того заслуживаютъ!

Digitized by Google

Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ? Считая себя военнымъ, и что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самаго и танцующую съ нимъ даму. Vis-á-vis его, маленькій человѣкъ въ коричневомъ фракѣ, съ огромными мѣдными пуговицами, на которыхъ изображены розы и лиліи — журналистъ Сусликовъ, не писатель, не литераторъ, а просто сенатскій журналистъ, вписывающій ежедневно кипы бумагъ въ свои журналы, входящій и исходящій. Сусликовъ — человѣкъ порядочный; онъ обладаетъ многими прекрасными качествами, но прекраснѣйшее изъ нихъ, по собственному его признанію, страсть къ танцамъ. Господинъ Сусликовъ великій танцоръ и любезникъ, хотя множество морщинъ на лицѣ и сѣдыхъ волосъ на головѣ явно доказываютъ, что ему уже за сорокъ. Знакомства у него пропасть: пойдите на любой изъ вечеровъ на Пески, Выборгскую и Петербургскую сторону, вы его вездѣ увидите, и всегда танцующимъ въ первой парѣ. А танцуетъ онъ совсѣмъ не длятого, чтобы нѣсколько времени побыть глазъ на глазъ съ какою-нибудь хорошенькой особой; нѣтъ, хорошенькая, или не хорошенькая, молоденькая, или старенькая, ему все равно: онъ танцуетъ изъ любви къ искусству и, слѣдовательно, танцуетъ по всѣмъ правиламъ искусства. Вотъ почему на всѣхъ балахъ у повытчиковъ и придворныхъ фурьеровъ господинъ Сусликовъ сдѣлался необходимымъ дѣйствующимъ лицомъ:

Digitized by Google

безъ него и балъ не балъ, веселье не веселье: все какъ-то не клеится.

Эти два лица, то есть, фельдъегерь и журналистъ играли первыя роли въ контрдансѣ, состоявшемъ всего изъ осьми паръ. Остальные шесть кавалеровъ, затмѣваемые конечно достоинствами двухъ *вышеозначенныхъ*, были: студентъ педагогическаго института и студентъ медико-хирургической академіи, оба изъ семинаристовъ, оба родственники хозяина дома, оба въ мундирахъ, и только-что вымытыхъ, слѣдовательно, совершенно бѣлыхъ, замшевыхъ перчаткахъ; за тѣмъ: прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстухомъ; почти такого же вида, пожилыхъ лѣтъ прапорщикъ изъ военныхъ топографовъ; чиновникъ изъ управы благочинія, и, наконецъ, нашъ пріятель, Василій Васильевичъ, который засталъ кадриль уже на второй фигурѣ, но успѣлъ втереться съ своимъ vis-á-vis, топографомъ.

Но посмотримъ что̀ дѣлается въ другой комнатѣ.

Здѣсь представляются вамъ, прежде всего; два стола и за ними восемь почтенныхъ лицъ, освѣщенныхъ, кромѣ двухъ лампъ на стѣнѣ двумя нарами самыхъ лучшихъ, полустеариновыхъ свѣчъ. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ столовъ, тотъ, который придвинутъ къ дивану; а замѣчательнѣйшая изъ особъ, за нимъ сидящихъ, та сухая фигура, которая торчитъ, съ цыгаркою въ зубахъ, на диванѣ. Эта фигура — оберъ-секретарь и начальникъ нашего повытчика. Взгляните съ какимъ подобострастіемъ увивается около него этотъ маленькій человѣкъ, съ рысьими глазами, кошечьими

Digitized by Google

ухватками и въ мундирномъ фракѣ: это самъ повытчикъ. Толстая особа, сидящая противъ оберъ-секретаря, — винный откупщикъ Тимоѳей Матвеевичъ Пробкинъ. Конечно, онъ съ должнымъ благоговѣніемъ взираетъ на оберъ-секретаря; но не забываетъ и собственнаго достоинства, что явствуетъ изъ презрительныхъ взглядовъ, которые, отъ времени до времени, бросаетъ онъ на другія лица, не исключая и хозяина дома. Ему, кажется, такъ и хочется сказать: «Только и есть здѣсь порядочнаго-то, что я, да оберь-секретарь, а остальное все дрянь.»

Онъ ошибается, этотъ надмѣнный откупщикъ, онъ очень ошибается! Чтобы открыть его ошибку, намъ стоитъ только взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ сидятъ три очень почтенныя особы, предпочитающія картамъ умныя разговоры о политикѣ. Ораторъ этого собранія и главный политикъ — учитель каллиграфіи какого-то учебнаго заведенія. Слушатели его.— безногій инвалидный капитанъ и квартальный надзиратель. Въ высокомъ мнѣніи о своихъ достоинствахъ господинъ учитель каллиграфіи не уступаетъ и самому откупщику; и если онъ, не смотря на сѣдые волосы, не больше какъ четырнадцатаго класса, то въ этомъ виноватъ не онъ, а судьба.

На балѣ у повытчика предметъ ораторства учителя каллиграфіи составляло появленіе Людовика Бонапарте во Франціи.

— Бонапарте, Бонапарте! твердилъ онъ, сомнительно покачивая головою: не быть тутъ добру!

— А что же! довѣрчиво спрашивалъ безногій капитанъ.

— Какъ что; неужели вы тутъ ничего не видите?

— Я право не знаю! отвѣчалъ капитанъ.

Digitized by Google

— А я такъ знаю, сказалъ политикъ – каллиграфъ, съ видомъ проницательнаго человѣка поглядывая на своихъ собесѣдниковъ: меня не проведешь я сейчасъ вижу, что̀ замышляютъ эти Французишки.

— Неужели вы думаете.....

— Помяните мое слово, потороnился прервать политикъ, боясь, чтобы капитанъ не угадалъ и не высказалъ его мысли: помяните мое слово, если они не сдѣлаютъ его королемъ, да и шасть къ намъ.

— Можетъ ли быть! а нѣмецкая-то земля?

— Что̀ нѣмецкая земля, плевое дѣло: пафъ, пафъ, выстрѣлилъ два раза, вотъ и покорилась!

— Только я не думаю, возразилъ квартальный надзиратель, чтобы они сдѣлали его королемъ; они, говорятъ, любятъ нынѣшняго короля.

— Не вѣрьте вы имъ, почтеннѣйшій Петръ Кузьмичъ! Все вздоръ, такъ только насъ да Нѣмечину хотятъ обморочить.....

Ну, и такъ дальше, все въ этомъ родѣ. Мое дѣло было только показать образчикъ разговора о политикѣ на балѣ у повытчика, а отнюдь не пересказывать всего, что говорилъ песковый дипломатъ и каллиграфъ: это было бы безъ конца; а потому оставляю ето ораторствовать и перехожу къ Александру Ивановичу Стрѣлину, котораго мы давно уже упустили изъ виду.

Мы, которые хорошо знаемъ Александра Ивановича, конечно не повѣримъ, чтобы онъ могъ слушать разсказы каллиграфа. Однако жъ прижавшись въ углу, гдѣ засѣдала, честная компанія, онъ, казалось, исключительно былъ занятъ разговоромъ о политикѣ; только странно, что глаза его постоянно были обращены къ тому окну, неподалеку отъ

Digitized by Google

котораго сидѣлъ откупщикъ. Простоявъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, Стрѣлинъ какъ-будто вспомнилъ наконецъ о чемъ-то, и бросился въ другую комнату, гдѣ только-что кончилась кадриль. Онъ, по-видимому, шелъ на перекоръ всѣмъ приличіямъ. Уже и то неприлично было съ его стороны, что онъ вдругъ, ни съ того ни сего, бѣжитъ отъ разрѣшенія любопытнаго политическаго вопроса, и оказываетъ тѣмъ явное неуваженіе и глубокомысленному оратору, который гордясь пріобрѣтеніемъ новаго слушателя, только-что готовился выказать свое краснорѣчіе въ полномъ блескѣ. Но этого мало: увидѣвъ Василья Васильевича, въ противоположномъ концѣ комнаты, занятаго разговоромъ съ какой-то барышней, Стрѣлинъ опрометью бросился къ нему: наступилъ на платье какой-то барынѣ, и не извинился, придавилъ ногу фельдъегерю и опять не извинился; задѣлъ плечомъ за огромный эполетъ прапорщика путей сообщенія и еще разъ не извинился, такъ что за нимъ трижды раздалось: «невѣжа!» Александръ Ивановичъ ничего не видалъ, не слыхалъ, и толкнувъ еще двухъ, трехъ барынь, добрался наконецъ до своего пріятеля. Безъ церемоній, схвативъ за руку, онъ повлекъ его въ маленькій кабинетъ, изъ котораго музыканты въ это время удалились. Разумѣется, Василій Васильевичъ не вдругъ поддался ему: отбивался, сколько могъ, спрашивалъ, что ему надобно, говорилъ, что невѣжливо отвлекать такимъ образомъ кавалера отъ дамы, наконецъ называлъ сумасшедшимъ. Ничто не помогало! Александръ Ивановичъ силою тащилъ его въ кабинетъ.

— Садись, сказалъ онъ, вошедши туда, садись

Digitized by Google

и слушай. О! Василій Васильевичъ, какъ много я тебѣ обязанъ! Спасибо, тысячу разъ спасибо за то, что ты привезъ меня сюда. Обними меня, мой другъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ съ удивленіемъ Василій Васильевичъ: Ну, вотъ видишь, вѣдь говорилъ, что мы ѣдемъ къ порядочнымъ людямъ! Очень радъ, очень радъ!....

— Къ чорту, твоихъ порядочныхъ людей! Это звѣринецъ!

Василій Васильевичъ нахмурился.

— Но, милый мой Василій, какое блаженство! Въ этомъ звѣринцѣ я нашелъ одного только человѣка, больше нежели человѣка, ангела, котораго я ищу!

— Что ты говоришь? Гдѣ же, гдѣ она? Въ числѣ танцующихъ?

— Благодаря Бога, нѣтъ; она въ той комнатѣ, гдѣ играютъ.

— Покажи, братецъ; прелюбопытно посмотрѣть.

— Успѣешь; а теперь скажи мнѣ: чьи это дѣти, двѣ дѣвочки, что сидятъ въ той комнатѣ?

— Сколько я припомню, здѣсь только и есть двое дѣтей; ихъ привезъ откупщикъ Пробкинъ.

— Ну, а эта дѣвушка, которая сидитъ съ ними, вѣроятно ихъ гувернантка?

Василій Васильевичъ остолбенѣлъ.

— Такъ это твоя избранная, это та.....

— Она самая!

— Ну, вкусъ! Что въ ней....

— Василій, мой милый Василій, ты глупъ!

Digitized by Google

— Александръ Ивановичъ!

— Не сердись. Скажи, пожайлуста, ты знаешь ее?

— Какъ не знать, вѣдь я вхожъ къ нимъ въ домъ!

— Неужели?

— Да; Лизавета Павловна Зернова, очень знаю!

— Злой человѣкъ, что же ты мнѣ не сказалъ объ этомъ прежде? Вѣдь я тебѣ толковалъ, что она у кого-то въ гувернанткахъ.

— Мало ли въ Петербургѣ гувернантокъ! Если бы ты зналъ и сказалъ мнѣ ея фамилію, это другое дѣло. Да и могъ ли я воображать.....

— Не продолжай, не продолжай, а не то мы съ тобою поссоримся! Ну, слушай Василій Васильевичъ: ты долженъ познакомить меня съ ними, непремѣнно долженъ.

— Съ удовольствіемъ, братецъ! Вотъ, дай только протанцовать мазурку съ ихъ дочерью.

— Такъ у Пробкина есть и большая дочь?

— Та самая, у которой ты меня сейчасъ похитилъ. Признаюсь, я имѣю на нее виды.

— На эту толстую дуру?

— Александръ Ивановичъ!

— Ну, не сердись; мы квиты кажется. Не будемъ спорить о вкусахъ. Танцуй же, а я опять пойду туда.

Василій Васильевичъ захохоталъ, когда пріятель его вышелъ изъ кабинета. «Чудакъ, право чудакъ, этотъ Александръ Ивановичъ! Бываютъ же такіе странные вкусы!» думалъ онъ потомъ, бросая умильные взгляды на толстую дочку откупщика, съ которою намѣревался отличиться въ мазуркѣ.

Вѣрно, вамъ любопытно взглянуть на нашу

Digitized by Google

старую знакомку Лизу? Пойдемъ-те, пойдемъ-те, я вамъ покажу ее.

Вотъ она, наша Лиза, у окна, недалеко отъ того стола, за которымъ сидитъ откупщикъ. Боже! неужели это та самая Лиза, которую мы видѣли, два года тому назадъ, въ пансіонѣ? Какъ же она худа, какъ блѣдна! Какой изнеможенный, болѣзненный видъ! Бѣдная дѣвушка, неужели два года жизни въ свѣтѣ могли до такой степени измѣнить ее. Жестоко, убійственно должно-быть было для нея это время. На лицѣ ея все то же выраженіе кротости, доброты, но и горести и уныніе; видно, что несчастіе гнететъ бѣдную дѣвушку!

По обѣ стороны Лизы сидятъ двѣ дѣвочки, одна лѣтъ семи, другая лѣтъ девяти. Первая изъ нихъ, держа обѣими руками преогромный апельсинъ, прижалась къ Лизѣ, а другая, смотря на апельсинъ и поднявъ обѣ руки кверху, плачетъ, реветъ во все горло: — Машка! гадкая! дура! отдай апельсинъ!

Бѣдная страдалица Лиза должна не только возиться съ этими ребятишками и унимать ихъ, но еще слушать въ то же время и упреки отъ ихъ папеньки. Толстякъ съ гнѣвомъ, оборотясь къ ней, сказалъ: — Лизавета Павловна, что это онѣ ревутъ? хорошо ли въ чужихъ людяхъ! И какъ вы не умѣете унять дѣтей? Ну, позабавьте ихъ чѣмъ-нибудь!

Чья то рука, въ это время такъ сильно сжала ручки креселъ, на которыхъ сидѣлъ откупщикъ, что они захрустѣли. Пробкинъ оглянулся и увидѣлъ сверкающіе глаза Александра Ивановича.

— Виноватъ, сказалъ ему Стрѣлинъ, но съ такимъ выраженіемъ, что откупщикъ почти навалился на

Digitized by Google

столъ, какъ бы боясь, чтобы злой сосѣдъ не вцѣпился ему въ волосы.

— Груша, Груша, говорилъ между тѣмъ плачущей дѣвочкѣ франтъ, весь въ завиткахъ: развалившійся неподалеку, въ креслахъ: Груша, славный апельсинъ-то у Маши! Я бы на твоемъ мѣстѣ отнялъ!

И вопли глупой дѣвченки усилились.

— Петръ Тимофеевичъ! сказала Лиза, съ умоляющимъ видомъ, обращаясь къ франту, и поспѣшила отереть слезы, невольно показавшіяся на ея глазахъ.

Въ отвѣтъ на это, франтъ,—мимоходомъ сказать, сынъ откупщика, — наклонившись къ ней, шепотомъ проговорилъ:

— Еще разъ, станете ли вы со мной танцовать?

— Ради Бога! отвѣчала Лиза.

— Ну, такъ посмотрите, какъ я раздразню ихъ!

Стрѣлинъ страдалъ едва ли не больше Лизы. Наконецъ онъ рѣшился вмѣшаться въ это дѣло. Какъ разъ на ту пору политикъ-каллиграфъ держалъ въ рукѣ апельсинъ, намѣреваясь, кажется, при помощи его, объяснить своимъ слушателямъ фигуру земнаго шара.

— Кажется, вы не намѣрены кушать вашего апельсина? сказалъ, подойдя къ нему, Александръ Ивановичъ.

— Я намѣренъ отвезти его моей маленькой дочери.

— Сдѣлайте милость, отдайте его мнѣ; я сейчасъ принесу вамъ другой.

— Извольте; но.....

Не дожидаясь окончанія фразы, Александръ Ива-

Digitized by Google

новичъ вырвалъ у него апельсинъ и отправился на прежнее мѣсто.

— Кажется, этотъ господинъ немножко помѣшанъ, замѣтилъ политикъ.

— Въ такомъ случаѣ, не лучше ли его припрятать! подхватилъ квартальный надзиратель.

Между тѣмъ, Александръ Ивановичъ сидѣлъ уже подлѣ плакавшей дѣвочки.

— Посмотри, душенька, какой у меня апельсинъ! говорилъ онъ.

— Дай, дай сюда! вскричала дѣвочка.

— Изволь, дамъ; перестань плакать!

Лиза не знала, что̀ и подумать объ этой продѣлкѣ. Сначала она думала, что Александръ Ивановичъ подсѣлъ съ намѣреніемъ досаждать ей, по примѣру Пробкина, но услышавъ условіе, заключенное между Стрѣлинымъ и маленькой дѣвочкой, она готова была благодарить его. «Удивительно однако жъ, думала она, неужели нашелся наконецъ сострадательный человѣкъ не ищущій сдѣлать мнѣ зла.» Между тѣмъ, перевалившись черезъ ручку креселъ и нагнувшись почти къ самому носу Александра Ивановича, Франтъ смотрѣлъ на него сквозь лорнетъ.

— Ну, вотъ тебѣ апельсинъ! сказалъ Александръ Ивановичъ, снова обращаясь къ дѣвочкѣ: возьми, да смотри же не плачь больше, и не слушайся дураковъ: не ссорься съ сестрой!

Франтъ откачнулся въ другую сторону, бормоча что̀-то себѣ подъ носъ. Въ это время вышелъ только-что отплясавшій Василій Васильевичъ.

Digitized by Google

— Ну, что, какъ ваши дѣла, Тимоѳей Матвеевичъ?

— Плохо, сударь, Василій Васильевичъ; проигрался въ-пухъ.

— Очень жалѣю. А, кстати ты здѣсь, Тимоѳей Матвеевичъ, позвольте рекомендовать вамъ моего пріятеля, надворнаго совѣтника и кавалера, Александра Ивановича Стрѣлина?

Толстая голова откупщика вертѣлась во всѣ стороны, не видя, за хохломъ молодаго Пробкина, ничего, что бы было похоже на надворнаго совѣтника и кавалера. Василій Васильевичъ шепталъ ему: «Отличнаго ума человѣкъ и любимецъ министра.» При послѣднемъ словѣ тучное тѣло откупщика съ чудною легкостію выкинулось изъ креселъ. Александръ Ивановичъ также успѣлъ приподняться и принять на свой счетъ слова: «За особенное счастіе почту, сударь..... сударь.....»

— Александръ Ивановичъ, подсказалъ Василій Васильевичъ.

— Сударь, Александръ Ивановичъ, быть съ вами знакомымъ! Изволите служить по такому-то министерству?.... Чудный, отличный человѣкъ вашъ министръ.

— Вамъ сдавать Тимоѳей Матвеевичъ? раздалось сзади.

— Смѣю надѣяться, что вы не пренебрежете моимъ знакомствомъ! продолжалъ Тимоѳей Матвеевичъ, пятясь къ своимъ кресламъ. Усѣвшись на мѣсто, онъ началъ сдавать и заздался, потому-что въ то же время рекомендовалъ своего сына Александру Ивановичу.

Digitized by Google

— Вотъ что̀ значитъ хорошее знакомство! вскричалъ онъ, сдавши въ другой разъ: посмотрите-ка, Василій Васильевичъ, едва сдѣлали вы мнѣ честь, познакомили меня съ Александромъ Ивановичемъ, какъ вотъ, видите, полна рука козырей.

Между тѣмъ Александръ Ивановичъ блаженствовалъ. Онъ не успѣлъ еще познакомиться съ Лизой; но развѣ мало того, что, послѣ столькихъ тщетныхъ поисковъ, онъ наконецъ нашелъ ее, онъ подлѣ нея; онъ успѣлъ даже обратить на себя ея вниманіе; скажемъ пожалуй: онъ показался ей если не самымъ добрымъ изъ людей, по-крайней-мѣрѣ она не считала его въ числѣ тѣхъ, которые такъ безпощадно досаждали ей; а число ихъ, къ несчастію, было слишкомъ велико. Но обо всемъ этомъ поговоримъ послѣ; а теперь я скажу только, что тотчасъ послѣ знакомства съ Стрѣлинымъ, откупщикъ сдѣлалъ ему непріятность, ненарочно конечно, но тѣмъ не менѣе всё таки непріятность.

— Что̀ же это, Лизавета Павловна, вы остаетесь здѣсь до-сихъ-поръ, сказалъ Тимоѳей Матвеевичъ, посмотрѣвъ на часы: уже двѣнадцать часовъ; а я *приказалъ* вамъ быть дома и уложить дѣтей по-крайней-мѣрѣ въ десять.

— Мы не хотимъ спать, папенька.

Лиза поднялась; дѣвченки, приложились къ мясистой ручкѣ своего папа и, схвативъ за руки Лизу, вышли.

— Мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, подумалъ Александръ Ивановичъ, и тихомолкомъ также отправился съ бала.

*

Digitized by Google

IV.

Бѣдная Лиза.

Что такое судьба? — Игрокъ. — А люди? — Шашки. Судьба передвигаетъ и переставляетъ насъ какъ и куда вздумается; для чего, за чѣмъ? Мы не знаемъ. На это у нея свой разсчетъ.—Но каково-то бѣднымъ шашкамъ?—Что̀жъ дѣлать. На то онѣ шашки.

Да нечего сказать, мастерской ходъ сыграла судьба съ Лизою, поставивъ ее, изъ-за куска хлѣба, въ семью откупщика Пробкина! Тяжело, очень тяжело, омытый горькими слезами доставался этотъ кусокъ бѣдной дѣвушкѣ. Чтобы пояснить, почему она такъ много терпѣла въ домѣ откупщика, я долженъ сказать нѣсколько словъ о хозяинѣ этого дома и его семьѣ.

Пробкинъ изъ вольноотпущенныхъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Это доказываетъ, что онъ человѣкъ не глупый. Но всѣ способности его сосредоточивались на откупахъ и подрядахъ, и въ этомъ отношеніи Пробкинъ опередилъ многихъ изъ своихъ соперниковъ. Всѣ удивлялись искусству и ловкости, съ которыми онъ умѣлъ обработывать свои дѣла: изъ каждаго обстоятельства, по-видимому незначительнаго и оставленнаго безъ вниманія другими, онъ умѣлъ извлекать для себя выгоды, и богатство его росло быстро. За то, въ отношеніи ко всему остальному, умъ его оста-

Digitized by Google

вался на той же ступени, на какой былъ онъ, когда Пробкинъ числился между крѣпостными какого то князя. Накопленные милліоны дали ему средства жить по-барски, и откупщикъ сталъ бариномъ. Люди сказали ему, что должно позаботиться о воспитаніи дѣтей, и онъ согласился, что надобно. Началось воспитаніе младшихъ дочерей. О старшихъ заботиться прежде было нѣкогда, а потомъ оказалось поздно: выросли. Впрочемъ, онъ находилъ, что его Петръ Тимоѳеевичъ и Пелагея Тимоѳеевна ничего не потеряли, оставшись безъ всякаго воспитанія: по его мнѣнію, они и такъ хороши. Но остальнымъ двумъ дочерямъ онъ рѣшился непремѣнно дать воспитаніе, обучить. Чему и какъ — про то знаютъ учители; онъ только зналъ, что учиться можно русскому да французскому, и въ слѣдствіе такого понятія объ ученіи, рѣшился отдѣлять ежегодно на воспитаніе дочерей двѣ-тысячи рублей, одну для обученія ихъ русскому, а другую — французскому. Какой-то пріятель присовѣтовалъ ему взять мамзель, которая могла бы обучать дѣтей и тому и другому. А какъ мамзелей несчетное число видѣлъ онъ въ томъ пансіонѣ, гдѣ училась Лиза, и куда онъ нѣкогда поставлялъ съѣстные припасы, то и рѣшился адресоваться къ одной изъ воспитанницъ, нашей старой знакомой, мадамъ Цирлихъ.

— Что же можетъ быть лучшее для Лизы, подумала добрая дама, которую Лиза не задолго передъ тѣмъ просила о пріисканіи для нея мѣста гувернантки: Лизочка, дитя мое, я нашла для тебя мѣсто, и очень хорошее: тебѣ дадутъ двѣ-тысячи рублей въ годъ, и сверхъ того триста рублей за музыку. Особенно довольна я, что это не знатный

Digitized by Google

домъ, гдѣ ты была бы въ пренебреженіи; напротивъ, здѣсь, у купца, всѣ будутъ уважать тебя какъ дѣвушку хорошаго происхожденія. Сверхъ того, они хоть и богатые люди, но очень не далекіе, такъ и за познанія твои тебя также станутъ уважать: ты будешь первое, почетное лицо у нихъ въ домѣ. Только и ты не зазнавайся же: будь со всѣми добра и ласкова; но кажется, другъ мой, въ этомъ отношеніи тебѣ не нужно давать наставленій!

Это было передъ самымъ выпускомъ. Черезъ мѣсяцъ потомъ, снарядивъ и благословивъ Лизу, добрая мадамъ Цирлихъ отпустила ее на почетное мѣсто. Старушка Зернова сама отвезла ее и сдала съ рукъ на руки Пробкину, прося беречь ее и лелѣять.

Почетное мѣсто, уваженіе, потому-что эти купцы не далекіе люди..... Какъ ошиблась добрая женщина въ разсчетѣ, какъ жестоко ошиблась! Это испытала на себѣ Лиза съ перваго шага въ домъ откупщика. Вотъ что услышала она въ корридорѣ, куда выходила дверь изъ ея комнаты.

— Что это за барышню привезли сегодня къ намъ? спрашивалъ буфетчикъ, встрѣтясь съ ключницей.

— Какая, чортъ, барышня! отвѣчала послѣдняя: видали мы этакихъ барышенъ! Просто мамзель!

— А! такъ, значитъ, нашегопо ля ягода! Какъ же сказали, что генеральская дочь?

— Много этакихъ генеральскихъ дочерей, нищихъ! Пошла въ услуженіе, такъ ужъ какое тутъ генеральство. А ты, дуралей, называй ее барышней, такъ она, пожалуй, и зачванится!

Ключница говорила это громко, какъ-бы нарочно для того, чтобы Лиза услышала.

Digitized by Google

Лиза обмерла. Такъ она здѣсь, на этомъ почетномъ мѣстѣ, наравнѣ съ ключницами, няньками, горничными! Впрочемъ, вѣдь это разговоръ и мысли ключницы и буфетчика, а эти люди вездѣ наглы и дерзки. Самъ откупщикъ, вѣрно, такъ не думаетъ. Если не уваженія, по-крайней-мѣрѣ хорошаго обхожденія, ласки можно ожидать отъ него. Какое заблужденіе! Какъ-будто онъ многимъ опередилъ своего лакея и ключницу! Да, господинъ Пробкинъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе своей ключницы, и при первомъ удобномъ случаѣ, готовъ былъ доказать это на дѣлѣ. Надобно впрочемъ сказать правду: Пробкинъ былъ человѣкъ не злой, и едва ли не лучше всѣхъ обращался съ своей гувернанткой; главными же и злѣйшими врагами ея, съ перваго ея шага въ домъ откупщика, сдѣлались его сынъ и дочь, и особливо послѣдняя. Откупщикъ могъ сердиться на нее тогда только, когда считалъ въ чемъ-нибудь виноватою, впрочемъ ни зависть, ни ненависть не могли его побуждать въ счастливомъ невѣжествѣ, онъ не понималъ превосходства ея, какъ образованной дѣвушки, — ужъ не говоримъ надъ собою, но даже и надъ дѣтьми своими. Да и могъ ли онъ понимать, онъ, который думалъ, что можно учиться только русскому, да французскому, и развѣ, забавы ради, музыкѣ. При видѣ образованныхъ людей, ему бросался въ глаза только лоскъ образованія: ловкость, знаніе приличій; но и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно доволенъ дѣтьми своими. — Французскому-то правда они не такъ, чтобы очень горазды, — говорилъ онъ, — зато ужъ, сударь, что за обращеніе: хоть бы графскимъ дѣтямъ такъ въ пору! — Но ка-

Digitized by Google

сательно его сына и дочери, это совсѣмъ другое дѣло: съ перваго знакомства съ Лизой, они увидѣли неизмѣримое разстояніе между ею и собой и возненавидѣли ее, и съ этой минуты начался для нея рядъ непріятностей, рядъ страданій! Пелагея Тимоѳеевна и ея братецъ каждый день придумывали, что-нибудь новое, чтобы досаждать бѣдной дѣвушкѣ: то воспитанницы ея, дразнимыя съ утра до вечера, бранились и дрались между собой, то лакей говорилъ ей дерзости и обносилъ ее за столомъ, то ключница притворялась больною, и Лизу заставляли исправлять ея должность смотрѣть за чистотой въ домѣ,— и въ благодарность за все это терпѣть косые взгляды и выговоры отъ хозяина. Но развѣ не было у нея силъ унять балованныхъ дѣвочекъ, припугнуть лакея, сказать, что не ея дѣло замѣнять ключницу? О, конечно, будь я на ея мѣстѣ, я бы просто отколотилъи грубіяна лакея и негодную ключницу и балованныхъ дѣвченокъ; досталось бы и завистливому братцу съ сестрицей! Но представьте себѣ дѣвушку, кроткую отъ природы и сверхъ того прямо съ школьной скамейки, изъ объятій доброй наставницы, дѣвушку неопытную какъ дитя, брошенною въ этотъ адъ. Съ перваго дня, обращеніе старшихъ дѣтей Пробкина такъ озадачило, такъ отуманило ее, что она не знала, какъ поступать съ ними, что дѣлать, что говорить. И я думаю, какъ бы она ни поступала, положеніе ея не улучшилось бы. А между тѣмъ страданія продолжались и дѣлались невыносимыми. Были даже минуты, что Лиза просила Бога, прекратить ея жалкое существованіе; и это были ужаснѣйшія минуты, за которыми слѣдовали раскаяніе и новыя молитвы о прощеніи.

Digitized by Google

Нѣтъ, Лиза была еще не совсѣмъ несчастна: уже одна мысль, что она страдаетъ для матери, облегчала ея горе. Свиданіе съ нею составляли ея единственную отраду! Одинъ вечеръ въ недѣлю ей позволялось проводить у матери, и здѣсь, въ ея объятіяхъ, на ея груди старалась она забыть горести прошлой недѣли; а ласки и благословенія обожаемой приготовляли ее къ перенесенію страданій на будущей недѣлѣ. И только благословенія и ласки, но не утѣшеніе находила она у матери; потому-что та не имѣла понятія, не воображала даже о ея горестномъ положеніи дочери. Въ самомъ дѣлѣ, какъ открыть ей, что̀ терпѣла Лиза? Это убьетъ добрую старушку. Лиза рѣшилась все переносить, но не огорчать матери, тѣмъ болѣе, что старушка казалась вполнѣ счастливою. У нея была не большая, но хорошенькая, теплая квартира, недалеко отъ церкви, куда ежедневно ходила она молиться о счастьи своей Лизы, которая была для нея все: кормилица, другъ, утѣшительница! Она имѣла кусокъ хлѣба; столъ ея былъ неприхотливъ, но достаточенъ; словомъ, она жила хорошо, спокойно, жила такъ, какъ обѣщала ей Лиза; она даже пополнѣла, помолодѣла, похорошѣла, какъ говорила сама.

Если не съ матерью, по-крайней-мѣрѣ съ мадамъ Цирлихъ Лиза могла бы потолковать о своемъ положеніи. Но что̀ скажетъ эта добрая женщина, расположеніемъ которой Лиза такъ дорожила; что̀ скажетъ она, если узнаетъ, что воспитанница ея не можетъ ужиться даже и въ купеческомъ домѣ? Сверхъ того, положимъ, что Лиза оставитъ домъ откупщика; но какъ и чѣмъ жить ея матери, пока она пріищетъ новое мѣсто? И будетъ ли новое мѣсто

Digitized by Google

лучше? Если въ домѣ купца, гдѣ должны были уважать ее, съ ней обходятся такъ дурно, что жъ будетъ въ другомъ мѣстѣ, когда сама мадамъ Цирлихъ, отпуская ее къ Пробкину, сказала, что въ другомъ мѣстѣ она была бы въ пренебреженіи?

Такъ разсуждала неопытная дѣвушка и рѣшила, что ей остается только терпѣть и молиться. Но Боже мой, думала она, неужели такова же участь всѣхъ бѣдныхъ людей на свѣтѣ? неужели на такое же точно страданіе обречены всѣ эти несчастныя, которыхъ нужда заставила избрать ремесло, одинаковое съ моимъ! Бѣдныя, бѣдныя, я жалѣю о нихъ!

Жалѣемъ и мы съ вами, добрая дѣвушка! И какъ ни пожалѣть о нихъ, судите сами, какъ не пожалѣть о нихъ, когда у многихъ не истребился еще этотъ вандальскій предразсудокъ считать за ничто, наравнѣ съ горничными и нянъками особъ, которымъ поручаемъ мы то, что должно быть для насъ драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ, — воспитаніе дѣтей нашихъ; и еще такихъ особъ, которыя по образованію своему стоятъ слишкомъ высоко не только надъ всею нашею домашнею челядью, но даже не рѣдко и надъ нами самими, и которыя, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ свое униженіе! Причину этого предразсудка, мнѣ кажется, надобно искать въ неразборчивости самихъ родителей, принимавшихъ для наученія дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, всякихъ побродягъ, которые пріѣзжали къ намъ изъ-за границы. Благодаря мѣрамъ, принятымъ въ отношеніи къ иностраннымъ наставникамъ, число ихъ въ наше время, очень уменьшилось; между тѣмъ они успѣли уже поселить въ родителяхъ недовѣрчивость и неуваженіе къ званію наставниковъ. Очень

Digitized by Google

естественно. Эти выходцы, большею частію люди низкаго происхожденія, безнравственные, не могли и не хотѣли, переступая нашу границу, оставить своихъ правилъ и привычекъ, а слѣдовательно не могли и пріобрѣсти уваженія. Неуваженіе къ нимъ переродилось въ привычку, сдѣлалось предразсудкомъ, и всею тяжестію легло на тѣхъ изъ Русскихъ, которые посвящаютъ себя этому званію.

Но вы найдете уже много разсудительныхъ родителей, понимающихъ всю важность званія наставницы, отъ выбора которой зависитъ участь дѣтей ихъ, и вотъ какъ поступаютъ такіе родители. Они ни мало не страшаться взять къ себѣ въ домъ молоденькую дѣвушку, только-что оставившую школу, хотя и знаютъ о ея неопытности. Но, принявъ къ себѣ такую дѣвушку, они считаютъ ее своей старшей дочерью и ни чѣмъ не отличаютъ отъ своихъ дѣтей, такъ же строго надзираютъ за нею и такъ же пекутся объ ней, ласкаютъ ее. Ни что не можетъ быть вѣрнѣе подобнаго разсчета: ни одна ласка ихъ, ни одно доброе слово не пропадетъ: все въ десятеро передастся дѣтямъ! бѣдная дѣвушка, брошенная обстоятельствами въ чужую семью, понимаетъ и цѣнитъ хорошее обхожденіе съ нею, и на дѣтяхъ старается вознаградить то, что сдѣлали для нея родители; тѣмъ болѣе, что это для нея единственное средство показать свою благодарность. Но это еще не все, она вамъ еще больше докажетъ благодарность свою: воспитаніе дѣтей вашихъ кончено; но у васъ подросли племянницы, у васъ есть воспитанницы, пріемыши, сироты, безъ которыхъ едва ли существуетъ въ Россіи

Digitized by Google

хоть одинъ помѣщичій домъ, но для этихъ сиротъ вы не можете жертвовать тѣмъ, чѣмъ вы жертвовали для вашихъ собственныхъ дѣтей, и вотъ добрая дѣвушка, довольная вами, называющая васъ паненькой, маменькой, за ничтожную плату, даже совсѣмъ безъ платы, охотно возмется за воспитаніе сиротъ. Она, можете быть увѣрены, не позволитъ сманить себя, какъ иностранная гувернантка за пятьсотъ лишнихъ рублей въ годъ; только не считайте ее наемницей, не ставьте на ряду съ нянъками и горничными! И, кажется, она имѣетъ право на это по образованію своему, а часто и по происхожденію: отецъ ея былъ, можетъ-быть, полезный гражданинъ и заслуженный человѣкъ. Если же она, это слабое, немощное созданіе, вмѣстѣ съ тѣмъ и кормилица престарѣлой матери, маленькихъ сестеръ, братьевъ, о, тогда уважайте ее, ставьте въ примѣръ вашимъ дѣтямъ. Такой дѣвушкѣ смѣло, безъ опасенія можете вручить судьбу дѣтей вашихъ и надѣяться, что она поселитъ въ ихъ душахъ стремленіе ко всему доброму, высокому.

Полтора года страдалица Лиза жила въ домѣ откупщика, пока ей не суждено было встрѣтиться съ Стрѣлинымъ. Могла ли она вообразить, что, кромѣ матери и доброй мадамъ Цирлихъ, былъ еще на свѣтѣ человѣкъ, принимавшій въ ней участіе, хотя онъ видѣлъ ее до того времени одинъ только разъ; потому-что, если припомните, господинъ съ ленточкою въ петлицѣ, который смотрѣлъ на нее такъ пристально въ залѣ пансіона, былъ никто иной, какъ нашъ знакомецъ, Александръ Ивановичъ Стрѣлинъ. Онъ слышалъ тогда разговоръ ея съ матерью, и разговоръ

Digitized by Google

этотъ имѣлъ на него такое чудесное дѣйствіе, что съ тѣхъ-поръ мысль о благородномъ намѣреніи дѣвушки, а вмѣстѣ и объ ней самой не выходила у него изъ головы. Только дѣвушка съ такими чувствованіями, думалъ онъ, только существо, въ которомъ столько любви и самоотверженія, можетъ составить мое счастіе. И онъ не обманулся. Не обманетесь и вы, милостывые государи, если представится вамъ счастливый случай подмѣтить то, что Александръ Ивановичъ нашелъ въ Лизѣ. Но вотъ бѣда: эти вещи подмѣчаются не на балѣ и не въ гостиной; онѣ скрываются отъ насъ, онѣ часто сокрыты отъ цѣлаго свѣта, или, что еще хуже, извѣстны людямъ, не умѣющимъ ни понимать, ни цѣнить ихъ. Ожидала ли, хотѣла ли Лиза имѣть кого-нибудь свидѣтелемъ разговора своего съ матерью въ залѣ пансіона? Только случай поставилъ тутъ человѣка, умѣвшаго оцѣнить ея намѣренія. Тотъ же случай свелъ ее съ нимъ на балѣ у повытчика и показалъ весь ужасъ ея положенія.

Лиза перемѣнилась, Лиза похудѣла, и по обращенію съ ней самаго Пробкина и его сына, Стрѣлинъ догадался о причинѣ ея перемѣны, и рѣшился, на первый разъ, если не перемѣнить то по-крайней-мѣрѣ улучшить ея состояніе. Для этого нужно было ему взглянуть на нее вблизи, тѣмъ болѣе, что предположеніе о причинѣ ея перемѣны было всё-таки не больше, какъ догадка. Во всякое другое время, онъ едва ли согласился бы посѣтить откупщика, теперь онъ принялъ приглашеніе съ радостью и не давалъ отдыха Василью Васильевичу, умоляя везти его поскорѣе въ домъ Пробкина. Наконецъ, на третій

Digitized by Google

день послѣ бала, они поѣхали къ откупщику, но, увы! Лиза совсѣмъ не являлась въ гостиной. Черезъ два дня потомъ Александръ Ивановичъ снова былъ у Пробкина и опять не видалъ Лизы. Что тутъ дѣлать? Да больше ничего не остается, какъ безсовѣстно напроситься къ откупщику на обѣдъ, неужели онъ даже и за столъ съ собой не сажаетъ ея? Въ такомъ случаѣ надобно будетъ прикинуться любителемъ дѣтей. Обдумавъ все это, какъ слѣдуетъ, Александръ Ивановичъ рѣшился даже и не напрашиваться, а просто, безъ церемоній, нагрянуть къ нему въ ближайшее воскресенье во время обѣда. Онъ и исполнилъ это, и поймалъ на дѣлѣ, за исключеніемъ Петра Тимоѳеевича, всю семью Пробкина, а въ томъ числѣ и Лизу.

Можете себѣ представить, удивило ли Пробкина такое неожиданное посѣщеніе. Александръ Ивановичъ представилъ въ извиненіе, что, проѣзжая мимо, онъ не могъ не засвидѣтельствовать своего почтенія Тимоѳею Матвеевичу, но никакъ не ожидалъ найти его за столомъ.

— Мы, сударь, по просту, обѣдаемъ въ два часа; но всё-таки надѣемся, что вы не откажетесь откушать съ нами, отвѣчалъ Пробкинъ, мигая Лизѣ.

Александръ Ивановичъ догадался, что означало это миганье: Лиза должна уступить ему свое мѣсто, потому-что за столомъ не было для него прибора. Александръ Ивановичъ тотчасъ бросился къ ней.

— Прошу васъ остаться, говорилъ онъ, хватаясь за ея стулъ: я найду себѣ мѣсто. Онъ втерся между хозяиномъ и его старшею дочерью. Чтобы заставить Лизу не прятаться и послѣ обѣда. Стрѣлинъ тот-

Digitized by Google

часъ же приступилъ къ знакомству съ маленькими дочерьми Пробкина. А знакомство въ этимъ народомъ очень скоро дѣлается: ему стоило бросить въ нихъ пару хлѣбныхъ шариковъ и онъ сдѣлался ихъ пріятелемъ. Дѣвочки смѣялись, грозили ему пальцами и сами готовы были бросать въ него шариками, если бы Лиза не удержала ихъ. Тимоѳей Матвеевичъ не могъ не замѣтить: что по причинѣ такой любви къ дѣтямъ, Александру Ивановичу слѣдовало бы жениться; но произнося это, онъ задумался, провелъ рукой по лбу и значительно взглянулъ на гостя. «Ба! подумалъ онъ, да молодецъ-то не даромъ такъ часто началъ ѣздить ко мнѣ! Оно не дурно бы для Палаши: человѣкъ-то въ чинахъ, и въ силѣ у министра!» И почтеннѣйшій Тимоѳей Матвеевичъ сталъ мелкимъ бѣсомъ разсыпаться передъ Стрѣлинымъ. Когда же, послѣ обѣда, Александръ Ивановичъ заговорилъ съ его дочерью, онъ положительно нарекъ его своимъ зятемъ, и даже долгомъ счелъ удалиться къ себѣ въ кабинетъ, чтобы не мѣшать имъ покороче познакомиться. Но, толкуя съ Пелагеей Матвеевной, Стрѣлинъ держалъ за руку одну изъ маленькихъ дѣвочекъ въ которой находилъ большое сходство съ своей кузиной, Олей, хотя между ними не было никакого сходства. Александръ Ивановичъ не забылъ прибавить, что кузина его училась въ такомъ-то пансіонѣ, томъ же самомъ, гдѣ училась Лиза. Хитрость удалась.

— Какъ, развѣ Оля ваша кузина? спросила Лиза, стоявшая до того въ почтительномъ отдаленіи и не участвовавшая въ разговорѣ. За такую дерзость Пелагея Тимоѳеевна злобно посмотрѣла на нее.

Digitized by Google

— А развѣ вы ее знаете? спросилъ въ свою очередь Александръ Ивановичъ, восхищенный такимъ порывомъ любопытства.

— Какъ же, мы съ ней были большія пріятельницы. Только она вышла годомъ раньше меня.

Начались безконечныя розысканія и разспросы о томъ, что̀ Оля дѣлала въ пансіонѣ, какъ училась, какъ шалила; разсказы о томъ, гдѣ она теперь, какъ поживаетъ; отъ Оли разговоръ перешелъ на другіе предметы; слово за слово, и новые знакомцы нечувствительно проговорили цѣлый часъ. Между тѣмъ, глядь, — о ужасъ! — въ комнатѣ никого нѣтъ, кромѣ ихъ двоихъ и одной изъ маленькихъ дѣвочекъ, которую Александръ Ивановичъ все еще держалъ за руку, хотя она давно уже спала, положивъ голову къ нему на колѣни. Не могу знать, занимательный ли разговоръ или участіе Александра Ивановича въ ея судьбѣ, или что̀ другое заставили Лизу забыться такъ долго, не замѣчая, что оставалась съ гостемъ глазъ на глазъ. Она совершенно опомнилась уже тогда, когда Пелагея Тимоѳеевна опять вошла и закричала на свою спящую сестру. Лиза затрепетала: она предчувствовала, что быть бѣдѣ, и не ошиблась. За дверьми ждалъ самъ Пробкинъ, который молча проводилъ ее до дѣтской, а тамъ съ свирѣпымъ видомъ показалъ ей опрокинутый столъ, разбитый графинъ и одну изъ маленькихъ дѣвочекъ съ изрѣзанными пальцами. Хотя плачущая дѣвочка утверждала, что она, по приказанію Пелагеи Тимоѳеевны, хотѣла показать свою легкость, спрыгнуть со стола, однако жъ Тимоѳей Матвеевичъ не вѣрилъ и осыпалъ бѣдную Лизу упреками, почти ругательствами.

Digitized by Google

Не зная, не воображая какихъ хлопотъ надѣлалъ онъ въ домѣ откупщика, Стрѣлинъ бѣжалъ домой, восхищенный умомъ, образованностью своей знакомки. Въ квартирѣ у себя нашелъ онъ Василья Васильевича.

— Ты глупъ, Василій, говорилъ онъ, душа его въ объятіяхъ: ты тысячу разъ глупъ, ты милліонъ разъ.....

— Нѣтъ, послуш.....

— Ты глупъ! два милліона-пятьсотъ-тысячъ разъ серебромъ, если могъ предпочесть Лизѣ толстое дѣтище откупщика!

— Нѣтъ, послушай, Александръ Ивановичъ, я рѣшительно побилъ бы тебя за такую дерзость, если бъ не видѣлъ, что ты помѣшался. Уже это одно чего стоитъ, что̀ ты незваный отправился обѣдать къ Пробкину.

— Ничего, братецъ. Ужъ дѣлать глупости, такъ до конца! Завтра опять отправляюсь, также незваный и еще не во время.

— Это что̀ значитъ?

— Одна изъ дѣвочекъ выболтала мнѣ, что ни сестры, ни отца ея не будетъ дома завтра въ одиннадцать часовъ, и что онѣ будутъ въ это время учиться въ столовой.

— Не совѣтую; зачѣмъ мѣшать имъ? Пробкинъ и безъ того ужъ не совсѣмъ доволенъ Елизаветой Павловной.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; сверхъ того сынъ Пробкина всегда какъ-то двусмысленно улыбается, когда заговоришь объ ней. Можетъ-быть ея поведеніе.....

Digitized by Google

Александръ Ивановичъ вскочилъ.

— Выслушай меня, Василій Васильевичъ: есл подобная мысль осмѣлится еще когда-нибудь поя виться въ твоей головѣ, выкинь, истреби ее какъ можн скорѣе? Иначе даю тебѣ честное слово, что не смотря на.

Василій Васильевичъ испугался.

— Ну, полно, полно же, говорятъ тебѣ! Экъ т расходился!

Стрѣлинъ едва держался на ногахъ; липо его г рѣло, глаза сверкали.

— Такъ, кромѣ всѣхъ непріятностей, которы бѣдная дѣвушка терпитъ въ этомъ домѣ, еще клевета.....

— Быть бѣдѣ, быть бѣдѣ! говорилъ между тѣм Василій Васильевичъ, торопливо ходя по комнат Александръ Ивановичъ, продолжалъ онъ, обращая к пріятелю, заклинаю тебя всѣмъ, заклинаю твое любовью, не ходи больше къ Пробкину. Если д вушка тебѣ такъ нравится, или женись на ней, и постарайся пріискать для нея другое мѣсто; тольк ради Бога, не являйся къ Пробкину и избѣгай встр чи съ его сыномъ. Прошу тебя объ этомъ для т ей же пользы! Ну, успокойся же, одумайся и т увидишь, дѣло ли я говорю.

— Но какъ возможно, кто смѣлъ ее..... Лизу!

— Э, братецъ, на кого люди не клеветали!

— Да; но большая разница оклеветать насъ тобой, или замарать доброе имя дѣвушки.

— Такъ послушай же, вотъ что сдѣлаемъ: я б ру на себя вступиться за нее. При первомъ удо номъ случаѣ, я объявлю этому негодяю, что ес онъ осмѣлится что-нибудь говорить на ея счет такъ это не сойдетъ ему съ рукъ. Но я скажу з

Digitized by Google

хладнокровно, не горячась, много, много, что покажу вотъ эту ладонь. Согласись, что при видѣ такого убѣдительнаго доказательства уймется и не такой трусъ, какъ молодой Пробкинъ.

— Другъ, обними меня?

— Дай же слово, что, пока я не переговорю съ Пробкинымъ, ты не явишься къ нимъ въ домъ.

— Изволь; но съ тѣмъ, чтобы ты сегодня же, сейчасъ же объяснился съ нимъ. Еще не поздно: семь часовъ.

— Что за нетерпѣнье, братецъ.....

— Вася, милый, голубчикъ! сдѣлай милость, не откладывай; отправляйся сейчасъ же!

— Да дай хоть собраться съ духомъ. Вѣдь это дѣло не шуточное: можетъ легко случиться, что меня и въ шею вытолкаютъ, не говоря уже о томъ, что я потеряю прекрасную партію.

— Вася, душенька! и Стрѣлинъ надѣвалъ на голову пріятеля шляпу, накинулъ на него шинель, и не слушая возраженій, толкалъ къ дверямъ, твердя безпрестанно: Васичка, милый, красавчикъ, голубчикъ!

Милый Васичка крѣпко задумался, выходя отъ Стрѣлина. «Чортъ возьми! думалъ онъ, связался я съ этимъ сумасшедшимъ! Изъ-за чего я буду ссориться съ людьми, которые всегда ласкали меня. Молодой-то Пробкинъ, правда негодяй, и мнѣ хотѣлось бы проучить его, но отъ этого можетъ разстроиться.....» Василій Васильевичъ остановился посереди улицы. «Идти или нѣтъ?» Нѣтъ, лучше не идти..... Ба! да о чемъ же я думаю, какъ-будто непремѣнно надобно ссориться! Просто, объявлю Пробкину по секрету, что Александръ Ивановичъ влюбленъ въ

*

Digitized by Google

Елизавету Павловну и чтобъ онъ былъ при немъ осторожнѣе, вотъ и дѣло съ концемъ!» И Василій Васильевичъ благополучно отправился.

На другой день по утру, Стрѣлинъ былъ уже у Василья Васильевича; не засталъ его дома, но справившись, былъ ли вчера пріятель его у Пробкина, получилъ въ отвѣтъ, что былъ и воротился домой не очень веселымъ. «Дѣло сдѣлано!» сказалъ Александръ Ивановичъ, и отправился прямо въ домъ откупщика.

Такъ и случилось, какъ расчитывалъ Стрѣлинъ: онъ нашелъ дома только Лизу и дѣтей. Но не въ такомъ страшномъ видѣ думалъ онъ найти ее: Лиза была необыкновенно блѣдна, глаза ея еще краснѣли отъ слезъ; лицо и все положеніе ея выражало такое глубокое душевное страданіе, что молодой человѣкъ ужаснулся. Увидя его, Лиза больше испугалась, нежели обрадовалась.

— Вы, вѣрно, нездоровы? спросилъ Стрѣлинъ.

Вмѣсто отвѣта, двѣ крупныя слезы выкатились изъ глазъ дѣвушки. Она взглянула на Стрѣлина, какъ-бы желая спросить: неужели въ самомъ дѣлѣ мои страданія могутъ васъ тронуть? и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ, когда Александръ Ивановичъ, съ непритворнымъ участіемъ торопливо сталъ распрашивать объ ея положеніи, о хозяинѣ дома, объ его дѣтяхъ, о томъ, каково съ ней обращаются. Но сколько онъ ни распрашивалъ, ничего не могъ вывѣдать; ни жалобы, ни упрека на безчеловѣчное семейство откупщика не услышалъ онъ отъ доброй дѣвушки: она винила только себя въ непріятностяхъ, которыя случалось ей терпѣть.

Digitized by Google

Замѣтно было однако жъ, что главнымъ врагомъ ея была Пелагея Тимоѳеевна. Въ это время вошелъ лакей Пробкина; поднявъ голову, и размахивая руками онъ вступалъ сильнѣе нежели нужно, чтобы ступить твердо,—признакъ, что господъ нѣтъ дома, и что онъ самъ себѣ большой.

— Отнесъ, сказалъ онъ громко, остановясь передъ Елизаветой Павловной.

— Ну, спасибо любезный, и засталъ дома?

— Да; къ обѣдни собирается и велѣла вамъ сказать, что ждетъ васъ къ себѣ обѣдать.

— Хорошо, хорошо, спасибо!

— Только-то! а на водочку обѣщали?

Лиза покраснѣла, взглянувъ на Александра Ивановича, который такимъ образомъ, случайно сдѣлался свидѣтелемъ наглаго обращенія съ ней лакея. Она поспѣшно вынула изъ ридикюля серебряную монету и отдала лакею. Тотъ взялъ, почесалъ себѣ голову и медленно пошелъ къ дверямъ, разсуждая про-себя, въ-слухъ.

— Да стоило ли сапоги драть изъ-за четвертака? хоть бы полтинникъ дали?.... Ладно же, въ другой разъ сама сходишь.

Онъ хлопнулъ дверью. Лиза вспыхнула и поблѣднѣла.

— Какую важную услугу оказалъ вамъ этотъ дерзкій холопъ? спросилъ Стрѣлинъ.

— Сегодня день имянинъ моей маменьки; я посылала поздравить ее и отнести чепчикъ моей работы.

Пользуясь случаемъ Стрѣлинъ разспросилъ Лизу объ ея матери, узналъ даже, гдѣ она живетъ.

Digitized by Google

Въ сосѣдней комнатѣ, послышался шумъ. Чере
минуту вошелъ Пробкинъ. Протянувъ руку къ Ал
ксандру Ивановичу, онъ насмѣшливо посмотрѣлъ
Лизу. Александръ Ивановичъ не замѣтилъ этого, п
тому-что старался придумать предлогъ своему пос
щенію, и выдумалъ, что ему нужно переговори
съ откупщикомъ объ одномъ очень важномъ дѣл

— Онъ сейчасъ пріѣдетъ, отвѣчалъ молодой Про
кинъ; а между тѣмъ, неугодно ли вамъ пройти
мнѣ, попробовать чудныхъ регалій, которыхъ
только-что купилъ?

Отказаться было не ловко, и они пошли.

— Знаете ли что̀, Александръ Ивановичъ, ск
залъ Пробкинъ, усаживая Стрѣлина въ своемъ к
бинетѣ и подавая ему сигару: знаете ли что̀: вѣ
я васъ ревную!

— Въ самомъ дѣлѣ; къ кому?

— Да хоть бы къ Лизаветѣ Павловнѣ.

Александръ Ивановичъ никакъ не ждалъ этог
онъ посмотрѣлъ на Пробкина какъ можно сердит
въ надеждѣ, что онъ уймется. Но Пробкинъ
унимался.

— Вы, говорятъ, вчера цѣлые два часа просид
ли съ ней наединѣ, и сегодня, чѣмъ свѣтъ, вы у
подлѣ нея!

— Что̀ жъ изъ этого?

— Ну, то, что я ревную: я самъ ухаживаю
ней.....

Кровь начинала уже кипѣть въ жилахъ Стрѣ
на; но все еще, не желая ссориться съ Пробкины
онъ довольно хладнокровно сказалъ:

— Почтеннѣйшій, будемъ откровенны: эта дѣ
шка вамъ совсѣмъ не пара. Если вы думаете....

Digitized by Google

— Ха, ха, ха! Кто жъ вамъ сказалъ, что она можетъ быть мнѣ парой. Дѣло обойдется.....

Лихорадка трясла между тѣмъ Александра Ивановича, кулаки его судорожно сжимались. Увидѣвъ, наконецъ, чѣмъ должна кончиться послѣдняя фраза Пробкина, онъ не далъ ему договорить.

— Молчи, негодяй! закричалъ онъ, бросивъ въ сторону недокуренную сигару и вытянувшись во весь ростъ: какъ смѣешь ты клеветать на благородную дѣвушку!

Испуганный Пробкинъ пятился къ дверямъ, Стрѣлинъ его преслѣдовалъ.

— Милостивый государь! сказалъ наконецъ первый: вы меня обидѣли, и я требую удовлетворенія!

— Удовлетворенія, тебѣ, мужику, удовлетворенія! куда же ты пятишься?

— Я вижу, вы съ ума сошли! Извольте идти вонъ, иначе я позову людей! А между тѣмъ, если вы благородный человѣкъ, завтра въ шесть часовъ вечера вы явитесь къ Выборгской Заставѣ: я жду васъ съ пистолетами; секундантовъ не нужно.

Сказавъ это, Пробкинъ хлопнулъ дверью и скрылся.

Только подходя къ своей квартирѣ, Стрѣлинъ опомнился и пришелъ въ себя. Глупою, смѣшною и жалкою показалась ему тогда вся эта сцена съ сыномъ откупщика. Ему стыдно стало, когда онъ разсудилъ, что этотъ жалкій негодяй могъ вывести его изъ себя. Но вотъ, что странно: неужели Василій Васильевичъ ничего не говорилъ Пробкину. Если говорилъ, то дерзость этого негодяя слишкомъ велика и его надобно наказать! А между тѣмъ необходимо узнать, исполнилъ ли Василій Васильевичъ

Digitized by Google

свое обѣщаніе. Но, явившись домой, Стрѣлинъ забылъ и о Васильѣ Васильевичѣ и о Пробкинѣ; только Лиза и ея страшная участь были у него на умѣ. «Да, я освобожу ее, я вырву ее изъ этого ада, говорилъ онъ, я долженъ освободить ее! Бѣдная, несчастная дѣвушка!.... Но какъ это сдѣлать?

Онъ въ раздумьѣ ходилъ изъ угла въ уголъ. Наконецъ, какая-то счастливая мысль мелькнула у него въ головѣ и онъ ухватился за нее, сѣлъ за столъ, взялъ листъ бумаги и принялся писать.

V.

Неизвѣстная благотворительница.

День ангела старой Зерновой начался для нея необыкновенно хорошо; въ то время, когда она собиралась итти къ обѣднѣ, ей принесли поздравленіе и подарокъ отъ Лизы.

— Агаѳья, Агаѳья! вскричала старушка, едва помня себя отъ радости, посмотри, какой подарокъ Лизочка мнѣ прислала:

И развернувъ чепчикъ, она, со слезами на глазахъ, цѣловала его. Потомъ встала передъ зеркаломъ и начала, примѣривать обновку.

— Посмотри-ка, Агаѳья, какая прелесть! Не правдали, что я хороша въ этомъ чепчикѣ?

— Хороши, матушка, ужъ какъ же не хороши! отвѣчала старая служанка, бывшая нѣкогда няней у Лизы.

Digitized by Google

— Хороша, говоришь ты, и молода не правда ли? Да какъ не помолодѣть мнѣ, когда моя Лизочка, моя милая, дорогая Лизочка такъ лелѣетъ меня?

Старушка сняла чепчикъ и, обливаясь слезами, начала цѣловать на немъ всѣ ленточки, всѣ бантики, приговаривая: «Моя милая, родная, ненаглядная!»

— Посмотри-ка, Агаѳья, продолжала она, снова становясь передъ зеркаломъ и надѣвая чепчикъ, посмотри-ка, я думаю вотъ такъ лучше. Хорошо ли такъ?

— Да ужъ какъ не надѣньте, все хорошо.

— Правда, правда, что̀ отъ Лизочки, то все хорошо: а вѣдь этотъ чепчикъ отъ Лизы, и ея собственной работы!

— Слышала, матушка, слышала!

Казалось, старушкѣ мало было одного свидѣтеля ея радости. Она подошла къ окну, ей хотѣлось остановить всѣхъ приходящихъ и сказать имъ: «Посмотрите какую обновку прислала мнѣ Лиза. Она сама надъ ней трудилась!»

— Да скажи же, Агаѳья, хорошъ ли мой чепчикъ? говорила она потомъ, опять любуясь на себя въ зеркалѣ.

— Хорошъ, матушка, отвѣчала Агаѳья въ сотый разъ, ужъ такъ-то хорошъ, что и сказать нельзя.

— Ну то-то же; вѣдь его Лизочка мнѣ прислала!

И снова слезы, снова благословенія на обожаемую дочь.

Потомъ старушка задумалась. «Какъ жаль, думала она, что Лиза моя не совсѣмъ здорова. Только это и сокрушаетъ меня. Худѣетъ бѣдненькая и ума

Digitized by Google

не приложу, отъ чего: житье ей кажется хороше
впрочемъ, и то сказать, всё-таки въ разлукѣ
матерью! Какъ бы хотѣлось пожить съ ней, гол
бушкой; еще больше хотѣлось бы поняньчить
своихъ рукахъ..... Охъ, я старая грѣшница, ма
мнѣ, что у меня есть хлѣбъ насущный! Не будь
меня дочери, что̀ бы я стала дѣлать, нищая?..
Что̀ же дѣлать, таковъ ужъ человѣкъ, все хочет
лучше! А правду сказать, продолжала она, возвра
щаясь къ любимой мысли, спокойно бы закры
глаза, если бы..... Однако жъ благовѣстятъ, ка
жется, Агаѳья, прислушайся-ка.

— Давнымъ давно, сударыня.

— Что̀ жъ ты мнѣ не скажешь?

— Да ужъ я много разъ докладывала, да вы в
не слушаете.

— Ахти, не опоздать бы!

Накинувъ салопъ, старушка побѣжала къ обѣдн

— Ну, Агаѳья, говорила она; возвратясь изъ цер
ви, скоро ли у тебя будетъ все готово? Смотри ж
чтобы намъ не ударить лицомъ въ грязь: угостим
Лизо́чку на славу! Постели скатерть и салфет
самыя чистыя; да не забудь вынуть серебряные н
жикъ и вилку. Ихъ положи для гостьи, а я мо
поѣсть и простыми. Да что̀ же ты не прибере
порядочно комнатъ? Стыдно будетъ такъ принима
дорогую гостью; надобно, чтобы все было особен
чисто и опрятно; вѣдь у меня сегодня праздникъ!.
Ахъ, Боже мой! совсѣмъ изъ головы вонъ!.... П
рожнаго-то, ея любимаго, мы и не купили! Сход
ка, Агаѳья..... нѣтъ, дай мнѣ салопъ, я сама
бѣгу въ кандитерскую: это не далеко!

Digitized by Google

Вмѣсто салопа служанка подала ей пакетъ съ письмомъ.

— Что̀ это, отъ Лизы? Ужъ не отказывается ли она отъ моего обѣда?

— Нѣтъ-съ; принесъ слуга отъ какой-то неизвѣстной барыни.

— Неизвѣстной, говоришь ты? Въ самомъ дѣлѣ почеркъ руки не знакомый. Дай-ка очки, Агаѳья.

Надѣвъ очки, Зернова принялась читать записку и сначала, казалось, была очень довольна, даже перекрестилась нѣсколько разъ; но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ лицо ея становилось пасмурнѣе; а при концѣ чтенія, она вскрикнула и грянулась о земь. Очки отлетѣли въ сторону и разбились, хваленый чепчикъ свалился съ головы и сѣдые волосы разсыпались по полу.

Агаѳья подбѣжала къ ней, взглянула на лицо, и всплеснувъ руками, закричала:

— Умерла, батюшки, умерла!

— Полно врать старая, сказалъ вошедшій слуга, который принесъ убійственное посланіе: ну что̀ руки-то ломаешь по пустякамъ? Просто, обморокъ приключился. Плесни водицы въ лицо, и пройдетъ.

— Ахъ, ты, Господи! этакой грѣхъ!.... Поднимемъ ее, голубчикъ, да положимъ вотъ, хоть здѣсь, на диванъ..... вотъ такъ.

Уложили. Агаѳья убѣжала въ кухню. Сострадательный посланецъ между-тѣмъ схватилъ со стола графинъ, налилъ въ горсть и плеснулъ въ лицо безчувственной. Агаѳья воротилась со стаканомъ уксусу и принялась тереть ей виски.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, пошевелилась; вотъ, и глаза открываетъ, слава Богу! Прощайте же.

— Голубчикъ, подожди, пока совсѣмъ опомнится: я боюсь одна: не знаю, что̀ дѣлать..... Такой болѣзни у ней никогда не бывало, говорила Агаѳья.

Прійдя въ себя, старушка приподнялась, провела себѣ рукой по лбу, какъ-бы стараясь что̀-то припомнить; потомъ вдругъ проворно вскочила съ дивана. Силы ея какъ-будто мгновенно возвратились; щеки, за минуту покрытыя смертною блѣдностію, запылали.

— Агаѳья! закричала она, Агаѳья, бѣги поскорѣе, приведи мнѣ извозчика.... да бѣги же, говорятъ тебѣ!.... Ахъ Боже мой, Боже мой! воображала ли я? Такъ вотъ отчего она похудѣла! Злодѣи! безчеловѣчные! А она, глупенькая, и не говорила мнѣ, она боялась огорчить меня, ангелъ Божій!

Старушка зарыдала.

— Эй, кто тамъ? спрашивала она потомъ, услышавъ, что кто-то ходитъ въ прихожей.

— Это я-съ, отвѣчалъ посланецъ.

— А! любезный, ты здѣсь еще? войди сюда ..... Эта записка отъ твоей госпожи?

— Точно такъ-съ.

— Благодари ее, тысячу разъ благодари. А вотъ тебѣ за услугу.

— Нескончательно благодаренъ.

— Я сама поѣду благодарить ее..... Гдѣ она живетъ?

— Не извольте безпокоиться, сударыня; онѣ не хотятъ, чтобы вы пріѣзжали.

— Однако жъ это мой долгъ. И кромѣ того,

Digitized by Google

мнѣ надобно переговорить съ ней кой о чемъ. Потрудись же сказать.....

— Не приказано сказывать, сударыня. Мнѣ даже не приказано и оставаться здѣсь; я остался только ради вашего обморока. А теперь, счастливо оставаться.

— Подожди, подожди. По-крайней-мѣрѣ не можешь ли мнѣ сказать, какъ узнала она о моей дочери?

— Не могу знать.

— Она пишетъ еще, что знакома была съ моимъ мужемъ. Скажи, голубчикъ, давно ты у нихъ служишь?

— Я и родился у нихъ въ домѣ.

— Такъ вѣрно знаешь, гдѣ жили они передъ этимъ?

Слуга смѣшался.

— Я право не знаю, этотъ городъ, Тверь что ли онъ прозывается, али Кострома; кажись, что Тверь.

— Тверь; но въ Твери у насъ не было никого знакомыхъ. Не жили ли твои господа еще гдѣ-нибудь?

— Какъ же-съ, жили; въ Ярославлѣ, кажется.

— И въ Ярославлѣ я никого не знаю. Странное дѣло!

— Да вы-то сударыня, сами гдѣ изволили прежде жить?

— Я жила съ мужемъ, одно время въ Черниговѣ.

— Ну, вотъ оно и есть! Черниговъ. Я все смѣшиваю его съ Ярославлемъ.

Старушка посмотрѣла на него съ подозрѣніемъ.

— Да и въ Черниговѣ я никогда не знавала такой фамиліи: Пфейль..... Нѣтъ, рѣшительно, у насъ не было такихъ знакомыхъ. Твой господинъ былъ вѣрно изъ иностранцевъ?

Digitized by Google

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ слуга, совсѣмъ сбитый съ толку: они были изъ Нѣмцевъ. А барыня-то, не што-таки, понаторѣли по-русски.

— Послушай, любезный, ты все лжешь: я это вижу. Госпожа твоя совсѣмъ меня не знаетъ. Отдай же ей назадъ эти деньги, и скажи, что благодаря Бога и моей дочери, я милостыни ни отъ кого не принимаю.

Услышавъ это, слуга ударился бѣжать, и въ самыхъ дверяхъ, столкнувшись съ Агаѳьей, сбилъ ее съ ногъ.

— Аль ты ошалѣлъ! говорила старая служанка, потирая себѣ ушибленную руку. Ужъ не укралъ ли онъ чего-нибудь, что бѣжитъ сломя голову?

— Нѣтъ, все цѣло, отвѣчала Зернова: но странно! отъ кого бы могло быть?.... Однако жъ, ѣдемъ Агаѳья, ты поѣдешь со мной. Запри квартиру.

Зернова и старая служанка ея пустились въ путь. Сколько ни спрашивала послѣдняя, куда онѣ ѣдутъ, не получала никакого отвѣта; госпожа ея только понукала извозчика и вскрикивала отъ безпрестанныхъ толчковъ тряскихъ дрожекъ. Черезъ полчаса дрожки остановились у подъѣзда квартиры Пробкина. Охая старая Зернова сошла съ дрожекъ, и пока служанка расплачивалась съ извозчикомъ, она была уже въ квартирѣ откупщика. Черезъ минуту потомъ Лиза лежала въ ея объятіяхъ.

— А я собиралась къ вамъ, маменька.

— И поѣдешь, съ тѣмъ, чтобы больше никогда не разставаться со мной. Нѣтъ, не отпущу я тебя больше никуда, не разстанусь съ тобой, ангелъ Божій: эти изверги замучатъ тебя!

Digitized by Google

И добрая мать все крѣпче и крѣпче сжимала дочь свою, какъ-будто боясь, чтобы кто-нибудь не разлучилъ ихъ.

— Маменька, что̀ это значитъ?

— Все знаю, душенька, не скрывай отъ меня больше: знаю, какъ безчеловѣчно обращаются они съ тобой! А ты не хотѣла мнѣ сказать. Ну, если бы они уморили тебя? Ахъ, Лиза, Лиза!

— Кто же вамъ сказалъ?....

— Кто бы ни сказалъ, я все узнала и не позволю тебѣ оставаться здѣсь ни на минуту! Душенька, сказала она потомъ, обращаясь къ одной изъ воспитанницъ Лизы, я хочу переговорить съ твоимъ папенькою, позови его сюда.

— Маменька, ради Бога, что̀ вы хотите дѣлать?

— Предоставь это мнѣ; ужъ я знаю, что̀ мнѣ дѣлать и что̀ говорить.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Пробкинъ. Раскланявшись довольно учтиво со старушкой онъ началъ-было поздравлять ее съ днемъ ангела.

— Оставимъ поздравленія господинъ Пробкинъ, сказала Зернова съ достоинствомъ: къ чему пустыя фразы! Прошу васъ лучше сѣсть и выслушать.

Удивленный откупщикъ молча сѣлъ.

Лиза не могла надивиться, откуда взялась такая прыть у ея матери. Прежде, бывало, старушка не только передъ откупщикомъ, но и передъ послѣднимъ слугой въ его домѣ, готова была встать на колѣни и умолять, чтобы онъ берегъ ея дочь; бывало, она боялась откупщика, а теперь, онъ вошелъ въ комнату и раскланялся, а она даже и не привстала, онъ хотѣлъ поздравить ее, а она заставила его молчать, — ну просто сдѣлалась грубіянкой. А что̀

Digitized by Google

всего удивительнѣе, Пробкинъ безпрекословно исполняетъ всѣ ея приказанія! Лиза еще не знала, что видъ грозный и повелительный, на чьемъ бы лицѣ онъ ни являлся, такъ сильно дѣйствовалъ на Пробкина, что онъ тотчасъ смирялся и покорствовалъ. Но госпожа Зернова тотчасъ замѣтила, что имѣетъ дѣло съ трусомъ, и это придало ей еще больше храбрости. Она осыпала откупщика упреками за недостойное обращеніе съ ея дочерью, за потачку своимъ грубымъ, необразованнымъ дѣтямъ, за дерзость прислуги, за все: она съ свойственною женщинѣ, и притомъ матери, проницательностью догадалась и живо описала тягостное положеніе своей дочери въ этомъ домѣ, и описала даже съ такими подробностями, которыхъ никто ей не сообщалъ. Откупщикъ молчалъ, не смѣлъ прекословить, не смѣлъ оправдываться. Старушка пуще и пуще воспламенялась, разбранила, что называется отдѣлала его, увезла Лизу съ собой, приказавъ служанкѣ забрать ея вещи.

По возвращеніи домой, Зернова легла въ постель, жалуясь на слабость и сильную головную боль.

— Худо же встрѣтили мы нынѣшній день, говорила она, лежа съ завязанной головою: а вѣдь я готовила для тебя парадный обѣдъ, Лизочка. Сядь же и кушай.

Лиза отказалась отъ параднаго обѣда, и онъ цѣликомъ достался Агаѳьѣ. Лизу мучило любопытство: ей хотѣлось знать, отъ кого мать могла узнать объ ея горькомъ положеніи? Наконецъ она рѣшилась спросить.

Digitized by Google

— Возьми записку тамъ, на тоалетѣ, отвѣчала старушка: прочитай, и скажи, что ты обо всемъ этомъ думаешь? Читай въ-слухъ.

Лиза читала:

«Милостивая Государыня,

«Мой покойный мужъ, статскій совѣтникъ Пфейль, былъ облагодѣтельствованъ вашимъ супругомъ. Благодѣяніе это состояло въ томъ, что, когда мы пострадали отъ одного несчастнаго случая, вашъ супругъ рѣшился ссудить насъ пятнадцатью тысячами рублей, безъ всякаго залога, даже безъ письменнаго вида, съ тѣмъ, чтобы мы уплатили ему, или его наслѣдникамъ, какъ и когда можемъ. Къ несчастію, дѣла наши и при жизни моего мужа и по смерти его, даже до сего времени, были такъ плохи, что мы не въ состояніи были ничего уплатить благородному человѣку, оказавшему намъ пособіе. Теперь обстоятельства дозволяютъ мнѣ приступить къ уплатѣ долга, и я рѣшилась начать ее съ нынѣшняго же дня. Я буду уплачивать вамъ ежегодно по тысячѣ-двѣсти рублей капитала и шестисотъ рублей процентовъ, что составитъ тысячу-восемьсотъ рублей въ годъ и полтараста рублей въ мѣсяцъ. Прошу позволенія платить помѣсячно: это будетъ для меня не такъ обременительно. Сто-пятьдесятъ рублей слѣдующія за этотъ мѣсяцъ, здѣсь прилагаются.»

«Не знаю какъ приступить къ сообщенію вамъ извѣстія, не совсѣмъ радостнаго о вашей дочери. Извѣстіе это очень огорчитъ васъ, не смотря на то, не могу не открыть вамъ, что я недавно узнала на ея счетъ. Совѣтую вамъ не оставлять ея больше у купца Пробкина; съ нею обращаются очень дурно: сколько самъ Пробкинъ, столько же и дѣти его, особливо старшая дочь, находитъ удовольствіе мучить кроткую дѣвушку. Она скрываетъ все это отъ васъ, боясь васъ огорчить; но, если вы не возьмете ее къ себѣ, или не пріищете

Digitized by Google

для нея другаго мѣста, ее измучатъ до того, что вгонятъ въ чахотку. Честь имѣю быть, и проч., *Александра Пфейль.*»

— Ну, что ты думаешь объ этомъ?

— Я думаю, маменька, что намъ надобно благодарить Бога. Чего же лучше? У насъ есть свой кусокъ хлѣба!

— Такъ, да не такъ, душенька. У твоего отца не было тайны отъ меня. И, сказать по совѣсти, мы жили хоть не бѣдно, однако жъ никогда не имѣли въ рукахъ столько денегъ, чтобы могли раздавать по пятнадцати тысячъ рублей. Сверхъ того, я очень хорошо помню всѣхъ нашихъ знакомыхъ, но такой фамиліи, какая написана въ этой запискѣ, даже и не слыхивала.

Тутъ старушка разсказала о томъ, какъ она сбила съ толку и заставила бѣжать слугу, который принесъ записку.

— Ну, какъ ты думаешь, что намъ дѣлать съ этими деньгами?

— Я думаю, по неволѣ прійдется взять ихъ: надобно же намъ чѣмъ-нибудь жить! А потомъ, когда я пріищу себѣ мѣсто, мы отдадимъ назадъ все что издержали.

— Очень умно; такъ и сдѣлаемъ. А какъ по твоему: отъ кого бы могло быть это письмо и деньги?

Лиза снова взяла записочку, перечитала ее, и остановясь надъ подписью, задумалась, а потомъ вдругъ вся вспыхнула.

— Ну, что, догадалась?

— Нѣтъ, маменька.

— Отчего же ты покраснѣла?

Лиза покраснѣла еще больше.

Digitized by Google

— Да такъ, я и сама не знаю отчего!

Лиза въ первый разъ обманула мать свою. И посудите можно ли ей было не обмануть и не покраснѣть: прочитавъ, по приказанію матери, записку во второй разъ, она задумалась надъ подписью. Вотъ какая мысль мелькнула тогда въ ея головѣ: пфейль — стрѣла, Александра Пфейль — Александръ Стрѣлинъ. Это, вѣрно онъ! больше нѣкому. Да и кому можно знать такъ хорошо обо всемъ, что̀ терпѣла она въ домъ откупщика, какъ не Стрѣлину? Это онъ, это навѣрное онъ! Но что̀ же могло заставить его?.... Сдѣлавъ себѣ такой вопросъ, Лиза покраснѣла, очень естественно. Справедлива ли была ея догадка или нѣтъ, — не беремся рѣшить. Это покажутъ послѣдствія.

VI.

Дуель.

Что̀ дѣлалъ въ это время Александръ Ивановичъ? Онъ былъ сильно встревоженъ сценою съ Пробкинымъ, занятъ судьбою бѣдной Лизы, съ которою уже рѣшился связать свою собственную. Онъ хотѣлъ кончить все дѣло разомъ и написалъ уже къ своей матери письмо, въ которомъ объявилъ, что нашелъ дѣвушку милую, добрую, прекрасно образованную, нашелъ тотъ идеалъ, о которомъ такъ давно мечталъ, и просилъ совѣта и благословенія. Не называя невѣсты по имени, Александръ Ивановичъ не скрывалъ, что она очень бѣдна и что для этого жила въ гувернанткахъ.

*

Digitized by Google

Происшествія этого дня, мысль о Лизѣ, о томъ, что̀ и какъ будетъ мать отвѣчать на его письмо, такъ заняли Стрѣлина, что онъ и забылъ о приглашеніи Василья Васильевича, который въ этотъ день праздновалъ свадьбу своей сестры.

Другой день былъ для Стрѣлина еще мучительнѣе: онъ долженъ былъ, по приглашенію Пробкина, явиться къ Выборской Заставѣ. «Стоитъ ли этотъ негодяй, чтобы выходить съ нимъ на дуэль? Конечно не стоитъ. Но если не драться, онъ станетъ вездѣ кричать, что его струсили. Сверхъ того, этотъ дуэлистъ не можетъ быть опасенъ: вѣроятно, увидѣвъ противъ себя дуло заряженнаго пистолета, онъ самъ же будетъ просить прощенія. Надобно ѣхать, хоть для шутки.» И Александръ Ивановичъ рѣшился отправиться къ Выборгской Заставѣ, приказавъ на всякій случай и Семену туда же явиться къ шести часамъ вечера.

Въ шесть часовъ Стрѣлинъ былъ уже на назначенномъ мѣстѣ и нашелъ тамъ Пробкина съ ящикомъ подъ мышкой и палкой въ рукахъ.

— Не лучше ли намъ драться палками? сказалъ Стрѣлинъ: этимъ оружіемъ вы, я думаю, лучше владѣете?

— Это вы сейчасъ узнаете! отвѣчалъ Пробкинъ, подходя къ кустарнику не далеко отъ дороги. Отошедъ на полверсты въ сторону, онъ остановился. — Не угодно ли вамъ встать вотъ здѣсь? сказалъ онъ.

Александръ Ивановичъ всталъ на указанное мѣсто и ждалъ, чѣмъ кончится. Пробкинъ отмѣрялъ нѣсколько шаговъ, потомъ, поставилъ ящикъ на землю, ударилъ въ ладоши, и въ ту же минуту два

Digitized by Google

рослыхъ мужика явились изъ-за кустовъ. Бросившись на Александра Ивановича сзади, они схватили его за руки.

— Что это значитъ? закричалъ удивленный Стрѣлинъ. Но онъ не успѣлъ оттолкнуть отъ себя одного изъ негодяевъ, какъ изъ-за кустовъ явились еще двое, и всѣ четверо вцѣпились въ него.

— Сейчасъ узнаешь, что это значитъ! отвѣчалъ Пробкинъ, и шелъ къ нему съ поднятою палкой.

— Послушай, разбойникъ! если ты или кто изъ твоей шайки осмѣлится коснуться до меня, худо будетъ! клянусь, худо будетъ!

— Что будетъ то будетъ, отвѣчалъ Пробкинъ, а теперь, пока, я пересчитаю тебѣ ребра.

Онъ поднялъ палку.

— Здѣсь! здѣсь! сюда, друзья! раздался голосъ въ кустахъ, и Василій Васильевичъ предсталъ во всемъ грозномъ величіи своемъ. За нимъ слѣдовали Семенъ, слуга Стрѣлина, и журналистъ Сусликовъ.

Въ минуту палка очутилась въ рукахъ Василья Васильевича, а ладонь его, со всѣми пятью пальцами, краснымъ пятномъ отпечаталась на щекѣ дуэлиста, который пустился-было бѣжать, но Василій Васильевичъ одной рукой схватилъ его за воротъ, а другою далъ такого толчка одному изъ негодяевъ, державшихъ Стрѣлина, что тотъ повалился какъ снопъ. Между-тѣмъ Сусликовъ, какъ кошка, вцѣпился въ другаго разбойника, и висѣлъ у него на шеѣ; Семенъ расправлялся съ третьимъ, а четвертый самъ собой обратился въ постыдное бѣгство. Вскорѣ поле сраженія осталось за Васильемъ Васильевичемъ и его

Digitized by Google

маленькимъ войскомъ, съ небольшею впрочемъ потерею: недоставало Сусликова.

— Гдѣ Сусликовъ, гдѣ мой храбрый пріятель! Сусликова нѣтъ! восклицалъ Василій Васильевичъ, все еще держа за воротъ Пробкина.

— Помогите, помогите! раздалось въ это время за кустами.

Всѣ бросились на помощь къ Сусликову: но увидѣвъ его, Василій Васильевичъ и Стрѣлинъ и даже Пробкинъ покатились со смѣху. Въ самомъ дѣлѣ, журналистъ былъ въ критическомъ, но и смѣшномъ положеніи. Мошенникъ, въ котораго онъ вцѣпился, былъ дѣтина сильный, дюжій. Посадивъ къ себѣ на плеча маленькаго человѣчка, онъ бѣжалъ съ нимъ въ лѣсъ, намѣреваясь въ первомъ удобномъ мѣстѣ поколотить его. Сусликовъ, не въ состояніи будучи освободиться, билъ врага въ голову, кусалъ, царапалъ, наконецъ, видя, что все это не помогаетъ, рѣшился призвать на помощь товарищей. Для освобожденія его былъ отряженъ Семенъ.

— Ну, почтеннѣйшій дуэлистъ безъ секундантовъ, сказалъ Василій Васильевичъ, обращаясь къ Пробкину: выходите же теперь со мной на дуэль.

— Что я вамъ сдѣлалъ? шепталъ полумертвый Пробкинъ.

— Что вы мнѣ сдѣлали? Сейчасъ пересчитаемъ: во-первыхъ, не вы ли говорили вашему отцу, чтобъ онъ никакъ не выдавалъ за меня сестры вашей, осмѣливаясь притомъ называть меня, — титулярнаго совѣтника и дворянина,—дрянью, нищимъ и чортъ знаетъ чѣмъ; между-тѣмъ, какъ у меня даже и на умѣ не было вашей сестры. Тебѣ извѣстно, Але-

Digitized by Google

ксандръ Ивановичъ, ну, что мнѣ его сестра, тьфу, мѣщанка, горничная!

— Разумѣется! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.

— Во-вторыхъ, сударь, вы разбойнически хотѣли поступить съ моимъ пріятелемъ. И вы думаете, я не зналъ объ этомъ?

— Какъ! возразилъ Стрѣлинъ тебѣ извѣстно было?....

— А ты думаешь, я по твоему, положусь на честность этого негодяя. Нѣтъ мы съ Семеномъ и Сусликовымъ бродимъ здѣсь съ трехъ часовъ и видѣли всѣ его продѣлки, и поймали голубчика на дѣлѣ. Теперь расквитаемся за все.....

— Отъ кого же ты узналъ?

— Послѣ разскажу, а теперь не мѣшай мнѣ..... Въ-третьихъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Пробкину, въ-третьихъ..... въ-тре..... Да подскажи, Александръ Ивановичъ,

— Вы осмѣлились клеветать на благородную дѣвушку, сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Да, такъ и есть, вы осмѣлились клеветать на Лизавету Павловну. А! какъ вы смѣли? Александръ Ивановичъ, потрудись подать мнѣ палку.

Пробкинъ упалъ на колѣни.

— Василій Васильевичъ, сдѣлайте милость!....

— Василій Васильевичъ, оставь его, сказалъ Стрѣлинъ: попугалъ, и довольно!

— Постой, братецъ, дай мнѣ потѣшиться! Давно ужъ я до него добираюсь: этотъ холопъ слишкомъ высоко носъ поднимаетъ. Осмѣлился меня, титулярнаго....

Стрѣлинъ вырвалъ Пробкина изъ рукъ своего пріятеля.

Digitized by Google

— Иди, сказалъ онъ: но выслушай прежде. Если ты когда-нибудь, съ добрымъ, или худымъ намѣреніемъ, осмѣлишься только произнести, имя Лизаветы Павловны Зерновой, даю тебѣ слово, что ни я, ни Василій Васильевичъ не пощадимъ тебя болѣе! Слышишь ли, твой языкъ никогда не долженъ осквернять этого имени; ты долженъ забыть, что есть на свѣтѣ такое имя!

— И если ты осмѣлишься, началъ Василій Васильевичъ, но не кончилъ, потому-что Пробкинъ, пятившійся по-немногу, въ то время, когда говорилъ ему Стрѣлинъ, теперь, чувствуя себя совершенно на свободѣ, опрометью пустился бѣжать.

За тѣмъ наши пріятели, а вмѣстѣ съ ними и Сусликовъ, освобожденный Семеномъ, съ тріумфомъ отправились въ обратный путь изъ побѣдоноснаго похода. Больше всѣхъ пострадалъ журналистъ Сусликовъ: негодяй, у котораго онъ сидѣлъ на плечахъ, такъ сильно сжалъ ему ноги, что маленькому человѣчку показалась, будто одна изъ нихъ совсѣмъ переломилась. Это приводило его въ отчаяніе. В тотъ же вечеръ онъ долженъ былъ отличаться на вечерѣ, гдѣ-то на Петербургской Сторонѣ.

— Голубчикъ, сказалъ онъ наконецъ Семену, донеси меня до перваго извозчика: нѣтъ силъ идти

Дюжій Семенъ посадилъ его къ себѣ на плеча.

— Да растолкуй же, Василій Васильевичъ, спрашивалъ между-тѣмъ Стрѣлинъ, какимъ чудомъ ты явился ко мнѣ на помощь?

— Ничего не знаю! твой Семенъ прибѣжалъ ко мнѣ сегодня въ два часа, какъ сумасшедшій, увѣряя, что тебя хотятъ зарѣзать.

Digitized by Google

— А ты какъ узналъ, Семенъ?

— Виноватъ, батюшка Александръ Ивановичъ! Вы сегодня по утру ушли со двора, и я со двора..... Вышелъ, такъ, постоять за воротами..... потомъ по маленечку побрелъ..... да нечаянно, ей Богу, нечаянно, землякъ встрѣтился. Мы съ нимъ и завернули выпить по чарочкѣ. Добрый парень-то такой: отказать никакъ нельзя. Вошли да и выпили. Смотрю, а тамъ сидятъ четверо молодцовъ, да шепчутся между собою. Я къ нимъ, о томъ, о семъ: вѣстимо дѣло, что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, и вывѣдалъ, что они собираются бить какого-то господина у Выборгской Заставы. Ахти, подумалъ я, ужъ не моего ли барина: не даромъ онъ велѣлъ мнѣ явится къ Выборгской Заставѣ! Гдѣ васъ было искать, вы сказали, что не будете цѣлый день дома. Я бросился къ Василью Васильевичу и нашелъ у нихъ вотъ этого господина, что̀ сидятъ у меня на плечахъ.

Въ это время побѣдители вышли на большую дорогу.

— Спусти-ка меня, сказалъ Сусликовъ Семену: кажется, нога перестаетъ болѣть.

Семенъ бережно поставилъ журналиста на землю. Сусликовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Въ самомъ дѣлѣ легче, однако жъ попробуемъ.

Сказавъ это неутомимый танцоръ всталъ въ третью позицію, и насвистывая французскую кадриль, пустился выдѣлывать соло вдоль по шоссе.

Стрѣлинъ, Василій Васильевичъ и Семенъ хохотали до слезъ. Увѣрившись, что ноги цѣлы и способны къ кадрилю и даже къ мазуркѣ, Сусликову со-

Digitized by Google

вѣстно стало обременять спину своего избавителя, и онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими.

— А знаешь ли, Александръ Ивановичъ, говорилъ Василій Васильевичъ, отправляясь дальше, вѣдь я на тебя очень сердитъ: ты не хотѣлъ быть на свадьбѣ моей сестры!

— А знаешь ли, Василій Васильевичъ, что я на тебя еще больше сердитъ: вѣдь по твоей милости я попалъ сегодня на шайку разбойниковъ. Если бы ты, по обѣщанію, переговорилъ съ Пробкинымъ, ничего этого не случилось бы!

— Судьба, любезнѣйшій, сама судьба того хотѣла! Повѣришь ли, что я три раза заѣзжалъ къ откупщику, и какъ на зло, ни разу не заставалъ дома его сына. На бѣду и ты меня не засталъ также дома. Ужъ тутъ никто больше какъ судьба?

— Ну, быть такъ; а теперь у меня еще есть просьба до тебя.

— Говори, все исполню.

— Ты выдалъ сестру за-мужъ, и та комната, гдѣ она жила, остается у тебя лишнею: отдай мнѣ ее.

— Что ты говоришь, дружище? Ты хочешь поселиться со мной?

— Да.

— Я въ восхищеніи; но какъ же, въ одной комнаткѣ?

— И даже со столомъ. Корми меня чѣмъ хочешь, только не бери дорого: я могу проживать не болѣе двухъ-тысячъ рублей въ годъ.

— Александръ Ивановичъ, это жестокая обида! Развѣ ты думаешь, что я промышляю квартирами?

Digitized by Google

— Я этого не думаю; но не хочу быть и въ тягость тебѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, плати сколько хочешь, и чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Все это хорошо; но что за фантазія?.... А! понимаю: хотимъ скопить денженокъ, да жениться. Давно бы такъ, дружище!

— Отгадалъ. Я писалъ вчера къ матушкѣ и просилъ ея благословенія?

— Стало-быть, ужъ объяснился съ невѣстой?

— Нѣтъ; я безъ совѣта матери не хочу приступать къ объясненію.

— Вотъ что! А я готовъ побиться объ закладъ, что объясненіе послѣдуетъ прежде полученія отвѣта отъ твоей маменьки. Знаю я васъ, влюбленныхъ!

— О, такъ значитъ ты меня плохо знаешь: если я разъ на что-нибудь рѣшился; ничто на свѣтѣ не въ состояніи.....

— Эй, не храбрись, Александръ Ивановичъ!

— Увидишь.

— Увидимъ.

На другой день Александръ Ивановичъ узналъ, что Лиза жила уже у своей матери. Оставалось познакомиться со старушкой. Ну, что жъ, мало ли средствъ: поклонъ отъ кузины Оли, хотя онъ съ ней и не переписывался, новыя книги, ноты. Стрѣлинъ рѣшился на послѣднее, тѣмъ болѣе, что еще при первомъ знакомствѣ съ Лизой, онъ обѣщалъ достать для нея какое-то новое музыкальное сочиненіе. Словомъ, черезъ нѣсколько дней, съ нотами въ рукахъ, онъ явился къ нимъ часу въ девятомъ вечера и засталъ Лизу и мать ея за чайнымъ столикомъ. Взглянувъ на него, старушка Зернова старалась что-то припомнить.

Digitized by Google

— Лицо ваше мнѣ какъ-будто знакомо, сказала она: никакъ не могу припомнить, гдѣ я васъ видѣла!

Если бы я былъ тутъ, я бы сказалъ ей: въ пансіонѣ, за два года предъ тѣмъ; но Александръ Ивановичъ утверждалъ, что она видѣла его въ церкви, можетъ-быть не желая напомнить ей тогдашняго горестнаго ея положенія. Однако жъ, вспомнивъ сцену въ пансіонѣ, онъ не могъ не взглянуть, съ видомъ наблюдателя, на мать и дочь. Какая странная противоположность: тогда старушка была худа, блѣдна, истомлена горестію, а Лиза свѣженькая, пухленькая дѣвочка; теперь же, напротивъ, Лиза похудѣла, а старушка пополнѣла, похорошѣла, помолодѣла. Но перемѣна эта была слѣдствіемъ попеченія дочери объ матери, и потому Лиза показалась влюбленному молодому человѣку въ тысячу разъ краше прежняго. А что онъ видѣлъ теперь, послужило только къ тому, чтобы довести его любовь до обожанія. Лиза, казалось, забывала о себѣ, думая только о матери: предупреждала ея малѣйшія желанія, смотрѣла ей въ глаза, старалась всячески угодить ей. «Если бы хоть сотая частица этой нѣжности досталась мнѣ, думалъ Александръ Ивановичъ, я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ!»

— Кажется, вы счастливы! сказалъ онъ наконецъ старушкѣ Зерновой, когда Лиза, не допуская ее даже приподняться съ креселъ, сама поставила передъ ней чашку съ чаемъ, подала сливки и заботливо спрашивала, не нужно ли ей еще чего-нибудь.

Услышавъ вопросъ Александра Ивановича, старушка едва не бросилась къ нему на шею.

— Счастлива ли я, спрашиваете вы? Почтеннѣй-

Digitized by Google

шій Александръ Ивановичъ, если у васъ есть.... Вы женаты, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ, если вы женитесь и у васъ будутъ дѣти, я желаю, чтобы они были такими, какъ моя Лиза. Выше этого счастья я не умѣю пожелать вамъ!

— Маменька, вы слишкомъ хвалите меня?

— Мое единственное желаніе, продолжала старушка, схвативъ обѣими руками голову дочери и цѣлуя ее въ губы, глаза, щеки: мое единственное желаніе жить съ Лизой, умереть на ея рукахъ. И я исполню это: пока жива, я не разлучусь съ ней, гдѣ бы ей ни привелось жить, ни за что не разлучусь! Нѣтъ, довольно и того, что Пробкинъ.....

— Маменька, вы обѣщали не говорить объ немъ.

— Правда, и такъ станемъ говорить о моей дочери: это мой единственный любимый разговоръ.

— Но вы можете наскучить Александру Ивановичу.

Стрѣлинъ взглянулъ на Лизу.

— Вы себѣ представить не можете, что это за.....

Лиза зажала ей ротъ рукою, и потомъ старалась перемѣнить разговоръ. Мало ли о чемъ можетъ говорить умная дѣвушка! Чѣмъ больше Александръ Ивановичъ говорилъ съ ней, тѣмъ болѣе открывалъ въ ней достоинствъ, не ручаюсь, можетъ-быть и мнимыхъ: вѣдь у любви, что у страха, глаза велики. Но то неоспоримо, что Лиза была милая, умная дѣвушка, о чемъ уже, кажется, я имѣлъ честь докладывать. Теперь я принялъ смѣлость доложить объ этомъ потому, что если бы она не была мила и умна, Александръ Ивановичъ не просидѣлъ бы съ ней и съ ея матерью, до двѣнадцати часовъ ночи. И въ продолженіе всего этого времени ста-

Digitized by Google

рушка Зернова даже ни разу не зѣвнула, хотя имѣ-
ла обыкновеніе ложиться спать въ десять часовъ
И то сказать, Стрѣлинъ былъ великій хитрецъ:
онъ, разумѣется изъ угожденія хозяйкѣ дома, очень
искусно умѣлъ склонять разговоръ на ея любимый
предметъ, Лизу.

На другой день Александръ Ивановичъ опять на-
шелъ предлогъ идти къ нимъ, и на третій день дѣ
ло не остановилось за предлогомъ; а на четвертый
пятый и такъ далѣе онъ уже началъ являться безъ
всякаго предлога, и наконецъ подружился до такой
степени съ матерью Лизы, что, какъ только насту
пали семь часовъ вечера, она ужъ спрашивала: «От
чего Александръ Ивановичъ такъ долго не идетъ?
Ей даже и въ голову не приходило сдѣлать вопросъ
съ какой цѣлью ходитъ къ нимъ каждый день этотъ
молодой человѣкъ? Да и не было повода къ такому
вопросу. Посѣтитель являлся не иначе, какъ въ та-
кое время, когда она была дома, никогда не оста-
вался глазъ на глазъ съ ея дочерью, былъ такъ
уменъ, скроменъ, благонравенъ, что, если бы пред
ставилась необходимость, она рѣшилась бы поручить
ему дочь свою, будучи увѣрена, что и безъ нея
онъ велъ бы себя такъ же умно, какъ при ней. Ну
словомъ, казалось, Стрѣлинъ рѣшился, во чтобы не
стало, исполнить свое обѣщаніе: не приступать ни
къ чему до полученія отвѣта отъ своей матери.

Одинъ только разъ Александру Ивановичу случи
лось быть у нихъ поутру и не застать старой Зер
новой, и то онъ зашелъ на минуту. Но зашедши на
минуту, онъ остался на цѣлый день, по особенном
странному случаю. Дѣйствительно, это былъ очен

Digitized by Google

странный и необыкновенный случай. Началось съ того, что лишь-только Александръ Ивановичъ вошелъ, какъ Лиза, державшая въ рукѣ какую-то записку, подала ему листъ бумаги и перо и просила выписать для нея куплетъ изъ какого-то стихотворенія Пушкина. Стрѣлинъ не могъ не спросить, для чего это?

— Сейчасъ узнаете, отвѣчала она.

Онъ написалъ, подалъ ей и смотрѣлъ, что̀ будетъ. Лиза развернула записку, которую держала до того въ рукахъ и стала сравнивать почеркъ руки съ тѣмъ, что̀ написалъ Александръ Ивановичъ.

— Не могу понять, что̀ такое вы дѣлаете, сказалъ онъ: у васъ въ рукахъ еще какое-то письмо?

Вмѣсто отвѣта, Лиза подала ему записку: это было извѣстное посланіе отъ госпожи Пфейль. Александръ Ивановичъ немножко покраснѣлъ.

— Александръ Ивановичъ! сказала Лиза, пристально смотря на него.

— Что̀ прикажете?

— Не знаете ли, кто это писалъ?

— Какая-то госпожа Пфейль.

— О, конечно; только дѣло въ томъ, что эта госпожа наша благодѣтельница, а между тѣмъ скрывается отъ насъ, не хочетъ, чтобы маменька ѣхала благодарить ее.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; такъ не можете ли вы узнать, что̀ это за госпожа Пфейль, или гдѣ она живетъ?

— Постараюсь; только я не вижу тутъ никакого благодѣянія со стороны госпожи Пфейль: она отдаетъ вамъ то, что̀ занимала....

Digitized by Google

— Такъ; по видите ли, оказалось, что такой го спожи никогда не существовало и денегъ у нас взаймы никто не бралъ; оказалось, что подъ е именемъ какіе-то добрые люди хотятъ сдѣлать по собіе. Не знаете ли, Александръ Ивановичъ, кто эт добрые люди?

— Почему же мнѣ знать?

— Этакой притворщикъ! даже и не улыбнется А между тѣмъ, улика на лицо. (Лиза подала ем куплеты изъ Пушкина.) Почеркъ одинъ и тотъ же хоть и желали подписаться подъ женскую руку.

— Ну, а если окажется, что не я скрываюс подъ именемъ госпожи Пфейль!

— Я увѣрена, что вы; признайтесь же, Але ксандръ Ивановичъ, не мучьте меня!

Стрѣлинъ взялъ Лизу за обѣ руки и Лиза не от няла ихъ.

— Скажите, Лизавета Павловна: хотите ли вы чтобъ это непремѣнно былъ я, или для васъ во равно, если бы и другой кто-нибудь....

— Я не сомнѣваюсь, что это вы, Александр Ивановичъ, и хочу, чтобъ это были вы. Если уж непремѣнно надобно принимать пособіе, такъ толь ко отъ васъ я соглашусь принять ее, отъ вас и больше ни отъ кого!

Спрашивается, какъ тутъ слѣдовало поступит Александру Ивановичу? Ставлю себя на его мѣст и отвѣчаю: что я теперь вовсе не знаю, что бы въ такомъ случаѣ сталъ дѣлать. Александръ Иван вичъ притянулъ къ себѣ Лизу и разцѣловалъ ее Лучше этого онъ не могъ придумать. Гдѣ же ум гдѣ же скромность этого молодаго человѣка, кото

Digitized by Google

рому, какъ мы были увѣрены, можно безъ опасенія поручить молодую дѣвушку? Да! вотъ, извольте поручать этимъ господамъ дочерей вашихъ. А еще хвасталъ передъ Васильемъ Васильевичемъ, что я-де исполню, на что рѣшился, я-де ничего не предприму до полученія отвѣта отъ матери!

По-крайней-мѣрѣ Лиза, въ этомъ случаѣ, умѣла вести себя какъ слѣдуетъ. О, что и говорить, она вела себя отлично хорошо: обѣими руками обвила она шею молодаго человѣка и цѣловала его, да еще какъ цѣловала! Господи, Боже мой, я и до-сихъ-поръ не могу безъ ужаса подумать объ этомъ!

— Только ты, Александръ, шептала она, — только ты можешь быть моимъ благодѣтелемъ, другомъ, отцемъ!....

— И мужемъ, Лиза, подхватилъ Стрѣлинъ, крѣпко сжимая ее въ объятіяхъ.

— Всѣмъ, всѣмъ!

Въ передней послышался голосъ старушки Зерновой. Стрѣлинъ хотѣлъ отскочить въ сторону; но Лиза не пускала и еще крѣпче прижалась къ его груди.

— Какъ, Александръ, развѣ ты думаешь, что я постыжусь обнять тебя въ присутствіи моей матери? Нѣтъ, мой милый, между мной и маменькой нѣтъ ничего скрытнаго. Я объявлю ей, не краснѣя объявлю цѣлому свѣту, что я люблю тебя. И кто же можетъ мнѣ запретить любить тебя, Александръ?

Отвѣтомъ былъ жаркій поцѣлуй.

Старушка, войдя въ комнату, гдѣ были Стрѣлинъ и Лиза, протерла себѣ глаза, какъ бы не вѣря имъ. Взглянула снова, и та же сцена представилась ей. Тогда она закрыла глаза и шептала что-то, — вѣроятно молитву противъ нечистой силы. Кому же

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ, кому какъ не нечистой силѣ соблазнять ее, представляя такія странныя сцены?

— Лиза! рѣшилась она наконецъ сказать, Лиза, ты ты здѣсь?

— Здѣсь, маменька, и Александръ Ивановичъ здѣсь

— Вижу, голубушка, вижу; да что же это вы...

И Лиза и Александръ были у ногъ ея.

— Постойте, постойте, дѣти, дайте отдохнуть говорила старая Зернова, послѣ безчисленныхъ цѣлованій, которыя она не больше какъ въ двѣ минуты успѣла расточить и дочери своей и ея суженому: дайте отдохнуть, дѣтки!

Старушка едва держалась на ногахъ; она смѣялась, плакала, молилась, сама не знала, что дѣлала, между-тѣмъ колѣни ея дрожали, она готова была упасть. Почти въ безпамятствѣ ее усадили въ кресла. Прошло по-крайней-мѣрѣ полчаса, пока она снова пріобрѣла способность говорить.

VII.

Непредвидѣнное затруднительное обстоятельство, которое рѣшаетъ судьбу героевъ.

Маленькая комната въ квартирѣ Василья Васильевича, гдѣ жилъ его пріятель, похожа была болѣе на мебельную лавку, нежели на квартиру надворнаго совѣтника и кавалера. Почти вся мебель, находившаяся въ трехъ комнатахъ прежней его квартиры, составлена была въ одну, такъ, что за комодами, шкафами, конторками и свѣта Божьяго не видно. Въ этой-то мебельной лавкѣ, черезъ мѣсяцъ по-

Digitized by Google

слѣ объясненія съ Лизой, Стрѣлинъ сидѣлъ и, — мечталъ о своемъ счастіи, думаете вы? — Нѣтъ. — Читалъ, писалъ, занимался дѣловыми бумагами? — И опять нѣтъ. — Но я вижу вамъ не отгадать: онъ сидѣлъ, облокотясь обѣими руками на столъ и плакалъ, плакалъ, какъ ребенокъ, плакалъ на взрыдъ. Глаза его затуманены были слезами до того, что онъ не примѣчалъ даже стоявшаго передъ нимъ Василья Васильевича.

— Александръ, что̀ съ тобой, голубчикъ? Давно ли ты радовался, шалилъ какъ дитя, а теперь?....

Чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ слышитъ голосъ своего пріятеля, Стрѣлинъ протеръ себѣ глаза, а потомъ, не отвѣчая на вопросъ, взялъ лежавшее передъ нимъ письмо и подалъ Василію Васильевичу.

Василій Васильевичъ читаетъ:

«Ты знаешь, милый Александръ, что счастіе твое для меня дороже всего на свѣтѣ. Ты пишешь, что нашелъ, милую, добрую, образованную дѣвушку, которая можетъ сдѣлать тебя счастливымъ. Послѣ такой радостной вѣсти мнѣ больше ничего не оставалось, какъ благословить тебя, но ты пишешь такъ же, что она была гдѣ-то гувернанткой, и это остановило меня дать рѣшительный отвѣтъ и благословеніе. Подумай Александръ, хорошенько подумай и разсмотри ее. Ты говоришь, что она хорошаго происхожденія: очень рада, но всё-таки не совѣтовала бы тебѣ жениться на гувернанткѣ: какъ-то неприлично. И такъ, подумай; и если не смотря на все, останешься при прежнемъ намѣреніи, — съ Богомъ, я не буду противиться и благословлю потому только, что бы не навлечь на себя упрека, что противилась твоему счастію; въ противномъ случаѣ, признаюсь, охотнѣе отказала бы въ твоей просьбѣ.

*

Digitized by Google

P. S. Кстати о гувернанткѣ: мы ищемъ для твое племянницы Русской, хорошо образованной дѣвушки знающей иностранные языки. Не случится ли тебѣ в Петербургѣ слышать о такой дѣвушкѣ и не согласитс ли она пріѣхать къ намъ въ деревню?»

— Ты видишь, Василій Васильевичъ? сказалъ Стрѣ линъ, по окончаніи чтенія: можно ли мнѣ н плакать, когда и мать моя, — милая, умная жен щина, — раздѣляетъ со всѣми этотъ предразсудокъ

Василій Васильевичъ пожималъ плечами.

— Дай же совѣтъ, что̀ мнѣ дѣлать? Я никакъ н рѣшусь поступить вопреки желанію матери. А как явиться съ этимъ письмомъ къ Лизѣ, какъ показать ег старушкѣ Зерновой, ужъ я и не знаю. Зернова без престанно твердитъ, что безъ согласія моей матери, ни на что̀ не можетъ рѣшиться, и подъ этимъ пред логомъ даже не позволяетъ мнѣ цѣловать Лизу.

— Вотъ это ужъ нестерпимое притѣсненіе!

— Придумай же что̀-нибудь, Василій Василье вичъ, что̀ касается до меня, я рѣшительно поте рялъ голову.

— Вотъ то-то и есть: на словахъ-то мы всѣ ум ники, а какъ дойдетъ до дѣла.....

— Что̀ ты хочешь сказать?

— А то, что если бы ты сдержалъ свое слово, какъ помнишь, хвасталъ, что ни къ чему не при ступишь до полученія отвѣта отъ матери.

— Послушай-ка, пріятель, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. И я отъ тебя требую не упре ковъ, а совѣта.

— Совѣта, ну, это не такъ-то легко; однако жъ подумаемъ.

Digitized by Google

— И Василій Васильевичъ началъ ходить изъ угла въ уголъ, повторяя отъ времени до времени: «Затруднительное обстоятельство, очень затруднительное!»

— Дай-ка еще разъ прочитать письмо?

Прочитавъ еще разъ, онъ снова пустился гулять по комнатѣ. Гулялъ, гулялъ и всё-таки ничего не придумалъ.

— Обстоятельство очень затруднительное! сказалъ онъ наконецъ, остановясь передъ Стрѣлинымъ: а потому, я думаю, лучше всего отложить это дѣло до завтра: утро вечера мудренѣе. Теперь же рѣшительно ничего не идетъ въ голову. Прощай пока; спи спокойно; а мнѣ, я чувствую, прійдется эту ночь поворочаться съ боку на бокъ!

И Василій Васильевичъ сдержалъ свое слово: два раза повернулся онъ съ одного боку на другой, повторяя при каждомъ оборотѣ: «затруднительное обстоятельство!» Но послѣ втораго поворота, зѣвнулъ, закрылъ глаза и захрапѣлъ. Александръ Ивановичъ хоть и не обѣщалъ ворочаться съ боку на бокъ, однако жъ въ самомъ дѣлъ не спалъ всю ночь, а на другой день, чуть свѣтъ, уже будилъ пріятеля. Василій Васильевичъ приподнялся, зѣвнулъ, и сонными глазами смотрѣлъ вокругъ себя.

— Ну, что, придумалъ?

— Придумалъ, какъ не придумать! отвѣчалъ Василій Васильевичъ, и голова его склонилась на подушку.

Нетерпѣливому жениху по неволѣ пришлось дожидаться, пока проснется мудрый совѣтникъ, что случилось не раньше, какъ черезъ три часа, такъ, что Стрѣлинъ успѣлъ обѣгать нѣсколько улицъ,

Digitized by Google

быть подъ окномъ у Лизы, думать и передумать
о своемъ положеніи, и ничего не выдумать. Воз-
вратясь домой, онъ засталъ Василья Васильевича
еще въ постели, но уже съ открытыми глазами.

— Ну, что, дружище?

— Вотъ видишь ли, Александръ Ивановичъ, я
всю ночь продумалъ о твоемъ дѣлѣ.

— О! я не сомнѣваюсь. Да что жъ ты выдумалъ
наконецъ?

— Выдумалъ-то я..., обстоятельство очень за-
трудительное, братецъ!

— Только-то!

— Нѣтъ не только; я выдумалъ еще, что объ
наши головы не стоятъ одной.

— Чьей же?

— Лизаветы Павловны. Покажи-ка ты ей это
письмо: она скорѣе насъ что-нибудь придумаетъ.

— Огорчить ее!

— А не думаешь ли ты, что вамъ въ жизни
предстоитъ только по цвѣтамъ разгуливать? Нѣтъ,
любезный, потерпите еще всякой всячины.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ!

— Такъ, съ Богомъ, пойди къ ней. Чу! бла-
говѣстятъ къ обѣднѣ; старушки вѣрно дома нѣтъ,
такъ вамъ можно свободно объясниться.

Александръ Ивановичъ побѣжалъ къ Лизѣ.

— Чуръ, не плакать, Лизочка, говорилъ онъ,
подавая ей письмо: даешь ли слово не плакать?

Лиза испугалась.

— Неужели маменька твоя не согласна? спросила
она, взглянувъ на подпись.

— Читай, читай; только, ради Бога, не огор-
чайся, и скажи лучше, что намъ дѣлать?

Digitized by Google

Лиза прочитала письмо, сѣла и закрыла лицо руками.

— Лиза, я просилъ тебя не огорчаться; я даже вовсе не показалъ бы тебѣ письма, если бы самъ могъ что-нибудь придумать.

— Такъ и мать твоя также.....

— Что жъ дѣлать, милый другъ, мать моя съ предразсудками, какъ и всѣ люди. Но, ради Бога, скажи, что намъ дѣлать?

— Одно средство.....

— Такъ есть еще средство? Василій Васильевичъ правду сказалъ, что ты умнѣе насъ обоихъ.

Стрѣлинъ цѣловалъ руку своей невѣсты.

— Ты начинаешь льстить? какъ это мило!

— Скажи же, скажи, что ты думаешь дѣлать?

— Я вижу только одно средство: обмануть мать твою.

— Лиза!

— Мы признаемся ей потомъ. И, даю слово, она проститъ насъ, даже будетъ благодарить за обманъ.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ. Только не понимаю, какъ мы это сдѣлаемъ.

— Очень просто: я ѣду гувернанткой къ твоей племянницѣ, и, — вотъ тебѣ рука моя, — не пройдетъ полугода, какъ твоя маменька изъявитъ согласіе на нашъ бракъ, можетъ-быть даже сама предложитъ тебѣ, если только....

— Что такое?

— Она не похожа на дочь Пробкина.

— Лиза, можешь ли ты такъ думать! Я могу похвалиться, что мать моя не многимъ уступаетъ твоей.

— Въ такомъ случаѣ мы поладимъ съ ней.

Digitized by Google

— Ну, слава Богу, это дѣло кончено.

— Не совсѣмъ.

— Какъ?

— А объ моей матери ты забылъ. Не думаешь ли ты, что она проститъ людямъ, которые осмѣливаются сомнѣваться въ ея дочери потому только, что она была гувернаткой. Нѣтъ, мой милый, я знаю маменьку, она готова принебречь всѣмъ....

— Вотъ этого я не предвидѣлъ; какъ же быть, Лиза?

— Да ужъ нечего дѣлать! прійдется и ее обмануть. Этого письма мы ей вовсе не покажемъ; ты скажешь только, что маменька твоя соглашается на нашъ бракъ, но не прежде, какъ хорошо со мной познакомившись. А чтобы познакомиться съ нею, я поѣду къ ней въ деревню; но въ этомъ-то и состоитъ все затрудненіе: маменька не останется здѣсь одна, она захочетъ ѣхать со мной.

— Ну, что жъ, и ее пріймутъ съ радостію.

— Не въ томъ дѣло. Положимъ, что ее пріймутъ; но согласится ли она скрывать до времени, что я твоя невѣста. Всё-таки вѣдь это обманъ; а при ея понятіяхъ о честности....

— Уговори ее, Лизочка!

— Трудненько; ну да ужъ такъ и быть, постараюсь. А, вотъ и она! Начнемъ же комедію, да смотри, не смѣйся, Александръ.

— До смѣху ли тутъ: мнѣ плакать хочется.

— А! вы тутъ оба, дѣтки? сказала старушка, входя въ комнату.

— Оба, мамаша, отвѣчала Лиза: мы вамъ кофе готовили.

— Спасибо, голубчики, спасибо!

Digitized by Google

Лиза усадила мать свою въ кресла и поцѣловала ее, поставила передъ ней маленькій столикъ, и опять поцѣловала, принесла ей кофе со всѣми принадлежностями, и еще разъ поцѣловала.

— Ты сегодня, Лизочка, что-то особенно ласкова!

— И не даромъ, маменька, у меня есть просьба до васъ.

— Такъ, я думаю, для этого не нужно подлещаться. Ты знаешь, что я ни въ чемъ не могу отказать тебѣ: всякое дѣло доброе, честное.....

— Ну, а это не совсѣмъ-то честное.

— Лиза!

— Вотъ ужъ вы и сердиться начали.

— Я не сержусь, душенька; но и не хотѣла бы, чтобы ты пустяки болтала.

— Маменька, голубушка, дайте слово, что вы исполните нашу просьбу.

— Но если это не честное дѣло?

— Вотъ видите ли: оно только сначала покажется не честнымъ, а потомъ сдѣлается очень честнымъ.

— Таки ровнехонько ничего не понимаю. Да. брось ты свой пансіонскій языкъ, и говори по нашему!

— О, да! я знаю, что вы согласитесь! Вы сами говорили, что въ молодости очень любили играть на театрѣ; а вѣдь мы задумали родъ театральнаго представленія!

— Отъ часу не легче! Что ты за-вздоръ говоришь Лиза? Ужъ не затѣяли ли вы домашняго театра? Въ молодости..... мало ли, что въ молодости было! А лѣтъ опять тому назадъ, когда мы жили съ покойнымъ отцомъ твоимъ въ Черниговѣ, я порядочно припугнула молодежь, которая являлась къ намъ

Digitized by Google

въ домъ. Представь себѣ: не доставало у нихъ чело
вѣка, для роли какой-то старой сплетницы, они
вздумай приглашать меня, прослышавъ, что я игры
вала нѣкогда на домашнемъ театрѣ.

— Нѣтъ, маменька, не то. Мы хотимъ предста
вить сцену изъ дѣйствительной жизни, и сцену са
мую романическую, самую водевильную! Ваша роль
будетъ очень легка: вамъ нужно только молчать.

— Ты, Лиза, сегодня, кажется, намѣрена дурачит
меня! сказала старушка, почти съ гнѣвомъ оттолк
нувъ отъ себя чашку.

— Маменька, милая, можете ли вы это думать
можете ли вы такъ обижать меня!

— Такъ не говори же вздору!

— Что жъ дѣлать, если отъ этого будетъ зави
сить все мое счастіе.

— Твое счастье, Лиза?

— Да; выслушайте, что я вамъ скажу: Але
ксандръ получилъ сегодня письмо отъ своей матери...

— Получилъ наконецъ, гдѣ же оно? Прочитай
прочитай!

Александръ Ивановичъ шарилъ у себя по карма
намъ.

— Забылъ, такъ и есть, что забылъ!

— Да все равно, я разскажу маменькѣ, въ чемъ
дѣло. Его мать соглашается на нашъ бракъ не преж
де, какъ хорошо познакомившись со мной. Такъ ви
дите ли, мнѣ хочется, чтобъ она познакомилась со
мной, узнала меня, полюбила меня, не зная, что я
его невѣста.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Я поѣду къ ней въ деревню, гувернанткой къ
ея внучкѣ, племянницѣ Александра.

Digitized by Google

— А я?

— И вы поѣдете со мной, только ни гугу о томъ, что я его невѣста. Она не должна даже знать, что мы съ нимъ знакомы: какъ-будто мы совсѣмъ посторонніе. Не правда ли, что это прекрасная мысль? Мы доведемъ ее до того, что она сама предложитъ ему жениться на мнѣ, ужъ я берусь за это.

— Ахъ, вы проказники, проказники! говорила старушка, покачивая головой: что жъ вы изъ меня-то дѣлаете? Я, вмѣстѣ съ вами, должна дурачить почтенную женщину. А между тѣмъ она права: какъ ей, въ самомъ дѣлѣ, согласиться на бракъ сына съ дѣвушкой, которой она совсѣмъ не знаетъ. А женитьба, дѣтки, дѣло вѣдь не шуточное!

— То-то же, маменька! И я васъ спрашиваю, какое бы другое средство нашли вы покороче познакомить меня съ нею? Положимъ, что она пріѣхала бы сюда: мы стали бы ѣздить къ ней, онъ къ намъ; но все это на часъ, на два, много на день; такъ что, будучи даже негодяйкой, не могла ли бы я прикинуться Богъ знаетъ чѣмъ? Между-тѣмъ какъ, живя у нея въ домѣ, ужъ не скроешься: по-неволѣ узнаютъ всѣ твои качества и недостатки.

— Ты Демосѳенъ, Лиза, ты просто Демосѳенъ! воскликнулъ Александръ Ивановичъ, потирая руки.

— Не слишкомъ ли много ты на себя полагаешься, Лиза? замѣтила старая Зернова: сумѣешь ли ты пріобрѣсти любовь ея?

— А почему же бы и нѣтъ? И это тѣмъ легче, что она такая же добрая, какъ и вы. А что касается до нашего обмана, то мы потомъ во всемъ признаемся, и она проститъ насъ.

Digitized by Google

— Не только простить, подхватилъ Стрѣлинъ, будетъ благодарить, благословлять, когда увидитъ, что сынъ ея такъ счастливъ!

Старушка задумалась. Пользуясь минутой, Лиза бросилась къ ней на шею.

— Маменька, милая маменька, согласитесь сыграть эту послѣднюю роль въ вашей жизни: отъ нея зависитъ счастіе вашей дочери! Но я вижу, вы согласны; да? скажите да! скажите же, мамаша!

Счастіе дочери! Это слово всегда съ магическою силой дѣйствовало на сердце доброй матери. Она вздохнула, взглянула на Лизу, которая всё еще съ умоляющимъ видомъ висѣла у нея на шеѣ, и сказала:—Ну, такъ и быть, дѣлайте изъ меня, что хотите!

Поцѣлуи градомъ посыпались на нее отъ дочери и ея суженаго. Потомъ оба они начали смѣяться, бѣгать, шалить и наконецъ плясать, такъ что старая Зернова, смотря на нихъ и сама развеселилась.

— Дѣти вы, дѣти! сказала она: забавляетесь даже и тогда, когда хотите дѣлать, право не совсѣмъ-то честное дѣло! Когда же мы поѣдемъ, Лизочка?

Лиза вдругъ притихла.

— Поѣдемъ, слышишь, Александръ, поѣдемъ, а ты?

— Въ самомъ дѣлѣ; я и не подумалъ, что съ этой выдумкой намъ прійдется опять разлучиться, и можетъ-быть на цѣлый годъ. Знаешь ли что, Лиза, не оставить ли намъ это? Я постараюсь какъ-нибудь уладить....

— Нѣтъ, мой милый, прервала старушка, задумали, такъ ужъ надобно исполнять. Дочь моя должна доказать на дѣлѣ, что она стоитъ тебя. Иначе

Digitized by Google

пострадаетъ мое самолюбіе. А вѣдь я самолюбива, голубчикъ, о! я очень самолюбива.

— Не попроситься ли мнѣ въ отпускъ?

— И того не надобно: ты испортишь все дѣло. Ужъ отпусти насъ однѣхъ.

Лиза плакала.

— Ну, вотъ! продолжала мать ея: сама же выдумала, да сама же и плачешь. Да ты, Александръ Ивановичъ, писалъ ужъ объ насъ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ о чемъ же плакать? Еще поживемъ вмѣстѣ.

— Я сейчасъ пойду и напишу. Лиза, да не плачь же, душенька, прежде времени!

Стрѣлинъ отправился писать письмо. Но не прошло и часу, какъ онъ былъ опять у нихъ, не написавъ ни строчки. Вотъ какъ это случилось.

Когда онъ пришелъ домой, его поразилъ необыкновенно торжественный видъ Василія Васильевича, который, въ своемъ узорчатомъ халатѣ, въ фескѣ съ золотой кистью на головѣ и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, былъ, ни дать ни взять, какой-нибудь турецкій паша только-что покорившій цѣлое царство.

— Что это съ тобой, Василій Васильевичъ, спросилъ Стрѣлинъ, какой необыкновенный случай могъ окружить твою неоцѣненную особу лучами такой торжественности? Ужъ не пожалованъ ли ты въ надворные?

— Лучше этого. Но скажи мнѣ напередъ, что вы придумали?

Александръ Ивановичъ разсказалъ.

— Ну, видишь, я вѣдь говорилъ, что она умнѣе насъ обоихъ! Теперь, мой милый, прежде нежели я

Digitized by Google

объявлю причину моего и твоего торжества, совѣтую тебѣ встать на колѣни вотъ передъ этимъ образомъ, которымъ благословила тебя мать твоей невѣсты, и помолиться и поблагодарить: ты счастливецъ!

Василій Васильевичъ говорилъ это шутя; но Стрѣлинъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ его приказаніе: онъ всталъ на колѣни передъ образомъ и молился, усердно молился.

— Ну, теперь пойди сюда, дружище, продолжалъ Василій Васильевичъ, по окончаніи молитвы: встань вотъ здѣсь, дай мнѣ руку, и дружно прокричимъ три раза ура.

— Полно шалить, Василій Васильевичъ, говори поскорѣе, что̀ такое?

— Не хочешь, ну, ладно, я прокричу одинъ.

И вставъ посереди комнаты, Василій Васильевичъ крикнулъ во все горло: ура!

— Вася, что̀ ты съ ума сошелъ! сказала старушка мать Василія Васильевича, заглянувъ въ дверь: у меня чужіе люди, а ты кричишь. Перепугалъ всѣхъ!

— Нельзя иначе, маменька: вѣдь сегодня день побѣды моего пріятеля: онъ завоевалъ цѣлыя пятьсотъ душъ!

— Василій Васильевичъ, что̀ ты говоришь, дружище?

— Я сейчасъ видѣлъ повытчика, и онъ объявилъ мнѣ, что дѣло рѣшено въ твою пользу.

Стрѣлинъ бросился обнимать друга.

— Василій Васильевичъ! чѣмъ я могу вознаградить тебя?

Digitized by Google

— Какъ, Александръ Ивановичъ, развѣ ты принимаешь меня за ходатая по дѣламъ? Это обида, любезный?

— Однако жъ я долженъ же доказать тебѣ мою благодарность. Постой-ка, братъ, дай мнѣ, только забраться въ деревню, а тамъ ужъ найдется для тебя награда; я тебя женю на дѣвушкѣ такой же милой, какъ моя Лиза, только побогаче ея.

— Это другое дѣло: такого рода взятку я не откажусь взять. Но куда же ты бѣжишь?

— Развѣ ты забылъ, что есть люди, съ которыми сама судьба, самъ Богъ опредѣлилъ мнѣ дѣлить всѣ радости и горести въ жизни?

Посудите сами, до письма ли было въ тотъ день Александру Ивановичу? Весь день и весь вечеръ просидѣлъ онъ у Лизы, и о чемъ они не перетолковали, о чемъ не перемечтали! Какимъ яркимъ сіяніемъ казалась имъ окруженною ихъ будущая жизнь! Но во всемъ и вездѣ первая мысль Лизы обращалась къ матери. Сначала она хотѣла устроить для нея въ деревнѣ отдѣльный, хорошенькій домикъ подлѣ церкви; но когда старушка не согласилась жить въ отдѣльномъ домикѣ, она перевела ее къ себѣ, въ большой домъ, отдѣлила ей особенную комнату, омеблировала, изукрасила ее, сама разводила передъ окнами этой комнаты садикъ, сама приносила матери ежедневно букетъ любимыхъ ея цвѣтовъ.

— Перестань, перестань, Лизочка, говорила старушка, я скоро ослѣпну отъ слезъ!

Въ самомъ-дѣлѣ, она почти весь тотъ вечеръ не отнимала платка отъ глазъ. Впрочемъ опасенія ея,

Digitized by Google

мнѣ кажется, были излишни: слезы радости совсѣмъ
не такъ ѣдки и вредны для глазъ, какъ слезы пе-
чали.

На другой день Александръ Ивановичъ написалъ
и отправилъ письмо къ своей матери. Онъ объявилъ,
между-прочимъ, что, слѣдуя ея совѣтамъ, рѣшился
отложить на нѣкоторое время свою женидьбу, но не
съ тѣмъ, чтобы позабыть о своей возлюбленной, а
скорѣе въ надеждѣ, что мать, видя его постоянство
убѣдится наконецъ въ достоинствахъ его невѣсты и
согласится признать ее своей дочерью.

Отвѣтъ на это письмо, полученный черезъ мѣсяцъ
едва не разрушилъ всѣхъ плановъ Александра Ива
новича и его невѣсты, вотъ по какому случаю.

Семенъ, уже знавшій, что у его господина есть
невѣста, которая съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта от
его матери, сдѣлалъ и про-себя разсчетецъ. Если
онъ перехватитъ письмо съ этимъ отвѣтомъ, разу-
мѣется благопріятнымъ, и отнесетъ его къ своей
будущей госпожѣ, ему, за радостное извѣстіе, прій-
дется, по меньшей мѣрѣ цѣлковикъ. Письмо въ са-
момъ дѣлѣ принесли въ отсутствіе Стрѣлина, и расчет
ливый слуга тотчасъ побѣжалъ и вручилъ его, позд
равляя *съ окончаніемъ благополучія*, только не Лизи
а ея матери. Старушка уже развернула письмо
надѣвала очки, готовясь читать, какъ вошедшая Ли
за почти насильно вырвала его изъ рукъ. И хоро
шо сдѣлала. Мать Александра Ивановича прежде всег
благодарила его за то, что онъ послушался ея со
вѣта, она же, съ своей стороны убѣждала, что страс
его къ извѣстной гувернанткѣ ничто иное, какъ м

Digitized by Google

нутная прихоть, которая пройдетъ сама-собой. За тѣмъ она изъявляла согласіе на принятіе Лизы и старушки Зерновой къ себѣ въ домъ. Касательно послѣдней, она даже благодарила сына за то, что онъ отыскалъ для нея добрую собесѣдницу во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ.

Черезъ три дня потомъ Стрѣлинъ выпроводилъ свою суженую за заставу, а черезъ восемь мѣсяцевъ получилъ уже отъ своей матери письмо такого содержанія.

«Что за странныхъ, необыкновенныхъ людей прислалъ ты ко мнѣ, Александръ? Чѣмъ больше смотрю на нихъ, тѣмъ болѣе удивляюсь! Эта молодая дѣвушка, Елизавета Павловна, воплощенный идеалъ любви къ матери, такъ, что я безъ зависти не могу смотрѣть на почтенную старушку, хотя и не имѣю права жаловаться на моихъ дѣтей. До-сихъ-поръ я была увѣрена, что какъ бы дѣти ни любили и уважали насъ, всё-таки любовь ихъ, въ сравненіи съ нашею родительской любовью—ничто, и это скажетъ тебѣ всякая мать. Но здѣсь я вижу въ первый разъ, а можетъ-быть и въ послѣдній, до чего можетъ простираться привязанность къ родителямъ, — не въ обиду тебѣ будь сказано, — не сына, а дочери. Эта добрая дѣвушка, кажется, боготворитъ мать свою: всѣ помышленія, всѣ заботы ея сосредоточены на одномъ, — на счастіи, спокойствіи матери. Мнѣ кажется, она и не думаетъ больше ни о чемъ и ни о комъ....»

Александръ Ивановичъ съ гнѣвомъ кинулъ письмо.

— Мать, и только мать, это надоѣло мнѣ! Я ревную, да! я ревную къ этой старухѣ, которая заставляетъ дочь свою забывать, что есть еще чело-

Digitized by Google

вѣкъ, имѣющій право на ея любовь! А Лиза неблагодарная!

Вотъ извольте разсуждать съ влюбленными! Не разобравъ дѣла, онъ ужъ готовъ поссориться съ своей невѣстой. А что всего забавнѣе, объявляетъ претензію на ея благодарность за то только, что онъ влюбленъ въ нее. Какъ будто это великій подвигъ, заслуживающій благодарности! Да если бы мы съ вами, достойный читатель, вздумали объявлять подобныя требованія, сколькихъ женщинъ пришлось намъ упрекать въ неблагодарности! не правда ли?

Пропустивъ нѣсколько строкъ, Стрѣлинъ читалъ:

«Но и сама Елизавета Павловна, оставивъ даже любовь ея къ матери, удивительная дѣвушка: чѣмъ лучше я узнаю ее, тѣмъ больше къ ней привязываюсь! Повѣришь ли, Александръ, я люблю ее неменьше собственной дочери, даже, стыдно признаться, я иногда предпочитаю ее сестрѣ твоей. Ты представить себѣ не можешь, что это за милое, кроткое, доброе созданіе! Зачѣмъ она не дочь моя? Знаешь ли что, Александръ....»

Стрѣлинъ снова отложилъ письмо, желая перевести духъ.

«Знаешь ли что, Александръ, читалъ онъ потомъ, вотъ уже четвертый годъ, какъ ты собираешься пріѣхать къ намъ въ отпускъ. Я бы хотѣла, чтобы ты пріѣхалъ именно теперь; я бы хотѣла чтобы ты пожилъ у насъ, познакомился поближе съ этой милой дѣвушкой. Я увѣрена, что ты полюбилъ бы ее, и въ такомъ случаѣ согласилась бы позабыть, что она не больше какъ гувернантка, и съ величайшимъ удовольствіемъ назвала бы ее своей дочерью.»

Digitized by Google

— Дѣло кончено, вскричалъ Александръ Ивановичъ, драма разыграна отлично! Ай, Лиза! спасибо, милая, спасибо, мой ангелъ. Ты сдержала слово.

— Семенъ, готовься къ отъѣзду: черезъ три дня мы ѣдемъ въ деревню, и навсегда!

Александръ Ивановичъ побѣжалъ купить листъ гербовой бумаги для просьбы объ отставкѣ, а черезъ три дня онъ скакалъ уже по большой московской дорогѣ.

Вотъ что̀ писалъ онъ черезъ годъ потомъ къ своему пріятелю.

«Душа моя, Василій Васильевичъ. Я обѣщалъ писать къ тебѣ черезъ мѣсяцъ послѣ моего отъѣзда, а пишу черезъ годъ. Не сердись и не удивляйся. До тебя ли мнѣ было? посуди самъ, когда я и теперь, по прошествіи года, едва могу опомниться отъ всего, что̀ случилось со мной въ это время. Для другаго, даже и для тебя, мой милый, происшествія этого времени, конечно не могутъ быть занимательны, потому-что они слишкомъ не значительны сами по себѣ; но для меня это другое дѣло! Для поясненія всего, скажу только одно: Лиза, какъ я и ожидалъ, такая же добрая жена, какою была доброю дочерью. Было время, когда я желалъ, чтобы мнѣ досталась хотя сотая доля той любви, которую расточала она для своей матери; теперь оказалось, что и на мою часть остается столько же, если не больше. Маменька моя не можетъ на нее насмотрѣться, да и всѣ у насъ въ домѣ, отъ перваго до послѣдняго, полюбили ее. И признаюсь, надобно приблизиться къ состоянію животнаго до такой степени, какъ господинъ Пробкинъ и его почтенное семейство, чтобы не полюбить Лизы. Не могу подумать безъ ужаса, когда вспом-

Digitized by Google

нію, что это милое, кроткое созданіе, назначенное, кажется самою природою разливать вокругъ себя счастіе и радость, осуждено было судьбою на муку вѣчно возиться съ чужими ребятишками, и въ благодарность за то терпѣть униженіе. Но вотъ я и заговорился, забылъ, что могу надоѣсть тебѣ съ моей Лизой, какъ надоѣдалъ и прежде, и что рѣшился писать къ тебѣ собственно о твоемъ дѣлѣ.

«Недавно были мы съ женой у одного сосѣда, помѣщика, на имянинахъ. Гостей набралось довольно; между прочими явилась съ мужемъ молодая дама однѣхъ лѣтъ съ Лизой. Увидѣвъ ее, жена моя сначала задумалась, какъ будто желая что-то припомнить, потомъ вдругъ бросилась къ ней на шею, вскрикнувъ: Соня Вертушкина!.... Ея превосходительство, Софья Андреевна С.... сказалъ хозяинъ дома. — Вздоръ, вздоръ! — говорила пріѣзжая дама, вздоръ, для тебя, Лиза, я все та же Вертушкина? И сейчасъ докажу это! — Послѣ того, во весь вечеръ, она не переставала шалить какъ дитя; и шалости ея были такъ заманчивы, что и я съ женой, и мужъ этой Сони, а въ-слѣдъ за нами и вся молодежь поставили все въ верхъ дномъ въ домѣ нашего добраго сосѣда. Молодежь утверждала, что ей никогда не было такъ весело, какъ въ этотъ вечеръ. Но будемъ продолжать о Софьѣ Андреевнѣ С.....; она жила до сего времени въ Москвѣ, а теперь намѣрена поселиться съ мужемъ въ своемъ имѣніи, недалеко отъ насъ. Мы были у нихъ нѣсколько разъ и тамъ-то я увидѣлъ то, что до тебя касается, а именно, одну дальнюю родственницу Софьи Андреевны, сироту, живущую у нея въ домѣ. Извольте принять къ свѣдѣнію, что это ваша суженая. Она очень милая дѣвушка, — не первой юности, правда, — ну, да вѣдь и мы съ тобой не можемъ похвастать молодостью; зато ужъ въ твоемъ вкусѣ: кровь съ молокомъ, и въ заключеніе, имѣетъ своихъ собственныхъ, всего на все, двѣсти душъ. Не много, но потихоньку

Digitized by Google

можно жить. Пріѣзжай же въ отпускъ, дружище, да посмотри: я увѣренъ, что она тебѣ понравится, а тамъ ужъ беру на себя устроить это дѣло. Знаю, что ты боишься немножко превосходительствъ, но на счетъ родственника твоей суженой можешь быть покоенъ: онъ очень милый человѣкъ и вовсе не надутъ своимъ превосходительствомъ. И такъ, съ Богомъ, тотчасъ по полученіи этого письма, просись въ отпускъ: я жду тебя.»

«Этимъ хотѣлъ я кончить мое письмо; да нѣтъ, еще кое-что нужно довести до твоего свѣдѣнія. Во-первыхъ, къ твоему пріѣзду я надѣюсь быть отцомъ. Можешь себѣ представить, радъ ли я этому! Но ужъ вѣрно не воображаешь о той степени радости, которая овладѣваетъ матерью Лизы, когда она подумаетъ, что наконецъ сбудутся ея любимыя мечты: она станетъ носить на рукахъ внучка, или внучку. При одной мысли объ этомъ на нее находитъ родъ помѣшательства. Во-вторыхъ, честь имѣю донести, что мой Семенъ спился съ кругу: Лиза такъ его балуетъ, что изъ рукъ вонъ! Какъ только ему нужны деньги на вино, онъ сейчасъ является разсказывать о томъ, какъ онъ носилъ письмо отъ госпожи Филиной, — неизвѣстной барыни; а если и это не помогаетъ, ему только стоитъ намекнуть на дуэль мою съ Пробкинымъ, — и деньги готовы. Въ-третьихъ, прошу кланяться отъ меня храброму журналисту Сусликову, — буде онъ все еще журналистъ, въ чемъ я впрочемъ не сомнѣваюсь, — и объявить ему, что у насъ въ уѣздномъ городѣ дворяне давно уже желаютъ завести клубъ, но все это до-сихъ-поръ какъ-то не ладится, за неимѣніемъ умнаго распорядителя. Сусликовъ премного одолжилъ бы насъ, если бы пріѣхалъ сюда, да и не на время, а навсегда. По моей просьбѣ оставлено для него въ нашемъ уѣздѣ вакантное мѣсто уѣзднаго стряпчаго. Очень знаю, какую важную потерю понесутъ за отъѣздомъ его Пески, Выборгская и Петер-

Digitized by Google

бургская Стороны, но попроси его принять въ соображеніе и то, что означенныя мѣста, находясь подъ бокомъ у Петербурга, вѣроятно, не замедлятъ пріискать себѣ достойнаго человѣка, между-тѣмъ какъ нашъ уѣздный городишко, находясь въ дальнемъ разстояніи отъ обоихъ столицъ, крайне нуждается въ такомъ просвѣщенномъ руководителѣ на поприщѣ кадрилей и мазурокъ, какъ господинъ Сусликовъ. Прощай мой милый. Твой покорный слуга. *А. Стрелинъ.*

П. Еф—скій.

Digitized by Google

Отдѣленіе IV.

Иностранная Словесность

=

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ

ШИЛЛЕРОВОЙ ДРАМЫ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЬ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЬ.
ВАЛЬТЕРЪ ФИРСТЪ, тесть его.
КУНИ, пастухъ.
СЕППИ, сынъ его.
РУДИ, рыбакъ.
ІЕННИ, сынъ его.
ВЕРНИ, охотникъ.
БАУМГАРТЕНЪ. } изъ Унтервальдена.
АРНОЛЬДЪ МЕЛЬХТАЛЬ, }
ВЕРНЕРЪ ШТАУФФАХЕРЪ, } изъ Швица.
ГЕРТРУДА, жена его.
ПФЕЙФФЕРЪ, изъ Люцерна.
БЕРТА ФОНЪ БРУНЕКЪ, богатая невѣста.
ФРОНФОГТЪ (староста).
ГЕРОЛЬДЪ.
РЕЙТАРЫ.
КАМЕНЬЩИКИ.
РАБОТНИКИ и НОСИЛЬЩИКИ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Высокіе утесы на берегу Фирвальдштедтскаго Озера, противъ Швица. Озеро образуетъ заливъ; не далеко отъ берега стоитъ хижина сынъ рыбака плыветъ въ лодочкѣ. На другой сторонѣ озера видны зеленыя луга, деревни и домá швицкія, освѣщенныя солнцемъ

Digitized by Google

На лѣвой сторонѣ зрителямъ представляются въ туманѣ вершины Гака, а съ правой, въ глубинѣ сцены, видны снѣжныя горы. Прежде поднятія занавѣсы слышенъ гармоническій звонъ пастушескихъ колокольчиковъ, продолжающійся нѣкоторое время и по поднятіи занавѣса.

—

ЕВНИ, въ челнокѣ поетъ пѣсню.

На озерѣ тихо; привѣтной улыбкой
Манитъ оно въ лоно; приникнувъ челомъ,
У края равнины безбрежной и зыбкой
Дитя засыпаетъ младенческимъ сномъ,
И слышитъ призывный
Онъ звукъ каждый часъ,
Какъ арфы звукъ дивный,
Какъ Ангеловъ гласъ.
Откроетъ лишь очи, и въ нѣгѣ отрадной
Свѣжится онъ брызгами влаги прохладной.
И внемлетъ онъ зову изъ глуби: ты мой!
Въ струяхъ моихъ чистыхъ
Толпы голосистыхъ
Пастушекъ приходятъ рѣзвиться порой.

ПАСТУХЪ, на горѣ.

Варіація швейцарской пѣсни.

Прощайте, прощайте, зеленыя нивы!
Прощайте вы, пастбы, прости, край, счастливый!
Я долженъ проститься,
Мнѣ васъ не видать,
Пока не примчится
Къ намъ лѣто опять.
Но мы возвратимся на горы крутыя,
Лишь-только проснутся тамъ пѣсни родныя;
Лишь вновь развернутся
Въ долинахъ цвѣтки;
Лишь въ Маѣ польются
Въ поля ручейки.

Digitized by Google

Прощайте, прощайте зеленыя нивы!
Прощайте, вы, паствы, прости, край счастливый!

Альпійскій охотникъ, появляется противъ него на вершинѣ скалы.
Вторая варіація швейцарской пѣсни.

Громъ грянулъ,—въ утесахъ вѣтръ свищетъ и злится,
Но бодрый охотникъ идетъ, не страшится,
По выси стремнинной,
Внимая бурь свисту.
Тамъ вянетъ пустынный
Безъ зелени листъ.
Внизу, подъ ногами и дико и мрачно:
Туманное море закрыло все тканью прозрачной.
Лучъ солнца тамъ грѣетъ
Сквозь щель облаковъ;
Вдали жъ зеленѣетъ
Шелкъ мягкихъ луговъ.

Картина перемѣняется: слышенъ глухой трескъ въ горахъ; тѣни отъ бродящихъ по небу облаковъ носятся надъ сценою. РУДИ выходитъ изъ хижины; ВЕРНИ сходитъ съ утеса; КУНИ идетъ съ подойникомъ въ рукахъ, а СЕППИ, сынъ его, слѣдуетъ за нимъ.

РУДИ.

Причаливай скорѣе, Іенни, лодку;
Да крѣпче же; вишь вихрь какой поднялся
И какъ гора отъ урагана стонетъ.
На Митенштейнъ спустились облака
И холодно изъ Веттерлоха дуетъ.
Знать, быть грозѣ, и скоро, — прежде, чѣмъ
Мы думаемъ; теперь того и жди.

КУНИ.

Уфъ, дождь какой! Такъ ливнемъ и льетъ!
Мои стада рвутъ съ жадностью траву

Digitized by Google

Зеленую и сочную; вожатый
Скребетъ ногой, предчувствуя грозу.

ВЕРНИ.

Да, быть грозѣ, и рыбы разыгрались
На озерѣ; такъ къ верху и ныряютъ.

КУНИ, сыну.

Не разбрелся ль нашъ скотъ, взгляни-ка, Сеппи.

СЕППИ.

Нѣтъ, батюшка: Лизель вѣдь ходитъ съ ними;
Я узнаю по колокольчику.

КУНИ.

Такъ нечего заботиться, всѣ цѣлы.

РУДИ.

А у тебя, братъ, славный колокольчикъ.

ВЕРНИ.

И скотъ чудесный; твой ли онъ, землякъ?

КУНИ.

Нѣтъ, братъ, не мой; я человѣкъ вѣдь бѣдный.
Гдѣ мнѣ. Хозяинъ этого скота
Нашъ славный, добрый баринъ Аттингаузенъ;
Онъ отдалъ мнѣ пасти свои стада.

РУДИ.

Къ коровѣ какъ пристала эта лента!

КУНИ.

Вожатаемъ корова эта служитъ
Моимъ стадамъ, и если снять съ нея
Ту ленту, такъ она не станетъ вовсе
И ѣсть.

РУДИ.

Вотъ вздоръ! Скотина вѣдь глупа.

ВЕРНИ.

Неправда, и у ней есть также разумъ.
Вы видѣли, бывая на охотѣ

Digitized by Google

За сернами, какъ эти звѣри хитры:
Они всегда, когда идутъ на пастьу,
Впередъ себя шлютъ сторожа, который
Внимательно осматриваетъ путь,
Гдѣ имъ итти, и чутко внемлетъ ухомъ
А чуть-лишь гдѣ охотника замѣтитъ,
То громкимъ крикомъ ихъ остерегаетъ.

РУДИ, пастуху.

Куда же ты теперь скотину гонишь?
Домой знать?

КУНИ.

Да. Теперь ужъ на горѣ
Вѣдь корму нѣтъ.

ВЕРНИ.

Счастливаго пути!

КУНИ.

Желаю и тебѣ того жъ. Охотникъ
Не всякій разъ приходитъ цѣлъ домой
Съ своей охоты.

РУДИ.

Кто это сюда
Стремглавъ бѣжитъ?

ВЕРНИ.

Я узнаю его!
Да, это онъ, Альпцеллецъ Баумгартенъ!

КОНРАДЪ БАУМГАРТЕНЪ, вбѣгаетъ, едва переводя духъ.

БАУМГАРТЕНЪ.

Землякъ! дай свой челнокъ мнѣ, ради Бога!

РУДИ.

Да что съ тобой? За чѣмъ ты такъ спѣшишь?

БАУМГАРТЕНЪ.

Ахъ, дай челнокъ! Спасешь меня отъ смерти.
Перевези меня!

Digitized by Google

КУНИ.

Что, братъ, съ тобой?

ВЕРНИ.

Погоня что ли?

БАУМГАРТЕНЪ, къ рыбаку.

Да. Скорѣй! скорѣе!
Они ужъ близко! Рейтары ландфогта
За мной сюда несутся; я погибъ,
Коли меня поймаютъ!

РУДИ.

Да за что же
Они тебя преслѣдуютъ?

БАУМГАРТЕНЪ.

Спасите
Сперва; я все вамъ послѣ разскажу.

ВЕРНИ.

Ты весь въ крови! Да что съ тобой случилось?

БАУМГАРТЕНЪ.

Намѣстникъ императора..... ну, тотъ,
Что въ Росбергѣ.....

КУНИ.

Такъ Вольфеншисенъ? Онъ
Тебя велѣлъ преслѣдовать?

БАУМГАРТЕНЪ.

Не онъ!
Ужъ Вольфеншисенъ болѣе не можетъ
Мнѣ дѣлать зла: я умертвилъ его!

ВСѢ, отступя въ испугѣ.

Ахъ Господи! Что сдѣлалъ ты?

БАУМГАРТЕНЪ.

А то,
Что сдѣлалъ бы и всякій, если бъ былъ
На моемъ мѣстѣ. Какъ хозяинъ дома,

Digitized by Google

Я умертвилъ того, который осрамилъ
И честь мою, и честь моей жены!

КУНИ.

Бургфогтъ обоимъ вамъ нанесъ безчестье?

БАУМГАРТЕНЪ.

Нѣтъ, Богъ и мой топоръ не допустили
До этого.

ВЕРНИ.

Ты голову ему
Отсѣкъ?

КУНИ.

Да разскажи; еще успѣешь,
Пока челнокъ отъ берега отвяжутъ.

БАУМГАРТЕНЪ.

Я въ лѣсъ ходилъ рубить дрова; вдругъ вижу:
Бѣжитъ ко мнѣ жена, дрожа отъ страха,
И говоритъ: «Къ намъ въ домъ пришелъ бургфогтъ,
И приказалъ мнѣ баню изготовить;
Потомъ хотѣлъ меня обидѣть. Я
Стремглавъ сюда, чтобы тебя найти.»
Я бросился, съ чѣмъ былъ, тотчасъ домой,
И топоромъ благословилъ на баню
Бездѣльника.

ВЕРНИ.

И хорошо ты сдѣлалъ!
Никто тебя не можетъ укорить.

КУНИ.

Злодѣй! Такъ вотъ ему и награжденье!
Давно ужъ онъ заслуживалъ его
Отъ Унтервальденцевъ. И по дѣломъ!

БАУМГАРТЕНЪ.

Но слухъ о томъ пронесся ужъ повсюду;
И между-тѣмъ, какъ здѣсь мы говоримъ,

Digitized by Google

Они меня найдутъ и схватятъ. Боже!
А время все проходитъ!

Громъ начинаетъ гремѣть.

КУНИ.

Перевощикъ!
Перевези чрезъ озеро его!

РУДИ.

Никакъ нельзя. Ты видишь вѣдь какой
Поднялся штормъ. Намъ надо подождать.

БАУМГАРТЕНЪ.

О, Боже мой! Мнѣ невозмóжно ждать;
Мнѣ гибельна минута замедленья.

КУНИ, рыбаку.

Богъ милостивъ. Мы ближнимъ помогать
Всегда должны; и съ нами это можетъ
Случиться.

Волненіе и громъ.

РУДИ.

Посмотри, какъ вѣтеръ свищетъ!
Какъ озеро волнуется ужасно!
Я не могу управиться съ волнами,
И съ бурею.

БАУМГАРТЕНЪ, обнимая его колѣни.

О, сжалься надо мной!
Тебя Господь вознаградитъ за это!

ВЕРНИ.

Ну, какъ тебѣ, землякъ, его не жалко?
Ты знаешь: жизнь его на волоскѣ.

КУНИ.

Вѣдь онъ отецъ семейства; у него
Жена съ дѣтьми остались безъ защиты.

Удары грома повторяются.

Digitized by Google

РУДИ.

Пущусь ли я на явную опасность?
И у меня, какъ у него, есть дома
Жена съ дѣтьми, и я могу пропасть.
Вонъ, посмотри, какъ урагапъ бушуетъ
По озеру; какъ страшно стонутъ волны!
Я съ радостью бы перевезъ его:
Вы видите, что это невозможно.

БАУМГАРТЕНЪ, еще на колѣняхъ.

Такъ я погибъ; я попадусь врагамъ,
Когда бы могъ еще отъ нихъ спастися!
Тамъ, тамъ они, тамъ берега спасенья!
Я вижу ихъ; мой голосъ достигаетъ
До нихъ; а я!..... о, Боже! вотъ челнокъ,
Который могъ бы перевесть меня
А я всё здѣсь, несчастный, безпомощный!....

КУНИ.

Взгляни-ка, кто идетъ тамъ?

ВЕРНИ.

Это Тель
Изъ Бирглена.

ТЕЛЬ, ВХОДИТЪ.

ТЕЛЬ.

Кто онъ такой? Онъ проситъ
О помощи?

КУНИ.

Альпцеллецъ это. Онъ,
Спасая честь свою, убилъ бургфогта
Имперскаго, что̀ въ Росбергѣ; теперь
За нимъ во-слѣдъ несутся слуги фогта.
Онъ, бѣдный, тщетно умоляетъ Руди,
Чтобъ перевезъ чрезъ озеро его;
Но тотъ боится бури и не ѣдетъ.

Digitized by Google

РУДИ.

Вотъ Тель; онъ самъ владѣть весломъ умѣетъ;
А пусть-ка мнѣ докажетъ, что возможно
Отважиться въ такую бурю ѣхать.

Сильные удары грома; озеро страшно волнуется.

Ну, брошусь ли я въ этотъ гробъ отверзтый?
Вѣдь этого не сдѣлаетъ никто!

ТЕЛЬ.

Кто не трусливъ, тотъ о самомъ себѣ
Не думаетъ. Съ надеждою на Бога,
Садись въ челнокъ; перевези его.

РУДИ.

Ну, да; вѣдь всякъ, какъ безопасенъ самъ,
Совѣтуетъ спокойно, хладнокровно.
Вотъ, на челнокъ! Вонъ озеро! Ступай!

ТЕЛЬ.

Вѣдь озеро утихнуть еще можетъ;
Но никогда не сжалится ландфогтъ.
Ну, ѣдешь ли?

КУНИ И ВЕРНИ.

Спаси его, спаси!

РУДИ.

Хотя бъ онъ былъ мой братъ, или мой сынъ,
То и тогда бъ я ѣхать не рѣшился;
Вы знаете, сегодня день Іуды
И Симона: такъ озеро бушуетъ
И въ этотъ день себѣ добычи ждетъ.

ТЕЛЬ

Что попусту слова терять! Вѣдь ими
Тутъ ничего не сдѣлаешь; а надо
Помочь ему; ужъ времени не много.
Ну, говори: поѣдешь?

Digitized by Google

РУДИ.

Нѣтъ!

ТЕЛЬ.

Давай же
Сюда челнокъ; я съ помощію Божьей
Попробую.

КУНИ.

Вотъ молодецъ!

ВЕРНИ.

Вотъ славно!

БАУМГАРТНЕРЪ.

О, Тель, мой другъ, спаситель мой, мой ангелъ!

ТЕЛЬ.

Да, я тебя спасаю отъ насилья
Ландфогтова; и да спасетъ насъ Богъ
Отъ ярости свирѣпой урагана.
Но лучше ужъ предаться въ руки Божьи,
Чѣмъ у людей искать себѣ спасенья.

Пастуху.

Другъ! не оставь жены моей, коль я
Не возвращусь; я сдѣлалъ то, чего
Оставить не могу!

Онъ спрыгиваетъ въ челнокъ.

КУНИ, рыбаку.

Ты славный кормчій,
За чѣмъ же ты боялся ѣхать? Тель
Поѣхалъ же.

РУДИ.

Не всякій съ нимъ сравнится;
И самые искусные ему
Должны во всемъ безспорно уступить.
У насъ въ горахъ другаго Теля нѣтъ.

Digitized by Google

ВЕРНИ, взойдя на утесъ.

Ужъ оттолкнулся онъ! Безстрашный кормчій!
Да будетъ Богъ тебѣ помощникъ вѣрный!
Взгляни, какъ челнъ качается въ волнахъ.

КУНИ, на берегу.

А волны все вздымаются сильнѣе.
Да гдѣ жъ они? Ихъ не видать ужъ больше!
А! Вонъ они опять! Взгляни, какъ бодро,
Безтрепетно несется онъ сквозь волны!

СЕППИ.

Вонъ рейтары ландфогтовы идутъ.

КУНИ.

Ахъ, Боже мой! Какъ во время онъ спасся!
Да, да! Они!

Отрядъ ланденбергскихъ воиновъ.

ПЕРВЫЙ.

Отдайте намъ убійцу!
Онъ здѣсь у васъ!

ВТОРОЙ.

По этой онъ пошелъ
Дорогѣ; вамъ не скрыть его: онъ здѣсь.

КУНИ и РУДИ.

О комъ вы говорите?

ПЕРВЫЙ РЕЙТАРЪ, увидѣвъ челнокъ.

Ба! Что видно!

ВЕРНИ, сверху.

Да тотъ ли тамъ, котораго вамъ надо?
А коли тотъ, такъ что же? Догоняйте:
Вѣдь вы народъ военный!

ВТОРОЙ РЕЙТАРЪ.

Онъ ушелъ!

Digitized by Google

первый, пастуху и рыбаку.

Вы помогли ему спастись! Постойте жъ!
Товарищи, переловите скотъ ихъ,
А ихъ дома разрушьте и сожгите!

Рейтары выходятъ.

скиппи, бросаясь въ слѣдъ за ними.

Ахъ, бѣдныя овечки!

куни, также.

Горе мнѣ!

Мои стада!....

верни.

Злодѣи!....

руди, ломая руки.

Боже правый!

Дождемся ль мы спасителя отчизны?

также уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ Штейневѣ, принадлежащемъ къ кантону Швицу. Липа передъ Штауффахеровымъ домомъ, стоящимъ на большой дорогѣ, подлѣ моста.

верверъ, штауффахеръ и пфейферъ люцернскій, входятъ разговаривая.

пфейферъ.

Да, да, мой другъ, Штауффахеръ, если можно,
Остерегись дать Австріи присягу;
Ужъ это я совѣтовалъ тебѣ
И прежде; стой за родину свою;
Будь храбръ и твердъ, каковъ ты былъ доселѣ.
Да защититъ Господь свободу вашу!

Дружески сжимаетъ ему руку и хочетъ итти.

Digitized by Google

ШТАУФФАХЕРЪ.

Хозяйку подожди. Ты гость мой въ Швицѣ,
А я твой въ Люцернѣ, какъ тамъ бываю.

ПФЕЙФЕРЪ.

Благодарю! Мнѣ нéкогда: сегодня
Я долженъ быть въ Герзáу непремѣнно.
Сносите всѣ жестокости отъ фогтовъ
Безропотно пока; быть-можетъ, скоро
Все это перемѣнится: на тронъ
Взойдетъ другой монархъ; намъ будетъ лучше.

Онъ уходитъ, ШТАУФФАХЕРЪ садится на скамью подъ липою. Въ такомъ положеніи застаетъ его ГЕРТРУДА, жена его, она садится подлѣ мужа, и нѣсколько времени смотритъ на него молча.

ГЕРТРУДА.

Что̀ такъ печаленъ, другъ мой? Я тебя
Не узнаю! Давно, съ нѣмой тоскою,
Я вижу на тебѣ слѣды печали.
Что̀ сердце тяготитъ твое, скажи мнѣ?
Я требую: открой мнѣ грусть свою.

ШТАУФФАХЕРЪ, молча подаетъ ей руку.

Ну, что̀, скажи, крушитъ тебя, мой Вернеръ?
Твои труды Господь благословляетъ;
Съ обиліемъ растетъ твое имѣнье;
Всѣ житницы полны у насъ запасовъ;
Рогатый скотъ плодится изобильно;
Стада коней, откормленныхъ, прекрасныхъ
Счастливо съ горъ домой приведены
Въ спокойныя конюшни для зимовки;
Домъ свой у насъ, — богатый, какъ дворянскій, —
Искусно онъ, картинно перестроенъ
По новому прекрасному фасаду;
Весь въ стеклахъ, какъ расписанный фонарчикъ,

Digitized by Google

Гербовыми щитами разрисованъ
И надписями мудрыми украшенъ,
На диво всѣмъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Устроенъ домъ прекрасно;
Но..... ахъ, его фундаментъ, вишь, не проченъ!

ГЕРТРУДА.

Что̀ хочешь этимъ ты сказать, мой другъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Недавно я сидѣлъ, какъ и сегодня,
Подъ этой липой, думая о томъ,
Что такъ прекрасно домъ оконченъ нашъ.
Въ то время къ намъ изъ Кюснахта пріѣхалъ
Со свитой фогтъ. Съ досадой, съ удивленьемъ
Остановился онъ предъ нашимъ домомъ;
По я тотчасъ всталъ съ мѣста, и какъ должно
Съ покорностью пошелъ къ нему на встрѣчу:
Вѣдь онъ у насъ намѣстникъ государевъ.
«Чей это домъ?» Съ коварною улыбкой
Спросилъ онъ, хоть и зналъ давно объ этомъ.
Я отвѣчалъ, что «мой и государевъ.»
Но онъ въ отвѣтъ: Я цезаря намѣстникъ
У васъ въ землѣ, и не хочу, чтобъ всякій
Простой мужикъ дома такіе строилъ,
Какіе захотѣлъ, и жилъ здѣсь такъ,
Какъ господинъ; я докажу вамъ это!
Сказавъ, онъ поскакалъ отсюда, злобно
Оглядываясь на домъ; я жъ съ-тѣхъ-поръ
Печалюся, объ этомъ размышляя.

ГЕРТРУДА.

Послушай, другъ мой! Хочешь ли услышать
Всю правду отъ жены; ты знаешь, я

Digitized by Google

Дочь Иберга, — и этимъ я горжуся:
Онъ честный, благородный человѣкъ.
Я съ сестрами своими въ долги ночи
Сидѣла, все прядя, бывало, волну,
А у отца въ то время собирались
Старѣйшины народа и читали
Тамъ грамоты покойнаго монарха.
Они тогда, бывало разсуждали
О счастіи родимой стороны.
Однажды я изъ ихъ бесѣдъ, случайно,
Услышала разумные слова
И до-сихъ-поръ хранила въ сердцѣ ихъ.
Послушай же и разсуди. Я знала
Давно уже, что̀ такъ тебя крушитъ.
Тебя ландфогтъ преслѣдуетъ; охотно
Онъ погубилъ тебя бы, если бъ могъ,
За то, что ты препятствуешь ему
Поработить соотчичей владыкамъ
Изъ новаго колѣна; но стоишь
За своего законнаго монарха,
Какъ дѣлали и предки твои, Вернеръ,
Не такъ ли?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да, золъ Геслеръ на меня.

ГЕРТРУДА.

Онъ золъ на то, что ты живешь счастливо
Въ наслѣдственномъ своемъ дому, который
Пожалованъ тебѣ самимъ монархомъ;
И въ правѣ ты владѣть имъ безотчетно,
Какъ собственностію: одинъ лишь цезарь
Твой государь; а онъ что̀? младшій членъ
Владѣтельнаго дома; у него
Свой только плащъ, а больше ничего!
Такъ мудрено ль, что съ завистью онъ смотритъ

Digitized by Google

На каждаго, кто честенъ и богатъ.
Онъ погубить тебя давно поклялся, —
Ты живъ еще, — ужели будешь ждать,
Чтобъ на тебѣ сбылась его угроза?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Что жъ дѣлать мнѣ?

ГЕРТРУДА, подвигается ближе.

Послушай, что скажу,
Ты знаешь, какъ здѣсь въ Швицѣ всѣ граждане
Страдаютъ отъ жестокости ландфогта.
Такъ вѣрь же мнѣ, что и въ другихъ мѣстахъ,
И въ Унтервальденѣ, и въ Ури такъ же
Страдаютъ всѣ отъ притѣсненій фогта.
Когда у насъ бываетъ Геслеръ, ты бы
Чрезъ озеро туда переправлялся;
Оттуда намъ рыбачій каждый чолнъ
Привозитъ вѣсти страшныя о новыхъ
Жестокостяхъ и грабежахъ ландфогта.
Вамъ надо бы придумывать всѣ средства
Избавиться отъ тягостнаго ига.
Вамъ Богъ помогъ бы въ этомъ правомъ дѣлѣ.
Имѣешь ли ты, Вернеръ, друга въ Ури,
Которому бъ открыться могъ во всемъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тамъ много мнѣ знакомыхъ храбрыхъ гражданъ,
Начальниковъ народа и старѣйшинъ,
Которые ввѣряютъ мнѣ всѣ тайны
Свои.

Встаетъ.

Жена! Зачѣмъ ты будишь бурю
Въ груди моей опасную для насъ?
И то, о чемъ страшился я и думать,
Ты говоришь такъ вѣтренно и смѣло?

Digitized by Google

Подумала ль объ этомъ ты совѣтъ?
Зачѣмъ раздоръ и звукъ оружій бранныхъ
Къ намъ въ мирныя должны призывать?
Куда ужъ намъ невѣждамъ-пастухамъ
Вступать въ борьбу съ могучимъ государемъ?
Австрійцы ждутъ, быть-можетъ, лишь предлога
Со стороны Швейцаріи, чтобъ двинуть
Туда орды своихъ свирѣпыхъ войскъ,
И пользуясь побѣдными правами,
Отнять у насъ и прежнюю свободу.

ГЕРТРУДА.

И вы не дѣти; вѣдь топоръ изъ рукъ
Не выпадетъ у васъ, — а смѣлымъ Богъ помощникъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Война, мой другъ, все губитъ; не щадитъ
Она ни стадъ, ни мирныхъ пастуховъ.

ГЕРТРУДА.

Все, что Творецъ на землю посылаетъ,
Все мы должны съ покорностью сносить,
Но тотъ, въ комъ благородство есть, не долженъ
Переносить несправедливостей.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Начнись война, нашъ домъ не уцѣлѣетъ;
А ты, его такъ любишь! Такъ хорошъ онъ!

ГЕРТРУДА.

Я собственной рукой его зажгу.
Плѣнюсь ли я минутнымъ здѣшнимъ счастьемъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Безмилосердная война не пощадитъ
И нѣжнаго младенца въ колыбели.

ГЕРТРУДА.

Невинности защитникъ Царь небесный.
Смотри впередъ, а не назадъ, мой другъ!

Digitized by Google

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мужчина можетъ смерть найти въ сраженьи;
Но васъ что̀ ждетъ, безпомощныхъ, безсильныхъ.

ГЕРТРУДА.

И слабому найти не трудно смерть:
Прыжокъ съ скалы, — и я свободна такъ же.

ШТАУФФАХЕРЪ, обнимая ее.

Тотъ, въ чьей груди такое сердце бьется,
Тотъ съ радостью готовъ стоять горой
За свой очагъ, за собственность свою,
Ничто̀ его не устрашитъ. Сейчасъ же
Отправлюся я въ Ури; тамъ живетъ
Мой старый другъ, мой вѣрный Вальтеръ-Фирстъ;
Объ этомъ онъ однихъ со мною мыслей.
Да въ Ури же живетъ и Аттингаузенъ,
Честнѣйшій человѣкъ, любимъ народомъ,
И хоть баронъ, хоть знатный господинъ;
Но къ родинѣ онъ пламенно привязанъ.
Такъ съ ними я о томъ поговорю,
Какъ лучше намъ спасти свою отчизну.
Прощай, мой другъ! Въ отсутствіи моемъ
Ты управляй благоразумно домомъ;
Всѣхъ принимай подъ кровъ гостепріимный,
И странника, идущаго въ храмъ Божій,
И инока, сбирающаго деньги
Въ монастыри; всѣхъ щедро надѣляй.
Нашъ домъ открытъ. Онъ на большой дорогѣ
Стоитъ у насъ, и долженъ быть для всѣхъ
Пріютомъ безопаснымъ и спокойнымъ.

Между-тѣмъ какъ они скрываются въ задней части сцены, тель съ баумгартеномъ выходятъ на авансцену.

ТЕЛЬ, Баумгартену.

Теперь тебѣ я болѣе не нуженъ.
Ступай сюда, вотъ, въ этотъ домъ. Штауффахеръ

Digitized by Google

Живетъ въ немъ; онъ помощникъ всѣхъ несчастныхъ.
Да вотъ онъ самъ; пойдемъ къ нему со мной.

Они идутъ къ Штауффахеру. Сцена перемѣняется.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Открытое мѣсто въ Альтдорфѣ. На возвышеніи, въ задней части сцены, виднѣется строющаяся крѣпость, почти уже оконченная, такъ, что представляетъ видъ цѣлаго зданія. Задняя сторона этой крѣпости уже готова; а передняя еще строится; къ ней приставлена лѣстница, по которой работники входятъ вверхъ и сходятъ на низъ; на самомъ верху крыши кровельщикъ. Всё въ движеніи и работѣ.

ФРОНФОГТЪ, КАМЕНЬЩИКЪ, РАБОТНИКИ И НОСИЛЬЩИКИ.

ФРОНФОГТЪ, торопя работниковъ палкою.

Пора, пора, довольно отдыхали!
Ну, ну, живѣй носите камни, известь,
Чтобы у насъ прибавилось работы
Къ прибытію ландфогта. Вы что тамъ
Плететесь шагъ за шагомъ?

Двумъ работникамъ, идущимъ съ ношей.

Развѣ этакъ
Работаютъ? Еще прибавьте столько же
Цемента! Вишь, какіе тунеядцы!

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Ахъ, Господи! Для нашей же тюрьмы
Носи кирпичь; мученье да и только!

ФРОНФОГТЪ.

Что тамъ еще вы больно разболтались,
Коровъ бы вамъ доить лишь, да таскаться
Безъ дѣла по горамъ.

СТАРИКЪ, садится.

Я не могу!

Digitized by Google

ФРОНФОГТЪ, погоняя его.

Какъ не могу! Ну, ну, живѣй за дѣло!

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Да что̀ ты, братъ, неужто у тебя
Ни капли нѣтъ и жалости? Ты видишь,
Что онъ, бѣднякъ, едва таскаетъ ноги,
А ты его работать заставляешь!

КАМЕНЬЩИКЪ И РАБОТНИКИ.

Да это ужъ мученье! Бойся Бога!

ФРОНФОГТЪ.

Всякъ знай себя; я исполняю то,
Что̀ велѣно.

ВТОРОЙ РАБОТНИКЪ.

Фронфогтъ! а эта крѣпость,
Что̀ строимъ мы, какъ будетъ называться?

ФРОНФОГТЪ.

Урійскою Темницей. Здѣсь васъ будутъ
Наказывать.

РАБОТНИКИ.

Урійскою темницей!

ФРОНФОГТЪ.

Ну, да! Чему жъ смѣетесь вы?

ВТОРОЙ РАБОТНИКЪ.

Отсюда
Вы покорить хотите Ури?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Сколько
Такихъ кротовыхъ норъ скласть надо въ кучу,
Чтобы составить маленькую гору
Урійскую?

ФРОНФОГТЪ, уходитъ на заднюю часть сцены.

Digitized by Google

КАМЕНЬЩИКЪ.

Я въ воду бы забросилъ
Свой молотокъ, который служитъ мнѣ
При этомъ дьявольскомъ строеніи!

ТЕЛЬ и ШТАУФФАХЕРЪ, приходятъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Лучше бъ
Мнѣ не родиться, чѣмъ смотрѣть на это!

ТЕЛЬ.

Здѣсь быть не хорошо. Пойдемъ подальше.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели въ Ури я, въ землѣ свободной?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Ахъ, если бъ вы взглянули здѣсь на своды
Подъ башнями! Такъ вы бы ужаснулись!
Кто будетъ жить въ нихъ, вѣчно не услышитъ
Тотъ пѣсень птичьихъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Боже всемогущій!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Взгляните-ка на эти своды, стѣны,
Огромные контрфорсы; вѣдь они
Какъ будто бы для вѣчности воздвиглись!

ТЕЛЬ.

Не бойтеся; что строилось руками,
То руки и разрушить могутъ.

Показывая на горы.

Богъ
Создалъ для насъ тамъ домъ свободы!

Слышенъ барабанный бой; приходятъ люди, несущіе на шестѣ шляпу; ГЕРОЛЬДЪ слѣдуетъ за ними; женщины, дѣти тѣснятся съ крикомъ.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Что тамъ
За барабанъ?

Digitized by Google

КАМЕНЬЩИКЪ.

Что значитъ эта шляпа?

ГЕРОЛЬДЪ.

Тсъ!.... Слушайте! Во имя государя!

РАБОТНИКИ.

Ну, слушаемъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Урійскіе граждане!
Здѣсь посреди Альтдорфа эту шляпу
Поставимъ на возвышенномъ мы мѣстѣ,
И вы должны ей почесть воздавать
Такую же, какъ самому ландфогту:
Предъ ней должны вы преклонять колѣна,
И проходить съ открытой головой.
Такъ повелѣлъ намѣстникъ государевъ,
Онъ хочетъ черезъ это испытать,
Послушны ли вы, граждане, ему;
А тотъ изъ васъ, кто презритъ повелѣнье
Намѣстника, наказанъ строго будетъ.

Народъ громко хохочетъ; ГЕРОЛЬДЪ проходитъ мимо при барабанномъ боѣ.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Вотъ выдумалъ! Намъ кланяться ихъ шляпѣ!
Слыхалъ ли кто когда такое чудо?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Намъ преклонять колѣна передъ шляпой!
Да что шутитъ онъ съ нами вздумалъ что ли?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ.

Добро бы ужъ корона то была
Монаршая, — а то простая шляпа
Австрійская; вотъ видишь, я ее
Висящею надъ трономъ разъ видалъ,
Гдѣ раздаютъ помѣстья.

Digitized by Google

КАМЕНЬЩИКЪ.

Эту шляпу?
Такъ знаете ль; здѣсь кроется коварство:
Знать подчинить насъ Австріи хотятъ.

РАБОТНИКИ.

Да этого никто снести не можетъ.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Пойдемте-ка, объ этомъ потолкуемъ
Съ другими.

Они идутъ въ отдаленную часть сцены.

ТЕЛЬ, Штауффахеру.

Ну, теперь ты слышалъ все
Прощай.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Куда же? О, не спѣши отсюда!

ТЕЛЬ.

Нельзя, мой другъ: нѣтъ дома никого.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мнѣ нужно бы съ тобой поговорить
О многомъ.

ТЕЛЬ.

Но отъ словъ не будетъ легче.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Слова къ дѣламъ насъ привести могли бы.

ТЕЛЬ.

Къ какимъ дѣламъ? теперь одно намъ дѣло:
Молчать, терпѣть.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Терпѣть ужъ силъ не стало.

ТЕЛЬ.

Жестокіе правители не долго
И властвуютъ. Когда свирѣпый вѣтръ
Поднимется, тогда огни всѣ гаснутъ,

Digitized by Google

А корабли ко пристанямъ несутся,
И ураганъ свирѣпствуетъ безвредно,
И наконецъ стихаетъ. Такъ живи
И всякій, кто спокойнымъ хочетъ быть:
Вѣдь мирнаго никто не безпокоитъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели ты такъ думаешь объ этомъ?

ТЕЛЬ.

Да и змѣя не жалитъ, коль ее
Не трогаютъ. Они оставятъ сами
Жестокости, повсюду видя миръ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Соединясь, мы много можемъ сдѣлать.

ТЕЛЬ.

Во время бурь, при кораблекрушеньи
Надежнѣе спастись по одиначкѣ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели ты оставишь равнодушно
Соотчичей?

ТЕЛЬ.

Всякъ самъ себѣ защита.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но слабые, соединясь, — сильнѣе!

ТЕЛЬ.

Ну не всегда; все лучше одному.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ стало-быть отчизнѣ ты чужой!
Когда она берется за защиту,
А ты не хочешь ей и помогать?

ТЕЛЬ, даетъ ему руку.

Уже ли Тель безъ помощи оставитъ
Своихъ друзей, когда онъ за ягненка
Готовъ на все! Скажите мнѣ, что вы
Затѣяли? Что дѣлать вы хотите?

Digitized by Google

Я не могу испытывать васъ больше!
Когда во мнѣ нужда вамъ будетъ, Тель
Къ вамъ явится по первому призыву!

Они уходятъ въ разныя стороны. Вдругъ всѣ бѣгутъ къ лѣстницѣ. КАМЕНЬЩИКЪ, спѣшитъ туда.

Что сдѣлалось?

ПЕРВЫЙ РАБОТНИКЪ, идетъ впередъ, крича:

Упалъ работникъ съ кровли.

БЕРТА, со свитою.

Что живъ ли онъ? Скорѣй къ нему на помощь?
Вотъ золото! Спасите если можно!

Она бросаетъ толпѣ золото.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Что въ вашемъ золотѣ? Вамъ все продажно!
Когда отца вы рвете отъ дѣтей
Безжалостно, и мужа отъ жены,
Когда отъ васъ несется стонъ по свѣту,
Вы золотомъ хотите все поправить?
Уйдите! Мы до вашего пріѣзда
Не вѣдали печали; вы сюда
Отчаянье и горе принесли.

БЕРТА, Фронфогту.

Что живъ ли онъ?

ФРОНФОГТЪ, дѣлаетъ отрицательный знакъ.

БЕРТА.

Несчастный замокъ! Ты
Съ проклятьями построенъ, такъ проклятья жъ
Должны въ тебѣ и обитать во вѣкъ!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домъ Вальтера-Фирста.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ И АРНОЛЬДЪ МЕЛЬХТАЛЬ, ВХОДЯТЪ ВЪ ОДНО ВРЕМЯ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

А! Вальтеръ-Фирстъ!

Digitized by Google

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Застанутъ насъ въ-расплохъ.
Не уходи, останься здѣсь со мною;
Шпіонами окружены мы всюду.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не знаешь ли чего ты объ отцѣ?
Что новаго изъ Унтервальдена?
Я больше не могу сносить, и, какъ въ плѣну,
Здѣсь праздно быть. Какъ будто преступленье
Ужасное я сдѣлалъ, что скрываюсь
Здѣсь, какъ убійца. Дерзкаго мальчишку
Который сталъ, по приказанью фогта,
Въ моихъ глазахъ, гнать лучшую запряжку
Моихъ воловъ, я палкою прибилъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Ты, братъ, горячъ. Тотъ мальчикъ былъ вѣдь фогтовъ;
Отъ твоего начальника онъ посланъ;
Ты подлежалъ за это наказанью,
И какъ бы ни было оно жестоко,
Ты долженъ былъ его перенести.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Ужели я обязанъ былъ молчать,
Когда онъ мнѣ такъ нагло говорилъ:
«Коль хочетъ ѣсть крестьянинъ хлѣбъ насущный,
Такъ самъ пускай впрягается въ свой плугъ.»
Я весь дрожалъ отъ гнѣва, какъ онъ сталъ
Воловъ моихъ прекрасныхъ отпрягать.
Бѣдняжечки, они мычали грустно,
Какъ-будто бы предчувствуя несчастье,
И дерзкаго рогами отгоняли;
Тогда ужъ я не перенесъ обиды,
И, внѣ себя, посланника прибилъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

И мы едва собой владѣть умѣемъ!

Digitized by Google

А огненная юность! Какъ она
Должна себя удерживать въ границахъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Мнѣ батюшку лишь-только жаль; онъ, бѣдный,
Ждетъ помощи, а сынъ его далеко!
Ландфогтъ его ужасно ненавидитъ,
За то, что онъ вступался горячо
За справедливость, и всегда былъ честенъ;
Теперь его фогтъ будетъ притѣснять,
И не кому вступиться за страдальца!
Иду, туда! Пусть будетъ все со мною,
Что Господу угодно!

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Подожди
Не много здѣсь, пока оттуда мы
Извѣстіе получимъ. Чу! стучатся!
Не стража ли отъ фогта; скройся, Мельхталь!
И въ Ури вѣдь теперь не безопасно;
Того гляди, бѣда; тираны фогты
Вездѣ уже разбойничаютъ дружно.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Они насъ учатъ, что должны мы дѣлать.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Ступай туда. Тебя я позову,
Коль никакой опасности не будетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ, УХОДИТЪ.

Предчувствую худое! Бѣдный Мельхталь!
Боялся я признаться въ томъ ему.
Ну кто стучитъ. Шумятъ такъ часто двери.
Я жду бѣды. Измѣна, подозрѣнье
Во всѣхъ мѣстахъ свирѣпствуютъ теперь;
Да и въ домахъ опасно, и туда
Ландфогтовы клевреты проникаютъ.

Digitized by Google

Ужъ скоро намъ прійдется запирать
Замками да запорами и двери.

Онъ отворяетъ двери и съ удивленіемъ отступаетъ назадъ, увидѣвъ входящаго Вернера Штауффахера.

Что вижу я? Ты ль это, другъ мой Вернеръ?
Мой дорогой, прекрасный гость! О Боже!
Чрезъ мой порогъ еще не преступалъ
Гость лучшій; другъ, привѣтствую тебя
Въ моемъ дому! Но что, скажи, причиной
Прихода твоего? что ищешь въ Ури?

ШТАУФФАХЕРЪ, подавая ему руку.

Златыхъ временъ Швейцаріи родимой!

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Ты ихъ съ собой приносишь. Если бъ зналъ ты,
Какъ хорошо мнѣ на сердцѣ, когда
Тебя я вижу! Сядь-ка, другъ мой, Вернеръ!
Ну что твоя прекрасная хозяйка,
Дочь Иберга, достойная отца?
Всѣ странники, идущіе чрезъ Мѣйнградъ
Въ Италію изъ странъ земли нѣмецкой,
Всѣ славятъ вашъ гостепріимный домъ.
А прямо ль ты ко мнѣ пришелъ изъ Флюесъ,
Иль гдѣ-нибудь былъ прежде?

ШТАУФФАХЕРЪ, садится.

Да, я видѣлъ,
Что здѣсь у васъ отстраиваютъ замокъ,
И онъ меня, признаться, опечалилъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Ты видѣлъ? Такъ суди жъ теперь, мой другъ,
И обо всемъ, что дѣлается здѣсь.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такого здѣсь строенья не бывало;
Да и никто изъ стариковъ не помнитъ,

Digitized by Google

Чтобъ здѣсь была когда такая крѣпость,
Одинъ лишь гробъ.....

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ, прерываетъ его.

Да это гробъ свободы!
Ему даютъ такое ужъ и имя!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Другъ Вальтеръ-Фирстъ! Не долженъ я скрывать
За чѣмъ пришелъ сюда; не любопытство
Причиною, а тяжкія заботы.
И дома я оставилъ угнѣтенье,
И здѣсь у васъ его же нахожу.
Что сносимъ мы, то выше нашихъ силъ;
Тиранство здѣсь границъ уже не знаетъ.
Швейцарецъ былъ свободенъ съ давнихъ лѣтъ
И не привыкъ жестокостей сносить
Такихъ, какъ мы; никто не помнитъ даже,
Чтобъ здѣсь когда такъ нагло обращались
Съ Швейцарцами.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Да, это нестерпимо!
И добрый нашъ баронъ фонъ-Аттингаузенъ,
Который помнилъ прежни времена
Швейцаріи, самъ то же говоритъ,
Что силъ ужъ нѣтъ сносить тиранства фогтовъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И въ Унтервальденѣ такія происходятъ
Жестокости, что сердце замираетъ.
Фогтъ-Вольфеншиссенъ Росбергскій хотѣлъ
Нанесть женѣ Баумгартена безчестье,
Но мужъ убилъ злодѣя топоромъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Баумгартенъ? Тотъ, что скромный былъ такой?
О, Господи! Правдивъ твой судъ! Но что онъ?
Спасенъ ли онъ, сокрытъ ли?

Digitized by Google

ШТАУФФАХЕРЪ

Перевезъ
Его твой зять чрезъ озеро; а я
Скрылъ въ Штейненѣ его въ своемъ дому.
Онъ разсказалъ еще намъ объ ужасной
Жестокости, что̀ въ Сарненѣ случилась.
У всѣхъ у насъ облилось кровью сердце.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ, внимательно.

Что̀? разскажи.

ШТАУФФАХЕРЪ.

При входѣ въ Кернъ, живетъ
Правдивый мужъ и честный; поселяне
Его всѣ называютъ Генрихъ Гальденъ.
Совѣтъ его въ собраньяхъ оченъ важенъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Да кто его не знаетъ? Что̀ жъ съ нимъ? ну?

ШТАУФФАХЕРЪ,

Ландфогтъ хотѣлъ за что̀-то наказать
Фонъ-Гальденова сына и послалъ
Отпречь воловъ изъ плуга у него;
Но онъ прибилъ служителя и скрылся.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ, въ величайшемъ нетерпѣніи.

А что̀ съ отцомъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ландфогтъ послалъ за нимъ,
И требовалъ, чтобы онъ выдалъ сына;
Когда жъ старикъ сталъ клясться, что не знаетъ
Гдѣ скрылся онъ..... Фогтъ позвалъ палачей.....

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ, вскакиваетъ и хочетъ отвести его въ сторону.

О, перестань! Не говори ни слова!

ШТАУФФАХЕРЪ, возвысивъ голосъ.

«Коль отъ меня ушелъ твой сынъ, сказалъ онъ,
«Такъ я тебя!» Тутъ онъ велѣлъ его

Digitized by Google

Связать и выколоть глаза желѣзомъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

О, Господи!

МЕЛЬХТАЛЬ, вбѣгаетъ.

Глаза, — вы говорите?

ШТАУФФАХЕРЪ, съ удивленіемъ ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТУ.

Кто онъ такой?

МЕЛЬХТАЛЬ,

схватываетъ его съ судорожнымъ движеніемъ.

Глаза, вы говорите?
Глаза ему?....

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Несчастный человѣкъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да кто онъ?

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ, даетъ ему знакъ рукою.

Сынъ его! Творецъ всесильный!

МЕЛЬХТАЛЬ.

А я! Я такъ далеко отъ него!
О, Боже! Оба глаза?

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Побѣди
Себя, мой другъ! въ несчастіи будь мужемъ!

МЕЛЬХТАЛЬ.

И за мою вину! За мой проступокъ!
И такъ онъ слѣпъ? Онъ совершенно слѣпъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да, слѣпъ совсѣмъ. Безъ глазъ, и никогда
Онъ солнечнаго свѣта не увидитъ!

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Оставь, мой другъ; не умножай его
Печали!

Digitized by Google

МЕЛЬХТАЛЬ.

Никогда! ужъ никогда!

Онъ закрываетъ рукою глаза свои и молчитъ нѣсколько времени; потомъ, обращаясь отъ одного къ другому, говоритъ кроткимъ, прерывающимся голосомъ.

О, зрѣніе, прекрасный даръ небесъ!
Свѣтъ солнечный все сущее живитъ,
И самыя растенья; а отецъ мой,
Имѣя чувства всѣ, жить долженъ вѣчно
Во тьмѣ! Его не усладятъ ни зелень
Родныхъ луговъ, ни пестрота цвѣтовъ.
Онъ никогда ужъ больше не увидитъ
Родимыхъ горъ! Что̀ смерть? Ничто! Но жить,
И быть безъ глазъ, — о, это верьхъ несчастья!
Зачѣмъ вы на меня глядите съ сожалѣньемъ?
Два глаза у меня, здоровыхъ глаза
И не могу ни одного изъ нихъ
Отдать отцу слѣпому, не могу
Я сообщить ему ни капли свѣта
Изъ цѣлаго свѣтящагося моря,
Которое, сіяя, ослѣпляя,
Въ мои глаза такъ ярко проникаетъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ахъ, вмѣсто облегченія твоей
Печали, я ее усилить долженъ.
Злодѣй ландфогтъ у твоего отца
Похитилъ все, одну оставивъ палку,
Чтобы онъ могъ, нагой и ослѣпленный,
Бродить изъ дома въ домъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Одну лишь палку
Слѣпому старику? Одну лишь палку!
Все отнято! — И самый солнца свѣтъ;

Digitized by Google

Богатство всѣхъ и бѣдныхъ и несчастныхъ!
Не говорите больше мнѣ о томъ,
Что долженъ я остаться здѣсь, скрываться!
Несчастный? Думалъ здѣсь сокрыться я,
А объ отцѣ безсильномъ не подумалъ,
И какъ залогъ, главу его сѣдую
Оставилъ я въ рукахъ злодѣя фогта!
Зачѣмъ я здѣсь? Прочь радость, малодушье!
Иду туда, и местію кровавой
Я заплачу свирѣпому злодѣю;
Сыщу его средь рейтаровъ, и тамъ
Я черное изъ груди вырву сердце,
И месть моя въ крови его потухнетъ.

Хочетъ идти.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Останься здѣсь. Что сдѣлаешь ему?
Онъ въ Сарненѣ, въ высокомъ Герренбургѣ
Живетъ теперь, и лишь смѣется только
Въ твердынѣ той надъ яростью безсильной.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Хотя бъ онъ жилъ, тамъ въ ледяномъ дворцѣ
Огромнаго Шрекгорна, гдѣ Юнгфрау
Отъ вѣчности закрыта, и туда
Я путь къ нему найду, и съ горстью храбрыхъ,
Которые однихъ со мною мыслей,
Разрушимъ неприступную твердыню
И если вы, свои стада жалѣя
И хижины, останетесь спокойно
Покорствовать властителямъ свирѣпымъ,
То созову я горныхъ пастуховъ,
И буду имъ разсказывать злодѣйства.

ШТАУФФАХЕРЪ, Вальтеру-Фирсту.

Они дошли до крайности; ужели

Digitized by Google

Мы будемъ ждать, когда еще ужаснѣй.....

МЕЛЬХТАЛЬ.

Чего жъ еще ужаснѣе вамъ надо,
Когда глаза уже не безопасны?
Или у насъ оружья нѣтъ? Зачѣмъ же
Учились мы натягивать луки
И дѣйствовать тяжелымъ топоромъ?
Въ отчаяньи всегда находятъ средство
И слабые обороняться: лань,
Уставъ бѣжать, рогами отъ собакъ
Старается спастись; коза влечетъ
Стрѣлка съ собой въ стремнину; самый волъ
Который мощь своихъ ужасныхъ мышцъ
Безропотно подъ плугъ склоняетъ тяжкій,
И самый волъ, разсерженный, ярится,
Острить свой рогъ могущій и врага
Бросаетъ вверхъ, на воздухъ.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Если бъ тѣхъ же
И три земли объ этомъ были мыслей,
Какъ трое мы, такъ много можно бъ сдѣлать.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Коль Ури насъ зоветъ, а Унтервальденъ
Готовъ помочь, такъ вѣрьте мнѣ и Швицъ
Отъ прежняго союза не отстанетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Я въ Унтервальденѣ друзей имѣю много;
И каждый съ радостью готовъ пролить
Всю кровь свою, чтобы спастись отъ ига;
Лишь бы ему рѣшились помогать
И прочіе..... Товарищи, друзья!

Digitized by Google

Я юноша межъ вами; я бы долженъ
Молчать въ совѣтѣ; но не презирайте
Мои слова и мой простой совѣтъ,
За тѣмъ, что я не опытенъ и молодъ.
Не прихоти, не страсти понуждаютъ
Меня возстать, но верьхъ земныхъ несчастій,
Предъ коими и каменный утесъ
Отъ жалости подвигнется! Вы сами,
Отцы семействъ, желаете, чтобъ сынъ вашъ
Былъ стражемъ вашей жизни драгоцѣнной;
Не будьте же къ несчастьямъ нашимъ чужды!
Тирана мечъ и вамъ грозитъ: вы такъ же
Отъ Австріи отторгнули отчизну,
И мой отецъ былъ въ томъ же виноватъ;
И вамъ должно того же ожидать.

ШТАУФФАХЕРЪ, Вальтеру-Фирсту.

Рѣшися! Я послѣдовать готовъ!

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Намъ надо бы поговорить объ этомъ
Съ фонъ-Силлиномъ и Аттингаузеномъ;
Я думаю, ихъ имя намъ друзей
Пріобрѣтетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какое жъ имя громче
Здѣсь имени Штауффахера и Фирста?
Они у насъ такъ славны, что народъ
На нихъ свою надежду полагаетъ.
Отъ предковъ вамъ богатое наслѣдство
Досталося, и сами вы его
Умножили. Что̀ пользы намъ въ вельможахъ?
Мы сдѣлаемъ все это и безъ нихъ!

Digitized by Google

О, если бъ здѣсь одни крестьяне были!
Тогда бы мы умѣли защищаться.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Несчастья богачей не угнѣтаютъ,
Какъ насъ; потокъ, свирѣпствующій здѣсь,
До знати и понынѣ не достигнулъ;
Но и она поможетъ намъ, увидѣвъ
Возстанье поголовное.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Когда бы
Былъ судія межъ Австріей и нами,
Онъ утвердилъ бы всѣ законы наши,
И всѣ права; но насъ тѣснитъ теперь
Самъ высшій судія нашъ, императоръ
Такъ намъ поможетъ Богъ чрезъ насъ самихъ.

Штауффахеру.

Ты въ Швицѣ, другъ, товарищей ищи;
Я въ Ури буду; ну, а въ Унтервальденъ
Кого жъ послать?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Меня! Кого же ближе?

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Нѣтъ, ты мой гость, и я стараться долженъ
О безопасности твоей.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не нужно;
Не бойтеся; я знаю всѣ ущелья
Въ скалахъ и всѣ дороги; я найду

Digitized by Google

Своихъ друзей, которые сокроютъ
Меня, и мнѣ убѣжище найдутъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Пускай идетъ онъ съ Богомъ! Тамъ вѣдь нѣтъ
Измѣнниковъ; всѣмъ иго надоѣло.
Врагамъ нѣтъ средствъ. Альпцеллецъ такъ же долженъ
Искать вездѣ товарищей къ союзу
И возбуждать къ востанью земли.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ же
Увѣдомлять другъ друга будемъ мы
О ходѣ дѣлъ, чтобъ подозрѣнья фогтовъ
Намъ не навлечь? Вѣдь долго ли!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы можемъ
У Бруннена иль въ Трейбѣ собираться,
Гдѣ пристаютъ съ товарами суда.

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ.

Нѣтъ; такъ открыто дѣйствовать не должно,
Вотъ лучше какъ, послушайте: тамъ, въ-лѣво
Отъ озера, по брунненской дорогѣ,
Предъ Митенштейномъ есть въ лѣсу долина,
Закрытая непроходимой чащей.
Ее зовутъ всѣ «Ритли», потому,
Что тамъ весь лѣсъ повырубленъ и тамъ же
Положена граница межъ землями
Урійскою

Къ Мельхталю.

И вашею.

Digitized by Google

Штауффахеру.

А ты
Туда какъ разъ изъ Швица можешь ѣздить
На лодочкѣ. Тамъ мы сбираться можемъ,
Дорогами пустыми по ночамъ
Для общаго совѣта. Каждый можетъ
По десяти товарищей надежныхъ
Съ собою взять туда; тамъ будемъ мы
Придумывать всѣ средства, какъ вѣрнѣе
Исполнить то, что̀ начали теперь.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да будетъ такъ! Дадимъ другъ другу руки
Въ знакъ вѣрности, — и такъ, какъ здѣсь мы трое
Клялись стоять за родину, пусть такъ же
И три земли другъ за друга стоятъ
На жизнь и смерть!

ВАЛЬТЕРЪ-ФИРСТЪ И МЕЛЬХТАЛЬ.

На жизнь и смерть!

Они держатъ руки еще нѣсколько времени молча.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Отецъ мой!
Слѣпой отецъ! Свободы близокъ день!
Но ты его услышишь, — не увидишь!
Когда въ горахъ сигналы огневые
Поднимутся предвѣстникомъ спасенья
И крѣпости мучителей падутъ,
Тогда прійдетъ Швейцарецъ въ твой пріютъ
И возвѣститъ о радости священной
О торжествѣ свободы угнетенной,

Digitized by Google

И для тебя, лишеннаго очей,
Свѣтлѣй взойдетъ блескъ солнечныхъ лучей!

Уходятъ другъ за другомъ.

Ѳ. Борисовъ.

Шенкурскъ.
1842 года.

=

Digitized by Google

Отдѣленіе V.

Науки и Художества.

=

О ЛОЖНОСТИ МНѢНІЯ,

БУДТО БЫ ГОТЫ ВЫШЛИ ИЗЪ СКАНДИНАВІИ *.

—

Никогда не обращали такого вниманія на изученіе *источниковъ* исторіи, какъ въ наше время. Слѣдствіемъ того былъ совершенный переворотъ во многихъ предметахъ, когда проницательная критика обнаружила несправедливыя понятія, составленныя новѣйшими писателями о событіяхъ древности. Ученый Шведъ *Іаковъ Гроберіи*, членъ королевскаго французскаго института и секретарь шведскаго посольства въ Тангерѣ, занимаясь изслѣдованіемъ древностей своего отечества, написалъ превосходное разсужденіе «О ложности мнѣнія, будто бы такъ называемые варварскіе народы, разрушители римской имперіи, вышли изъ Скан-

* Изъ сочиненія Гроберга: Su la falsità dell'origine Scandinava data ai popoli detti barbari che distrussero l'impero di Roma.

Digitized by Google

динавіи.» Это небольшое сочиненіе, написанное авторомъ по-итальянски и напечатанное въ Пизѣ, 1815 года, чрезвычайно важно для исторіи скандинавскаго сѣвера.

Народъ, извѣстный у греческихъ и римскихъ писателей подъ именемъ Готѳовъ или Готовъ, оказалъ сильное вліяніе на разрушеніе римской имперіи. Прежніе писатели, утверждая, будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи, ссылались на Іордана, который самъ сослался на какого-то современника своего, Аблавія, никому и никогда неизвѣстнаго; позднѣйшіе писатели приняли это мнѣніе за непреложную истину, и многіе еще въ наше время повторяютъ сказку Іордана, и называютъ отчизною Готовъ — Скандинавію, а другіе — Островъ Готландъ. Гробергъ, съ необыкновенною ясностью показываетъ противорѣчіе Іордана съ древнѣйшими писателями, которые знали Готовъ туземцами южнаго балтійскаго поморья, за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Обнаруживъ такимъ образомъ ложность показаній Іордана, Гробергъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ съ другой *логической* стороны, разсмотрѣвъ велико ли было народонаселеніе Скандинавіи въ достовѣрно-извѣстныя эпохи? и слѣдственно, могла ли Скандинавія высылать полчища народовъ, разрушившихъ римскую имперію? Опершись на выводы исторической логики, онъ опровергъ предположеніе Маллета и Негри-ди-Равенна, будто бы народонаселеніе Скандинавіи *могло* быть несравненно болѣе до норманнскихъ экспедицій.

Рѣшительное опроверженіе Іордановой сказки необходимо должно было привести къ другому вопросу: кто были эти Готы, жители балтійскаго поморья? или: къ какому племени принадлежалъ этотъ народъ? Гробергъ самъ не занялся этимъ вопросомъ, принявъ мнѣніе Пинкертона, объявившаго Готовъ Нѣмцами, Скиѳами; оттого вся эта часть разсужденій Гробергова очень слаба, и оставлена непереведенною: переводчику казалось совершенно напраснымъ излишнее размноженіе произвольныхъ гипотезъ. Гробергъ, на основаніи Пинкертона, полагаетъ, будто бы Скиѳы-Скандинавы вышли изъ южныхъ странъ Азіи, перейдя Араксъ и Кавказъ, утвердились около Понта Евксинскаго за XXII вѣка до нашего лѣтосчисленія, откуда,

Digitized by Google

спустя четыре столѣтія переправились въ Иллирію, Грецію, Малую Азію, и населили эти страны около XV вѣка передъ Р. Х.; потомъ часть ихъ, подъ именемъ Пеласговъ, проникла въ Италію и даже въ Лигурію, въ X столѣтіи, а наконецъ вѣковъ за V до Р. Х. заняли Германію, Скандинавію и часть Галліи. Все это гипотезы. Самъ же Гробергъ замѣтилъ, что *монахи среднихъ вѣковъ* перенесли на Швецію классическое имя Скиѳіи, и, не смотря на то, повѣрилъ ихъ сказкѣ, будто бы древніе Скиѳы были предками Шведовъ. Ему стóило бы только обратиться къ Византійцамъ: отъ нихъ онъ тотчасъ бы узналъ, что даже до паденія греческой имперіи они называли Скиѳами насъ, Русскихъ. Приведенное Гробергомъ свидѣтельство Исидора Сивильскаго о родствѣ Готовъ со Скиѳами, показываетъ только то, что̀ оба эти народа принадлежатъ къ одному племени. Къ какому же? Покойный Ю. И. Венелинъ замѣтилъ, въ книгѣ *древніе и нынѣшніе Болгаре* (I, стр. 152.), что «подъ общее имя Готовъ Греки подводили всѣ почти западныя славянскія племена;» это мнѣніе подтверждаетъ новѣйшими изысканіями Н. В. Савельевъ, который представилъ, въ разныхъ статьяхъ своихъ, множество доказательствъ, что подъ именемъ Готовъ Греки всегда разумѣли два славянскихъ племени: Поморянъ и Сорабовъ, отчего и дѣлается понятнымъ, какъ въ дунайской странѣ, завоеванной Готами, внезапно являются Сербы. Въ самомъ дѣлѣ: изъ разсужденій Гроберга очевидно, что Готы не выходили изъ Скандинавіи, а были туземцами южнаго балтійскаго поморья; но страны эти завоеваны у Славянъ тевтонскими или нѣмецкими племенами только къ концу среднихъ вѣковъ; слѣдственно, Готы, вышедшіе въ имперію съ южнаго балтійскаго поморья въ началѣ среднихъ вѣковъ, необходимо должны принадлежать къ племенамъ славянскимъ.

—

Ошибка, — стоитъ ей разъ войдти въ исторію, — на долго остается неприкосновенною. Полу-ученые, партіи, люди пристрастные къ своей націи, весьма часто затмѣвали несправедливыми сужденіями своими

Digitized by Google

историческія проблемы, даже такія, которыя легко бы могли быть рѣшены людьми даже съ небольшими дарованіями, съ небольшою разборчивостію и проницательностію. Такова судьба Исторіи! Причиною того, по моему мнѣнію, врожденное людямъ нерадѣніе, по которому они охотнѣе блуждаютъ за путеводителемъ, чтобы самимъ не пробивать себѣ прямаго, но труднаго пути; а между тѣмъ въ исторіи, какъ въ географіи, всякій, кто сознаетъ въ себѣ способность судить здраво, смѣло долженъ полагаться болѣе на свои собственныя свѣдѣнія, нежели на мнѣнія другихъ.

Цѣль моего разсужденія — доказать, во-первыхъ, что Іорнандъ (правильнѣе Іорданъ) равенскій епископъ VI вѣка, * или лгалъ, или бредилъ тогда какъ писалъ, что Готы вышли изъ Скандинавіи, которую онъ именуетъ Сканціею; во-вторыхъ, что новѣйшіе ученые разстроили основаніе европейской исторіи, повторяя слова равенскаго епископа, увѣряющаго насъ, будто бы онъ взялъ это у какихъ-то авторовъ, по счастію никогда не существовавшихъ. Іорданъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одной только строкѣ своихъ сочиненій, отзывающейся догадкою, очевидно основанною на refert antiquitas; лѣнивые же историки послѣдующихъ временъ, привыкши повторять бредни другихъ, безъ разбора списывать все, что могло уполновѣсить ихъ творенія, приняли за истину подобное свидѣтельство, — внесли въ историческія книги, усиливали и проповѣдывали какъ древнюю аксіому, какъ догматъ. И этотъ мнимый догматъ освященъ уже вѣками до такой степени, что теперь, осмѣливаясь представить опроверженіе, навѣрное, я вызову на распрю всѣхъ ученыхъ Европейцевъ, въ особенности сѣверныхъ; они все еще,

* Одни писатели утверждаютъ, что Іорданъ былъ изъ Готовъ, а другіе, что изъ Аланъ; послѣднее, по мнѣнію Гроберга, вѣроятнѣе.

Digitized by Google

кажется, почитаютъ грѣхомъ и большимъ безчестіемъ отклонить отъ своего отечества очень незавидную славу, что было, по выраженію Іордана, officina gentium et vagina nationum.

Можетъ-быть удивятся, что уроженецъ Скандинавіи, даже именно Готисканціи Іордановой, первый рѣшается сказать правду, что Европа нисколько не одолжена его отечеству нынѣ живущими въ ней народами. Но истина священна для каждаго. Три сѣверные государства имѣютъ столько другихъ правъ на почтеніе, удивленіе и признательность образованной Европы, что не нуждаются въ знаменитости, основанной на софизмахъ и фантазіи; въ знаменитости, которую во всякомъ случаѣ слишкомъ помрачило бы варварство небывалыхъ сыновъ Скандинавіи. Кромѣ того, скандинавское происхожденіе Готовъ и другихъ можно бы утверждать не иначе, какъ вопреки всѣмъ доказательствамъ, болѣе достовѣрнымъ, вопреки всей исторіи. Вѣрно каждый согласится со мною, что подобнаго рода слава — самая ничтожная.

По сказанію Іордана, Готы вышли изъ Готисканціи, то есть, нынѣшняго острова Готланда. Здѣсь, прежде всего должно разсмотрѣть вопросъ съ двухъ главныхъ сторонъ: 1) *могла ли* Скандія въ тѣ времена высылать многочисленные полчища воинственныхъ народовъ? и, слѣдственно, могли ли Готы выйти изъ Скандіи? или же 2) они пришли въ нее *изъ другихъ земель*, такъ же какъ и въ полуденную Европу? Сблизимъ рѣшенія двухъ этихъ вопросовъ, и выведенныя оттуда слѣдствія, безъ сомнѣнія, объяснятъ истинное происхожденіе тѣхъ народовъ, которыхъ Италіянцы называютъ варварами съ того времени, какъ вошло въ обычай винить ихъ въ упадкѣ наукъ, искусствъ и гражданскихъ успѣховъ въ Европѣ уже образованной.

Шлецеръ за свою всеобщую сѣверную исторію заслуживаетъ справедливой похвалы, но и онъ, послѣ

Digitized by Google

розысковъ и соображеній въ теченіи пятидесяти лѣтъ, принужденъ былъ наконецъ признаться, что вѣрнаго *ничего не знаетъ* объ истинныхъ туземцахъ Сѣвера, первобытныхъ жителяхъ Скандинавіи. Первое извѣстіе, какое только мы находимъ объ ней въ древней исторіи, есть сказаніе Пиѳеаса, который съ предпріимчивымъ духомъ посѣтилъ берега ея, въ 256 году, а можетъ быть, и гораздо справедливѣе, еще прежде 327 года, какъ полагали Бугенвиль и Лапласъ, и какъ утверждаетъ сенаторъ Азуни въ небольшомъ, ученомъ сочиненіи: Mémoires pour servir à l'histoire des voyages maritimes des anciens navigateurs de Marseille (1814). Самый большой изъ острововъ, тутъ имъ найденныхъ, Базилія, безъ сомнѣнія, есть Іорданова Сканція, названная послѣ Каданоніею и Скандинавіею. Изъ описанія марсельскаго мореплавателя видимъ, что земля эта чрезвычайно холодна и сурова, по причинѣ высокихъ горъ, ужасныхъ скалъ, многихъ озеръ, непроходимыхъ лѣсовъ; лежитъ подъ небомъ весьма неблагопріятнымъ; за моремъ оледѣнѣлымъ, какъ-бы мертвымъ; природа здѣсь уже ничего не производитъ, какъ думалъ и Тацитъ. Плиній въ шутку назвалъ другимъ міромъ малую, ему извѣстную часть земли, по которой разсѣялъ племя Геллевіоновъ на 500 селеній. Ученый Госселленъ увеличилъ ошибку: сдвинулъ Скандинавію съ своего мѣста и перенесъ другой міръ Плиніевъ на островъ Фіонію. Такая грубая ошибка моего знаменитаго собрата по королевскому французскому институту, впрочемъ уже не новость: во Флоренціи, у кавалера де-Байлу, хранится прекрасно выгравированная карта Птоломеева, начертанная Вавассоромъ Ваданиномъ; по всей вѣроятности она относится къ XV вѣку, и на ней Фіонія названа Скандіею.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о сѣверѣ Европы не старѣе двухъ-тысячъ лѣтъ. Въ южной Европѣ краснорѣчіе, исторія, образованность возникли и распространились гораздо прежде; однако жъ и здѣсь происхожде-

Digitized by Google

ніе всѣхъ народовъ покрыто баснями и не проницаемымъ мракомъ. И такъ, что̀ мы должны думать о тѣхъ писателяхъ, которые и теперь еще (съ потерею времени) разсѣляютъ сыновъ Ноевыхъ; ведутъ ихъ перомъ своимъ отъ ковчега праотца нашего и отъ Вавилона ко льдамъ сѣвернымъ; заставляютъ ихъ циркулемъ своимъ идти каждое столѣтіе ровно по сту миль, всегда правильно, по одному и тому же направленію? Какъ же послѣ того назвать сочиненіе Герарда Шенинга, на 40 печатныхъ листахъ, испещренное глубокою ученостію, въ которомъ разсказываются событія за 17 вѣковъ до нашего лѣтосчисленія по сагамъ, — то есть, сказкамъ, — скандинавскимъ.

Іоаннъ Магнусъ, архіепископъ упсальскій собралъ въ одну книгу все, что̀ до него было написано и сказано хорошаго и худаго о Готахъ. Онъ считаетъ Готисканціею Іордана нынѣшній островъ Готландъ, который, по сѣвернымъ хроникамъ, былъ открытъ и населенъ за нѣсколько лѣтъ до Р. Х. какимъ-то Тіальверомъ, сыномъ Гуды. Упсальскій прелатъ не ограничился тѣмъ: недовольный избитымъ путемъ прелата равенскаго, Іоаннъ Магнусъ утвердительно назначаетъ еще эпохою перехода Готовъ на этотъ островъ — 875 годъ послѣ потопа, что соотвѣтствуетъ у него, неизвѣстно почему, 1430 году до христіанской эры. Братъ его, Олай Магнусъ, блистательно описывая островъ Готландъ, также полагаетъ, что Готы пришли сюда изъ Скандинавіи. Какимъ же образомъ теперь согласить древнюю молву объ островѣ, имѣющемъ въ окружности не болѣе семидесяти миль, съ *совершенною неизвѣстностью, его даже при Адамѣ Бременскомъ.* Этотъ писатель собиралъ извѣстія отъ самого короля датскаго, сына Естридсона, имѣвшаго болѣе свѣдѣній о трехъ сѣверныхъ государствахъ, нежели кто-либо другой, и едва ли не намекаетъ на островъ Готландъ подъ темнымъ именемъ Курляндіи, какъ на островъ дикій, занятый людьми, не имѣв-

Digitized by Google

ними ни вѣры, ни волхвовъ, ни лошадей; несправедливо предполагая, будто бы земля эта, какъ подвластная Швеціи, была описана авторами жизни Святаго Ансгарія: взглянувъ на приведенныя имъ же выписки, всякій увѣрится, что здѣсь говорится не объ островѣ, а о твердой землѣ и многихъ городахъ, изъ которыхъ одинъ отстоитъ отъ берега на пять дней пути. Правда, мы не знаемъ, какъ назывался нынѣшній Готландъ во время нашествія Готовъ; но изъ древнихъ преданій и народныхъ пѣсень, дошедшихъ до насъ отъ Скальдовъ, видно, что жители въ старину называли его Gutegutland, то есть, *добрая земля добрыхъ*, или *лошадей*, — имя, весьма близкое и почти совершенно одинакое съ именемъ Готиготіи епископа равенскаго, который называетъ еще самихъ жителей acre hominum genus et ad bella promptissimum. Готы или Ioti, обитавшіе въ Скандинавіи тогда, какъ нашелъ на нее, около 380 года, Виге Фридульфонъ подъ именемъ Одена * легко могли дать ему имя, станемъ ли производить его отъ Gud, Gott, *Богъ*, или отъ gut, god, *добрый*, или же отъ gaute, gude, gate, *конь, всадникъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что *Гутоны, или Готоны, видѣнные Пивеасомъ въ Пруссіи, суть Готы*; Тацитъ нашелъ ихъ уже отчасти переправившимися въ Швецію, гдѣ послѣ помѣщаютъ ихъ Плиній и Птоломей. Это и доказываетъ, что они съ твердой земли перешли въ Скандинавію, а не на оборотъ. Прошу всѣхъ ученыхъ въ мірѣ привести хотя одну историческую истину, одинъ достовѣрный фактъ, который могъ бы возбудить догадку, что безчисленныя толпы народовъ, различныхъ своимъ происхожденіемъ, языкомъ, нравами, сжатыхъ въ одну массу и смѣшанныхъ подъ именемъ Готовъ или Скиѳовъ, перешли съ острова Готланда въ Азію, а отсюда въ Европу.

* Они, безъ сомнѣнія, перешли на Готландъ изъ Ливоніи или Курляндіи, перебираясь на противоположную твердую землю.

Digitized by Google

Павелъ Варнефридъ, руководствуясь писателями, болѣе достовѣрными нежели тѣ, на которыхъ ссылается Іорданъ, высадилъ Виннуловъ или Лонгобардовъ на островъ Готландъ, называемый имъ Galanda. Периплы Вульфстана и Отстра, сохраненные въ драгоцѣнной географіи Алфреда, короля англійскаго, жившаго въ IX вѣкѣ, описывая этотъ островъ, называютъ его нынѣшнимъ именемъ, Готландомъ. Но *никакой авторъ, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ,* а что еще болѣе, *никакая хроника, или сага исландская, не оставили ни малѣйшаго признака, который бы доказывалъ, что Готландъ былъ отечествомъ Готовъ* или другихъ народовъ, разрушившихъ римскую монархію.

Гуты или Гуттоны, жившіе во времена Пиѳеасовы на берегахъ Балтійскаго Моря въ Пруссіи и нынѣшней Курляндіи, тутъ же находились во-времена Тацита, были изъ племени Бастерновъ; какъ бы ни говорили объ этомъ Клуверіи, Целляріи, д'Анвиль, и другіе. Они перешли въ Швецію, можетъ-быть черезъ островъ Готландъ и случайно дали ему то имя, которое сами получили отъ Германцевъ по превосходству въ конницѣ, ибо слово gate, gote, gute дѣйствительно значитъ: *конь, всадникъ.* Птоломей помѣщаетъ ихъ въ Швеціи, въ странѣ, нынѣ именуемой Остергилленъ, которую шведскіе баснословы считаютъ Остроготіею древнихъ, равно какъ и Вестергилленъ принимаютъ они за Визиготію, не смотря на оракула своего Іордана, который рѣшительно утверждаетъ, что имена эти происходятъ отъ мѣстопребыванія Готовъ на берегахъ Понта Евксинскаго и Борисѳена. Писатели среднихъ вѣковъ, преимущественно монахи, тогда главныя дѣйствующія лица въ литературѣ, обыкновенно сближали древнія имена съ новыми, такъ что едва начала сіять въ Скандинавіи заря христіанства, едва внесены туда вмѣстѣ съ нею нѣкоторыя историческія свѣдѣнія южныхъ народовъ, какъ уже Шведы названы Suevi, Датчане Daci, Норве-

Digitized by Google

гія, Noricum, Скапія Scythia. Они простерли умничанье свое до того, что Bergos Помпонія Мелы и Плинія приняли за норвежскій городъ Бергенъ, основанный въ 1069 году по Р. Х.

И такъ не мудрено, что Клуверій, какъ уроженецъ Данцига, средоточія земли Готтоновъ, для чести соотечественниковъ своихъ, имѣвшій нужду въ лучезарной славѣ Готовъ, вздумалъ выдать первыхъ за тѣхъ истинныхъ Готовъ, которые напали на Гетовъ и ихъ истребили. Целлярій, зажмуривъ глаза, согласился на его мнѣніе; а проницательный д'Анвиль, повѣрившій всему, что̀ ни говорили о своемъ отечествѣ двое этихъ изобрѣтателей, присоединилъ къ тому доказательство истинно *ребяческое*, называя Готовъ Германцами потому только, что имена ихъ начальниковъ походятъ на имена Германцевъ, а не Готовъ.

Повторяю: такая знаменитость не нужна и не принадлежитъ ни Скандинавіи, ни острову Готланду. Этому послѣднему доставляютъ другаго рода безсмертную славу его мудрые морскіе законы и морскія карты, которыхъ первые образцы явились въ городѣ Висби, столицѣ Готланда. Для меня, какъ части цѣлаго, то есть, моего отечества, гораздо кажется почетнѣе родиться и получить воспитаніе въ такой странѣ, которой одолжена Европа лучшими постановленіями своими, нежели въ такой, которая могла бы высылать отряды свирѣпыхъ опустошителей. И такъ, да позволено мнѣ будетъ повторить здѣсь, сказанное уже за 300 лѣтъ до меня Сигизмундомъ Герберштейномъ въ его прекрасныхъ запискахъ о Московіи, изданныхъ прежде на латинскомъ, а послѣ на итальянскомъ языкахъ: *нельпо и смѣшно* вѣрить, будто бы Готы вышли изъ такого маленькаго острова, каковъ Готландъ.

Іорданъ первый писалъ монашескую исторію своего народа, въ то время, когда весь міръ объятъ былъ мракомъ заблужденій и невѣжества. Іорданъ выдавалъ се-

Digitized by Google

бя за образецъ, опираясь на *мнимый авторитетъ какого-то* Аблавія, кажется, *никогда и никому, кромѣ его, неизвѣстнаго,* и сдѣлался оракуломъ *для* всѣхъ жившихъ послѣ него компиляторовъ басней и разсказовъ историческихъ. Іорданова выдумка, льстя самолюбію сѣверныхъ, особенно скандинавскихъ народовъ, съ восхищеніемъ была принята писателями, которые послѣ возрожденія наукъ принялись за объясненіе сѣверной исторіи. Порукою они представляли епископа готскаго, который былъ къ тому же и секретаремъ короля. Не заботясь ни о вѣроятности, ни о здравомъ смыслѣ, они признали за непреложную истину мнѣніе, что изъ Скандинавіи вышли не только Скиѳы или Готы, но также Аланы, Гепиды, Герулы, Вандалы, Скирры, Квады, Маркоманны, Гунны, Франки, Лонгобарды, и, Богъ знаетъ, какіе еще толпы варваровъ, вторгнувшихся въ Италію черезъ Альпы.

Небольшое сочиненіе Іордановo De rebus geticis есть простое, наскоро сдѣланное, сокращеніе пространной исторіи готской, написанной Кассіадоромъ. Это видно изъ самого предисловія сократителя, гдѣ онъ говоритъ, что позволилъ себѣ заимствовать разныя *прибавленія* изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ: «initium finemque et plura in medio, *tea dictione* permiscens.» Послѣ такого сознанія, можно сказать навѣрное, что Іордановo мнѣніе о скандинавскомъ выходѣ Скиѳовъ или Готовъ, — которыхъ впрочемъ онъ не безъ причины считаетъ за одинъ и тотъ же народъ, равно какъ это же утверждали прежде его, не говоря о многихъ другихъ, Юлій Капитолинъ, Спарціанъ, Пруденцій, Святой Іеронимъ и Клавдіанъ, — принадлежитъ къ числу этихъ замысловатыхъ *прибавленій*; ибо, какою сверхъестественною силою онъ могъ открыть пунктъ, не только невидимый всѣмъ древнимъ историкамъ, но и совершенно противоположный столь многимъ сказаніямъ ихъ, до насъ дошедшихъ? Гроцій, желая почтить Швецію и

Digitized by Google

польстить ученой Христинѣ, принялъ и распространилъ сказаніе Іордановo; однако жъ не доказалъ, хотя и ссылается на Амміана Марцеллина, чтобы Аблавій, упоминаемый епископомъ равенскимъ, могъ писать, *если бъ* онъ и существовалъ, до царствованія Константина Втораго, около 430 года: слѣдственно, и его по времени должно отнести къ новымъ авторамъ; а Пинкертонъ даже догадывается, что *Аблавій былъ современникъ Іордана, столько же несвѣдующій о происшествіяхъ сѣвера европейскаго*. И такъ Прокопій, Агаѳія, Григорій Турскій, Фредегарій, географъ равенскій, Беда достопочтенный Павелъ Варнефридъ и всѣ писатели среднихъ вѣковъ одною только фразою Іордана разрушили, какъ я сказалъ, основаніе всей европейской исторіи! Но Пинкертонъ несправедливо обвиняетъ въ этой же самой ошибкѣ ученѣйшаго автора испанской литургіи Святаго Исидора Севильскаго. Вотъ слова послѣдняго: «Gothorum antiquissimum esse regnum certum est, quod ex regno Scytharum est exortum; isti enim sunt quos Alexander evitandos pronuntiavit, Pyrrhus pertimuit, Caesar exhorruit; permulta quippe secula et regno et regibus usi sunt, sed quia in chronicis adnotati non sunt, ideo ignorantur.» Здѣсь нѣтъ *ни малѣйшаго признака* о томъ, *будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи*; напротивъ самый порядокъ, въ которомъ начертана исторія народовъ, доказываетъ, что святой епископъ считалъ ихъ пришедшими изъ Азіи. Монтескіё, Дю-Буатъ, Гиббонъ, Вольтеръ и другіе историки увѣнчали ни съ чѣмъ несообразное сказаніе Іордановo, такъ что въ наше время необходима уже смѣлость тому, кто предпринимаетъ обнаружить *глупость основанія*, на которомъ воздвигнуты знаменитыя зданія этихъ писателей.

Нынѣ всякій начинающій изучать исторію долженъ *смѣяться* надъ показаніемъ будто бы Скандинавія въ древнія времена была такъ наполнена жителями, что

Digitized by Google

изъ ней выходили войска, гораздо многочислѣннѣйшія всѣхъ, представляемыхъ намъ исторіею древнею и новою, почему она достойна блистательнаго имени officina gentium и vagina nationum. Отъ тѣхъ вѣковъ остались еще памятники, которые достаточно могутъ доказать, что, люди, *вѣрующіе въ подобные разсказы*, не имѣютъ *ни малѣйшаго понятія о положеніи и свойствѣ той земли*, большею частію наполненной каменистыми горами, многими обширными озерами, безчисленными лѣсами, занимающими неизмѣримое пространство; здѣсь грунтъ земли совершенно безплодный, а въ странахъ плодоносныхъ, особенно близъ городовъ и селъ, донынѣ ростутъ лѣса, сберегаемые по всегдашней нуждѣ въ дровахъ для топленія, для постройки домовъ и даже цѣлыхъ городовъ, равно для горновъ и другихъ заведеній. Словомъ, нѣтъ ни одного просвѣщеннаго человѣка, способнаго размышлять, привыкшаго доискиваться истины прямою дорогой, который не зналъ бы, что есть и нынѣ, да и всегда была здѣсь часть земли обработанная, удобная для воздѣлыванія, слѣдовательно и для житья; но эта часть слишкомъ мала въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ полуострова.

Защитники Іордана, пожалуй, тотчасъ сочинятъ *предположеніе*, что дикія тѣ страны въ отдаленные вѣки легко *могли быть* населены и обработаны болѣе, а признаки обиталищъ *могли* изгладиться. Для опроверженія подобныхъ мечтаній мы приведемъ въ доказательство периплы Отера и Вульфстана, Адама Бременскаго, жизнь святаго Ансгарія и всѣ древнія сѣверныя хроники; они удостовѣрятъ, что около тысячи лѣтъ по Р. Х. ничего этого и быть не могло. Адамъ совершилъ около 1076 года и описалъ свое путешествіе въ Данію, гдѣ отъ самаго короля получилъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія объ тѣхъ странахъ. Вотъ достовѣр-

Digitized by Google

ный свидѣтель. Что же говоритъ Адамъ? онъ свидѣтельствуетъ, что даже и это государство, — самая южная часть Скандинавіи, или Сканія, не столь холодная и болѣе плодоносная, — населена была только по берегамъ приморскимъ, а внутренность страны покрыта неизмѣримымъ и непроходимымъ лѣсомъ. Вермландія, хотя и не сѣверная провинція Швеціи, въ осьмомъ столѣтіи была еще пустынею, въ которой не селился ни одинъ человѣкъ до того времени, какъ Олофъ Третій, истребляя лѣса, основалъ въ ней малое государство; а дѣдъ его король Амундъ, по достовѣрнѣйшей исторіи, былъ первый король шведскій, начавшій обработывать мѣста дикія, покрытыя лѣсами, кустарниками, и пролагать пути въ разныя стороны своего государства, почему и названъ почетнымъ именемъ Браута-Амунда, то есть, Амунда-воздѣлывателя. Я не говорю уже объ Эмтландіи и Гельзингландіи, ни о другихъ провинціяхъ далѣе на сѣверъ; онѣ въ девятомъ вѣкѣ не имѣли другихъ жителей, кромѣ какихъ-нибудь Лапонцевъ или Финновъ, случайно сюда зашедшихъ. Многіе считали ихъ, да и сами они называютъ себя, конечно не безъ основанія, истинными, коренными жителями Скандинавіи; потому-что вошли въ нее сухимъ путемъ.

Если въ это время находились въ такомъ состояніи провинціи южной Скандинавіи; то разсудите же, что мы должны думать о состояніи странъ, которыя ближе къ полюсу и менѣе удобны къ воздѣланію? Кромѣ того, Скандинавскій Полуостровъ всюду покрытъ горами; а въ государствахъ не слишкомъ образованныхъ, гдѣ мало занимаются промышленностію, горы почти всегда бываютъ не обитаемы.

Прибавимъ, что въ тѣ времена землепашество или совсѣмъ находилось въ небреженіи, или мало было

Digitized by Google

благопріятствуемо; можетъ-быть, объ немъ и понятія не имѣли. Жители невольно предавались гибельнымъ воинственнымъ поискамъ, или праздности, еще болѣе вредной; безпрерывно тревожимые подвигами личнаго мщенія; всегда на стражѣ противъ внезапныхъ нападеній отъ безпокойныхъ своихъ сосѣдей, они не имѣли возможности доставить себѣ пропитаніе другимъ способомъ, кромѣ грабежей или морскихъ разбоевъ. Кто же теперь повѣритъ, чтобы всѣ *эти обстоятельства* могли споспѣшествовать распространенію рода человѣческаго болѣе, нежели *благоустройство* въ государствѣ, въ которомъ народъ наслаждается совершенною безопасностію, поля покрыты земледѣльцами; города процвѣтаютъ богатые и спокойные; самая война пагубна только одному классу обитателей; торговля, мануфактуры, искусства доставляютъ многія средства жить, не отдаляясь отъ своего крова? Но весь Скандинавскій Полуостровъ, который славится *въ наше время такими выгодами*, и теперь имѣетъ *не болѣе* трехъ съ половиною милліоновъ жителей.

Не скрою здѣсь сужденій тѣхъ людей, которые поддерживаютъ умозаключеніе Маллета, и еще италіянскаго монаха Франциска Негри Равенна, который былъ около 1660 года въ Швеціи и описалъ свое путешествіе, въ нѣсколькихъ весьма хорошихъ письмахъ къ Космѣ Третьему, великому герцогу тосканскому, изданныхъ въ 1701 году, послѣ смерти автора. Они хотятъ согласить басню Іорданову съ исторіею, приписывая предпріятія Готовъ народамъ, вышедшимъ изъ Скандинавіи. Они *предполагаютъ*, что военачальники Готовъ съ отборными дружинами выходили, если не съ береговъ отечественныхъ, то по-крайней-мѣрѣ изъ *поселеній*, заведенныхъ этими народами въ другихъ мѣстахъ; что за ними пошли въ слѣдъ Виннулы или Венделы, названные послѣ Лонгобардами, оттого что соеди-

Digitized by Google

нились съ этими послѣдними и составили одинъ народъ; что, вышедъ изъ страны своей въ маломъ числѣ, они посредствомъ войны и союзныхъ трактатовъ *чрезвычайно размножились*, соединяясь съ обитателями тѣхъ земель, чрезъ которыя проходили, а послѣдніе, имѣя въ виду корысть, грабительства и жизнь веселую въ странѣ изобильнѣйшей нежели ихъ отечество, легко соглашались покидать свои жилища. Такимъ образомъ Маллетъ утверждаетъ, что древніе Скандинавы, всѣ вообще воины храбрые, могли наполнять Европу шумомъ своего оружія и долго раззорять многія земли, хотя жителей въ трехъ сѣверныхъ государствахъ тогда было гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ. Онъ самъ признается въ большой трудности *согласить допускаемое многолюдство Скандинавіи со всѣмъ тѣмъ, что исторія говоритъ объ ея древнихъ жителяхъ*, равно какъ и съ *истинными политическими причинами умножающагося народонаселенія*. Но для чего затемнять ясную истину? Если скажутъ: «Въ началѣ среднихъ временъ, при послѣднихъ Карловингахъ во Франціи, сѣверныя страны долженствовали имѣть народонаселеніе многочисленное, когда они могли высылать разбойниковъ, грабившихъ, подъ именемъ Норманновъ, морскіе и рѣчные берега Франціи, Испаніи, Италіи.» — Я буду отвѣчать вмѣстѣ со всѣми историками французскими и латинскими тѣхъ временъ, что разбойники эти, съ шестаго вѣка извѣстные подъ именемъ Саксонцевъ, потомъ Датчанъ, а наконецъ Норманновъ, сначала были *не только малочислены*, но и *совершенно различнаго происхожденія*. Ихъ лютость, отчаянная храбрость, количество судовъ, изъ которыхъ каждое вмѣщало въ себѣ не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ; ихъ внезапныя появленія, которымъ всюду предшествовалъ ужасъ, тщетное имъ сопротивленіе, конечно долженствовали увеличивать въ глазахъ жителей, на которыхъ они нападали, и число и силу грабителей. Всѣ памятники современные удостовѣ-

Digitized by Google

ряютъ, что нѣсколько толпъ ихъ разсыпались по Франціи уже послѣ половины десятаго вѣка. Гаддингъ, внезапно явившійся, въ 857 году, при Луни въ Лигуріи, думая, что тутъ столица христіанства, едва имѣлъ съ собою триста человѣкъ; не смѣя дѣйствовать явною силою, онъ успѣлъ разграбить и сжечь городъ съ помощью коварной хитрости. Измѣна Генриха, герцога саксонскаго, который, въ 885 году, подъ предлогомъ переговоровъ, совсѣмъ неожиданно умертвилъ Годфреда, крещеннаго Нормана, тогдашняго герцога Фризіи, произвела высадку во Францію первой многолюдной арміи Норманновъ; семь-сотъ лодокъ, въ 886 году, осадили Парижъ. Самое многочисленное войско ихъ было то, которое составилось въ Швеціи, Даніи, Норвегіи, Англіи; въ поморской Славіи и въ нижней Германіи, числомъ болѣе 90 тысячъ, вошло, въ 890 году, въ устье Мааса (Mosa) и разбито императоромъ Арнольдомъ. Но это войско состояло не изъ однихъ жителей Скандинавіи или съ сѣвера; сами историки французскіе того времени увѣряютъ, что оно составлялось большею частію изъ французскихъ преступниковъ, ссылочныхъ, злодѣевъ, которые присоединились къ Норманамъ. Мезерай и другіе писатели сами себѣ противорѣчатъ. По ихъ мнѣнію Скандинавія въ древнія времена была весьма многолюдна, но опустѣла будто-бы по двумъ причинамъ: 1) со времени достопамятнаго истребленія Норманновъ, повсюду разбитыхъ тогда во Франціи; 2) отъ переселенія ихъ въ Нейстрію, которое однако жъ произошло *гораздо позже*; такъ, будто-бы, Испанія, нѣкогда обильная народонаселеніемъ, теперь, когда жители ея вышли за богатствами новаго міра, стала очень малолюдна. Господа писатели *забыли* однако жъ, что Рольфъ или Робертъ, сдѣлавшійся, въ 912 году, герцогомъ норманскимъ и зятемъ Карла Простаго, привелъ во Францію *очень не много* Норманновъ. Согласимся впрочемъ на время съ писателями, наиболѣе *щедрыми*, положимъ во *сто-ты-*

Digitized by Google

сячь числю всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіи девятаго и десятаго вѣковъ или убиты, или водворились во Франціи; признайтесь же, что подобнымъ числомъ конечно нѣтъ никакой возможности ни *доказать несмѣтнаго количества жителей* тѣхъ странъ, откуда они выходили, ниже *уменьшить народонаселеніе Скандинавіи, Англіи, сѣверной и нижней Германіи, такъ чтобы это могло быть ощутительно для нихъ* почти *на девять вѣковъ*. Важное слѣдствіе, новое убѣдительное доказательство справедливости моихъ мнѣній.

Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ ясно показываетъ, что Скандинавія до Рождества Христова не имѣла такого несмѣтнаго народонаселенія, какое ей приписываютъ, и слѣдственно *не могла высылать тѣхъ ужасныхъ полчищъ*, которыя давали законы Византіи, Риму и Карѳагену. Если и этого мало, пусть еще заглянутъ въ Страбона, Тацита, Птоломея, во всѣхъ авторовъ исторіи Августова вѣка, въ самого Орозія, довольно хорошо знавшихъ дѣла Готовъ и сѣверныя происшествія; увидятъ что ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни слова въ пользу Іордана. Амміанъ, Марцеллинъ, очевидный свидѣтель первыхъ потрясеній римской монархіи, написалъ въ IV столѣтіи, за 170 лѣтъ до епископа равенскаго, самую справедливую и разсудительную исторію своего времени; его сочиненія — драгоцѣнный памятникъ, которымъ должно опровергать распространившіяся нелѣпости Іордана и рабскихъ его подражателей.

Всѣ первыя нападенія варваровъ на римскую имперію происходили съ востока Европы, изъ окресностей Понта Евксинскаго. И такъ, на чемъ же основывали Іорданъ и его Аблавій любимую мысль свою? Какъ могли они предполагать, что всѣ народы европейскіе вышли изъ страны *отдаленной, бѣдной, въ которой число жителей было и всегда будетъ весьма не велико*; и между-

Digitized by Google

тѣмъ не сказать ни слова о земляхъ, которыхъ народонаселеніе простиралось даже до излишества, о Германіи, Гетіи, Малой Скиѳіи, особенно о странахъ черноморскихъ. Изслѣдованіе объ этомъ и безполезно и трудно: разумъ человѣческій не можетъ объяснить собственныхъ заблужденій. Быстрое вторженіе въ римскую имперію варваровъ, шедшихъ отъ сѣвера на югъ, подало мысль съ вѣроятностію принять за точку ихъ отправленія отдаленнѣйшія полярныя страны, едва извѣстныя тогда по имени. Любовь къ чудесному и склонность къ баснямъ, врожденныя въ извѣстной степени всѣмъ народамъ, произвело изъ этого *вымыселъ, несообразный ни съ здравымъ смысломъ, ни со свидѣтельствомъ всѣхъ древнихъ авторовъ*, но выданный Іорданомъ и Прокопіемъ за истину, тѣмъ удобнѣе, что отдаленность Скандинавіи, почти невѣдомой въ тѣ времена, благопріятствовала ихъ вздорной мысли и не могла обнаружить ея нелѣпости.

Пора вывести изъ заблужденія обманутое сказками потомство. Я уже *не первый* возстаю противъ распространителей басень: Пинкертонъ отчасти предупредилъ меня въ своихъ весьма ученыхъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи Готовъ. Но этотъ ученый оскорбляетъ всѣхъ сѣверныхъ антикваріевъ, говоря, будто-бы между ними нѣтъ ни одного, который осмѣлился бы изобличить ложь равенскаго епископа. Кромѣ того, онъ объявляетъ, что философія еще не озарила Скандинавіи, и что писатели, преданные наслѣдственнымъ баснямъ, чуждаются или же весьма не охотно принимаются за греческую и латинскую литературу, равно какъ и за всеобщую исторію Европы. На это должно отвѣчать его же собственными словами, сказанными въ другомъ мѣстѣ, что подобныя глупости должны стоять на ряду съ разсказами болтливой старушки, которыми она забавляетъ малютокъ. Можно бы послѣ того думать, что еще не достигъ до очей готландскаго географа свѣтъ

Digitized by Google

разлитый щедрою рукою на скандинавскія лѣтописи новыми историками, каковы Штіерманъ, Вотине, Ире, Цельсій, Лагербринъ, Штрандъ, Елерсъ, Фантъ, Шерингъ, Розенганъ, Портанъ, Адлербетъ, Галленбергъ, Сумъ, Торлацій, Мунтеръ, Ведель-Симонсенъ, Верлауфъ, Ніерупъ, Енгельштофтъ, Шлецеръ, Рюсъ, и прочіе. Эти остроумные и проницательные изыскатели уже не первые и не послѣдніе критики, которые *ни во что̀ вмѣняютъ сказки Іордана и его послѣдователей.* Гораздо прежде Пинкертона, шведскіе философы были очень увѣрены, что такія бредни не могутъ ни утвердить, ни увеличить знаменитости государства.

Повторяю: внезапное вторженіе Гунновъ, около 376 года, въ средину Европы, прекративъ всѣ сообщенія, уничтожило всякую возможность имѣть свѣдѣнія о странахъ сѣверныхъ. Нижнюю Германію въ тѣ времена знали весьма плохо и думали, что она не богата жителями, почему и начали выводить народы изъ странъ болѣе отдаленныхъ; а какъ Скандинавія была земля почти невѣдомая, и слѣдственно именемъ ея можно было прикрывать незнаніе: то и назвали ее отечествомъ всѣхъ тѣхъ народовъ.

Кончу нѣкоторыми замѣчаніями, которыя предлагаю на судъ истинно ученыхъ, въ твердой надеждѣ, что они признаютъ ихъ справедливость и убѣдительность. Іорданъ утверждаетъ, что Готы, вышедши изъ Скандинавіи съ государемъ своимъ Берикомъ *только на трехъ судахъ*, пристали прежде къ Острову Готисканціи, а потомъ къ странѣ Ульмеруговъ, побѣдили ихъ и выгнали изъ жилищъ, такъ же какъ и сосѣдовъ ихъ Вандаловъ. И такъ, безъ всякаго сомнѣнія, этихъ первыхъ товарищей Берика было весьма не много, если они могли переплыть море на трехъ лодкахъ, изъ коихъ *каждая* въ то время помѣщала въ себѣ *не болье двухъ или трехъ человѣкъ*, что̀ *доказывается древними хрониками.* По увѣренію

Digitized by Google

Стурлесона, Гаральдъ, сынъ Мадуата, славный морской разбойникъ, имѣлъ съ собою на тридцати судахъ только восемьдесять человѣкъ. Если же, судя по вѣроятности, принять Берика и малочисленныхъ его товарищей за бѣглецовъ, или изгнанныхъ изъ своего отечества, подобныхъ тѣмъ, которые послѣ открыли Исландію, Гренландію и овладѣли Нейстріею; то гдѣ же доказательство будто-бы Скандинавія была officina g ntium и vagina nationum, какъ увѣряли Аблавій и Іорданъ?

Готы, мало-по-малу сдѣлавшись, по сказанію Іордана, народомъ многочисленнымъ, отправились въ Скиѳію при пятомъ государѣ своемъ. И такъ, первыхъ выходцевъ скандинавскихъ, вѣрно, уже не было на свѣтѣ; а если кто-либо изъ нихъ достигъ береговъ Понта Евксинскаго, гдѣ находилась тогда Скиѳія, то это случилось точно такъ же, какъ въ послѣдствіи времени Норманы достигли Гренландіи и Сициліи, или какъ Шведы, во времена Карла XII, очутились въ Сибири.

Правда, Тацитъ упоминаетъ о шведскихъ флотахъ; однако *ни откуда неизвѣстно, даже изъ преданій, чтобы они выходили изъ-за Балтійскаго моря* до того вѣка, въ который писалъ Іорданъ. Снорре Стурлесонъ, очень хорошо знавшій дѣла скандинавскія, разсказываетъ о разныхъ экспедиціяхъ въ Россію, Финляндію, Рейдготію, то есть, нынѣшнюю Пруссію, и въ страну Вендовъ; но они всегда предпринимаемы были единственно по духу войны и мщенія, а *вовсе не для переселеній*, совсѣмъ *не для уменьшенія многолюдства*. Этотъ писатель преподробно разсказываетъ о самыхъ даже мелочныхъ предметахъ, если они могутъ относиться къ чести Скандинавовъ; такъ неужели онъ умолчалъ бы о происшествіи столь громкомъ, какимъ хотѣлъ его представить епископъ равенскій.

Для меня довольно, если предложенныя мною здѣсь доказательства поставятъ *сказку Іордана* на ряду съ

Digitized by Google

баснею тѣхъ, которые заставили было и Лонгобардовъ выселиться въ IV или VI вѣкѣ изъ Скандинавіи, когда Страбонъ, Веллей Патеркулъ и Тацитъ говорятъ объ нихъ, во времена Августа, какъ о древнемъ народѣ средней Германіи; на ряду съ баснями тѣхъ, которые смѣшивали Цыганъ съ Чехами. Въ европейской исторіи остается еще много извѣстій, почитаемыхъ за доказанную истину, тогда какъ объ нихъ можно и должно сказать съ Ювеналомъ:

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aëre lavantur.

Съ итальянскаго,

А. Александровъ.

=

Digitized by Google

НОВѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ

О

БОЛГАРАХЪ.

Письмо къ исправляющему должность профессора Одесскаго Лицея, Михайлу Александровичу Соловьеву.

—

Не велико число благородныхъ защитниковъ славянской народности отъ несправедливыхъ обвиненій чужеплеменниковъ; но съ удовольствіемъ видитъ каждый Славянинъ, что стремленіе къ *народности*, на которую обратило вниманіе мудрое правительство Россіи, съ каждымъ часомъ усиливается и обѣщаетъ со временемъ принесть богатые плоды, развивъ въ народѣ сознаніе славнаго своего происхожденія. Какъ сподвижникъ въ образованіи болгарскаго юношества, вы приняли на себя трудъ, познакомить читателей «Москвитянина» (1842 года № 5) съ ихъ единовѣрными и единоплеменными братьями, Болгарами. Не только мнѣ, но и всѣмъ живущимъ въ Одессѣ моимъ соотечественникамъ, которые

Digitized by Google

умѣютъ цѣнить заслуги, оказанныя имъ трудящимися для нихъ единокровными и старшими братьями, очень было пріятно прочесть трудъ вашъ, предпринятый съ единственною цѣлью принесть имъ пользу. Всѣ радуются, видя, что ученый, столь близкій къ нимъ, русскій литераторъ взялся за перо, съ намѣреніемъ изложить чувства искренней приверженности къ тому сродному Русскимъ племени, которое столь долгое время, по причинамъ всѣмъ извѣстнымъ, томится во мракѣ невѣжества. Можно ли истинному Болгарину, имѣющему нѣкоторымъ образомъ чувствительное сердце, не быть обязаннымъ безкорыстнымъ своимъ благотворителямъ? Изъ чистаго сердца воздаютъ они вамъ нелицемѣрную свою признательность; отъ чистаго сердца цѣнимъ ваше благородное расположеніе къ нашему племени. Вотъ почему ни мало не принимаю я за обиду сказаннаго вами на счетъ моего, можетъ-быть, не совсѣмъ исправнаго труда; думаю, и вы такъ же, доискиваясь истины, ни мало не оскорбитесь, если я почту себя обязаннымъ, объясниться, съ позволенія вашего, на счетъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, замѣченныхъ мною въ вашей статьѣ, помѣщенной въ «Москвитянинѣ.» Дѣло вѣдь идетъ объ узнаніи истины относительно всего того, что нынѣ предприняли, или предпринимаютъ Болгаре, которымъ русскіе ученые, по доброжелательству простерли руку помощи; слѣдственно, за истину, никто, желающій дѣлать добро, не можетъ и не долженъ сердиться: что говорится съ цѣлію разъяснить истину, то не можетъ быть принимаемо за обиду.

Имѣя честь знать васъ лично, и будучи увѣренъ въ вашихъ благородныхъ чувствахъ, въ искренномъ намѣреніи сдѣлать добро своимъ единокровнымъ меньшимъ братьямъ, въ пользу которыхъ вы расположены, я смѣло берусь за перо. Нѣкоторыя замѣчанія нужны тѣмъ болѣе, что невѣрныя свѣдѣнія, полученныя вами,

Digitized by Google

могли бы ввести въ заблужденіе незнакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, сообщить другимъ неправильное направленіе, и тѣмъ быть причиною непредвидимыхъ ошибокъ.

Уважая достоинства ваши, и надѣясь, что вы и впредь не перестанете трудиться надъ болгарской литературой, прежде всего поздравляю васъ съ почти невѣроятнымъ успѣхомъ, которой вы въ короткое время умѣли пріобрѣсть въ болгарскомъ языкѣ и письменности; можно быть вполнѣ убѣжденнымъ, что, продолжая шествовать на этомъ поприщѣ, вы достигните совершенства въ знаніи болгарскаго языка. Такихъ-то мужей и нужно теперь Болгарамъ. Да наградитъ ихъ Богъ дарами своихъ благъ!

Желая сдѣлать меня болѣе ревностнымъ патріотомъ, вы приписываете много похвалъ моей книгѣ; комплиментовъ этихъ на себя не принимаю. Книга писана мною для возбужденія соревнованія въ моихъ добрыхъ соотечественникахъ, а не для выставленія себя на поприщѣ литературномъ; сочинена, по силамъ моимъ, съ цѣлью короче познакомить Русскихъ съ ихъ забытыми братьями, Болгарами, обративъ на нихъ болѣе вниманія и извѣстности, нежели какими они пользуются поднесь. Болгаре и тѣломъ и душою обращаются къ своимъ старшимъ братьямъ, могущественнымъ Россіянамъ. Происходя отъ одного и того же великаго корня, не въ правѣ ли они это дѣлать? Не обязаны ли старшіе братья подать всякую помощь возникающей между ними образованности? Къ тому клонится книга моя; что могъ—сдѣлалъ; другіе, кто можетъ, пусть сдѣлаютъ лучше: quid potui feci, faciant meliora potentes.

Вы пишите, что я не первый далъ примѣръ называя себя открыто Болгариномъ. Вы примѣняете частности къ главнымъ событіямъ. Частности не составляютъ эпохи. До крещенія Богориса болгарскаго и Владиміра кіевскаго были христіане изъ Болгаръ и христіане изъ Русскихъ; но эпоха крещенія и тѣхъ и другихъ

Digitized by Google

есть эпоха Бориса и Владиміра. Вы сами пишете: «Ве-
«нелинъ открылъ міру цѣлый народъ, и въ этомъ на-
«родѣ пробудилъ сознаніе и возбудилъ его къ незнако-
«мой прежде ему дѣятельности.» Но и до Венелина
болгарскій народъ существовалъ, былъ извѣстенъ дру-
гимъ, и отчасти самъ былъ знакомъ и съ дѣятельно-
стію по многимъ отношеніямъ; но, къ стыду, Болгаре
скрывали свой родъ. Мнѣніе это подверждается словами
ревнителя болгарскаго просвѣщенія, образованнаго Серба
въ его книгѣ *Житіе Святаго Алексія*: «ще ли,—пишетъ
«онъ,— нѣкога и въ Болгаріа да возсія благодатна луча
«премудрости? въ Болгаріа кажемъ, кое е отечество
«ваше, кое е нѣкога славно было, коего се вы обаче
«днесь стыдите, какво що видехъ многихъ да се отри-
«чатъ отъ това име Болгаринъ, а защо? за това защо
«студеность нихнаго сердца не позволява имъ да *лю*-
«батъ свое отечество, найвыше изъ тая причина що е
«непросвѣщено, глупо, нещастно и бѣдно. А они се
«помешали едни съ Грецы и нарекли се Грецы, дру-
«гіи пакъ съ Власи и называтсе и они тако, и като бе-
«зумни гнусатсе отъ своего рода, языка и имене, акіи
«бы имъ име Болгаринъ безчестіе приносило. Но акобы
«вси народы чрезъ нещастіе своего рода языкъ свой и име
«пременували, то бы вси бѣднѣйши были, и вѣчно бы пре-
«зрѣніе заслуживали. Обаче то въ народѣхъ, кои родъ
«свой, ако и нещастный, истинно любатъ не треба да
«буде, наипаче тогава выше да се трудатъ да родъ
«своей отъ нещастіе, бѣда и невѣжество избаватъ, и
«това е право благородство и истинно отечестволюбіе.
«Пытамъ азъ: кого видехте о Болгари! и чухте да се
«отричо своего рода и языка? Азъ единъ не видехъ ни-
«кого до Болгарина. Грецы свой родъ не крыятъ, но
«іоще се называтъ Еллини, отъ коихъ и происходатъ,
«и трудатсе да го выше умножатъ. Тако Росси, Серби,
«Лехи, Чехи и прочіи, кои отъ Славенскаго народа про-
«исходатъ, явно съ высокій гласъ проповѣдуватъ, какъ

Digitized by Google

«су потомцы храбрѣйша и славнаго народа. А вы що «сте? о Болгари! Еда и вы нѣсте потомцы тогоже ис- «таго народа коего су Росси, Серби и прочи? И нели е «срамота да се стыдите славнѣйшаго имене? наипаче «треба да се хвалите и поносите, какъ сте сродни съ «прочи народи славенскаго потомства, кои су днесь въ «цѣла Европа и съ слово и съ дѣло славни, кромѣ «васъ Болгаровъ, кои то сте со все назадъ останали. «За то и пытамъ и съ высокій гласъ выкамъ: о наро- «де! щели и въ Болгаріа до возсія нѣкога благодатна «луча премудрости?»

Говоря о болгарскихъ юношахъ, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ центральнаго міра южной Славянщины, вы, по доброму вашему расположенію предназначаете ихъ къ той цѣли, для которой они назначены, то есть: *возвратиться въ Болгарію и служить тамъ свѣтиломъ образованности для молодыхъ Болгаръ, преподавая слово Божіе соотечественникамъ на природномъ языкѣ.* Это желаніе ваше, въ то же время желаніе мое и всѣхъ благомыслящихъ Болгаръ, и безъ всякаго сомнѣнія, желаніе всѣхъ нашихъ старшихъ братьевъ. Дай Богъ, чтобы оно осуществилось.

КЪ КОТОРОМУ ВРЕМЕНИ ДОЛЖНО ОТНОСИТЬ ВОЗРОЖДЕНІЕ БОЛГАРЪ?

По мнѣнію вашему, основанному на разсказахъ Болгаръ, только кровавые грабежи яростныхъ разбойниковъ (Кирджели), опустошавшихъ европейскую Турцію при Селимѣ III, заступившемъ мѣсто брата своего Абдулъ-Гамита I въ 1789 году Апрѣля 7, были причиною неподвижнаго, низкаго состоянія болгарской образованности. Кирджели надѣлали много зла, и опустошили много мѣстъ, между прочими, въ 1800 году, Габрово превращено было ими въ пепелъ. Но врядъ ли можно

Digitized by Google

согласиться, что грабежи ихъ не допустили возрасти образованности: Болгаре всегда спали тѣмъ же сномъ. Если бъ они бдили надъ своею образованностію, то десятилѣтняя смута, причиненная Киржелями не могла бы остановить ихъ движенія къ просвѣщенію тѣмъ менѣе попрепятствовала имъ греческая революція. Въ отношеніи къ образованности, они и до Киржеліевъ и до революціи Грековъ, находились in statu quo. Въ такомъ бездѣйствіи, находились бы они и по сіе время, если бы кровавый, но достопамятный день, 3 Іюня 1826 года, не озарилъ ихъ, подобно прочимъ подданнымъ оттоманской державы, лучемъ свободы. Безсмертный Махмудъ II, преобразователь своего государства останется памятнымъ для всѣхъ своихъ подданныхъ; съ 1826 года начинается новая эпоха въ лѣтописяхъ Оттоманской Имперіи. Уничтоживъ своею твердою волею толпы янычаръ, Махмудъ возродилъ свою имперію, давъ равное всѣмъ подданнымъ право. Преемникъ его достоинствъ, и вѣрный послѣдователь его плановъ, нынѣ царствующій Абдулъ-Меджидъ, формальнымъ актомъ, изданнымъ 3 Ноября 1839 года, упрочилъ и утвердилъ преобразованіе родителя. * Ничто болѣе какъ преобразованіе Турціи должно почитать причиною зародыша болгарской образованности, утвержденное хатишерифомъ нынѣшняго падишаха. Болгаре начинаютъ дышать свободно, развѣвая умственныя способности и шествуя твердыми шагами къ образованію этой эпохи; никакая почти мысль о развитіи образованности не возникала между Болгарами; даже живущія въ прочихъ государствахъ соотечественники

* При самомъ изданіи хати-шерифа, онъ переведенъ былъ для обнародованія въ церквахъ по-гречески и армянски. Болгаре не имѣли его по самый 1841 годъ; тогда-то перевелъ и напечаталъ его, въ Бухарестѣ, господинъ Каллистъ, нынѣшній учитель въ Габрово.

Digitized by Google

ихъ не помышляли о возрожденіи болгарской письменности, стыдясь въ сношеніяхъ съ иностранцами называть себя Болгарами. Скудное изданіе до этой эпохи одной или двухъ книгъ, содержащихъ поученіе на праздничные дни и описаніе чудесъ Пресвятыя Богородицы, не должно почесть домогательствомъ развить умственныя силы Болгаръ. Цѣль этихъ изданій клонилась къ тому, чтобы укрѣпить христіанъ въ догматахъ нашей православной вѣры, а не познакомить ихъ съ знаніями и науками. Первая попытка обратить вниманіе Болгаръ къ образованію сдѣлано ревнителемъ болгарской литературы, докторомъ Беровичемъ. Въ 1824 году, изданъ имъ по этому предмету букварь *, а въ 1825 году, господинъ Кипиловскій напечаталъ свой переводъ святаго Цвѣтообразія Гибнера **; но *букварь* Беровича, къ сожалѣнію, не приняли какъ слѣдовало, а переводъ господина Кипиловскаго тоже имѣлъ мало успѣха. Для бо̀льшаго удостовѣренія, послушаемъ что̀ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи господинъ Райно. *** Изъявивъ свое неудовольствіе на нечувствительность Болгаръ къ образованію, онъ продолжаетъ: «но онія, ко и то са назоваватъ святаго «Цвѣтообразіе, макаръ (хотя) и да са історіи отъ Вет«хіатъ и Новыятъ Завѣтъ избранни, и святи, и прове«дени съ голѣмъ трудъ, и съ цѣна скапа напечатанни, «които а ко не другитѣ, а то да бѣха ги употребили «въ школытѣ, за да ги научаватъ дѣца та и да са по«попросвѣщаватъ отъ тѣхъ, требаше да не постигнатъ «токмо за Терновска та епархіа, а ко бѣха са типа«рили іоще два пати до нынѣ, но глѣдамъ, чи іоще

* Деннница, стр. 54.

** Деннница стр. 31, 33, 57, 85.

*** Христоюія. Будимъ, 1937, стр. 17.

Digitized by Google

«са таркалятъ по тюкяньтѣ (лавки), и гніятъ по мага-«зытѣ. Това като видѣха онія ревнители, поболѣха, и «по много то отъ тѣхъ са оставиха отъ това намѣре-«ніе, канво то и тѣмъ, и на родатъ имъ неполезно, и «са фанаха (взялись) отъ друга работа: а за Балгары-«тѣ не щатъ нето да подуматъ вече нѣкое добро, но «всякій отъ тѣхъ жалостно съ пророка Давида дума: «онѣмѣхъ и смирихся и умолчахъ отъ благъ, и бо-«лѣзнъ моя обновися.» Такъ писалъ, въ 1837 году, господинъ Райно, жалуясь на нечувствительность своихъ соотечественниковъ къ ученію. По этимъ доводамъ нельзя допустить предположеніе, что Болгаре гораздо прежде преобразованія турецкаго правительства, Венелина, и учрежденія габровскаго училища начали входить въ себя, и почувствовали необходимость народнаго образованія.

Вы чистосердечно положились на сказанія живущихъ въ Одессѣ Болгаръ, и на основаніи этихъ разсказовъ приступили къ разбору, моей *Денницы*. Непонятно, почему эти сказанія приняты за факты, неподлежащіе никакому сомнѣнію. Прежде надо бы вамъ разобрать самыя разсказы Болгаръ: не хотѣли ли они слишкомъ услужить вамъ своею готовностію? не имѣли ли они какихъ причинъ отзываться невыгодно и превратно о сказанномъ мною? — Есть надежда, что вы, занимаясь съ такимъ усердіемъ, со временемъ сами увѣритесь въ справедливости сказаннаго мною, и будете осторожнѣе къ разсказамъ, неимѣющимъ никакого положительнаго основанія и вѣрности. Но такъ какъ вы изъявляете желаніе, увѣриться въ истинѣ, съ удовольствіемъ предлагаю вамъ нѣкоторыя поясненія, начиная съ самаго Габрова.

Digitized by Google

О ГАВРОВѢ.

Болгарамъ, живущимъ въ Одессѣ и сообщавшимъ вамъ свѣдѣнія о Габровѣ, по-видимому, щекотно слышать это имя. Они домогаются унизить Габрово въ глазахъ Русскихъ. Нигдѣ и никогда не приписывали мы Габрову той знаменитости, которая принадлежитъ другимъ городамъ Турціи, но изъ поименованныхъ вами мѣстъ, если исключить Сищовъ, который, подобно Самокову и Вратцѣ, есть, по турецкому раздѣленію, не только городъ, но, что еще важнѣе, портовая пристань на правомъ берегу Дуная,— прочія приводимыя вами мѣста должны уступить Габрову извѣстностію по той болѣе причинѣ, что чрезъ его дефилей направленъ проходъ Балканскихъ Горъ въ Загорьѣ (Румеліѣ). Народонаселеніе Габрова съ хуторами превышаетъ Самоковъ и Вратцу, и даже самаго Сищова, если взять въ соображеніе, что большую часть жителей сказанныхъ городовъ составляютъ Оттоманы, между-тѣмъ, какъ Габрово населено одними Болгарами. Двадцати-тысячное его населеніе подтверждается, кромѣ свидѣтельства людей хорошо знающихъ Габрово, и краткою географіею архимандрита Неофита, уроженца мѣстечка Котела * и Еммануила Васкадовича. Писатели эти ставятъ въ Габрово до шести-тысячъ семействъ, между-тѣмъ, какъ по краткости своей географіи проходятъ молчаніемъ народонаселеніе многихъ другихъ городовъ и мѣстъ. Въ «Денницѣ» сказано нами, что Габровъ съ своими хуторами имѣетъ 20,000 жителей, обоего пола. Сомнѣваясь въ разсказѣ новоприбывшихъ Габровцевъ, что народонаселеніе Габрова доходитъ до 30,000 душъ, мы отнеслись въ Габрово: съ просьбою сдѣлать вѣрное исчисленіе тамошняго на-

* Краткое землеописаніе. Крагуевецъ, 1835. — Денница стр. 117.

Digitized by Google

родонаселенія, и по полученіи, оттуда извѣстій не оставимъ увѣдомить васъ. По словамъ, какъ должно полагать, того же словоохотнаго разсказчика вы пѣняете мнѣ, что я ставлю въ Копривщицѣ * 5,000 душъ народонаселенія, между-тѣмъ, какъ Копривщица имѣетъ болѣе 20,000 жителей, а не 5,000; а въ филиппопольской епархіи **, по географіи Константина Экономa, — изданной на греческомъ языкѣ въ Вѣнѣ, въ 1819 году, — считаются будто 360 селъ, а не 150, какъ мною показано. Для опроверженія моихъ словъ, вы поставляете въ свидѣтели греческаго географа и священника города Филиппополя, книгу котораго вы имѣетподъ рукою, и гдѣ по епархіи Филиппополя показано означенное вами число селъ. Но этотъ же самый и географъ описываетъ и Копривщицу *** села той пархіи слѣдующимъ образомъ: *Κοπρίβστιτσα κώμη ἕως χιλίων οἰκιῶν* (Копривщица село, имѣющее около тысячы домовъ). Если приводимый вами географъ заслуживаетъ вашего довѣрія на счетъ числа селъ всей епархіи, то почему не заслужилъ онъ его на счетъ народонаселенія Копривщицы? Копривщица, имѣвшая въ 1819 году около тысячи домовъ, лежитъ въ глухомъ ущельи Балкана; слѣдственно, не имѣя ни пристани, ни другаго важнаго мѣстоположенія, въ наши дни то же, что была во время Экономa; и какъ ея домы не домы Санктпетербурга, и домы австрійской столицы, то много, если дать ей, по опредѣленію Экономa, народонаселеніе около 5,000 душъ какъ мною и показано. Что же касается до селъ епар-

* Денница стр. 108.

** Тамъ же стр. 137.

*** *Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως παρὰ Οἰκονόμου Κωνσταντίνου. Βιέννῃ*, 1819. Σ 38.

Digitized by Google

хій, упомянутыхъ мною въ «Денницѣ»*, то число это относится не къ общей статистикѣ, но къ одному епархіальному христіанскому народонаселенію, гдѣ не входятъ села, населенныя другими не христіанскими вѣроисповѣданіями. Чтобъ яснѣе разобрать и это обстоятельство, послушаемъ опять приведеннаго нами Эконома: *Αἱ δε περὶ τὴν πόλιν (φιλιππούπολιν) κῶμαι καὶ χῶραι καὶ χωρία..... ἕως τῶν* 360 *ἀριθμοῦνται καὶ αἱ μέν ὑπό Τούρκιον μόνον εἰσίν οἰκούμεναι αἱ δε ὑπό Χριστιανῶν αἱ δε πλείους ἀναμεμιγμένα εἰσίν ἐκ τούτων τῶν δύω γενῶν τῶν Τούρκων τό πλεῖζον τοῦ ἀριθμοῦ ὡς καὶ ἐν τῇ πόλει ἐχόντων»**.* (Мѣстечекъ, селъ и селеній около Филиппополя до 360; одни изъ нихъ заселены одними Турками, другіе христіанами, но большая часть населена обѣими націями, и Турки всегда превышаютъ числомъ христіанъ, какъ и въ самомъ Филиппополѣ). По этому повѣствованію, кажется, нельзя разумѣть въ филипопольской епархіи болѣе 150 селъ, что тѣмъ достовѣрнѣе, что самъ Экономъ, исчисляя въ послѣдствіи христіанскіе села по имени доводитъ ихъ число менѣе пятидесяти. За всѣмъ тѣмъ, какъ по-сихъ-поръ нѣтъ въ Турціи вѣрныхъ статистическихъ описаній, то и должно довольствоваться до времени свѣдѣніями, подходящими болѣе къ вѣроятности. Вѣдь никто не споритъ въ томъ, что есть города и мѣста гораздо многолюднѣе Габрова; кому не было бъ пріятно, если бы Копривщица имѣла болѣе 5,000 душъ народонаселенія: она вѣдь населена, какъ и Габрово, одними Болгарами; но, что̀ правда, то правда. Если же Копривщица по многолюдству должна уступить Габрову, то она, въ замѣнъ, славится тѣмъ, что она населенна трудолюбивыми, старательными, трезвыми, и при-

* Стр. 133.

** *Ἐγχειρίδιον* Σ 29.

Digitized by Google

верженными къ своей народности Болгарами, пекущимися о своемъ образованіи наравнѣ съ прочими мѣстами болгарскаго населенія; хорошо расположеннымъ и прилежно управляемымъ домоводствомъ. Жители увеличили свои достатки, занимаясь овцеводствомъ въ обширномъ объемѣ, они обладаютъ большими деньгами; и потому первенствуютъ какъ представители въ городахъ Филиппополѣ и Адріанополѣ. Отъ нихъ зависитъ сдѣлать многое для своихъ несчастныхъ единоземцевъ христіанъ, — ввести вездѣ славянское богослуженіе, преобразовать училища, замѣнивъ ихъ своими болгарскими, исходатайствовать первосвященниковъ изъ Болгаръ въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе живутъ ихъ братья. Но, чтобы сдѣлать все это, нужно имѣть болѣе сочувствія къ народности, болѣе состраданія къ единовѣрцамъ единоплеменникамъ, болѣе любви къ родной, нѣкогда славной, Болгаріи; а этимъ сочувствіемъ, этою любовью, по-видимому, не могутъ хвалиться нынѣшніе представители Адріанополя и Филиппополя *.

* Свѣжимъ примѣромъ ихъ малаго сочувствія къ народности служитъ слѣдующее. Въ началѣ этого года нѣкоторыя мѣста филиппопольской епархіи, по не соблюденіи мѣстнымъ начальствомъ правилъ султанскаго хати-шерифа въ отношеніи къ подданнымъ, по обыкновенію, прибѣгнули къ своему епархіальному архипастырю, прося защиты. Видя равнодушіе своего защитника, они отправили въ Константинополь нарочныхъ, которые постарались о замѣщеніи его защитникомъ болѣе сочувствующимъ народу. Нельзя было мѣстному архипастырю не почувствовать важность этого дѣла. Онъ прибѣгнулъ къ представителямъ города, которые своимъ ходатайствомъ поставили на свое; желаніе народа не исполнилось.

Необходимость имѣть Болгарамъ архипастырей изъ природныхъ Болгаръ признается и самыми чужеземцами. Недавно, пятнадцатаго Іюня, разсчетливый Французъ, Кипріанъ Робертъ, мечтая о бытіи пяти-милліоннаго болгарскаго народа, предлагаетъ дать ему первосвященниковъ изъ природныхъ Болгаръ; не упуская при томъ изъ виду, рас пространить посредствомъ типографическихъ станковъ, могущую возродиться болгарскую литературу,

Digitized by Google

Въ Денницѣ * сказано, что въ Габровѣ только одинъ каменный мостъ изящной архитектуры. Мы вовсе забыли о другомъ тоже каменномъ мостѣ, который гораздо больше перваго и находится въ южной сторонѣ Габрова, соединяя въ удобномъ мѣстѣ оба берега рѣки Янтри. Когда переѣдешь Балканъ, по дорогѣ изъ Загорья (Румеліи), то мостъ этотъ первый попадается путешественнику, за переходомъ котораго онъ поворачивая на лѣво, входитъ въ Габрово. Пространство отъ моста до первыхъ домовъ занято садами; изъ чего должно заключать, что нѣкогда Габрово занимало пространство по самый мостъ, и что въ послѣдствіи опустушенное мѣсто засадили садами. Какъ этотъ, такъ и описанный нами въ Денницѣ мостъ, судя по ихъ прочности и архитектурѣ, должны быть очень древни, и выстроены, за нѣсколько вѣковъ тому назадъ, еще болгарскими царями, ибо на нихъ находятся болгарскія надписи, свидѣтельствующія объ ихъ древности **. На этотъ разъ не можемъ услужить соотечественникамъ и археологамъ, однако жъ обѣщаемся сдѣлать это немедленно, коль скоро доставлены будутъ намъ изъ Габрова снятыя, по возможности, снимки этихъ надписей. Далѣе еще къ югу, около десяти верстъ отъ Габрова, есть и третій мостъ, тоже, каменный, но гораздо меньше прочихъ двухъ. Кромѣ того въ самой серединѣ Габрова имѣется еще и деревянный мостъ, обновляемый, по надобности, для содержанія сообщенія. Эти мосты, древность Градища надъ самимъ Габровомъ, его пещеры, остав-

рукописныя сочиненія которой уже ходятъ по рукамъ. «Если въ «Россіи, продолжаетъ господинъ Робертъ, имѣются типографіи «для снабженія иностранныхъ славянскихъ земель церковными «книгами, то почему не пустить своихъ для цѣли менѣе исклю«чительной?» Allgemeine Zeitung, 1842, № 176.

* Стр. 104.

** Ами-Буе, въ соч. La Turquie d'Europe, Paris, 1840 t. II. p. 287.

Digitized by Google

ленное нынѣ кладбище, лежащее на противоположномъ берегу рѣки, носящее загадочное наименованіе: «*Латински тѣ Гробища,*» которые отличаются огромными надгробными камнями, и, что важнѣе, проходъ чрезъ Гемусъ, — все это заставляетъ думать, что Габрово существовало еще въ древнія времена и славилось извѣстностію, какъ важный городъ и замокъ, врядъ ли не подъ именемъ Галлуса (Gallus) *. Внимательному изыскателю древностей, пожившему на мѣстѣ, представилось бы иное для изслѣдованія. Когда габровское училище получитъ наставника, образовавшагося въ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, тогда изслѣдованіе его, по жительству его на мѣстѣ, удовлетворитъ вполнѣ археологовъ.

О ГАБРОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Основываясь на разсказѣ одесскихъ Болгаръ, вы приводите, что до учрежденія габровскаго училища существовали уже учебныя заведенія (школы) въ Симоковѣ, Вратцѣ, Сищовѣ и Копривщицѣ а потому: «*Габровское училище не первое по времени образованія.*» Въ Денницѣ, (стр. 16 — 17) подъ именемъ *келлій*, описаны учебныя заведенія существовавшія въ Болгаріи, не только въ приведенныхъ вами мѣстахъ, но и повсемѣстно; нынѣ заводимыя нами учебныя заведенія не сходны съ келліями: цѣль келлій была увѣковѣчить церковное богослуженіе; цѣль нынѣшнихъ, формальныхъ, систематическихъ, учебныхъ заведеній, учрежденныхъ по европейской методѣ, состоитъ въ томъ,

* Тамъ же, стр. 390. Доказательствомъ, что Габрово должно быть причислено къ замѣчательнѣйшимъ мѣстамъ въ европейской Турціи, служитъ то, что и Ами-Буе называетъ Габрово (Gabrova) городомъ. Мы уже упомянули, что по турецкому раздѣленію, Габрово не считается городомъ, ибо въ немъ нѣтъ ни одного турецкаго семейства; а по разрядамъ прочихъ городовъ Турціи нельзя называть городами тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ мусульманъ.

Digitized by Google

чтобы юношество училось въ нихъ безденежно на *природномъ языкѣ* всѣмъ предметамъ необходимымъ для развитія *умственныхъ* способностей и пріобрѣло бы всѣ свѣдѣнія, могущія поставить его со временемъ во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ юношествомъ другихъ образованныхъ народовъ. Слѣдуя сказанію тѣхъ же Болгаръ вы назвали келліи школами. Это греческое слово, подобно русскимъ, перенято Болгарами, отъ Грековъ, но оно введено въ употребленіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ и Греки, и гдѣ болгарскіе обитатели, по не развитію чувства народности, домогаются слыть Греками. Въ болгарскихъ селахъ, гдѣ нѣтъ ни одного Грека, слово это не было извѣстно: тамъ, по учрежденіи правильныхъ учебныхъ заведеній, гораздо легче перенять слово *училище*, какъ слово чисто болгарское. Послѣднее наименованіе дано келліямъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были пространнѣе, и нѣсколько великолѣпнѣе; по этому и упоминающіе кое-гдѣ о учебныхъ заведеніяхъ употребляли вмѣсто слова *келлія* слово *училище*. Порядокъ управленія, и самое ученіе были одни и тѣ же, какъ въ келліяхъ, слѣдственно, не соотвѣтствовали цѣли нынѣ учреждаемыхъ училищъ. А что въ келліяхъ, или бывшихъ училищахъ не преподавалось ничего кромѣ церковнаго ученія, въ томъ могутъ служить доказательствомъ обучающіеся нынѣ въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ болгарскіе юноши, которые если и прибыли въ Одессу съ нѣкоторымъ свѣдѣніями по части грамматики, ариѳметики, географіи и прочаго, то этими началами одолжены не первобытнымъ училищамъ Болгаріи, но, по начатію уже учебнаго порядка въ Габровѣ, отцу Неофиту, или учителямъ греческимъ въ Филиппополѣ или Адріанополѣ.

Хотя и много цѣнятъ одесскіе Болгаре ваше знаніе и ваши достоинства по многимъ отношеніямъ, хотя и уважаемъ способность вашу къ нелицемѣрной критикѣ; однако жъ собственное желаніе ваше узнать истину,

Digitized by Google

понуждаетъ говорить съ вами открыто, объясняя недоразумѣнія безъ всякихъ околичностей. Вы опредѣляете, что нельзя назвать Габрово: *колыбелью болгарской литературы*, потому-что а) до времени учрежденія габровскаго училища издано было нѣсколько книгъ на языкѣ болгарскомъ; b) если Габрову дано значеніе колыбели потому-что и Неофитъ, бывшій наставникомъ въ Габровѣ, написалъ болгарскую грамматику, то должно замѣтить, что грамматика Неофита должна быть составлена имъ прежде, чѣмъ онъ былъ приглашенъ къ занятію учительской должности въ Габровѣ. На счетъ сего вы основались на словахъ нѣкоторыхъ Болгаръ, которые увѣрили васъ, что будто Неофитъ преподавалъ болгарскую грамматику, находясь еще въ Самоковѣ; въ пользу же того, что грамматика была составлена Неофитомъ прежде его пребыванія въ Бухарестѣ, говоритъ и то обстоятельство, что въ девять мѣсяцовъ, которые онъ провелъ въ этомъ городѣ, по мнѣнію вашему, составить грамматику невозможно; c) что до-сихъ-поръ работало не училище, а отецъ Неофитъ, и что, наконецъ, будто я преувеличеніями заставляю васъ говорить *противъ* меня, и не *въ мою* пользу. Посмотримъ, справедливы ли сказанія Болгаръ, и не шатки ли эти предположенія. Для разувѣренія васъ, нужно привесть слѣдующія доказательства: a) Отрывокъ письма, писаннаго намъ достопамятнымъ митрополитомъ, экзархомъ всей Болгаріи, Иларіономъ *; b) такой же отрывокъ письма братьевъ Мустаковыхъ и Бокалогло **; c) слова самаго Неофита въ предисловіи той самой грамматики, о которой идетъ рѣчь ***. *Иларіонъ*

* 2 Декабря 1843, Терново.

** 19 Ноября 1834. Бухарестъ.

*** Стр. I.

Digitized by Google

пишетъ: * «Прежде чѣмъ вы вспомнили о болгарской «грамматикѣ, я, лѣтъ восемь тому назадъ, до случив- «шагося еще со мною несчастія, находясь въ Сищовѣ, «пригласилъ трехъ знающихъ хорошо славянскій и «болгарскій языкъ **, составить на болгарскомъ языкѣ «и напечатать на мое иждивеніе грамматику, сколь можно «правильную, по которой намѣренъ я былъ перевесть «святое писаніе, о чемъ можете удостовѣриться; и если «бы не случилось внезапнаго на меня преслѣдованія, то «не только языкъ, но и самыя науки теперь уже сдѣ- «лали бы въ Болгаріи довольно успѣха. Но преемникъ «мой, прибывъ въ эти мѣста не только, что не думалъ «о подобныхъ предпріятіяхъ, но даже никогда не «спросилъ, учреждается ли въ какомъ-либо городѣ или «селѣ какое-либо училище.» По вступленіи вновь на епархію, Иларіонъ продолжаетъ описывать предпринятые имъ труды для обновленія всего разрушеннаго его предшественникомъ, прилагая все свое попеченіе о ввѣренной ему паствѣ, однако жъ о грамматикѣ ничего больше не упоминаетъ, увѣдомляя насъ только о томъ, что онъ выбралъ въ учители для училища габровскаго отца Неофита ***.

Братья Мустаковы и Бокалогло пишутъ: «Отецъ «Неофитъ въ продолженіи девяти-мѣсячнаго своего пре- «быванія въ Бухарестѣ перевелъ таблицы взаимнаго «обученія, и сочинилъ грамматику, что все послано «нами съ Христофоромъ Костовичемъ въ Сербію для «напечатанія.»

* Для избѣжанія повторенія приведенъ съ греческаго одинъ, переводъ.

** Онъ умалчиваетъ ихъ имена.

*** Вотъ какъ, по словамъ греческаго архипастыря, посылаемые въ Болгарію греческіе архипастыри пекутся объ образованіи своей паствы. Одинъ Иларіонъ былъ исключеніемъ, зато онъ въ памяти у народа. Вѣчная ему память!

Digitized by Google

Отецъ Неофитъ, относясь къ господамъ Мустаковымъ, изъясняется слѣдующимъ образомъ: «Кому другому по «любородному отъ васъ прилично бы было да се по- «святи настоящій опытъ на Славено-Болгарска та грам- «матика, коя то сега *первы путь на свѣтъ се показува*, «*и съ ваше то настояніе и побужденіе се сочини*, «какво то и взаимноучительны тѣ таблицы? воистинну «тіи начатки на ваше то убо горящее и усердное по- «печеніе за свои те единоплеменны, и *на мои те первы* «*трудове*, не са прилични никому другому, и прочая.» **

Ergo: изъ всего вышеизложеннаго ясно, что 1) Габрово первѣе всѣхъ городовъ, мѣстъ и селъ Болгаріи поняло переобразованіе турецкой имперіи падишахомъ Махму- домъ II, и поспѣшило воспользоваться имъ. 2) Габрово первѣе возъимѣло смѣлую мысль начать образованіе болгарскаго народа. 3) Габрово первѣе показало собою примѣръ возможности распространить народную письмен- ность. 4) Габрово первѣе принесло свою лепту на учрежденіе общаго болгарскаго училища въ пользу всѣхъ состояній. 5) Для предположенной общей цѣли оно постаралось, чрезъ митрополита Иларіона, пріискать отца Неофита, и скудными своими доходами отправить его на свой счетъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ изучилъ правила взаимнаго обученія, перевелъ таблицы для взаимнаго обученія на болгарскій языкъ, и представилъ первый опытъ грамматики ново-болгарскаго языка. 6) Габрово первѣе видѣло правильное европейское учебное заведеніе на отечественномъ языкѣ. 7) Габрово напечатало на своемъ иждивеніи начальныя учебныя

* Предисловіе къ грамматикѣ отца Неофита служитъ кромѣ того неоспоримымъ доказательствомъ сказаннаго мною на счетъ болгар- скихъ училищъ (келлій) до учрежденія габровскаго, что въ нихъ преподавалось одно церковное ученіе. Любопытный можетъ про- ѣсть его и удостовѣриться въ истинѣ.

Digitized by Google

книги, какъ то: таблицы взаимнаго обученія, чистописанія, катихизиса, и грамматику; всѣ эти учебныя пособія отпускаются по самой умѣренной цѣнѣ и другимъ учебнымъ заведеніямъ. 8) Габрово первѣе заготовило образованнаго учителя *для* открытія училища и преподаванія въ немъ на *отечественномъ* языкѣ; 9) самое важное — занимающіе поднесь въ Болгаріи мѣста учителей изучились Ланкастерской методѣ, или въ самомъ Габровѣ, или у отца Неофита, и понынѣ съ своей стороны усовершенствовали, можетъ-быть, другихъ учителей. По этому послѣднему, важному обстоятельству, какъ же иначе назвать Габрово, какъ не главнымъ разсадникомъ болгарскаго образованія? 10) Габрово, какъ можно удостовѣриться изъ «Денницы,» всячески домогалось поощрить прочія города и мѣста Болгаріи къ заведенію общихъ училищъ, въ чемъ и успѣло. 11) Обучающіеся нынѣ въ одесскихъ и московскихъ * учебныхъ заведеніяхъ Болгаре, и таковые, имѣющіе вновь прибыть юноши, никому болѣе не одолжены своимъ прибытіемъ и пребываніемъ, среди своихъ благотворителей, Русскихъ, какъ домогательству и поощренію Габрова.

Узнавши такимъ образомъ сущность дѣла, вы ясно видите, что нѣтъ никакого преувеличенія въ «Денницѣ» на счетъ Габрова и его училища; а по-этому и можете судить, какого вѣроятія заслуживаютъ разсказы несвѣдущихъ, но завистливыхъ людей, которымъ хотѣлось исказить факты не подлежащіе никакому сомнѣнію и употребить во зло вашу къ нимъ довѣрчивость. Правда, относительно учебныхъ книгъ, Габрово по-сихъ-поръ не получило новыхъ пособій; но должно прежде увѣриться, *позволяютъ ли* ему приступить къ этому его финансы? Болгарамъ — сказочникамъ говорить все

* Москвитянинъ. 1842, № 4, стр. 542.

Digitized by Google

легко, но пусть они покажутъ, что̀ *имъ* сдѣлано? Сдѣлалъ ли *кто-либо* изъ Болгаръ *хотя малѣйшую часть того, что̀ сдѣлано Габровомъ?* Эти разсказчики не обдумавшись наговорили, что̀ имъ ни пришло въ голову; тогда какъ слѣдовало не на *словахъ*, а на *дѣлѣ* доказать свою любовь къ отечеству, и собственными, безкорыстными *пожертвованіями* постараться превзойти Габрово. Дѣяніями только могли бы они оправдать свои разсказы, а не унизительными словами. Но они очень хорошо знаютъ, что тогда только стали издавать болгарскія учебныя книги, когда молва объ учрежденіи Габровскаго училища разнеслась повсюду. Книги эти и до того печатались или на иждивеніи самихъ сочинителей, или съ помощію благотворителей: въ бѣдномъ народѣ не можетъ быть иначе. Слава Богу и за то, что, хоть кое-гдѣ еще есть благотворители. Антона Іоанновича (вы, по ошибкѣ называете его Іоаннъ Антоновичъ) можно считать въ числѣ ихъ, потому-что букварь Берковича и переводъ Святаго Цвѣтообразія Гибнера посвящены ему (1825). Но какъ съ-тѣхъ-поръ ничего болѣе не слышно объ немъ, то и должно полагать, что его благотворительность, — буде она была точно такой эфемерною, или что благотворитель этотъ скончался, не завѣщавъ ничего для великой цѣли въ пользу общественнаго образованія своихъ единоплеменниковъ; а потому, кажется, не должно выводить его на сцену: таковымъ удѣлъ — забвеніе *.

Послѣ всего вышеизложеннаго, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что габровское училище есть первое по образованію, и будущее поколѣніе Болгаръ, показывая на него, навѣрное будетъ говорить: «*Вотъ колыбель нашей литературы!*»

Продолжая разборъ вашъ, вы находите, что неправильно извѣстіе, будто переводъ Новаго Завѣта напечатанъ американскимъ обществомъ. Тутъ нѣтъ ничего

* Денница стр. 114.

Digitized by Google

важнаго. Оба общества равно стремятся къ одной цѣли. Подобныя попадаются и въ вашемъ разборѣ, напримѣръ, вы пишите: Іоанна Антоновича, вмѣсто Антона Іоанновича; вы ставите въ Болгаріи 20 училищъ, а на считываете только 16, — (должно полагать, по разсказамъ живущихъ въ Одессѣ Болгаръ). Далѣе, упоминая о переводѣ Неофита, вы вините его въ томъ, что онъ употребилъ иностранныя слова для выраженія тѣхъ предметовъ, для которыхъ существуютъ слова и въ языкѣ болгарскомъ; какъ то: *хоратувать* вмѣсто *говорять*, *гемія* вмѣсто коробъ, и прочая. При появленіи еще перевода Неофитова писали мы ему, почему онъ употребилъ многія турецкія и греческія слова въ своемъ переводѣ? Онъ отозвался тѣмъ, что желаніе лондонскаго общества было, чтобы простой народъ вполнѣ понималъ Святое Писаніе, почему и принужденъ онъ былъ употреблять вошедшія въ народномъ употребленіи чужестранныя слова. Этотъ отзывъ подтвердилъ мнѣ лично и смирнскій агентъ общества господинъ Веніаминъ Баркеръ, въ бытность свою въ Одессѣ, въ 1840 году. Какъ нами сказано *, мнѣніе наше по этому предмету, употреблять настоящія славянскія слова, которыхъ значенія объяснять, къ скобкахъ, турецкими. Впрочемъ, слово *корабъ*, хотя и славянское и перенятое даже Греками, и употребляется Болгарами, которымъ извѣстно турецкое слово *гимія*. Только имѣющіе нѣкоторое сношеніе съ Русскими, знакомы съ этимъ словомъ. Живущимъ въ Одессѣ Болгарамъ легко класть это слово въ уста неприморскихъ Болгаръ. Несказанно одолжены бы мы были имъ, если бы они, считая слово *хорутувать* за иноязычное удовлетворили бы нашему любопытству, и сказали бы намъ, какому языку слово это принадлежитъ?

О членѣ въ болгарскомъ языкѣ.

Что касается до членовъ въ болгарскомъ языкѣ, то мы васъ неизреченно благодаримъ за ваши розыски, и

* Деннница, стр. 25.

Digitized by Google

и даже за ваше мнѣніе, но amicus Plato, sed magis amica veritas. По-сихъ-поръ нельзя согласиться на счетъ членовъ ни съ однимъ изъ русскихъ ученыхъ, пока они не потрудятся, предварительно путешествуя по Болгаріи, узнать подробно всѣ мѣстныя измѣненія болгарскаго языка; тогда только можно быть увѣрену въ правильности ихъ розысковъ и предположеній. Съ покойнымъ Ю. И. Венелинымъ можно тоже поспорить относительно членовъ; впрочемъ еще трудно вполнѣ судить объ его грамматикѣ, потому-что она еще не напечатана *.

* Какъ жаль, что бумаги Ю. И. Венелина, оставшіяся послѣ его кончины, до сего времени еще не напечатаны. Вотъ уже четвертый годъ наступилъ, а между тѣмъ еще *ничего* не издано! Юрій Ивановичъ передъ смертію началъ печатать второй томъ «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ» и разсужденіе о «Скандинавоманіи или столѣтнихъ изысканіяхъ о Варягахъ;» перваго *сочиненія* покойный успѣлъ напечатать 15 листовъ, а втораго 7 листовъ — только и выпущено въ теченіи *трехъ лѣтъ*: изъ бумагъ же, оставшихся послѣ его смерти, не напечатано ни одной. Что причиной тому?.... Почтенный господинъ докторъ медицины, *Иванъ Ивановичъ Молнаръ*, у котораго скончался Юрій Ивановичъ Венелинъ, и у котораго теперь находятся бумаги его, хотѣлъ было въ 1839 году *передать всѣ труды своего двоюроднаго брата Н. В. Савельеву, для* изданія въ свѣтъ. Хотя покойный Юрій Ивановичъ самъ говорилъ, что «изъ всѣхъ нынѣшнихъ изыскателей, одинъ только Н. В. Савельевъ можетъ продолжать начатое имъ преобразованіе исторіи;» хотя и господинъ Савельевъ съ удовольствіемъ принималъ на себя изданіе трудовъ своего друга: однако жъ, неизвѣстно почему, *бумаги Ю. И. Венелина не пересланы къ нему въ Петербургъ*, какъ первоначально *обѣщано было ему господиномъ Молнаромъ*. Прошелъ еще годъ. Выпуская изъ типографіи недоконченную вторую часть изслѣдованій о Болгарахъ, господинъ профессоръ М. П. Погодинъ (отъ имени И. И. Молнара) писалъ въ предисловіи: «Матеріалы для продолженія *пошлются* къ достойнымъ ревнителямъ славы болгарской, господамъ Априлову, Мутѣву и Палаузову, которые не пощадятъ ни трудовъ ни издержекъ гдѣ идетъ дѣло о пользѣ соотечественниковъ.» Это печатное обѣщаніе М. П. Погодина (отъ имени И. И. Молнара), *переслать бумаги покойнаго въ Одессу*, дано 1841 года, 28 марта; но, по сіе время, также *не приведено въ исполненіе*.

Digitized by Google

Согласенъ, въ его грамматикѣ навѣрное увидимъ большую ученость, много археологическихъ формъ и измѣненій прежняго болгарскаго языка; но его теорія долж-

Между-тѣмъ, по-видимому, оно связало господина Молнара, который отвѣчалъ Н. В. Савельеву, что не могъ исполнить даннаго ему обѣщанія по причинѣ неизвѣстности: *согласны ль* одесскіе Болгаре на эту передачу? Для разрѣшенія этой неизвѣстности, отправлено (черезъ г-на Савельева) слѣдующее письмо къ почтеннѣйшему родственнику Ю. И. Венелина г-ну Молнару: Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ!..... Я напоминалъ вамъ о бумагахъ покойнаго. Василій Васильевичъ Григорьевъ, пріѣхавъ обратно въ Одессу, тоже обнадежилъ меня, что бумаги будутъ намъ доставлены; но, по сей день, это не исполнилось. Николай Васильевичъ Савельевъ, которому Юрій Ивановичъ завѣщалъ свои бумаги, берется трудиться въ пользу Болгаръ. Покойному лучше всѣхъ могли быть извѣстны дарованія и способности того и другаго, касательно продолженія нашей исторіи. Сколько я могу судить, то Николай Васильевичъ исполнитъ исправно препорученное ему его другомъ и вполнѣ удовлетворитъ желанію Болгаръ. Посему, если данное вами намъ обѣщаніе — прислать намъ въ Одессу бумаги покойнаго — можетъ служить препятствіемъ къ отдачѣ ихъ, по завѣщанію покойника, Николаю Васильевичу Савельеву, то симъ покорно васъ прошу, милостивый государь, нимало въ томъ не колебаться и препоручить ихъ господину Савельеву. Это есть желаніе Болгаръ, которые не только не будутъ за то въ претензіи, но даже останутся вамъ благодарными, что вы, исполняя завѣщаніе покойнаго, содѣйствуете имъ издать въ свѣтъ труды вашего брата, чтобы кромѣ общей пользы, увѣковѣчить его память.

«Въ увѣреніи на ваще расположеніе, имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорный слуга Василій Априловъ.»

Это письмо къ почтенному И. И. Молнару отправлено 20 Мая 1842 года изъ Одессы сперва въ Петербургъ, Н. В. Савельеву, который и отослалъ его въ Москву при собственномъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы *нерѣшительность* господина Молнара кончилась, а бумаги Ю. И. Венелина не были бъ обречены на забвеніе, и не погибли бъ, подобно многимъ и очень многимъ трудамъ. Все зависитъ единственно отъ господина Молнара, который исполненіемъ нашей просьбы, а вмѣстѣ и *собственнаго обѣщанія* (нѣсколько разъ имъ повтореннаго Н. В. Савельеву) можетъ содѣйствовать распространенію не только полезныхъ для науки открытій, но и славы своего незабвеннаго брата.

Digitized by Google

на быть не совсѣмъ согласна съ нынѣшнимъ, живымъ языкомъ. Въ этомъ и самъ онъ отчасти согласился отозвавшись намъ, по полученіи Неофитовой грамматики, что если его грамматика будетъ издана, то она, не будучи писанною для первоначальныхъ училищъ, будетъ филологическою книгою для ученыхъ Болгаръ. Венелинъ объявилъ себя противъ членовъ. Хотя мы и высоко цѣнимъ его ученость и глубокое знаніе, но, за всѣмъ тѣмъ, не можемъ согласиться и съ нимъ, чтобы изгнать членовъ изъ употребленія. Въ «Зародышѣ новой болгарской литературы» * упоминаетъ онъ о моемъ мнѣніи, чтобы отбросить члены изъ языка. На отвѣтъ ** замѣтилъ я ему противное. Недавно еще *** замѣчено было мною, что надобно бъ изслѣдовать исторически, когда члены вошли въ общее употребленіе. Изгнать ихъ никто не можетъ, и не въ правѣ; ибо, хотя и въ различныхъ формахъ, однако жъ они въ употребленіи даже въ самомъ меньшемъ уголкѣ, гдѣ только живутъ Болгаре. Вратцанскій епископъ, Софроній, переведя нѣсколько праздничныхъ поученій на новоболгарскій языкъ, не употребилъ членовъ; мнѣ кажется, Софроній, по званію своему духовное лицо, придавалъ своему переводу болѣе важности, стараясь приблизиться къ церковному языку, почему онъ и отбрасывалъ членъ. Во время, гораздо ближайшее къ намъ, ревнитель болгарскаго просвѣщенія, образованный Сербъ, Константинъ Огняновичъ потрудился издать **** для Болгаръ *житіе Святаго Алексія, человѣка Божія*, въ стихахъ. Болгарофилъ этотъ замѣчаетъ, что нынѣшніе Болгаре при концѣ словъ ставятъ частицы *та, то;* но, такъ какъ ни у одного изъ славянскихъ народовъ чле-

* Стр. 48.
** 7 Іюня 1838. Одесса.
*** Болгарскіе Книжники, 1841, стр. 10.
**** Будимъ. 1833.

Digitized by Google

ны не употребляются, то и онъ заблагоразсудилъ напечатать свое сочиненіе безъ членовъ. Мнѣніе господина Огняновича, какъ мнѣніе Серба не принято Болгарами, и послѣ него никто не писалъ безъ членовъ. Отецъ Неофитъ, знаніе коего, по жительству его въ Болгаріи, и по его упражненію, слѣдуетъ уважать болѣе прочихъ, считая членъ украшеніемъ языка явно возстаетъ противъ господина Огняновича *. Съ Неофитомъ согласны всѣ Болгаре, также простой народъ, и писатели, хотя послѣдніе, слѣдуя провинціализму измѣняютъ его въ формахъ. Никакъ нельзя отказаться отъ члена; и мнѣ кажется, членъ есть характерическая черта болгарскаго языка ** облегчая и положительно опредѣляя смыслъ. Самъ господинъ Огняновичъ, подавшій совѣтъ отставить членъ, видно убѣдился въ необходимости его, потому-что въ перепискѣ со мною употребляетъ члены. Къ чести его можно сказать, что онъ не закоренѣлый идіогномъ. Почему не согласиться съ общимъ мнѣніемъ, а плыть противъ теченія? Желательно, чтобы и прочіе писатели воспослѣдовали его похвальному примѣру по другимъ отношеніямъ.

Вы вызываете меня объяснить, почему же церковный языкъ, какъ старо болгарскій, не имѣетъ членовъ? Охотно возьмусь я удовлетворить вашему желанію, когда кто-либо изъ ученыхъ пріймет на себя трудъ, объяснить намъ, почему новолатинскій (итальянскій) и румунскій (волохскій), происходящіе отъ латинскаго, имѣютъ члены, между-тѣмъ, какъ старолатинскій ихъ не имѣетъ? Подобнымъ образомъ не можетъ быть удовлетворено и любопытству вашему на счетъ раскрытія причинъ о различныхъ формахъ членовъ ни мною, ни другимъ какимъ-либо Болгариномъ, живущимъ внѣ Бол-

* Грамматика Неофита стр. 52—55.

** Болгарскіе Книжники, стр. 10.

Digitized by Google

гаріи. Потому тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ всѣ Болгаре обѣщанія вашего, сдѣлать извѣстнымъ свѣту разсужденіе какого-то Болгарина объ этомъ предметѣ; съ непритворною искренностію воздадимъ мы ему должную признательность, если онъ будетъ того заслуживать.

Въ надеждѣ, что обѣщанное намъ на счетъ болгарскихъ членовъ осуществится, мы въ то же время признаемся, что не можемъ согласиться съ вами и въ томъ, чтобы существованіе члена учреждено было болгарскими писателями, которые, будто стараясь дать языку форму греческаго, не обинуясь приняли найденное ими въ своемъ языкѣ, непонятное для нихъ, *атъ* за членъ.

Болгарскіе писатели, каковы они ни есть, умѣютъ различать частицы отъ членовъ, знаютъ природный свой языкъ, его обороты, измѣненія и формы. Если вы потрудитесь прочесть предувѣдомленіе отца Неофита въ его грамматикѣ, то вы много узнаете объ этомъ камнѣ преткновенія, о членахъ и его измѣненіяхъ, хотя эпоха введенія ихъ въ употребленіе еще никѣмъ не разсмотрѣна и не открыта. Потрудитесь спросить какого-нибудь школьника Болгарина, что̀ такое это *атъ*, *та*, *то*? Вы получите въ отвѣтъ, что это ни что̀ иное, какъ члены. Новыя доказательства, бо̀льшія сношенія съ Болгарами и упражненіе въ ихъ языкѣ заставляетъ васъ перемѣнить ваше мнѣніе о членахъ. Смѣло можемъ увѣрить въ томъ, что вы тогда сами признаете неограниченно необходимость членовъ, и сдѣлаетесь даже защитникомъ нынѣшнихъ послѣдователей; точно такъ, какъ вы бы ратоборствовали за греческіе, нѣмецкіе и итальянскіе члены, если бъ кому-либо вздумалось совѣтовать ихъ бросить. Нынѣшнимъ болгарскимъ писателямъ представлялся вопросъ важный: какое нарѣчіе употреблять для народа? Слѣдуя здравому разсудку, и примѣру нынѣшнихъ Грековъ, Испанцевъ и

Digitized by Google

Русскихъ, они приняли народный болгарскій языкъ за письменный, какъ и слѣдовало, слыша живое произношеніе, звучащее въ устахъ всѣхъ Болгаръ. Само по себѣ разумѣется: такъ какъ цѣлый народъ употребляетъ членъ, то и нельзя его не принять, потому-что поправить языкъ по своему произволу было бы химерою; и безъ того есть чего поправлять, какъ то разныя формы, членовъ, падежей, глаголовъ и тому подобное *.

* На 25 страницѣ «Денницы» упомянули мы, что еще въ 1836 году приглашены нами циркулярнымъ письмомъ болгарскіе писатели принять однѣ и тѣ же грамматическія правила. Вмѣсто того, чтобы успѣть въ томъ, съ сожалѣніемъ видѣли мы, что всѣ почти пишущіе Болгаре придерживаются произношенія своей родины, а къ большему еще несчастію и учащіеся юноши, которые долженствовали болѣе прочихъ согласиться между собою въ одинаковыхъ правилахъ, сами стали затруднять языкъ своими нововведеніями, такъ, что увлекаясь воображеніемъ, пренебрегаютъ всѣмъ, и, отвлекаясь отъ своихъ занятій, занимаются исправленіемъ грамматическихъ правилъ, ставя себѣ въ славу слыть писателями. Одинъ изъ нихъ обѣщается издать свои разсужденія о новоболгарскомъ языкѣ, и правила правописанія, а другой готовитъ грамматику. Гораздо умнѣе поступили бы они, если бы оставили преждевременныя свои предпріятія до окончанія курса наукъ, а занялись бы исправленіемъ грамматическихъ правилъ по возвращеніи своемъ въ Болгарію, гдѣ, упражняясь нѣсколько лѣтъ въ учительскомъ званіи, могли бы достигнуть своей цѣли.

Занимающій нынѣ одну изъ министерскихъ должностей въ Греціи, Яковъ Ризо Нерулo, желая остановить господствовавшую до греческой революціи мысль, исправить греческій языкъ, которая Богъ знаетъ, куда завлекла бы исправителей, издалъ остроумный фарсъ, дѣлающій честь его таланту, подъ заглавіемъ: «*κοραϊζικά*» Въ уста дѣйствующихъ лицъ вставилъ онъ нѣсколько провинціальныхъ нарѣчій нынѣшнихъ Грековъ. Ловко осмѣивая исправителей языка, онъ предостерегъ, можетъ-быть, греческій языкъ отъ многихъ химеръ. Желательно, чтобы кто-либо изъ Болгаръ взялся быть подражателемъ господина Нерулo.

Digitized by Google

О ГОСПОДИНѢ РАЙНО И ЕГО УЧЕНИКАХЪ.

Извиняя Райновы гречизмы, настоящая цѣль котораго есть неоспоримо болгарская народность, вы замѣчаете, что и мною употреблены русскія слова въ *Болгарскихъ Книжникахъ*. Но слова эти будучи славянскими, не суть ли они въ то же время и болгарскія? Не въ правѣ ли и Болгаре пользоваться ими наравнѣ съ Русскими? Мы думаемъ даже, что и вамъ, и каждому Русскому, пріятнѣе бы видѣть сближеніе болгарскаго и русскаго языковъ, двухъ отраслей одного великаго корня. Впрочемъ вами правильно замѣчено, что, по необработанію еще болгарскаго языка писатели ихъ принимаютъ въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ слова и обороты ихъ ближайшихъ сосѣдей, какъ то: господинъ Райно греческіе, а Неофитъ, въ своихъ переводахъ съ русскаго, русскіе. Хотя мы и не знаемъ никакого перевода Неофита съ русскаго языка, но мы согласны въ этомъ отношеніи съ вами въ томъ, что Болгарамъ надо стараться со временемъ ввести свое чисто народное писаніе. Въ ожиданіи рано или поздно видѣть исполненіе нашего желанія, мы на счетъ болгарской письменности приведемъ сказаніе памятнаго Венелина *. «Я взялся, пишетъ онъ, за перо не съ «намѣреніемъ критиковать новорождающуюся болгар«скую литературу, но съ намѣреніемъ подать ей руку, «какъ ребенку, который только-что пытается встать на «ноги, но еще колеблется въ неизвѣстности граммати«ческой и ореографической.»

Что касается собственно до господина Райно, правда, что Болгаре одолжены ему многимъ, чада ихъ получали отъ него первое наставленіе въ греческомъ язы-

* О зародышѣ новой болгарской литературы, стр. 50.

Digitized by Google

кѣ. Но его ученики, по учрежденіи габровскаго училища, сами признали необходимымъ для себя, изучить въ Габрово, правила взаимнаго обученія, вникнуть въ тамошній образъ преподаванія, и тогда только начали приносить истинную пользу отечеству! Не будь они въ Габрово или въ другомъ мѣстѣ гдѣ-либо, тогда бы они, закоренѣлые грекоманы, смотрѣли бы равнодушно, и даже презрительно на своихъ братьевъ, и ставили бы себѣ въ стыдъ сказываться Болгарами. Если вы желаете удостовѣриться въ истинѣ, то потрудитесь полюбопытствовать объ этомъ у находящихся нынѣ въ Одессѣ Райновыхъ учениковъ. Упрекъ этотъ, приводимый тоже и господиномъ Огняновичемъ, не можетъ быть выпущенъ изъ виду *.

О ДѢЙСТВІЯХЪ СОЕДИНЕННЫМИ СИЛАМИ ДЛЯ РАЗВИТІЯ ОБРАЗОВАННОСТИ.

Замѣчаніе гораздо важнѣе, заслуживающее вниманія всѣхъ благомыслящихъ патріотовъ и прочихъ сподвижниковъ болгарскаго образованія, обратило ваше вниманіе, и не безъ причины подало поводъ къ упреку. Это уклоненіе и разладъ живущихъ въ Одессѣ Болгаръ — дѣйствовать *соединенными силами* для направленія всѣхъ источниковъ къ одной цѣли. Каждый изъ нихъ дѣйствуетъ *отдѣльно* по своему произволу и по своему благоусмотрѣнію, во всемъ что̀ ни предпринято, для развитія въ народѣ образованности. Здравомыслящіе изъ нихъ чувствуютъ всю важность общаго согласія, и не отказываются содѣйствовать ко всему, что̀ необходимо, похвально и клонится къ истинной пользѣ сограждан. Къ счастію, эти благонамѣренныя особы имѣютъ перевѣсъ; но изъ прочихъ Болгаръ, нѣкото-

* Житіе Святаго Алексія. Будимъ, 1833.

Digitized by Google

рые явно отступаютъ отъ общаго блага, не потому, чтобы участіе въ полезныхъ предпріятіяхъ для развитія образованности потребовало отъ нихъ большаго пожертвованія, но потому-что, по слабости, ласкаютъ себя надеждою, что ничего не сдѣлается безъ ихъ предварительнаго одобренія *. Ваше желаніе о дѣйствіи Болгаръ на поприщѣ образованія соединенными силами повторяю, вполнѣ справедливо. Дай Богъ только, чтобы разладъ этотъ не господствовалъ, и по прочимъ мѣстамъ, гдѣ живутъ наши соотечественники! Между тѣмъ, основываясь на разсказахъ, сообщенныхъ вамъ вышеупомянутыми Болгарами, вы пишете: «Въ болгарскихъ земляхъ есть много людей, расположенныхъ доставлять Болгарамъ средства къ ихъ образованію, но незнающихъ, что имъ должно предпринимать для этого.» Готовность эта къ благотворенію, сколько намъ по сіе время извѣстно, не выказалась. Ведя переписку въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ со всѣми почти мѣстами, гдѣ есть достаточные Болгаре, — какъ то: по Россіи, Турціи, княжествамъ молдавскомъ, валахскомъ и сербскомъ, и новоучрежденномъ королевствѣ греческомъ, — мы нашли самое малое число такихъ благотворителей, которые бы согласились на своемъ иждивеніи послать своихъ дѣтей, или постороннихъ юношей, для ученія въ Одессу. Большая часть этихъ *предполагаемыхъ благотворителей* не удостоила насъ даже отвѣтомъ. Если случалось лично пригласить кого-либо къ

* Сооруженіе памятника покойному Венелину неоспоримый тому примѣръ. Сначала стали подъ разными предлогами оспаривать самую мысль о памятникѣ; наконецъ, видя невозможность удержать усердіе признательныхъ цѣнителей Венелина, формально отказались участвовать въ издержкахъ. Отклоненіе ихъ участвовать въ добромъ дѣлѣ обнаружило слабую ихъ сторону, но ни мало не могло воспрепятствовать благому намѣренію: памятникъ и безъ нихъ состоялся.

Digitized by Google

благотворенію, тогда патріоты наши разщедрялись словами и обѣщаніями do nec plus ultra; но простившись съ ними, поминай какъ звали. Почему же разсказчики эти, которымъ извѣстно расположеніе къ добру живущихъ въ болгарскихъ земляхъ Болгаръ, но *незнающихъ, что имъ должно предпринимать*, не примутъ на себя трудъ указать имъ путь къ благотворенію? Вѣдь цѣль общая: дѣлать добро. Но, великъ Богъ! есть надежда, что время поправить все, и наши, нынѣ неприступные Болгаре, обратятся къ благотворенію. Просимъ извиненія у нихъ, что благо общее заставило насъ высказать эту непріятную для нихъ истину; мы первые съ радостью готовы отказаться отъ нынѣшняго нашего мнѣнія, если увидимъ ихъ *дѣла*, а не одни только слова.

БОЛГАРСКОЕ ЮНОШЕСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

Если кому надобно воздать похвалу соотечественникамъ нашимъ, то справедливость требуетъ воздать ее нашему юношеству. Получивъ извѣстіе, что въ Одессѣ можно учиться на счетъ казенный, и частныхъ благотворителей, они съ жадностію устремились стремглавъ сюда, съ цѣлію воспользоваться въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ образованностію и воспитаніемъ. Ихъ цѣлый отрядъ явился на произволъ судьбы. Грекоманія завлекла было нѣкоторыхъ въ Аѳины, но, слава Богу, народность ихъ разбудила. Они поняли свою пользу и обращаются къ Россіи. Вы, Михаилъ Александровичъ, тоже подали одному изъ нихъ руку помощи, снабдивъ его рекомендательнымъ вашимъ письмомъ, онъ принятъ московскими благотворителями наилучшимъ образомъ, тамъ образуетъ онъ себя на пользу отечества. Къ великому однако жъ огорченію должно признаться, что по *не имѣнію способовъ* удержать въ Одессѣ явившихся юношей, мы отправили нѣкоторыхъ обратно съ увѣдомленіемъ пріостановиться пріі-

Digitized by Google

ѣздомъ до благопріятнѣйшаго случая. По этому благонадежнѣе должно полагаться на нашихъ корреспондентовъ, чѣмъ на *изустныя разсказы* одесскихъ Болгаръ*.

«Между турецкоподданными Болгарами, продолжаете вы, «замѣтна и любовь къ знанію и желаніе «богатыхъ стараться доставить средства бѣднымъ къ «просвѣщенію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслу«живаетъ полнаго уваженія семейство господъ Челико«вичей, живущихъ въ Филиппополѣ, имена господъ Му«стаковыхъ и Іоанна Антоновича, о чемъ извѣстно «всѣмъ тѣмъ, которые слѣдятъ за ходомъ возрожденія «болгарской письменности.» Опасно полагаться на людей, мало знающихъ ходъ дѣлъ. Въ «Денницѣ» коснулись мы мимоходомъ тѣхъ лицъ, о которыхъ слѣдовало бы говорить пространно. Нынѣ приглашаете насъ объясниться. По вышесказанному *Антона Іоанновича* уже нѣтъ въ живыхъ, и не извѣстно до-сихъпоръ, завѣщалъ ли онъ что либо въ пользу болгарскихъ учебныхъ заведеній, если же онъ еще и здравствуетъ, то для болгарской образованности должно считать его умершимъ, ибо семнадцать лѣтъ не слышно болѣе объ его благотвореніяхъ, которыя притомъ извѣстны только изъ того, что его имени посвящены двѣ книги. Господа *Челиковичи* оказали нѣкоторое вспомоществованіе болгарскому образованію, какъ видно изъ Денницы

* О воспитывающихся въ одесской семинаріи на казенномъ иждивеніи юношей (Денница стр. 34) вашъ разсказъ тоже не вѣренъ. Его сіятельству графу Михаилу Семеновичу Воронцову, виновнику этой Царской милости, лучше всѣхъ извѣстно это благотвореніе. Въ оффиціальныхъ бумагахъ семинаріи *нѣтъ* имени господина Мутѣва, которое занимаетъ у васъ неправильно мѣсто господина Палаузова.

Digitized by Google

стр. 56. Честь эта принадлежитъ великому и малому Вулкамъ; но какъ эти благотворители скончались, то покажетъ время, одушевлено ли подобно имъ ихъ потомство такимъ же рвеніемъ къ благотворенію, своимъ соотечественникамъ?

По благосклонности и доброжелательству къ тѣмъ же юношамъ, которые оказываютъ столь похвальное стремленіе прибыть въ Россію для образованія себя, вы поддерживаете изложенныя нами въ «Денницѣ» увѣщанія. Расположеніе, живущихъ въ Турціи, достаточныхъ Болгаръ, отправлять своихъ дѣтей для изученія въ Аѳины, достойно всякаго упрека. Желательно, чтобы благой вашъ совѣтъ проникнулъ въ хладныя сердца нашихъ недальновидныхъ соотечественниковъ. Но есть надежда, что грекофилы наши узнаютъ свое заблужденіе, чему уже есть и блистательный примѣръ; ибо нѣкоторые стали уже понимать свою пользу. Увѣрившись въ ласковомъ пріемѣ Русскихъ, двое изъ обучающихся нынѣ въ Аѳинахъ молодыхъ Болгаръ просились пріѣхать въ Россію для образованія себя на казенномъ иждивеніи въ одесской семинаріи; и просьба удостоилась Высочайшаго разрѣшенія. Этотъ новый примѣръ благорасположеннаго начальства, никому не отказывавшаго въ благотвореніи, долженъ увѣрить Болгаръ, что просьбы на счетъ образованія своихъ единокровныхъ братьевъ всегда пріемлются благородными Россіянами не иначе какъ съ отверзтыми объятіями.

Я исполнилъ желаніе ваше: доказалъ справедливость сказаннаго мною въ «Денницѣ», кажется, довольно удовлетворительно. Приведенные мною доводы, надѣюсь, убѣдятъ васъ, что переданныя вамъ со стороны здѣшнихъ Болгаръ повѣтствованія шатки и неосновательны; напротивъ, наши корреспонденты, которымъ слѣдовали мы съ осторожностію, нисколько насъ не обманули:

Digitized by Google

ихъ извѣстія оказались вѣрными и несомнительными. Примѣромъ того, что сообщаемыя намъ извѣстія всегда приводились съ разборчивостію, можетъ служить и то, что не довѣряя съ перваго взгляда на кое-какъ высказанное извѣстіе объ учрежденныхъ въ Болгаріи училищахъ, мы не почли пристойнымъ быть панегиристами нашей учебной прогрессіи, увеличивая число учрежденныхъ училищъ.

НОВЫЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ, И ПРЕЖНІЯ.

До напечатанія еще «Денницы» пронесся слухъ объ учрежденіи училищъ въ Базарджикѣ, Рущукѣ и Шумнѣ *. Считая неблагоразумнымъ предавать печати, извѣстіе, не основанное на достовѣрныхъ источникахъ, и не желая тѣмъ подвергнуть «Денницу» сомнѣнію въ другихъ отношеніяхъ, мы разсудили лучше ничего не говорить, чѣмъ говорить невѣрное. За всѣмъ тѣмъ просили мы отправившагося изъ Одессы, въ первыхъ числахъ Декабря истекшаго года, молодаго Котлянина, Николая Стефанова (юношу подающаго блистательныя надежды къ образованію себя на пользу отечественной литературы) удостовѣриться: точно ли учреждены и существуютъ училища въ сказанныхъ городахъ? Въ то же время приглашенъ былъ нами и габровскій учитель, господинъ Каллистъ, узнать подробно обо всѣмъ по самымъ достовѣрнымъ справкамъ и увѣдомить насъ, какъ можно скорѣе. Прося объ этомъ господина Каллиста, благодарили мы его за сообщенное намъ, отъ 26-го Сентября того же года, извѣстіе о томъ, что старанія-

* О приводимомъ вами *Пардонѣ*, не знаемъ что̀ сказать. Такое наименованіе не извѣстно ни намъ, ни кому-либо изъ Болгаръ. Тутъ тоже виноваты разсказы здѣшнихъ Болгаръ.

Digitized by Google

ми и попеченіемъ вратцинскаго епископа, преосвященнаго Агапія, выстроено *учебное заведеніе въ городѣ Плевнѣ* *. На сей конецъ, много пекущійся о просвѣщеніи своей паствы, архипастырь препоручилъ габровскому училищу обучить посланнаго туда учителя методѣ взаимнаго обученія. По письму господина Каллиста новосооруженное плевенское училище помѣщаетъ въ себѣ, кромѣ боковыхъ комнатъ пространную залу на 200 учениковъ. Это частное увѣдомленіе габровскаго учителя о плевенскомъ учебномъ заведеніи подтверждено письмомъ самихъ кметовъ и попечителей училища, отъ 15-го Февраля того же года, также письмами попечителей Калофера и Копривщицы, первыхъ отъ 24 Іюня, а вторыхъ отъ 31 Мая сего года. Слѣдственно, теперь можно навѣрно обрадовать всѣхъ и каждаго изъ тѣхъ, кто слѣдитъ за образованіемъ болгарскаго юношества, обрадовать достовѣрнымъ извѣстіемъ о существованіи плевенскаго училища.

Но подобной оффиціальностію еще не пользуются приведенныя вами училища. Хотя господинъ Каллистъ въ письмѣ своемъ и упоминаетъ мимоходомъ о пазарджидскомъ учителѣ, но какъ онъ ничего болѣе не приводитъ, то и подлежитъ сомнѣнію, не греческое ли учебное заведеніе открыто въ сказанномъ городѣ, или не уни-

* Плевенъ, городъ Болгаріи по сю сторону Балкана, разстояніемъ къ сѣверо-западу отъ Габрова около 100, отъ Дуная около 50 верстъ, имѣетъ жителей около 12,000 душъ. Третья часть изъ нихъ Болгаре, прочіе Турки. Болгаре славятся трудолюбіемъ, гостепріимствомъ, промышленостію и склонностію къ образованію. Они имѣютъ одну церковь и отправляютъ литургію на природномъ языкѣ. Окрестности города живописны, покрыты садами и виноградниками. Верстъ 40 къ западу лежитъ село Градище, въ немъ множество древностей. Карликовскій монастырь, сооруженный при рѣкѣ Искрѣ, въ 60 верстахъ, отъ Плевня къ югу, славится древностью и пещерами, въ которыхъ много достопамятностей.

Digitized by Google

чтожено ли оно вскорѣ послѣ открытія? Ибо господинъ Каллистъ, изъясняясь подробно о плевенскомъ, не могъ умолчать о пазарджидскомъ.

Вышеупомянутый Котлянинъ, извѣстившій насъ объ открытіи рущукскаго и шуменскаго училищъ, взялся доставить какъ этимъ, такъ и прочимъ училищамъ препорученныя ему печати для употребленія ихъ по дѣламъ школы. Слѣдуя чрезъ Рущукъ и Шуменъ, онъ, по просьбѣ нашей, обѣщался собрать вѣрныя свѣдѣнія объ учрежденіи и состояніи этихъ училищъ, и доставить немедленно въ Одессу вмѣстѣ съ другими любопытными извѣстіями по учебной части. Но, къ сожалѣнію, вотъ уже восемь мѣсяцовъ, а много обѣщавшійся Стефановъ не доставилъ даже простаго увѣдомленія о своемъ мѣстопребываніи *. Одно только обстоятельство знакомитъ насъ съ его переходомъ чрезъ быстрый Дунай, именно то, что попечители плевенскаго училища, увѣдомляя насъ объ учрежденіи училища, приложили на письмѣ посланную къ нимъ съ Стефановымъ печать **.

* По справедливости должно жаловаться на обѣщанія нашихъ соотечественниковъ; ибо не простительно занимающимся нашею образованностію не увѣдомлять своихъ сподвижниковъ о нашей литературной прогрессіи. Учившійся въ одесской семинаріи (Деница, стр. 46) нынѣ учитель казанликскаго училища, отправившись еще въ 1839 году въ Болгарію и по-сихъ-поръ не писалъ никому ни слова. Надѣйтесь же добра!

** Въ дополненіе доказательствъ о несуществованіи училищъ по Болгаріи до учрежденія габровскаго, и что тамъ существовали описанныя мною келліи, можно представить между прочимъ и упоминаемую вами краткую географію архимандрита Неофита и господина Васкидовича, напечатанную въ Крагуевцѣ, въ 1835 году. Въ ней сказано, что въ Плевенѣ существуетъ болгарское училище. Теперь спрашивается: если приводимое ими училище не было обыкновенная келлія, то что понудило бы его преосвященство, епи-

Digitized by Google

За габровскимъ училищемъ приводите вы училище въ Копривщицѣ, которому вѣроятно по сказанію того же Болгарина, приписываете двадцати-лѣтнее существованіе. Если бы можно назвать правильными училищами существующія отъ незначительныхъ лѣтъ по Болгаріи *келліи;* то не только въ Копривщицѣ, но и по всѣмъ другимъ мѣстамъ существовали подобныя училища, ибо ихъ бытіемъ поддерживалось славянское богослуженіе у болгарскаго народа, въ той степени, что домогательства греческой іерархіи, — ввести повсюду греческое богослуженіе, — не могли имѣть успѣха по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ жили настоящіе Болгаре, въ жилахъ которыхъ обращается славянская кровь. Что̀ касается до господина Крушу, то, судя по наружности, онъ былъ посланъ отцемъ Неофитомъ въ Копривщицу, по изученіи отъ него правилъ взаимнаго обученія; но онъ препорученъ былъ ему господиномъ Челиковичемъ, * то объ этомъ вѣдаютъ они. Но обстоятельство это служитъ важнымъ подкрѣпленіемъ сказаннаго мною на счетъ гобровскаго училища, именно, что *Гоброво есть разсадникъ болгарской письменности*, ибо, подобно прочимъ, господинъ Круша получилъ званіе учителя первоначально въ Габровѣ.

скопа Агапія, и тамошнихъ кметовъ, постараться снять съ габровскаго училища планъ, соорудить новое зданіе, отправить учителя въ Габровъ для изученія тамошней методы, и наконецъ ввести у себя новый порядокъ преподаванія?

* Какъ и въ Деннинѣ стр. 56 сказано, вами правильно замѣчено, что Челиковичей двое, малый и великій Вулко. Первый скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по увѣдомленію школьныхъ попечителей Копривщицы, отъ 31 Мая этого года; второй также преставился 22 Іюля 1841-го года. Полагаютъ, что его сыновья наслѣдовали въ отношеніи болгарскаго образованія похвальныя качества родителя. Дай-то Богъ!

Digitized by Google

Доходя до описанія калоферскаго училища, вы замѣчаете *важное* упущеніе, именно то, что печать калоферскаго училища представляетъ не пѣтуха, какъ нами сказано, но пчелу. Для объясненія этого qui pro quo нужно разсказать обстоятельство это съ самаго начала. Какъ видно изъ «Денницы», * учрежденіе калоферскаго училища не было для насъ чуждымъ, почему намъ извѣстно было о школьной печати, и на это дали мы одеескому попечителю господину Мутѣву рисунокъ, по которому вырѣзана на печати пчела. Въ послѣдствіи времени, усмотрѣвъ изъ переписки съ Терновцами, ** что учредитель тамошняго училища принялъ символъ габровской печати и для терновскаго училища, заблагоразсудили мы, съ согласія попечителя, господина Мутѣва, чтобы учреждаемые по европейской методѣ училища имѣли на своихъ печатяхъ одинъ и тотъ же типъ. Господинъ Мутѣвъ согласился съ этимъ; онъ обѣщался написать въ Калоферъ, что на мѣсто пчелы долженъ быть выставленъ бдительный пѣтухъ, и увѣрилъ насъ въ то же время, что при описаніи печати калоферскаго училища можемъ замѣнить пчелу пѣтухомъ. Завѣренные главнымъ распорядителемъ калоферскаго училища, мы отослали, какъ выше сказано, калоферскому училищу печать съ изображеніемъ пѣтуха, въ полной надеждѣ, что она войдетъ въ употребленіе вмѣсто первой. Изъ нынѣшнихъ только словъ вашихъ узнали мы, что какой-нибудь Калоферецъ поспѣшилъ увѣдомить васъ о противномъ. Для узнанія истины писали мы съ пароходомъ, находящемуся нынѣ въ Константинополѣ, господину Мутѣву, который, отъ 19-го числа Іюня сего года, увѣдомилъ насъ, что онъ по накопившимся ему разнымъ дѣламъ услов-

* Стр. 49.

** Стр. 48.

Digitized by Google

ленное нами изъ виду упустилъ; но, что онъ ожидаетъ на дняхъ попечителей изъ Калофера, съ которыми онъ дѣло уладитъ. Какъ же намъ извѣстно, что Калоферцы не принадлежатъ къ тѣмъ, которые бы не чувствовали вполнѣ необходимость шествовать соединенными силами къ одной и той же цѣли, къ образованности; то вполнѣ увѣрены, что бдительность пѣтуха возьметъ верхъ надъ слабымъ насѣкомымъ. Господа Калоферцы оправдываютъ нашу надежду. На этихъ дняхъ имѣли мы удовольствіе получить изъ Калофера письмо тамошнихъ попечителей училища отъ 24-го Іюня. Присланную имъ печать они получили. По ихъ увѣдомленію училище процвѣтаетъ, ибо жители единодушно согласились увеличить его своими щедрыми приношеніями. Отъ чистато сердца желаемъ имъ блистательнаго успѣха, душевно радуясь, если они доведутъ свое заведеніе до возможной степени совершенства. Пріятно было видѣть, что, воспитываемый ими въ одесской семинаріи, молодой Болгаринъ, Фотій Поповичъ, на экзаменѣ нынѣшняго года въ полной мѣрѣ оправдалъ ожиданія своихъ наставниковъ, ревностно некущихся объ образованіи болгарскихъ юношей, подъ неослабнымъ наблюденіемъ и попечительностію его высокопреосвященства, архіепископа Гавріила, и ректора семинаріи, отца архимандрита Никодима.

Теперь остается намъ пожелать, что вы, увидѣвъ изъ вышеприведеннаго невѣрность сказаній нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ Болгаръ, убѣдитесь въ справедливости всего изложеннаго нами въ «Денницѣ.» За всѣмъ тѣмъ, мы очень рады изъявляемымъ вами надеждамъ на счетъ нашего образованія со стороны соотечественниковъ; съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы, чтобы эти предположенія вскорѣ осуществились на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Наконецъ должно упомянуть о томъ, что вы почли себя почему-то крайнѣ обиженнымъ моею просьбою къ русскимъ ученымъ — вновь изслѣдовать дѣло.

ОВЪ АННѢ, СУПРУГѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО ВЛАДИМІРА РАВНОАПОСТОЛЬНАГО, О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ.

Каждая страница «Денницы», написанная слабымъ перомъ моимъ, отзывается съ почтеніемъ и великимъ уваженіемъ о русскихъ ученыхъ, глубокія знанія которыхъ я нигдѣ и никогда не оспаривалъ, не будучи въ состояніи состязаться съ ними. Почитая и уважая ихъ, припомнилъ и древнюю пословицу: *δίδυ σοφῷ ἀφορμήν καὶ σοφώτερος ἔσται*, почему и пожелалъ узнать, нельзя ли поискать какихъ-либо новыхъ свѣдѣній относительно происхожденія этой великой княгини? Отзыва ожидалъ я болѣе удовлетворительнаго и менѣе взыскательнаго, чѣмъ тотъ, которымъ вы заблагоразсудили почтить меня. Историіографъ сомнѣвается о подлинности лѣтописца Іоакима, отъ котораго, можетъ-быть, почерпнулъ и приводимый мною французскій писатель; но всё-таки позволено пожелать, чтобы этотъ предметъ изслѣдованъ былъ вновь, *критически*, какимъ-либо ученымъ. Вы не желали входить въ разборъ предмета, подлежащаго, можетъ-быть, еще сомнѣнію и довольствуетесь тѣмъ только, что отсылаете меня прочесть 452 примѣчаніе въ I томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» гдѣ Карамзинъ приводитъ, между прочими, въ свидѣтели Дитмара. Не знаю, можно ли положиться на слова этого епископа, между-тѣмъ, какъ онъ будучи современникомъ великаго князя, ошибается и въ имени и въ повѣствованіи объ Аннѣ. Какъ бы то ни было, но Болгаре всё-таки не теряютъ надежды, что какой-либо ученый объяснитъ этотъ историческій фактъ доводами болѣе убѣдительными, и открытіями основательными.

Digitized by Google

По случаю «*Болгарскихъ Книжниковъ*» въ прошломъ году, равно почтенныя и многопочитаемыя мною, ученыя особы оспаривали сказанное мною на счетъ болгарскаго происхожденія святыхъ отцевъ Кириллы и Меѳодія и перевода Святаго Писанія. Дѣло то давно прошедшее, о которомъ нѣтъ еще ясныхъ историческихъ доказательствъ, и притомъ всѣ обстоятельства не разобраны и критически; а гдѣ нѣтъ ясныхъ доказательствъ, тамъ слѣдуетъ изыскивать истину правдоподобными наведеніями. Если время откроетъ неоспоримыя доказательства, которыми опровергаются мои данныя, охотно соглашусь съ упомянутыми господами; если же нѣтъ, то ласкаю себя надеждою, что рано ли, поздно ли, всѣ убѣдятся моими доказательствами, и согласятся признать святаго Кирилла и Меѳодія природными Болгарами, а текстъ перевода Святаго Писанія старымъ болгарскимъ языкомъ, въ чемъ нѣкоторые уже не сомнѣваются.

Дѣло нашей литературной прогрессіи, Михаилъ Александровичъ, совсѣмъ другаго рода. Неправильное показаніе, или изложеніе обстоятельствъ введутъ въ заблужденіе всѣхъ и каждаго, отъ чего могутъ быть худыя послѣдствія. Уваженіе, питаемое мною къ вамъ, какъ сподвижнику нашей образованности, есть самое искреннее: вы не жалѣете трудовъ, подаете руку помощи моимъ соотечественникамъ на поприщѣ образованія, почему и нужно вамъ имѣть вѣрныя, несомнительныя, а не превратныя свѣдѣнія о ходѣ нашей образованности; иначе не будетъ добра. Дай Богъ, чтобы, заслуживающія многихъ похвалъ, старанія ваши объ насъ послужили примѣромъ для прочихъ вашихъ ученыхъ собратій, обратить подобное же вниманіе на возраждающуюся образованность единовѣрныхъ Болгаръ, связанныхъ съ Россіянами и единствомъ общаго происхожденія. Искреннюю признательность, нынѣшніе, еще слабые и немощные, Болгаре оказываютъ Венелину который *первый* обратилъ на нихъ вниманіе ученаго свѣта.

Digitized by Google

Признательность Болгаръ къ Россіянамъ усилится на будущее время, если внимательность, оказываемая имъ нынѣ старшими братьями ихъ, со временемъ не ослабнетъ: Болгаре вѣчною будутъ почитать для себя обязанностью быть благодарными къ своимъ благотворителямъ. Да исполнится молитва наша!

Одесса, 1842 года,
Іюля 10-го дня.

Василій Априловъ.

=

НЫНѢШНЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ

ХИМІИ.

=

I.

Изъ числа всѣхъ наукъ, надъ которыми умъ человѣческій трудился, длятого чтобы постигнуть ихъ таинства, кажется, нѣтъ ни одной, которая бы породила столько теорій, какъ *общая физика*, — эта огромная вѣтвь нашихъ познаній, отъ которой происходятъ всѣ другія науки, подобно вторичнымъ отпрыскамъ. Сущность матеріи, законы по которымъ она разпредѣляется, образованіе міровъ, происхожденіе нашей планеты и существъ ее насѣляющихъ, вотъ тѣ вопросы, которыми занимались философы всѣхъ вѣковъ. Испытатели природы, при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, отвергнувъ медленный и трудный путь опыта и основательнаго изученія, увлекались одними умствованіями, и встрѣчая на каждомъ шагу затрудненія о которыхъ мы теперь не можемъ составить себѣ надлежащаго понятія, думали, что положенія a priori всего скорѣе приведутъ ихъ къ желаемой цѣли. Всѣмъ

Digitized by Google

извѣстно, сколько неосновательности было въ этихъ выдумкахъ и на какія высокія подмостки странныхъ гипотезъ громоздились разсужденія самыхъ геніальныхъ людей древности.

Однако же посреди этихъ гаданій, завѣщанныхъ намъ протекшими вѣками, мы находимъ нѣкоторыя истинно философическія идеи. Такъ, напримѣръ, вѣрованіе въ набольшее число элементовъ, принадлежитъ глубочайшей древности. Ѳалесъ и Гераклитъ принимали одну только элементарную матерію, но первый понималъ подъ этимъ воду, второй — огонь. Анаксимандръ и его послѣдователи проповѣдовали то ученіе о четырехъ элементахъ, которое дошло до нашихъ временъ. Зенонъ, Хризиппъ, Платонъ и Аристотель принимали еще пятый, то есть, эфиръ, первобытный огонь, жидкость не подвергающуюся порчѣ, божественную и совершенно отличную отъ другихъ матеріальныхъ элементовъ. Въ позднѣйшія времена Декартъ сократилъ число элементовъ и, принимая только три, объяснялъ ихъ происхожденіе изъ праха, образующагося отъ тренія первообразныхъ частицъ. Но перевѣсъ остался на сторонѣ древняго ученія: почти до самаго конца прошедшаго столѣтія оно господствовало во всѣхъ нашихъ школахъ, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ физическихъ кабинетахъ можно, кажется, найти таинственную стклянку четырехъ элементовъ.

Послѣдователи греческихъ философовъ, вѣруя въ авторитетъ своихъ знаменитыхъ наставниковъ, долго еще не смѣли сойти съ показаннаго имъ пути; вооружась сочиненіями Платона или Аристотеля, они бредили о сущности матеріи, о ея пространствѣ, объ ея дѣлимости конечной или безконечной, о различной формѣ ея атомовъ и наконецъ о пространствѣ наполненномъ и пустомъ. Между-тѣмъ какъ школы гремѣли этими пустыми спорами, возлѣ нихъ родилась совершенно новая наука — химія, которая медленнымъ, но вѣрнымъ, шагомъ пошла къ будущему первенству; ей опредѣлена

Digitized by Google

была честь поднять и ей можетъ-быть опредѣлено когда-нибудь разорвать всѣ завѣсы, за которыми скрываются величайшія истины. Эта наука, родившись при кровати больныхъ и въ мастерскихъ промышленниковъ, не могла увлекаться той игрою воображенія, которая заставляла Элеатовъ * смотрѣть на вселенную какъ на глыбу неизмѣняющуюся, положительно отвергать свидѣтельство нашихъ чувствъ и принимать за обманъ все, что мы познавали чувствами о движеніи и о всѣхъ явленіяхъ, которыя совершаются около насъ. Со времени своего появленія, она проповѣдуетъ необходимость наблюденій, важность опытовъ, и адепты этой науки остаются всегда неизмѣнны этимъ великимъ правиламъ; мы видимъ, что они, даже посреди эксцентрическихъ уклоненій и алхимическихъ мечтаній, всегда занимались разработкою матеріи, дабы узнать ея скрытыя свойства, да и въ самыхъ химерическихъ результатахъ всегда видно новое призваніе къ фактамъ и къ опытамъ. Намъ ничего неизвѣстно о первоначальномъ происхожденіи химіи и мы должны довольствоваться одними только догадками о томъ, въ какой степени существовала эта наука у тѣхъ народовъ, которыхъ гигантскіе памятники и неподражаемыя произведенія искусствъ удивляютъ насъ и свидѣтельствуютъ о древней ихъ образованности. Въ VIII столѣтіи мы не нуждаемся болѣе въ этихъ предположеніяхъ, потому что встрѣчаемъ первое химическое сочиненіе, оставленное испанскимъ Аравитяниномъ Жеберомъ. Въ этомъ сочиненіи всѣ обстоятельства и факты, изложенные съ величайшею точностію и ясностію, перемѣшаны съ необъяснимыми мистическими аллегоріями, имѣющими связь съ всеобщею медициною и философскимъ камнемъ. Такъ, напримѣръ, тутъ находимъ разсказъ про какого-то короля, ко-

* Секта, отвергавшая свидѣтельство чувствъ.

Digitized by Google

торый однажды, садясь на лошадь, выпилъ такое количество воды, *которую онъ любилъ и былъ ею любимъ взаимно*, что жизнь его находилась въ крайней опасности. Египетскіе врачи, чтобы спасти умирающаго, изрѣзали его въ мелкіе кусочки, перетерли въ порошокъ въ ступкѣ и наконецъ помѣстили въ банѣ; но александрійскіе врачи съ-изнова перетерли порошокъ съ извѣстнымъ веществомъ, всыпали эту смѣсь подъ костеръ, зажженый въ комнатѣ, имѣвшей форму креста, и такимъ образомъ воскресили покойнаго короля. Не смотря на то, что химія, какъ наука, едва раждающаяся, состояла изъ одного только собранія необработанныхъ данныхъ, но еще въ колыбели своей раздѣленная между медициною и алхиміей — она вскорѣ приняла уже двоякое направленіе. Послѣдователи Жебера, Разесъ, Авиценна, Аверроесъ сохранили такой первобытный ея характеръ; подъ вліяніемъ этихъ мужей образовалась та физіологическо-медицинская наука, которая извѣстна подъ именемъ арабской медицины; главными ея основаніями была астрологія и въ особенности химія; но, усвоивъ себѣ мудрыя наставленія Галлена, она прославила школы Севиллы, Кордовы и Гренады въ то время, когда вся Европа была погружена въ грубое варварство.

Изгнаніе Аравитянъ изъ Испаніи и продолжительныя крестовыя войны расторгли союзъ наукъ, существовавшій по ту сторону Пиренеевъ. Въ XIII столѣтіи Англичанинъ Рожеръ Бэконъ и Германецъ Албертъ Больштадъ, названный великимъ, соединили дѣйствительно ученые предметы съ алхимическими мечтаніями своего времени. Во Франціи явилось тоже нѣсколько замѣчательныхъ людей: Арно де-Вильенёвъ, профессоръ медицины въ Монпелье и ученикъ его Райнонъ де-Люль, сдѣлали большіе успѣхи по экспериментальной части химіи. Въ это время открыты и изучены приготовленія

Digitized by Google

эссенцій, водки, алкоголя; усовершенствованы перегоночные снаряды и введены во всеобщее употребленіе. Но и тутъ алхимія нимало не потеряла своего владычества. Въ современныхъ сочиненіяхъ, безпрестанно встрѣчаются универсальныя средства и философскій камень, и каждый авторъ предлагаетъ свой собственный рецептъ въ выраженіяхъ совершенно непонятныхъ. Такъ для приготовленія *элексира мудрости*, совѣтуютъ взять извѣстное количество *философскаго меркурія*, помощію пережиганія, превратить его сначала въ *зеленаго*, потомъ въ *краснаго льва*, выпарить въ песчаной банѣ съ *кислымъ виноградным спиртомъ* и продуктъ подвергнуть перегонкѣ; *киммерійскій мракъ* закроетъ весь сосудъ (кубъ) своимъ мрачнымъ покровомъ и внутри его представится *черный драконъ, пожирающій свой собственный хвостъ*, и такъ далѣе. Всевозможные предразсудки, магія, вызываніе мрачныхъ духовъ, сопровождали эти таинственные опыты, и алхимистъ не иначе принимался за дѣло, какъ пропѣвъ таинственный гимнъ Гермеса-Трисмегиста.

Этотъ періодъ химіи продолжался до половины XVI столѣтія, и по-видимому сосредоточивался въ Парацельсѣ, который называлъ себя пророкомъ, вдохновеннымъ своими братьями — ангелами, и съ помощію эликсира квинт-эссенціи предрекалъ себѣ вѣчную жизнь, хотя и умеръ на 48-мъ году, въ кабакѣ, отъ послѣдствій слишкомъ частыхъ оргій. Не смотря на безпутное и развратное его поведеніе, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и неоспоримо имѣлъ сильное вліяніе на свою эпоху; хотя многочисленныя сочиненія его наполнены заблужденіями и странностями, однако же нельзя отвергнуть великихъ заслугъ Парацельса въ химіи. Онъ первый началъ публично преподавать эту науку въ городѣ Баль, и обнародовалъ такія идеи, которыя до него были тайнами немногихъ лабораторій, и тѣмъ быстро подвинулъ впередъ

Digitized by Google

науку. Многочисленные его ученики вскорѣ раздѣлились на три различные класса: одни приняли только то, что было истинно ученаго въ старой алхиміи, ихъ должно считать основателями нынѣшней науки химіи; другіе посвятили себя исключительно приложеніямъ къ медицинѣ; наконецъ большое число преданныхъ старинным вѣрованіямъ не переставали гоняться за философскимъ камнемъ и универсальнымъ лекарствомъ, но эти приверженцы старины скоро сошли со сцены, а произведенія и имена ихъ едва извѣстны въ наши времена.

Совершенно иная участь встрѣтила другія двѣ вѣтви, происшедшія отъ этого стараго корня. Химіатрія или химическая медицина имѣла прочныя основанія въ прежней наукѣ, она дѣлала быстрые успѣхи и, не имѣя соперницъ, первенствовала въ цѣлой Европѣ. Къ распространенію ея наиболѣе способствовали, во-первыхъ, Фанъ-Гельмонтъ, одинъ изъ геніальныхъ людей въ медицинѣ, тотъ самый, который такъ странно соединилъ свою теорію броженія съ ученіемъ объ Археяхъ или жизненныхъ духахъ міра; во-вторыхъ, лейденскій профессоръ Сильвіусъ, выказавшій замѣчательныя свои дарованія и глубокую ученость приведеніемъ всѣхъ явленій жизни подъ простые химическіе законы. По его понятіямъ, плотныя части человѣка и животныхъ не принадлежатъ къ составу цѣлаго живаго существа, а предназначены, подобно сосудамъ, для одного только храненія жидкостей. Тѣло есть не что иное какъ обыкновенная лабораторія, гдѣ все совершается точно такъ же, какъ въ ретортахъ и въ химическихъ перегоночныхъ снарядахъ; пищевареніе — просто *броженіе*, а происходящій отъ этого питательный сокъ — есть *летучій спиртъ* веществъ, употребляемыхъ въ пищу. Образованіе жизненныхъ духовъ въ мозгѣ — онъ называлъ перегоночнымъ процессомъ, а въ самыхъ духахъ находилъ большое сродство съ алкоголемъ. Движеніе кро-

Digitized by Google

ви объясняетъ кипѣніемъ *маслянисто-летучей соли* желчи и *ослабленной кислоты*, содержащейся въ пасокѣ; это кипѣніе развивается въ сердцѣ, производитъ жизненную теплоту, которая, разжижая массу крови, дѣлаетъ ее способною къ кругообращенію, и такъ далѣе. Терапія Сильвіуса совершенно согласовалась съ такою физіологіею; по его понятіямъ, леченіе болѣзней состояло въ одномъ только неутрализованіи *остроты* кислотной или щелочной, какъ единственной причины всѣхъ болѣзней. Парижскій университетъ, руководимый наставленіями Ріолана, опровергалъ съ величайшею стойкостію это нелѣпое ученіе и тѣмъ избавилъ почти всю Францію отъ заблужденій, грозившихъ содѣлаться всеобщими. Вмѣстѣ съ описанными двумя классами мечтателей явились и настоящіе химики, люди, которые, удаляясь отъ всякихъ гипотезъ и отъ всякаго преждевременнаго примѣненія, безпрерывно занимались опытами и, мало-по-малу, собирали матеріалы для будущаго зданія. Изъ числа этихъ ученыхъ особенно замѣчательны: Кассіусъ, Либавіусъ и Глауберъ, — этими именами называются различныя ими открытыя вещества; Агрикола, творецъ знаменитаго сочиненія о добываніи металловъ и о металлургіи; Бернаръ Палисси (Bernard Palissy) котораго *rustiques figulines* лежало какъ украшеніе на королевскихъ столахъ и теперь еще имѣетъ большую цѣну у любопытныхъ. Читая сочиненія этихъ истинно ученыхъ мужей, нельзя не удивляться разительной ихъ противуположности съ сочиненіями предшественниковъ. Тутъ простота и ясность замѣнили мѣсто мистицизма и неудобопонятности; все принимаетъ положительныя формы, которыя успокоиваютъ умъ, утрудненный алхимическими аллегоріями, и хотя наука не имѣетъ еще настоящей системы, но уже видно, что она находится на пути, ведущемъ къ этому новому усовершенствованію.

Digitized by Google

Въ 1651 году основалась знаменитая тосканская академія del cimento; въ 1662 году образовалось королевское общество въ Лондонѣ, а спустя четыре года то есть въ 1666 году, учреждена королевская академія наукъ въ Парижѣ. Эти ученые общества, сдѣлавшись центрами дѣятельности, возбудили всеобщее сильное стремленіе къ умственнымъ занятіямъ. Около этого же времени во Франціи начали публично преподавать химію; въ Jardin des plantes открыта каѳедра этой науки и поручена Николаю Лефевру, мужу, которому не доставало, можетъ-быть, немного практической дѣятельности, и онъ навѣрно устранилъ бы изъ преподаваемой имъ науки всѣ тѣ затрудненія, которыя долго замедляли ходъ ея къ совершенству. Въ его знаменитомъ сочиненіи Traité de Chimie raisonnée, находятся чрезвычайно важныя общія идеи, а въ результатахъ, выведенныхъ изъ процессовъ при пережиганіи металловъ, можно найти зародышъ всѣхъ элементовъ нынѣшней химіи. Но будущее совершенство было еще впереди, и всѣ эти теоріи еще не могли принесть надлежащихъ плодовъ.

Послѣ Николая Лефевра, извѣстнаго живостію своего воображенія, является Лемери; обладая умомъ положительнымъ и наблюдательнымъ, онъ обогатилъ химію множествомъ хорошо испытанныхъ фактовъ, а ясность и точность его изложенія освободили науку отъ загадочнаго языка—послѣдняго остатка старой алхиміи. Между-тѣмъ какъ Лемери въ Парижѣ продолжалъ свои публичныя лекціи передъ многочисленною публикой, которая съ рукоплесканіями тѣснилась вокругъ его каѳедры, Германецъ Гамбергъ, путешествуя по всей Европѣ, посѣщалъ знаменитыхъ химиковъ, покупалъ у нихъ разные секреты, разные способы составленія и, по возможности печатая собранныя тайны, столько же старался передать ихъ публикѣ, сколько другіе заботились сохранить въ неизвѣстности. Изъ этого видно, что для

Digitized by Google

химіи уже наступала новая эра; наука, бывшая до сего времени достояніемъ небольшаго числа адептовъ, начинала становиться доступною каждому: слѣдовательно, будущіе успѣхи ея были несомнѣнны.

Не смотря на то, что химики по сущности и по способу своихъ занятій не имѣли ничего общаго съ современными имъ физиками, однако же до начала той эпохи, которою мы теперь занимались, они единодушно соглашались въ нѣкоторыхъ положеніяхъ; такъ напримѣръ, какъ тѣ, такъ и другіе принимали чрезвычайно небольшое число элементарныхъ началъ. Арабская школа, основанная Жеберомъ, удостоила имени элементовъ только сѣру, ртуть и мышьякъ; Рожеръ Бэконъ и Албертъ великій не только не оспоривали такого мнѣнія, но свято передали его своимъ послѣдователямъ. Нѣкоторые алхимики присоединили еще четвертый элементъ — квинт-эссенцію Раймонда Люлля. Парацельсъ принималъ за основаніе тѣлъ четыре начала физиковъ, но присоединяетъ еще какой-то элементъ предопредѣленія (Élement prédestiné); Николай Лефевръ отбросилъ элементарныя начала греческихъ философовъ и замѣнилъ ихъ водою (паръ водяной), ртутью (спиртъ), сѣрою (масло), солью и землею. Около половины XVII столѣтія германскій химикъ Бехеръ, первый началъ опровергать эту малочисленность элементовъ. Хотя въ своемъ сочиненіи *Physica subterranea*, онъ допускаетъ только три начала, то есть, землю, которая можетъ превращаться въ стекло, землю легко воспламенимую и землю ртутную; но каждой изъ нихъ предоставляетъ матерію не отдѣльную, а всегда тожественную, — словомъ: тутъ не должно понимать элементовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Наконецъ Бехеръ первый высказалъ мысль о существованіи тѣлъ сложныхъ и простыхъ или неразложимыхъ, не опредѣляя числа послѣднихъ. Эта новая идея произвела совершенное преобразова-

Digitized by Google

ніе въ наукѣ и заключала въ себѣ зародышъ цѣлой теоріи Сталя.

Сталю принадлежитъ слава соединенія всѣхъ остальныхъ свѣдѣній въ одно цѣлое и образованіе изъ химіи настоящей науки. Его теорія очень проста. Отвергнувъ схоластическіе элементы, онъ принимаетъ тѣла простыя и сложныя; къ послѣднимъ причисляетъ всѣ металлы, а элементами называетъ металлическія земли или то, что у насъ извѣстно подъ именемъ металлическихъ окисловъ. Онъ полагаетъ, что металлы, всасывая въ себя универсальный агентъ, именуемый *флогистономъ*, могутъ переходить изъ состоянія землистаго въ состояніе собственно металлическое. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, эта теорія служила для объясненія всѣхъ извѣстныхъ химическихъ явленій, она породила многочисленные новые вопросы и сама облегчила рѣшеніе оныхъ, хотя основаніе, на которомъ держалась, было совершенно ложно. Если бы земли, превращаясь въ металлъ поглощали какое-нибудь вещество, то понятно, что, въ этомъ новомъ видѣ, онѣ дѣлались бы тяжелѣе; однако же на дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Не смотря на всю геніальность своего ума, Сталь не былъ свободенъ отъ вліянія старинныхъ понятій; онъ видѣлъ въ каждомъ тѣлѣ одну только его наружную форму и его физическія свойства; онъ нисколько не обращалъ вниманія на тяжесть и въ этомъ-то заключался источникъ всѣхъ его заблужденій. Однако же это ученіе удовлетворяло современнымъ требованіямъ и съ помощію изустныхъ лекцій Сталя и сочиненій, которыя печаталъ, оно распространилось чрезвычайно быстро. Слогъ этихъ сочиненій не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго; вездѣ встрѣчается странное смѣшеніе нѣмецкихъ словъ съ латинскими, отъ чего многія мѣста становятся совершенно непонятными. Возьмемъ для образчика нѣсколько строкъ: «*Sonsten ist*

Digitized by Google

aus den angeführten alterationibus metallorum *zu notiren das in den* metallis imperfectis *dreyerley* substantia *vorhanden sey.*»

Флогистическая теорія владѣла умами всѣхъ ученыхъ до послѣдней трети XVIII-го столѣтія и, будучи постояннымъ двигательнымъ химіи, она произвела то, что этотъ періодъ ознаменовался блистательнѣйшими открытіями въ наукѣ. Не входя во всѣ подробности дѣла, мы должны однако жъ упомянуть о трудахъ Шеле и Пристлея, которые до самой смерти своей защищали ученіе Сталя, между-тѣмъ какъ каждое новое открытіе этихъ ученыхъ наносило новый ударъ теоріи человѣка, котораго они боготворили. Шеле, скромный деревенскій аптекарь въ Швеціи, былъ образцомъ въ искусствѣ произведенія опытовъ. Ему мы обязаны открытіемъ большаго числа простыхъ и сложныхъ тѣлъ, — хлора, имѣющаго такое обширное употребленіе въ медицинѣ и промышленности и наконецъ синильной кислоты, того страшнаго вещества, которое подтверждаетъ всѣ разсказы древнихъ о гибельномъ дѣйствіи ядовъ, составляемыхъ Локустомъ. Пристлей родился въ Англіи и будучи запальчивымъ ѳеологомъ и человѣкомъ, который ненавидѣлъ всѣхъ иновѣрцевъ, онъ провелъ большую часть жизни въ религіозныхъ диспутахъ, а это кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ оставить свое отечество. Хотя онъ занимался химіею только въ часы, такъ сказать, оставшіеся отъ ѳеологіи, однако жъ труды его принесли большую пользу. До Пристлея извѣстно было только два газа, — водородъ и угольная кислота; онъ открылъ еще девять газовъ и въ томъ числѣ кислородъ, которому далъ названіе жизненнаго воздуха. Оба эти ученые, почти въ одно время, изучали составъ окружающаго насъ воздуха; оба соглашались въ томъ, что онъ состоитъ изъ двухъ началъ изъ которыхъ одно, то есть *aer vitalis* (кислородъ), поддерживаетъ дыханіе и горѣніе. При всей важности этихъ открытій химія не подверглась еще совершенному преобра-

Digitized by Google

зованію, потому что всякая глубокая перемѣна въ наукѣ происходитъ отъ совершенно новаго взгляда и соотвѣтственныхъ наблюденій.

Между-тѣмъ какъ Шеле въ Швеціи и Пристлей въ Англіи неутомимо шли по пути, открытому Сталемъ, во Франціи явился человѣкъ, котораго рожденіемъ должна гордиться не только одна нація но и все человѣчество. Въ 1770 году явилось первое сочиненіе Лавоазье, и хотя автору было не болѣе двадцати-осьми лѣтъ, но онъ высказалъ уже одну изъ тѣхъ великихъ идей, которыя, требуя цѣлой жизни для объясненія своего, производятъ переворотъ въ цѣлой наукѣ. Вопросъ состоялъ въ томъ: имѣетъ ли вода приписываемое ей свойство превращаться въ землю. Для разрѣшенія этой задачи, Лавоазье не полагался на то, что узналъ помощію одного зрѣнія; онъ прибѣгнулъ къ снаряду, до того времени пренебрегаемому,—вѣсамъ. Не извѣстно какая цѣпь умозаключеній привела его къ употребленію этого новаго реагенса; но только съ этого перваго опыта, во всѣхъ твореніяхъ великаго человѣка, находимъ мысль, что «въ природѣ ничто не погибаетъ и ничто не рождается вновь», мысль, которая служитъ основаніемъ нынѣшней химіи. Тринадцать лѣтъ неутомимыхъ трудовъ увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ; въ 1783 году, Лавоазье убѣжденный въ собственныхъ силахъ, нанесъ рѣшительный ударъ ученію о флогистонѣ. Разсматривая труды Лавоазье, видно постоянное стремленіе его творческаго генія къ двоякому направленію разрушать и сооружать новое. Пристлей открылъ присутствіе кислорода въ воздухѣ; Лавоазье занялся изслѣдованіемъ послѣдняго, разъединилъ два его начала, изучилъ ихъ отдѣльно, и, потомъ соединяя снова эти элементы, произвелъ искуственный атмосферный воздухъ. Кевендишъ догадывался, что вода есть вещество сложное и Лавоазье, получивъ отдѣльно оба газа, которые ее составляютъ, потомъ соединилъ ихъ

Digitized by Google

и доказалъ, что вода ложно почиталась элементомъ. Наконецъ онъ убѣдилъ защитниковъ теоріи флогистона, что металлы, при разгораченіи, соединяются съ одною изъ составныхъ частей воздуха, кислородомъ, при чемъ становятся тяжелѣе; что кислородъ можно снова отдѣлить и получить въ первобытномъ его видѣ, и что вѣсъ этого газа равенъ прибыли въ тяжести металла послѣ его разгоряченія. Такъ пала теорія Сталя.

Не будемъ говорить о трудахъ Лавоазье на поприщѣ собственно физическомъ, потому-что это удалило бы насъ отъ нашей цѣли; однако же упомянемъ объ его изслѣдованіяхъ касательно теплотвора. Замѣчая, что теплотворъ, поглощаемый тѣлами не увеличиваетъ ихъ тяжести, онъ назвалъ его матерію невѣсомою, именемъ присвоеннымъ еще нѣкоторымъ веществамъ. Онъ различилъ два рода теплотвора, *свободный*, открываемый помощію термометра, и *скрытый*, измѣняющій состояніе тѣлъ, преобразующій, и проч., ледъ въ жидкую воду или въ водяной паръ. По его понятію, газы суть *постоянныя* пары, а плотныя тѣла суть жидкости, лишившіяся своего скрытаго теплотвора. Если бы температура земнаго шара понизилась ниже нуля, тогда бъ вся вода, находящаяся на его поверхности, превратилась въ глыбы льда; если бы уменьшеніе теплоты достигло извѣстныхъ предѣловъ, самая наша атмосфера, вся вообще или только нѣкоторая ея часть, превратилась бы въ плотное или жидкое тѣло. Извѣстно, что опыты подтвердили эти великія догадки. И такъ химія, основанная на фактахъ, благодаря трудамъ Лавоазье, впервые входитъ въ соотношеніе со всеобщею физикою міра. Съ такимъ же рвеніемъ и съ тою же быстротою взгляда проникнулъ онъ въ жизненныя явленія, имѣющія связь съ химіею. Человѣкъ и животныя при выдыханіи постоянно извергаютъ воду и угле-

Digitized by Google

кислый газъ; въ то же самое время вдыхаемый кислородъ воздуха исчезаетъ; слѣдовательно, кислородъ имѣетъ тѣсную связь съ водородомъ и углеродомъ крови. Дыханіе есть настоящее сгораніе, совершаемое въ легкихъ и отъ этого процесса зависитъ развитіе животной теплоты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что недостатки этой теоріи были бъ исправлены самимъ же творцемъ ея; но извѣстно, какъ рано пресѣклась жизнь этого великаго генія. Мая 8-го 1794 года, Лавоазье именемъ свободы, истребившей столько знаменитыхъ людей, возведенъ на эшафотъ, и его неблагодарное отечество, забывъ, что этимъ именемъ пріобрѣло величайшую славу, не воздвигло бюста его ни на одной народной площади, загроможденной статуями людей едва извѣстныхъ. Лавоазье, неусыпными трудами, въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ, упрочилъ будущую химію; все имъ завѣщанное, принято съ истиннымъ уваженіемъ. Едва прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти и эта наука, недавно вышедшая изъ младенчества, стала уже на первую степень совершенства; владычество ея ежеминутно распространяется болѣе и болѣе. Ея адепты безчисленны; имена Дальтона, Деви, Берцеліуса, Либиха, Гюитона-Морво, Фуркруа, Гѐ-Люссака, Тенара, Шевреля и Дюма — содѣлались именами извѣстными всенародно. Эта дѣятельность возбуждаетъ безпрерывно новыя усилія и даетъ надежду на дальнѣйшее совершенство науки.

Отличительный характеръ нынѣшней химіи состоитъ въ приложеніяхъ ея къ общественной пользѣ. До Лавоазье это было совсѣмъ иначе: химія заимствовала многое отъ техническихъ искусствъ и въ замѣнъ оказывала имъ самую незначительную помощь. Прежде въ однихъ только аптекарскихъ лабораторіяхъ можно было найти извѣстные составы; теперь заведены повсюду огромныя мануфактуры для приготовленія химическихъ

Digitized by Google

припасовъ. Поташъ замѣненъ содою, добываемою изъ морской соли. Свекловичный сахаръ входитъ во всеобщее употребленіе. Шеврель изслѣдовалъ свойства жира и съ-тѣхъ-поръ стеаринъ замѣнилъ прежнія обыкновенныя свѣчи. Медицина пріобрѣла тоже большія выгоды: помощію хлориновыхъ щелочей мы разлагаемъ самыя вредныя, болѣзнетворныя міазмы. Сюртюернеръ открылъ главнѣйшую составную часть опія и въ-слѣдъ за тѣмъ Пеллетье и Кавенту, осуществляя, такъ сказать, фармацевтическое мечтаніе Парацельса, находятъ цѣлый рядъ растительныхъ щелочей, отъ которыхъ зависятъ дѣйствительнѣйшія свойства растеній. Понятно, что такое новое направленіе сдѣлало большой переворотъ въ наукѣ; начатое Парацельсомъ было продолжаемо Бехеромъ и Сталемъ, а честь рѣшительнаго окончанія принадлежитъ Лавоазье. Громкое названіе *четырехъ элементовъ* выгнано изъ науки; слово элементъ замѣнено *простымъ тѣломъ* и число этихъ тѣлъ возрастаетъ ежедневно: къ нимъ принадлежатъ всѣ металлы. Въ теченіе нѣкотораго времени земли и щелочи, обнаруживая свою ложность, были чѣмъ-то загадочнымъ для химіи; но геній Вольта изобрѣлъ галваническій столбъ и этотъ приборъ, въ рукахъ Деви разрѣшилъ всѣ сомнѣнія. Узнано, что извѣсть, поташъ и сода состоятъ изъ металлическаго основанія и кислорода, то есть, равнозначительны съ простыми окисями, образующимися въ видѣ ржавчины на желѣзѣ и мѣди. Въ наше время число простыхъ тѣлъ, которыхъ соединенія образуютъ всѣ другія тѣла, простирается до пятидесяти-пяти, исключая теплотворъ, свѣтъ, электричество и магнетизмъ, которые, будучи агентами невѣсомыми, обнаруживаются одними только своими проявленіями и потому сущность ихъ намъ мало извѣстна.

Digitized by Google

II.

Справедливо ли, что настоящее состояніе науки есть выраженіе несомнѣнной истины? Можно ли предполагать, что природа, при составленіи тѣлъ, отказалась отъ той удивительной простоты средствъ, которую мы замѣчаемъ во всѣхъ самыхъ сложныхъ ея произведеніяхъ? Одной причины достаточно для паденія на землю пылинки, которую глазъ нашъ едва можетъ замѣтить, и для поднятія аеростатическаго шара за предѣлъ облаковъ; одной причины достаточно для того, чтобъ планеты держались въ своихъ орбитахъ и блуждающія звѣзды совершали путь свой въ пространствѣ математически безконечномъ. Для того, чтобъ управлять всѣми этими движеніями, какъ атомовъ такъ и цѣлыхъ міровъ, достаточно было одной тяжести; а для созданія матеріи необходимо было участіе пятидесяти-пяти элементовъ и сверхъ того издержаніе четырехъ различныхъ силъ для произведенія въ ней необходимыхъ измѣненій! Тому, кто тщательно изучилъ природу, кто умѣлъ постигнуть съ какою удивительною бережливостію процессовъ она доходитъ до величайшихъ своихъ результатовъ, тому число пятидесяти-пяти покажется такъ необыкновеннымъ, что заставитъ сомнѣваться въ точности его. Всѣ просвѣщеннѣйшіе химики признаютъ элементарность простыхъ тѣлъ, какъ факты вообще принятые, но ничуть не придаютъ этому положенію названіе ничѣмъ неоспоримой истины.

Ежедневные успѣхи въ области химіи подтверждаютъ справедливость этого воззрѣнія. Физики замѣтили уже такую аналогію между свѣтомъ и теплотворомъ, что доказательство ихъ тождественности становится несомнѣннымъ. Магнетизмъ и электричество переходятъ нѣкоторымъ образомъ, одно къ другому. Теплота рож-

Digitized by Google

даетъ свѣтъ и электричество, а электричество, въ свою очередь, можетъ возбуждать другіе три невѣсомые агента и давать начало явленіямъ магнитнымъ, свѣтовымъ и теплотворнымъ. И такъ мы имѣемъ право надѣяться, что, въ скоромъ времени, эти четыре силы будутъ справедливо приняты за простыя модификаціи одного общаго дѣятеля, можетъ-быть даже того самаго *эфира*, котораго существованіе допускаютъ современные намъ физики и о которомъ, двѣ-тысячи лѣтъ назадъ, говорили греческіе философы.

Разсмотримъ теперь нѣкоторые изъ тѣхъ основныхъ началъ, которыя наиболѣе содѣйствовали къ возведенію нынѣшней химіи на степень ею занимаемую. Извѣстно, что *основанія* или *металлическія окиси* и *кислоты* имѣютъ чрезвычайно большое взаимное сродство и что онѣ, взаимно соединяясь, образуютъ составы извѣстные подъ общимъ именемъ *солей*. Слѣдовательно, въ соли уже образованной, одинъ металлъ можетъ непосредственно занимать мѣсто другаго. Ежели мѣдную пластинку помѣстимъ въ азотно-кислое серебро, то она мало-по-малу растворится и серебро представится въ металлическомъ состояніи. Вскорѣ за тѣмъ все азотно-кислое серебро превратится въ азотно-кислую мѣдь; въ этомъ послѣднемъ процессѣ мѣдь соединяется, какъ съ кислородомъ окиси серебра такъ и съ азатною кислотою. Но разница состоитъ въ томъ, что первая соль содержала 1350 частей серебра, а вторая только 396 частей мѣди. Слѣдовательно при одинаковомъ количествѣ кислорода и азотной кислоты, для образованія соли нужно гораздо меньше мѣди, нежели серебра. Всѣ тѣла, которыми занимается химія, представляютъ, въ этомъ отношеніи, подобные же результаты. Способность тѣлъ насыщаться имѣетъ всѣ отношенія всегда неизмѣнныя, но въ одномъ тѣлѣ эта способность больше, въ другомъ меньше. Изученіе этихъ отношеній чрез-

Digitized by Google

вычайно важно, и цифры, которыми они выражаются, — въ приведенномъ примѣрѣ 1350 и 396, — называются въ химіи эквивалентами (aequivalens).

При опредѣленіи эквивалента какого-нибудь тѣла, вообще принимаютъ, что эквивалентъ кислорода выражается цифрами 100; къ этой величинѣ относятся всѣ другія величины; словомъ, она условно принята за единицу. Вмѣсто кислорода можно бы взять всякое другое простое тѣло, — водородъ, углеродъ и прочія: измѣнились бы однѣ только цифры, но отношенія нисколько, потому-что эквиваленты, какъ мы уже сказали, выражаютъ только отношенія.

Всѣ тѣла соединяются взаимно въ пропорціяхъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ, и, въ химическихъ реакціяхъ, одинъ эквивалентъ съ точностію замѣняетъ другой. Изъ этого слѣдуетъ, что, зная нѣкоторыя изъ этихъ чиселъ, можно, посредствомъ самаго простаго вычисленія, опредѣлить и всѣ другія.

Наиболѣе представлялось занимательности и пользы въ опредѣленіи эквивалента водорода и углерода, которые, въ соединеніи съ кислородомъ, играютъ такую важную роль въ химическихъ феноменахъ органическихъ тѣлъ. До-сихъ-поръ полагались въ этомъ отношеніи на вычисленія, сообщенныя шведскимъ химикомъ Берцеліусомъ; но долговременныя изслѣдованія Дюма заставили его сомнѣваться въ ихъ безошибочности и онъ самъ повторилъ эти нѣжные опыты, съ чрезвычайною строгостію. Углеродъ, сгорая въ кислородѣ, соединяется съ нимъ и образуетъ газъ, именуемый угольною кислотою; слѣдовательно, взявъ опредѣленное количество чистаго углерода, должно сжечь его въ опредѣленномъ количествѣ, также чистаго, кислорода и взвѣсить полученную угольную кислоту; разница въ вѣсѣ покажетъ количество поглощеннаго кислорода. Такимъ образомъ можно узнать, въ какой пропорціи кислородъ сое-

Digitized by Google

диняется съ углеродомъ, то есть, опредѣлить ихъ эквивалентъ. Дороговизна чистаго углерода, — алмаза, — не позволяла химикамъ заняться этимъ опытомъ; но Дюма не пожалѣлъ издержекъ и съ точностію опредѣлилъ отношенія углерода. Опредѣленіе того же рода искомаго для водорода было сопряжено съ гораздо большими затрудненіями, потому-что это тѣло существуетъ только въ газообразномъ состояніи и притомъ около четырнадцати разъ легче атмосфернаго воздуха. Однимъ только косвеннымъ путемъ можно было достигнуть желаемой цѣли. Дюма поступалъ слѣдующимъ образомъ. Мѣдная окись имѣетъ свойство, при возвышенной температурѣ, сообщать свой кислородъ нѣкоторымъ тѣламъ, между прочимъ и водороду. Соединеніе кислорода съ водородомъ образуетъ воду. Дюма направилъ струю чистаго водорода на мѣдную окись, которой вѣсъ былъ заблаговременно опредѣленъ, и собралъ все количество образовавшейся воды. Послѣ этой операціи, онъ снова взвѣсилъ мѣдную окись и узналъ сколько кислорода она уступила водороду. Зная при томъ вѣсъ образовавшейся воды, онъ вывелъ заключеніе объ отношеніи количества обоихъ газовъ, употребленныхъ для ея образованія и наконецъ, съ удивительною точностію, опредѣлилъ искомое отношеніе для водорода. Для рѣшенія этой задачи Дюма употребилъ чрезвычайно много времени: онъ долженъ былъ на каждомъ шагу преодолѣвать всевозможныя затрудненія, до пятидесяти разъ начиналъ съ-изнова этотъ запутанный процессъ и добровольно отказался отъ того вспомоществованія, которое ему предлагала парижская академія наукъ, въ видѣ благодарности за необыкновенные труды своего ученаго вице-президента. Вообще принимаютъ, что сумма качествъ, характеризующихъ извѣстное тѣло, зависитъ отъ его состава; изъ чего слѣдуетъ, что эта сумма можетъ измѣняться только съ измѣненіемъ сущности, то есть, состава самаго тѣла. Ежели два тѣла, имѣющія одинаковый

Digitized by Google

составъ, будутъ поставлены въ равныя обстоятельства, то, кажется, они должны бы представлять совершенную тожественность своихъ качествъ, однако же на дѣлѣ выходитъ противное. Органическая и неорганическая химія говоритъ намъ о множествѣ примѣровъ изомѣрныхъ тѣлъ, то есть, такихъ, которыя, будучи совершенно различными, при анализѣ обнаруживаютъ одинаковый составъ элементовъ, соединенныхъ въ одинакой пропорціи. Иногда достаточно самой незначительной операціи длятого, чтобы измѣнить самыя существенныя качества тѣла, образовать изъ него новое тѣло, нисколько не нарушая первобытнаго состава. Этотъ феноменъ получилъ у химиковъ названіе *диморфизма* (dimorphisme). Изъ множества примѣровъ приведемъ только разительнѣйшіе.

Нѣкоторыя окиси, будучи подвергнуты вліянію нѣсколько высшей температуры, теряютъ всю или часть своей способности растворяться въ кислотахъ. Положите въ тигель, окруженный разкаленными углями, извѣстное количество хромовой окиси, имѣющей цвѣтъ темно-зеленый, почти черный; какъ только тигель начнетъ краснѣть, вы увидите что его температура возвысится мгновенно, а окись заблеститъ яркимъ свѣтомъ. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній эта необъяснимая вспышка изчезаетъ и аппаратъ опять показываетъ температуру окружающаго огня. Дайте остынуть окиси и изслѣдуйте ее прилежно. Цвѣтъ ея превратился въ ярко-зеленый, она уже не растворяется въ кислотѣ; слѣдовательно, физическія и химическія качества измѣнились; но вѣсы и анализъ покажутъ вамъ, что окись, во время операціи, не пріобрѣла ни потеряла ни одного атома матеріи и, чтобы возвратить ей прежнія качества, стоитъ погрузить ее, на нѣсколько часовъ, въ сѣрную кислоту мало возвышенной температуры.

Digitized by Google

Ежели содержать обыкновенное стекло въ расплавленномъ состояніи, въ теченіи продолжительнаго времени, то оно теряетъ всѣ свои качества. Ломкость, вошедшая въ пословицу, исчезаетъ; оно становится такъ твердымъ, что подобно кремню, даетъ, искры при удареніи огнивомъ. Огнепостоянность его увеличивается до того, что въ немъ можно, какъ въ тиглѣ, расплавлять другое стекло такого же состава. Въ печахъ на стеклянныхъ заводахъ находятся массы этого стекла, которое пріобрѣло почти скалистыя свойства. * Подвергните анализу это новое тѣло и найдете въ немъ всѣ составныя части обыкновеннаго хрупкаго и прозрачнаго стекла и ту же пропорцію въ соединеніи элементарныхъ частей.

Всякій знаетъ, что такое мышьякъ; это тѣло получается въ двоякомъ видѣ: мышьякъ безцвѣтный, прозрачный, какъ стекло, и мышьякъ бѣлый и совершенно непрозрачный; слѣдовательно, мышьякъ есть тѣло диморфическое. Въ обоихъ видахъ составъ одинаковъ, химическія свойства одинаковы и оба вида равно растворяются въ соляной кислотѣ. Приготовивъ эти два раствора, одинаково насыщенные, поставимъ ихъ въ темнотѣ и позволимъ имъ кристализоваться. Въ растворѣ темнаго мышьяка не произойдетъ никакихъ измѣненій. Въ другомъ же напротивъ каждый маленькій кристаллъ, осѣдая, испускаетъ яркій свѣтъ и въ то же время возвышается температура жидкости. По окончаніи кристаллизаціи мы найдемъ, что вѣсъ мышьяка не измѣнился, но мышьякъ прозрачный сдѣлался темнымъ и кристаллы обоихъ растворовъ не представляютъ никакихъ различій. Отъ чего зависитъ эта перемѣна? Прозрачный мышьякъ лишился свѣту и теплоты — которыхъ мы не могли найти въ немъ, помощію нашихъ инструментовъ.

* Французы называютъ это стекло *le verre dévertrifié*.

Digitized by Google

Изъ приведеннаго опыта видно, что нѣкоторыя тѣла имѣютъ постоянную способность соединяться съ элементами невѣсомыми или лучше съ тѣмъ универсальнымъ агентомъ, который проявляется теплотою, свѣтомъ и электричествомъ. Новѣйшее изслѣдованіе французскаго химика Пелиго (Peligot) доказало, что уранъ, принимаемый до-сихъ-поръ за металлъ, есть не иное что, какъ окись, хотя это сложное тѣло обнаруживаетъ всѣ признаки, свойственные простому тѣлу. Эти открытія произвели то, что ученѣйшіе мужи нашего времени начинаютъ сомнѣваться въ дѣйствительной элементарности нашихъ простыхъ тѣлъ и почитать ихъ за видоизмѣненія небольшаго числа неизвѣстныхъ намъ элементовъ; словомъ, все говоритъ, что для химіи наступаетъ новая эра и первые, которые пойдутъ по вновь открытому пути, пріобрѣтутъ громкую славу Лавоазье и Кевендиша.

Органическая химія еще болѣе нуждается въ такомъ преобразованіи, гдѣ число элементовъ, безпрерывно возрастая, увеличилось до того, что обременяетъ самую счастливую память. Не вѣрьте, что природа, для образованія различныхъ тѣлъ этого царства и для снабженія ихъ отдѣльными качествами, употребила тѣ пятьдесятъ-пять элементовъ, о которыхъ мы уже говорили. Для этого слишкомъ достаточно трехъ-четырехъ началъ; тутъ участвовали только углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ, — изъ нихъ составлялось все въ огромной лабараторіи природы и, если въ этомъ дѣлѣ замѣтно участіе другихъ элементовъ, то они содѣйствовали придаточнымъ образомъ, чаще всего какъ механическое средство, для доставленія матеріальной плотности.

Очень часто мы не можемъ, самымъ тщательнымъ химическимъ анализомъ, открыть различія въ составѣ двухъ совершенно различныхъ тѣлъ и, такимъ образомъ, увеличивается число изомѣрныхъ тѣлъ, — между-тѣмъ

Digitized by Google

какъ все затрудненіе состоитъ въ томъ, что будь въ сложномъ тѣлѣ одною тысячною частію болѣе или менѣе котораго-нибудь изъ этихъ четырехъ элементовъ и тѣло перемѣнится совершенно. Безспорно, что чрезвычайно трудно слѣдить за цѣлою тысячью этихъ Протеевъ въ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, узнавать законы, по которымъ совершаются эти странныя явленія и наконецъ заключить почти безконечное число фактовъ въ нѣсколько простыхъ, легко примѣнимыхъ, формулъ; однако же нынѣшняя органическая химія * быстро идетъ къ побѣжденію этихъ трудностей.

Взирая на предметъ съ физіологической точки зрѣнія и стараясь опредѣлить, какую роль играютъ эти элементы въ экономіи органическихъ тѣлъ, мы съ удивленіемъ находимъ, что изъ числа всѣхъ веществъ кислотныхъ, щелочныхъ, среднихъ, постоянныхъ, летучихъ и такъ далѣе, открываемыхъ химіею въ животныхъ и растеніяхъ, — существенно необходимые для состава тѣла, только весьма немногіе, а именно: *клѣтчатое начало*, основа клѣтчатой и линейной тканей, *крахмалъ*, *декстринъ* **, *фибринъ*, *бѣлокъ* и *сырное начало*. Первые три происходятъ изъ соединенія водорода, кислорода и углерода. Послѣдніе четыре отъ тѣхъ же элементовъ, съ присоединеніемъ азота. Кромѣ того, первые три отличаются тѣмъ, что въ нихъ водородъ съ кислородомъ соединенъ въ пропорціи образующей воду, которая занимаетъ въ этихъ составахъ творческую роль, приписываемую ей древними. Малѣйшее измѣненіе въ количествѣ атомовъ совершенно измѣняютъ сущность состава. Вотъ примѣръ:

72 Углерода и 90 воды образуютъ клѣтч. нач., крахмалъ, декстринъ.
72 . . . . . 99 . . . . . тростниковый сахаръ.

* Благодаря усиліямъ французскихъ ученыхъ.

** Смолистое начало, извлекаемое изъ разныхъ мучнистыхъ веществъ.

Digitized by Google

72 . . . . . 108 . . . . . молочный сахаръ.
72 . . . . . 126 . . . . . виноградный сахаръ.

Эта небольшая таблица показываетъ, какъ легко превратить въ сахаръ не только крахмалъ, но бумагу, тряпку, даже древесныя опилки. Бѣлокъ, фибрина и сырное начало изомѣрны и соединеніе ихъ выражается углеродомъ, водою и аммоніемъ.

Ежели къ вычисленнымъ веществамъ мы присоединимъ еще нѣкоторыя другія жирныя и сахаристыя, то получимъ начала, необходимыя для образованія всего органическаго міра. Изъ этого видно, что для покрытія земнаго шара всевозможными растеніями, для населенія земли и моря всевозможными животными, природа употребила четыре главныхъ элемента и не болѣе дюжины сложныхъ тѣлъ.

III.

Всѣ наши разсужденія ведутъ къ слѣдующимъ прекраснымъ, великимъ вопросамъ: Откуда происходятъ эти первые элементы, то есть, кислородъ, водородъ углеродъ и азотъ? Изъ какого источника почерпаются они для безпрерывнаго ихъ употребленія? Не имѣютъ ли они гдѣ-нибудь своего резервуара? и если онъ существуетъ, то можетъ ли когда-нибудь изсякнуть, остановить организацію и прекратить жизнь существъ, находящихся на землѣ. Ежели это опасеніе не справедливо, то какимъ образомъ природа постоянно возобновляетъ этотъ запасъ вещества, издерживаемаго ею съ такою расточительностію? Одинаково ли они распредѣлены природою, какъ въ животномъ такъ и растительномъ царствѣ? Въ этихъ двухъ разрядахъ всего органическаго міра подвергаются ли элементы одинаковому вліянію жизненной силы? и наконецъ, когда наступаетъ

Digitized by Google

тотъ таинственный часъ, въ который совершенно организированное вещество возвращается въ состояніе первобытной, грубой матеріи? Вотъ тѣ великія задачи, къ разрѣшенію, которыхъ приступила нынѣшняя химія, вооружаясь не гипотезами, но одними наблюденіями, и тѣмъ открыла себѣ по-видимому непроницательный для нея путь ко всеобщей физикѣ земнаго шара.

Основную мысль знаменитаго сочиненія господина Дюма *Essai sur la statique chimique des êtres organisés*, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: растенія приготовляютъ всѣ непосредственныя начала; животныя овладѣваютъ ими и подвергаютъ разложенію, то есть, первыя производятъ, послѣднія поглощаютъ. Растенія безпрерывно заимствуютъ отъ атмосфернаго воздуха основные элементы животной и растительной организаціи; а животныя безпрерывно возвращаютъ ихъ обратно тому же воздуху. Атмосфера есть такой резервуаръ, изъ котораго природа почерпаетъ всѣ свои сокровища и въ него же вливаетъ ихъ обратно; вотъ въ чемъ состоитъ связь, существующая между царствомъ животныхъ и царствомъ растеній.

Изъ этого слѣдуетъ, что составъ атмосфернаго воздуха, заслуживаетъ всего нашего вниманія. Слой газа, которымъ окруженъ земной шаръ, состоитъ по вѣсу изъ 230 частей кислорода и 770 частей азота. Кромѣ того, въ немъ постоянно находится извѣстное количество водяныхъ паровъ (водородъ съ кислородомъ), отъ четырехъ до шести десятитысячныхъ частей углекислаго газа (кислородъ съ углеродомъ) и незначительное количество газа, выходящаго изъ болотъ (водородъ съ углеродомъ). Далѣе мы находимъ въ немъ, только какъ случайное присоединеніе, нѣкоторые амміачные продукты (кислородъ съ азотомъ) и азотную кислоту. Эти послѣдніе продукты имѣютъ большую способность растворяться въ водѣ и потому легко увлекаются дождями,

Digitized by Google

вмѣстѣ съ ними проникаютъ въ землю и способствуютъ къ естественному ея удобренію. Зная, такимъ образомъ, истинный составъ окружающей атмосферы, положимъ въ землю зерно, котораго составъ намъ извѣстенъ и посмотримъ какою послѣдовательностію явленій заключенное въ немъ начало будущаго растенія преобразится въ скромную былинку или въ великолѣпное дерево. Въ обоихъ случаяхъ мы не замѣтимъ никакаго различія; подъ вліяніемъ одинаковыхъ законовъ произойдутъ совершенно сходныя явленія. По мѣрѣ того, какъ развивается зачатокъ, масса зерна, которая его окружаетъ начинаетъ уменьшаться, атрофируется, то есть, истощается на питаніе зародыша. Вскорѣ за тѣмъ, зародышъ пускаетъ въ землю нѣжный корешокъ, а наружу выходятъ первые листки. Съ этой минуты жизнь растенія обезпечена; зерно разлагается и исчезаетъ. Займемся теперь новымъ разложеніемъ. По мѣрѣ его увеличенія, листья и корни становятся многочисленнѣе и тѣмъ обнаруживается энергія его жизни. Корни широко развѣтвляются; непрерывный токъ жидкости входитъ въ мочки, восходитъ по длинѣ растенія и проникаетъ до самыхъ листьевъ. Эта жидкость состоитъ изъ воды, въ которой растворены различные соли, особенно же углекислота, азотистыя соли и амміачные продукты; но существенно необходимыя вещества для физики растенія, то есть, водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ, остаются тѣ же и оно преимущественно извлекаетъ ихъ изъ нѣдръ земли. Что же дѣлаютъ въ листьяхъ эти разнородныя вещества? Тутъ явленія измѣняются, смотря по времени, въ которое будемъ ихъ наблюдать. Днемъ листья выдыхаютъ воду и кислородъ, а ночью воду и углекислый газъ; между тѣмъ растеніе увеличивается болѣе и болѣе. Теперь срѣжемъ его и, высушивъ со всевозможнымъ стараніемъ, подвергнемъ анализу; мы найдемъ, что оно, въ теченіе своего существованія,

Digitized by Google

сдѣлалось тяжелѣе; далѣе получимъ кислородъ, водородъ, углеродъ, азотъ и небольшое количество золы. Слѣдовательно, въ каждомъ растеніи мы находимъ тѣ же элементы, которые входятъ въ составъ атмосфернаго воздуха; какимъ-бы путемъ они ни проникли въ растеніе, то есть, всосанны непосредственно изъ окружающаго воздуха или изъ воздуха, находящагося около корней, и притомъ въ свободномъ же газообразномъ состояніи или въ растворѣ, проникающемъ въ землю вмѣстѣ съ дождевою водою; однако же эти элементы нисколько не измѣнились. Безспорно, что корни наиболѣе участвуютъ въ воспріятіи питательныхъ веществъ, однакоже это не есть единственный путь для питанія растенія. Извѣстно, съ какою удивительною легкостію различныя породы кактуса и вообще всѣ сочныя растенія, прозябаютъ на почвѣ совершенно безплодной и, питаясь однимъ только окружающимъ воздухомъ, достигаютъ значительнаго развитія на грунтѣ, который не доставляетъ имъ ничего болѣе, какъ одну только точку опоры. Опыты господина Буссенго (Boussingaut) показали, что и наши растенія, для которыхъ по-видимому необходима заботливая культура, могутъ произрастать при такихъ же условіяхъ. Онъ посѣялъ различныя зерна въ каменистомъ пескѣ, предварительно пережженомъ, для уничтоженія всѣхъ органическихъ частицъ отъ которыхъ зависитъ тучность земли; прикрывъ одною пылью, онъ поливалъ ихъ перегнанною водою и зерна пустили ростки. Такимъ образомъ воспитанный горохъ и трилиственникъ цвѣли и принесли плоды; притомъ зерна трилиственника были втрое тяжелѣе посѣяннаго зерна. Ясно, что эта прибыль образовалась на счетъ воды и атмосфернаго воздуха.

Вода, какъ въ жидкомъ такъ и въ парообразномъ состояніи, обильно снабжаетъ растенія необходимымъ

Digitized by Google

для нихъ водородомъ и кислородомъ. Откуда же получаютъ они такое огромное количество углерода? Они получаютъ его изъ углекислоты. Какимъ бы путемъ ни входилъ онъ, но неоспоримо то, что углеродъ проникаетъ въ растенія въ соединеніи съ кислородомъ и поглощается ими съ чрезвычайною жадностію. Буссенго направлялъ быструю струю воздуха на виноградные листья, покрытые колоколомъ и воздухъ выходящій изъ подъ колокола не заключалъ въ себѣ нисколько углекислаго газа. Срубите дерево въ періодѣ его полносочія и вы увидите, что изъ оставшагося пня отдѣляется большое количество углекислоты, всасываемой корнями изъ окружающей земли. Газъ этотъ, входя въ зеленыя части растенія, особенно въ листья, разлагается. Кислородъ освобождается, а остающійся углеродъ, соединяясь въ непостоянныхъ пропорціяхъ съ водою и аммоніемъ, даетъ начало необходимымъ основаніямъ организаціи. Слѣдовательно, зеленыя части растенія имѣютъ способность отдѣлять кислородъ отъ углерода: тутъ совершается неподражаемый въ химіи процессъ разложенія холоднымъ путемъ такого вещества, которое отличается тѣсною связью своихъ составныхъ частей. Но для развитія этой замѣчательной способности, для того чтобы эти химическія силы растительной жизни пришли въ дѣйствіе, необходимо участіе свѣта. Въ темнотѣ, листья не всасываютъ углекислоты, а углекислый газъ, получаемый изъ земли, не разлагается. Онъ проходитъ свободно по всей длинѣ растенія и просачивается чрезъ его поры, какъ чрезъ рѣшето. Ночью приостановляется жизнь растеній, потому-что для нея необходимъ свѣтъ и солнечная теплота.

И такъ, мы знаемъ теперь тѣ источники, которые снабжаютъ растенія водородомъ, кислородомъ и углеродомъ; но откуда получаютъ они азотъ, элементъ не-

Digitized by Google

обходимый какъ для растеній такъ и для животныхъ, которыя имъ питаются? Въ этомъ отношеніи растительное царство можно раздѣлить на два класса; одни изъ нихъ получаютъ азотъ изъ окружающей атмосферы, другія изъ разлагающихся въ землѣ органическихъ веществъ, то есть тука. Опыты Буссенго показали, что чѣмъ больше въ землѣ находится азотистыхъ веществъ, тѣмъ она дѣлается тучнѣе. Въ земледѣльчествѣ чрезвычайно важенъ слѣдующій вопросъ: узнать, какія растенія наименѣе получаютъ азота изъ земли и ими кормить травоядныхъ животныхъ; домётомъ этихъ животныхъ возвращать землѣ то количество азота, которое ей необходимо для произведенія тѣхъ растеній, которыя получаютъ этотъ элементъ исключительно изъ одной только земли. Буссенго пыталъ разрѣшить эту задачу путемъ наблюденій; вотъ его опыты и, выведенные изъ нихъ, результаты Взвѣсивъ и подвергнувъ анализу какъ сѣмена употребительнѣйшихъ растеній, такъ и количество тука, необходимаго для ихъ прозябанія, онъ узналъ, что въ снятыхъ растеніяхъ содержится вдвое больше углерода, чѣмъ было въ посѣянныхъ сѣменахъ и въ самомъ тукѣ; слѣдовательно, эта прибыль заимствована изъ атмосферы. Количество водорода тоже удвоилось, но азота прибыло только половина прежняго количества. Впрочемъ этотъ результатъ не безъ исключеній; такъ въ собранной пшеницѣ количество азота остается тоже, которое было въ сѣменахъ и въ тукѣ, а въ нѣкоторыхъ растеніяхъ * углерода сдѣлалось въ пятеро больше, а азота вдвое. Но къ чему же эта необходимость азотистаго тука, когда растенія всегда окружены чистымъ азотомъ, входящимъ въ составъ атмосфернаго воздуха? Отвѣчать на это не трудно. Азотъ, подобно другимъ элементамъ, тогда

* *Topinambour* — растеніе съѣдобное, съ клубнями на корнѣ.

Digitized by Google

только полезенъ для растеній, когда вступаетъ въ соединеніе съ другимъ тѣломъ и проникаетъ въ нихъ въ видѣ амміяка, окиси аммонія, азотной кислоты и азотныхъ солей. Эти вещества, вступая въ соединеніе съ водою и углеродомъ, образуютъ въ растеніяхъ тѣ составы, которые наиболѣе полезены для травоядныхъ животныхъ. Растеніе вмѣстѣ съ водою получаетъ и растворенныя въ ней соли; онѣ состоятъ изъ поташа, соды, извѣсти, магнезіи и желѣза, соединенныхъ съ кислотами угольною, сѣрною, фосфорною и кремневою. Вода этихъ солянныхъ растворовъ испаряется листьями, а соли образуютъ ту часть растеній, которая послѣ сожженія ихъ, остается подъ видомъ золы. Кромѣ того, въ растеніяхъ образуются еще другія вещества, такъ сказать, придаточныя: камедь, сахаръ, жирныя масла, летучія масла, которыхъ проницательный или ѣдкій запахъ, защищаетъ ихъ отъ насѣкомыхъ, и наконецъ — воскъ. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ составъ растеній, мы видимъ, что животныя, черезъ уподобленіе (assimilatio) этихъ разнородныхъ веществъ, могутъ ими питаться, хотя для извлеченія небольшаго количества питательныхъ началъ, они должны употребить огромную массу пищи. Цѣль пищеваренія состоитъ въ раствореніи этихъ жирныхъ азотистыхъ началъ и въ образованіи изъ нихъ растительнаго молока. Такимъ образомъ приготовленная эмульсія, воспринимается всасывающими сосудами, входитъ въ безпрерывно движущійся токъ крови и, разнесшись по всему организму, отлагаетъ въ животномъ матеріалы, необходимые для его существованія. Такую послѣдовательность явленій въ процессѣ питанія находимъ, какъ у травоядныхъ такъ и у плотоядныхъ животныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднимъ для насыщенія себя не нужно такого огромнаго количества пищи, какъ первымъ, и что пища плотоядныхъ, заключая въ

Digitized by Google

себѣ гораздо болѣе истинно питательныхъ, чѣмъ посторонних веществъ, всегда будетъ болѣе удобоварима. По этой теоріи, каждая частица бѣлка или фибрины, приготовленная въ растеніи, переходитъ изъ него, безъ всякой перемѣны, въ травоядное животное, а потомъ въ животное плотоядное: пищевареніе есть простое всасываніе. Теперь рождается слѣдующій вопросъ: что происходитъ съ этими разнородными продуктами, поступившими въ животную экономію? Опыты доказываютъ, что животныя безпрерывно освобождаютъ изъ себя углекислоту и воду, то есть, водородъ и углеродъ. Соединенные съ кислородомъ, или говоря другими словами, животныя постоянно горятъ углеродомъ и водородомъ, потому-что такое соединеніе есть настоящее горѣніе, хотя медленность, съ которою совершается этотъ процессъ, дѣлаетъ его нечувствительнымъ. Всё это производится природою съ такою точностію и съ такою сохранностію вещества, что мы можемъ опредѣлить количество теплотвора, освобождающагося при этомъ химическомъ дѣйствіи. Вся животная теплота зависитъ исключительно отъ сожигаемыхъ нами углерода и водорода. Атмосферный воздухъ доставляетъ намъ нужное количество кислорода, который мы всасываемъ посредствомъ легкихъ, но настоящій актъ дыханія происходитъ въ тончайшихъ вѣточкахъ нашихъ кровоносныхъ сосудовъ; тамъ образуется вода и углекислота, постоянно нами выдыхаемыя чрезъ легкія и чрезъ кожу.

Человѣкъ средняго роста сожигаетъ каждый часъ до 12 граммъ углерода; слѣдовательно, въ день мы употребляемъ его 288 граммъ, а въ годъ 105 килограммовъ. Предположивъ, что все животное царство (животныя и люди) не превосходитъ 4,000 милліоновъ дѣлимыхъ, выйдетъ, что годичная потребность углерода превышаетъ 400,000 милліоновъ килограммовъ. Дюма

Digitized by Google

говоритъ: «Животная теплота зависитъ отъ дыханія и «сообразуется съ количествомъ сожженнаго углерода и «водорода. Мнѣ кажется, что поэтическое сравненіе «животнаго съ паровозомъ, основано не на пустой вы«думкѣ; какъ въ однѣмъ такъ и въ другомъ замѣчаемъ «три явленія взаимно связанныя и притомъ одно къ «другому пропорціональныя, то есть, горѣніе, теплоту «и движеніе.» Мы съ своей стороны прибавимъ, что взирая на человѣка, какъ на машину, заимствующую свою силу отъ сожигаемаго угля, нельзя не отдать ему предпочтенія предъ обыкновеннымъ локомотивомъ. Для достиженія вершины Монблана человѣкъ употребитъ 24 часа и сожжетъ около 300 граммъ углерода, тогда какъ употребивъ для этой цѣли паровозъ, нужно бы издержать отъ 1,000 до 1,200 граммъ этого газа. Мы уже видѣли, что животныя, получая изъ растеній воду, углекислоту, азотъ и амміачные продукты, возвращаютъ имъ безпрерывно воду и углекислоту. Но что же дѣлается съ азотомъ и амміакомъ? Первый постоянно извергается легкими и кожею; а послѣдній выходитъ съ нашими испражненіями и возвращается въ землю, откуда снова извлекается растеніями. Тутъ мы находимъ одно изъ чрезвычайно удивительныхъ физіологическихъ превращеній. Амміакъ, какъ вещество весьма ѣдкое, соприкасаясь съ нашими органами, долженъ производить въ нихъ сильное раздраженіе. Природа пособила этому неудобству: она соединила его, внутри организма, съ углекислотою и превратила въ углекислую соль, которая, лишившись двухъ атомовъ воды, переходитъ въ урей, неутральное вещество, безвредное для организма. Вмѣстѣ съ этимъ образуется небольшое количество слизистой, бѣлковатой матеріи, предназначенной для произведенія броженія. Когда организмъ извергаетъ, эти совершенно для него безполезные продукты, тогда простое броженіе возвращаетъ

Digitized by Google

уреи его два атома воды и превращаетъ его снова въ углекислый аммiякъ, такъ необходимый для произрѣстенiя растенiй. Словомъ, все, что растенiя получаютъ изъ воздуха, они отдаютъ животнымъ, которыя въ свою очередь передаютъ воздуху; это есть тотъ вѣчный кругъ, въ которомъ проявляется жизнь; но матерiя перемѣняетъ одно только мѣсто.

IV.

Хотя изъ всего вышесказаннаго явствуетъ положительное рѣзкое различiе между растенiями и животными, однако же природа не терпитъ этихъ непосредственныхъ переходовъ. *Natura non facit saltus*, сказалъ Линней, — и мы видимъ тутъ одно, чрезвычайно замѣчательное исключенiе изъ общаго правила. Растенiе можетъ принимать качества, свойственныя животнымъ и тогда оно выдыхаетъ углекислоту и воду, освобождаетъ теплоту и обнаруживаетъ такимъ образомъ явленiя животной жизни. Всѣ эти феномены являются въ растенiяхъ въ перiодѣ ихъ оплодотворенiя. Тутъ растенiе, какъ будто облагороженное важностiю этого отправленiя, на нѣкоторое время поднимается на степень существъ, для того чтобы создать себѣ подобное: растенiе становится животнымъ. Въ замѣнъ этого явленiя, есть животныя, которыя подъ вліянiемъ солнечнаго свѣта, разлагаютъ, холоднымъ путемъ, углекислоту, удерживаютъ углеродъ и освобождаютъ кислородъ. Опыты Моррена неоспоримо доказали такiя растительныя качества въ нѣкоторыхъ инфузорiяхъ; и какъ будто для того, чтобы въ этомъ отступленiи все имѣло видъ противуположности, — такiя животныя ода-

67) Дюма.

Digitized by Google

рены яркимъ краснымъ цвѣтомъ, тогда какъ въ растеніи такой редукціонный процессъ принадлежитъ исключительно только зеленымъ его частямъ. Эти явленія убѣждаютъ насъ въ той мысли, что между растеніями и животными нѣтъ такого огромнаго раздѣляющаго пространства, какъ это кажется съ перваго взгляда; оба эти класса соединяются совершенно прямыми отношеніями. Есть цѣлыя семейства, которыя до-сихъ-поръ составляютъ вопросъ для ученыхъ, — должноли ихъ причислить къ растеніямъ или къ животнымъ; наблюденія не показали никакого основательнаго различія между морскими поростами и нѣкоторыми породами животно-растеній.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смѣшеніе, замѣчаемое до-сихъ-поръ только между растеніями и животными низшаго образованія, откроется со временемъ и между высшими разрядами, въ моментѣ ихъ образованія. Ботаники и зоологи разсматриваютъ предметы тогда уже, когда они достигли полнаго развитія. Эмбріогенія еще не существуетъ. Правда, что между грубою матеріею и живыми существами находится неизмѣримое пространство; но между послѣдними, какова бы ни была ихъ природа, существуетъ связь общей жизни, связь которой ничто не въ силахъ уничтожить.

Лавоазье сказалъ: «Безъ свѣта природа была бы «мертва. Свѣтъ, нисходя на землю, распространяетъ по «ея поверхности организацію, чувство и мысль.» Въ общемъ эта мысль справедлива; однако же мы должны замѣтить, что свѣтъ, этотъ универсальный агентъ, гораздо болѣе необходимъ для растеній, чѣмъ для животныхъ. Не говоря о различныхъ породахъ животныхъ, которыя по-видимому, убѣгая солнечныхъ лучей, довольствуются блѣднымъ свѣтомъ луны, мы должны не забывать, что есть и такія животныя, которыя проводятъ всю свою жизнь въ совершенномъ мракѣ. Эта

способность замѣчается не только у животныхъ низшей организаціи, обитающихъ въ морскомъ пескѣ, въ глубинѣ земли и самой тѣсной нашей, но даже у нѣкоторыхъ рыбъ и пресмыкающихся. Такъ извѣстная порода рыбъ, именуемая Пищеломъ, живетъ только въ водахъ, скопляющихся въ пещерахъ Кордильерскихъ Горъ и выходитъ оттуда только ночью; протей, пресмыкающееся, сходное съ нашею водяною саламандрою, не выходитъ никогда изъ подземныхъ озеръ горъ Корніоліи. Всѣ животныя могутъ рождаться, расти и расплажаться въ темнотѣ, и мы замѣчаемъ, что чѣмъ выше организація животнаго, тѣмъ легче оно переноситъ лишеніе тѣхъ физическихъ агентовъ, которые такъ самовластно управляютъ грубою матеріею.

Безспорно, новѣйшее состояніе науки показало, что растенія содержатъ въ себѣ начала самыя необходимыя для животныхъ; но переходя изъ одного царства въ другое, не подвергаются ли эти начала какому-нибудь измѣненію, или приращеніе нашихъ органовъ совершается чрезъ такое же наложеніе частицъ, какое замѣчаемъ въ кристаллизаціи неорганической соли? Ни одна часть растенія не имѣетъ въ себѣ той активной сокращаемости, которою характеризуются мышицы животнаго. Слѣдовательно, фибрина, служащая основаніемъ мышицъ, пріобрѣла новыя свойства; или особенное соединеніе волоконъ и расположеніе частицъ, возбудило сокрытыя въ ней свойства? Какое растеніе образуетъ въ животномъ ту удивительную жидкость, подъ вліяніемъ которой пробуждается жизнь въ усыпленныхъ яичкахъ? Много времени, множество наблюденій и опытовъ потребно для разрѣшенія этихъ вопросовъ.

—

Излагая вкратцѣ исторію химіи, мы говорили о тѣхъ разнообразныхъ направленіяхъ, которыя получала эта наука подъ вліяніемъ врачей, или хими-

Digitized by Google

ковъ и ученыхъ прошедшихъ вѣковъ и тѣмъ остается прибавить, что огромные успѣхи современной науки, которая основываясь на рациональныхъ наблюденіяхъ и опытахъ, стремится самымъ простымъ путемъ объяснить сокровеннѣйшія таинства природы, — ведутъ эту науку на ту ступень первенства, которая ей принадлежитъ въ ряду всѣхъ человѣческихъ познаній.

Отдѣленіе VI.

Критика

Сочиненія Платона, *переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ санктпетербургской духовной академіи* Карповымъ. Части 1 и 2. Санктпетербургъ, 1841, 1842.

Трудъ почтеннаго профессора философіи В. Н. Карпова, представляетъ въ нашей философской литературѣ такое же отрадное явленіе, какъ ясный день въ осеннюю пору въ Петербургѣ. Петербургская осень самое непріятное время. По небу бродятъ сѣрыя тучи, на улицахъ стелется тяжелый туманъ или бушуетъ безалаберный вѣтеръ и варварски общипываетъ и коверкаетъ деревья, украшающія наши проспекты; на свѣжій воздухъ хоть не показывай носу; сырость производитъ какое-то непріятное впечатлѣніе, если не надѣлитъ насморкомъ и кашлемъ. Да, петербургская осень самая несносная пора! И въ нашемъ философскомъ мірѣ тоже стоитъ осенняя пасмурная погода. Этотъ міръ не цвѣ-

тетъ жизненною красою и свѣжестью мысли; нечѣмъ полюбоваться въ немъ, не надъ чѣмъ остановиться съ удовольствіемъ. Посмотришь, только стелятся туманы и заносятъ горизонтъ жизни, и не видно ни ясной лазури, ни свѣтлаго солнышка, ни мерцающей звѣздочки; прислушаешься, то простудный кашель, то бредъ горячки.

Отчего же это? Неужели отъ петербургскаго климата и почвы? Но въ Петербургѣ не вѣчно стоитъ пасмурная осень, — если умственнымъ произведеніямъ и въ самомъ дѣлѣ суждено носить отпечатки климата и мѣстности. Въ Петербургѣ тоже бываетъ цвѣтущая весна и благодатное лѣто; Петербургъ опоясанъ роскошными дачами, гдѣ въ лѣтнюю пору жизнь кипитъ радостью и цвѣтетъ здоровьемъ. Да и не въ одномъ Петербургѣ производятся философскія издѣлія; мы получаемъ ихъ изъ Москвы, Одессы, Кіева, Казани, Чембары и другихъ городовъ, которыхъ мы не перечисляемъ, а между-тѣмъ всѣ эти издѣлія, исключая немногихъ, очень немногихъ, отзываются осеннею простудой или горячкой. Есть еще преданіе или миѳъ, едва ли не чембарскій, что и во всѣхъ городахъ царства русскаго обитаютъ люди, которыхъ горожане зовутъ философами, губернскими или уѣздными, хоть они ничего не издаютъ въ свѣтъ, и которые всѣ, какъ-будто на одинъ покрой съ нашими столичными философами; которые рѣшаютъ всѣ, самыя трудныя задачи человѣческаго вѣдѣнія, во время прогулокъ по Невскому Проспекту. Почему же, спрашиваемъ, философія страдаетъ вездѣ, какъ и у насъ, въ Петербургѣ, болѣзненными припадками? Вѣрно, лѣтнее солнышко не прогрѣваетъ ея; вѣрно, философы живутъ въ странѣ осеннихъ тумановъ, гдѣ дуютъ пронзительные вѣтры, несущіе простуду. Едва ли это не такъ.

Говорятъ, что человѣкъ созданъ для истины. Это правда. Но правда и то, что человѣкъ, созданный для истины, живетъ большею частію въ мірѣ призраковъ,

Digitized by Google

самообольщеній и заблужденій. Куда ни оглянись, вездѣ есть своего рода призраки. Есть призраки физическіе: аравійскія пустыни, разгоряченныя солнечными лучами, представляютъ разливъ воды и обманываютъ путешественниковъ. Есть призраки политическіе, когда какой-нибудь крикунъ придумаетъ пустой проектъ и мечтаетъ повернуть весь свѣтъ по своему. Есть призраки нравственные, когда лицемѣръ чуть-чуть не увѣренъ самъ, что онъ человѣкъ добродѣтельный. Есть призраки сердца, когда поклонникъ красоты приходитъ въ восторгъ отъ каждой глупости своего идеала. Есть призраки литературные, когда кто-нибудь, написавъ статью или книгу неправильнымъ, надутымъ, вычурнымъ, испещреннымъ логическими и грамматическими ошибками слогомъ, воображаетъ, что онъ не только русскій, но даже европейскій литераторъ. Всѣ эти призраки какой-то обаятельною силою удерживаютъ человѣка въ области мечтательности и не позволяютъ видѣть предметовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Въ мірѣ философскомъ есть свои призраки всевѣдѣнія; философъ тоже уносится въ мечтательный, фантасмагорическій міръ, нисколько непохожій на нашъ человѣческій свѣтъ. То міръ, отдѣленный отъ жизни, замкнутый въ самомъ себѣ; его обитатели носятся въ умозрительныхъ туманахъ и отъ дыханія житейскаго быта огораживаютъ себя грудами книгъ, вывезенныхъ изъ нѣмецкихъ странъ. Книжные затворники, созерцая жизнь съ выспренней точки зрѣнія, сквозь тусклыя стекла кабинета, любуются природою развѣ въ изсохшихъ листьяхъ пахучаго калуфера или роскошной розы, положенныхъ въ пожелтѣлые фоліанты. Изолированый философъ хочетъ видѣть природу только изъ книгъ. Шумятъ ли волны жизни, рокочетъ ли напѣвъ любви, звучитъ ли вакхическая пѣснь, онъ, вмѣсто того, чтобы заглянуть въ свое сердце, беретъ нѣмецкій Conversation's Lexicon, отыскиваетъ слова: жизнь, любовь и Вакхъ, прочитываетъ и говоритъ: «А! вотъ что!»

Digitized by Google

И остается въ полной увѣренности, что онъ все понялъ. Проѣдетъ ли неуклюжій Чухонецъ съ заспанными глазами, пройдетъ ли трогательная погребальная процессія, изолированный философъ выставитъ свою объективную личность въ форточку и скажетъ: «эгэ!» и опять возсядетъ на свое философское сѣдалище, откуда гордо смотритъ на свѣтъ, волнующійся жизнью и отвлекающій его отъ глубокомысленнаго рѣшенія міровыхъ вопросовъ, рѣшенія, которое требуетъ пустыннаго созерцанія духа, сосредоточеннаго на одномъ понятіи. Помнится, одинъ изъ русскихъ любомудровъ, въ предотвращеніе подобныхъ непріятностей, подалъ съ своей стороны голосъ въ пользу того учрежденія, чтобы философы предавались созерцанію, не иначе, какъ при тускломъ мерцаніи ночника; быть-можетъ, это обстоятельство имѣетъ важное вліяніе на ихъ философію. И дѣйствительно, мрачныя тѣни, игриво стелющіяся кругомъ ночника, гармоническій трескъ отлетающихъ искръ и сѣрый дымъ, носящійся по комнатѣ въ фантастическихъ образахъ, согласуется съ мрачно-сѣрою трескучестью ихъ философіи и вполнѣ отражается въ ней непонятнымъ мистическимъ говоромъ изъ-заоблачныхъ странъ. А если туманный философъ оставитъ свой умозрительный постъ и явится на аренѣ жизни, то не иначе, какъ въ видѣ грознаго проповѣдника исламизма. Преклоняя колѣни передъ кодексомъ нѣмецкой философіи, какъ отаитскій дикарь передъ своимъ вислоухимъ балваномъ, онъ, съ суевѣрнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ оракульскихъ изрѣченій, повторяетъ ихъ всѣмъ, какъ изрѣченія аль-корана, нападаетъ на свѣтъ и рубитъ все съ плеча, что не такъ мыслитъ, судитъ и чувствуетъ. Важничая, какъ паукъ, занесенный на хвостѣ какого-нибудь германскаго орла на вершину умственнаго Кавказа, кричитъ онъ, что ясно созерцаетъ безграничный разливъ жизни въ ея сокровенной глубинѣ, въ темномъ лабиринтѣ міровыхъ законовъ, вопитъ

Digitized by Google

о монополіи новыхъ идей и бранитъ все, что̀, на низменныхъ равнинахъ свѣжей природы, не понимаетъ выспреннихъ его пустяковъ. Въ пароксизмѣ умственнаго угара нахально водружаетъ знамя возстанія, топчетъ въ грязь все, несогласное съ его воззрѣніемъ и хочетъ заглушить всѣ мелодіи, не попадающія на камертонъ, вывезенный изъ-за границы; отъ долговременныхъ упражненій на поприщѣ бранчивости за независимость идей, превращается наконецъ въ кропотливаго, брюзгливаго старика. Мы говоримъ только объ изолированныхъ философахъ. Мудрость опыта, времени, никогда не представляетъ ничего оскорбительнаго и ничего комическаго; но она называется отсталой отъ вѣка, то есть, отъ умозрительныхъ скачекъ философіи, не смотря, что владѣетъ запасомъ свѣдѣній, имѣетъ свой взглядъ на вещи, повѣренный жизнію.

Чѣмъ занимаются такъ называемые философы, и о чемъ такъ горячо проповѣдуютъ? Вся почти современная философія занята очень важнымъ дѣломъ, рѣшеніемъ міровыхъ, вселенскихъ задачъ. Вы, быть-можетъ, принимаете это за шутку, но на то есть историческія доказательства. Философіи нынче нечего дѣлать, какъ рѣшать міровыя задачи. Жалка исторія этой философіи, которую нынче никто не зналъ бы, если бы она сама не говорила за себя, не укрывалась длинными аналогіями, защищая передъ ареопагомъ свѣта свои права на жизнь и на безбѣдное существованіе на счетъ другихъ наукъ, если бы не придумывала другихъ уловокъ, нѣсколько неприличныхъ ея солидному характеру, но простительныхъ по тѣснымъ обстоятельствамъ. Надо вспомнить то время, когда философія владѣла богатыми рудниками, и сравнить съ теперешнимъ состояніемъ, когда она проситъ мѣста хоть ключницы во владѣніяхъ другихъ наукъ, — какъ не пожалѣть ея? Счастливый ея вѣкъ протекъ подъ благодатнымъ небомъ Греціи. Натуральная исторія, богословіе, ученіе о человѣкѣ, о го-

Digitized by Google

сударствѣ, все входило въ кругъ философіи; и философъ не даромъ собиралъ дань удивленія и уваженія современниковъ; философъ былъ и натуралистъ и политикъ, и психологъ, и богословъ, и что̀ угодно. Религія не удовлетворяла требованіямъ духа; развитое самосознаніе страшилось расторгнуть нелѣпости, проповѣдываемыя язычествомъ, и философскія школы должны были пролить свѣтъ болѣе чистый на религіозныя понятія, возвысить человѣческое достоинство изъ подъ гнета нравственнаго униженія. Человѣкъ искалъ счастія и философъ указывалъ ему путь, истинный или ложный, по которому онъ самъ шелъ и увлекалъ за собою другихъ. Эпикуръ, жившій въ годину бури, сорвавшей съ Греціи блистательный ея девизъ, свобода; проповѣдывалъ, что жизнь — вздоръ, наслаждайся настоящимъ покуда есть чѣмъ и есть когда. И кругомъ него толпилась молодежь, хорошо понимавшая эту истину жизни. Зенонъ искалъ утѣшенія въ холодности ко всѣмъ тревогамъ жизни и окружилъ себя людьми съ сильными характерами, готовыми бороться со всѣми несчастіями, не испустивъ малодушнаго стона. Циники возставали противъ приличій свѣта, и оборванные, безпріютные, проповѣдывали свои мысли самою жизнію, Надо было приготовить себя къ политическому поприщу, выступить на блистательную арену народныхъ правителей, и философы, наблюдавшіе общественное государственное благоустройство, преподавали правила государственнаго управленія и вкореняли ихъ въ юношей предуготовительными опытами. Такъ естественно и необходимо въ кругъ философіи входили всѣ предметы знанія опытнаго, всѣ отрасли наукъ. Философія была достойна своего имени; выражая любовь къ мудрости, она прижимала къ своему материнскому лону всѣ произведенія умственной жизни человѣка. Но неблагодарныя дѣти выросли, возмужали, стали на свои ноги, сознали себя, свое отдѣльное бытіе и покинули философію; каждая наука

Digitized by Google

присвоила себѣ особую область знанія и особое имя, и обнесла свои межи неприкосновенными частоколами. И философія осталась, какъ сирая, безпріютная мать, раздавшая свое достояніе дѣтямъ. Куда прикажите обратиться философіи? Чѣмъ заниматься? Міръ видимый и невидимый, Богъ и человѣкъ, вотъ предметы для познанія, около которыхъ вращается мысль съ появленія человѣка на землѣ и будетъ вращаться вѣчно. Который же предметъ избираетъ философія для своего изслѣдованія? Прійди она къ безграничному царству природы, естественная исторія завладѣла имъ и имѣетъ право сказать философіи, здѣсь не твое мѣсто! Она распредѣлила всѣ области видимаго міра, разклассификовала всѣ царства природы, и вездѣ сторожитъ своя наука. Что касается до предметовъ религіи, тамъ нѣтъ мѣста гаданіямъ современнаго человѣка: христіанство разлило свѣтъ на самыя сокровенныя тайны, и человѣческая мудрость, покушаясь покорить разуму истины божественнаго откровенія, только вносила заблужденія въ святилище истины; и если Богъ не открылъ себя, что можетъ сдѣлать умъ человѣка. Остается изслѣдованіе одного человѣка. Но внѣшняя, чувственная жизнь составляетъ предметъ физіологіи и анатоміи. Нравственность не имѣетъ нужды въ философіи: нашъ лучшій руководитель въ нравственной жизни — религія. Для чего умствовать тамъ, гдѣ есть положительныя правила для всѣхъ дѣйствій человѣка, гдѣ духовная жизнь раскрыта взору его небесною мудростью въ самомъ ясномъ свѣтѣ. Логика занимается независимо отъ философіи, и психологическія изслѣдованія также могутъ отдѣлиться отъ нея. Что же останется на долю философіи? Философія объ этомъ и не горюетъ. Судьба какъ-будто смѣется надъ ней и населяетъ ее одними призраками, догадками; но какъ скоро догадки и недомолвки оправдаются опытомъ, то ихъ гонятъ вонъ изъ философіи; когда звѣзды играли въ жмурки, ими занималась философія,

Digitized by Google

и этотъ-то любопытный фактъ отмѣченъ въ исторіи философіи, какъ удивительный пуффъ Пиѳагорова умозрѣнія; а когда строгая астрономія привела ихъ въ порядокъ, исторія философіи о звѣздахъ ни слова. Стоитъ придумать какую-нибудь умозрительную глупость, и непремѣнно ее запишутъ въ исторію философіи. Философія и сама отказывается отъ психологическихъ изслѣдованій, которыя такъ ясно можетъ каждый повѣрить въ своемъ сознаніи, кто заглянетъ въ свою душу, прислушается къ говору сердца; она отыскала новый предметъ, ставшій неотъемлемою ея собственностію: это вѣчный вопросъ о послѣднихъ основаніяхъ бытія, который навсегда останется безъ отвѣта; философія можетъ избрать своимъ символомъ вопросительный знакъ (?), поставленный на вратахъ вѣчности. Отвѣтъ ждетъ насъ въ будущей жизни. И торжество философіи состоитъ въ томъ, чтобы предаться благоговѣйному молчанію передъ загадкой жизни. Но философы такъ устроены, что вопросительный знакъ приводитъ ихъ въ лихорадочную дрожь, и во что̀ бы ни стало, напишутъ отвѣтъ, послѣ котораго очень кстати поставить знакъ удивленія (!). Быть-можетъ, наши русскіе философы и не покусились бы на такой отчаянный подвигъ, если бы не было передъ ними соблазнительнаго примѣра. Въ глазахъ мыслящаго міра Германія играетъ роль философскаго Эльдорадо, который обаятельно дѣйствуетъ на философа своими книжными богатствами. И наши философы, прицѣпившись къ толпѣ германскихъ, кричатъ въ одинъ тактъ, что есть силы:

Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ.

Нынѣшняя Германія выставляетъ на показъ цѣлому свѣту чудеснѣйшее произведеніе своего ума: пантеизмъ, немного̀ дряхлый, но зато подновленный вычурными, туманными фразами. Иначе онъ называется идеализмомъ. Въ исторіи древнихъ такой взглядъ, выродившійся изъ религіозныхъ вѣрованій, не смотря на ложное

Digitized by Google

направленіе, дѣйствуетъ на душу какимъ-то очарованіемъ, поэзіею. Но современный, тощій идеализмъ, выродокъ кабинетной мечты и логическаго угара. При постройкѣ этихъ системъ поступаютъ обыкновенно такъ: берутъ предметы самые различные и противоположные и отдѣляютъ отъ нихъ въ своемъ представленіи всѣ отличительныя качества,—натурально, противорѣчія между недѣлимыми теперь уничтожены; далѣе виды возводятся къ родамъ, когда отъ тѣхъ же недѣлимыхъ отдѣляются и отличительныя видовыя свойства; также варварски, деспотически поступаютъ и съ родами. По такой-то отвлеченной лѣстницѣ восходятъ до послѣднихъ предѣловъ обобщенія, до пустой идеи бытія, въ которой нѣтъ и тѣни бытія. Между-тѣмъ изъ этого понятія выводится все существующее на самомъ дѣлѣ и бытіе отвлеченное признается верховною силою, бытіемъ вѣчнымъ и абсолютнымъ; выше отвлеченнаго понятія философія ничего не можетъ представить. Потонувъ по уши въ отвлеченностяхъ, философъ докажетъ что̀ угодно, и такъ какъ ему хочется самому превратиться въ отвлеченное бытіе,—это небо и рай пустынной философіи, — то онъ и доказываетъ это такъ: конечное и безконечное не могли бы существовать въ одно время; а потому-то и есть одна только безконечная субстанція, единственное бытіе, къ которому конечное относится, какъ образъ, какъ видоизмѣненіе. Есть еще доказательство въ родѣ школьническихъ выкладокъ блаженной памяти Баумейстера, что всякое дѣйствіе есть образъ бытія своей причины. На все есть доказательства; а между-тѣмъ этихъ господъ, кутающихъ свою безконечность въ непроницаемые плащи безтолковщины, никто не признаетъ, хоть за маленькихъ безконечныхъ; и за такое невѣжество очень естественно имъ презирать толпу, не понимающую ихъ высокаго значенія. Потому-то безконечные философы разражаются желчными выходками противъ конечнаго

Digitized by Google

человѣчества. Но мы повторимъ, идеализмъ въ наше время уродливое явленіе. Чѣмъ мы любовались на зарѣ жизни, то становится скучнымъ и непростительнымъ въ лѣта мужества. Мы дивимся роскошному зданію пантеизма древнихъ, но не любимъ германскаго пантеизма. Тамъ это было такъ свѣжо, такъ роскошно, а теперь стало ветхо, пошло; теперь, когда свѣтъ христіанства озарилъ нашу жизнь и призвалъ насъ къ успокоительному авторитету божественнаго откровенія, Провидѣніе зажгло для человѣка отрадный свѣтъ религіи, которая озаряетъ и настоящее и прошедшее и будущее. Въ ея священной тишинѣ нашъ мирный пріютъ; пловецъ жизни видитъ этотъ маякъ и смѣло борется съ волнами, не страшится мрака, застлавшаго горизонтъ: ему свѣтло. Еще Руссо сказалъ: если бы религія была выдумана, то и тогда надо обожать человѣка, выдумавшаго ее. Руссо, потрясенный смутами вѣка, подрывшаго всѣ основы человѣческаго спокойствія, человѣческихъ вѣрованій, такъ хорошо понималъ эту истину. Да человѣкъ, безъ религіи ни для чего не найдетъ основанія. Какое бѣдное человѣческое убѣжденіе можетъ имѣть дѣйствіе религіи? Вообще для чисто-философскаго умозрѣнія, отрѣшеннаго отъ авторитета религіи, жизнь представляется островомъ, выбѣгающимъ на безграничномъ океанѣ темноты; тамъ мракъ; человѣкъ не знаетъ откуда онъ явился въ этотъ міръ; а тамъ еще мрачнѣе, еще страшнѣе носится безвѣстная будущность. Онъ не знаетъ куда несутъ его волны жизни и для чего бушуютъ онѣ. Но идеализмъ, думая рѣшить задачу, покрываетъ мрачными тѣнями и настоящее. Мысль, что вселенная и всѣ ея явленія суть не иное что, какъ великая драма развитія безконечнаго, абсолютнаго, чрезъ которое онъ доходитъ до самосознанія, безъ всякаго сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ нѣчто великое, возвышенное, увлекающее фантазію, и что-то особенно нравящееся уму, который ищетъ вездѣ единства и гармоніи: но высота,

Digitized by Google

съ которой человѣкъ думаетъ обнять взоромъ и разсмотрѣть вселенную есть зубецъ храма, на которомъ какой-то обольститель поставляетъ человѣка, чтобы показать ему всѣ царства міра; здѣсь находитъ на созерцателя головокруженіе и онъ падаетъ въ бездну безсознательности; жертва ужасная, какой требуетъ созерцаніе. Идеализмъ требуетъ, чтобы каждый признавалъ свое сознаніе за пунктъ развитія всеобщаго сознанія абсолютнаго, чего никто не можетъ исполнить, кромѣ обитателей желтыхъ домовъ, потому-что надо погрузиться въ общую безсознательность, въ ночь и смерть. Міровая жизнь представляется печальнымъ потокомъ, въ которомъ гибнетъ духъ; и намъ также мало нужды думать объ немъ какъ и объ томъ, что̀ выйдетъ изъ праха, распавшагося нашего тѣла. И если индивидуальное сознаніе есть только исчезающій переходный пунктъ міроразвитія, то необходимо должно исчезнуть чувство нравственнаго достоинства и мысль о безконечномъ шествіи къ совершенству, о нравственномъ воздаяніи теряетъ свой интересъ. Теперь все представляется въ хаотическомъ смѣшеніи и добро и зло, какъ совершенно чуждое нравственной свободѣ, какъ необходимые пункты развитія абсолюта.

Два великіе зодчіе идеализма германской націи довели умозрѣніе до послѣднихъ предѣловъ, какъ-бы для того, чтобы къ доказательствамъ безжизненнаго и безсильнаго умствованія прибавить доказательство ad absurdum. Это Шеллингъ и Гегель, двѣ полярныя звѣзды фантастическаго горизонта философіи, около которыхъ кружится множество звѣздъ различныхъ величинъ и цвѣтовъ. Шеллингъ воскресилъ ѳеософію древняго востока и среднихъ вѣковъ. Его философія что̀-то въ родѣ еврейской каббалы или мистическихъ ученій браминовъ. Абсолютъ есть субъектъ и объектъ. Въ абсолютѣ всѣ противоположности субъекта и объекта, вѣденія и бытія, идеальнаго и реальнаго уничтожаются и сливаются

Digitized by Google

въ одно. Двойство, въ которомъ является абсолютъ, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что абсолютъ есть пребывающая личность, которая становится дѣйствительною черезъ развитіе міра; а совершенное развитіе абсолюта состоитъ въ уничтоженіи двойства и возвращеніи къ единству. И такъ, человѣческое разумное сознаніе есть то сознаніе, въ которомъ абсолютный духъ созерцаетъ самаго себя, какъ субъектъ объекта. Такъ какъ все существуетъ не внѣ абсолюта, а въ немъ самомъ, то на долю человѣка, какъ недѣлимаго, не остается никакой свободы, иначе мы ставили бы абсолютъ подлѣ абсолюта. Но индивидуальное свободно только потому, что существуетъ въ абсолютѣ, или, что все равно, человѣкъ свободенъ въ абсолютной необходимости, съ какою развивается пребывающая личность въ мірѣ или абсолютное приходитъ въ сознаніе. Потому индивидуальное, если хочетъ быть свободнымъ въ себѣ самомъ, въ своемъ квалитетѣ, и черезъ то изолируется отъ абсолюта, то оно приходитъ къ ничтожеству, и его жизнь есть только кажущуяся жизнь, ничто, и прочая, и прочая, въ этомъ родѣ. Самое затруднительное дѣло рѣшить по этой системѣ, какъ изъ перваго абсолютнаго единства, въ которомъ отнюдь нѣтъ никакого различія, могло выйти различное, субъектъ и объектъ, міръ и человѣкъ, добро и зло, и какъ противоположности соединяются и отождествляются. Изъ абсолютнаго единства нельзя вывесть разнообразія, не признавъ на ряду съ абсолютнымъ еще другаго посредствующаго начала. Шеллингъ пытался рѣшить это двоякимъ образомъ: то принимая отпаденіе вещей отъ абсолютнаго тожества, то допуская стремленіе абсолютнаго къ личному бытію. Абсолютное, говоритъ онъ, есть единственная реальность, а конечныя вещи не имѣютъ реальности, по-этому причина ихъ существованія не можетъ заключаться въ томъ, чтобы онѣ имѣли реальность въ себѣ самихъ, но можетъ быть основана на изолирова-

Digitized by Google

ніи, на отпаденіи отъ абсолюта. Хотя возможность отпаденія лежитъ въ абсолютѣ, но дѣйствительность въ самомъ отпаденіи. Возвращеніе отпадшаго въ абсолютъ или идентитетъ совершается черезъ мірораздитіе, это и называется примиреніемъ міра съ Богомъ. Мы нарочно удержали колоритъ нѣмецкой философіи въ самой темнотѣ выраженій, придуманныхъ для объясненія необъяснимаго. Это мистификація, школьная продѣлка, чтобы блеснуть непостижимостью темныхъ идей, закутанныхъ въ каббалистическія выраженія и заклинательныя формулы, отъ которыхъ будто слетитъ печать таинственности, лежащая на предѣлахъ бытія. Придумать слово для названія вещи не значитъ узнать вещь. Что за пустозвонныя слова: гуманитетъ, витализтетъ, идентитетъ, и прочая! Выспренніе пустяки все будутъ пустяками, какъ и обыкновенная болтовня.

Гегель перестроилъ этотъ саркофагъ человѣческаго вѣрованія и надеждъ. Въ его системѣ міръ является духовнымъ деревомъ. Въ видимой природѣ и человѣчествѣ волнуется одинъ великій духъ; въ безграничной всеобщности духа недѣлимыя исчезаютъ, какъ мимолетныя его проявленія. Природа, проходя различныя степени развитія, проявляясь въ постепенной лѣстницѣ бытія, въ камняхъ, растеніяхъ, червяхъ, насѣкомыхъ, животныхъ и наконецъ въ обезьянахъ и человѣкѣ, выражаетъ одинъ великій духъ, сознающій себя въ человѣкѣ. Человѣкъ, отражая въ сознаніи не только себя самаго, но и природу съ ея законами, составляетъ сознаніе самой природы: это ухо и глазъ ея; иначе природа была бы и глуха и слѣпа. Тогда какъ насъ поражаетъ тлѣніе, ничтожество, духъ живетъ вѣчно въ свободной игрѣ и живой самодѣятельности, непрестанно измѣняется то въ человѣка, то въ землю, растенія, животныхъ и опять въ человѣка. И Гегель подмѣтилъ все это, онъ подкараулилъ даже улыбку хаоса, черезъ рядъ перерожденій, дошедшаго опять до

Digitized by Google

тлѣнія, до дряхлости. Въ самомъ тлѣніи, говоритъ Гегель, есть радость своего рода, которая выражается разнообразными цвѣтными переливами, замѣчаемыми на гнили дерева и живымъ толпленіемъ червей, пирующихъ въ трупѣ, въ свѣтлой зелени, возникающей изъ праха, чтобы снова обратиться въ прахъ. Но это не главное, объ этомъ говорили прежде; главное въ системѣ Гегеля мышленіе объ мышленіи, ключъ къ тайнамъ жизни. Гегель соглашается, что дѣятельность мышленія возбуждается отвнѣ, но такъ какъ внѣ и внутри одинъ и тотъ же духъ, то, безъ дальныхъ хлопотъ, оба міра, сходятся между собою, и я зналъ уже прежде, что узналъ сейчасъ. Разумный духъ объемлетъ своею мыслію весь міръ, со всѣми его законами и силами, и есть высшее, что только могутъ представить себѣ мыслящія существа, то есть, Гегель и его школа. Но такъ какъ мышленіе, и духъ, и всеобщее, слова тождественныя и однозначущія, потому-что всеобщее есть тоже понятіе, которое само себя разлагаетъ на части и потомъ опять соединяетъ въ одно, то обыкновенное выраженіе: я хочу объяснить для себя это понятіе, лучше замѣнить выраженіемъ: понятіе, иначе мысль, приведенная въ движеніе и дѣятельность само себя разлагаетъ на части, по разложеніи опять приходитъ къ единству. Но еще правильнѣе и яснѣе: понятіе приходитъ къ самому себѣ. Вотъ процессъ мышленія, дѣятельность духа всеобщаго. И отсюда очень ясно слѣдуетъ, что загадка бытія вселенной рѣшена, именно всеобщее, то есть, понятіе само себя опредѣлило какъ конечное, для того, чтобы опять соединиться въ себѣ и сдѣлаться по прежнему всеобщимъ. Гегель раскрылъ эту тайну, какъ нельзя яснѣе: въ древнемъ хаосѣ духъ покоился безсознательно, какъ дитя въ колыбели, какъ понятіе, не имѣвшее непосредственнаго понятія о самомъ себѣ. Этотъ хаосъ мало-по-малу началъ разоблачаться въ то прекрасное разнообразіе и безконечную полноту

Digitized by Google

предметовъ, которую мы называемъ міромъ, подобно, какъ изъ семени мало-по-малу вырастаетъ величественное дерево; и какъ это дерево первоначально заключается въ одномъ семени, то и видимый нами міръ былъ первоначально не иное что̀, какъ хаосъ, непосредственное проявленіе духа. Съ появленіемъ человѣка, хаосъ или духъ началъ, хотя и не вполнѣ, сознавать себя и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ. Конечно, по закону постепенности и въ развитіи своего сознанія, онъ долженъ былъ пройти всѣ возрасты, начиная съ дѣтскаго до мужескаго, но въ наше время, благодаря Гегелистамъ, онъ очень и очень приблизился къ своей цѣли. Остается только ожидать счастливаго времени, когда всеобщее или хаосъ, разложившійся на части въ системѣ Гегеля, опять возвратится въ первобытную всеобщность или хаосъ.

Мы впрочемъ не возстаемъ противъ философовъ, но желаемъ искренно, чтобы люди вызвавшись на философскую извѣстность, шли рука объ руку съ жизнію, и, прислушиваясь къ общему пульсу жизни въ природѣ и къ своему сознанію, не погружались въ мышленіе объ мышленіи; не оставляли безъ вниманія мыслей и открытій великихъ умовъ, но и не увлекались бы ихъ мнимою непогрѣшительностью. Съ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы Платона въ русскомъ переводѣ. Платонъ былъ не изолированный философъ; онъ жилъ, чувствовалъ, мыслилъ, наблюдалъ людей, и писалъ; его философія не кружилась въ мертвыхъ и неподвижныхъ слояхъ логическихъ формъ и понятій, но внѣдрялась въ жизнь, заимствовала свои элементы изъ самосознанія, въ которомъ начертанъ законъ жизни и дѣятельности. Философы большею частію, взявъ какую-нибудь истину, развиваютъ ее по строгимъ логическимъ формамъ, и если что̀ не подходитъ подъ уровень ихъ логическихъ понятій, все считаютъ чистымъ вздоромъ, и сами говорятъ вздоръ. Но голая силлоги-

Digitized by Google

стическая постройка мысли никогда не убѣдитъ человѣка въ истинахъ духовнаго міра. Умъ сомнѣвается, а сердце говоритъ самою своею жизнію, живо, сильно, неопровержимо; что для человѣческой мысли загадка, то для сердца истина несомнѣнная. Оно не можетъ отрицать безъ отчаянія предметы вѣры, надежды и любви; вѣра въ бытіе ихъ есть истинная жизнь духа. И есть мыслители, которые говорятъ по предчувствіямъ сердца, по внушенію свѣтлаго созерцанія; ихъ мысли, вылившіяся отъ полноты души, изъ сердца полнаго любви, но охлажденнаго логическимъ разсудкомъ, прозябаютъ какъ цвѣтки на родной почвѣ. Къ числу такихъ мыслителей принадлежитъ Платонъ. Потому-то въ его философіи дышетъ элементъ плѣнительный во всѣ времена для сердца чистаго и высокаго; Платонъ является въ торжественномъ величіи, когда высказываетъ свои мысли о Богѣ и человѣкѣ.

До Платона было въ большомъ ходу ученіе матеріалистической школы. Міръ представлялся какою-то смѣсью изъ различныхъ матеріальныхъ частицъ; надъ нимъ не носился всеоживляющій духъ, свободный и разумный; онъ былъ окованъ матеріею; правда, матерія владѣла свойствами духовными, но и эти свойства исчезали въ грязи матеріальности. Такая сила являлась, какъ матеріальная душа, разлитая по всему составу міра, сила ужасная, дѣйствующая по законамъ слѣпой необходимости, сила, приводящая въ холодный трепетъ сердце, желавшее найти въ ней свой покой или утѣшеніе. Она ничего не производитъ съ намѣреніемъ, безсознательно волнуется въ вѣчно текущемъ станкѣ бытія и терпитъ различныя превращенія; требуетъ разрушенія и смерти, такъ же какъ рожденія и жизни. Человѣкъ носился въ хаосѣ блѣднымъ призракомъ, существомъ, склееннымъ на скорую руку изъ атомовъ тонкихъ, эѳирныхъ, круглыхъ, продолговатыхъ, и прочая; существомъ самымъ жалкимъ, которому одному,

Digitized by Google

въ хаосѣ самыхъ ничтожныхъ тварей, опредѣлено сознавать и чувствовать свое ничтожество; онъ дѣйствовалъ по слѣпому, необходимому движенію внутреннихъ и внѣшнихъ атомовъ, безъ разума, свободы, безъ надеждъ на безсмертіе, какъ игра природы, внѣ религіи, нравственности и общественнаго благоустройства. Это ученіе подавляло духъ отчаяніемъ, какъ идеализмъ Шеллинга и Гегеля, и дѣлало жизнь ненавистною, а смерть и вѣчное ничтожество сладостнымъ ожиданіемъ. Грозная идея судьбы неистовствовала надъ міромъ. Греческая религія не знала живаго неба, съ котораго Провидѣніе слѣдитъ пути человѣка; по ея ученію, человѣкъ былъ игрушкою судьбы. Что такое жизнь человѣка? спросили бы греческое вѣрованіе, и получили бы самый безотрадный отвѣтъ. Судьба царствовала надъ человѣкомъ и очаровала его, такъ что ему не осталось свободы избирать то или другое; онъ, какъ невольникъ въ цѣпяхъ, шелъ по опредѣленному пути и не имѣлъ силъ бороться съ своимъ жребіемъ, выпавшимъ изъ урны судьбы. Эта борьба походила бы на борьбу жертвы съ палачомъ. Человѣкъ бродитъ одиноко по обширной пустынѣ, не видя еще своей гибели, но на его челѣ скоро уже нависнетъ угрюмая печаль; судьба вонзила въ него обаятельный взоръ гремучаго змѣя, и онъ въ оцѣпѣненіи, не имѣя силъ противиться чарамъ, кружится около пустынной скалы, съ которой сторожитъ его неопредѣленная власть, давно произнесшая свой приговоръ, какъ уголовный судъ надъ преступникомъ; она оставила его не надолго на просторѣ, будто для повѣрки своего страшнаго, несокрушимаго могущества; но вдругъ кругъ дѣятельности сокращается и человѣкъ быстро спѣшитъ, чтобы разбиться о скалу судьбы. Это убійственное вѣрованіе, задушая сознаніе свободы, подавляло и нравственное и религіозное чувство, въ которомъ человѣкъ могъ бы найти успокоеніе.

Digitized by Google

То была бездна пустоты,
Безъ протяженья, безъ границъ,
То были образы безъ лицъ,
То чудный міръ какой – то былъ
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени и дней и лѣтъ,
Безъ Провидѣнья, благъ и бѣдъ.

Платонъ возвысился въ атмосферѣ спиритуализма, отличилъ матерію отъ души и призналъ Бога существомъ отличнымъ отъ міра, Духомъ высочайшимъ, свободнымъ, разумнымъ и промышляющимъ о мірѣ. Ученіе Платона о Провидѣніи горитъ блестящей звѣздой на горизонтѣ языческаго греческаго міра. Предъ его одушевленнымъ взоромъ развертывается свѣжая, зеленѣющая долина жизни подъ яснымъ сводомъ неба. Платонъ не могъ согласиться съ народнымъ вѣрованіемъ, чтобы Богъ, создавшій и населившій міръ, оставилъ его на произволъ случая и непреклоннаго владычества судьбы или общихъ законовъ природы; не хотѣлъ думать, чтобы Творецъ не вѣдалъ міра, не видѣлъ зла, царствующаго въ немъ, и не могъ остановить его потока своимъ всемогуществомъ. Творецъ обитаетъ въ храмѣ вселенной, думалъ Платонъ, и промыслъ его не оставляетъ въ забвеніи самыхъ, по-видимому, ничтожныхъ предметовъ, но и объ нихъ печется такъ же, какъ о великихъ. Онъ несогласенъ, чтобы Верховное Существо, зная міръ, погружалось въ вѣчное, неподвластное созерцаніе самого себя и не управляло міромъ. Высшее Существо дѣйствуетъ на міръ и людей не только тѣмъ, что поддерживаетъ силы природы, законы естественные; дѣйствуетъ не только посредственно, но и непосредственно, и дѣйствія и самыя мысли человѣка открыты взору Божію. Возвышеннѣе, величественнѣе этой мысли о Богѣ мы не найдемъ ни у одного греческаго философа.

Digitized by Google

Это ученіе Платона не приняло своихъ элементовъ изъ вѣры народной. По греческой миѳологіи, боги бездѣятельно предавались своимъ олимпійскимъ увеселеніямъ, пили, гуляли и любезничали съ своими богинями, и развѣ, когда сильно разбушуются смертные, склоняли на нихъ свои гнѣвные взоры. Слѣдовъ о Провидѣніи нигдѣ не замѣчаемъ не только у предшественниковъ Платона, но и послѣ него философы забыли это ученіе или прямо возставали противъ него. Даже высокоумный Аристотель считалъ недостойнымъ величія Божія обращать вниманіе на мелочный міръ и нарушать покойное созерцаніе себя. Одинъ Платонъ въ цѣпи многихъ вѣковъ явился философомъ, указавшимъ Святое Провидѣніе, которое паря надъ міромъ, съ отеческою любовію и заботливостью слѣдитъ всѣ его событія. Дыша этой духовной атмосферой, Платонъ освѣтилъ нравственное сознаніе человѣка, коренное основаніе свободной дѣятельности, поднялъ человѣка, упавшаго въ бездну отчаяннаго униженія. Человѣкъ обладаетъ разумомъ и свободою, и долженъ ожидать безсмертія послѣ настоящей жизни. Платонъ видѣлъ въ человѣкѣ благороднѣйшее существо въ лѣстницѣ мірозданія; духъ человѣческій проникаетъ за предѣлы видимаго, ограниченнаго, знаетъ высшія свои цѣли, носитъ въ себѣ высшія потребности, не ограничивается настоящею жизнію; онъ чувственнымъ долженъ жертвовать духовному, временнымъ вѣчному, и во времени живетъ для вѣчности. Къ конечному, измѣняемому міру принадлежитъ только одной стороною, внѣшнею, а внутреннее бытіе тѣсно связано съ міромъ духовнымъ, высшимъ. Отсюда возникаетъ сладкое сознаніе своей независимости и свободы отъ вліянія матеріальныхъ силъ, враждебныхъ человѣческой жизни, та отрадная надежда, съ которою онъ смотритъ на темную дверь гроба.

Мы отмѣтили черты, ярко блещущія въ философіи Платона, не считая впрочемъ автора какимъ-нибудь

Digitized by Google

пророкомъ, какъ Александрійцы, не возвышая его на одну степень съ мыслителями христіанскими, какъ мистика среднихъ вѣковъ, и не оправдывая его заблужденій въ догадкахъ о сотвореніи міра и о другихъ предметахъ вѣры, чего добиваются раціоналисты. Но не хотимъ излагать ученія Платона въ частности. По сухому, скелетному изложенію нельзя составить понятія объ этомъ великомъ писателѣ, объ его обширной учености, пріобрѣтенной неутомимою любознательностью, о богатомъ воображеніи, поэтическомъ вдохновеніи, увлекательномъ краснорѣчіи, о сильной діалектикѣ, словомъ, объ его внутренней жизни, въ которой сосредоточивалась вся мудрость своего времени и отразился вѣкъ Перикловъ, со всѣми чертами жизни домашней, общественной, умственной и религіозной. Съ Платономъ надо познакомиться изъ его твореній. Онъ писалъ не для школы, а для свѣта; его читало образованное аѳинское общество, которое съ такимъ же удовольствіемъ посѣщало академію, съ какимъ нынѣшнее общество посѣщаетъ музыкальные концерты; по этому Платонъ не втѣснялъ своихъ мыслей въ школьныя колодки системы. Да какъ-то и страшно взяться за систему, въ которой математическія школьныя таблицы, параграфы, раздѣленія, подраздѣленія, распинаютъ какую-нибудь идею. Вы развернули страницу, прочитали, находите нелѣпость, чистѣйшій вздоръ, не смотря на то, въ концѣ параграфа вы встрѣтите ссылку на прежній параграфъ; любопытство заставляетъ васъ прочитать еще и еще параграфъ, и вмѣсто того, чтобы узнать одну нелѣпость, ваша голова должна загрузиться сотнею нелѣпостей; кажется, истина всегда должна быть истиной, въ системѣ и не въ системѣ. Платонъ избралъ форму разговорную; ее употребляли и прежде Платона, но никто не сравнялся съ основателемъ академіи, никто не могъ придать такой завлекательности и такъ сблизить съ жизнію своихъ философскихъ умствованій; его раз-

Digitized by Google

говоры заманиваютъ читателя драматическимъ интересомъ, искусною обработкою и необыкновенною гибкостью. Съ удивительнымъ искусствомъ онъ умѣетъ связать въ одно цѣлое различныя мнѣнія о предметѣ и вести нить разговора къ опредѣленной цѣли безъ натяжки, безъ скачковъ; мастерски разсѣкаетъ самые запутанные узлы, которымъ дивились его современники, какъ глубинѣ мудрости. Часто онъ выводитъ на арену двѣ противоположныя школы, выставляетъ ихъ крайности, шутитъ надъ ихъ исключительнымъ притязаніемъ на истину и наконецъ оставляетъ читателю подумать надъ полнымъ рѣшеніемъ даннаго вопроса. Впрочемъ изъ этой недоконченности разговоровъ, въ которыхъ большею частію вопросъ не рѣшается прямо, нельзя заключать, чтобы Платонъ разрушалъ только системы прежнихъ философовъ, для потѣхи толпы выводилъ ихъ мнѣнія, не имѣя никакой опредѣленной мысли, опредѣленнаго взгляда. По развалинамъ прежней философіи онъ пролагалъ себѣ путь къ истинѣ; онъ не до основанія разрушаетъ все прежнее, но только обрѣзываетъ чуждые наросты; счастливо избѣгаетъ крайностей и усвояетъ себѣ истинные элементы.

Почтенный переводчикъ изъ своего огромнаго труда представляетъ теперь публикѣ восемь разговоровъ; это Протагоръ, Эвтидемъ, Лахесъ, Хармидъ, Эвтифронъ, Менонъ, Апологія и Критонъ. Всѣ они прекрасны, какъ произведенія пера Платона, но мы обращаемъ вниманіе читателей на два послѣдніе, на Апологію Сократа и Критона. Эти разговоры съ Эвтифрономъ и Федономъ составляютъ тетралогію, посвященную признательнымъ ученикомъ памяти учителя. Платонъ былъ обязанъ Сократу направленіемъ своей философіи и вѣрнымъ взглядомъ на мудрость своего времени, которая, благодаря Сократу, не увлекла его своимъ потокомъ, но встрѣтила въ немъ такого же сильнаго врага, какимъ былъ Сократъ. Въ вѣкъ Перикла Аѳины были столицею

Digitized by Google

учености и образованности, и преимущественно философіи. Всѣ и вездѣ толковали о философскихъ предметахъ; въ портикахъ, въ гимназіи, налеструхъ толилась молодежь около людей ученыхъ. Къ несчастію, ученые только хвастались и пускали пыль въ глаза: то были софисты. На искусство софистовъ смотрѣли сначала, какъ на арлекинское занятіе; вѣтреные и легкомысленные Аѳиняне съ удовольствіемъ рукоплескали тонкимъ уловкамъ краснобаевъ, которые потѣшали ихъ своею діалектикою и говорили сколько угодно и о какомъ угодно предметѣ. Но когда Протагоръ Абдерскій, глава софистовъ, своею діалектикою сталъ управлять умами народа и искусными софизмами многихъ привлекъ на свою сторону, то на діалектику стали смотрѣть, какъ на лучшую опору политика, и множество нашлось охотниковъ, которые со всѣмъ жаромъ принялись изучать волшебное искусство властвовать надъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ устахъ благомыслящихъ діалектика софистовъ, можетъ-быть, принесла бы много пользы; но, къ несчастію, она сдѣлалась орудіемъ такихъ людей, которые болѣе заботились выказать себя остроумными, чѣмъ защитниками истины. Низкіе шарлатаны находили въ ней опору; не проходило дня, чтобъ какая-нибудь нелѣпость или ложная мысль, одѣтая въ шутовскіе софизмы, не пущена была въ народъ; каждый парадоксъ, вопреки здравому смыслу, выдавался за истину. Чернь рукоплескала, софисты торжествовали. Но въ это время явился Сократъ; съ состраданіемъ патріота смотрѣлъ онъ на разливъ философіи своего времени и рѣшился противостать потоку, мало-по-малу отравлявшему молодость, доказывая, что мудрецы, ихъ учители, чистые глупцы. Взвѣсивъ свои умственныя и нравственныя силы, изучивъ себя и людей въ жизни, съ живою вѣрою въ свое призваніе, онъ вышелъ на сцену, какъ атлетъ, чтобы посрамить ловкихъ балансеровъ, славившихся своими прыжками на умозрительномъ на-

Digitized by Google

натѣ діалектики, на которомъ танцуетъ и наша современная философія. Онъ толковалъ всѣмъ одну великую истину: я знаю, что я ничего не знаю. Кажется, эта истина слишкомъ проста, чтобы требовать за нее почетнаго стола въ Притонѣ. Между-тѣмъ она дается не вдругъ и не всѣмъ. Есть двѣ крайности человѣческаго вѣдѣнія о послѣднихъ вопросахъ бытія, которыя обѣ можно назвать незнаніемъ, только одно незнаніе отъ другаго отдѣляется цѣлою бездною. Невѣжество, пустота головы, безсмыслiе, которыхъ никогда не шевелитъ ни одна глубокая дума, рѣшительно не сознаетъ себя; это незнаніе выражается то самымъ отчаяннымъ отрѣченіемъ отъ всего, что пріобрѣтаетъ человѣкъ размышленіемъ и наблюдательностью, то самымъ несчастнымъ школьнымъ самообольщеніемъ, что можно обладать знаніемъ всего, обнять тощимъ умомъ безконечность вѣдѣнія.

Въ исторіи тому мы тьму примѣровъ слышимъ.

Но мы исторіи не пишемъ. Незнаніе другаго рода, это вѣнецъ человѣческаго знанія, до котораго человѣку суждено доходить долгимъ, тернистымъ путемъ жизни и самосознанія. Тысячи сомнѣній встрѣвожатъ душу, тысячи блестящихъ теорій разобьются о несокрушимую скалу дѣйствительности, тысячи развалинъ, оставшихся отъ искреннихъ убѣжденій молодости и школы, наполнятъ душу прежде чѣмъ человѣкъ съ полною увѣренностію сознается въ своемъ невѣдѣніи, въ безсиліи проникнуть сквозь таинственный покровъ, брошенный на самые обыкновенные предметы, о которыхъ мы говоримъ, какъ о самыхъ простыхъ и извѣстныхъ вещахъ.

Апологія Сократа разоблачаетъ внутреннюю жизнь загадочнаго, непонятаго въ свое время, мудреца, котораго осудили на мученическую смерть за то, что онъ хотѣлъ избавить другихъ отъ мученія. Съ порога мо-

Digitized by Google

гилы Сократъ обращаетъ взоръ на поле жизни, съ внутреннимъ сознаніемъ своего достоинства и съ безпристрастіемъ къ былому, отъ котораго скоро отрѣжетъ его несокрушимая преграда, созерцаетъ самъ и высказываетъ другимъ, все, чего онъ искалъ, къ чему стремился, чего достигъ и что утратилъ; драма жизни, въ которой онъ исполнялъ свою роль, развивается какъ эпосъ, спокойно, тихо, величественно, какъ прозрачная влага рѣки, когда она катитъ свои волны по ровному склоненію. Въ апологіи Сократъ не только защищается противъ частныхъ пунктовъ обвиненія, какія изложены были въ доносѣ Мелита и Анита, но и отдаетъ отчетъ старца въ долголѣтней жизни и дѣятельности. Онъ былъ философъ въ истинномъ смыслѣ; умственная, нравственная и политическая его жизнь сливалась въ одно гармоническое цѣлое; всѣ частныя дѣйствія его происходили изъ внутренней жизни, изъ сердечнаго убѣжденія; цѣлая жизнь Сократа должна была служить опроверженіемъ сдѣланныхъ на него доносовъ, жизнь, бывшая благодѣяніемъ для республики. Сократа обвиняли, что онъ умствуетъ небесное и испытываетъ подземное; эти слова пугали его всего болѣе, потому-что такого мудреца народъ считалъ безбожникомъ; Сократъ отвѣчалъ на это такъ:

Но можетъ-быть кто изъ васъ спроситъ: Сократъ! въ чемъ же состоитъ твое занятіе? откуда на тебя эти клеветы? Вѣдь, если бы ты не дѣлалъ ничего особеннаго предъ прочими, о тебѣ, вѣроятно, не было бы такихъ рѣчей и толковъ; — да если бы не дѣлалъ *много, чѣмъ многіе.* Скажи же, что это такое, чтобы намъ не заключить о тебѣ опрометчиво. Кто спросилъ бы такъ, тотъ спросилъ бы кстати, и я постараюсь показать вамъ, что *сдѣлало мнѣ имя* и навлекло на меня клевету. Слушайте. Можетъ-быть инымъ изъ васъ слова мои покажутся шуткою: но знайте, что они будутъ настоящая истина. Я пріобрѣлъ это имя, Аѳиняне, не чѣмъ другимъ, какъ нѣкоторою мудростію, а какою мудростію? — вѣроятно человѣческою; ибо я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ мудрецъ — по человѣчески; а тѣ, о которыхъ сейчасъ

Digitized by Google

говорилъ, скорѣе мудрецы въ какой-нибудь мудрости выше-человѣческой; иначе, не знаю, что и сказать о ней; потому-что не разумѣю ея, и кто приписываетъ ее мнѣ, тотъ лжетъ и говоритъ съ цѣлію оклеветать меня. Но не шумите, прошу васъ, Аѳиняне, и не думайте, будто я объявляю вамъ что-нибудь удивительное. То, что скажу, будетъ не мое слово; нѣтъ, сошлюсь на лицо, пользующееся вашею довѣренностію; представлю вамъ свидѣтелемъ своей мудрости, если какая есть у меня дельфійскаго бога. Вы вѣдь знаете Херефона: онъ былъ съ дѣтства моимъ другомъ и другомъ многихъ изъ васъ; онъ вмѣстѣ съ вами находился въ послѣднемъ бѣгствѣ изъ отечества, и съ вами же возвратился въ него. Вы знаете также, каковъ былъ Херефонъ, какая горячность обнаруживалась въ его стремленіяхъ къ чему бы-то ни было. Вотъ онъ, пришедши нѣкогда въ Дельфы, осмѣлился требовать мнѣнія оракула и — но не шумите, граждане, слыша слова мои, — да, и вопросилъ: есть ли кто-нибудь мудрѣе меня? Пиѳія отвѣчала, что нѣтъ никого Херефонъ уже умеръ; но вмѣсто его, засвидѣтельствуетъ вамъ это братъ его. Смотрите же, къ чему клонится рѣчь моя: я хочу показать вамъ, откуда пала на меня клевета. Услышавъ о такомъ отвѣтѣ, я разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: что жъ бы это говорилъ богъ? какая мысль его? я вѣдь нисколько не сознаю себя мудрецомъ. Что же разумѣлъ онъ, называя меня мудрѣйшимъ? Однако богъ не лжетъ же; потому-что это ему не свойственно. И долго недоумѣвалъ я касательно этихъ словъ; но потомъ кое-какъ напалъ на слѣдующій способъ изслѣдованія ихъ: я пошелъ къ одному изъ тѣхъ, которые слывутъ мудрецами, съ намѣреніемъ, если гдѣ, то здѣсь изобличить оракула и его изреченіе, что вотъ онъ мудрѣе чѣмъ я, а ты назвалъ меня мудрѣйшимъ. Но разсматривая этого человѣка (нѣтъ нужды, Аѳиняне, называть его по имени; довольно, что тотъ, съ кѣмъ мнѣ случилось встрѣтиться для сей цѣли, былъ одинъ изъ политиковъ) и разговаривая съ нимъ, я замѣтилъ, что онъ многимъ другимъ, особенно же себѣ кажется мудрецомъ, а на дѣлѣ не мудрецъ. Потомъ я пытался доказать, что онъ почитается мудрецомъ, а въ самой вещи не мудрецъ, и чрезъ то сдѣлался ненавистнымъ какъ ему, такъ и многимъ присутствовавшимъ. Возвращаясь отъ него, я разсуждалъ самъ съ собою, что у меня дѣйствительно болѣе мудрости, нежели у этого человѣка; ибо хотя оба мы не знаемъ ничего хорошаго и добраго; но онъ, не зная, почитаетъ себя знающимъ, а я, когда ужъ не знаю, то и не приписываю себѣ знанія. Этимъ-то немногимъ я и мудрѣе его, что чего не знаю, о томъ и не думаю, какъ объ извѣстномъ. Отъ него пошелъ я къ другому, которому усвояютъ еще большую

Digitized by Google

мудрость, чѣмъ первому; но все оказывалось одно и то же. Такимъ образомъ я впалъ въ ненависть и у этого, и у многихъ иныхъ. Послѣ сего-то уже, чувствуя, скорбя и боясь, что навлекъ на себя ненависть, и однако жъ почитая необходимымъ дѣло божіе ставить выше всего, я пошелъ по порядку. Чтобы изслѣдовать смыслъ изреченія, надобно идти ко всѣмъ, которые приписываютъ себѣ какое нибудь значеніе, и — клянусь собакою, Аѳиняне, предъ вами должно вѣдь говорить правду, — что именно такъ было со мною: одни, преимущественно пользовавшіеся славою, оказывались почти самыми бѣдными, когда я спрашивалъ ихъ о дѣлѣ божіемъ; другіе, по-видимому, презрѣнные являлись *людьми для размышленія здраваго способнѣйшими*. Но должно изобразить вамъ все *свое скитаніе*, какъ-будто какой подъятый мною трудъ, чтобы при всемъ томъ оракулъ оказался неопровержимымъ. Да, отъ политиковъ я ходилъ къ поэтамъ, и трагическимъ, и дифирамбическимъ, и другимъ, — съ тою мыслію, что здѣсь-то уже явно останусь невѣжественнѣе, чѣмъ они: бралъ въ руки ихъ стихотворенія, которыя, по-видимому особенно обработаны ими; распрашивалъ, что они говорятъ, желая вмѣстѣ научиться у нихъ чему-нибудь. Но — стыдно, граждане, объявить вамъ правду, а надобно. Могу сказать, что почти всѣ, присутствовавшіе при нашихъ разговорахъ, лучше бы разсуждали о содержаніи сочиненій, написанныхъ тѣми самыми сочинителями. И такъ я вскорѣ узналъ, что и поэты пишутъ, что пишутъ, по внушенію не мудрости, а какого-то естественнаго дара, приходя въ энтузіазмъ, какъ прорицатели и предсказыватели. Послѣдніе, хотя говорятъ много хорошаго, однако не знаютъ того, что говорятъ: въ такомъ же состояніи находятся и поэты. При томъ я замѣчалъ, что, обладая даромъ поэзіи, они почитаютъ себя людьми мудрѣйшими и во всемъ другомъ; а этого у нихъ не было; посему удалился отъ нихъ, находя въ себѣ такое же преимущество предъ ними, какое и предъ политиками. Наконецъ я пошелъ къ художникамъ — съ тою увѣренностію, что у меня, просто сказать, нѣтъ никакого знанія, а у нихъ, какъ мнѣ извѣстно было, найду много хорошихъ. Въ этомъ и не обманулся: они дѣйствительно знали то, чего я не зналъ, и въ семъ отношеніи были мудрѣе меня. Но и въ отличныхъ мастерахъ, Аѳиняне, оказалась та же погрѣшность, какая въ поэтахъ: каждый изъ нихъ, *ради того*, что онъ хорошо владѣетъ своимъ искусствомъ, почиталъ себя человѣкомъ мудрѣйшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности; а такою глупостію помрачалась ихъ мудрость. Посему я спросилъ себя именемъ оракула, что мнѣ избрать: оставаться ли такимъ, каковъ теперь, не желая быть ни мудрымъ ихъ мудростію, ни невѣждою

имъ извѣстнымъ, или пріобрѣсть ту и другую принадлежность ихъ? — и отвѣчалъ самому себѣ и оракулу, что для меня полезнѣе оставаться такимъ, каковъ я теперь. Изъ этихъ-то изслѣдованій, Аѳиняне, проистекла ненависть противъ меня, — ненависть жестокая и сильная, бывшая причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя мудреца; ибо присутствующіе всякій разъ думаютъ, что въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ. А на дѣлѣ должно быть, Аѳиняне, мудръ-то Богъ, и его пророченіемъ выражается, что мудрость человѣческая маловажна, даже ничтожна. Да это кажется не о Сократѣ и говорится; мое имя имѣетъ въ немъ, по-видимому, значеніе примѣра, какъ бы сказано было: между вами, люди, тотъ мудрѣе всѣхъ, кто, подобно Сократу, сознается, что онъ дѣйствительно ничего не стоитъ въ отношеніи къ мудрости. Такимъ образомъ, и нынѣ еще бродя, я ищу и испытываю дѣло Божіе, не почту ли мудрецомъ кого-нибудь изъ Аѳинянъ, либо иностранцевъ, и если не найдется, не докажу ли въ помощь Богу, что мудреца нѣтъ на свѣтѣ. Занимаясь этимъ дѣломъ, я не имѣлъ досуга для исполненія значительныхъ обязанностей и въ обществѣ и въ домѣ, но ради служенія Богу, терплю величайшую бѣдность. Сверхъ того юноши, принадлежащіе къ богатѣйшимъ семействамъ, и слушающіе меня, когда у нихъ есть свободное время, охотно наблюдаютъ, какъ я испытываю людей, и часто сами, подражая мнѣ, рѣшаются испытывать другихъ. Въ этомъ дѣлѣ они, думаю, встрѣчаютъ столь же много такихъ, которые, приписывая себѣ нѣкоторое знаніе, мало или даже ничего не знаютъ; отъ того испытываемые ими сердятся не на нихъ, а на меня, и говорятъ: Сократъ — человѣкъ какой-то безпокойный и развратитель юношества. Если же кто спрашиваетъ ихъ: что онъ дѣлаетъ и чему учитъ; то они не въ состояніи отвѣчать, ибо не знаютъ. А чтобы не обнаружить своего незнанія, повторяютъ то, что обыкновенно толкуется противъ всѣхъ философовъ: онъ изслѣдываетъ предметы небесные и подземные, не признаетъ боговъ и причины низшія превращаетъ въ высшія. Сказать правду имъ, думаю, не хочется; тогда открылось бы, что они приписываютъ себѣ знаніе, ничего не зная. Поелику же такіе люди, какъ видно, честолюбивы, горячи и многочисленны, поелику они говорятъ о мнѣ дружно и убѣдительно, то своими клеветами давно и сильно накричали вамъ уши. Изъ ихъ-то числа явились съ доносами на меня — и Мелитъ, и Анитъ, и Ликонъ, — Мелитъ раздосадованный за поэтовъ, Анитъ — за художниковъ и политиковъ, а Ликонъ — за риторовъ.

Digitized by Google

Надо сказать, что̀ за люди эти доносчики, погубившіе Сократа. Мелитъ писалъ плохія трагедіи и глупыя правила стихотворства; Анитъ былъ богатый кожевенникъ, онъ не любилъ Сократа за то, что послѣдній, въ своихъ бесѣдахъ, бралъ примѣры съ сапожниковъ, горшечниковъ и другихъ ремесленниковъ; Ликонъ былъ одинъ изъ десяти ораторовъ, которые, по закону Солона, должны были говорить въ защиту общественныхъ дѣлъ, но во время Платона эти ораторы стали интригантами, ябедниками, людьми самыми презрѣнными; а Ликонъ въ добавокъ былъ мерзавецъ и пьяница.

Далѣе Сократъ оправдывается противъ обвинительныхъ пунктовъ своихъ доносчиковъ, будто онъ развращаетъ юношество и не признаетъ боговъ, почитаемыхъ обществомъ, а вводитъ какихъ-то новыхъ геніевъ. Опровергнувъ клеветы, взведенныя на него доносчиками, Сократъ говоритъ, какъ герой правды, за которую онъ готовъ умереть безъ страха.

Такъ-то, Аѳиняне! Что я не виноватъ по силѣ Мелитова доноса, — это, кажется, не требуетъ большаго оправданія; достаточно и сказаннаго; а что многіе и сильную питаютъ противъ меня ненависть, это, будьте увѣрены, истинно. Посему преодолѣютъ, не Мелитъ и Анитъ, а клевета и вражда толпы. Онѣ уже преодолѣли много и другихъ очень добрыхъ мужей; да кажется и будутъ преодолѣвать: нѣтъ ничего удивительнаго, что на мнѣ это не остановится.

Положимъ, что теперь вы согласились бы отпустить меня и не послушались бы Анита, поколику онъ говоритъ, что или съ самаго начала не надлежало призывать меня, или, когда призвали, надобно лишить жизни, поколику онъ доказываетъ вамъ, что если я избѣгну смерти, то ваши сыновья, слѣдуя ученію Сократа, всѣ и вездѣ развратятся, — положимъ, что на это вы сказали бы мнѣ: Сократъ! теперь мы не послушаемся Анита и отпустимъ тебя, однако жъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты уже не занимался подобнымъ изслѣдованіемъ и любомудріемъ; а когда снова будешь изобличенъ въ томъ же дѣлѣ, то умрешь. Положимъ, говорю, что вы отпускали бы меня на этомъ условіи; въ семъ случаѣ вотъ

Digitized by Google

каковъ былъ бы отвѣтъ мой: Аѳиняне! я преданъ вамъ чувствами дружбы и любви; но на мою вѣру имѣетъ бо́льшее право Богъ, нежели вы. А потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и предлагать каждому встрѣчному убѣжденія и доказательства въ обычныхъ мнѣ выраженіяхъ: почтеннѣйшій мужъ! будучи гражданиномъ Аѳинъ, общества великаго и славнаго по своей мудрости и силѣ духа, ты не стыдишься хлопотать о славѣ, чести и деньгахъ, чтобы собрать ихъ сколько можно болѣе; а о благоразуміи, объ истинѣ, о душѣ, чтобы возвысить ее сколько можно болѣе, не хлопочешь и не заботишься. Если же кто-нибудь изъ васъ усомнится и скажетъ, что онъ заботится объ этомъ! то я не тотчасъ отпущу его и не вдругъ отстану; но буду спрашивать, испытывать, вывѣдывать, и когда окажется, что онъ не пріобрѣлъ добродѣтели, и приписываетъ ее себѣ, то замѣчу ему, что у него самое важное унижается, а бездѣльное представляется важнымъ. Такъ обойдусь я и съ молодымъ человѣкомъ, и со старикомъ, съ кѣмъ ни пришлось бы встрѣтиться, такъ — и съ иностранцемъ и съ Аѳинянином, и съ Аѳинянами тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе они ко мнѣ по племени; ибо такова, будьте увѣрены, воля Божія. Я даже думаю, что въ обществѣ не получить вамъ блага болѣе моего служенія Богу; потому-что цѣль моихъ прогулокъ есть не иная, какъ убѣжденіе молодыхъ людей и стариковъ — пещись не прежде и не столько о тѣлѣ, деньгахъ и чемъ-нибудь другомъ, сколько о душѣ, чтобы сдѣлать ее совершеннѣйшею. Я доказываю, что не изъ денегъ раждается добродѣтель, а изъ добродѣтели — деньги и всѣ другія частныя и общественныя для людей блага. Если, говоря это, я развращаю юношей; то слова мои конечно вредны: а кто сказалъ бы, что я учу не сему, а другому; тотъ не сказалъ бы ничего. И такъ я отвѣчалъ бы: Аѳиняне! повѣрите вы Аниту или не повѣрите, отпустите меня или нѣтъ; но я буду поступать не иначе; хотя бы мнѣ пришлось умереть много разъ.

Однако жъ почему нѣкоторые рады обращаться со мною долгое время? Вы слышали, Аѳиняне, я высказалъ вамъ всю истину, что мои слушатели съ удовольствіемъ внимаютъ, какъ я испытываю тѣхъ людей, которые, почитая себя мудрецами, на самомъ дѣлѣ — не мудрецы; ибо это не непріятно. А дѣлать такое испытаніе, какъ сказано, предписалъ мнѣ Богъ, предписалъ и изреченіями оракула, и сновидѣніями, и всякимъ образомъ, какимъ и иной божественный жребій повелѣваетъ человѣку что-нибудь дѣлать. Это, Аѳиняне, и истинно, и удободоказательно. Да, если я однихъ изъ юношей развращаю, другихъ развратилъ; то нѣкоторые изъ нихъ, ставъ постарше и понявъ, что въ юныхъ лѣтахъ слышали отъ меня худые совѣты, теперь должны бы настоятельно изложить свои обви-

Digitized by Google

ненія и требовать моей казни. А когда они не захотѣли бы сами; то надлежало бы нынѣ вспомнить нѣкоторымъ изъ нихъ родственниковъ, напримѣръ отцамъ, братьямъ и другимъ ближнимъ, — вспомнить что ихъ домашніе потерпѣли отъ меня нѣчто худое. Да многіе изъ нихъ, вижу, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь во-первыхъ, вотъ Критонъ, мой сверстникъ и землякъ, отецъ этого Критовула; потомъ Лизаніасъ Сфеттійскій, отецъ этого Эсхина; вотъ еще Антифонъ Кефисійскій, отецъ Эпигена. Есть здѣсь и такіе, которыхъ братья обращались со мною: вотъ, напримѣръ, Никострастъ сынъ Θеосдотида, братъ Θеодота (но Θеодотъ уже умеръ и не тому не можетъ просить за меня); вотъ Паралосъ, сынъ Демодока, его братъ былъ Θеагесъ; вотъ Адимантъ, сынъ Аристона, его братъ этотъ Платонъ; вотъ Діантодоросъ, его братъ этотъ Аполлодоръ. Могу именовать вамъ много и другихъ, изъ коихъ каждаго Мелитъ, особенно въ своемъ доносѣ, долженъ бы былъ выставить какъ свидѣтеля. Если же тогда онъ забылъ; то пусть выставитъ теперь, — я не препятствую, — и скажетъ, что знаетъ. Но вы, граждане, найдете совершенно противное этому: меня, развратителя, который по словамъ Мелита и Анита, дѣлаетъ зло ихъ ближнимъ, всѣ готовы защищать. Правда, сами развращенные, можетъ статься, имѣли бы причину оказать мнѣ помощь; а не развращенные, какъ люди уже пожилые родственники первыхъ, какое нашли бы основаніе помогать мнѣ, кромѣ правдушія и справедливости, поколику знаютъ, что Мелитъ лжетъ, а я говорю истину?

По законамъ аѳинскимъ, судьи, выслушавъ оправданіе обвиняемаго, должны были рѣшить виноватъ или нѣтъ подсудимый. Если виноватъ, то слѣдовало разсмотрѣть, подходитъ ли вина его подъ какое-нибудь наказаніе, опредѣленное прежними законами, или надо составить новый приговоръ съ общаго мнѣнія судей. Въ послѣднемъ случаѣ виновному самому предоставлялось избрать наказаніе, какого достоинъ онъ по собственному признанію. Послѣ этого разсуждали, согласиться ли съ приговоромъ отвѣтчика, или доносчиковъ, которые, при своемъ доносѣ, также имѣли право опредѣлять наказанія, какого они считали достойнымъ виноватаго. И тогда судьи произносили окончательное рѣшеніе. Для преступленія Сократа не нашлось опредѣленной казни,

Digitized by Google

и онъ самъ долженъ былъ произнести надъ собой приговоръ. Увѣренный въ своей невинности и выставивъ заслуги, какія онъ оказалъ своими наставленіями аѳинскому юношеству, Сократъ спрашиваетъ Аѳинянъ, что онъ долженъ потерпѣть за такое поведеніе? чего онъ заслуживаетъ?—«Конечно, продолжаетъ онъ, чего-нибудь добраго, если въ присужденіи дѣйствительно надо соображаться съ заслугами, и притомъ добраго, которое было бы прилично моему состоянію. А что прилично благодѣтелю-бѣдняку, который имѣетъ нужду въ досугѣ для увѣщанія васъ? Нѣтъ ничего естественнѣе, Аѳиняне, какъ такому человѣку давать столъ въ Пританіонѣ. Впрочемъ вы не подумайте, что я выпрашиваю у васъ этого, нѣтъ, я говорю только, чего я заслуживаю, и потому еще, что не хочу обидѣть себя и желать себѣ зла. А если уже необходимо, по вашему мнѣнію, наложить на меня какое-нибудь наказаніе: такъ что же прикажете избрать? Неволю? Но я не хочу жить въ тюрьмѣ и угождать капризамъ своихъ надсмотрщиковъ. Осудить себя на изгнаніе изъ отечества, я считаю довольно глупымъ. Если для васъ, моихъ согражданъ, наставленія мои и бесѣды сдѣлались ненавистными и невыносимыми, то развѣ для другихъ онѣ будутъ лучше? развѣ другіе-то хладнокровнѣе станутъ переносить ихъ? И меня, старика, и оттуда также будутъ гнать; а не говорить о добродѣтели, это значило бы не повиноваться Богу, и потому молчать я не могу. Вотъ какъ бы у меня были деньги, я бы охотно назначилъ себѣ денежный штрафъ; да бѣда, денегъ-то теперь у меня нисколько не найдется; ужъ развѣ назначите заплатить сколько могу. А заплатить-то могу, кажется, не больше одной мины серебра. Позвольте же къ этому и присудить себя! Но вотъ, Аѳиняне, Платонъ, Критонъ, Критовулъ и Аполлодоръ велятъ мнѣ объявить уплату тридцати минъ, и сами ручаются,—присуждаю себя и къ такой суммѣ; поручителями въ этихъ деньгахъ будутъ у

Digitized by Google

васъ люди, стоющіе довѣрія.» Судьи не приняли собственнаго приговора Сократа; они согласились на мнѣніе, заранѣе составленное его обвинителями. Сократъ долженъ былъ выпить ядъ. Съ рѣдкимъ равнодушіемъ принялъ онъ рѣшеніе суда и въ заключеніи своей апологіи, высказалъ Аѳинянамъ предсмертныя свои надежды и чувствованія въ отношеніи къ своимъ врагамъ и доброжелателямъ.

Смерть есть одно изъ двухъ: или какъ-бы уничтоженіе, если умершій нисколько и ничего не чувствуетъ; или нѣкоторое, по общему мнѣнію, преобразованіе и переселеніе души изъ здѣшняго мѣста въ другое. Положимъ же, что смерть есть совершенное лишеніе чувства, похожее на такой сонъ, въ которомъ спящему ничего не снится: въ этомъ случаѣ она будетъ чрезвычайно выгодна. Ибо мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь долженъ былъ выбрать ночь, въ которую такъ бы спалъ, что во снѣ ничего не видѣлъ, и потомъ, противуположивши ей всѣ другія ночи и дни своей жизни, обязанъ былъ зрѣло обсудить, которыя изъ нихъ провелъ онъ лучше и пріятнѣе той; то, думаю, не только человѣку частному, но и великому царю легче было бы сосчитать первые, чѣмъ прочіе дни и ночи. А когда смерть такова; то я называю ее выгодною; ибо подъ этимъ условіемъ все время покажется не долѣе, какъ одною ночью. Положимъ опять, что смерть есть какъ бы переселеніе отсюда въ другое мѣсто — туда, гдѣ, по истинному свидѣтельству преданія, находятся всѣ умершіе: въ семъ случаѣ что можетъ быть болѣе этого блага, граждане — судіи? Ибо кто отошедши въ преисподнюю и избавившись отъ этихъ людей, называющихъ себя судіями, найдетъ судей истинныхъ, на которыхъ, говорятъ, и въ самомъ дѣлѣ лежитъ тамъ обязанность судить, то есть, Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема и другихъ, бывшихъ во время своей жизни справедливѣйшими изъ полубоговъ; тотъ худое ли сдѣлаетъ переселеніе? При томъ не сочли бы вы за великую честь обращаться съ Орфеемъ, Музеемъ, Исіодомъ, Омиромъ? Да я хочу умереть много разъ, если это истинно; потому-что для самого меня занимательно было бы тамъ препровожденіе времени, когда бы я встрѣтился съ Паламедомъ, Аяксомъ сыномъ Теламона, и съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто изъ древнихъ умеръ отъ несправедливаго суда. Сравнивать мою участь съ ихъ участію было бы, думаю, не непріятно. А что всего лучше,— я проводилъ бы жизнь въ изслѣдованіи и испытываніи тамошнихъ обитателей, какъ здѣшнихъ, то есть, кто изъ нихъ мудръ, и кто

Digitized by Google

почитаетъ себя мудрецомъ, въ самомъ же дѣлѣ не мудрецъ. Мало ли чести, граждане-судіи, испытать вождя, веденнаго подъ Трою столь великое войско, также Одиссея, Сизифа и — можно бы назвать безчисленное множество другихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ? Разговаривать съ ними тамъ, обращаться, испытывать ихъ, было бы безъ сомнѣнія счастіемъ непостижимымъ. При томъ же, тамошніе обитатели за это-то не лишаютъ жизни. Они блаженнѣе здѣшнихъ и во многому, и потому, что на все время остаются уже безсмертными, если только преданія истинны.

Но и вы также, граждане-судіи, должны имѣть твердую надежду на смерть и держать въ умѣ одну истину, что для человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни ни по смерти, и что о его обстоятельствахъ не нерадятъ боги. Вотъ и мои произошли не сами собою; для меня ясно, что теперь умереть и оставить здѣшнія заботы мнѣ гораздо лучше. По тому-то знаменіе ни разу и не отвратило меня; по тому-то я не слишкомъ досадую на своихъ осудителей и доносчиковъ; хотя они осудили и доносили на меня не съ этою мыслію, а съ намѣреніемъ сдѣлать мнѣ зло, что достойно порицанія.

Вотъ о чемъ еще прошу ихъ: Граждане! Отмстите моимъ сыновьямъ, когда они выростутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ васъ. Если откроется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значатъ, ничего не знача; то укоряйте ихъ, какъ я укорялъ васъ, — зачѣмъ они не заботятся о томъ, о чемъ должно, и приписываютъ себѣ нѣкоторую цѣну, ничего не стоя. Если станете дѣлать это; то и я самъ и дѣти мои — получимъ отъ васъ должное.

Но время уже идти — мнѣ на смерть, вамъ на жизнь, а кто изъ насъ придетъ къ лучшему, никому неизвѣстно кромѣ Бога.

Впрочемъ, по обстоятельствамъ времени, нельзя было исполнить смертнаго приговора надъ Сократомъ, тотчасъ послѣ окончанія суда. Аѳиняне ежегодно праздновали день счастливаго возвращенія Тезея съ Острова Крита. Въ день, посвященный этому воспоминанію, на увѣнчанномъ кораблѣ отправлялись въ Делосъ послы, чтобы принесть жертву Аполлону. Плаваніе ихъ продолжалось иногда болѣе мѣсяца; и во все это время въ Аѳинахъ не исполняли надъ преступниками смертныхъ приговоровъ. Сократъ осужденъ былъ на другой

Digitized by Google

день послѣ отправленія корабля; и потому до его возвращенія былъ посаженъ въ тюрьму. Вѣроятно, враги не лишили Сократа послѣдняго и единственнаго утѣшенія для узника — видѣться съ своими друзьями. Одно такое свиданіе изображаетъ Платонъ въ своемъ Критонѣ.

За два дня до возвращенія корабля, самымъ раннимъ утромъ приходитъ въ темницу Критонъ, съ горькой вѣстью о скоромъ возвращеніи корабля и уговариваетъ Сократа воспользоваться временемъ, пока еще можно, бѣжать изъ темницы. Но Сократъ, всегда вѣрный самому себѣ, и не подумалъ соблазниться льстивою надеждою на изгнаническую жизнь; онъ рѣшается лучше умереть, чѣмъ опозорить себя на закатѣ своей жизни. Превосходно въ этомъ разговорѣ Сократъ олицетворяетъ законы и заставляетъ ихъ изъяснять гражданину узнику отношенія къ отечеству.

Пусть мы вознамѣрились бы бѣжать, — или иначе назвать это, — вдругъ приходятъ законы и, вступаясь за общее дѣло республики, говорятъ: скажи намъ, Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависитъ, причинить погибель и намъ, законамъ, и цѣлому обществу? Развѣ, по твоему мнѣнію, то общество можетъ еще существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ онѣ теряютъ свою важность и искажаются людьми частными? Что скажетъ на это и на другое тому подобное, Критонъ? А въ защиту-то попраннаго закона, повелѣвающаго уважать произнесенныя имъ опредѣленія, кто-нибудь, особенно риторъ, могъ бы сказать многое. Впрочемъ не дадимъ ли отвѣтъ, что общество сдѣлало намъ несправедливость и не вѣрно обмыслило свое рѣшеніе? Это, или что будемъ отвѣчать.

Критонъ. Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сократъ. Но что сказали бы законы? Сократъ! развѣ мы и въ этомъ условливались съ тобою, или только въ томъ, чтобы ты былъ вѣренъ опредѣленіямъ, которыя произноситъ общество? А если бы мы, слыша слова ихъ, изъявили удивленіе, то они можетъ-быть примолвили бы: Сократъ! не удивляйся нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай; ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка: за какую вину нашу и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же,

Digitized by Google

порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ — законовъ, которыми скрѣпляются брачные узы? — Не порицаю, сказалъ бы я. — А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго, и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы завѣдывающіе сими дѣлами, не хорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ? — Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получивъ такое воспитаніе и образованіе, можно ли тебѣ во-первыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, — ты имѣешь право противудѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца, и праву господина, если онъ былъ у тебя; ибо, страдая, тебѣ непозволительно было подвергать страданію, слушая брань, противорѣчить, принимая побои, бить, — и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ дѣлать это въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣшаешься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ, законы и отечество; и говоришь, что твой поступокъ справедливъ, — говоришь ты, ревнитель истины и добродѣтели? Такова-то твоя мудрость! Ты забылъ, что отечество почтеннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ и предъ богами, и предъ людьми умными; что предъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно гнѣвается, покорствовать и угождать ему болѣе, чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать, — надобно или уговорить его, или дѣлать, предписываетъ ли страдать, — надобно страдать, притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти: не уклониться, не отступать, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ сдѣлать то, что повелѣваетъ общество и отечество; или ужъ показать ему, въ чемъ состоитъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво; а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже.

Мы ограничимся этими выписками.

Изъ нашихъ выдержекъ, читатели между прочимъ могли уже составить понятіе о русскомъ переводѣ Платоновыхъ твореній, понятіе, конечно, не очень выгодное для переводчика, не смотря на имя Платона, которое, по мнѣнію его, стоя на заглавномъ листѣ кни-

Digitized by Google

ги само говорить за свою книгу. Согласны и мы, что русской литературѣ стыдно было бы передъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы; но усвоитъ ли теперь наша литература? В. И. Карновъ слишкомъ боится, что Платонъ не узнаетъ въ его переводѣ перевода; переводъ, вѣрно, узнаетъ, а свое сочиненіе ужъ едва ли. Ужели это живой, роскошный, цвѣтистый языкъ Платона, которому дивились современники, какъ явленію не бывалому ни въ какой періодъ греческой образованности? это ли языкъ олимпійскаго двора? ужели бы Юпитеръ сталъ говорить такъ, если бы вздумалъ поговорить по-человѣчески: «Увидѣвъ меня, неожиданно вошедшаго, они тотчасъ, кто откуда, раскланивались со мною издали. — Тебѣ-то такъ кажется, Хармидъ, что если самъ ты не знаешь мыслей человѣка, который разсудительность поставляетъ въ дѣланіи своего, то уже и онъ незнаетъ. — Надлежащій изслѣдователь будетъ разсматривать врача въ кругу здоровья и болѣзней, дѣйствительно ли онъ искусный врачь (ъ). — *Сократъ.* А любимое не есть ли нѣчто бываемое, или нѣчто страдательное въ отношеніи къ чему-нибудь? *Эвтифронъ.* Конечно. *Сократъ.* Значитъ и оно таково же, какъ прежнее. — Скажи же, почтеннѣйшій, искусство служить богамъ въ исполненіи какого дѣла услуживаетъ? Ты, безъ сомнѣнія, знаешь это, поколику самъ говоришь, что лучше всѣхъ разумѣешь предметы божественные. — *Сократъ.* Ну, а изъ многихъ и прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, которое главное? *Эвтифронъ.* Я недавно сказалъ тебѣ, Сократъ, что узнать съ точностію состояніе всего этого весьма не легко. — Потому, любезнѣйшій, что жажду твоей мудрости и прилагаю къ ней умъ свой, чтобы не уронить не одного слова. — *Менонъ.* Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ не знаешь что такое добродѣтель? А что, если мы скажемъ объ этомъ дома?» — Со-

Digitized by Google

кратъ отвѣчаетъ, вѣрно, на смѣхъ Менону: «Не только объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ, сколько я помню, никогда не случалось встрѣчать и другаго, который зналъ бы это.—Попытаемся сказать, что̀ такое фигура. Смотри, не покажется ли тебѣ слѣдующее: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ.—Какъ ты говоришь? чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока мнитъ правильно?» И такихъ фразъ очень много. Ужели мысль Платона оттѣняется лучше, если вмѣсто чисто-русскихъ словъ вставляются слова приказныхъ бумагъ и древнихъ славянскихъ книгъ, какъ-то: кичитъ, мнитъ, досадительный, удободоказательный, предтеча, бываемый, таковый и, любимое слово переводчика, поколику. Встрѣчать такія выраженія тѣмъ болѣе непріятно, что есть мѣста чудесно переведенныя по-русски, по которымъ можно судить, что переводчикъ очень хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ. Но еще въ общемъ введеніи къ Платоновымъ разговорамъ, мы замѣчаемъ нерасположенность переводчика къ языку общепонятному, живому и изящному; напротивъ видна отеческая любовь къ кабинетному нарѣчію, погребенному въ философскихъ словаряхъ, якобы приличествующему идеямъ философа, поколику философъ имѣетъ идеи. Этому обстоятельству мы, по-крайней-мѣрѣ, обязаны тѣмъ, что можемъ объяснить себѣ значеніе философскихъ идей. Идеи, говоритъ переводчикъ, жительницы міра духовнаго и только минутныя гостьи земли. Самое замѣчательное и характерическое свойство этихъ минутныхъ посѣтительницъ нашей земли, — это способность тускнѣть и темнѣть болѣе и болѣе; онѣ темнѣютъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ обыкновенныхъ формъ человѣческой мысли, еще болѣе темнѣютъ, облекаяся въ человѣческое слово, и, вѣроятно, еще и еще болѣе темнѣютъ, когда задумаютъ просвѣтлить ихъ. Но какъ идеи на минуту только посѣщаютъ

Digitized by Google

земаю, то можно догадываться, что онѣ, хоть потенціальныя, опять возвращаются на свою родину, въ міръ духовный; отсюда само-собою выходитъ, что «слово идетъ за идеей назади и формуетъ одну тѣнь ея, одинъ слѣдъ, оставленный ею земному мыслителю.» Теперь очень ясно, почему философія такъ темна, почему необходимо кабинетное нарѣчіе; непонятно только, какъ идеи Платона созрѣли и образовались въ его душѣ прежде, чѣмъ готовы были формы, слова и выраженія, для воплощенія его идей. Впрочемъ господинъ переводчикъ заслуживаетъ большой благодарности за свои труды. Къ каждому разговору онъ прилагаетъ свое введеніе и нѣсколько дѣльныхъ философическихъ примѣчаній.

Digitized by Google

Отдѣленіе VII.

Смѣсь.

индѣйская миѳологія. Индія, – по мнѣнію многихъ ученыхъ, – первый пріютъ человѣческой образованности, центръ обширнаго круга идей, изумляетъ насъ съ одной стороны, своею смѣлой и отвлеченной философіею, а съ другой – узорчатой тканью поэтическихъ вымысловъ, какими изпестрило религіозныя истины гигантское воображеніе браминовъ. Читая Веды, вы то переноситесь изъ роскошнаго поэтическаго міра въ міръ глубокаго философскаго размышленія, то съ высоты созерцанія, не знающаго никакихъ препятствій, смѣло перелетающаго за границы видимаго, вдругъ спускаетесь къ мелочамъ, къ какимъ-то дѣтскимъ сужденіямъ о предметахъ самыхъ маловажныхъ. Эта смѣсь высокаго и пустаго особенно замѣтна въ индѣйскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, гдѣ величественное изображеніе божества запутывается въ фантастическихъ формахъ многобожія. Подобно Египтянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, Индѣйцы признаютъ безчисленное множество боговъ, вѣрятъ

Digitized by Google

въ ихъ различныя похожденія, въ родѣ олимпійскихъ, съ умиленіемъ читаютъ исторію ихъ взаимныхъ ссоръ и любовныхъ интригъ.

Многіе Европейцы, думая смягчить форму индѣйскаго идолопоклонства, увѣряютъ, что поклонники Брамы, Вишну и Шивы смотрятъ на всѣ предметы своего боготворенія, какъ на эмблемматическія изображенія верховнаго божества: но надо сказать, что простой народъ совсѣмъ не тѣхъ мыслей; онъ твердо вѣритъ въ дѣйствительное бытіе боговъ и богинь, которые независимо и самовластно распоряжаются каждый въ своемъ участкѣ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ суевѣрные обряды выродились изъ аллегорическаго представленія истиннаго божества, которое теперь совершенно забыто, и кто вздумалъ бы имъ напомнить это, тотъ въ глазахъ толпы показался бы еретикомъ.

«Большая часть браминовъ, говоритъ одинъ ученый Индѣецъ, не въ состояніи оправдать идолопоклонства, которое они поддерживаютъ до-сихъ-поръ въ народѣ. Если потребовать отъ нихъ отчета въ ихъ религіозныхъ суевѣрныхъ обрядахъ, то они и не подумаютъ защищать себя никакими умственными доказательствами; но просто сошлются на обыкновеніе предковъ, какъ на положительный авторитетъ. Нѣкоторые изъ нихъ возстаютъ противъ меня за то, что я оставилъ идолопоклонство, чтобы чтить истиннаго и вѣчнаго Бога. Желая оправдать мою собственную вѣру вѣрою предковъ, я съ нѣкотораго времени стараюсь указать моимъ соотечественникамъ истинное значеніе нашихъ священныхъ книгъ и доказать имъ, что я не заслуживаю ихъ порицанія.

«Полный кодексъ индѣйскаго богословія, законовъ и литературы содержится въ ведахъ, которыя, по вѣрованію народа, современны мірозданію. Эти творенія чрезвычайно обширны и написаны слогомъ высокимъ и метафорическимъ; и потому-то, какъ можно догадываться, въ нихъ часто встрѣчаются противорѣчія. Уже болѣе двухъ-тысячъ лѣтъ, какъ великій Віаса, встрѣчая непрестанныя затрудненія въ этихъ источникахъ религіи, сдѣлалъ изъ нихъ извлеченія и согласилъ многіе противорѣчащіе тексты. Его твореніе называется

Digitized by Google

Веданта, то есть, цѣль всѣхъ ведъ, и до-сихъ-поръ уважается всѣми Индѣйцами и пользуется одинаковымъ авторитетомъ съ ведами. Но смыслъ въ ней закрытъ подъ темнотою санскритскаго языка; и такъ какъ одни брамины имѣютъ право толковать ее, то Веданта мало извѣстна народу и потому-то немногіе исполняютъ ея правила.»

Эти слова мы выписали изъ предисловія къ переводу Веданты съ санскритскаго на англійскій языкъ, Рам-могун-роя, ученаго брамина, недавно умершаго въ Англіи. Еще прежде онъ перевелъ это твореніе на языки индостанскій и бенгальскій и даромъ роздалъ свой переводъ соотечественникамъ своимъ, съ цѣлію обратить къ чистымъ формамъ древней религіи, а послѣ ознакомилъ съ нимъ и Европейцевъ, чтобы показать, какъ онъ всегда выражается, что суевѣрные обряды, обезобразившіе индѣйскую религію, не имѣютъ ничего общаго съ истиннымъ духомъ ея ученія.

Предоставляя ученымъ браминамъ отыскивать и толковать истинное ученіе ведъ, изложимъ индѣйскую миѳологію въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ общенародномъ вѣрованіи Индѣйцевъ.

Брама извѣстенъ подъ многими именами: Брума, Бирма, Бирмъ, Брема, но всѣ эти названія различаются только въ произношеніи. Ему не воздвигаютъ храмовъ и не воздаютъ должнаго почтенія. Только одни брамины каждое утро возсылаютъ къ нему свои молитвы, и совершаютъ въ честь его *Сандиване*.

Причина такой холодности и непочтенія къ лицу Брамы — его гордость. Брама, владѣя силою творческою, слишкомъ замечтался о себѣ, вздумалъ поровняться съ Шивою и перещеголять Вишну, котораго и разругалъ на пропалую. Вишну рѣшился отмстить Брамѣ. Между ними завязалась страшная драка; звѣзды падали съ тверди небесной, міры (андонъ *) разрушались и земля трепетала. Деверкли съ испуга закрыли глаза и съ стѣсненнымъ сердцемъ пришли къ Девендрену, который при-

* *Андонъ* — это видимый міръ, гдѣ есть солнце, земля, звѣзды и планеты; все это окружено круглою и твердою скорлупою. Андоновъ, по мнѣнію Индѣйцевъ, безчисленное множество.

Digitized by Google

велъ ихъ на Кайлассонъ. Деверкли молили о помощи, и божество, разлитое во всѣхъ душахъ, какъ масло въ зернѣ женжели (маслянистое растеніе), сочувствовало къ ихъ страданіямъ и явилось передъ соперниками въ видѣ безконечнаго огненнаго столба. Замѣтивъ этотъ столбъ, Брама и Вишну присмирѣли, и, чтобы дружески окончить ссору, рѣшили съ общаго согласія за тѣмъ оставить первенство, кто достигнетъ подножія или вершины столба. Вишну превратился въ кабана и клыками пробилъ землю до самаго *падалова* (страна ниже земли); въ одно мгновеніе онъ проносился тысячу кадоновъ (кадонъ—три мили); но прошли тысячи лѣтъ, и онъ все не достигъ до подножія столба. Истомленный, измученный, онъ воротился назадъ по той же дорогѣ и, на силу, дотащился до прежняго мѣста. Тогда онъ узналъ божество и обратился къ нему съ молитвою.

Брама не больше былъ счастливъ въ своихъ поискахъ вершины столба. Въ видѣ птицы *анноя* (родъ лебедя) онъ въ одну секунду поднялся на двѣ тысячи кадоновъ; но напрасно носился онъ въ воздушномъ пространствѣ сто тысячъ лѣтъ; его силы истощились и онъ не могъ болѣе летать; одумался Брама и призналъ божество, которое, для испытанія его бросило ему цвѣтокъ *кальдеира*; * Брама взялъ его въ руки; но цвѣтокъ, имѣвшій способность говорить, умолялъ Браму пустить его на волю. Брама согласился на это съ условіемъ, чтобы цвѣтокъ проводилъ его до Вишну и засвидѣтельствовалъ, будто онъ, Брама, видѣлъ вершину столба. Дѣйствительно Брама явился съ цвѣткомъ передъ Вишну, насказалъ ему, что онъ видѣлъ самую верхушку столба, а въ подтвержденіе своего хвастовства указалъ на цвѣтокъ, какъ на свидѣтеля и очевидца. Цвѣтокъ заикнулся было сказать «да»; но вдругъ огненный столбъ рухнулъ, восемь слоновъ, поддерживающихъ міръ (ашгекедтаны) изрыгнули кровь, и облака запылали. Божество со смѣхомъ явилось среди столба; смѣхъ

* Это дерево извѣстно на Иль-де-франсѣ. Его вѣтви, выходя изъ ствола, падаютъ на землю и пускаютъ новые корни и вѣтви.

Digitized by Google

его напоминалъ подобный случай при разрушеніи Тирибуроновъ. *** Тогда Вишну много разъ бросался къ ногамъ его, а Шива, тронутый такимъ раскаяніемъ, простилъ его.

Брама стоялъ, какъ вкопаный. Шива проклялъ его и сказалъ, что ему, какъ лжецу, никогда не будутъ строить на землѣ храмовъ, ни совершать каждодневныхъ обрядовъ *путше;* а цвѣтку кальдеира запретилъ являться въ своихъ храмахъ. По этому Индѣйцы употребляютъ цвѣтъ кальдеира только при служеніи Поллеару, Супраманьеру, и Вишну; но никогда не приносятъ его Шивѣ.

Опомнился Брама; искреннее раскаяніе наполнило его сердце, и онъ палъ передъ Шивою и умолялъ о милосердіи. Шива сжалился надъ виновнымъ, и простилъ его. «Твоя гордость, сказалъ онъ, лишила тебя путше; но за твое раскаяніе брамины будутъ совершать богослуженіе въ честь тебѣ.» Съ этими словами, онъ исчезъ.

Въ воспоминаніе такого превращенія Шивы, у Индѣйцовъ установленъ праздникъ *паорноми.*

Брама женился на Сарассуади, богинѣ знанія и гармоніи. Она родилась изъ волнъ молочнаго моря, когда Деверкли и Амурры извлекли изъ него *амурдонъ* (нектаръ). Ее считаютъ богинею языковъ; къ ней обращаются съ молитвою, когда дѣти еще начинаютъ говорить; равно и въ школахъ, гдѣ они учатся читать и писать; но ей не строятъ храмовъ. Изображаютъ ее съ книгой въ рукѣ и съ музыкальнымъ инструментомъ; это эмблемма знанія и гармоніи.

Миѳъ о борьбѣ Вишну и Брама, кажется, указываетъ на паденіе секты Брамы, подорванной сектами Вишну и Шивы. Въ воспоминаніе такого происшествія въ нѣкоторыхъ храмахъ покланяются божеству подъ именемъ *Сангара-Нараннемъ*, что значитъ соединеніе Шивы и Вишну; божество это представляется по полямъ синяго и бѣ-

*** Это три крѣпости — золотая, серебряная и желѣзная, въ которыхъ укрывались амурры, тревожившіе деверклей; но одинъ смѣхъ Шивы обратилъ въ прахъ эти крѣпости.

Digitized by Google

лаго цвѣта, чтобы выразить соединеніе двухъ боговъ, составляющихъ одно.

Брама былъ первымъ законодателемъ Индѣйцевъ, научилъ ихъ искусствамъ, знанію и земледѣлію; потому-то они обоготворили его, смотрѣли на него, какъ на творца, и придумали, будто онъ женился на богинѣ знанія. Брама представляется съ четырьмя руками и четырьмя головами; это, по толкованію Индѣйцевъ, эмблемма четырехъ священныхъ книгъ, ведъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ кругъ, символъ безсмертія; въ другой огонь, знакъ силы; а двумя остальными онъ пишетъ на книгѣ, что выражаетъ достоинство законодателя.

Вишну — божество сохраняющее. Онъ извѣстенъ подъ именами: Висну, Вистену, Бистену, Вишнумъ; въ нѣкоторыхъ храмахъ обожаютъ его подъ именемъ Ягрената и Кишену; въ другихъ подъ именемъ Парудона, Буды, Нараинемъ, Перумаль, Мосни или Могени и Адиссеша. Вишну женился на двухъ женахъ, на Латшими, богинѣ богатства, которую представляютъ единственною красавицею и считаютъ матерью міра, и Бумидеви, богинѣ земли. Латшими родилась изъ волнъ молочнаго моря, а сама родила Вишну сына, Манмодина, божка любви, котораго Индѣйцы не ставятъ въ ряду божествъ.

Манмадинъ не много отличается отъ купидона; его изображаютъ также малюткой, съ колчаномъ за плечами, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ; лукъ его только сдѣланъ изъ сахарнаго тростника, а стрѣлы изъ цвѣтовъ. Онъ сидитъ на попугаѣ. Не смотря на его малолѣтство, ему даютъ въ супруги *Ради* (Ради значитъ сладострастіе). Индѣйцы представляютъ Ради прекрасною женщиной, которая стоитъ на колѣняхъ на конѣ и пускаетъ стрѣлу. Она дѣйствуетъ за одно съ своимъ мужемъ. Имъ обоимъ не строятъ храмовъ и даже не дѣлаютъ отдѣльныхъ статуй, но вырѣзываютъ ихъ изображенія на стѣнахъ храмовъ, посвященныхъ Вишну.

Вишну имѣлъ еще двухъ дочерей отъ Латшими — *Шондаровали* и *Амурдавали*. Обѣ онѣ вышли за-мужъ за *Супро-*

Digitized by Google

манеера. Это также сынъ Вишну, котораго онъ родилъ самъ, во время своего превращенія въ женщину, подъ именемъ *Мойени*. Форму женщины онъ принималъ для того, чтобы обольстить гигантовъ и похитить у нихъ амурданъ. Шива, увидѣвъ женщину – Вишну, такъ плѣнился ея красотою, что не выдержалъ и сталъ отцемъ *Айенара*, котораго Индѣйцы считаютъ покровителемъ мира и благоустройства, хотя не вносятъ его въ число перворазрядныхъ боговъ. Храмы ему строятся въ лѣсахъ, вдали отъ дорогъ, но никогда въ городахъ. Ихъ можно узнать по множеству глиняныхъ коней, которые ставятся подъ кровлею, внѣ храмовъ. Близъ этихъ храмовъ не позволяютъ ни ѣздить, ни ходить въ обуви. По-этому, вѣроятно, они и строятся въ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Аейнару приносятъ кровавую жертву, именно, пѣтуховъ и козлятъ.

Индѣйцы считаютъ двадцать одно воплощеніе Вишну; но главными изъ нихъ признаются только девять, въ которыхъ Вишну воплощался всѣмъ своимъ божествомъ. Этимъ-то девяти воплощеніямъ строятъ храмы и въ священныхъ книгахъ разсказывается объ нихъ подробно. Въ прочихъ же воплощеніяхъ участвовало не все божество Вишну.

Въ первый разъ Вишну воплотился въ рыбу, чтобы спасти отъ потопа царя Саттіаврату и его жену. Вишну покровительствовалъ имъ въ видѣ рыбы и служилъ ихъ судну вмѣсто руля. Когда сбыла вода, Саттіаврата сошелъ на землю и сдѣлался родоначальникомъ новыхъ обитателей земли. Въ этомъ воплощеніи обожаютъ Вишну подъ именемъ *Матина-Ватарань*. Въ то же время Вишну побѣдилъ гиганта Канагакху, который похитилъ у Брамы четыре веды и проглотилъ ихъ. Вишну распоролъ ему брюхо и нашелъ только три веды, четвертая уже истлѣла.

Другой разъ Вишну воплотился въ черепаху. Боги и гиганты, желая пріобрѣсть безсмертіе, по совѣту Вишну, перенесли гору *Мандрешри* въ молочное море, чтобы извлечь изъ него амурданъ. Гору обвертѣли змѣемъ *Адиссемою*; одни схватили змѣя за голову, другіе за хвостъ и стали вертѣть гору, чтобы спахтать изъ моря масло.

Digitized by Google

Но змѣй не вытерпѣлъ; затрясся всѣмъ тѣломъ и тысячи зѣвовъ оглушили вселенную свистомъ. Изъ глазъ его брызнулъ пламенный потокъ; затрепетали тысячи черныхъ языковъ; онъ изрыгнулъ страшный ядъ, который мгновенно разлился повсюду. Боги и гиганты струсили и дали тягу; но Вишну собралъ этотъ ядъ и натеръ имъ тѣло, которое тотчасъ сдѣлалось синимъ. Въ память этого происшествія, почти во всѣхъ храмахъ, Вишну предоставляется синяго цвѣта. Ободренные Вишной, боги и гиганты снова принялись за работу и безъ устали трудились тысячу лѣтъ. Гора мало-по-малу осѣла въ море, тогда Вишну превратился въ огромнѣйшую черепаху, нырнулъ въ глубь и легонько приподнялъ гору. Всѣ боги въ одинъ голосъ хвалили его удальство и общими силами принялись ворочать гору. Уже спустя много столѣтій, вышла изъ молочнаго моря корова *Камадему;* а за нею конь *Утшизаравамъ* и бѣлый слонъ *Аирападамъ*; въ заключеніе выплыло еще изъ моря дерево *Калпага Врутшанъ*. За ту же работу принялись еще три богини, *Латшими*, *Сарассуди* и *Мудеви*, богиня ссоръ и несчастій. Съ первыми мы знакомы; послѣднюю представляютъ въ видѣ женщины зеленаго цвѣта, которая сидитъ на ослѣ и держитъ въ рукѣ знамя, съ изображеніемъ ворона.

Изъ глубины моря вышелъ Вишну въ видѣ лекаря съ сосудомъ, который былъ наполненъ амурданомъ. Вишну подѣлился этимъ напиткомъ только съ богами. Гиганты, разсердившись на такой обманъ, разбрелись по землѣ, запрещали приносить богамъ жертвы и разными жестокостями заставляли обожать себя. Чтобы истребить это племя, ненавистное богамъ, Вишну являлся въ различныхъ видахъ.

Во всѣхъ почти миѳологіяхъ гиганты воюютъ противъ боговъ. Миѳъ индѣйскій чрезвычайно сходенъ съ миѳологіею другихъ народовъ. Египетскій тифонъ, выходящій изъ озера и отравляющій все своимъ ядовитымъ дыханіемъ, кажется, скопированъ со змія адиссема. Нектаръ напоминаетъ амурданъ. Богиня Латшими, дочь молочнаго моря, это Венера-Аѳродита.

Digitized by Google

Вишну долженъ былъ воплотиться въ третій разъ. Гигантъ *Еренїакшасса*, послѣ различныхъ жестокостей вздумалъ было пошутить, и опрокинулъ землю въ море; Вишну на этотъ разъ явился въ видѣ кабана, напалъ на гиганта и распоролъ ему брюхо; потомъ нырнулъ въ море, чтобы вытащить оттуда землю, схватилъ ее клыками и по прежнему поставилъ на поверхность водъ, а для большей крѣпости подперъ ее множествомъ горъ.

И еще разъ долженъ былъ воплотиться Вишну, чтобы проучить гиганта *Еренію*. Этотъ гигантъ, по милости Брамы, не могъ умереть ни отъ боговъ, ни отъ людей, ни отъ животныхъ. Пользуясь такимъ преимуществомъ, онъ выдалъ себя за бога во всемъ своемъ царствѣ; только сынъ его *Проголяда*, изъ благодарности къ Вишну не хотѣлъ обожать отца. Ни ласки, ни угрозы, ни мученія, ничто не помогло: онъ смѣло говорилъ своему отцу, что богъ, которому онъ поклонялся, былъ всемогущъ, любилъ своихъ поклонниковъ и былъ грозою враговъ. Еренія отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы узнать получше, гдѣ скрывается такой всесильный богъ, и посчитаться съ нимъ. Проголяда говоритъ, что онъ живетъ на всякомъ мѣстѣ и все наполняетъ своимъ божествомъ. Не найду ли я его вотъ здѣсь? закричалъ взбѣшенный Еренія, и ударилъ рукою по одной колоннѣ своего дворца. Колонна треснула, и Вишну явился съ львиной головою и съ человѣческимъ тѣломъ, въ такомъ видѣ, какой и не грезился Еренію въ его договорѣ съ Брамою, который судилъ ему не умирать ни отъ боговъ, ни отъ людей, ни отъ животныхъ. Гигантъ сцѣпился съ Вишну, но послѣдній разтерзалъ его и выпилъ всю кровь.

Въ пятый разъ Вишну воплотился въ брамина карлика, подъ именемъ *Вамы*. Дѣло вотъ въ чемъ: гигантъ *Бели* побѣдилъ боговъ и выгналъ ихъ изъ *Сорюна*, но онъ былъ благодаренъ, вѣренъ своему слову и милостивъ. Разъ, Бели приносилъ жертву; Вишну явился къ нему въ видѣ маленькаго брамина и просилъ клочка земли въ три шага, чтобы построить хижину. Бели захохоталъ, взглянувъ на карлика, и сказалъ, что онъ не долженъ отказать въ его мелочной просьбѣ и можетъ подарить гораздо больше.

Digitized by Google

Вама отвѣчалъ: я такъ малъ, что мнѣ слишкомъ довольно и трехъ шаговъ. Гигантъ согласился, и въ знакъ удостовѣренія налилъ воды на правую руку карлика. * Но въ ту же минуту карликъ выросъ на удивленіе, его тѣло заняло цѣлую вселенную; однимъ шагомъ онъ измѣрялъ землю, другимъ небо и наконецъ потребовалъ отъ Бели сдержать свое слово — дать мѣсто еще на шагъ. Бели угадалъ въ браминѣ Вишну, поклонился ему и подставилъ свою голову. Вишну удовольствовался только его покорностію, послалъ его царствовать въ преисподнюю, и позволилъ ему являться на землѣ однажды въ годъ, въ день ноябрскаго полнолунія.

Въ шестой разъ Вишну явился въ видѣ человѣка, подъ именемъ *Рама*. На этотъ разъ Вишну родился отъ царя айодскаго, быть-можетъ сіамскаго. Пятнадцати лѣтъ онъ покинулъ отцовскій домъ и рѣшился жить отшельникомъ. Взявъ съ собою *Сиде*, свою жену, и *Латшумана*, своего брата, онъ пошелъ къ берегамъ Ганга, переправился чрезъ него и поселился на горѣ *ситрекондонъ*; тамъ наставлялъ онъ своихъ учениковъ и передалъ имъ догматъ о душепереселеніи. Потомъ прошелъ пустыни эндагареніонскія, въ которыхъ останавливался на десять лѣтъ, пріобрѣлъ прозелитовъ и служилъ кающимся. Истребивъ въ конецъ гигантовъ, которые нарушали жертвоприношенія и молитвы отшельниковъ, онъ удалился въ пустыню *панжіавади*. Тамъ построилъ хижину, чтобы окончить свое покаяніе.

Надѣясь на множество послѣдователей, онъ хотѣлъ распространить свое ученіе въ Цейланѣ. Но *Равана*, царь этого острова, владѣя многочисленнымъ войскомъ, не думалъ страшиться Рамы; не разъ онъ одерживалъ надъ нимъ побѣду и даже отнялъ у него жену Сиде. Рама замышлялъ мщеніе, и для вѣрнаго успѣха подкупилъ брата Раваны, *Вибушану*, посуливъ ему престолъ брата. Вибушана взялся быть кормчимъ Рамы. Рама и Равана столкнулись на морѣ; завязалась

* Это обыкновеніе встрѣчается и теперь еще въ Индіи. Индѣецъ не можетъ дать никакого подарка браминy, не наливъ ему воды на руку; безъ того онъ не подаетъ ему и бетеля.

Digitized by Google

страшная битва, и Равана погибъ. Кающіеся окружили Раму, славили въ пѣсняхъ и забросали его цвѣтами. Исполняя обѣщаніе, онъ вѣнчалъ на царство Вибушану и возвратилъ свою супругу. Послѣ этого, онъ отправился домой, взошелъ на престолъ своего отца, Дессарады, и царствовалъ одиннадцать тысячъ лѣтъ; послѣ чего передалъ вѣнецъ двумъ своимъ сыновьямъ и удалился въ *Вайкондомъ* (эдемъ Вишну), гдѣ царствуетъ и теперь и охраняетъ всю вселенную.

Въ храмахъ, посвященныхъ этому воплощенію, Вишну изображаютъ въ видѣ прекраснаго молодаго человѣка зеленаго цвѣта, съ лукомъ и стрѣлами. Возлѣ него стоитъ Анумаръ, въ ожиданіи его приказаній. Въ тѣхъ же храмахъ вы встрѣтите картину гиганта съ десятью головами, синяго цвѣта, и двадцатью руками; въ каждой его рукѣ множество различныхъ орудій, символовъ его могущества и силы.

Исторія Рамы занимаетъ огромный томъ, гдѣ нестрѣютъ прекрасныя и высокія размышленія. Индѣйцы до безконечности любятъ эту книгу, потому, какъ говорятъ они, что изъ нея они научаются всему; и съ такимъ удовольствіемъ перечитываютъ ее, что самые поклонники Шивы заучиваютъ ее на память.

Въ седьмой разъ Вишну явился тоже въ видѣ человѣка, подъ именемъ *Балапатры*. Балапатра не зналъ, что онъ составлялъ часть Вишну, жилъ въ пустынѣ, какъ кающійся, истреблялъ злодѣевъ, какихъ ему удавалось встрѣчать, и освободилъ землю отъ гигантовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Врутарассурерь*, потому-что онъ своими жестокостями принудилъ людей обоготворить себя и приносить себѣ жертвы.

Восьмой разъ Вишну принялъ также образъ человѣка и назывался *Парассурама*. Цѣль его была научить людей добродѣтели и внушить отвращеніе къ мірскимъ благамъ.

Парассурама объявилъ войну царямъ, дѣтямъ солнца, уничтожилъ ихъ и роздалъ ихъ царства браминамъ. Послѣ такого подвига, онъ рѣшился-было удалиться въ уединенный уголъ завоеванной имъ страны, и тамъ спокойно окончить свою жизнь. Но, встрѣтивъ вездѣ нерасположеніе къ себѣ, онъ уединился на гатскихъ горахъ, при подошвѣ которыхъ тогда еще шумѣли волны. Онъ молил-

Digitized by Google

ся богу моря, Варунѣ, чтобы тотъ немного отодвинулъ свои воды и далъ ему мѣсто для житья; онъ столько просилъ у него земли, сколько пролетитъ пущенная имъ стрѣла. Варуна согласился на это. Случился тутъ кающійся братъ, Нарадеръ, и замѣтилъ Варунѣ его неосторожность, сказавъ, что онъ имѣетъ дѣло съ Вишну, который, пожалуй, броситъ стрѣлу за море, такъ что Варуна не найдетъ и мѣста для своихъ водъ. Варуна, не зная какъ отдѣлаться отъ своего обѣщанія, обратился съ покорною просьбою къ богу смерти помочь ему въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Богъ смерти превратился въ бѣлаго журавля и ночью подползъ къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Парассурама; пользуясь темнотою, онъ подточилъ тетиву лука, такъ что она чуть держалась. Парассурама, не замѣтивъ этой продѣлки, утромъ пошелъ къ морскому берегу и изо всей мочи хотѣлъ пустить стрѣлу, но тетива лопнула и стрѣла упала вблизи. Пространство, которое она пролетѣла, высохло и образовало страну *Маліамонъ*, то есть, берегъ малабарскій. Парассурама, вспомнивъ неблагодарность браминовъ, проклялъ ихъ и рѣшилъ, если какому брамину прійдется умереть въ этомъ новомъ жилищѣ, то онъ долженъ возвратиться на землю въ видѣ осла.

По преданіямъ, Парассурама живетъ и теперь на берегу малабарскомъ, гдѣ его изображаютъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Напротивъ, на берегу коромандельскомъ представляютъ его съ пріятною наружностью, съ топоромъ въ одной рукѣ и съ опахаломъ изъ пальмовыхъ листьевъ въ другой.

Въ этой баснѣ Индѣйцы, кажется, хотѣли передать своимъ потомкамъ, что море омывало нѣкогда гадскія горы.

Въ девятый разъ Вишну воплотился въ чернаго пастуха, подъ именемъ *Кришну*, что значитъ черный. Онъ родился отъ Девани, сестры Каньзна, царя мадурскаго. Такъ какъ этому государю было предсказано, что осьмое дитя Деваки убьетъ его, то онъ умерщвлялъ дѣтей ея тотчасъ послѣ ихъ рожденія и сгубилъ уже семе-

Digitized by Google

рыхъ; потомъ удвоилъ стражу, чтобы не пропустить рожденія осьмаго. Но Вишну достигъ своей цѣли. У Ассуады и Нандагабы, начальника пастуховъ деревни Гокуламъ, родилась дочь въ то самое время, когда родился Вишну. Только-что успѣлъ родиться Вишну, имѣлъ онъ уже способность говорить, и сказалъ, чтобъ его тотчасъ отнесли къ Ассуадѣ, а на его мѣсто положили дочь этой крестьянки. Изъ числа стражей, присматривавшихъ за Девакой, на ту пору былъ одинъ Дондуби, всей душой привязанный къ Вишну. Онъ-то взялъ новорожденнаго, отнесъ его къ Ассуадѣ, еще лежавшей въ безпамятствѣ, и положилъ его вмѣсто ея дочери, которую принесъ къ Девакѣ. Каньэнъ, прослышавъ, что сестра его родила, прибѣжалъ къ ней, какъ сумасшедшій, и сколько Девака ни молила за жизнь дѣвочки, напрасны были ея слезы; онъ вырвалъ изъ рукъ ея младенца, схватилъ его за ноги, чтобы размозжить ему голову о камень; но дитя толчкомъ въ брюхо свалило его и явилось въ воздухѣ въ видѣ осьмирукой богини. «Твой племянникъ, сказала она, самъ Вишну; онъ воплотился съ тѣмъ, чтобы умертвить тебя; напрасны будутъ всѣ твои поиски; онъ въ надежномъ мѣстѣ.» Съ этими словами она исчезла.

Каньэна давили темныя думы; безпрестанно мерещился ему Вишну, готовый убить его. Послѣ безплодныхъ поисковъ по всему царству, онъ приказалъ истребить всѣхъ дѣтей мужескаго пола, но Ассуада такъ хорошо спрятала Кришну, что его никакъ не могли открыть. Въ первые годы онъ пасъ стада, предавался невиннымъ играмъ пастушеской жизни; гармоническіе звуки его флейты привлекали къ нему животныхъ и услаждали пастуховъ и пастушекъ; онъ пріобрѣлъ ихъ любовь, когда убилъ змѣя *Каленама*, который жилъ въ рѣкѣ *Йомунади*. Это чудовище было такъ ядовито, что вѣтеръ, пахнувшій надъ его жилищемъ, наносилъ смерть всему, что встрѣчалось на пути. Кришну спрыгнулъ въ рѣку, змѣй бросился на него, обвилъ его своими кольцами и хотѣлъ задушить; но Кришну скоро выпутался, схватилъ змѣя за хвостъ, сталъ ногою на голову и раздавилъ его. Въ память этого проис-

Digitized by Google

шествія въ храмахъ Вишну изображаютъ Кришну съ обвившимся около него змѣемъ, который его жалитъ въ ногу; но на другихъ картинахъ Кришну прыгаетъ на головѣ змѣя. Подобныя картины можно видѣть и въ домахъ Индѣйцевъ.

Въ послѣдствіи Кришну предался разсѣянной жизни, перебилъ гигантовъ, которыхъ Каньэнъ посылалъ умерщвлять дѣтей въ своемъ царствѣ. Побѣды Кришну пріобрѣли ему почтеніе и привлекли на его сторону множество друзей, вѣрныхъ подражателей его разгульной жизни. Тогда съ многочисленной партіей вышелъ онъ противъ Каньэна, вызвалъ его на поединокъ и убилъ; немного спустя женился на семи женахъ и завелъ шестнадцать-тысячъ наложницъ.

Во время своего царствованія, Кришну помогалъ Дарморайѣ и многимъ другимъ добрымъ государямъ; тираны и гиганты гибли подъ его ударами Приближаясь къ старости и не желая пережить молодости, ознаменованной несчастіемъ, онъ приказалъ одному охотнику убить себя. По приказанію Дарморайя хотѣли сжечь трупъ его на кострѣ, но Кришну, умирая, завѣщалъ морю взять тѣло, прежде чѣмъ оно сгоритъ; и въ самомъ дѣлѣ только-что положили трупъ на костеръ, море хлынуло и увлекло его своими волнами. Паритшиту, преемникъ и племянникъ Дарморайя, видѣлъ во снѣ Вишну, который говорилъ ему: «Ступай на берегъ моря, тамъ найдешь ты мое тѣло, принесешь его и сокроешь въ храмѣ на шесть мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени, ты снова можешь открыть его для всѣхъ и воздавать ему почтеніе.»

Паратшиту съ многочисленною свитою и браминами, торжественно отправился на берегъ моря; тамъ нашелъ онъ тѣло Кришну и съ великою пышностію велѣлъ перенести его въ храмъ. Прошло три мѣсяца и царь, тревожимый любопытствомъ, захотѣлъ взглянуть на тѣло Кришну. Увидѣвъ, что тѣло превратилось въ камень, Паратшиту призналъ въ Кришну божество и воздалъ ему поклоненіе. То же самое тѣло Индѣйцы обожаютъ на берегу Ориссы, въ мѣстечкѣ *Шенаганаде*, извѣстномъ у насъ подъ именемъ *Яренатъ*. Это одно изъ самыхъ священныхъ мѣстъ. По

Digitized by Google

мнѣнію Индѣйцевъ нельзя получить спасенія, не совершивъ въ продолженіи жизни по-крайней-мѣрѣ одного путешествія въ Шенаганаде. По-этому каждый годъ, въ храмовой праздникъ, туда стекаются безчисленныя толпы народа.

Кришну походитъ на Аполлона, охранявшаго стада Адиссемы и поразившаго змѣя Пиѳона. У Индѣйцевъ въ чѣсть побѣды, одержанной Кришну надъ змѣемъ, много праздниковъ, которые можно сравнить съ играми пиѳійскими, установленными у Грековъ Аполлономъ.

Десятое воплощеніе Вишну случится при кончинѣ міра. Вишну явится на землѣ подъ видомъ коня, съ мечемъ въ одной рукѣ и щитомъ въ другой, и истребитъ злодѣевъ. Солнце и луна затмятся, вздрогнетъ земля и звѣзды спадутъ съ неба. Змѣй адиссема изрыгнетъ огонь, который сожжетъ всѣ міры, и всѣ твари погибнутъ.

Хотя послѣдователи Вишну вѣрятъ, что этотъ богъ вездѣсущъ, но преимущественно, они думаютъ, живетъ онъ въ Алкондонѣ и среди молочнаго моря, покоясь на змѣѣ адиссемѣ, который служитъ ему вмѣсто престола, и на которомъ онъ спитъ созерцательнымъ сномъ. Во всѣхъ храмахъ, Вишну представляется лежащимъ на пятиглавомъ змѣѣ.

У послѣдователей Вишну въ большомъ почетѣ камень *салаграманъ*, который, по мнѣнію Индѣйцевъ, представляетъ девять воплощеній Вишну. Онъ бываетъ цвѣта чернаго и фіолетоваго, ноздреватъ, форму имѣетъ овальную или круглую. Владѣтель держитъ его въ самомъ чистомъ полотнѣ; совершивъ утреннія умовенія, онъ моетъ и камень въ мѣдномъ тазѣ и обращается къ нему съ нѣкоторыми молитвами. Брамины, омывши его, кладутъ на жертвенникъ и окуриваютъ его, а предстоящіе преклоняются передъ нимъ; потомъ раздаютъ эту воду, какъ очистительное питье.

Шива — богъ разрушитель. Онъ извѣстенъ подъ многими другими именами, какъ Брама и Вишну и всѣ знаменитые боги древности. Послѣдователи Шивы не хотятъ, чтобы онъ имѣлъ соперника и считаютъ Браму и

Digitized by Google

Вишну его твореніемъ. *Парвади*, его жена, составляетъ часть его самого, или лучше сказать, онъ одинъ соединяетъ въ себѣ два пола, и въ этомъ случаѣ называется *Парашива* и *Парасати*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ храмахъ они представляются раздѣльно. Парвади походитъ на Рею іерополькую и Цибелу фригійскую.

Лингамъ или воспроизводительная сила, въ видѣ члена, посредствомъ котораго она проявляется въ природѣ, составляетъ самую священную форму, подъ какою обожаютъ Шиву, и всегда ставится въ святилищѣ храма Шивы.

Въ священныхъ книгахъ Индѣйцевъ есть преданіе, что гигантъ Ванажюра, сынъ знаменитаго Бели, для изображенія божества не могъ придумать лучше этой формы. Онъ принималъ пищу не иначе, какъ совершивъ молитву передъ тысячью лингамовъ, которые каждый день лѣпилъ изъ земли и послѣ молитвы бросалъ въ Гангъ. Индѣйцы думаютъ, что лингамы его работы окаменѣли, потому-что находятъ на берегу Ганга камни подобной формы. Кто найдетъ такой камень, ставитъ его на пьедесталъ. Впрочемъ камень получаетъ силу тогда, когда по молитвѣ брамина, въ него воплотится божество. Браминъ также учитъ хозяина, какія слѣдуетъ воздавать почести этому сокровищу.

Иначе разсказываютъ о происхожденіи лингама послѣдователи Вишну. Когда-то, говорятъ, кающіеся за свои молитвы и жертвоприношенія получили силу чудотворенія; но сохранить ее они могли только подъ условіемъ всегдашней чистоты сердца, что требовалось и отъ ихъ женъ. Шива, услышавъ какъ-то, что жены кающихся большія красавицы, задумалъ обольстить ихъ. Для этого онъ принялъ форму молодаго красиваго нищаго, а Вишну заставилъ превратиться въ прекрасную дѣвушку, и послалъ его къ кающимся. Вишну пришелъ туда и, проходя мимо ихъ, бросалъ такіе нѣжные взоры, что пустынники растаяли, покинули свои жертвы и пустились въ слѣдъ молодой красотки, какъ бабочка летитъ на огонекъ, блеснувшій во мракѣ ночи. Ихъ внутренняя горячка выражалась во всѣхъ движеніяхъ; они забросали дѣвушку вопросами, осыпали любезностями. «Мы не знаемъ, что̀ привело

Digitized by Google

тебя сюда, говорили они, но во всякомъ случаѣ позволь намъ вступить въ рядъ твоихъ поклонниковъ». Они таяли, какъ воскъ на огнѣ. Шива въ свою очередь, съ вазою въ рукѣ, напѣвая нищенскія пѣсни, прокрался въ жилище женщинъ. Заслышавъ прекрасный голосъ, женщины высыпали на улицу; красота пѣвца въ-конецъ вскружила имъ головы. Нѣкоторыя, въ забытьи, растеряли свои драгоцѣнные камни и епанчи и слѣдовали за нимъ, не замѣчая своей наготы; другія, желая дать ему рису, отъ разсѣянности, разроняли всѣ зерна; многимъ хотѣлось завести съ нимъ разговоръ, но какъ онъ не думалъ отвѣчать имъ, то съ досады запрещали своимъ подругамъ подавать ему милостыню. «Ты такъ очаровательнъ, говорили ему нѣкоторыя, длячего тебѣ просить милостыню у дверей, останься у насъ и ты въ тысячу разъ будешь счастливѣе.» Прекрасныя женщины приносили цвѣты и благовонные порошки и столько набросали къ его ногамъ, что улицы совершенно были покрыты ими. Нищій прошелъ эту деревню, но вышелъ изъ нея не одинъ; всѣ женщины провожали его до ближайшей рощи, гдѣ онъ получилъ отъ нихъ все, чего хотѣлъ.

Кающіеся замѣтили утрату своихъ силъ и недѣйствительность жертвоприношеній. Они угадали, что въ видѣ молодаго человѣка являлся Шива, а подъ формой дѣвушки Вишну. Ихъ гнѣвъ усилился, когда узнали, что Шива заставилъ неволею Вишну обольстить ихъ, и рѣшились умертвить его въ жертвоприношеніи.

Они совершили жертвоприношеніе, которое впрочемъ могло имѣть силу только по милости Шивы; жертвоприношеніе тотчасъ родило тигра. Пасть звѣря походила на пещеру горы, а ревъ — на раскаты грома; изъ глазъ его брызгало пламя. Кающіеся пали къ его ногамъ и умоляли умертвить Шиву; но Шива, содравъ съ тигра кожу, накинулъ ее на себя. Новое жертвоприношеніе произвело *мажу;* его послали противъ Шивы, но богъ взялъ его въ руку, такъ же какъ оленя, который бросился по приказанію кающихся и крикомъ своимъ привелъ въ трепетъ всѣ существа. Кающіеся еще посылали множество змѣй, изъ которыхъ Шива сдѣлалъ ошейники, испускавшіе страш-

Digitized by Google

ный крикъ. Кающіеся принуждали ихъ умертвить Шиву, но Шива заставлялъ ихъ служить себѣ, и они повиновались. За тѣмъ явилась голова; она прыгала и страшно завывала. Шива взялъ и голову, и приставилъ ее къ своей.

Съ досады, что по пустому тратили время на жертвоприношенія, кающіеся произвели гиганта *Муйэлашна* и просили его уничтожить Шиву, съ нимъ отправили къ Шивѣ жертвенный огонь; Шива взялъ огонь на руку и, опрокинувъ гиганта на землю однимъ толчкомъ ноги, забрался къ нему на спину. Всѣ деверкли прославили Шиву; гулъ ихъ пѣсень походилъ на шумъ моря во время полнолунія. Кающіеся прибѣгали и къ заклинаніямъ, но и это не помогло. Наконецъ они обратились къ послѣднему средству: собрали свои молитвы и покаянія, и гуртомъ отправили ихъ противъ Шивы. Это было самое страшное жертвоприношеніе: самъ богъ не устоялъ противъ него; молитвы понеслись подобно огненной массѣ, которая поразила члены Шивы и оторвала ихъ отъ его тѣла. Шива, раздраженный такимъ поступкомъ, задумалъ своими членами спалить всю землю. Огонь уже сильно пылалъ; но Вишну и Брама нашли средство остановить пожаръ, приманивъ всѣ разбросанныя части тѣла Шивы въ одно мѣсто довольно соблазнительнымъ превращеніемъ. Умилостивленный ихъ молитвами, Шива отказался отъ своего намѣренія подъ тѣмъ условіемъ, чтобы люди обожали оторванныя части его тѣла.

Лингамъ въ большомъ почтеніи во всей Индіи; поклонники его безчисленны. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ сектъ обыкновеніемъ натирать себѣ лобъ, грудь и плечи пепломъ коровы, который считаютъ священнымъ потому, что онъ представляетъ Шиву, какъ разрушителя, и эмблемма котораго огонь, все превращающій въ пепелъ. Поклонники лингама считаютъ за непремѣнную обязанность носить изображеніе его на шеѣ, или привязывать къ рукѣ, въ серебряномъ ящичкѣ.

Преданіе говоритъ, что Вишну хотѣлъ уничтожить это постыдное обоготвореніе лингама, но не могъ идти противъ духа времени. Подобно жрицамъ Алиса, кающіеся оклонники лингама, строго сохраняютъ цѣломудріе.

Digitized by Google

Лингамъ почти то же, что Фаллусъ и Бахусъ, котораго обожали въ томъ же іерополькомъ хрэмѣ, подобно тому какъ Египтяне, Греки и Римляне посвящали храмы Пріапу.

У Шивы было четыре сына; старшій назывался *Полліаръ*, – это богъ брака. Индѣйцы не построятъ ни одного дома, не освятивъ земли присутствіемъ Полліара, котораго они каждый день поливаютъ масломъ и осыпаютъ цвѣтами. Его изображаютъ съ головою слона, верхомъ на крысѣ. Крыса эта напоминаетъ побѣду Полліара надъ гигантами, *Геджемуга - Шуринъ*, которому боги даровали безсмертіе и обширное могущество, но онъ дѣлалъ только зло людямъ. Полліаръ, по молитвамъ мудрецовъ и кающихся, вырвалъ у себя одинъ клыкъ и пустилъ его въ гиганта; клыкъ врѣзался въ брюхо гиганта и сшибъ его съ ногъ. Несчастный обратился тотчасъ въ огромную крысу, величиною съ гору, и напалъ на Полліара. Но Полліаръ вскочилъ ей на хребетъ, и сказалъ: «вѣкъ тебѣ возить меня!»

Индѣйцы, покланяясь Полліару, скрещиваютъ руки, сжимаютъ кулаки и колотятъ себя по вискамъ. Потомъ, все съ скрещенными же руками, они берутъ себя за уши и дѣлаютъ три поклона, подгибая колѣнки. Послѣ этого, сложивъ руки, они возносятъ къ нему молитвы и бьютъ себя въ лобъ. Они приступаютъ съ глубокимъ благоговѣніемъ къ этому божеству; его изображеніе ставятъ во всѣхъ храмахъ, на улицахъ, при дорогахъ, на поляхъ, при корнѣ какого-нибудь дерева, чтобы всѣ могли молиться ему, и особенно путешественники во время дороги.

Другой сынъ Шивы называется *Супрамариньеръ*. Онъ родился изъ глаза своего отца. Гигантъ *Сурапарма* силою покаяній овладѣлъ безсмертіемъ и царствомъ міра; но онъ былъ такъ золъ, что богъ счелъ нужнымъ наказать его. Шива выслалъ противъ него *Супрамариньера*. Десять дней продолжалась борьба между ними, но гигантъ не поддавался сыну Шивы; наконецъ Шива сжалился надъ напраснымъ усиліемъ Супрамариньера, далъ ему оружіе, и тотъ разсѣкъ тотчасъ же гиганта по поламъ. Одна половина превратилась въ павлина, а другая въ пѣтуха. Супрамариньеръ вложилъ въ нихъ лучшія

Digitized by Google

сердца, и они признали Шиву. Павлину опредѣлено было возить Супрамариньера, а пѣтуху сидѣть въ колискѣ. Какъ въ особыхъ храмахъ, посвященныхъ Супрамариньеру, такъ и въ храмахъ Шиву, гдѣ онъ имѣетъ маленькой жертвенникъ, его изображаютъ съ шестью головами и двѣнадцатью руками, верхомъ на павлинѣ, а по сторонамъ видны двѣ его жены.

Шива дунулъ – и явился третій его сынъ, *Вайреверть*. Онъ сотворенъ для низложенія гордости деверклей и кающихся и для посрамленія Брамы, который считалъ себя большимъ изъ трехъ боговъ. Вайревертъ сорвалъ съ Брамы одну голову и въ черепъ ея собралъ всю кровь деверклей и кающихся; но въ послѣдствіи онъ ихъ воскресилъ и далъ имъ лучшія сердца.

Индѣйцы думаютъ, что этотъ богъ, по приказанію Шивы, прійдетъ разрушить міръ въ концѣ вѣковъ. Его представляютъ синяго цвѣта, съ тремя глазами и двумя зубами, выдавшимися, какъ рога мѣсяца; онъ носитъ въ родѣ ошейника голову, которая спускается до самаго брюха; змѣи служатъ ему поясомъ; волосы его огненнаго цвѣта; на ногахъ привязаны колокольчики, а въ рукахъ тетива и черепъ Брамы; онъ ѣздитъ верхомъ на собакѣ. Особенно усердно его обожаютъ въ Какши, близъ Ганга.

Четвертый сынъ Шивы – *Вирапатринъ*. Онъ рожденъ для того, чтобы остановить дѣйствіе жертвоприношенія, которое совершалъ *Такинъ*, хотѣвшій сотворить новаго бога. Вирапатринъ родился съ тысячью головами и двумя тысячами рукъ, убилъ Такина и всѣхъ присутствовавшихъ при жертвоприношеніи. Впрочемъ Шива послѣ воскресилъ ихъ.

Индѣйцы въ своихъ молитвахъ обращаются еще къ *Дармадеве*, богу добродѣтели, который изображается въ видѣ быка. Ему всегда строятъ жертвенникъ передъ храмомъ Шивы, потому-что онъ служитъ послѣднему для езды. Въ небольшихъ храмахъ ставятъ его у дверей на пьедесталѣ; а въ большихъ, его жертвенникъ строится нѣсколько отлично отъ жертвенниковъ другихъ боговъ, именно онъ состоитъ изъ квадратнаго пьедестала, по

Digitized by Google

угламъ котораго четыре колонны поддерживаютъ крышу надъ идоломъ. Въ храмахъ, гдѣ Шива изображается въ видѣ человѣческомъ, онъ сидитъ на бѣломъ быкѣ, богѣ добродѣтели. Вѣроятно, египетскій аписъ есть снимокъ съ индѣйскаго дармадеве.

Кромѣ упомянутыхъ боговъ, Индѣйцы почитаютъ еще *Манарсуами*, происхожденіе котораго забыли и брамины. Его миніатюрные храмы строятъ обыкновенно въ поляхъ; возлѣ воротъ ставятъ три колоссальныхъ фигуры изъ кирпича, представляющія Будоновъ въ сидячемъ положеніи, которыхъ называютъ стражами храма. Въ самомъ храмѣ, кромѣ лингама, находятся изображенія сына Шивы и двѣнадцати молодыхъ дѣвушекъ. Судры исполняютъ здѣсь свои обряды, но брамины презираютъ это богопочтеніе.

Индѣйцы почитаютъ также полу-боговъ или деверклей. Они, по вѣрованію Индѣйцевъ, живутъ въ *Сорюнѣ*, это эдемъ нѣсколько похуже эдема Шивы. Первые восемь считаются покровителями осьми угловъ міра; имъ не строятъ храмовъ, но призываютъ ихъ при родахъ.

Послѣ нихъ занимаютъ мѣсто семь полубоговъ (семь планетъ); каждому изъ нихъ посвящается по дню въ недѣлю.

Кромѣ главныхъ полубоговъ, Индѣйцы чтутъ тридцать три куру [1] деверклей. Это чистые духи, все дѣти Кассибера и Адиды. Живутъ они также въ Соргонѣ и дѣлятся на многіе классы.

Каждый городъ имѣетъ свою богиню покровительницу; къ ней обращаются съ молитвами и строятъ ей храмы внѣ городовъ. Нѣкоторымъ изъ святыхъ или кающихся, поименованнымъ въ священныхъ книгахъ и заслужившимъ Соргонъ, ставятъ жертвенники и приносятъ молитвы.

Еще насчитываютъ до пяти классовъ гигантовъ или злыхъ духовъ; многіе изъ нихъ осуждены блуждать по землѣ. Чтобы освободиться отъ несчастнаго странствованія, они обыкновенно осаждаютъ усердныхъ поклонни-

[1] Куру сто лаковъ, лакъ сто тысячъ.

Digitized by Google

ковъ Брамы, стараются разсѣять ихъ и заставить забыть нѣкоторые предписанные обряды, потому-что черезъ это они могутъ выслужиться передъ богомъ. И когда наберутъ они довольно молитвъ, могутъ измѣнить свою природу, одушевить какое-нибудь тѣло человѣка и принять участіе въ блаженствѣ людей. Въ избѣжаніе такихъ случаевъ, Индѣйцы при началѣ богослуженія читаютъ одну молитву и три раза чрезъ плечо бросаютъ воду съ лѣвой стороны, единственнаго мѣста, съ котораго духи могутъ нападать на нихъ.

Не смотря на то, что божества индѣйскія плодятся болѣе и болѣе, что суевѣрія и религіозные обряды готовы подавить мелочными постановленіями свободное самосознаніе человѣка, Индѣецъ въ фанатическомъ изступленіи готовъ рѣшиться на все: его одушевляетъ мысль о будущемъ блаженствѣ, какое онъ вкуситъ въ лонѣ вѣчности въ замѣнъ временныхъ страданій. Правда, индѣйская миѳологія рисуетъ будущую жизнь не въ чувственныхъ формахъ, привлекающихъ магометанина, да и созерцатель Брамы никогда не плѣнился бы подобными формами: браминизмъ развиваетъ слишкомъ высокія идеи о жизни въ Богѣ для того, чтобы спуститься до пошлой чувственности, до матеріальныхъ наслажденій, въ которыхъ Индѣецъ видитъ одинъ обманъ, одну игру мгновеннаго, исчезающаго, ничтожнаго бытія во времени. Блаженство, котораго ожидаетъ Индѣецъ, настанетъ для него въ минуту полнаго освобожденія отъ тѣлесныхъ формъ, въ моментъ поглощенія въ морѣ вѣчноволнующагося бытія Брамы, уничтоженія личности въ первобытіи. Освобожденіе отъ чувственныхъ узъ начинается еще въ настоящей жизни, когда благочестивый поклонникъ Брамы получаетъ сверхъестественныя силы чудотворенія, когда онъ силой воли можетъ вызывать души предковъ, переселяться изъ одного тѣла въ другое, призванное къ бытію также силою его воли. Это низшая степень освобожденія, котораго можно достигнуть дѣлами благочестія. Для этого человѣку необходимы религіозные обряды и познаніе божества, то есть, надо посѣщать храмы, читать въ опредѣленное время молитвы, собирать и приготовлять

Digitized by Google

лицу боговъ, въ воздухѣ или вѣтрѣ. Владѣтель воздуха принимаетъ странствующую душу, и отъ предѣловъ своего владѣнія, что̀ возлѣ солнца, провожаетъ на луну по узкой дорогѣ, похожей на ступицу колеса; съ луны душа отправляется въ область молніи, надъ которою распространяется царство Варуны, бога воды, потому-что молнія и гроза находятся ниже дождевыхъ облаковъ и водянаго царства; остальная дорога лежитъ черезъ царство *Индры* до самаго жилища Брамы. По этой-то дорогѣ путешествуютъ души святыхъ и сливаются съ высшимъ свѣтомъ, который есть Брама, какъ чистая вода поглощается свѣтлымъ озеромъ; изъ нѣдръ Брамы душа уже не возвращается для новыхъ переселеній изъ одного тѣла въ другое; въ этомъ-то и состоитъ самое полное и совершенное освобожденіе.

ПОЗНАНІЯ КИТАЙЦЕВЪ ВЪ АСТРОНОМІИ. Познанія Китайцевъ въ астрономіи такъ ограничены, что ихъ ученые даже не въ состояніи составить необходимаго календаря, и всѣ небесныя явленія, напримѣръ, затмѣнія, кометы, производятъ у нихъ всеобщій страхъ и уныніе. Въ минуту затмѣнія всякій падаетъ ницъ, ударяется девять разъ лбомъ объ землю, бьетъ, что есть силы, въ *гонгъ*, *тамъ-тамъ* и въ другіе шумные инструменты. Если вычисленія календаря не согласны съ затмѣніями, то народъ, самъ императоръ и дворъ погружаются въ ужасную скорбь, а несчастный астрономъ, который дѣлалъ вычисленіе, находится въ опасности лишиться жизни. Они думаютъ, что огромная жаба или драконъ проглотятъ солнце. Ихъ бонзы умоляютъ чудовище возвратить имъ дневное свѣтило. Вообще ихъ астрономія есть ужасное суевѣріе. Они считаютъ семь планетъ, изъ которыхъ каждая, по ихъ мнѣнію, имѣетъ извѣстное вліяніе на людей, а особенно на Китай и на его правительство. Китайцы давно бы изгнали изъ своего отечества небольшое число Европейцевъ, которые туда проникли, если бы не было необходимости удержать ихъ для опредѣленія истиннаго времени, для составленія календаря и для занятій хронологіею. Календарь почитаютъ, въ китайскомъ государствѣ, вещью самою важною, потому-что онъ не только по-

Digitized by Google

называетъ времена года, но еще дни счастливые и несчастливые. Календарь, по мнѣнію Китайцевъ, показываетъ связь и сношеніе высшихъ существъ съ жителями земли, и потому у народа онъ въ большомъ уваженіи. Китайскіе министры учредили астрономическую коллегію, названную: Судилищемъ Математики. Однако жъ члены этого судилища очень не далеки въ астрономіи. Когда англійскій король послалъ въ подарокъ китайскому императору превосходную сферу, съ механизмомъ, который показывалъ движеніе всѣхъ планетъ, то англійскій астрономъ Барронъ никакъ не могъ объяснить президенту астрономическаго общества этой машины.

НОВЫЙ, СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЙ БРАНДЕРЪ. Недавно въ Нью-Іоркѣ производили очень важный опытъ надъ подводнымъ брандеромъ, изобрѣтеннымъ господиномъ Кольтомъ (Colt). Для опыта избрали старый корабль. Украсили его флагами, на которыхъ были изображены мертвыя головы, кости, на крестъ сложенныя, и другія мрачныя и странныя эмблеммы. Этотъ корабль поставили передъ Кестль-Гарденомъ (Castle-Garden) и прикрѣпили къ нему подводный брандеръ. Онъ состоитъ изъ наполненнаго горючими веществами, ящика, прикрѣпляемаго водолазомъ къ подводной части судна, которое хотятъ взорвать. Отъ ящика проводится подъ водою проволока на нападающій корабль. Въ произведенномъ опытѣ проволока отъ 80 до 100 саженей проведена была на корабль Норфъ-Каролину, на которомъ находился изобрѣтатель этой адской машины, господинъ Кольтъ. Въ назначенное время онъ привелъ проволоку въ сообщеніе съ Вольтовымъ столбомъ, и въ тотъ же мигъ, какъ-бы отъ быстраго и ужаснаго удара молніи, корабль взорвало и весь раздробило въ мелкіе куски.

ДОПОТОПНЫЙ СЛОНЪ НА БЕРЕГАХЪ РЕЙНА. Земляныя работы, производимыя для устройства желѣзной дороги на правомъ берегу Рейна, подали поводъ къ интересному открытію для естествоиспытателей. Близъ Офенбурга, нашли на тридцать футовъ подъ землею, въ известковомъ грунтѣ, части скелета мамонта, или допотопнаго слона. Эти остатки состоятъ изъ челюсти, почти цѣлой, съ двумя корен-

Digitized by Google

ными зубами, самыми большими изъ всѣхъ, которые были найдены въ рейнской долинѣ; каждый изъ нихъ длиною въ тринадцать баденскихъ футовъ, и не смотря на состояніе совершенной сухости, вѣситъ около одиннадцати фунтовъ. Вмѣстѣ съ этими костями мамонта, нашли большое количество зубовъ, принадлежащихъ особой породѣ лошадей, которыя, вѣроятно, жили въ рейнской долинѣ въ одно время съ огромнымъ мамонтомъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ ГОСПОДИНА ЧИХАЧЕВА НА ПИКЪ НЕТУ. — Тулузскія газеты сообщаютъ слѣдующее извѣстіе о восхожденіи смѣлаго русскаго путешественника на высочайшую гору хребта Маладетты: «Рамонъ, Кардьѐ, Шоссенкъ, Арбанéръ, въ различныхъ сочиненіяхъ своихъ о Пиринейскихъ Горахъ, описывали свои неудачныя попытки взойти на вершину Пика Нету (Nethou), самый возвышенной горы хребта Маладетты. По словамъ самыхъ опытныхъ проводниковъ изъ Баньора-де-Люшона, ни одинъ охотникъ еще не восходилъ на нее, такъ-что, не смотря на всѣ попытки, этотъ пиринейскій гигантъ былъ еще досихъ-поръ недоступенъ. Однако жъ, не взирая на то, господинъ Чихачевъ, отставной русскій офицеръ, рѣшился сдѣлать новую попытку достигнуть до вершины этого пиринейскаго Монблана. Осмнадцатаго Іюля 1841, онъ отправился изъ Люшона съ четырьмя проводниками и съ однимъ молодымъ Французомъ, господиномъ де-Франквилемъ. На третій день, преодолѣвъ и опасность и усталость, онъ достигъ наконецъ, чрезъ южный склонъ Маладетты, до вершины самаго восточнаго ея пика, не смотря на густой туманъ, сильный вѣтеръ и холодъ, — термометръ стоялъ на 3° стоградуснаго термометра ниже нуля, — небольшая башня изъ гранитныхъ обломковъ, которыя въ зрительную трубку видно изъ порта Бенаска, поставлена имъ на мѣстѣ восхожденія.

«Двадцать-третьяго Іюля, господинъ Чихачевъ во второй разъ отправился на Маладетту, взявъ съ собою нѣкоторые инструменты. Переночевавъ у подошвы горы, на другой день онъ пустился на нее черезъ большой сѣверный ледникъ, у тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ, въ 1824 году, погибъ Бар-

Digitized by Google

рó, старѣйшій изъ люшонскихъ проводниковъ, упавъ въ скрытую пропасть. Лавируя безпрестанно въ продолженіи трехъ-часовъ между ужасными разщелинами этого ледника по невѣрному снѣгу, который на каждомъ шагу грозилъ поглотить смѣльчака, господинъ Чихачевъ достигъ снова вершины. Въ этотъ разъ товарищами его были: господинъ Лоранъ, профессоръ химіи въ Бордо, и тѣ же проводники, исключая одного, которые сопровождали его въ первое восхожденіе.

«Барометрическое измѣреніе опредѣлило абсолютную высоту вершины въ 3370, 9 (11059, 2 русскихъ футовъ), что разнится на 34 т, 1 отъ опредѣленія, полученнаго во время общей тріангуляціи Пиринеевъ, произведенной въ 1825, 1826 и 1827 годахъ полковникомъ Карабёфомъ, который имѣлъ способы произвесть гораздо точнѣйшія измѣренія, нежели Ребуль и де-Пидаль. Разность между результатами господъ Чихачева и Карабёфа можно приписать наиболѣе неточности инструментовъ господина Чихачева, которые по своему устройству не могли служить для гипсометрическихъ измѣреній, также и перемѣнамъ, которымъ они могли подвергнуться при подобномъ восхожденіи. Говорятъ, что господинъ Чихачевъ приготовляетъ сочиненіе, въ которомъ онъ хочетъ изложить собранные имъ факты и результаты, и которое надѣется представить французской академіи наукъ.»

Наука въ правѣ ожидать многаго отъ предпріимчивости и познаній нашего смѣлаго путешественника. Господинъ Чихачевъ (Платонъ) отставной гвардіи поручикъ, уже совершилъ путешествіе по Сѣверной и Южной Америкѣ; въ 1839 году готовился совершить съ П. С. Савельевымъ опасное путешествіе въ Среднюю Азію и Тибетъ; но обстоятельства воспрепятствовали предпріятію, и господинъ Чихачевъ присоединился къ хивинской экспедиціи В. А. Перовскаго, откуда сообщилъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о климатологіи края въ Императорскую академію наукъ. Будемъ надѣяться, что новыя путешествія господина Чихачева принесутъ еще большую лепту географіи, и — *русской* литературѣ, которой онъ подарилъ доселѣ только

Digitized by Google

одну статейку объ озерахъ Сѣверной Америки, напечатанную въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, въ 1839 году.

ИНДѢЙСКІЙ ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМѢЙ. БИТВА ЗМѢИ СЪ МУНГОЗОМЪ. Я былъ очень радъ, пишетъ изъ Индіи одинъ французскій путешественникъ, когда узналъ, что заклинатель змѣй прибылъ, потому-что съ большимъ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть опытъ его умѣнья; я рано отправился къ губернатору, къ которому меня пригласили на завтракъ. Съ давняго времени садъ полковника Е..... слылъ убѣжищемъ многихъ изъ этихъ страшныхъ пресмыкающихся. Фокусникъ былъ позванъ для испытанія надъ ними своего искусства. Признаюсь, увидѣвъ этого человѣка, я и надъ собою испыталъ тягостное впечатлѣніе, хотя его наружность не имѣла въ себѣ ничего чрезвычайнаго; выраженіе глазъ было обыкновенное, пріемы самые простые, ничто въ немъ не говорило воображенію.

Мы отправились въ садъ. Фокусникъ всталъ напротивъ норы, въ которой предполагали, что змѣя находится; онъ поставилъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, глиняный сосудъ и приказалъ своему помощнику покрыть имъ змѣю, когда онъ дастъ ему извѣстный знакъ. Послѣ этихъ приготовленій онъ взялъ деревянную дудку и началъ испускать пронзительные звуки, которые нисколько не казались мнѣ волшебными; они были однообразны и непріятны до высшей степени. Минутъ десять музыка нашего волшебника не имѣла дѣйствія, не смотря на всѣ судорожныя кривлянья, которыми онъ ее сопровождалъ; мы соскучились и хотѣли уже удалиться, какъ вдругъ блуждающіе глаза его остановились, вся физіономія ужасно измѣнилась, и въ тотъ же мигъ голова огромной змѣи, называемой кобра-капелла (*cobra-capella*) показалась изъ отверстія норы. Мы отступили съ ужасомъ. Заклинатель, напротивъ, былъ въ восторгѣ отъ появленія этого чудовища, вызваннаго имъ изъ нѣдръ земли. Змѣя, развертывая мало-по-малу свои кольца, скоро предстала передъ нами во всей своей величинѣ. Индѣецъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чудовище ползло за нимъ; онъ остановился и оно

Digitized by Google

также сдѣлалось неподвижнымъ. Слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ Индѣйца, глаза змѣи были устремлены на глаза заклинателя. Индѣецъ увѣрялъ меня послѣ, что если бъ онъ пересталъ на минуту играть тотда на своемъ инструментѣ, змѣя бросилась бы на него, чтобъ его задушить.

Когда нашъ фокусникъ, за которымъ змѣя слѣдовала въ разстояніи четырехъ или пяти метровъ, остановился на срединѣ открытаго мѣста, вдругъ присѣлъ и началъ дуть сильнѣе и сильнѣе въ свой инструментъ, змѣя нѣсколько времени оставалась неподвижна, потомъ выпрямилась и поднялась на своемъ хвостѣ, какъ-бы для того, чтобы броситься. Кровь застыла въ нашихъ жилахъ; мы вообразили, что она тотчасъ кинется на заклинателя. Змѣя долго оставалась въ этомъ положеніи, потомъ начала шевелиться, подскакивать, однимъ словомъ танцовать на своемъ хвостѣ подъ варварскую музыку Индѣйца. По знаку послѣдняго, молодой товарищъ его схватилъ глиняный сосудъ и накрылъ имъ змѣю. Толстый, засмоленный холстъ былъ проведенъ подъ отверзтіе сосуда и крѣпко завязанъ, послѣ чего утомленный музыкантъ поднялся съ земли, поклонился обществу и унесъ своего плѣнника. Черезъ полчаса та же церемонія повторилась съ равнымъ успѣхомъ. Изъ четырехъ змѣй, которыя скрывались въ саду, одна только избѣгла могущества заклинателя; онъ приписалъ эту неудачу присутствію худаго глаза между нашими людьми. Это показываетъ, что суевѣріе въ худой глазъ, столь общее въ Италіи, въ Альбаніи и даже между студентами ученой Германіи, находится также и среди Азіи, у полудикихъ народовъ Индіи.

Желая давно посмотрѣть на битву змѣи съ ея закоренѣлымъ врагомъ, *мунгозомъ*, — животное, довольно похожее на египетскую, Фараонову мышь, — я просилъ заклинателя показать намъ это зрѣлище. Индѣецъ съ удовольствіемъ согласился. Для безопасности зрителей было рѣшено, чтобы сраженіе происходило въ огромной клѣткѣ фазановъ, которая находилась посреди двора. По нашей просьбѣ кобра-капелла, которую поймали первую въ то утро въ саду, была назначена для битвы.

Digitized by Google

Змѣя, выпущенная въ клѣтку, почувствовавъ себя на просторѣ, долго искала выхода, потомъ спокойно улеглась. Тогда Индѣецъ впустилъ къ ней ея противника. Я никогда не видалъ этого животнаго, но думалъ очень естественно, что для сраженія съ такимъ огромнымъ змѣемъ, долженъ быть достойный его боецъ. Вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ маленькаго звѣрька, едва вдвое болѣе крысы, съ пестрою шерстью, съ красными глазами и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который равнялся въ окружности малому его туловищу.

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мунгозъ ходилъ по клѣткѣ, потомъ замѣтилъ вдругъ своего противника, бросился дерзко на него. Это сраженіе было самое неровное, какое можно вообразить. Змѣя отскочила назадъ, подняла высоко голову, глаза ея заблистали. Маленькій ея непріятель не переставалъ нападать на нее. Почувствовавъ его зубы, змѣя обвилась около мунгоза, ужалила его и отползла на нѣсколько шаговъ. Изнеможенный и почти умирающій, онъ уступалъ поле сраженія. Мы думали, что битва уже кончилась. Протащась нѣсколько времени съ усиліемъ по травѣ, мунгозъ началъ рыться въ ней мордою. Что онъ въ травѣ нашелъ? Какое растеніе проглотилъ онъ? Никто не можетъ сказать этого. Напрасно предлагали богатую награду тому, кто откроетъ вещество, одаренное этой чудесной силой. Но хотя причина осталась намъ и неизвѣстна, мы увидѣли однако жъ скоро ея дѣйствіе. Едва раненный вдохнулъ въ себя или проглатилъ противуядіе, ему вдругъ возвратились, какъ-бы чудомъ, всѣ прежнія силы, и онъ снова напалъ на змѣю. Эта сцена повторялась не менѣе семи разъ, съ каждою новой схваткой, кобра-капелла казалась болѣе и болѣе изнеможенною, между-тѣмъ, какъ противникъ ея, всякій разъ воскрешаемый своимъ таинственнымъ лекарствомъ, становился злѣе и и отважнѣе. Наконецъ великанъ былъ побѣжденъ карликомъ. Мунгозу удалось схватить змѣю за горло, и онъ тотчасъ задавилъ ее къ великому удивленію зрителей. Я чуть не захлопалъ въ ладоши.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ГОРОДА РИГИ. Начало всякой исторіи покрыто мракомъ неизвѣстности. Это вѣковая истина, которую подтверждаютъ всѣ исторіи, отъ мидійской, основанной на развалинахъ ассирійской, и до рижской, включительно. Напрасно ученые антикваріи, по обыкновенію, старались разсѣять мракъ покрывающій исторію балтійскихъ провинцій, — какъ-будто это не такой же мракъ какъ и всѣ другіе мраки, — и разумѣется, по обыкновенію, ничего не разсѣяли. Сказокъ и преданій нашлось множество, но положительныхъ, *достовѣрныхъ*, свѣдѣній о событіяхъ, сопровождавшихъ появленіе Лифовъ и Леттовъ въ этомъ краѣ, не оказалось вовсе. Единственный, нынче, кажется, уже доказанный, то есть, большинствомъ принятый за достовѣрный и утвержденный, фактъ, тотъ, что Летты составляютъ племя самостоятельное, совершенно отличное отъ другихъ сосѣднихъ племенъ. Ихъ языкъ нисколько не похожъ ни на финскій, ни на тевтонскій, ни на славянскій. Нѣкоторые филологи примѣчаютъ, что онъ приближается къ санскритскому. Это сходство и обиліе уподобленій, сравненій и картинъ въ восточномъ вкусѣ, какое случается въ въ старинныхъ латышскихъ балладахъ, подало поводъ къ предположенію, что они индѣйскаго происхожденія. Но какъ понять и объяснить это переселеніе съ береговъ Индуса на берега Балтики? Этотъ мракъ съ каждою гипотезой, которою стараются освѣтить его, становится темнѣе.

Извѣстно только то, что пришествіе Леттовъ относится къ временамъ очень отдаленнымъ. Они были уже тутъ, когда, восемь-сотъ лѣтъ назадъ, нѣмецкіе искатели приключеній въ первый разъ открыли и завладѣли балтійскимъ прибрежьемъ и его жителями. Эти жители, Летты, были тогда и остались до нынѣ совершенно отдѣльными отъ сосѣднихъ народовъ и ни за что не хотѣли принять ни языка ни обычаевъ побѣдителей; кровавыя преслѣдованія еще болѣе усилили ихъ привязанность къ завѣту предковъ. Латышскій крестьянинъ и его нѣмецкій господинъ вмѣстѣ попали подъ владычество Польши, потомъ Швеціи, наконецъ Россіи, и тутъ оба племени нисколько не смѣшались. Преданія и баллады еще поддерживаютъ у Леттовъ воспоминанія о житьѣ-

Digitized by Google

бытье ихъ предковъ въ вѣкахъ минувшихъ, и время почти нисколько не смягчило ихъ ненависти къ Нѣмцамъ, которые первые пришли съ мечемъ въ рукахъ въ непроходимые лѣса по берегамъ Двины и столь долгое время угнетали ихъ самихъ игомъ рабства. Летты искони ненавидѣли своихъ господъ, Нѣмцевъ, какъ жестокихъ притѣснителей, а тѣ въ свою очередь презирали своихъ дикихъ и строптивыхъ рабовъ. Это взаимное отчужденіе, конечно, не могло благопріятствовать проясненію мѣстной исторіи.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ земли, лежащія вдоль Балтійскаго Моря отъ Одера до Озера Пейпуса приходили во множествѣ различные германскіе народы. Коренные жители, хотя были окружены со всѣхъ сторонъ народами, принявшими святое крещеніе, оставались вѣрны своей дикой свободѣ и своимъ идоламъ. Форма ихъ правленія была, повидимому, родъ іерархіи, въ которой находятъ сходство съ браминизмомъ древнихъ Индусовъ. Легко понять, что прусскіе и литовскіе язычники были для германскихъ и польскихъ христіанъ предметомъ отвращенія, и что послѣдніе, одушевленные ревностью, свойственною недавно обращеннымъ, смотрѣли на порабощеніе своихъ сосѣдей не только какъ на выгоду политическую, но и какъ на дѣло богоугодное. Если вѣрить стариннымъ польскимъ балладамъ, то язычники всегда были начинщиками этихъ войнъ. Хотя язычники не оставили намъ никакого историческаго памятника, который бы опровергалъ такое показаніе ихъ противниковъ, однако жъ мы не можемъ не подозрѣвать польскихъ лѣтописцевъ въ лицепріятіи, потому-что ихъ свидѣтельство противорѣчитъ всѣмъ вѣроятностямъ.

Нѣмецкіе крестоносцы, участвовавшія въ походахъ въ Палестину, благодаря предпріимчивому духу своего гроссмейстера Германа фонъ Зальцы, скоро пріобрѣли весьма значительный вѣсъ. Во время осады Сенъ-Жанъ-д'Акра, нѣкоторые изъ нихъ, тронутые бѣдственнымъ положеніемъ раненыхъ въ христіянской арміи, оставленныхъ въ пренебреженіи нерадивыми начальниками, составили общество, которое имѣло цѣлію доставить этимъ несчастнымъ всѣ возможныя пособія. Образъ, какимъ исполняли они заданную себѣ задачу, возбуждало удивленіе всего воинства. По взя-

Digitized by Google

тіи Сенъ-Жанъ-д'Акра учреждены госпитали, которыхъ управленіе было поручено тѣмъ же нѣмецкимъ рыцарямъ. Съ-тѣхъ-поръ они образовали религіозный орденъ и подчинили себя строгому уставу, котораго первыми правилами были трудъ и бѣдность. Это скромное начало не предвѣщало богатства и могущества, которымъ они обладали въ послѣдствіи. Такимъ образомъ составился орденъ нѣмецкихъ или тевтонскихъ рыцарей. Желающіе вступить въ него должны были происходить отъ нѣмецкаго дворянства. Они давали обѣтъ цѣломудрія и клялись слѣпо повиноваться какъ уставу ордена такъ и волѣ гросмейстера. По свойству устава, все имущество ихъ становилось общимъ достояніемъ ордена; у нихъ же самихъ не оставалось ничего собственнаго кромѣ одежды, которую носили, и меча, который клялись они посвятить защитѣ Святой Земли. Жизнь ихъ состояла въ сраженіи, въ хожденіи за больными, въ молитвѣ и постѣ. Орденъ позволялъ имъ употреблять въ пищу и питье только хлѣбъ и воду; они не знали другаго удобства кромѣ соломенной подстилки, ни иной роскоши кромѣ предписанной уставомъ скромной одежды, ни другихъ отличій кромѣ оружія, которымъ поражали враговъ. Можно повѣрить, что эти правила, при всей своей строгости, были въ началѣ соблюдаемы совѣстливо. . . . . .

Какъ бы то ни было, тевтонскій орденъ, при всей скромности своего происхожденія, скоро разширилъ тѣсные предѣлы, поставленные ему основателями. Уже при Германѣ фонъ Зальцѣ, четвертомъ гросмейстерѣ, рыцари имѣли такое сильное вліяніе, что ихъ ласкали и папы и императоры. Разсказываютъ случай, что Генрій III и Фридерикъ II, согласились отдаться на судъ Германа, чтобы кончить свой споръ. И замѣчательно то, что рѣшеніе его, повидимому, одинаково удовлетворило и ту и другую сторону. Около того же времени одинъ ландграфъ туринген-скій отказался отъ государствованія, чтобы принять ризу ордена. Примѣру его послѣдовали многіе нѣмецкіе дворяне изъ знатнѣйшихъ фамилій. . . . . .

Къ этимъ-то доблестнымъ рыцарямъ, извѣстнымъ во всемъ христіанствѣ чистотою нравовъ и непобѣдимою храбростью, Поляки прибѣгли нижепиъ подъ защиту противъ

Digitized by Google

безпрерывныхъ нападеній Пруссаковъ. Герцогъ Конрадъ просилъ помощи Зальца и предлагалъ щедрую плату за услугу. Онъ предоставлялъ ордену въ вѣчное владѣніе городъ Кульмъ съ значительными угодьями и всѣ земли, какія литовскіе рыцари могутъ завоевать у непріятеля. Гроссмейстеръ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы противустоять такому лестному предложенію; онъ послалъ извѣстное число рыцарей на помощь Полякамъ и назначилъ провинціяльнаго главу или *мейстера*, для охраненія выгодъ ордена въ Пруссіи. Успѣхи рыцарей были быстры. Рѣдко неудача отнимала у нихъ однажды пріобрѣтенное. Они повсемѣстно настроили замковъ и укрѣпленій. Провинціи, которыя они покорили себѣ по балтійскому прибрежью, составили значительнѣйшую часть ихъ владѣній.

Тевтонскій орденъ, такимъ образомъ уже довольно сильный, сталъ еще могущественнѣе въ 1234 году. Другой рыцарскій орденъ, *Братство меча*, основанный рижскимъ епископомъ Альбертомъ, въ 1204 году, для завоеванія и обращенія Ливоніи, воспользовался плѣномъ датскаго короля Вольдемара и завладѣлъ бо́льшею частію Эстляндіи. Но когда Вольдемаръ освободился, рыцари почувствовали себя неспособными безъ посторонней помощи бороться съ такимъ сильнымъ соперникомъ. Они стали искать опоры въ союзѣ съ своими славными соотечественниками и соединились съ тевтонскимъ орденомъ. Принадлежавшія имъ ливонскія земли сдѣлались собственностію двухъ соединенныхъ орденовъ. По обыкновенію и тутъ болѣе сильный заслонилъ слабаго. Со времени соединенія, братство меча собственно уже не существовало. И такимъ образомъ, менѣе нежели въ пятьдесятъ лѣтъ, тевтонскіе рыцари пріобрѣли столько земли и такое политическое значеніе, которое странно противорѣчило съ обѣтомъ убожества и лишеній, какого требовали отъ всѣхъ нововступающихъ. Между-тѣмъ они разсудили за лучшее заключить честный миръ съ Вольдемаромъ, который получилъ обратно свои эстляндскія владѣнія, вмѣстѣ съ правомъ взять у язычниковъ столько земель, сколько можетъ. Сынъ этого государя не наслѣдовалъ ни его предпріимчивости ни его дѣятельности. Онъ, за девятнадцать-тысячъ марокъ серебра, про-

Digitized by Google

далъ рыцарямъ всю свою часть Эстляндіи, включая Нарву, Ревель и другіе города.

Резиденція гросмейстера ордена, настоящаго владыки этого обширнаго государства, все еще оставалась въ госпиталѣ сенъ-жанъ-д'акрскомъ, до-тѣхъ-поръ, пока эта крѣпость не была опять взята Турками, то есть, до 1291 года. Тогда главнѣйшіе начальники возвратились въ свои помѣстья въ Гессенѣ. Странно, что они съ того же времени не поселились въ своихъ балтійскихъ провинціяхъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ они уже догадались, что главѣ цѣлаго государства неприлично жить подобно простому аббату, и притомъ въ чужой землѣ. Въ 1306 году гросмейстеръ и тевтонскій орденъ переселились на жительство въ Пруссію и избрали столицею Маріенбургъ.

Тевтонскій орденъ продолжалъ процвѣтать до начала пятнадцатаго вѣка. Между различными причинами, которыя содѣйствовали его упадку, въ числѣ главныхъ были безпрерывно возраставшее могущество Польши и его собственное развращеніе нравовъ. Чтобы представить себѣ, до чего доходило ихъ щегольство и роскошь, стоитъ только прочесть нѣкоторые указы, изданные по этому поводу гросмейстерами. Одинъ изъ этихъ указовъ запрещалъ простымъ рыцарямъ держать болѣе шести лошадей, а командорамъ болѣе ста. Въ войнахъ съ Польшею они почти постоянно были побѣждаемы; они потеряли большую часть своихъ владѣній и то, что еще сохраняли, уже превращалось въ помѣстья, данныя отъ польской короны. Въ 1511 году они вообразили, что поступили по глубокомъ политическомъ соображеніи избравъ въ гросмейстеры Альберта Брандебургскаго. Это избраніе ускорило ихъ паденіе. Они надѣялись, что Альбертъ будетъ имѣть довольно вліянія для возвращенія имъ польскихъ завоеваній, но обманулись: Альбертъ думалъ только о выгодахъ своего дома. Онъ принялъ ученіе реформаціи и преобразовалъ владѣнія ордена въ наслѣдственное герцогство, которое сдѣлалось основаніемъ прусской монархіи. Большая часть рыцарей послѣдовали примѣру гросмейстера и также оставили католическое исповѣданіе. Небольшое число тѣхъ, которые остались ему

Digitized by Google

вѣрны, переселились въ германскія помѣстья ордена и жили тамъ въ безвѣстности, сравнительно съ прежнимъ своимъ состояніемъ, покуда Наполеонъ не уничтожилъ ордена тевтонскихъ рыцарей, отдавъ ихъ земли тѣмъ нѣмецкимъ князьямъ, которыхъ хотѣлъ обогатить безъ ущерба себѣ.

Владѣнія ордена въ Ливоніи продолжали управляться *провинціальнымъ мейстеромъ*, который съ немногими нѣмецкими рыцарями забралъ въ свои руки почти всю поземельную собственность и привелъ жителей въ состояніе рабовъ. Россія, покоривъ себѣ эти области, въ послѣдствіи уничтожила рабство. Но обычаи, освященные многими вѣками, сильнѣе всякихъ законовъ: поземельная собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ вся власть и вліяніе остались въ рукахъ потомковъ дворянъ и рыцарей, первыхъ завоевателей Ливоніи.

Въ одно время съ этими завоевателями и другіе нѣмецкіе искатели приключеній поселились на берегахъ Балтійскаго Моря. Въ 1158 году, нѣсколько бременскихъ купцовъ, отправляясь въ Висби, небольшой портъ на Островѣ Готландѣ, были застигнуты бурею, которая сбила ихъ съ пути и загнала въ Рижскій Заливъ. Они вошли въ устье Двины и ступили на берегъ Лифляндіи. Просвѣщенная Европа знала въ то время объ этихъ краяхъ столько же, сколько о красныхъ Индѣйцахъ. Бременцы начали съ того, что пріобрѣли отъ туземцевъ небольшой островокъ въ устьѣ рѣки. Тутъ они построили укрѣпленіе. Вскорѣ потомъ они заняли и небольшой клочекъ земли на твердомъ берегу. Туземцы, не даромъ встревоженные, попытались – было освободиться отъ опасныхъ сосѣдей. Поздно! Смѣтливые гости слишкомъ хорошо поняли, какія коммерческія выгоды могли извлечь изъ этого новаго поселенія. Они употребили и хитрость и насиліе для совершеннаго порабощенія себѣ народа, который оказалъ имъ гостепріимство. Просимъ за это не судить ихъ слишкомъ строго: они поступили не только въ духѣ своего варварскаго времени, но и совершенно такъ же, какъ новѣйшіе народы поступаютъ съ дикаря-

Digitized by Google

ми американскими и океанійскими. Они не истребили Эстонцевъ: они только поработили ихъ и, въ вознагражденіе за отнятыя земли, принесли имъ благодѣянія Христовой вѣры. Не удивительно, что усилія этихъ проповѣдниковъ были долгое время безплодны: туземцы оставались вѣрны своимъ идоламъ, какъ послѣднему наслѣдію отъ предковъ. Вѣроятно, они скорѣе обратились бы къ ученію Евангелія, если бы бременскіе купцы и братья меча употребляли къ тому средства менѣе насильственныя.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, по имени Мейнгардъ, сталъ первымъ епископомъ ливонскимъ. Наслѣдниками его были Бертольдъ, потомъ Альбертъ. Всѣ трое показали много искусства и мужества, но самымъ замѣчательнымъ по предпріимчивости былъ Альбертъ. Онъ, въ 1200 году, заложилъ городъ Ригу, въ двухъ нѣмецкихъ миляхъ отъ устья Двины. Около того же времени онъ основалъ орденъ «братства меча», который постепенно завладѣлъ всею Ливоніей и, болѣе страхомъ чѣмъ убѣжденіемъ, привелъ къ христіанству множество язычниковъ Лифовъ и Леттовъ.

Вотъ исторія поселенія Нѣмцевъ въ этихъ областяхъ. Потомки сохранили, что завѣщали имъ предки. Дворяне и мѣщане остались Нѣмцами по языку и нравамъ; крестьяне принадлежатъ къ первобытному племени. Два или три дворянскихъ семейства, правда, ведутъ свой родъ отъ древнихъ владыкъ и начальниковъ, господствовавшихъ въ той землѣ до прибытія Нѣмцевъ, но члены этихъ семействъ сами превратились въ настоящихъ Нѣмцевъ, и только одни имена ихъ напоминаютъ особое происхожденіе.

Первые рижскіе епископы, кажется, пользовались неограниченною властію, которой никто у нихъ не оспаривалъ, но преемники ихъ уже принуждены были уступить кое-что. Они утратили свое вліяніе на мѣщанство городовъ и на орденъ, основанный Альбертомъ. Мѣщане завели у себя муниципальное правленіе, по примѣру Бремена, а рыцари избрали себѣ гросмейстера, котораго облекли властію, совершенно независимою отъ власти епископской. Епископы съ своей стороны, стараясь возстановить свое утраченное

Digitized by Google

значеніе, выпросили себѣ у папъ титулъ архіепископскій; но и тутъ рыцари не захотѣли оказывать имъ большаго уваженія и покорности. Весь этотъ періодъ ливонской исторіи наполненъ спорами ордена съ намѣстникомъ папы. Рижское мѣщанство почти всегда принимало сторону епископа, но рыцари, владѣя крѣпкими замками и бо̀льшею частію земли, легко побѣждали этихъ безсильныхъ союзниковъ.

Тѣмъ не менѣе однако жъ Рига имѣла свою армію и своихъ консуловъ, которые не одинъ разъ воевали съ рыцарями. Мѣщане, для защиты своей, основали также ордена и военныя братства, которымъ дворянство всегда оказывало пренебреженіе и презрѣніе, но не смотря на это и на частыя неудачи въ стычкахъ, мѣщане умѣли сохранить свои муниципальныя права. Рига и до-сихъ-поръ управляется своими древними законами, хотя находилась уже цѣлое столѣтіе подъ господствомъ Швеціи, и теперь уже сто-тридцать-два года принадлежитъ Россіи. Когда, въ 1710 году, Петръ Великій взялъ городъ на капитуляцію, онъ предоставилъ имъ эту исключительную привилегію.

Видъ Риги, подобно многимъ нѣмецкимъ городамъ, представляетъ безтолковую груду высокихъ домовъ и узкихъ, кривыхъ, неровныхъ улицъ. Все населеніе сдавлено на пространствѣ, которое не имѣетъ и одной версты въ поперечникѣ. За исключеніемъ двухъ кварталовъ, нѣсколько болѣе просторныхъ, даже солнечные лучи не проникаютъ въ городъ. Есть улицы, въ которыхъ солнца вовсе не видывали, и оттого тамъ дышешь словно въ подземельѣ. Можно вообразить, что этотъ запутанный лабиринтъ улицъ и переулковъ вырубленъ въ горѣ. Домы построены прочно: каждый изъ нихъ служилъ обиталищемъ нѣсколькимъ поколѣніямъ, и все, что̀ тамъ представляется глазамъ, имѣетъ видъ почтенной древности. Есть даже мѣщанскія семейства, которыя помнятъ своихъ предковъ временъ Мейнгарда. Древняя ратуша, съ своимъ балкономъ на фасадѣ, все еще стоитъ. Съ этого балкона ежегодно, въ день Святаго Михаила, послѣ обѣдни, старшій секретарь, въ присутствіи бургомистра, сената и всѣхъ властей читаетъ народу Bauurspake или Сводъ Законовъ.

Digitized by Google

Предмѣстія представляютъ разительную противоположность съ городомъ. Домы, улицы, населеніе, языкъ, все другое. Вышедши за ворота массивныхъ укрѣпленій, воображаешь себя перенесеннымъ изъ Германіи среднихъ вѣковъ въ чисто-русскій губернскій городъ нынѣшняго времени. Улицы широкія, безконечныя; домы большею частію деревянные, выкрашенные желтою или бѣлою краскою, съ зеленою или красною крышей, съ множествомъ столбовъ; что даетъ имъ довольно важную наружность; но внутреннее удобство обыкновенно мало соотвѣтствуетъ этой наружности. Населеніе этихъ предмѣстьевъ почти исключительно состоитъ изъ Русскихъ. Между-ними есть ремесленники, но большая часть купцы, которые имѣютъ повѣренныхъ во всѣхъ губерніяхъ, и сами служатъ коммиссіонерами мѣстнымъ нѣмецкимъ торговымъ домамъ. Многіе изъ нихъ пришли въ Ригу съ пустыми руками, а теперь ворочаютъ милліонами. Населеніе предмѣстій съ каждымъ годомъ увеличивается, а населеніе самаго города, напротивъ, уменьшается, потому-что въ первыя прибываютъ русскіе купцы и ремесленники, а изъ другаго Нѣмцы, — дворяне по службѣ, а мѣщане изъ личныхъ выгодъ, — часто переселяются въ другіе города имперіи, особенно въ Петербургъ.

Мы сказали, что въ эпоху рыцарства, рижское мѣщанство, по примѣру другихъ городовъ, учредили для своей защиты военныя братства, изъ которыхъ иные существуютъ до-сихъ-поръ, и между-прочимъ братство Черноголовыхъ. Нѣкогда грозное, какъ и показываетъ его имя, это общество наконецъ превратилось въ родъ вакхическаго клуба. Черноголовые, какъ и всѣ военныя братства, должны были давать обѣтъ въ безбрачной жизни, но не навсегда. Обязанностію ихъ было отражать всѣхъ внѣшнихъ непріятелей. Въ мирное время эти храбрые воины часто нарушали общественное спокойствіе своими подвигами, и чуть гдѣ завяжется ссора, — которая въ тѣ времена обыкновенно оканчивалась кровопролитіемъ, — то Черноголовые всегда первые тутъ, и играютъ первыя роли. Во время рыцарства во всѣхъ остзейскихъ городахъ были братства Черноголовыхъ; нынче же эти общества существуютъ только въ Ригѣ и Ревелѣ, и состоятъ изъ мо-

Digitized by Google

людежи, которая собирается для различія невинныхъ удовольствій застольныхъ, то есть, обѣдаютъ, пьютъ и храбро поражаютъ другъ друга на полѣ бостона и виста. Однимъ словомъ, военное братство Черноголовыхъ превратилось въ обыкновенный *биргеръ-клубъ*. Однако жъ оно до-сихъ-поръ сохранило свое названіе, и при всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ и церемоніяхъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, какъ общество, правильно установленное правительствомъ.

Изъ всѣхъ прибалтійскихъ торговыхъ городовъ Рига, безъ сомнѣнія, древнѣйшій. Итогъ его ввоза и вывоза превосходитъ итоги всѣхъ русскихъ портовъ, исключая петербургскаго. Надобно замѣтить еще, что этотъ городъ много обязанъ процвѣтаніемъ своей торговли и самому своему положенію: онъ стоитъ при устьѣ большой рѣки, которая, со своими притоками, представляетъ естественное водяное сообщеніе со внутренностью имперіи на многія тысячи верстъ. Главнѣйшіе предметы вывоза состоятъ изъ хлѣба, льна, пеньки, сала и строеваго лѣса. Климатъ мало способствуетъ произрастанію пшеницы, но рожь тамошняя пѣнится высоко. Такъ же и пенька. Городское начальство старается сохранить добрую славу этихъ произведеній, не позволяя выставлять на рынокъ товару дурнаго качества. Для этого содержатъ особое сословіе, извѣстное подъ именемъ *браковщиковъ*, которые обязаны осмотрѣть всякую кипу льна и пеньки до поступленія ихъ въ продажу.

Строевой лѣсъ въ теченіи многихъ вѣковъ уже составляетъ важную статью вывоза въ рижской торговлѣ. Обширные лѣса Волынской и другихъ губерній, омываемыхъ притоками Двины, до-сихъ-поръ почти нисколько не бѣднѣютъ; они понынѣ снабжаютъ Англію и Голландію сосновымъ и еловымъ лѣсомъ лучшаго качества, какого нельзя добыть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

Рига большею частію торгуетъ съ Англіей: три пятыхъ доли вывоза назначаются въ англійскіе порты, и изъ полуторы тысячи иностранныхъ судовъ, входящихъ ежегодно въ рижскую гавань, болѣе половины носятъ британскій флагъ.

Digitized by Google

Взглянемъ теперь на народные рижскіе праздники, весьма любопытные по своей древности. Главнѣйшіе изъ нихъ Праздникъ Цвѣтовъ и Праздникъ Голода. Первый изъ нихъ празднуется въ Ивановъ день, 24 Іюня, но тутъ чествуется собственно не Святой Іоаннъ, потому-что этотъ день праздновали Литы и Латты гораздо прежде нежели знали о существованіи святыхъ, то есть, еще въ язычествѣ. Это былъ праздникъ удовольствія, весны и цвѣтовъ Лиго (Ligho). Весь народъ наряжался, украшалъ себя и все окружающее цвѣтами, собирался на берегахъ озеръ и рѣкъ, и тамъ приносилъ жертвы, потомъ проводилъ цѣлую ночь въ пѣсняхъ и плескѣ. Это продолжается и нынче; вся разница въ томъ, что послѣ переименованія языческаго праздника Лиго въ христіанскій Ивановъ день, народъ уже не приноситъ жертвъ. Однако жъ и самое имя Лиго не совсѣмъ исчезло: въ пѣсняхъ, которыя поются въ этотъ день, оно попадается часто рядомъ съ именемъ святаго, называемаго въ такомъ случаѣ обыкновенно Ваней. Крики «Ваня! Лиго! Ваня, Лиго!» служатъ въ эту ночь лозунгомъ веселья. Старые и молодые, дворяне, мѣщанки и крестьяне, всѣ предаются шумному восторгу и бѣснованію удовольствія. Домы, даже скотныя, украшены гирляндами цвѣтовъ и зелеными вѣтвями. Въ жилищахъ полы, лѣстницы, крыльца и дворы засыпаны листьями; плеска, пѣсни и угощенія начинаются съ утра и продолжаются до другаго утра. Крестьяне изъ окрестностей, часто довольно издалека, въ этотъ день съѣзжаются въ городъ съ возами цвѣтовъ и зелени, и этотъ торгъ представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ картинъ праздника. Роза, цвѣтущая въ эту пору въ обиліи, играетъ первую роль. Разсчитывали, что нѣкоторые подгородные садовники продавали ихъ въ этотъ день до четырехъ тысячъ. Вечеромъ весь городъ бываетъ иллюминованъ; толпы молодыхъ людей ходятъ по улицамъ съ пѣснями; лодки съ пѣсельниками и музыкой снуютъ по величественной Двинѣ.

Праздникъ Голода, справляютъ въ Августѣ. Онъ по преданію, учрежденъ въ память продолжительной осады, во время которой жители Риги терпѣли жестокій голодъ. Праздникъ этотъ дается въ пользу бѣдныхъ, которыхъ кормятъ и угощаютъ на счетъ города. Съ того времени

Digitized by Google

какъ увеличивалось въ предмѣстіяхъ Риги число русскихъ обывателей, этотъ праздникъ тоже смѣшался съ другимъ церковнымъ, именно съ днемъ Спаса Преображенія.

Не вдалекѣ отъ устья Двины, почти по серединѣ Рижскаго Залива, есть не большой островъ Роуно. Почти на всѣхъ островахъ какъ и на твердой землѣ Ливоніи и Эстоніи туземцы были крѣпостными рабами своихъ нѣмецкихъ завоевателей, но на Островѣ Роуно никогда не бывало ни господъ ни крѣпостныхъ, ни дворянъ ни крестьянъ: они всѣ совершенно равны между собою. Единственныя правительственныя лица у нихъ лютеранскій пасторъ и мирный судья. Жители этого острова очевидно принадлежатъ къ скандинавскому племени: они говорятъ по-шведски. Но никакое преданіе, никакой памятникъ не показываетъ времени ихъ пришествія. Надобно полагать, что это случилось очень давно, за нѣсколько вѣковъ. Но когда именно это племя пришло, какимъ образомъ оно сохранило свою самостоятельность, не смѣшалось съ Ливонцами, и отчего Островъ Роуно не возбудилъ алчности побѣдителей, наводнившихъ сосѣднія провинціи? Вотъ вопросы, которые доселѣ еще не разрѣшены.

Вокругъ острова простираются обширныя песчаныя мели, гдѣ ловится большая часть рыбы, потребляемой въ Ригѣ. Для островитянъ, лѣтняя ловля дѣло второстепенное: главный промыселъ у нихъ производится зимой. Съ Октября мѣсяца Рижскій Заливъ покрывается плавучими льдинами, которыя не могутъ уйти въ открытое море, будучи удерживаемы грядою острововъ, которые замыкаютъ выходъ залива. Между-тѣмъ изъ Двины наплываетъ все болѣе и болѣе льду, наконецъ морозъ скрѣпляетъ всѣ эти плавучія глыбы и образуетъ обширную ледяную пустыню, въ которой, мѣстами, полыньи проглядываютъ какъ-бы небольшія озера или пруды. Въ этихъ полыньяхъ и на краю ледяной коры, покрывающей заливъ, въ открытомъ морѣ, производится самый обильный ловъ, а время самое выгодное — когда солнце, не растопляя льда, начинаетъ немножко пригрѣвать. Роуноскіе рыбаки ждутъ этой поры: тутъ они пускаются въ экспедицію, которая для нихъ чрезвычайно важна, потому-что отъ успѣха ея зависятъ

Digitized by Google

всѣ ихъ годовое существованіе. Они отправляются на промыселъ въ саняхъ и съ челнами на два мѣсяца, берутъ съ собою провизію и торжественно прощаются съ женами и дѣтьми, какъ люди, которымъ можетъ-статься не суждено возвратиться изъ опаснаго путешествія, въ которомъ приходится бороться съ холодомъ, голодомъ и бурями; въ которомъ дорога,—неровный и невѣрный ледяной помостъ,—ежеминутно можетъ измѣнически проломиться подъ ногами и поглотить отважнаго промышленника.

Они сами дѣлаютъ всѣ свои рыболовныя орудія и даже ружья для охоты за дичью. Занимаясь съ малыхъ лѣтъ и во всю жизнь свою только этими двумя промыслами, они, естественно пріобрѣтаютъ необыкновенную ловкость и мѣткость, такъ что, напримѣръ, дать промахъ при ловлѣ большой рыбы посредствомъ остроговъ и потерять даромъ выстрѣлъ почитается величайшимъ стыдомъ. На рыбную ловлю они обыкновенно отправляются большими артелями и дѣлятъ потомъ всю добычу по ровну. Когда артель возвращается съ промысла и только-что покажется въ дали, оставшіеся дома старики, жены и дѣти собираются на берегу и привѣтствуютъ ихъ ружейными выстрѣлами и радостными кликами. Потомъ, по окончаніи дѣлежа добычи, всѣ пируютъ и веселятся вмѣстѣ, празднуя счастливое возвращеніе

Преступленія на Островѣ Роуно чрезвычайно рѣдки. Если же какое случится, то виновнаго тотчасъ сдаютъ властямъ города Риги и тамъ уже его судятъ какъ хотятъ. Единственное судебное наказаніе, которому островитяне подвергаютъ своихъ провинившихся собратовъ, состоитъ въ изгнаніи съ острова. Если они не довольны поведеніемъ кого-нибудь изъ своихъ, напримѣръ буяна, пьяницы или лѣнивца, и если онъ не исправится по увѣщанію родственниковъ и пастора, то мірская сходка рѣшаетъ изгнать его, какъ негоднаго члена общества. Его сажаютъ въ лодку, привозятъ на сосѣдній материкъ и пускаютъ на всѣ четыре стороны, но на Островъ Роуно онъ уже не смѣетъ возвратиться никогда. Вообще жители въ физическомъ и нравственномъ отношеніи гораздо выше лифляндскихъ и

Digitized by Google

эстляндскихъ крестьянъ. На островѣ есть даже школа; всѣ дѣти учатся шведской грамотѣ.

Города Рига, Ревель, Дерптъ, Перновъ, Митава и Либава имѣютъ каждый по журналу; есть еще шесть или семь литературныхъ сборниковъ, изъ которыхъ значительнѣйшій, подъ заглавіемъ Das Inland, издается въ Дерптѣ.

НОВОЕ, УДИВИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ О РУССКИХЪ СТЕПЯХЪ. Трудно повѣрить, какъ еще мало иностранцы знакомы съ нашимъ отечествомъ, и какія забавныя сужденія печатаются за границей о Россіи. Вотъ, напримѣръ, статья, напечатанная въ одномъ изъ *ученыхъ* французскихъ журналовъ, извлеченная изъ записокъ анжерскаго королевскаго общества. Заглавіе этой статьи: les Steppes de la Russie. (Степи Россіи). Мы нарочно перевели ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Не угодно ли ею полюбоваться.

«Степь, то есть плодоносная пустыня, покрытая стадами, которая простирается отъ Китая до Одессы, и отъ Ледовитаго Моря до Тибета, занимаетъ большую часть Европы и всю сѣверную часть Азіи. Она питаетъ безчисленное множество народовъ, которые находятся всѣ болѣе или менѣе подъ господствомъ двухъ великихъ племенъ: *Славянъ* (Slaves) или людей *славныхъ*, (les hommes glorieux) и Татаръ, прозванныхъ Монголами или *смѣлыми*, *могущественными*. (Не дурно! Продолжайте, господинъ авторъ!) Хотя это послѣднее племя владычествуетъ отъ Пекина до *Добруджа* (Dobraudja) болгарскаго, за нѣсколько верстъ отъ Стамбула, оно, послѣ арабскаго племени, есть народъ наименѣе извѣстный на всемъ земномъ шарѣ. (Хорошо!) Исторія его чужда для всѣхъ Европейцевъ. Въ одномъ только городѣ Петербургѣ находятся библіотеки и особливые институты, для изученія этихъ народовъ. (Очень хорошо! Дѣйствительно въ Россіи есть городъ, называемый Петербургомъ.) На счетъ ихъ нарѣчій, ихъ законовъ, ихъ богослуженія, одни ученые русскіе имѣютъ право судить, но не рѣшаются произнести еще окончательнаго заключенія: составляютъ ли Турки, которые встрѣчаются отъ Сибири до горъ Ливанскихъ, одно и то же племя съ Татарами Монголами, или эти оба названія означаютъ два коренныхъ народа. Можно

Digitized by Google

утвердительно сказать, что во всѣхъ случаяхъ эти народы были постоянно родственны, болѣе или менѣе слиты одинъ съ другимъ, и что великое племя славянское, (slavone), которое простирается до осьмидесяти милліоновъ душъ, имѣетъ съ племенемъ татарскимъ множество сходныхъ чертъ, тѣмъ ощутительнѣйшихъ, чѣмъ выше поднимаешься къ его колыбели, такъ-что къ древней Скиѳіи, нельзя почти различить настоящіе народы славянскіе отъ племенъ татарскихъ. По этому, нельзя удивляться, находя столько элементовъ монгольскихъ въ языкѣ и національности Русскихъ. (Безподобно!) Народъ, необходимо политическій, Татары производили почти всѣ военные перевороты, которые колебали восточныя имперіи; оттого-то въ характерѣ нынѣшнихъ преемниковъ ихъ, Русскихъ, находится такая сильная потребность завоеваній, что, если правительства европейскія не предпримутъ наконецъ въ отношеніи къ восточнымъ народамъ политику болѣе человѣчественную (humaine), то Русскіе скоро сдѣлаются владычествующимъ народомъ надъ всѣми Славянами и Татарами, то есть, надъ половиной Азіи и четвертью Европы. (Превосходно! Вы только поздно спохватились, господинъ авторъ!)

«Всегда пастушескій, часто кочующій, этотъ скиѳскій востокъ составляетъ совершенную противоположность съ востокомъ земледѣльческимъ и купеческимъ, который разширился въ особенности въ странахъ южныхъ. Этому востоку кастъ и іерархіи востокъ пастушескій противополагаетъ съ начала міра дикую степную свободу. Мало способные къ іерархическому порядку, ведя жизнь поколѣніями или семействами, находящимися подъ властію избранныхъ ими начальниковъ, Татары оттого склонны къ жизни общественной и публичной. (Совершенно справедливо! Въ Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ очень много Татаръ, которые любятъ общественную и публичную жизнь. Но-этому они преимущественно любятъ опредѣляться въ кучера и дворники.) И такъ набожный, ѳеократическій востокъ, который однимъ лишь священникамъ предоставляетъ совершенную власть законодательства, (Господи Боже мой!) имѣлъ во всѣ времена на Сѣверѣ, какъ Славяне на Югѣ, племена *Ускоковъ*, противоборствующихъ духовенству,

Digitized by Google

которые наиболѣе выражаются въ магометанствѣ, этомъ законѣ пастушескихъ народовъ, и которые, находясь нынѣ въ упадкѣ, передаютъ Россіи свое жизненное начало.»

Отъ Ускоковъ Россія получаетъ жизненное начало! И все это пишутъ объ Россіи не-шутя, иностранные ученые!

ЧАШКА БУЛЬОНУ ВЪ 500 ФРАНКОВЪ. Въ одномъ небольшомъ городкѣ южныхъ департаментовъ Франціи, наслѣдникъ французскаго престола, принцъ Орлеанскій,— который скончался нынѣшнимъ лѣтомъ отъ паденія изъ экипажа,— остановился въ трактирѣ самой бѣдной наружности, и попросилъ себѣ бульону. Трактирщикъ, узнавъ званіе своего неожиданнаго посѣтителя, хотѣлъ воспользоваться случаемъ и назначилъ цѣну за бульонъ въ пятьсотъ франковъ.

Принцъ замѣтилъ слегка, что такая цѣна ему кажется немного высокою, и велѣлъ пригласить къ себѣ мера того города. Меръ немедленно явился къ наслѣднику престола, который встрѣтилъ его словами: «Я очень радъ, господинъ меръ, что нечаянное обстоятельство доставило мнѣ случай подать помощь бѣднымъ вашего округа. Вотъ тысяча франковъ, которую я вамъ вручаю, для раздачи имъ, съ одною лишь просьбою: заплатить за мой бульонъ.»

За бульонъ меръ заплатилъ пять франковъ, и бѣдные воспользовались жадностію своего негостепріимнаго земляка.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ДѢЙСТВІЕ ГРОМА. Господинъ Дюранти, сообщилъ въ парижскую академію наукъ нѣсколько подробностей, о необыкновенныхъ дѣйствіяхъ громоваго удара. Молнія ударила въ колокольню церкви святаго Лаврентія, десятаго Августа, въ одиннадцать часовъ утра, въ то время, когда въ церкви находилось до четырехъ-сотъ человѣкъ. Предшествуемая слабымъ ударомъ грома, она пробѣжала въ разныхъ направленіяхъ по церкви, прежде, чѣмъ грянулъ сильный ударъ. Около тридцати человѣкъ были легко ранены; несравненно бо́льшее число людей уронены. Церковь наполнилась темнымъ дымомъ, который имѣлъ силь-

Digitized by Google

ный запахъ пороха. У многихъ подошвы отъ башмаковъ совершенно оторвались, и гвоздики изъ нихъ были вырваны, но тѣ, съ которыми это произошло, не почувствовали ни малѣйшей боли. У одного человѣка обожжены руки, начиная отъ плечъ до локтей, не смотря на то, что на немъ были двѣ шерстяныя фуфайки, надѣтыя, одна на тѣлѣ, другая сверхъ рубашки. Фуфайки были во многихъ мѣстахъ прорваны, безъ всякаго слѣда горѣнія; рубашка же осталась совершенно неповрежденною.

Шаль на одной женщинѣ, находившейся на противоположной сторонѣ церкви, была прорвана крестообразно въ осьми мѣстахъ, также безъ признаковъ горѣнія и безъ малѣйшаго измѣненія цвѣта шали; однако жъ на тѣлѣ женщины осталась полоса, отъ головы до ногъ, какъ-будто бы по кожѣ проведено было горячимъ желѣзомъ.

КИТЪ РѢДКОЙ ПОРОДЫ. Недавно, матросы одного норвежскаго корабля убили близъ береговъ Кальвадоса, кита въ двадцать-восемь футовъ длины, и вытащили его на отмель. Думаютъ, что это *Гиперодонъ*, родъ китовъ, еще очень мало извѣстный. Впрочемъ года два или три назадъ, поймано нѣсколько китовъ этого рода въ Ламаншскомъ Проливѣ. Въ брюссельскомъ, лильскомъ и каэнскомъ музеяхъ находятся скелеты этой любопытной породы китовъ, которую Кювье зналъ только по черепу, описанному знаменитымъ англійскимъ натуралистомъ Гунтеромъ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОРОДЪ. По разсказамъ природныхъ жителей Мексики, въ тамошней провинціи, называемой Вера-Пацъ, которая почти вся покрыта непроходимыми горами и лѣсами, существуетъ древній городъ, куда не проникалъ еще ни одинъ Европеецъ. Онъ построенъ въ глубокой долинѣ, между горъ. Даже Американцы, живущіе нынче въ окрестныхъ мѣстахъ, видали этотъ городъ только издали. Они уважаютъ его независимость. Сношенія этого города съ сосѣдственными жителями ограничиваются тѣмъ, что изрѣдка, въ извѣстное время, приходитъ оттуда тайно вѣрный посланникъ, для покупки нужныхъ для города товаровъ. Тамошніе жители, совершенно отчужденные

Digitized by Google

отъ всего ихъ окружающаго, строго хранить свои древніе обычаи, образъ жизни и вѣру. Этотъ таинственный городъ остался неизвѣстнымъ и неприкосновеннымъ изъ всѣхъ городовъ, которыми овладѣли европейскіе завоеватели Новаго Свѣта.

ИСПОЛИНСКАЯ, ТЫСЯЧЕЛѢТНЯЯ ЛИПА. Въ *Eclaireur de Namur* пишутъ, что въ Бельгіи близъ Намюра растетъ древняя липа, которая по народному преданію посажена была во времена Карла Великаго. По-этому ей должно быть болѣе тысячи лѣтъ, такъ-какъ Карлъ Великій умеръ двадцать осьмаго Января вѣремь-сотъ четырнадцатаго года. Въ стволѣ ея образовалось обширное дупло; но не смотря на это огромныя ея вѣтви еще свѣжи и ежегодно покрываются густыми листьями. На три фута отъ земли окружность ствола ея составляетъ тридцать парижскихъ футовъ. Въ дуплѣ могутъ удобно стоять тридцать человѣкъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Роскошное русское изданіе, подъ заглавіемъ: *Наши*, подвигается впередъ. Въ послѣднемъ двѣнадцатомъ выпускѣ помѣщена статья Няня, сочиненіе . . . . вой. Вскорѣ будутъ изданы, *Уральскій казакъ*, сочиненіе В. И. Даля, котораго блестящій талантъ извѣстенъ всѣмъ любителямъ отечественной литературы, *Знахарь*, сочиненіе Основьяненко, *Дачники*, сочиненіе Башуцкаго, *Извощикъ*, сочиненіе * * *.

Исторія Петра Великаго, съ пятью-стами оригинальныхъ рисунковъ, благодаря стараніямъ издателей, также подвигается къ концу. Рисунки все болѣе и болѣе улучшаются.

Digitized by Google

Digitized by Google

2735

Digitized by Google

Digitized by Google